ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2016. № 408. Июль

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2016. № 408. July

Томский государственный университет
2016

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.С. Янушкевич,
д-р филол. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Aleksandr S. Yanushkevich,
Doctor of Philology, Professor

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 408 Июль 2016

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Воронина Л.П. Экспрессивные смыслы диминутивов в текстах В.М. Шукшина 5
Долганина (Плотникова) А.А., Казакова О.А. Специфика воплощения концепта в речевом жанре «интернет-миниатюра» (на примере концепта «любовь») 11
Курган М.Г. Концепт «итальянское» в перцепции Ф.М. Достоевского 20

ИСТОРИЯ

Аноп А.Ф. Обсуждение проблем ближневосточной политики в английской прессе в 1922 г. 28
Артеев С.П. Международная деятельность субъектов Российской Федерации в 1990-е гг.: роль нормативно-правовых регуляторов (на примере Республики Коми) 35
Башкуев В.Ю. Роль медицины в советско-монгольских отношениях в 1920-е гг. 42
Беликова О.Б. Сибирский педагог и библиограф М.А. Слободский (1874–1937) 49
Гашкова О.С. Деятельность лаборатории почтовой связи Томской области в 1983–1991 гг. 60
Грик Н.А. Рекламные объявления в томской губернской газете «Красное знамя» в 1921–1925 гг. и восстановление товарно-денежных отношений 66
Карпов В.П., Комгорт М.В. «Сочтёмся славой»: Томск и Тюмень в нефтегазовой сибириаде 1950–1980-х гг. 72
Кочнев А.В. Проблемы торгово-экономических взаимоотношений Российской империи в начале XVIII в. со странами Средней Азии «в Бухарию и в прочие города или провинции к ней принадлежащие, како ж в Хиву и другие места» 78
Кротт И.И. Развитие культурного овцеводства в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в 1905–1920-е гг. 85
Мананков А.В. Роль идей соратника В.И. Вернадского – Р.С. Ильина – в создании промышленной нефтегазоносности Западной Сибири 92
Маслова Е.К. Проблема определения научности междисциплинарных подходов в истории 99
Неверов А.В. Павел I в воспоминаниях современников: анализ отечественного мемуарного комплекса 103
Никитин Д.С. Индийский национальный конгресс и оппозиция разделу Бенгалии в парламенте Великобритании (1905–1911 гг.) 108
Перцев Д.М. Англосаксонские политии VI в.: вождество или государство? 111
Расколец В.В. Экспедиции Д.Ф. Котельникова и В.В. Сапожникова в Обскую губу (1919 г.) 117
Савельева А.С. Цветной металл тагарской культуры: история исследований состава сплавов на медной основе с 1960-х по 2000-е гг. 125
Синиченко В.В., Изаксон Р.А. Монгольский вопрос в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Иркутской области) 134

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 408 July 2016

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

PHILOLOGY

Voronina L.P. Expressive meanings of diminutives in texts of V.M. Shukshin 5
Dolganina (Plotnikova) A.A., Kazakova O.A. Features of conceptualization of love in the genre "online-miniature" 11
Kurgan M.G. The concept "Italian" in the perception of F.M. Dostoevsky 20

HISTORY

Anop A.F. The discussion of Near and Middle Eastern policy-making in the British press in 1922 28
Arteev S.P. International activities of subjects of the Russian Federation in the 1990s: the role of legal regulators (on example of the Komi Republic) 35
Bashkuev V.Yu. The role of medicine in the Soviet-Mongolian relations in the 1920s 42
Belikova O.B. Siberian pedagogue and bibliographer M.A. Slobodskiy (1874–1937) 49
Gashkova Olga S. The functioning of the postal laboratory in Tomsk Oblast in 1983–1991 60
Grik N.A. Advertisement in the Tomsk provincial newspaper *Krasnoe znamya* in 1921–1925 and exchange relationships recreation 66
Karpov V.P., Komgort M.V. "The glory for two": the petroleum Sibiriada of Tomsk and Tyumen. 1950s–1980s 72
Kochnev A.V. Problems of trade and economic relations between the Russian Empire and Central Asian countries in the beginning of the 18th century 78
Krott I.I. Development of sheep rearing at commercial farms of Western Siberia in 1905–1920s 85
Mananko v A.V. The role of the ideas of R.S. Ilyin, V.I. Vernadsky's associate, in the creation of industrial oil and gas potential of Western Siberia 92
Maslova E.K. The problem of determination of the scientific character of interdisciplinary approaches in history 99
Neverov A.V. Paul I in memoirs of contemporaries: analysis of the Russian memoir complex 103
Nikitin D.S. The Indian National Congress and the opposition to the partition of Bengal in the British Parliament (1905–1911) 108
Pertsev D.M. Anglo-Saxon polities of the sixth century: chiefdom or state? 111
Raskolets V.V. Expeditions of D. Kotelnikov and V. Sapozhnikov in the Ob Bay (1919) 117
Savelieva A.S. Non-ferrous metal of the Tagar culture: the history of the studies of copper-based alloy composition from 1960s to 2000s 125
Sinichenko V.V., Izakson R.A. The Mongolian problem during the First World War (based on materials of the State Archive of Irkutsk Oblast) 134

Стручкова А.В. Скифо-хуннские компоненты в ритуальных конструкциях и предметах бытового назначения из дерева у тюркоязычных народов Сибири ……..... 138
Томилов И.С. Русская православная церковь и законодательная политика самодержавия на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» в конце XIX – начале XX в. ……..... 145
Фоминых С.Ф., Степнов А.О., Литвинов А.В. Дом учёных в жизни научного сообщества г. Томска (1926–1941 гг.) ……..... 153
Хахалкина Е.В. Выбирая между Европейской армией и НАТО: инициативы британской дипломатии в сфере военно-политической интеграции в 1952–1954 гг. ……..... 162
Шипилина Г.В. Ликвидация неграмотности в сельской местности Томско-Нарымского Приобья в 1920-е гг. и ее итоги ……..... 168
Шушарина М.В. История формирования правовых основ современной научно-технологической политики Австралии 172
Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Воля и доля: сибирский фронтир как поиски рая ……..... 178

ПРАВО

Верховец Д.И. О понятии защиты прав кредитора по обязательству ……..... 188
Зайцев А.О. К вопросу об объективности и беспристрастности суда при принятии решения о заключении лица под стражу (международные стандарты и российская практика) 195
Терещенко Т.Г. Уголовно-правовая оценка умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего и отграничение от смежных составов ……... 202

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 207

Struchkova A.V. Scythian-Hunnish components of ritual structures and domestic items made of wood of the Turkic-speaking peoples of Siberia 138
Tomilov I.S. The Russian Orthodox church and the legislative policy of autocracy in *Tobolsk Diocesan Gazette* in the late 19th – early 20th centuries 145
Fominykh S.F., Stepnov A.O., Litvinov A.V. The House of Scientists in the life of the academic community of Tomsk (1926–1941) 153
Khakhalkina E.V. Between the European Army and the NATO: initiatives of British diplomacy in the sphere of military-political integration in 1952–1954 162
Shipilina G.V. Organization of efforts to eradicate illiteracy among peasantry of the Tomsk and Narym Ob territory in the 1920s 168
Shusharina M.V. The history of the legal foundations of modern science and technology policy in Australia 172
Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G. Will and fate: Siberian frontier as a search for paradise 178

LAW

Verkhovets D.I. On the concept of protection of the creditor's rights in obligations 188
Zaytsev A.O. On the objectivity and impartiality of the court in using detention (international standards and Russian practice) 195
Tsiareshchanka T.G. Criminal legal assessment of intended infliction of grievous bodily harm that entailed death of the victim by negligence, and delimitation of adjacent crimes 202

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS ……..... 207

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 5–10. DOI: 10.17223/15617793/408/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81’23

Л.П. Воронина

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СМЫСЛЫ ДИМИНУТИВОВ В ТЕКСТАХ В.М. ШУКШИНА

Рассматривается характерная особенность идиостиля В.М. Шукшина – использование элементов деривационной системы в качестве средства выражения прагматических смыслов, создания повышенной экспрессивности текста, стилевой разговорной маркированности. Представлены результаты анализа функционирования диминутивов в текстах автора: выявлен спектр выражаемых смыслов и функций, выделены темы, при раскрытии которых употребляются диминутивы; охарактеризованы условия и прагматический эффект функционально-смыслового взаимодействия диминутива с другими элементами текста.

Ключевые слова: диминутив; идиостиль; В.М. Шукшин; экспрессивность.

Одной из основных особенностей стиля произведений В.М. Шукшина является активное использование ресурса народно-разговорной речи. Писатель передает стихию разговорной речи с удивительным мастерством. Исследователи творчества писателя отмечают, что «язык В.М. Шукшина сыграл важную роль в развитии языка русской прозы второй половины XX века, в то же время отражая языковые процессы, характерные для художественной литературы 60-х, 70-х годов: опора на живую речь, борьба с канцелярскими, газетными, беллетристическими штампами» [1. С. 4].

Вторая яркая черта языка прозы В.М. Шукшина, определяющая неповторимое своеобразие его стиля, – высокий уровень эмоционально-экспрессивного фона и диалогического, и повествовательного текста. Известный исследователь языка произведений писателя В.Ф. Горн пишет: «Шукшин воссоздаёт живую разговорную речь с присущей ей образностью, экспрессией, естественностью» [2. С. 26]. Широкое использование диалектной и просторечной лексики, с помощью которой воссоздаётся своеобразная, красочная, живая речь – отличительная стилевая особенность рассказов В.М. Шукшина [3. С. 106].

Литературоведы отмечают очевидное преобладание диалога над повествованием и описанием в качестве основной характеристики рассказов В.М. Шукшина (Л.И. Василевская, В.Ф. Горн, М.А. Деминова, Г.В. Кукуева, А.А. Чувакин) [4]. Как указывается в энциклопедическом словаре-справочнике «Творчество В.М. Шукшина», диалог не только количественно преобладает в произведениях писателя, а помогает проникнуть внутрь характера [5]. Л.И. Василевская отмечает, что для рассказов В.М. Шукшина характерно взаимопроникновение повествовательных и диалоговых форм [6. С. 55], находящее отражение в том, что в текстах В.М. Шукшина стилевые особенности разговорной речи характерны не только для диалогов, но и для внутренней речи персонажей. Широкое и многообразное использование внутренней речи – неотъемлемая особенность творческой манеры талантливого мастера психологического анализа [Там же. С. 113].

Исследователи отмечают также закономерное проникновение стилевых особенностей разговорной речи и в авторское повествование. В.Ф. Горн пишет о неоднородности, свойственной авторскому повествованию в произведениях В.М. Шукшина, которая состоит в том, что в процессе «рассказывания» сталкиваются и взаимодействуют элементы речевых слоёв повествователя и персонажа. Тонкое понимание изображаемой жизни обусловливает привычное для сознания героя и самого писателя словоупотребление. [2. С. 28].

Таким образом, народно-разговорная стилистика речи, проявляющаяся в повышенной эмоциональности, экспрессивности, оценочности, свойственна всем типам речевых слоёв произведений писателя. Этот особый стилевой фон формируется взаимодействием языковых элементов всех уровней, среди которых значительное место занимает ресурс экспрессивного словообразования.

Как отмечалось выше, идиостиль писателя изучался многими лингвистами. Изучение диминутивных производных в произведениях В.М. Шукшина ранее не предпринималось. В данной статье мы рассматриваем одну из основных черт идиостиля писателя: использование элементов деривационной системы в качестве средства создания повышенной экспрессивности текста, стилевой разговорной маркированности. При этом выявляется своеобразие использования в стилеобразовании писателя ресурса диминутивного словообразования.

В ряду средств выражения повышенной экспрессивности в русском языке следует отметить обилие диминутивных суффиксов, которые придают производному существительному широкий спектр значений, что было выявлено и охарактеризовано в работах многих лингвистов (А. Вежбицкая [7], Е.А. Земская [8], Е.С. Кубрякова [9], З.И. Резанова [10], М.Н. Янценецкая [11], Р.В. Порядина [12], О.В. Нагель [13] и др.). Так, например, В.Н. Виноградова подчеркивает, что уменьшительные суффиксы «могут передавать ласкательность, презрительность, уничижительность, одобрение, иронию и т.п. часто в зависимости от ситуации высказывания» [14. С. 80].

Особенности использования В.М. Шукшиным стилевого ресурса диминутивного словообразования мы рассмотрим на примере производных с суффиксами *-ишк-*, *-онк-*, наиболее часто употребляемых писа-

телем. Анализ функционирования производных с данными суффиксами в текстах В.М. Шукшина мотивирован тем, что они системно обладают широким спектром семантических и прагматических смыслов, среди последних доминируют смыслы, свойственные разговорному стилю. По данным, представленным в «Русской грамматике», для суффикса *-ишк-* характерно пренебрежительное, уничижительное значение, для суффикса *-онк-* – уменьшительно-уничижительное значение [15. С. 208].

В статье представлен анализ условий функционирования производных с данными суффиксами в тексте: выявляется спектр выражаемых смыслов и стилевых функций, темы, при раскрытии которых употребляются диминутивы, условия и прагматический эффект функционально-смыслового взаимодействия диминутива с другими элементами текста.

З.И. Резанова в качестве одного из отличительных свойств диминутивного словообразования выделяет существенную зависимость реализации суффиксального значения от контекста и конситуации употребления, что интерпретируется автором в качестве характерологической особенности выражения прагматических смыслов в языке [10. С. 182].

В условиях воздействия элементов внешнего контекста актуализируются различные экспрессивные смыслы и коммуникативные функции диминутива. «Окончательный» смысл диминутива создаётся при включении в текст с определённым целостным смыслом, определённой синтаксической организацией. Конкретная реализация эмоционально-оценочных смыслов зависит от сочетания эмоциональной окрашенности, рационально-оценочных смыслов лексем ближайшего окружения и эмотивной направленности текста как целостной единицы [16. С. 198].

Анализ проводится на материале всего корпуса рассказов В.М. Шукшина 1960–1970-х гг. Проанализировав тексты писателя, выделяем 110 контекстов, в которых употребляются диминутивы с суффиксами *-ишк-, -онк-*.

В текстах В.М. Шукшина производные с суффиксами *–ишк-, -онк-* привносят стилевой акцент разговорности в построение тональности текста, создавая своеобразный прагматически насыщенный смысловой эффект. С помощью данных диминутивов передаются эмоциональные, экспрессивные, оценочные смыслы. Усилительное, экспрессивное значение может проявиться независимо от порождающего смысла «меньше нормы», выступая как средство интенсификации эмоционального отношения говорящего [17].

Диминутивные производные с суффиксами *-ишк-, -онк-* широко используются писателем в разговорной речи персонажей, во внутренней речи, а также в повествовательных фрагментах текста.

Изучив контексты функционирования диминутивных производных с суффиксами *-ишк-*, *-онк-*, мы выявили варианты актуализации уничижительного, пренебрежительного, одобрительно-снисходительного значения, а также разговорной стилевой маркированности.

1. Наиболее характерно использование диминутивов с суффиксами *-ишк-*, *-онк-* в текстах В.М. Шукшина для выражения **уничижительного значения**. В «Словаре русского языка» *уничижать* трактуется как «унижать, оскорбляя чьё-либо достоинство, или умаляя, принижая заслуги» [18. С. 498]. Из ста десяти контекстов в пятидесяти диминутивы употребляются с уничижительным значением, однако степень и характер данной общей эмоциональной оценки, выражаемой диминутивом, могут значительно меняться под влиянием контекста.

а) **Собственно уничижительное значение** диминутивных производных актуализируется, как правило, в диалогических контекстах, в составе оценочных речевых жанров, реализуемых персонажем в ситуациях выражения отрицательного отношения к безнравственным поступкам и недостойному поведению людей. Так, в рассказе «Лёля Селезнёва с факультета журналистики» диминутив в реплике одного из плотников служит средством усиления эмоции осуждения, выражаемой по отношению к Митьке Воронцову, который в чрезвычайной ситуации отказался остаться работать на ночь. Уничижительное значение диминутива выражается во взаимодействии с единицами ближайшего окружения, прежде всего усиливается значением устойчивого фразеологического выражения *«ни на грош»*, ироническим противопоставлением грамотности (образованности) и ума: *– Он шибко грамотный стал, – поддакнул один из плотников. – Вымахал с версту, а* ***умишка*** *ни на грош* [19. С. 113]. В рассказе «Чужие» диминутив *мужичонка* служит средством выражением уничижительного отношения героя к персонажу, которое вызвано безнравственным поступком. Герой рассказа дядя Емельян повествует о том, как у него украли на свадьбе хороший пиджак, который укравший вскоре вернул. Уничижительное значение диминутива интенсифицируется в сочетании с отчуждающе-уничижительным значением местоимения *«какая-то»*: *– <…> И чо ты думаешь? Через три дня приходит из Талицы* ***мужичонка****, какая-то родня её, бабе-то моей… С мешком. Пришёл, положил мешок в угол, а сам бух, на коленки передо мной* [20. С. 427].

Диминутив в рассказе «Раскас» представлен в письменной речи главного героя Ивана Петина, высказывающего своё мнение о том, как надо относиться к другим людям. Оценка действия, поступка, выраженная наречием *неправильно*, выступает в качестве контекстного актуализатора уничижительного значения диминутива: *бабёнка* означает «какая-то любая, не заслуживающая особого внимания женщина». Уничижительное значение диминутива усиливается также под влиянием эмоционального заряда лексем ближайшего окружения, прежде всего просторечного глагола *подсыпаться*, обозначающего «угодливо, льстиво обращаться к кому-либо, добиваясь чьего-л. расположения» [21. С. 208]: *А потому што это тоже неправильно: увидал* ***бабёнку*** *боле или мене ничего на мордочку и сразу подсыпаться к ней* [19. С. 333].

В контексте из рассказа «Операция Ефима Пьяных» диминутив *председателишко* используется во внутренней речи при размышлении героя, председателя колхоза, о своём поступке в больнице. Чтобы

избежать неприятной ситуации, связанной с предстоящей операцией, он повёл себя «несолидно» и презирает себя за это. Диминутив встроен в экспрессивную конструкцию в сочетании с местоимением *никакой,* прилагательным в превосходной степени *самый захудалый,* которые усиливают значение отрицательной оценки: *Дрова все равно пришлось бы доставить в больницу, ну так вот: прийти и самому навялить – это анекдот, так никакой самый захудалый* ***председателишко*** *не сделает* [19. С. 262].

б) В текстах В.М. Шукшина диминутивы употребляются также для выражения **псевдоуничижительного значения**. В таких контекстах намеренно уничижаются предметы, включённые в личную сферу говорящего, представляющие для него большую ценность. Эта особенность выделена в работах Г.В. Калиткиной [22] и Р.Н. Порядиной [23] в качестве важной функции диалектной речи, когда происходит коммуникативное снижение значимости предмета. З.И. Резановой отмечены случаи актуализации псевдоуничижительного значения производных с данными суффиксами в речи носителей литературного языка, в текстах художественной литературы. По мнению вышеназванных исследователей, говорящий использует диминутивы в разговорах о себе, своём окружении с целью отчуждения «своего» мира, чтобы не прогневать высшие силы, а снискать их благосклонность [Там же]. Актуализируя значение псевдоуничижительности, диминутив выступает как сильный текстовый компонент, поддерживающий выявление смыслового потенциала других элементов контекста. В.М. Шукшин как тонкий художник с помощью диминутивов отражает в своих произведениях эту особенность народной речи.

Рассмотрим использование диминутивов в контекстах из рассказов писателя для выражения псевдоуничижительности и выявим дополнительные языковые средства в лексическом окружении диминутивов. Данное значение, как правило, актуализируется в бытовых диалогах персонажей при выражении отношения к домашним животным, предметам быта, строениям, свойствам, включенным в личную сферу говорящего. Например, в рассказе «Как помирал старик» диминутив *скотинёшка* употребляется в речи Егора в доме старика, которого он пришёл проведать. Глагол несовершенного вида *попоить* в ближайшем контексте диминутива выражает значение ослабленной интенсивности и имеет разговорную стилевую маркированность. В разговоре со старым больным человеком говорящий намеренно принижает то, что относится к его личной сфере, придает смысл незначительности своему делу в данной ситуации, проявляя своеобразную форму вежливости: – *Ну, пойду я, дядя Степан, – сказал Егор.* – ***Скотинёшку*** *попоить да корма ей задать…* [19. С. 323]. В приведённом ниже контексте диминутив также обозначает домашнее животное, значимое для говорящего. Диминутив *коровёнка* употребляется героиней рассказа «Думы» в бытовой обстановке с целью намеренного уничижения и стилистически маркируется как разговорный: – ***Коровёнку*** *выгони завтра в стадо, я забыла сказать. Мы уговорились с бабами до свету за ягодами идти* [Там же. С. 311].

В рассказе «Из детских лет Ивана Попова» псевдоуничижительное значение имеют диминутивы *одежонка, постелишка*, сочетающиеся с местоимением *кой-какая* в отчуждающе-уничижительном значении. Их использует мать Ивана Попова в разговоре с человеком, у которого она с детьми остановилась в городе. Речь идёт о предметах, включённых в личную сферу героини, и в разговоре предполагается иная ценностная ориентация собеседника по отношению к вещам деревенских жителей. Диминутивы служат для выражения своеобразной формы вежливости, проявления заискивания перед важным для героини человеком: – *Заезжай, я покажу, куда ставить. Барахлато много? – Откуда!..* ***Одежонка*** *кой-какая да* ***постелишка*** [19. С. 365]. Такую же функцию намеренного отчуждения элементов «своего» мира в разговоре с городским человеком, имеющим другую систему ценностей, выполняют диминутивы в рассказе «Свояк Сергей Сергеевич». Герой Андрей Кочуганов использует лексему *дровишки* в разговоре с приехавшим к нему в гости свояком, который критикует жизнь в деревне. Глагол ограничительного способа действия *поколоть* в сочетании с диминутивом *дровишки* выражает значение ослабленной интенсивности «немного меньше нормы»: – *Пойду* ***дровишек*** *поколю.* ***Банёшку****-то надо, наверно, протопить? – Баню – это хорошо. У вас по-чёрному?* [Там же. С. 448].

в) **Уничижительное значение деминутива может сочетаться со значением снисходительности.** Такое функционирование этого типа диминутивов характерно для диалогов со знакомыми или случайными собеседниками, а также для авторского повествования. Значение реализуется, как правило, при образовании производных, называющих свойства человека, одежду, результаты интеллектуальной деятельности.

В контексте из рассказа «Беседы при ясной луне» лексемы *умишко, силёнки* употребляются героем стариком Баевым в разговоре с Марьей Селезнёвой, сторожившей сельмаг, актуализируя уничижительное значение с оттенком снисходительности. Из-за бессонницы Баев стал ходить к сторожихе, чтобы с ней разговаривать. Будучи незаметным человеком, Баев имеет о себе высокое мнение. Он считает, что всего достиг в жизни и пытается поучать и критиковать других. В контекстном окружении диминутива *умишко* наречие *едва-едва* привносит смысл «меньше нормы». В окружении диминутива *силёнки* ближайшие лексемы *до тридцати годов* актуализируют внутриконтекстный смысл «всего лишь», указывая на малый отрезок времени. То, что не соответствует норме, не заслуживает социального одобрения. Предикат *просадит в значении* «истратить» и другие контекстно близкие лексемы усиливают эмоциональные смыслы, выражаемые диминутивом: – *…А то ведь как: вот размахнулся на крестовый дом – широко жить собрался, а* ***умишка****, глядишь, – на пятистенок едва-едва. Просадит* ***силёнки*** *до тридцати годов, нашумит, наорётся, а дальше – пшик* [20. С. 137].

В приведённом ниже контексте из рассказа «Ночью в бойлерной» лексема *пальтишко*, выражая снис-

ходительно-уничижительный смысл, используется в функции косвенной референции, когда снисходительное отношение к герою переносится на его вещи, одежду: *Пилипенко не успел ответить, как в бойлерную влетел некто в шляпе, в лёгоньком* ***пальтишке****, с чемоданом. Бледный* [20. С. 407].

2. Пренебрежительное значение диминутивов с суффиксами *-ишк-, -онк-* используются В.М. Шукшиным прежде всего для выражения отношения к человеку. Это значение актуализируется в тридцати контекстах из ста десяти, как правило, в диалогах персонажей со знакомыми людьми, но также реализуется и в повествовании. Пренебрежительный смысл деминутивов подчёркивается лексемами ближайшего окружения, имеющими отрицательные коннотации. Например, в следующих двух контекстах пренебрежительное значение основано на отрицательном отношении повествователя к герою-сопернику, которое переносится на его профессию или должность. Диминутив *счетоводишка* используется в авторском повествовании. В контексте из рассказа «Стёпкина любовь» главный герой наблюдает в клубе, как колхозный счетовод, нахальный парень, пристаёт к понравившейся Стёпке девушке. Стёпка считает, что соперник недостоин девушки, выражает пренебрежение к сопернику, используя оценочную номинацию: *И не успел он глазом моргнуть, не успел подумать, чем всё это кончится, как* ***счетоводишка*** *ловко обнял девушку за плечи, чуть завалил на левую руку и поцеловал* [19. С. 39].

В рассказе «Классный водитель» с помощью лексемы *инженеришка* выражается пренебрежительное отношение к сопернику. Герой чувствует свое превосходство перед инженером, презирая интеллигентов: *– Посмотрим, кто кого сфотографирует, – сказал он и поправил фуражку. – Где он? – Кто? –* ***Инженеришка*** [Там же. С. 132]. В рассказе «Ночью в бойлерной» диминутив *должностишка* использует в разговоре Максимыч, который дежурит в ночную смену, с пришедшим к нему приятелем Пилипенко. В речи Пилипенко, расстроенного из-за своего увольнения с работы, диминутив в сочетании с местоимением *«какая-нибудь»* в отчуждающем значении служит средством выражения значения «нечто незначительное» по отношению к предполагаемой должности: *– Уволили, – сказал Пилипенко, – Дадут, конечно, какую-нибудь* ***должностишку****, но…* [20. С. 404].

Пренебрежительное отношение героя к окружающим его людям выражается не только в диалогах с друзьями, но и во внутренней речи героев, как в рассказе «Вечно недовольный Яковлев». Главный герой, по характеру человек недобрый, приехал в отпуск в родное село, где он чувствует себя чужим. Во внутренней речи героя с помощью диминутива выражается пренебрежительное отношение к односельчанам. В лексическом окружении используется предикаты *расплодилось, приткнуться*, имеющие разговорную маркированность и отрицательные оценочные коннотации: *Он смотрел и смотрел на* ***людишек****, особенно на молодых ребят и девушек… Сколько их расплодилось!* [Там же. С. 374]. *– Некуда* ***народишку*** *приткнуться, смотрю… То бы хоть молились* [Там же].

3. Наряду со спектром отрицательных смыслов диминутивы с суффиксами *–ишк-, -онк-* могут выражать значение **одобрительной снисходительности**, меняя направленность оценочной коннотации под влиянием лексического окружения. В «Словаре русского языка» *снисходительный* трактуется как «выражающий превосходство, покровительственно-высокомерное отношение к чему-л.» [18. С. 166]. Диминутивы со значением одобрительной снисходительности употребляются в десяти контекстах из ста для выражения отношения прежде всего к продуктам питания, напиткам или свойствам человека. Типичные коммуникативные условия актуализации данного смысла – диалогическая речь. Так, в следующем контексте диминутив *борщишко* актуализирует значение в сочетании со смыслом лексемы ближайшего окружения: местоимением *ничего* в значении *довольно хороший*, передающим одобрительное отношение говорящего к еде, хотя с оттенком снисходительности: *– Борщ как помои, – сказал лысый. Сеня с аппетитом хлебал борщ. – Ничего* ***борщишко****, чего ты!* [19. С. 95].

В следующих контекстах значение снисходительной одобрительности выражается во внутренней речи персонажей. Молодой врач Солодовников («Беседы при ясной луне») в хорошем настроении представляет, как он будет проводить вечер: *Вечером они уговорились – компанией в пять-шесть человек – играть в фантики и целоваться. Будет музыка,* ***винишко****…* [20. С. 30]. Диминутив *винишко* выражает смысл «нечто незначительное» с оттенком одобрительной снисходительности. В контексте из рассказа «Алёша Бесконвойный» с помощью диминутива *умишко* передаётся одобрительно-снисходительное отношение героя к взрослеющему сыну: *Зато парень вымахал рослый, красивый, может, бог даст, и* ***умишком*** *возьмёт. Хорошо бы. Вишь, стыдится, что отец – пастух...»* [Там же. С. 266].

4. Все рассмотренные выше смыслы диминутивов актуализируются в условиях сочетания с разговорной стилевой маркированностью. В некоторых контекстах диминутивные производные могут утрачивать оценочное значение, реализуя в качестве основных **функцию стилевой маркированности и коммуникативную функцию создания положительного непринуждённого тона коммуникации.** Такое функционирование отмечено в двадцати контекстах из ста десяти. Наиболее типичная текстовая позиция – в диалогах с друзьями, родственниками, знакомыми, в жанрах приглашения, угощения, как, например, в рассказе «Упорный»: *– Ну, извини, – сказал Моня, довольный. – Пойдём – у меня дома* ***коньячишко*** *есть… сохранился: выпьем по рюмахе?* [Там же. С. 252] или в рассказе «Классный водитель» в косвенном речевом жанре приглашения: *– Может, в* ***кинишко*** *сходим?* [19. С. 136].

В контексте из рассказа «Алёша Бесконвойный» диминутив *бельишко* используется в разговоре главного героя с женой в бытовой обстановке: *– Давай* ***бельишко****, – сказал жене, стараясь скрыть свою радость – она почему-то всех раздражала, эта его радость субботняя* [Там же. С. 261].

В следующих контекстах диминутивы в данной функции используются в фатических речевых жанрах: *– Зашёл попроведать, – заговорил тот, глядя раскосыми глазами не то на больного, не то мимо. – Как* ***делишки****, Ефим?* («Заревой дождь») [19. С. 25]; *«Иван Семёныч! Здорово, старик! Вспомнил вот, решил написать! Как жив-здоров! Как* ***работёнка****?...»* («Два письма») [19. С. 330].

Анализ функционирования диминутивных производных с суффиксами *-ишк-, -онк-* в текстах рассказов В.М. Шукшина показал, что единицы данного формально-семантического класса, являясь значимой чертой его идиостиля, активно используются для создания разговорной стилевой окрашенности текста и выражения широкого спектра эмоционально-оценочных значений: от одобрительно-снисходительного до пренебрежительного и уничижительного. Диминутивы выступают и в качестве одного из ярких средств речевой характеристики героев, и в качестве средства создания общего колорита народной разговорной речи за счет использования диминутивов данного класса в типичных для народной речевой культуры коммуникативных позициях, прежде всего – для выражения говорящим намеренного уничижительного отношения к себе, а также к людям и предметам, включенным в его личную сферу. При том что диминутивы автором используются для создания эмоционально-экспрессивного фона и диалогического, и повествовательного текста, наиболее типичными контекстами их функционирования являются диалоги персонажей, менее характерны анализируемые единицы для внутренней речи героев и авторского повествовании. Весь спектр экспрессивных, эмоционально-оценочных и стилевых функций диминутивов реализуется в условиях активного контекстного взаимодействия с другими эмоционально-оценочными, экспрессивными, стилистически маркированными единицами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожевникова Н.А., Николина Н.А. О языке В.М. Шукшина // Язык и стиль прозы В.М. Шукшина. Барнаул, 1991. С. 4–13.
2. Горн В.Ф. Живой язык Василия Шукшина // Русская речь. 1977. № 2. С. 25–31.
3. Воробьёва И.А. Региональная культура в лексике прозаических произведений В.М. Шукшина // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60–70-х годов. Барнаул, 1997. С. 105–147.
4. Деминова М.А., Кукуева Г.В., Чувакин А.А. Диалогичность прозы В.М. Шукшина // «…Горький, мучительный талант». Барнаул, 2000. С. 3–22.
5. Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник. Филологическое шукшиноведение. Личность В.М. Шукшина. Язык произведений В.М. Шукшина. Барнаул : Изд-во АГУ, 2004. Т. 1. С. 109–152.
6. Василевская Л.И. Взаимодействие повествовательных и диалоговых форм в рассказах В.М. Шукшина. Способы идентификации лиц // В.М. Шукшин. Жизнь и творчество. Барнаул, 1989. С. 55–58.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
8. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М. : Наука, 1992. 220 с.
9. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М. : Наука, 1981. 200 с.
10. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное имя. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 218 с.
11. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. 242 с.
12. Порядина Р.Н. Функционирование моделей диминутивного словообразования в диалектном тексте. Дис. …канд. филол. наук. Томск, 1997. 229 с.
13. Нагель О.В. Русские именные словообразовательные типы синкретичной семантики (когнитивно-функциональный аспект) : дис. … канд. филол. наук. Томск, 2005. 224 с.
14. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. М. : Наука, 1984. 184 с.
15. Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
16. Резанова З.И. Именная деминутивная деривация в механизмах выражения оценки // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / отв. ред. З.И. Резанова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 194–231.
17. Резанова З.И., Шиляев К.С. Национальный корпус русского языка в обучении особенностям использования русских диминутивов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5–4. С. 634–639.
18. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН. Ин-т лингв. исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. 800 с.
19. Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Молодая гвардия, 1992. Т. 2. 558 с.
20. Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Молодая гвардия, 1992. Т. 3. 607 с.
21. Большой академический словарь русского языка : в 23 т. М., СПб. : Наука, 2011. Т. 18. 772 с.
22. Калиткина Г.В. Формы субъективной оценки имён в аспекте теории мотивации (на диалектном материале) : дис. … канд. филол. наук. Томск, 1989. 252 с.
23. Порядина Р.Н. О «магической» функции диминутива (на примере среднеобских говоров) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998. С. 249–255.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 апреля 2016 г.

EXPRESSIVE MEANINGS OF DIMINUTIVES IN TEXTS OF V.M. SHUKSHIN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 5–10.
DOI: 10.17223/15617793/408/1

Voronina Ludmila P. Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Voroninalp@sibmail.com

Keywords: diminutive; individual style; V.M. Shukshin; expressiveness.

One of the main features of Shukshin's writings is an active use of the folk colloquial speech source. Folk colloquial stylistics of speech, which has one distinctive feature – emotionalism, expressiveness, evaluativity, is proper to all types of the speech layers of the author's works. The special stylistic background is formed by interrelation of the language elements of all types, and the source of expressive word-building has a significant role among them. This research places emphasis on the main feature of the individual style of V.M. Shukshin: use of elements of the derivational system for creation of text emotionalism and colloquial style markedness.

Herewith, the individuality of the style formation of the writer in the use of the source of diminutive word-building is revealed. The article analyzes conditions of functioning of derivatives with diminutive suffixes in texts. The major purpose of the research is to determine the spectrum of expressed meanings and style functions, to identify topics and situations in which diminutives with such suffixes are used, to describe the context interrelation of a diminutive with other elements of the text and the communicative and cognitive effect of the use of diminutives in different context interrelations. The study of the functioning of diminutive derivatives in Shukshin's texts shows that they illustrate the expression of a wide spectrum of expressive meanings. One can determine the following groups of meanings expressed by diminutives: depreciative, disrespectful, of approving indulgence, of colloquial style markedness. In Shukshin's texts diminutives with a depreciative meaning with elements of different emotional components are predominant. Diminutive derivatives are more regularly used in household arrangements, in colloquial speech of the characters, generally, in conversation with people of the surrounding community, as well as with casual conversation partners. More rarely diminutives are used in the inner speech and in the narrative. Elements of lexical surrounding have a significant influence on realization of the diminutive meaning.

REFERENCES

1. Kozhevnikova, N.A. & Nikolina, N.A. (1991) O yazyke V.M. Shukshina [About the language of V.M. Shukshin]. In: Chuvakin, A.A. (ed.) *Yazyk i stil' prozy V.M. Shukshina* [The language and style of the prose by V.M. Shukshin]. Barnaul: Altai State University.
2. Gorn, V.F. (1977) Zhivoy yazyk Vasiliya Shukshina [The living language of Vasiliy Shukshin]. *Russkaya rech'*. 2. pp. 25–31.
3. Vorob'eva, I.A. (1997) Regional'naya kul'tura v leksike prozaicheskikh proizvedeniy V.M. Shukshina [Regional culture in the vocabulary of prose works by V.M. Shukshin]. In: Kozlova, S.M. et al. *Proza V.M. Shukshina kak lingvokul'turnyy fenomen 60–70-kh godov* [Prose by V.M. Shukshin as a linguocultutral phenomenon of the '60s and '70s]. Barnaul: Altai State University.
4. Deminova, M.A., Kukueva, G.V. & Chuvakin, A.A. (2000) [Dialogs in the prose of V.M. Shukshin]. *"...Gor'kiy, muchitel'nyy talant"* [" . . . Bitter, agonizing talent"]. Proceedings of the V All-Russian jubilee conference "V.M. Shukshin. Life and Work" devoted to the 70th birthday anniversary of V.M. Shukshin. 21–23 July 1999. Barnaul: Altai State University. pp. 3–22. (In Russian).
5. Chesnokova, V.A. (ed.) (2004) *Tvorchestvo V.M. Shukshina. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik. Filologicheskoe shukshinovedenie. Lichnost' V.M. Shukshina. Yazyk proizvedeniy V.M. Shukshina* [Creativity of V.M. Shukshin. Collegiate Dictionary Directory. Philological Shukshin studies. Personality of V.M. Shukshin. Language of works of V.M. Shukshin]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University.
6. Vasilevskaya, L.I. (1989) [The interaction of narrative and dialogue forms in stories by V.M. Shukshin. Methods for the identification of persons]. *V.M. Shukshin. Zhizn' i tvorchestvo* [V.M. Shukshin. Life and work]. Abstracts of the II All-Russian scientific-practical conference. Barnaul: Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 55–58. (In Russian).
7. Wierzbicka, A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari.
8. Zemskaya, E.A. (1992) *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost*' [Word formation as an activity]. Moscow: Nauka.
9. Kubryakova, E.S. (1981) *Tipy yazykovykh znacheniy: Semantika proizvodnogo slova* [Types of linguistic meanings: Semantics of derivative words]. Moscow: Nauka.
10. Rezanova, Z.I. (1996) *Funktsional'nyy aspekt slovoobrazovaniya. Russkoe proizvodnoe imya* [The functional aspect of word formation. Russian derivative name]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Yantsenetskaya, M.N. (1979) *Semanticheskie voprosy teorii slovoobrazovaniya* [Semantic word formation theory questions]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Poryadina, R.N. (1997) *Funktsionirovanie modeley diminutivnogo slovoobrazovaniya v dialektnom tekste* [Functioning of diminutive derivation models in the dialect text]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
13. Nagel', O.V. (2005) *Russkie imennye slovoobrazovatel'nye tipy sinkretichnoy semantiki (kognitivno-funktsional'nyy aspekt)* [Russian nominal word-formation types of syncretic semantics (cognitive-functional aspect)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
14. Vinogradova, V.N. (1984) *Stilisticheskiy aspekt russkogo slovoobrazovaniya* [The stylistic aspect of Russian word formation]. Moscow: Nauka.
15. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
16. Rezanova, Z.I. (2005) Imennaya deminutivnaya derivatsiya v mekhanizmakh vyrazheniya otsenki [Nominal diminutive derivation in the mechanisms of evaluation expression]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: axiology in language and text]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Rezanova, Z.I. & Shilyaev, K.S. (2015) Russian National Corpus in teaching the use of Russian diminutives. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 5–4. pp. 634–639. (In Russian).
18. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. 4th ed. Vol. 4. Moscow: Rus. yaz., Poligrafresursy.
19. Shukshin, V.M. (1992) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 2. Moscow: Molodaya gvardiya.
20. Shukshin, V.M. (1992) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Vol. 3. Moscow: Molodaya gvardiya.
21. Gerd, A.S. (ed.) (2011) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 23 t.* [Big academic dictionary of the Russian language: in 23 vols]. Vol. 18. Moscow, St. Petersburg: Nauka.
22. Kalitkina, G.V. (1989) *Formy sub"ektivnoy otsenki imen v aspekte teorii motivatsii (na dialektnom materiale)* [The forms of subjective evaluation of names in the aspect of the theory of motivation (in dialects)]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
23. Poryadina, R.N. (1998) O "magicheskoy" funktsii diminutiva (na primere sredneobskikh govorov) [On the "magical" function of the diminutive (in the Middle Ob dialects)]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Problemy leksikografii, motivologii, derivatologii* [Problems of lexicography, motivology, word formation]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 21 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 11–19. DOI: 10.17223/15617793/408/2

УДК 811.161.1'276.6:004.738.5

А.А. Долганина (Плотникова), О.А. Казакова

СПЕЦИФИКА ВОПЛОЩЕНИЯ КОНЦЕПТА В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ «ИНТЕРНЕТ-МИНИАТЮРА» (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «"Память жанра" и стереотипизация речевой структуры текста в интернет-коммуникации: "стихотворение в прозе" и "интернет-миниатюра"» № 14-34-01014.

Работа выполнена в рамках когнитивного подхода к исследованию речевых жанров. Впервые на примере концепта «любовь» выявляются особенности воплощения концептов в речевом жанре «интернет-миниатюра». Рассмотрены понятийный, образный и ценностный слои (компоненты) структуры концепта «любовь» в жанре «интернет-миниатюра», отмечено явление стереотипизации в воплощении концепта. При моделировании концепта выстраивается многомерное представление о любви массового, непрофессионального сетевого автора.

Ключевые слова: речевой жанр; виртуальный дискурс; интернет-миниатюра; концепт «любовь»; стереотипизация.

Введение

Одним из актуальных направлений современной теории речевых жанров является когнитивная генристика, рассматривающая жанры речи с позиций когнитивного подхода, использующая методы когнитивной лингвистики для «объяснения жанров» [1. С. 9]. Когнитивные методы позволяют выявить специфику речевых жанров, дополнить модель жанра новыми аспектами анализа. При когнитивном подходе инструментом моделирования речевого жанра выступает концепт [2. С. 110]. Г.Г. Слышкин выделяет три основных положения о связи концепта как культурно-ментально-языковой единицы и речевого жанра как типа высказывания: 1) речевой жанр представлен в сознании носителей языка в виде метаконцепта; 2) для речевого жанра характерен свой набор системообразующих концептов, своя «концептосфера», 3) реализация концептов имеет жанровую и дискурсивную специфику [3. С. 50]. О.В. Орлова отмечает, что «тексты разных дискурсивно-стилистических разновидностей создают, оформляют и транслируют разные типы концептов» [4. С. 36]). Ряд современных жанроведческих исследований посвящен изучению жанров в одном из перечисленных аспектов или в их комплексе.

Другим актуальным направлением теории речевых жанров является виртуальное жанроведение, в качестве одной из задач которого выделяется установление взаимосвязи между традиционными «бумажными» жанрами и жанрами виртуального дискурса (интернет-коммуникации) [5].

Настоящее исследование, построенное на **гипотезе** о том, что в «эстетической сфере интернет-коммуникации» [6. С. 62] получает развитие жанровое пространство русской литературы, посвящено выявлению специфики речевого жанра «интернет-миниатюра» как одного из самых распространенных жанров творческой коммуникации современных интернет-пользователей в сопоставлении с жанром «стихотворение в прозе». Выявлены черты сходства по основным жанровым параметрам модели речевого жанра (см., например, [7]), обнаружены общие элементы метаконцептов сопоставляемых жанров [8]. Интернет-миниатюра обладает своей концептосферой, основу которой составляют эмоциональные концепты (грусть, тоска, радость и т.п.). Одним из системообразующих концептов жанра «интернет-миниатюра» является концепт «любовь». **Цель** данной работы заключается в выявлении специфики воплощения концепта «любовь» в речевом жанре «интернет-миниатюра» в сопоставлении с его объективацией в классической русской литературе (для сопоставления привлекаются наблюдения исследователей о специфике воплощения концепта «любовь» преимущественно в поэтических произведениях ([9–12]), так как интернет-миниатюры относятся к лирическому дискурсу, предполагают выражение субъективного мировосприятия и лирического эмоционального состояния автора. Для достижения данной цели рассматриваются понятийный, образный и ценностный слои (компоненты) концепта «любовь», актуализирующиеся в жанре «интернет-миниатюра».

Материалом исследования послужили тексты интернет-миниатюр (1 000 текстов), опубликованные за последние 10 лет непрофессиональными авторами на специализированных сайтах сетевой литературы, в социальных сетях, в блогах и на персональных сайтах [13–19].

Концепт в данной работе рассматривается с лингвокультурологических позиций в качестве многомерного смыслового образования, включающего понятийную, образную и ценностную стороны [20. С. 91]. «Лингвокультурный концепт существует в трех уровнях: 1) как системный потенциал, т.е. совокупность средств апелляции к концепту, предлагаемых носителю языка культурой, как накопленное культурой лингвистическое достояние, зафиксированное в лексикографии <…>; 2) как субъектный потенциал, т.е. арсенал языковых средств, хранящихся в сознании индивида <…>; 3) как текстовые реализации, как апелляции к концепту в конкретных коммуникативных целях» [21. С. 32–33]. Первый и второй уровни концепта «любовь» достаточно широко описаны в различных исследованиях на материале русского, английского и других языков и в настоящем исследова-

нии привлекается для сопоставления при выявлении специфики концептуального выражения.

Поставленная цель исследования направлена на описание третьего уровня существования концепта – уровня его текстовых реализаций, где «единый концепт, существующий в культурной и индивидуальной памяти, распадается на подконцепты, функционирующие в отдельных жанрах и дискурсах» [21. С. 33].

Концепт «любовь» является одной из важнейших констант мировой культуры. Семантическая модель концепта «любовь», не отмеченная культурно-языковой спецификой, представлена С.Г. Воркачевым на основе анализа психологических и этических исследований и словарей: любовь представляет собой чувство, вызванное у субъекта переживанием того, что некий объект (объект любви) занимает центральное место в системе ценностей данного субъекта. При этом выбор данного объекта не мотивирован рационально, субъект данного чувства готов ради объекта любви идти на определенные жертвы, он заботится об объекте своей любви, постоянно желает ему блага. Любовь непроизвольна, спонтанна, амбивалентна; она способна рождаться, развиваться и умирать [22. С. 39]. На основе анализа паремиологического фонда русского языка С.Г. Воркачев выделяет такие признаки любви, как признак ценности предмета любви, признак неподконтрольности любви, рациональной немотивированности и индивидуализированности выбора объекта любви.

По материалам русских паремий исследователь представляет «обобщенный образ концепта любви»: главным в любви является отношение к любимому человеку, который становится единственным, самым дорогим, данным судьбой. Ради этого человека ничего не жалеют, ему всё прощают, от него готовы терпеть любые неприятности. Любовь к этому человеку неподвластна нашей воле. Любовь является высшим благом и наслаждением и в то же время приносит нам страдания, для кого-то является злом. Любовь запоминается надолго, но сама недолговечна. Разлука с любимым может погубить любовь или укрепить ее. Для любви мало только красоты, любовь держится на духовной близости. Счастливая любовь – взаимная любовь. Любовь является бескорыстной, однако без материальных средств любовь гаснет [Там же. С. 50].

В результате анализа индивидуальных картин мира, отраженных в художественных произведениях (анализ художественного концепта «любовь»), исследователи отмечают, что любовь русских писателей «многолика и разнообразна»: она может быть несчастной и безответной, может быть счастливой и всепоглощающей [9. С. 371]; любовь может одновременно сочетать в себе и радость, и печаль [12]; она несет страдание и муку, но в то же время дает счастье [10]; любовь нередко связана с изменой, разлукой, разрывом, расставанием, ревностью [11].

Несмотря на то что концепт «любовь», как было отмечено выше, достаточно разносторонне изучен, представляется важным дополнить описание данного концепта наблюдениями о его воплощении в современном интернет-дискурсе, так как в каждом типе дискурса «моделируется дискурсивно обусловленный фрагмент картины мира» [23. С. 34]; каждый дискурс характеризуется рядом специфических черт, которые следует учитывать, выполняя концептуальный анализ; в разных дискурсах и жанрах концепт «проявляет разные грани, актуализируя определенные свои составляющие» [Там же].

Понятийный слой концепта «любовь» в жанре интернет-миниатюры

Понятийный слой (понятийная сторона) концепта представляет собой его языковую фиксацию, включает его обозначение, описание, признаковую структуру, дефиницию, сопоставительные характеристики по отношению к другим концептам [20. С. 107]. Поэтому для характеристики репрезентации концепта «любовь» в интернет-миниатюрах рассмотрим: 1) основные способы выражения смыслов описываемого концепта, 2) ключевые семантические характеристики (значения), отражающие признаковую сферу.

Среди способов выражения концепта в данном жанре отметим основные лексические репрезентации. В текстах интернет-миниатюр представлен практически весь словообразовательный ряд с корнем -люб-, встречается большое количество словоупотреблений, производных от данной лексемы: *любовь, влюбиться, любить, разлюбить, любовники, влюбленный, любимый, любовно, любоваться, нелюбимый* и т.д. В 1 000 текстах насчитывается 1 265 словоупотреблений с корнем -люб-, из них около 400 словоупотреблений – глагольные формы, 350 словоупотреблений – имена существительные (ср. с подсчетами Н.Н. Конаревой по произведениям М. Цветаевой: 230 случаев употребления существительного «любовь», 205 – глагола «любить» [11], что говорит о большей степени абстрактности при выражении концепта в художественном дискурсе).

Глагол «любить» чаще всего употребляется в форме 1-го лица единственного числа настоящего времени (*Она опять с нами, наша Сказка. Дивная, волшебная, прекрасная. Мир для двоих. «Мне кажется, я тоже люблю тебя». Мягкие губы, соленые слезы – словно морские брызги* (http://samlib.ru/b/bodrow_w_w/skazka.shtml)) (Здесь и далее в примерах сохранены орфография и пунктуация авторов; выделение полужирным наше. – *А.Д., О.К.*). Во многих текстах присутствует предложение «Я люблю тебя!»

В интернет-миниатюре, кроме основной единицы – существительного «любовь», – наиболее частотны такие слова, как *чувство, сердце, счастье, свидание*. Реализуются антонимические отношения: *быть противным, ненавидеть*. Для номинации чувства любви авторы интернет-текстов активно используют словосочетания, широко тиражирующиеся во многих текстах, ставшие беллетризмами (*сердце бьется; сердце стучит; терять себя; поток ощущений…*), что позволяет отметить такую черту интернет-миниатюры, как стереотипизация – специализация языковых средств, использование «устойчивых контекстов» для выражения мысли [24. С. 397].

Синтагматические отношения языковой репрезентации концепта «любовь» в анализируемых текстах представлены следующими примерами сочетаемости (в примерах ниже выделены полужирным шрифтом): а) по качествам, признакам: любить (как?) *навсегда, бесконечно*; б) по объекту чувства: любить (кого?) *людей, тебя.* Любовь ищут (*Любовь, которую* ***найти*** *всю жизнь хотел* (http://dreamiech.ru/slovo/proza/stranniki/3/)) или ждут (*Она верила в Любовь, надеялась её повстречать и* ***ждала*** *с нею встречи...* (http://dreamiech.ru/slovo/proza/stranniki/10/)); любовь находится в сердце (*Имели люди* ***в сердцах своих****, конечно же, и любовь* (http://dreamiech.ru/slovo/proza/stranniki/8/)). Любовь бывает безграничная, прекрасная, чистая, настоящая, первая, безответная.

Концепт «любовь» в интернет-миниатюрах активно выражается через лексему «отношения»: *Не понимаю, зачем тебя сбила машина – мы могли бы и дальше оставаться вместе, ведь мне нравились такого рода* ***отношения****. Кажется ты была* ***любовью****… но где ты сейчас?* (http://samlib.ru/z/zuew_d_s/memortxt.shtml); *Неужели он смог оставить меня из-за этого? Неужели пачка сигарет ему дороже чувств близкого человека? <…> Но разве могла я тогда подумать, что это* ***разрушит*** *наши* ***отношения*** (http://zhurnal.lib.ru/p/petrowa_a_w/brositxkuritx.shtml); *Какие* ***тяжелые отношения с сослагательными возможностями****. Какие* ***тяжелые отношения со случайностями*** *виноградного вина. Быль / небыль разымает изнутри: как же так? Что же могло быть взамен того, что не случилось?* (https://www.proza.ru/2007/05/15-335). «Отношения» предполагают, что их нужно «строить», а значит, от любящего требуется сознательное и рациональное поведение.

Среди семантических характеристик концепта, типичных для интернет-миниатюр, выделим следующие. Концепт «любовь» в рассматриваемом жанре реализуется как витальный концепт, в котором выражается наивысший ценностный смысл – «любить – значит жить»: *Я* ***люблю*** *тебя… Я люблю тебя* ***так****, что* ***не могу дышать****, если я не вижу и не ощущаю тебя* (http://samlib.ru/g/grafomanka/jadyshutoboj.shtml); *Душа разрывается! Хочу очень сильно услышать твой голос. Я тебя так* ***сильно ЛЮБЛЮ****, что реально не* ***могу без тебя жить.*** *Ты боишься меня потерять* (https://vk.com/wall-79718626_729); *Каждая* ***новая любовь как новая жизнь.*** *Любовь – это жизнь в жизни. Каждому отмерено определенное количество жизней…* (http://www.proza.ru/2015/08/11/1985). Данное явление отмечается также в художественном дискурсе, когда персонажи произведений «ставят знак равенства между любовью и жизнью» [9. С. 369].

В то же время с любовью связаны боль и смерть: ***От любви умирают*** *Осенью.* ***Умирают тихо и незаметно. Умирают*** *потому, что* ***душевная боль*** *от разлук постепенно переходит* ***в физическую****. Врачи ставят* ***диагноз*** *«нервное истощение»* (http://dreamiech.ru/slovo/proza/stranniki/11/) (ср. любовь у А. Ахматовой как чувство, которое несет муку и страдание [10. С. 10]).

Любовь способна умирать, смерть любви нередко вызывает у автора (лирического героя) желание умереть самому: *В один пасмурный день* ***любовь*** *женщины* ***умерла****. Это случилось внезапно, без обычной затяжной* ***болезни умирания****, на ощущении взлета, на счастливой вере в себя и любимого. Чувство было растоптано и угасло, когда женщина меньше всего ждала удара, и стало так больно, что* ***захотелось умереть самой.*** *И она бы* ***обязательно умерла****, если бы не надеялась, что любовь повторится* (http://samlib.ru/l/lezhawa_i_k/narkomankaljubwi-1.shtml).

Любовь для современных авторов предстает как искреннее чувство, настоящая любовь всегда связана с готовностью преодолевать преграды ради любимого: *На самом деле* ***любовь*** *– это* ***не бесконечная романтика, цветы, утро вдвоем, помолвка, свадьба и дети****. перед этим вам* ***суждено пройти вранье, ссоры, обиды****,* ***недостатки****, возможно, даже* ***предательство****. через это проходят все, кто пробует любить, кто ищет вторую половинку. но лишь те, кто сможет простить выше перечисленное – любят по-настоящему. поэтому* ***выбирайте того человека, которому сможете отдать жизнь****. подарить душу. ради кого сможете растоптать свою гордость и самолюбие.* ***ради кого сможете пойти на жертвы.*** *кого сможете поставить на первое место, оставив себя на втором* (https://vk.com/wall-53256796_964).

Любовь осмысляется авторами интернет-миниатюр как самостоятельный субъект действия, способный влиять на человека, изменять его: ***Любовь*** *–* ***коварная*** *штука:* ***она как бы складывается сама собой****, но если ты не различаешь свою и ее силу, она принимается потихоньку проучивать тебя. Сначала* ***обманывает*** *по мелочам,* ***поселяет тревогу****, потом* ***изменяет по-крупному****,* ***ломая*** *что-то внутри и выбивая почву из-под ног* (http://samlib.ru/l/lezhawa_i_k/narkomankaljubwi-1.shtml).

Авторы интернет-миниатюр напрямую рассуждают о любви, подчеркивая ее иррациональность: *Думал о любви.* ***Странная*** *это штука.* ***Чувство, совершенно неподконтрольное*** *каким-либо логическим механизмам. Обладает* ***колоссальной силищей*** *– способно стирать с лица Земли целые государства и создавать вечность. Из-за своей* ***алогичности*** *любовь делает невозможное там, где казалось бы, бессильно все остальное. Человек ради любви готов принести в жертву все, свою жизнь – в том числе! Откуда она берется, не знает никто, сколько ни старались бы объяснить с точки зрения науки. Пытались выделить «гормон любви», который якобы вырабатывается организмом при определенных обстоятельствах. Но о чем может идти речь, когда расстояние в тысячи километров разделяют людей! Воображение? Но какая сила должна быть, чтобы заставить воображение так работать? Вот тебе и история про Галатею... Волей-неволей в голову лезут совершенно антинаучные, скорее мистические идеи.* ***Любовь*** *– это* ***единственное иррациональное в человеке*** (http://newlit.ru/~ambidexter/1974.html).

Для лирической героини с чувством любви связаны желание «подарить любимому ребенка», мечты о домашнем уюте: *я* ***подарю тебе дочь****. она будет* ***как ты точь-в-точь****. у неё будут* ***твои глаза и мои руки****, и столько безумных идей в голове, что мы нико-*

гда не умрем со скуки. у неё будет много игрушек: кукол, мишек, собачек, других безделушек. ***она будет проситься к тебе на колени, пока я буду на кухне лепить вам пельмени****. она будет самой красивой девочкой на свете, в ее волосах будет путаться ветер, а* ***в глазах (которые твои)*** *будет солнце, яркое-яркое, и смех ручейком заливистым, сладким <…> по-моему, придумано не слабо. а главное, это совсем не сложно. я* ***подарю тебе дочь****. можно?* (http://blue-aquarelle.livejournal.com/55144.html?page=1).

Отметим, что данный текст тиражируется в тысяче репостов (вторичных публикаций на личных страницах; по данным поисковой системы Google, – 19 000). Кроме того, эта миниатюра часто публикуется без указания авторства и имеет многочисленные вариации, что говорит о стереотипизации воплощения концепта «любовь» в жанре «интернет-миниатюра» на уровне текста.

Таким образом, для жанра «интернет-миниатюра» актуальны основные признаки понятийного слоя концепта «любовь» в значении чувства глубокой привязанности к кому-либо. Так же, как и в целом в русской языковой картине мира, любовь в картине мира авторов миниатюр амбивалентна: связана с жизнью и смертью, радостью и грустью, встречами и расставаниями. С одной стороны, актуализация понятийного компонента концепта «любовь» в жанре «интернет-миниатюра» пересекается с художественным дискурсом; с другой стороны, необходимо отметить обращение авторов интернет-миниатюр больше к психологическим и социальным аспектам концепта, нежели к философским и духовным.

Образный слой концепта «любовь» в жанре интернет-миниатюры

Подробный анализ образного компонента концепта «любовь» в русской классической литературе (на примере творчества А.С. Пушкина) осуществлен в диссертационном исследовании И.А. Широковой [12]. Исследователь выделяет в образном компоненте концепта собственно образный слой, ассоциативный слой и оценочный слой. По наблюдениям И.А. Широковой, концепт «любовь» представлен двумя противоположными и взаимодополняющими элементами, отражающими разную смысловую направленность, разные полюсы эмоционального концепта «любовь» (в соответствии с делением эмоций на положительные и отрицательные): «любовь-счастье» и «любовь-несчастье», в рамках которых выделяются слоты, под которыми понимаются структурные элементы фрейма в составе концепта [Там же]. В результате анализа стихотворных произведений А.С. Пушкина И.А. Широкова выделила в образном слое концепта «любовь» 60 слотов (образов, ассоциатов и оценок): любовь-счастье / любовь-страдание, любовь-блаженство, любовь-желание, любовь-наслаждение, любовь-сладострастье, любовь-страсть, любовь-томление, любовь-умиление, любовь-упоение, любовь-зверь, любовь-цветок, любовь-воздух / любовь-отрава, любовь-жидкость, любовь-огонь / любовь-холод, любовь-пробуждение / любовь-уныние, любовь-прохлада, любовь-птица, любовь-свет / любовь-мрак, любовь-сладкое / любовь-горькое, любовь-благо, любовь-волнение / любовь-тоска, любовь-дар / любовь-доля; любовь-мечта, любовь-миг, любовь-тайна, любовь-безумие, любовь-болезнь, любовь-неволя и т.п. [12].

С целью сохранения единства методологии для выявления специфики воплощения концепта в жанре «интернет-миниатюра» на фоне классической русской литературы по аналогии с наблюдениями И.А. Широковой выделим основные слоты образного компонента концепта «любовь» в рассматриваемом жанре. Выделение слотов происходит на основе семантического анализа фрагментов текста, в которых наблюдается реализация концепта «любовь». Границы фрагментов определяются по наличию в них основных способов выражения смыслов описываемого концепта. Далее рассматриваются лексические репрезентации, соотносимые с «любовью» и позволяющие развернуть в тексте зримое, образное выражение эмоционального концепта. Отметим, что для описания концепта недостаточно рассматривать только лексико-семантическое поле «любовь – чувство», так как в семантической структуре концепта всегда актуализирован субъект чувства и объект, на который оно направлено, поэтому рассматривались также лексемы, характеризующие любящего и любимого человека. В качестве номинации для слота выбираются ключевые слова данных лексических репрезентаций, которые сравниваются с выделенными И.А. Широковой номинациями. В анализируемых текстах также представлено разделение на полюсы «любовь-счастье» и «любовь-несчастье».

К первому полюсу относятся следующие слоты:

– «любовь-наслаждение»: *Всё* ***хорошо****, ведь любовь* ***самое прекрасное*** *из всех* ***чувств*** (http://samlib.ru/c/charush_n_g/jetaime.shtml);

– «любовь-желание»: *Твои руки* ***подхватывают меня****, такие* ***сильные*** *и* ***ласковые****. Сквозь тонкий батист сорочки чувствую их* ***жар*** *и* ***струящееся из кончиков пальцев*** *и ладоней* ***желание****. Глаза пристально смотрят на меня, в них* ***полыхает пламя страсти****. От этого взгляда* ***перехватывает дыхание*** *и я* ***теряю контроль над телом*** *и* ***разумом*** (http://zhurnal.lib.ru/t/trapeznikowa_julija_wladimirowna/bubenshamana.shtml); *За* ***Сказку*** *не надо платить. Ничем и никогда. Она* ***выше всего****, что* ***волнует*** *человека. Она – это* ***вершина****.* ***Пик*** *наших чувств, возможностей и* ***желаний****. Тепло глаз и тепло руки.* ***Огонь и прохлада поцелуев*** (http://samlib.ru/b/bodrow_w_w/skazka.shtml). Отметим, что признаки выделяемых слотов могут сочетаться, так в приведенном примере «желание» сочетается с «наслаждением» (руки сильные и ласковые, прохлада поцелуев) и граничит со страстью, которую уместно выделить в отдельный слот;

– «любовь-страсть»: *Как* ***любовь-страсть*** *– порыв* ***молнии*** *к земле. Ничем не остановишь. Любое препятствие* ***сметет****. Лишь* ***стремление*** *– дотянуться до любимого,* ***слиться*** *с ним* (http://newlit.ru/~kecelman/3780.html);

– «любовь-влюбленность»: *И я так и не сказал ей тогда, что уже* ***влюблен в нее – по уши,*** *что уже* ***восхищен*** *ею –* ***до глубин души*** (http://newlit.ru/~babicheva/3490.html);

– «любовь-дар»: *Я знала, что именно* ***ты подаришь мне безграничный океан чувств****, счастья и любви, которая поглотит меня, так и случилось* (https://vk.com/wall288004402_1672).

Наиболее распространенными слотами второго полюса являются следующие:

– «любовь-болезнь»: *А любовь всё живет в моем* ***сердце больном****…* (http://zhurnal.lib.ru/k/karnishin_a_g/musika2011.shtml). В приведенном примере концепт реализуется через цитату стиха из известного романса Н. Харито «Отцвели уж давно хризантемы в саду» (1910). Отметим, что для интернет-миниатюр в целом характерно использование прецедентных текстов и цитат. Это приводит к стереотипизации в построении текста и выражении концепта;

– «любовь-боль»: *Это всегда* ***больно****, когда уходит Сказка. Вот чем, оказывается, приходится за нее* ***платить*** *– тем, что она* ***уходит****.* ***Болью*** *и* ***пустотой****, тоской и* ***отчаяньем****. Глазами, в которых* ***обида*** *и недоумение. Ладонью, которая не чувствует тепла ее ладони. Губами, которые избегают моих губ. Сказка* ***кончилась****…* (http://samlib.ru/b/bodrow_w_w/skazka.shtml);

– «любовь-измена»: *– Скажи, а если я тебе* ***изменю****, ты* ***уйдешь****? – Я* ***перестала дышать****. Вопрос не просто* ***ошеломил****, а буквально* ***выбил почву из-под ног****. С огромным трудом пришлось* ***проглотить комок, застрявший в горле****, и улыбнуться* (http://samlib.ru/p/pasika_k_a/xizmena.shtml); *Когда-нибудь и в твоем сердце навсегда поселится неугасимая, острая и ни на миг* ***не ослабевающая боль*** *–* ***раны от измен всю жизнь*** *кровоточат и перестают напоминать о себе только когда* ***разбитое сердце*** *останавливается от прикосновения* ***смерти*** (http://zhurnal.lib.ru/p/pauk_e/wedding.shtml).

В интернет-миниатюрах особенно востребованными оказываются следующие образы:

– «любовь-зверь»: *Все-таки, она не была настоящей* ***кошкой****. Он не дрался за нее, не полосовал соперников* ***когтями****, не рвал уши, не пускал* ***клоки чужой шерсти*** *перекатываться на ветру. Она просто сидела на скамейке, а он подошел и сказал: «Привет, меня зовут... А тебя?»* (http://samlib.ru/k/katja/wesennjajaljubowxkoshachxjaljubowxdoc.shtml); ***Кошка*** *взглянула на него* ***зелеными глазами*** *– и он вздрогнул: любовь перетекала в* ***дикую*** *ненависть. Огоньки эти заставили на минуту усомниться, что это знакомая женщина, а не* ***дикая пантера****,* ***готовящаяся к прыжку*** (http://zhurnal.lib.ru/m/mirowa_s_w/cat.shtml);

– «любовь-цветок»: *Наверно я чем-то похожа* ***на этот цветок****, так же* ***цвету****, когда обо мне заботятся, и перестаю радовать* ***красивыми цветами****, если остаюсь одна, без поддержки любимого человека* (http://samlib.ru/p/podruzhki/amarillis.shtml); *Любовь моя,* ***чистый и нежный цветок****! Прежде ты беззаботно* ***покачивался на*** *своем хрупком* ***стебельке****. Твои* ***белоснежные лепестки купались в розовых*** *предрассветных лучах, и они придавали им таинственную нежность* (http://samlib.ru/m/lirika/lirika-37.shtml);

– «любовь-птица»: *Я – любовь. И мне все замечательно, мне везде хорошо <…>* ***Летаю в небе****, нашусь без цели* ***меж облаков****, и на землю меня ничего не тянет, кроме…* (http://sphinxlit.narod.ru/12004/prose12004/forever.htm);

– «любовь-огонь»: ***Любовь*** *случилась однажды, и потом продолжилась, и* ***вспыхнула*** *озарением,* ***словно сполох огня*** *в ночи…* (http://samlib.ru/l/lezhawa_i_k/narkomankaljubwi-1.shtml);

– «любовь-вода»: ***Люблю*** *тебя бесконечно… Иногда кажется* ***утопаю во всех волнах ощущений*** *и теряю себя, а выбравшись* ***на берег****, понимаю что только* ***в этих волнах*** *моя жизнь…* (http://vk.com/wall14025940_279);

– «любовь-воздух»: *Я* ***дышу тобой****; Вечное странствие, где* ***любовь*** *– ее* ***парус****, а смерть – это ветер, не позволяющий остановиться* (http://zhurnal.lib.ru/a/andrej_j/windeat.shtml).

Из вкусовых, температурных и темпоральных оппозиций, раскрывающих противопоставление «счастье / несчастье», как и в классической литературе, в интернет-миниатюрах реализуются следующие оппозиции:

– «любовь-сладкое / любовь-горькое»: *Вы будете испытывать* ***горькие чувства****, если будете любить человека, который видит в вас только друга; Еще больше горя вы испытаете, если такого человека вы сделаете своим любовником. (http://vk.com/wall-63058409_63),* примечательно созвучие «горький» – «горе» как стереотипный прием*;* ***Горькая****, острая немота дней без любви* (http://samlib.ru/a/andrej_j/nightfish.shtml). Наряду с реализацией данного слота в авторских текстах происходит его тиражирование за счет прецедентных текстов, часто без указания источника и автора. Например, популярная цитата из фильма «Ванильное небо»: *Однажды узнаешь, что такое настоящая любовь, она и горькая и сладкая, думаю горечь для того, что бы лучше оценить сладость* (http://vk.com/wall-98999405_722);

– «любовь-тепло (теплота) / любовь-холод»: *Ты искренне верила и до сих пор веришь, что без этой мерзкой любви не проживешь и дня, и от этого становится вдруг непривычно* ***тепло на душе****…* (http://zhurnal.lib.ru/d/dasha_ s/1.shtml); *Придет красавица,* ***растопит любовью оковы льда****, вселит в наши сердца радость* (http://samlib.ru/k/karelin_a_w/love.shtml); *И лишь искренность чувств находит отклик у далеких* ***холодных*** *светил, способных найти две пары* ***родных глаз, дарующих настоящую любовь*** (http://zhurnal.lib.ru/d/ dolgaja_g_a/zvezda.shtml);

– «любовь-миг / любовь-вечность»: *Когда-то давно, кажется,* ***целую вечность назад****, мы сказали друг другу* ***три волшебных слова*** *и мир изменился <…> Я не представляю себе мир без тебя… Я люблю тебя.* ***Навсегда****. И даже смерть не разлучит нас* (http://zhurnal.lib.ru/w/wladarg_d_s/amor02.shtml);

Вспомнились слова насчет последней электрички – опоздать на пригородную – это, по сути, смешно; гораздо серьезнее – не успеть на ***стремительно проносящийся*** *мимо экспресс под названием* ***Любовь****. Никто не знает, сколько в нем вагонов – всегда надеешься, что он бесконечен <…> Под стук колес он путешествовал по своей памяти, перелистывая вос-*

поминания, в поисках таких же островков тепла и света, способных хотя бы ***на миг*** *согреть сердце* (http://newlit.ru/~malinovskiy/1606.html).

Не находят отражения в проанализированном материале такие слоты, как «любовь-блаженство», «любовь-томление», «любовь-умиление», «любовь-упоение», «любовь-пробуждение», «любовь-уныние» и т.п. Ключевые лексемы в них отличаются книжной стилистической окраской и характерны для поэтической речи. В целом для жанра интернет-миниатюры характерны высокая и книжная лексика, риторический и беллетристический стиль. Отсутствие в текстах не столько данных лексем (они не частотны, но имеются), сколько их связи с концептом «любовь», свидетельствует об «архаизации» не только определенных лексических единиц, но и их образной и понятийной составляющей в сознании молодых интернет-авторов. В значительно меньшей степени, по сравнению с другими слотами, в интернет-миниатюрах представлены слоты «любовь-тайна», «любовь-безумие» (*Сашенька мой любимый, эта* ***безумная любовь*** *съедает меня – между нами облака и я* ***схожу с ума*** *от этого* (https://vk.com/note4546317_9914759?fr=1)), «любовь-волнение», «любовь-жалость» (в единственном контексте: *...но только* ***жалость*** *не выдать за* ***страсть*** (http://samlib.ru/z/zagorodnewa_n/bolxno-1.shtml)). Но при этом особо актуализируются слоты «любовь-нежность» (*вдруг начинаю непроизвольно чувствовать прилив тепла к сердцу. Это оживает* ***Нежность***. ***Нежность*** *к моей любимой, которая далеко-далеко* (http://samlib.ru/s/sutugin_a_n/negnost-1.shtml)) и «любовь-забота» (*Ее глаза прожигают меня, ее взгляд обволакивает меня любовью.* ***Моя опека над ней, сладкое бремя*** *которой я возложил на себя с первого занятия, представляется ей чем-то особенным и значительным* (http://zhurnal.lib.ru/t/ tertyj_a/yellow-liaf.shtml)), в которых аккумулируется ряд тонких эмоциональных переживаний в более общем виде (что объяснимо у массового и непрофессионального автора).

По сравнению с классической литературой, в современном любительском творчестве в интернет-пространстве вытеснены либо трансформированы некоторые компоненты концепта «любовь». Так, слоту «любовь-сладострастье» в интернет-миниатюрах соответствует незавуалированный слот «любовь-секс»: *Солнце, утратившее блеск после долгого дня, красное и неправдоподобно большое,* ***полыхая жаром желания****, коснулось горизонта, – и* ***миг совокупления настал. Свершилось таинство.*** *Лишь мгновение онемевший мир был единым и целым…* (http://zhurnal.lib.ru/m/mazunin_w_g/pojushieskaly.shtml). Интернет-коммуникация снимает табу на открытую номинацию и порождает рассуждения авторов на тему «любовь и секс» в психологическом, социальном, физиологическом и философском контекстах.

Слот «любовь-благо» в интернет-миниатюрах не представлен, однако на его место в структуре концепта встраивается обширных пласт смыслов, интерпретирующих любовь как особую духовную ценность, восходящую к сакральности (слоты «любовь-святость», «любовь-ценность»): *Но… как же, без корысти, если… взамен требует* ***бесценное – любви****(!) –* ***души*** *человеческой – да не одной, а всех сразу? Как же не корысть – безмерная? Да это же разбой* ***в Святая Святых****! Душа моя Богу принадлежит…* (https://www.proza.ru/2014/05/18/911).

Слот «любовь-доля» не находит лексического выражения, но он соответствует слотам «любовь-судьба», «любовь-приговор», «любовь-предназначение» (*Ей вспомнилась первая, пламенная, безответная любовь. «Как* ***приговор****» – промелькнуло в голове. Эти мысли навеяли очередное* ***расставание*** *с очередным поклонником* (http://samlib.ru/s/shugabaewa_w/zelenie_glaza.shtml)). Трансформации также подвергается слот «любовь-тайна»: во-первых, он практически не находит прямую лексическую репрезентацию в интернет-миниатюрах, хотя в целом для словаря интернет-автора лексема «тайна» частотна; во-вторых, этот слот наполняется более широким и сниженным содержанием, поэтому семантика данного слота в большей степени выражается в слоте «любовь-иррациональное», в которой добавляется мистические интерпретации концепта. Подобно этому, слот «любовь-неволя» в современном дискурсе трансформируется в «любовь-зависимость».

Кроме того, в интернет-миниатюрах актуализируются такие смыслы, как «любовь взаимная / любовь безответная», «любовь-жизнь / любовь-смерть», иногда в варианте «любовь-спасение / любовь-гибель».

Специфичным для интернет-миниатюры как жанра виртуального дискурса является слот «любовь-онлайн». Для него сложно подобрать лексическую репрезентацию в виде одного метафорического образа, но атрибуты виртуальных отношений через сеть дополняют концепт, воплощаются в разных образах, указывающих на интернет-роман (*Или там, например,* ***смотрела в экран компьютера****, а там* ***мигала аська****, и кто-то очень хотел поговорить, и* ***сквозь тысячи километров*** *видела его чувства и верила как-то слишком по-детски, глупо и наивно, надеялась, что тебе не врут и чувствуют, может быть, совсем не то, что называется* ***любовью****, только лишь влюбленность, а может лишь какой-то слабый, туманный намек на нее* (http://zhurnal.lib.ru/d/dasha_s/1.shtml)). Продуктивным, возможно под влиянием онлайн-игр, в интернет-дискурсе оказывается слот «любовь-игра» (*А мы купались в мире грез, мы упивались естеством,* ***играли с чувствами в любовь****…* (http://zhurnal.lib.ru/p/poljakowa_j_g/igra.shtml)). Слот «любовь-зависимость» конкретизируется в отсутствующем в классической художественной литературе слоте «любовь-наркотик»: *Женщину ломает,* ***как наркомана****, не получившего дозу. Мало знакомый человек оказался чужим, прошел мимо, и* ***женщина****, потеряв надежду на свой* ***наркотик****, ищет хотя бы сочувствия* (http://samlib.ru/l/lezhawa_i_k/narkomankaljubwi-1.shtml). Драматические отношения зависимости также выражаются в популярном фэнтезийном слоте «любовь-вампир» (*И пальцы распростер* ***вампир****,* ***сжирающий любовь****. То, что казалось нам* ***игрой****, упало вдрызг разбитою судьбой* (http://zhurnal.lib.ru/p/poljakowa_j_g/igra.shtml)).

Таким образом, видим, что многие слоты образного слоя концепта «любовь» в интернет-миниатюре совпадают со слотами данного концепта в художественной литературе. При этом отсутствует ряд слотов, характерных для классической литературы (например, «любовь-томление», «любовь-упоение» и т.п.), появляются новые слоты («любовь-онлайн», «любовь-наркотик» и др.), часть слотов заменяется («любовь-благо» – «любовь-ценность»; «любовь-сладострастье» – «любовь-секс»), что, по всей видимости, объясняется жанрово-дискурсивными особенностями анализируемых текстов: их принадлежностью к интернет-дискурсу, массовым характером автора и адресата.

Ценностный слой концепта «любовь» в жанре интернет-миниатюры

Ценностный компонент концепта отражает его важность для индивидуума и для коллектива [20. С. 107]. В жанре интернет-миниатюры фиксируется важность любви для автора (как было отмечено выше, любовь может стать синонимом жизни).

С точки зрения ценностной стороны концепта значимым представляется наличие в интернет-миниатюрах таких смыслов концепта «любовь», как «любовь в семье» (*Наша встреча… **Наша семья**… **Ты и доченька** – **самое ценное**, что есть в моей жизни, свет и смысл ее. Иногда я пытаюсь представить себя без вас – и не могу* (http://samlib.ru/w/wladarg_d_s/amor02.shtml)), «любовь и дети», «родительская любовь» (*Снилось, что я играю **с** другими **детьми**. Снилась любовь. **Любовь отца и матери*** (http://samlib.ru/s/soultobedamned/ dream.shtml)). Исследователи давно отмечают опошление и вульгаризацию эмоциональных концептов в культуре молодежи (например, на материале поп- и рок-текстов), но при этом подчеркивают, что «тиражирование стереотипов массовой культуры» всё же не может поколебать фундаментальные основания эмоционального концепта «любовь» [25. С. 201]. Наши наблюдения также подтверждают данное мнение.

Отдельно следует выделить частотность и востребованность ценностных слотов «любовь-душа» (*Человеку стало грустно. И появилась **любовь**. **Пришла душа*** (http://www.newlit.ru/~kipkalo/3594-13.html)), «любовь-святость», «любовь-нежность», которые свидетельствуют о том, что в интернет-текстах молодежи транслируется духовная составляющая концепта. Кроме того, молодые авторы описывают всепоглощающую силу чувства любви, что соответствует художественному концепту в русской литературе (образ «я = любовь»): ***Потерять любовь** – значит, **потерять себя*** (http://zhurnal.lib.ru/b/bodrow_w_w/skazka.shtml); *Потому, что **каждая** буква, **каждая** строчка моего письма пропитана любовью к ней и **за каждую ресничку**, упавшую с ее печальных глаз, **за каждую слезинку** я готов был отдать **всё*** (http://samlib.ru/k/kerri_l/poslednieminuty.shtml).

Заключение

Итак, анализ понятийного, образного и ценностного компонентов концепта «любовь» в речевом жанре «интернет-миниатюра» в сопоставлении с наполнением концепта «любовь» в классической русской литературе (по материалам современных лингвистических исследований) позволяет сделать вывод о том, что в основе, в ядре концепта имеется значительная доля пересечения, обусловленная спецификой художественной традиции русской литературы. Однако в текстовом воплощении концепта «любовь» вытеснены или трансформированы некоторые слоты (любовь-благо, любовь-наслаждение, любовь-упоение), а также актуализированы новые (любовь-наркотик, любовь-игра). При этом воплощение концепта «любовь» в жанре «интернет-миниатюра» обнаруживает проявление стереотипизации на уровне языковых средств (повторяющиеся из текста в текст конструкции, использование прецедентных текстов), образов (типичные образы) и целого текста (повторяющиеся тексты с вариациями, повтор фрагментов текста).

При моделировании концепта на материале интернет-миниатюр выстраивается многомерное и ценностно дифференцированное представление о любви массового, непрофессионального, преимущественно молодого автора. Осуществленный в данной работе анализ воплощения концепта «любовь» в одном из самых популярных жанров современного интернет-дискурса дополняет описанное в научной литературе представление о любви в русской языковой картине мира. Данная модель не претендует на исчерпывающую полноту, однако всё же демонстрирует жанровую и дискурсивную специфику интернет-миниатюр, для которых концепт «любовь» является одним из жанрообразующих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев В.В., Фенина В.В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 5–34.
2. Эмер Ю.А. Фольклорный жанр (к проблеме лингвокогнитивного моделирования) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2 (019). С. 107–116.
3. Слышкин Г.Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 34–50.
4. Орлова О.В. Когнитивно-стилистический анализ текстовых концептов в контексте современных лингвоконцептологических исследований // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 326. С. 34–38.
5. Горошко Е.И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области // Жанры речи. Саратов : Издательский центр «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 370–403.
6. Кукуева Г.В. Эссе как речевой жанр эстетической сферы интернет-коммуникации // Новый университет. Серия «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». 2014. № 1 (34). С. 62–65.

7. Казакова О.А., Долганина (Плотникова) А.А. Интернет-миниатюра и стихотворение в прозе как речевые жанры: субъектная организация текста и стереотипизация речевой структуры // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 17–21.
8. Долганина А.А. Метаконцепты «стихотворение в прозе» и «интернет-миниатюра» как основание сопоставления жанров // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). Т. 1. С. 129–133.
9. Айдын А.А. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальных стилях И.А. Бунина и Я.К. Беятлы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2014. Т. 27 (66). № 3. С. 366–376.
10. Данькова Т.Н. Концепт «любовь» и его словесное воплощение в индивидуальном стиле А. Ахматовой : дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 214 с.
11. Конарева Н.Н. Ассоциативно-семантическое поле концепта ЛЮБОВЬ (на материале поэтического дискурса М. Цветаевой) // GeoKorolev.ru. 2005. URL: http://www.geokorolev.ru/download/museum-cvetaeva-chtenia-2005-konareva.pdf (дата обращения: 27.20.2015).
12. Широкова И.А. Эмоциональный концепт «Любовь» в идиостиле А.С. Пушкина (на примере стихотворных произведений и их переводов на немецкий язык): дис. … канд. филол. наук. Тюмень, 2006. 259 с.
13. Dreamiech: Официальный сайт Елены и Ильи Челноковых. URL: http://dreamiech.ru
14. В контакте: социальная сеть. URL: http://vk.com
15. Живой журнал. URL: http://www.livejournal.com
16. Журнал «Самиздат»: сервер современной литературы. URL: http://zhurnal.lib.ru; http://samlib.ru
17. Новая литература: литературно-художественный журнал. URL: http://newlit.ru
18. Проза.ру. URL: http://www.proza.ru
19. Сфинкс: сетевой литературный журнал. URL: http://sphinxlit.narod.ru
20. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
21. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 29–34.
22. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград : Перемена, 2003. 164 с.
23. Эмер Ю.А. Фреймовая организация концепта «язык» в частушке // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 327. С. 34–39.
24. Котюрова М.П. Стереотипность речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М. : Флинта: Наука, 2006. С. 397–401.
25. Каштанова Е.Е. Лингвокультурологические основания русского концепта «Любовь» (аспектный анализ): дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. 231 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 31 марта 2016 г.

FEATURES OF CONCEPTUALIZATION OF LOVE IN THE GENRE "ONLINE-MINIATURE"

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 11–19.
DOI: 10.17223/15617793/408/2

Dolganina (Plotnikova) Anna A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: plotnikowa.anna@gmail.com
Kazakova Olga A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kazakovaoa@tpu.ru

Keywords: speech genre; virtual discourse; online-miniature; concept of love; stereotyping.

A cognitive approach is used to investigate the conceptualization of love in the genre "online-miniature". For the first time by analyzing the concept "love", features of concept implementation in the speech genre "online-miniature" are identified. Conceptual, figurative and axiological layers (patterns) of the structure of the concept of love in the online-miniature are described in the article; the authors identify the phenomenon of stereotyping in the verbalization of the concept of "love" by network authors. The concept model has a multi-dimensional view on love of the mass, unprofessional network author. Digital genre research solves the problem of establishing interrelations between traditional ("paper") genres and genres of virtual discourse (network communication). Cognitive methods reveal specifics of speech genres, supplement genre models with new aspects. This research analyzes the specifics of the speech genre "online-miniature" as one of the most widespread genres in comparison to its prototype, the genre "poem in prose". The research hypothesis is that the genre space of Russian literature develops on the Internet in works of nonprofessional network authors, "graphomaniacs". The purpose of the research is to describe the specifics of the verbalization of the concept of love in the speech genre "online-miniature" in comparison with its identification in classical Russian literature (observations of researchers about the specifics of the verbalization of the concept of love mainly in poetic works are used for comparison). The research material is 1,000 texts of Internet miniatures published over the last 10 years on specialized websites of network literature on social networks, in blogs. The online-miniature possesses a conceptosphere whose basis is emotional concepts (grief, melancholy, pleasure, etc.). One of the basic concepts of this genre is the concept of love. The concept in this work is considered from the point of view of cultural linguistics as a multidimensional semantic (mental) formation that includes conceptual, figurative and axiological components. The analysis of these components in the online-miniature in comparison with the content of the concept of love in classical Russian literature allows to draw a conclusion: the basis, the kernel of the concept is an intersection caused by the specifics of the artistic tradition of Russian literature. However, in the text some slots of the concept of love are missing or transformed (love as a benefit, love as pleasure, love as ecstasy), and some new slots are expressed (love as a drug, love as a game). At the same time the verbalization of the concept of love in the online-miniature is stereotypical at the level of language means (constructions repeating from text to text, use of precedent texts, cliches), images (typical images) and the whole text (repeating texts with variations, repetition of fragments of the text).

REFERENCES

1. Dement'ev, V.V. & Fenina, V.V. (2005) Kognitivnaya genristika: vnutrikul'turnye rechezhanrovye tsennosti [Cognitive genre studies: intracultural speech and genre values]. In: Dement'ev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Vol. 4. Saratov: Izd-vo GosUNTs "Kolledzh".
2. Emer, Yu.A. (2009) Folklore genre (to the problem of linguo-cognitive modeling). *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2 (019). pp. 107–116.
3. Slyshkin, G.G. (2005) Rechevoy zhanr: perspektivy kontseptologicheskogo analiza [Speech genre: Prospects of conceptology analysis]. In: Dement'ev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Vol. 4. Saratov: Izd-vo GosUNTs "Kolledzh".

4. Orlova, O.V. (2009) On cognitive-stylistic and cognitive-discursive approaches to the study of concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal – Tomsk State University Journal*. 326. pp. 34–38. (In Russian).
5. Goroshko, E.I. (2007) Teoreticheskiy analiz internet-zhanrov: k opisaniyu problemnoy oblasti [Theoretical analysis of online genres: on the problem area]. In: Dement'ev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Vol. 5. Saratov: Izd-vo GosUNTs "Kolledzh".
6. Kukueva, G.V. (2014) Esse kak rechevoy zhanr esteticheskoy sfery internet-kommunikatsii [The essay as a speech genre of the aesthetic sphere of Internet communication]. *Novyy universitet. Seriya "Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk"*. 1 (34). pp. 62–65.
7. Kazakova, O.A. & Dolganina (Plotnikova), A.A. (2015) The internet-miniature and the poem in prose as speech genres: genre memory and stereotypization of speech structure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 390. pp. 17–21. (In Russian).
8. Dolganina, A.A. (2015) The metaconcepts "poem in prose" and "Internet-miniature" as the basis of genres comparison. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4 (64). Vol. 1. pp. 129–133. (In Russian).
9. Aydyn, A.A. (2014) The concept of "love" and its verbal expression in individual styles I.A. Bunin and J. K. Beyatly. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii" – Proceedings of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series Philology. Social Communications*. 27 (66):3. pp. 366–376. (In Russian).
10. Dan'kova, T.N. (2000) *Kontsept "lyubov'" i ego slovesnoe voploshchenie v individual'nom stile A. Akhmatovoy* [The concept "love" and its verbal expression in the individual style of Anna Akhmatova]. Philology Cand. Diss. Voronezh.
11. Konareva, N.N. (2005) *Assotsiativno-semanticheskoe pole kontsepta LYuBOV'' (na materiale poeticheskogo diskursa M. Tsvetaevoy)* [Associative and semantic field of the concept LOVE (based on the poetic discourse of Marina Tsvetaeva)]. [Online] Available from: http://www.geokorolev.ru/download/museum-cvetaeva-chtenia-2005-konareva.pdf. (Accessed: 27th October 2015).
12. Shirokova, I.A. (2006) *Emotsional'nyy kontsept "Lyubov'" v idiostile A.S. Pushkina (na primere stikhotvornykh proizvedeniy i ikh perevodov na nemetskiy yazyk)* [Emotional concept "love" in the individual style of A.S. Pushkin (in poems and their translations into German)]. Philology Cand. Diss. Tyumen.
13. *Dreamiech: Ofitsial'nyy sayt Eleny i Il'i Chelnokovykh* [Dreamiech: Official site of Elena and Ilya Chelnokov]. [Online] Available from: http://dreamiech.ru.
14. *V kontakte: sotsial'naya set'* [V kontakte: social network]. [Online] Available from: http://vk.com.
15. *Zhivoy zhurnal* [LiveJournal]. [Online] Available from: http://www.livejournal.com.
16. *Zhurnal "Samizdat": server sovremennoy literatury* [Samizdat Journal: Modern Literature server]. [Online] Available from: http://zhurnal.lib.ru; http://samlib.ru.
17. *Novaya literatura: literaturno-khudozhestvennyy zhurnal* [New literature: literary journal]. [Online] Available from: http://newlit.ru.
18. *Proza.ru*. [Online] Available from: http://www.proza.ru.
19. Sfinks: setevoy literaturnyy zhurnal [Sphinx: network literary journal]. [Online] Available from: http://sphinxlit.narod.ru.
20. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
21. Slyshkin, G.G. (2004) Linguocultural concept as a system formation. *Vestnik VGU. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya" – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 1. pp. 29–34. (In Russian).
22. Vorkachev, S.G. (2003) *Sopostavitel'naya etnosemantika teleonomnykh kontseptov "lyubov'" i "schast'e" (russko-angliyskie paralleli)* [Comparative ethnosemantics of teleonomy concept "love" and "happiness" (Russian-English parallels)]. Volgograd: Peremena.
23. Emer, Yu.A. (2009) Frame structure of the concept "language" in the chastooshka. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 327. pp. 34–39. (In Russian).
24. Kotyurova, M.P. (2006) Stereotipnost' rechi [Stereotypes of speech]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta: Nauka.
25. Kashtanova, E.E. (1997) *Lingvokul'turologicheskie osnovaniya russkogo kontsepta "Lyubov'" (aspektnyy analiz)* [Linguocultural basis of the Russian concept "Love" (aspect analysis)]. Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.

Received: 31 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 20–27. DOI: 10.17223/15617793/408/3

УДК 82.09

М.Г. Курган

КОНЦЕПТ «ИТАЛЬЯНСКОЕ» В ПЕРЦЕПЦИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Анализируется воплощение концепта «итальянский» в художественных и литературно-критических работах Ф.М. Достоевского. Выявляется особая связь образа Италии с инфернальным началом в художественных текстах Достоевского. Реконструируется отношение писателя к итальянской опере и степень ее возможного влияния на художественные произведения. Понятие «римский» отделяется от понятия «итальянский» в связи со своей религиозно-политической характеристикой.

Ключевые слова: Достоевский; Италия; Рим; инфернальное начало; музыка; Петербург.

Мировая тенденция к формированию единого и глобального культурного пространства обосновывает необходимость исследования межкультурных взаимоотношений. Русско-итальянские связи в этом контексте приобретают особую значимость не только ввиду своей богатейшей истории, но и потому, что являют собой образец крайне продуктивных для обеих сторон отношений. Актуальность данной темы подтверждает и большое количество работ как отечественных, так и зарубежных ученых, прежде всего в области культурологии и литературоведения, среди которых особенно можно выделить исследования Л.М. Коваль [1], З.М. Потаповой [2], Э. Ло Гатто (Ettore Lo Gatto) [3]. В них подробно разработан вопрос о русско-итальянских культурных взаимодействиях в самом общем отношении. Особый интерес в рамках настоящего исследования представляют работы более узкого характера, затрагивающие функционирование конкретных локальных текстов в творчестве русских писателей. Это работы Н.Е. Меднис [4], О.Б. Лебедевой [5], Р. Джулиани [6] и др., а также сборники, вышедшие по итогам международных научных конференций Международного научно-исследовательского центра «Russia – Italia» – «Россия – Италия» в 2009 и 2011 гг. «Образы Италии в русской словесности» [7, 8]. В данных исследованиях ключевым вопросом для рассмотрения становятся проблема взаимодействия русского культурного сознания с иноментальной реальностью и ее влияния на художественный мир того или иного русского писателя.

Италия представляет собой уникальный культурный феномен, в том числе и в силу особенностей ее государственного устройства. Как единая политическая общность Италия возникла лишь во второй половине XIX в. в ходе революционного процесса во главе с Джузеппе Гарибальди, до этого же на Апеннинском полуострове существовали автономные политические образования вокруг таких городов, как Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь. Кроме того, сильнейшее влияние на сознание русской интеллигенции оказывало античное прошлое, связанное с историей Древнего Рима и его богатейшим культурным наследием.

Думается, указанный факт во многом повлиял на формирование особой миссии Италии в мире в целом, о которой рассуждает Н.А. Бердяев в небольшом очерке «Чувство Италии» [9]. Автор указывает на то, что Италия – страна, где творческий дух возобладал над всеми остальными человеческими стремлениями и выразился именно на итальянской земле наиболее полно и свободно. В связи с этим Бердяев отмечает, что именно для русского сознания Италия обретает особую ценность и притягательность, в первую очередь потому, что оно непрестанно ощущает свою различность с итальянским миросозерцанием. «Мы любим в итальянцах дар переживания радости жизни, которого мы, русские, почти лишены. Мы – тяжелые, всегда ощущающие бремя жизни и мировую ответственность, любим легкость итальянцев. Мы – люди севера, любим близость итальянцев к солнцу. Так тяжела была наша история и так труден характер нашей расы, что мы почти не знаем свободной игры творческих сил человека. И нас пленяет в итальянском народе этот избыток свободных творческих сил», – пишет автор [9].

«Исключительная эстетичность» итальянской души, о которой говорит Бердяев, в невероятной полноте воплотилась в эпохе Возрождения, настоящем культурном взрыве, оказавшем сильнейшее влияние на другие европейские страны. Особое место занимает своеобразный предшественник Возрождения, творчество которого уже нельзя отнести всецело к эстетике Средних веков – поэт Данте Алигьери. И.Н. Голенищев-Кутузов [10], М.П. Алексеев [11] и А.А. Асоян [12] пишут о его удивительном успехе у русской публики, проявившем себя, как только в XVIII в. появились первые переводы «Божественной комедии» на русский язык.

Исследование восприятия русскими классиками творчества Данте является, пожалуй, одним из наиболее разработанных вопросов русско-итальянских компаративистских исследований, в рамках которого особо можно выделить работы, посвященные темам «Пушкин и Данте», «Гоголь и Данте», «Ахматова и Данте» [13–15]. Все эти исследования характеризуются значительным объемом, фундаментальным подходом и в основном охватывают большую часть творческого наследия того или иного писателя.

Именно к данному направлению обширной темы «Достоевский и Италия» относится наибольшее количество исследований, которые чаще всего представляют собой небольшие статьи, посвященные определенному вопросу. Это работы Е.И. Волковой [16], Т.А. Касаткиной [17], В.К. Кантора [18], Е.А. Акелькиной [19], А. Тоичкиной [20]. Кроме того, необходимо отметить масштабное исследование Н.Е. Меднис «Венеция в русской литературе», где отдельная глава посвящена пребыванию Достоевского в Венеции [21], а также статью М.И. Брусовани и Р.Г. Галь-

периной «Заграничные путешествия Ф.М. Достоевского 1862 и 1863 гг.» [22].

Русский писатель трижды посещал Италию, дольше всего он находился во Флоренции с женой Анной Григорьевной в 1868 г. Большая часть непосредственных впечатлений Достоевского о его путешествии, конечно, обнаруживается в письмах, для которых, однако, характерна некая скупость в описании переживаний и размышлений, связанных с Италией. В связи с этим фактом актуализируется значимость рассмотрения не только свидетельств писателя, выраженных в эпистолярном жанре, но всего корпуса его текстов. В данном контексте понимание Италии концентрируется в особом концепте, в который, кроме непосредственных впечатлений, включаются размышления и представления писателя о данном феномене. Перцепция тогда представляется определенным типом восприятия, представленным совокупностью высказанных суждений, сквозных мотивов в художественных произведениях и даже детских впечатлений.

При рассмотрении темы «Достоевский и Италия» представляется важным проанализировать не только моменты непосредственной встречи писателя с иноментальной реальностью, но и понять, какие феномены и явления в его сознании связывались с этой реальностью. То есть необходимо реконструировать в возможной степени семантическую ячейку «Италия и итальянское» в сознании писателя, чтобы актуализировать концепты, группирующиеся в его текстах вокруг данной семантической ячейки и имеющие отношение к «итальянскому» как феномену культурной реальности. Основным материалом для такого анализа может послужить полный корпус художественных и критических текстов писателя, при этом художественные тексты стоит выделить дополнительно, поскольку в их пространстве автор в известной степени отдаляется от собственного «я», передавая слово героям.

Письма Достоевского, отправленные из Италии и повествующие о жизни писателя за границей, представляется необходимым исследовать отдельно, поскольку в них есть определенная нацеленность на конкретного адресата и зачастую отсутствует некоторое объективное отстранение от объекта описания. Данная же работа предполагает исследование текстов Достоевского на предмет присутствия в них основных семантических единиц, тем или иным образом относящихся к ячейке значений, связанных с темой «Италия». Это, в первую очередь, такие понятия, как «итальянский», «Италия», «римский», «итальянец». Статистический словарь языка писателя дает ясно понять, что данные лексические единицы выходят далеко за пределы писем, отправленных из Италии, и распространяются на весь массив писательского наследия Достоевского, включая художественные произведения и критику.

Впервые эпитет «итальянский» встречается в первом произведении 1-го тома Полного собрания сочинений писателя, романе «Бедные люди», и относится к литературному произведению некого литератора Ратазяева, сочинения которого переписывает герой романа Макар Девушкин. Данное сочинение имеет заглавие «Итальянские страсти», вызывает настоящий восторг Девушкина, и герой включает следующий отрывок, несомненно, наиболее репрезентативный, в письмо к Вареньке: «…Владимир вздрогнул, и страсти бешено заклокотали в нем, и кровь вскипела... – Графиня, – вскричал он, – графиня! Знаете ли вы, как ужасна эта страсть, как беспредельно это безумие? Нет, мои мечты меня не обманывали! Я люблю, люблю восторженно, бешено, безумно! Вся кровь твоего мужа не зальет бешеного, клокочущего восторга души моей! Ничтожные препятствия не остановят всеразрывающего, адского огня, бороздящего мою истомленную грудь. О Зинаида, Зинаида!..» [23. Т. 1. С. 52].

В приведенном отрывке явно прочитывается ироническая тональность, важно отметить при этом, что роман «Бедные люди» полностью составляют письма двух героев, следовательно, фигура повествователя как таковая в его пространстве отсутствует. Это дает основания полагать, что источником иронии является автор, сам Достоевский, поскольку простосердечный Девушкин выражает явную симпатию к опусу Ратазяева. Герой с восхищением говорит о литературных собраниях, где зачитывались произведения Ратазяева, и участником которых он стал, но самым сильным, в его представлении, аргументом, говорящим о неподдельной ценности вышеописанных сочинений, является цена, которую устанавливает для них автор. «Вот хоть бы и Ратазяев, – как берет! Что ему лист написать? Да он в иной день и по пяти писывал, а по триста рублей, говорит, за лист берет. Там анекдотец какой-нибудь или из любопытного что-нибудь – пятьсот, дай не дай, хоть тресни, да дай!» [Там же. С. 51].

По авторскому разумению, сочинения Ратазяева не имеют отношения к настоящей художественной литературе. И примечательно, что произведение его озаглавлено «Итальянские страсти», хотя герои его вовсе не итальянцы, и действие, очевидно, происходит в России. Следовательно, тот особенный, сильнейший тип сентиментального переживания, который испытывают герои, есть именно итальянский, выраженный в крайней степени.

Однако, несмотря на ироническую тональность, в отрывке удивителен эпитет, которым герой описывает свое душевное состояние, он говорит, что его «истомленную грудь», бороздит «всеразрывающий адский огонь». Очевидно, что любовная страсть, истязающая душу до последнего предела, ассоциируется в сознании человека с адским горением. И в то же время такая страсть называется именно итальянской, а никакой другой. Насколько возможно судить по приведенному Девушкиным отрывку, его героев скорее можно соотнести с носителями обывательского сознания. И если некоторое суждение проникло на уровень обывательского обихода, следовательно, оно уже давно закрепилось в коллективном сознании, формируя стереотип.

Заданная инфернальная тематика получает продолжение, уже не в ироническом ключе, в повести «Двойник». Следующий отрывок из текста повести представляет интерес с точки зрения заявленной темы: «Какая-то затерянная собачонка, вся мокрая и

издрогшая, увязалась за господином Голядкиным и тоже бежала около него бочком, торопливо, поджав хвост и уши, по временам робко и понятливо на него поглядывая. Какая-то далекая, давно уж забытая идея, – воспоминание о каком-то давно случившемся обстоятельстве, – пришла теперь ему в голову, стучала, словно молоточком, в его голове, досаждала ему, не отвязывалась прочь от него. “Эх, эта скверная собачонка!” – шептал господин Голядкин, сам не понимая себя. Наконец, он увидел своего незнакомца на повороте в Итальянскую улицу. Только теперь незнакомец уже шел не навстречу ему, а в ту же самую сторону, как и он, и тоже бежал, несколько шагов впереди» [23. Т. 1. С. 142].

В данном отрывке определение «итальянский» возникает в связи с названием улицы – Итальянская. Такая номинация, конечно, не была установлена Достоевским, но в его правах было использовать указание на данную улицу или не включать его в текст повести. Однако Итальянская улица возникает в один из переломных, трагичных и мистических моментов повествования, когда господин Голядкин встречает своего двойника. Следует заметить, что Достоевский известен как автор, удивительно топографически точный в своих художественных текстах, поэтому поворот Голядкина на Итальянскую улицу нельзя назвать случайностью.

Название улице было присвоено в 1739 г. по находящемуся недалеко Итальянскому дворцу, построенному по образу итальянских увеселительных домов. То есть ее номинация имела непосредственное соотношение с культурой Италии. Особое значение этот факт приобретает в контексте уже обозначенной в связи с романом «Бедные люди» темы. Итальянская улица образует перекресток с Шестилавочной – улицей, на которой находился дом господина Голядкина. Перекресток имеет в культуре совершенно определенное символическое значение как место, где могут являться потусторонние силы и происходить мистические события, поэтому появление двойника на перекрестке вполне закономерно. В данном же контексте важно, что двойник является Голядкину именно на перекрестке Шестилавочной и Итальянской. Кроме того, образ мокрой собачонки, увязавшейся за господином Голядкиным, и появившийся в этот же момент двойник ассоциируются с фигурой Мефистофеля у Гете, который явился Фаусту в обличье черного пуделя.

Образ двойника в повести имеет определенную соотнесенность с инфернальным пространством, которая явным образом прослеживается в деталях повествования, что снова дает основание включить в один ассоциативно-семантический ряд образ Италии и инфернальное начало. Это, на первый взгляд, противоречивое соотношение имеет специфическое отношение именно к представлениям Достоевского об Италии.

В черновых набросках к переработке повести «Двойник», которую задумывал Достоевский, предполагалось, что Голядкин в новом варианте повести будет обвинен в том, что он Гарибальди, в результате интриг вероломного двойника. Голядкин же будет «справляться о Гарибальди» в разных министерствах [23. Т. 1. С. 436]. Идея эта явно соотносится с произведением Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего», где чиновник Поприщин вообразил себя испанским королем и справлялся об «испанских делах». Этот же сюжет о чиновнике-Гарибальди будет звучать в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» Достоевского [Там же. Т. 19. С. 67–85].

Далее Италия напоминает о себе на первых же страницах повести «Неточка Незванова». Героиня начинает рассказ о своем отчиме Ефимове, который свел особую дружбу со скрипачом итальянцем. Именно это знакомство становится роковым для Ефимова, поскольку, как он сам выразится, итальянец окажется сущим дьяволом.

«Теперь я и за себя отвечать не могу: уж вы лучше, сударь, оставьте меня. Это всё с тех пор, как тот дьявол побратался со мною...

– Кто? – спросил помещик.

– А вот, что издох как собака, от которой свет отступился, итальянец.

– Это он тебя, Егорушка, играть выучил?

– Да! Многому он меня научил на мою погибель. Лучше б мне никогда его не видать.

– Разве и он был мастер на скрипке, Егорушка?

– Нет, он сам мало знал, а учил хорошо. Я сам выучился; он только показывал, – и легче, чтоб у меня рука отсохла, чем эта наука. Я теперь сам не знаю, чего хочу. Вот спросите, сударь: “Егорка! чего ты хочешь? всё могу тебе дать”, – а я, сударь, ведь ни слова вам в ответ не скажу, затем что сам не знаю, чего хочу. Нет, уж вы лучше, сударь, оставьте меня, в другой раз говорю. Уж я что-нибудь такое над собой сделаю, чтоб меня куда-нибудь подальше спровадили, да и дело с концом!» [Там же. Т. 2. С. 147].

Очевидна в приведенном отрывке семантика образа дьявола, с которым человек входит в особые отношения, заключает сделку, а взамен получает что-либо, недоступное остальным людям. В данном случае герой приобретает невиданное доселе умение играть на скрипке и сам инструмент, принадлежащий ранее итальянцу. Таинственная кончина его также вызывает определенные ассоциации, особенно если иметь в виду то, что именно после смерти итальянца начались перипетии в судьбе Ефимова.

В целом же в повести формируется некий собирательный романтический образ музыканта, для которого искусство становится способом выражения дисгармоничности мира и страданий собственной души. И еще одним звеном в этом образе, вместе с Ефимовым и итальянским капельмейстером, становится скрипач С-ц. Есть основания полагать, что образ его навеян выступлениями Уле Булля и Эрнста в начале 1840-х гг., которые сильнейшим образом впечатлили Достоевского. Кроме того, образ гениального скрипача соотносится с личностью Никколо Паганини, известнейшего итальянского музыканта. И не только фигура С-ца дает основания для сопоставления с Паганини, но и образ итальянского капельмейстера, прочно связанный с дьявольской символикой. А.А. Гозенпуд в книге «Достоевский и музыка» заме-

чает, что существует определенное соотношение между описанием игры С-ца, которую видит Неточка, и образом Паганини в произведении Гейне «Флорентийские ночи» [24. С. 44–45].

Известно, что личность Никколо Паганини и тайна его гениальной игры были окружены множеством легенд, которые сам Паганини охотно поддерживал. Его необычная внешность: мертвенно бледная кожа, впалые глазницы, невероятно длинные пальцы и худощавая фигура, только распаляли слухи о том, что гениальный талант скрипача имеет нечеловеческое происхождение. Очевидно, что Достоевскому, интересовавшемуся музыкой, было известно имя Паганини, и он поддержал романтизированный миф об итальянском музыканте в повести «Неточка Незванова», придав образу скрипача С-ца и капельмейстеру-итальянцу черты Паганини.

Далее в тексте повести мотив, связанный с музыкальным творчеством, возникает снова в контексте итальянской темы. Однако он уже не имеет той мистическо-инфернальной коннотации, которая была связана с фигурой скрипача итальянца. Именно итальянская мелодия пробуждает в героине дар пения, избавляет от прежнего стеснения, так намечается ее дальнейшая судьба, связанная с музыкальным творчеством: «Однажды вечером, перед сумерками, я рассеянно читала книгу в кабинете Александры Михайловны. Она сидела за фортепьяно, импровизируя на тему одного любимейшего ею мотива итальянской музыки. Когда она перешла наконец в чистую мелодию арии, я, увлекшись музыкою, которая проникла мне в сердце, начала робко, вполголоса, напевать этот мотив про себя. Скоро увлекшись совсем, я встала с места и подошла к фортепьяно; Александра Михайловна, как бы угадав меня, перешла в аккомпанемент и с любовью следила за каждой нотой моего голоса. Казалось, она была поражена богатством его» [23. Т. 2. С. 237].

Музыкальная тема в повести развивается: для Неточки решено нанять учителя пения, «известнейшего и наилучшего», и он оказывается итальянцем: «На другой же день к нам приехал итальянец Д., выслушал меня, повторил мнение Б., своего приятеля, но тут же объявил, что мне будет гораздо более пользы ходить учиться к нему, вместе с другими его ученицами, <…> и с этих пор я ровно по три раза в неделю отправлялась по утрам, в восемь часов, в сопровождении служанки в консерваторию» [Там же. С. 238]. Так возникает своеобразный параллелизм судеб Неточки и ее отчима Ефимова, который тоже постигал тайны музыкального искусства через учителя итальянца. В случае Неточки же, мистический подтекст отсутствует, и сама героиня, в отличие от Ефимова, не ощущает губительности своего дара.

Одним из важнейших аспектов взаимодействия Достоевского с культурой Италии явилась музыка, что ярче всего проявляется в его ранних произведениях, особенно показательны в этом отношении повести «Неточка Незванова» и «Белые ночи». В этих произведениях отразились переживания молодого Достоевского, связанные с частым посещением итальянской оперы, дружескими музыкальными вечерами и даже детскими впечатлениями.

А.А. Гозенпуд в книге «Достоевский и музыка» отмечает: «Одно из немногих развлечений детей лекаря Московской больницы для бедных Михаила Достоевского заключалось в посещении гуляний на праздниках “под Новинским”. <…> В балаганах разыгрывались пантомимы с участием традиционных персонажей итальянской комедии масок…» [24. С. 6–7]. И если учесть, что посещение таких балаганных представлений было чуть ли не единственным развлечением для маленького Федора, то, думается, сильным было и впечатление, оставленное им в душе будущего писателя.

Более осознанный характер имело пристрастие Достоевского к итальянской опере в начале 1840-х гг. В эти годы среди слушателей оперы сформировались две оппозиционные партии, каждая из которых отдавала предпочтение и поддерживала одну из солисток: Джиули-Борси или же Фреццолини. Достоевский, несомненно, принадлежал к партии Борси, исполнение которой ему импонировало в гораздо большей степени. Газетные фельетоны тех лет хранят упоминания о соперничестве двух партий. И сам Достоевский, несмотря на собственную приверженность Борси, включает в повесть «Чужая жена и муж под кроватью» иронический комментарий о поклонниках Борси и Фреццолини: «Нужно заметить, что в то время процветали две партии и каждая стояла за свою примадонну. Одни назывались ***зисты, другие ***нисты. Обе партии до того любили музыку, что капельдинеры наконец решительно стали опасаться какого-нибудь очень решительного проявления любви ко всему прекрасному и высокому, совмещавшемуся в двух примадоннах» [23. Т. 2. С. 62]. Есть основания полагать, что Достоевский тогда был вхож и за кулисы, был осведомлен о причинах отмены некоторых спектаклей.

Однако в 1845–1847 гг. интерес к итальянской опере в петербургском обществе начинает спадать. Достоевский так пишет в «Петербургской летописи» 1847 г.: «Петербург встает зевая, зевая исполняет обязанности, зевая отходит ко сну. Но всего более зевает он в своих маскарадах и в опере. Опера между тем у нас в совершенстве. Голоса дивных певцов до того звучны и чисты, что уже начинают приятно отзываться по всему пространному государству нашему, по всем городам, городкам, весям и селам. Уже всякий познал, что в Петербурге есть опера, и всякий завидует. А между тем Петербург все-таки немножко скучает, и под конец зимы опера ему становится также скучна, как... ну, как например последний зимний концерт» [Там же. Т. 18. С. 21]. Так писатель иронически развенчивает петербургскую и собственную оперную итальяноманию.

Далее встречаем отсылку к Италии в произведении «Маленький герой», на первый взгляд представляющуюся незначительной: «M-me M была тоже очень хороша собой, но в красоте ее было что-то особенное, резко отделявшее ее от толпы хорошеньких женщин; было что-то в лице ее, что тотчас же неотразимо влекло к себе все симпатии, или, лучше сказать, что пробуждало благородную, возвышенную симпатию в

том, кто встречал ее. Есть такие счастливые лица. Возле нее всякому становилось как-то лучше, как-то свободнее, как-то теплее, и, однако ж, ее грустные большие глаза, полные огня и силы, смотрели робко и беспокойно, будто под ежеминутным страхом чего-то враждебного и грозного, и эта странная робость таким унынием покрывала подчас ее тихие, кроткие черты, напоминавшие светлые лица итальянских мадонн, что, смотря на нее, самому становилось скоро так же грустно, как за собственную, как за родную печаль» [23. Т. 2. С. 273].

Примечательно, что герой-повествователь сравнивает лицо прекрасной женщины именно с итальянским изображением Мадонны и говорит о нем во множественном числе. Именно итальянская Мадонна удивительным образом связана одновременно с земным и небесным. В католической культуре вообще больше приняты скульптурные изображения святых и Девы Марии, что, несомненно, придает им больший объем, трехмерность, реалистичность, а значит, и приближенность к земному миру. Возможно, именно поэтому у итальянского народа складываются особые отношения со своими святыми, они непременно устанавливают с ними в действительном смысле дружеские отношения. Этим стремлением можно объяснить и характерную особенность итальянских городов: на их улицах, в стенах домов расположены многочисленные скульптурные изображения Девы Марии, их может заметить любой путешествующий по Италии. Конечно, они не могли ускользнуть от внимательного взора Достоевского, он не единожды мог созерцать те самые «светлые лица итальянских мадонн». Однако произведение «Маленький герой» было написано Достоевским во время заключения в Петропавловской крепости в 1849 г., а опубликовано в 1857, т.е. он писал о лицах итальянских мадонн, еще не увидев их воочию. Посещение Италии было для Достоевского заветной мечтой еще с юношеских лет, и, возможно, что некоторые итальянские реалии были известны ему еще до непосредственной встречи с ними.

Далее, вплоть до 18-го тома собрания сочинений Достоевского, Италия и итальянское непосредственно в текстах писателя возникают в связи с отсылками к итальянской опере, присутствуют единичные случаи упоминания итальянской архитектуры и живописи. Значительно чаще в указанных сочинениях встречается понятие «римский», и стоит отметить, что в целом по корпусу текстов Достоевского лексема «римский» используется 128 раз, из них 100 – в критике [25. С. 135]. В сравнении с тем, что слово «итальянский» употребляется всего 33 раза, цифра представляется достаточно значительной [Там же. С. 350].

Подавляющее число употреблений понятия «римский» можно разделить на две основные группы: использование его в контексте древнеримской истории и культуры или же в контексте рассуждений Достоевского или его героев о католичестве, папстве, при этом второй тип употребления является наиболее частотным. Именно этим объясняется столь выраженное внимание Достоевского к понятию «римский», которое, насколько можно судить по текстам и статистическим данным, связывалось в его сознании исключительно с религиозно-политическими вопросами. Неоднозначное отношение писателя к институту папской власти и католической религии в целом порождает частотность звучания понятий, связанных с данной проблематикой.

Другой общественно-политической темой, непосредственно связанной с Италией и широко представленной в критических текстах Достоевского, стал процесс объединения Италии и деятельность Джузеппе Гарибальди. Итальянские события этого периода подробно освещались в русской публицистике, и Достоевский тоже откликнулся на происходящее в своих критических заметках и так комментирует союз нового единого итальянского государства с Германией и Австрией: «Расставшись навеки с колоссальной римской идеей всемирного владычества папы, унаследованной прямо от идеи всемирного владычества древнего Рима, итальянцы смотрят теперь хотя и безмерно уменьшенным взглядом на судьбы свои, но зато позитивно и материально и, несмотря на прозаичность занятия, неуклонно хлопочут устроить свое будущее мещанское счастье под знаменем Италии, соединенной во единое конституционное королевство. Очень может быть, что они избрали благую часть. Тут всё зависит от народного гения и во сколько он сам ценит и сознает себя» [23. Т. 21. С. 192–193].

В приведенном отрывке возникает важнейшее понятие «римской идеи», которое довольно отчетливо сформулировано в критических заметках Достоевского и заключается в мысли о тяготении папской власти с центром в Риме к всемирному владычеству. Согласно Достоевскому, она произрастает из идеи всемирного господства Древнего Рима и подразумевает прежде всего светскую власть. В случае же папского владычества в руках главы католической церкви сосредотачиваются и светская, и религиозная власть, что, по мысли Достоевского, недопустимо для духовного лица.

Думается, Италия и итальянский народ в глазах Достоевского и, возможно, не только его, представляла особый феномен, выделялась некоторым образом из остальных европейских государств. Папское владычество Рима делает Италию центром западного христианства, что подразумевает огромную власть, сосредоточенную в рамках одного небольшого государства. Отношение же Достоевского к католичеству в целом и к институту папства в частности было сложным, его нельзя назвать положительным. Возможно, поэтому Достоевский был так заинтересован фигурой Джузеппе Гарибальди, который стремился объединить раздробленную Италию, что, несомненно, повлияло бы на власть римского папы, поскольку после присоединения Рима к Итальянскому королевству в 1870 г. светская власть папы перестала существовать. Лишь в 1929 г. по Латеранскому соглашению была восстановлена светская власть папы над ограниченным районом Рима и создано государство Ватикан. В целом же вопрос отношения Достоевского к католичеству и папству представляется слишком обширным для осмысления в контексте данной работы, поэтому остановимся на уже сделанных замечаниях.

При дальнейшем исследовании текстов Достоевского, в материалах «Дневника писателя» за 1873 г., в заметке «Маленькие картинки» Италия обнаруживает себя в интереснейшем противопоставлении с Петербургом. Писатель, анализируя архитектурный облик Санкт-Петербурга, замечает: «Архитектура всего Петербурга чрезвычайно характеристична и оригинальна и всегда поражала меня, – именно тем, что выражает всю его бесхарактерность и безличность за всё время существования» [23. Т. 21. С. 106].

Каждый город является не только и столько географическим объектом, сколько репрезентантом культуры, он несет в себе основные значения и смыслы, присущие определенной национально-культурной парадигме. Ю.М. Лотман в статье «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» утверждает, что «город – это сложный семиотический механизм, генератор культуры», но может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой сложную систему взаимодействия текстов и кодов, «разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [26. С. 13]. При этом очевидно, что непременным фактором действующей семиотической системы, которой и является город, становится наличие истории. И город, созданный «вдруг», согласно лишь человеческой воле, подчиненный единому плану, не может существовать. Но именно таким и был замысел Петербурга.

Это подтверждается и словами Достоевского о Петербурге: «…в архитектурном смысле он отражение всех архитектур в мире, всех периодов и мод; всё постепенно заимствовано и всё по-своему перековеркано. В этих зданиях, как по книге, прочтете все наплывы всех идей и идеек, правильно или внезапно залетавших к нам из Европы и постепенно нас одолевавших и полонивших» [23. Т. 21. С. 106–107]. И все же неоценимый вклад в создание архитектурного облика новой столицы внесли именно итальянские архитекторы, в их творчестве воплощался не только артистический талант, но и многовековая традиция. Это делает Петербург действительно причастным к европейской и в первую очередь итальянской культуре, но в то же время, по словам Достоевского, архитектура его не выглядит органично, поскольку возникла единовременно и была заимствована. Это позволяет говорить о некоторой театральности внешнего облика Петербурга, поскольку здания на берегах Невы напоминают скорее величественные декорации.

И часто эти декорации были именно итальянскими: «Вот потом дома, или почти дворцы, иных наших дворянских фамилий, но гораздо позднейшего времени. Это уж на манер иных итальянских палаццо <…>. Но там, в венецианских или римских палаццо, отжили или еще отживают жизнь свою целые поколения древних фамилий, одно за другим, в течение столетий. У нас же поставили наши палаццы всего только в прошлое царствование, но тоже, кажется, с претензией на столетия <…>. Мне очень грустно будет, если когда-нибудь на этих палаццах прочту вывеску трактира с увеселительным садом или французского отеля для приезжающих» [23. Т. 21. С. 107].

Однако ни в коем случае нельзя утверждать, что Достоевский считал Петербург городом бесхарактерным, безличным, напротив, писатель утверждает, что разнохарактерность архитектуры города свидетельствует «о единстве мысли и единстве движения <…> Это здание в расстреллевском вкусе напоминает екатерининский век, это, в греческом и римском стиле, – позднейшее время, но всё вместе напоминает историю европейской жизни Петербурга и целой России. И до сих пор Петербург в пыли и в мусоре; он еще созидается, делается; будущее его еще в идее; но идея эта принадлежит Петру I, она воплощается, растет и укореняется с каждым днем не в одном петербургском болоте, но во всей России, которая вся живет одним Петербургом» [24. С. 28]. Достоевский рассматривает многочисленные вторжения иноментальной культуры в пространство Петербурга как нечто, что составляет его сущность и отражает определенный этап его истории, составляющий и часть истории всей России.

Так постепенно выстраивается противопоставление Петербурга и Италии, которое прослеживается в том числе и внутри самого пространства Петербурга, поскольку в нем сосуществуют одновременно приметы итальянской и русской культуры.

Последовательный анализ художественных и критических текстов Достоевского позволяет говорить о том, что концепт «итальянское» в его сознании удивительным образом связывался с инфернальной семантикой. Италия, которая для многих русских писателей была образом рая на земле, для Достоевского представляла скорее некоторое мистическое пространство, в котором все стремится к крайней точке бытия и выходит за границу обыденных человеческих представлений и возможностей. Характерно, что контексты, репрезентирующие образ Италии в художественных произведениях, источником своим имеют в основном внутреннюю повествовательную логику того или иного текста, а не точку зрения какого-либо из героев, а значит, наиболее приближены к авторской позиции, и инфернальность образа Италии произрастает из непосредственного суждения Достоевского о ней. Примечательно, что указанная инфернальная символика формируется в ранних произведениях писателя, т.е. задолго до путешествия в Италию и последующего флорентийского «заточения», которое Достоевский сравнивал с сибирской каторгой. Сопротивопоставление Петербурга и Италии возникает закономерно в связи с самой сущностью города на Неве и его уникальной способностью к порождению фантастических ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коваль Л.М. Русско-итальянские общественные связи: Россия. Италия. Книга. М. : Наука, 1981. 109 с.
2. Потапова З.М. Русско-итальянские литературные связи. Вторая половина XIX в. М. : Наука, 1973. 288 с.
3. Lo Gatto. E. Russi in Italia. Dal secolo XVII ad oggi. Roma : Editori riuniti, 1971. 332 p.
4. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск : Изд-во ННРУ, 2003. 169 с.

5. Лебедева О.Б. Образы Неаполя в творческом сознании А.С. Пушкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 10.
6. Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Гоголя, или Потерянный рай: Материалы и исследования / пер. с итал. А. Ямпольской. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 288 с.
7. Образы Италии в русской словесности XVIII–XX вв. : сб. ст. / Томский государственный университет; под ред. О.Б. Лебедевой, Н.Е. Меднис. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 560 с., [15] с.: ил.
8. Образы Италии в русской словесности: По итогам Второй международной научной конференции Международного научно-исследовательского центра «Russia – Italia» – «Россия – Италия», Томск – Новосибирск, 1–7 июня 2009 / ред. О.Б. Лебедева, Т.И. Печерская. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 664 с.
9. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. М. : Искусство, 1994. 541. Т. 1. [2] с.
10. Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура / Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М. : Наука, 1971. 550. [1] с.: ил.
11. Алексеев М.П. Первое знакомство с Данте в России // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л. : Наука, 1970. С. 16–22.
12. Асоян А.А. Данте и русская литература. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. 171 с.
13. Вацуро В.Э. Пушкинская пора. СПб. : Академ. проект, 2000. С. 235–253.
14. Лотман Ю.М. К проблеме «Данте и Пушкин» // Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л. : Наука, 1980. С. 90–91.
15. Хлодовский Р.И. Анна Ахматова и Данте // Тайны ремесла: Ахматовские чтения. М. : Наследие, 1992. Вып. 2. С. 75–92.
16. Волкова Е.И. Русский Дант (Ад и Рай в художественном мире Ф.М. Достоевского) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М. : Изд-во МГУ, 2002. № 2. С. 40–47.
17. Касаткина Т.А. Рай и ад в произведениях Ф.М. Достоевского 1860-х гг. // Достоевский и современность. Материалы XX Международных Старорусских чтений 2005 года. Великий Новгород: [б. и.], 2006. С. 191–213.
18. Кантор В.А. Инферно: две ипостаси («Отец Горио» и «Преступление и наказание») // Гефтер. М. : [б. и.], 2014. № 17. С. 1–32.
19. Акелькина Е.А. Данте и Достоевский (Рецепция дантовского опыта организации повествования в «Божественной комедии» при создании «Записок из мертвого дома») // Вестник Омского университета : Изд-во Омского ун-та, 2012. № 2 (64). С. 394–399.
20. Тоичкина А. Поэтика символа в «Божественной комедии» Данте и в «Записках из Мертвого дома» Достоевского // Достоевский и мировая культура. № 30 (1). М. : [б. и.], 2013. С. 83–108.
21. Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. 391 с.
22. Брусовани М.И., Гольперина Р.Г. Заграничные путешествия Ф.М. Достоевского 1862 и 1863 гг. // Достоевский: материалы и исследования. Л. : Наука, 1988. Т. 8. С. 272–292.
23. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1971–1985.
24. Гозенпуд А.А. Достоевский и музыка. Л. : Музыка, 1971. С. 44–45.
25. Статистический словарь языка Достоевского / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М. : Языки славянской культуры, 2003. 880 с.
26. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. 2. С. 9–21.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 апреля 2016 г.

THE CONCEPT "ITALIAN" IN THE PERCEPTION OF F.M. DOSTOEVSKY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 20–27.
DOI: 10.17223/15617793/408/3

Kurgan Marina G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marina_sunrise@mail.ru

Keywords: Dostoevsky; Italy; Rome; infernal origin; music; St. Petersburg.

The global trend towards the formation of a unified cultural space justifies the need to study intercultural relations. Russian-Italian ties in this context have a particular significance not only because of their rich history, but also because it is an example of an extremely productive relationship for both parties. Italy is a unique cultural phenomenon, and the ancient past, associated with the history of ancient Rome and its rich cultural heritage, probably had the strongest influence on the consciousness of the Russian intelligentsia. This fact largely influenced the formation of the special mission of Italy in the whole world, of which Berdyaev argues in his short essay "The Sense of Italy". The author points out that Italy is a country where the creative spirit prevailed over all other human aspirations and expressed itself on the Italian soil more fully and freely. In this regard, Berdyaev notes that Italy had a special value and appeal for the Russian consciousness. A special place in the culture of Italy belongs to a kind of a precursor of the Renaissance, whose work can not be attributed entirely to the aesthetics of the Middle Ages: the poet Dante Alighieri. The study of the Russian classics' perception of Dante's creativity is perhaps one of the most developed issues of the Russian-Italian comparative studies. This area of the broad topic "Dostoevsky and Italy" includes the greatest number of studies, which often are small articles on a particular issue. F.M. Dostoevsky visited Italy three times, the longest visit was to Florence with his wife Anna Grigorievna in 1868. Most of Dostoevsky's immediate impressions of his journey are found in the letters which, however, are short in the description of feelings and thoughts related to Italy. In connection with this fact the value of the consideration of not only the writer's evidence expressed in the epistolary genre, but also of the entire body of his texts increases. When considering the topic "Dostoevsky and Italy", it is necessary to reconstruct the semantic cell "Italy and the Italian" in the perception of Dostoevsky. The material for this analysis can be the artistic and critical texts of Dostoevsky. For the first time the epithet "Italian" is found in the novel *Poor People* and refers to an essay of a certain writer Ratazyaev. This essay has the title "Italian Passions" although its characters are not Italians and the action is obviously taking place in Russia. Consequently, the strongest type of sentimental feelings that the characters are experiencing is called "Italian", expressed in an extreme degree. The essay has a surprising epithet which describes the hero's state of mind, he said that his "worn out chest" is crisscrossed with the "all-disruptive hellfire". It is obvious that the passion of love that tortures the soul is associated in the mind with the infernal combustion. At the same time such a passion is called Italian and no other. This infernal theme continues not in an ironic way in the story *The Double* where the definition "Italian" arises in connection with the name "Italian Street" at one of the crucial, tragic and mysterious narrative moments when Mr. Golyadkin meets his double. The image of the double in the story has a certain correlation with the infernal space, which again allows associating the image of Italy and the infernal beginning. Next, Italy reminds of itself in the first few pages of the story *Netochka Nezvanova.* The heroine begins the story of her stepfather Efimov who had a special friendship with an Italian violinist. This acquaintance becomes fatal for Efimov because, as he put it himself, the Italian is a real devil. In general, the story forms a collective image of a romantic musician whose art becomes a way of expressing the disharmony of the world and the suffering of his soul. The image of the brilliant violinist S-ts

refers to Niccolo Paganini, the famous Italian musician. One of the most important aspects of Dostoevsky's interaction with the culture of Italy was music, which is most evident in his early works that reflect the experiences of young Dostoevsky associated with frequent visits to the Italian Opera, friendly musical nights and even childhood impressions. The further study of Dostoevsky's texts in A Writer's Diary for 1873 shows the most interesting contrast of Italy and St. Petersburg. The successive analysis of the artistic and critical texts of Dostoevsky suggests that the concept "Italian" in his mind is wonderfully connected with the infernal semantics.

REFERENCES

1. Koval', L.M. (1981) *Russko-ital'yanskie obshchestvennye svyazi: Rossiya. Italiya. Kniga* [Russian-Italian public relations: Russia. Italy. Book]. Moscow: Nauka.
2. Potapova, Z.M. (1973) *Russko-ital'yanskie literaturnye svyazi. Vtoraya polovina XIX v.* [Russian-Italian literary connections. The second half of the 19th century]. Moscow: Nauka.
3. Lo Gatto, E. (1971) *Russi in Italia. Dal secolo XVII ad oggi* [Russians in Italy. From the 17th century to the present]. Rome: Editori riuniti.
4. Mednis, N.E. (2003) *Sverkhteksty v russkoy literature* [Supratexts in Russian literature]. Novosibirsk: Izd-vo NNRU.
5. Lebedeva, O.B. (2010) The Image of Naples in A.S. Pushkin's creative consciousness. Article I. Political concept of Pushkins Neapolitana: "No te v Neapole shaljat…". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4(12). pp. 65–85. (In Russian).
6. Giuliani, R. (2009) *Rim v zhizni i tvorchestve Gogolya, ili Poteryannyy ray: Materialy i issledovaniya* [Rome in the life and work of Gogol, or Paradise Lost: Materials and research]. Translated from Italian by A. Yampol'skaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Lebedeva, O.B. & Mednis, N.E. (eds) (2009) *Obrazy Italii v russkoy slovesnosti XVIII–XX vv.* [Images of Italy in the Russian literature of the 18th–20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Lebedeva, O.B. & Pecherskaya, T.I. (eds) (2011) *Obrazy Italii v russkoy slovesnosti* [Images of Italy in Russian literature]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Berdyaev, N.A. (1994) *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: v 2 t.* [The philosophy of creativity, culture and art: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo.
10. Golenishchev-Kutuzov, I.N. (1971) *Tvorchestvo Dante i mirovaya kul'tura* [Works of Dante and World Culture]. Moscow: Nauka.
11. Alekseev, M.P. (1970) Pervoe znakomstvo s Dante v Rossii [The first acquaintance with Dante in Russia]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Ot klassitsizma k romantizmu: Iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoy literatury* [From Classicism to Romanticism: From the history of international relations of Russian literature]. Leningrad: Nauka.
12. Asoyan, A.A. (1989) *Dante i russkaya literatura* [Dante and Russian literature]. Sverdlovsk: Ural State University.
13. Vatsuro, V.E. (2000) *Pushkinskaya pora* [Pushkin's time]. St. Petersburg: Akadem. proekt.
14. Lotman, Yu.M. (1980) K probleme "Dante i Pushkin" [On the problem of Dante and Pushkin]. In: Alekseev, M.P. (ed.) *Vremennik Pushkinskoy komissii* [Annals of Pushkin Commission]. Leningrad: Nauka.
15. Khlodovskiy, R.I. (1992) Anna Akhmatova i Dante [Anna Akhmatova and Dante]. In: Koroleva, N.V. & Kovalenko, S.A. (eds) *Tayny remesla: Akhmatovskie chteniya* [Secrets of the Craft: Akhmatova Readings]. Vol. 2. Moscow: Nasledie.
16. Volkova, E.I. (2002) Russkiy Dant (Ad i Ray v khudozhestvennom mire F.M. Dostoevskogo) [Russian Dante (Hell and Paradise in the art world of F.M. Dostoevsky)]. *Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2. pp. 40–47.
17. Kasatkina, T.A. (2006) [Heaven and hell in the works of F.M. Dostoevsky in the 1860s.]. *Dostoevskiy i sovremennost'* [Dostoevsky and modernity]. Proceedings of the XX International of the Old Russian Readings of 2005. Veliky Novgorod. pp. 191–213. (In Russian).
18. Kantor, V.A. (2014) Inferno: dve ipostasi ("Otets Gorio" i "Prestuplenie i nakazanie") [Inferno: two hypostases ("Father Goriot" and "Crime and Punishment")]. *Gefter*. 17. pp. 1–32.
19. Akel'kina, E.A. (2012) Dante and Dostoevsky (reception of Dante's experience of the organization of the narration in The Divine Comedy in the creation of The House of the Dead). *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 2 (64). pp. 394–399. (In Russian).
20. Toichkina, A. (2013) Poetika simvola v "Bozhestvennoy komedii" Dante i v "Zapiskakh iz Mertvogo doma" Dostoevskogo [Poetics of symbols in The Divine Comedy by Dante in The House of the Dead by Dostoevsky]. *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura*. 30 (1). pp. 83–108.
21. Mednis, N.E. (1999) *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
22. Brusovani, M.I. (1988) Zagranichnye puteshestviya F.M. Dostoevskogo 1862 i 1863 gg. [Overseas travel of F.M. Dostoevsky in 1862 and 1863]. In: Fridlender, G.M. (ed.) *Dostoevskiy: materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: materials and research]. Vol. 8. Leningrad: Nauka.
23. Dostoevsky, F.M. (1971–1985) *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols]. Leningrad: Nauka,.
24. Gozenpud, A.A. (1971) *Dostoevskiy i muzyka* [Dostoevsky and music]. Leningrad: Muzyka.
25. RAS Vinogradov Institute of the Russian Language. (2003) *Statisticheskiy slovar' yazyka Dostoevskogo* [Statistical Dictionary of Dostoevsky]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
26. Lotman, Yu.M. (1992) Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [Symbols of St. Petersburg and the problem of the city semiotics]. In: Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles: in 3 vols]. Vol. 2. Tallin: Aleksandra.

Received: 21 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 28–34. DOI: 10.17223/15617793/408/4

ИСТОРИЯ

УДК 94 «20»

А.Ф. Аноп

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ В АНГЛИЙСКОЙ ПРЕССЕ В 1922 г.

Рассматривается обсуждение в британской прессе важных аспектов английской политики в отношении Турции на заключительном этапе Греко-турецкой войны 1919–1922 гг., закончившейся подписанием перемирия в Мудании в октябре 1922 г. Позиции редакций газет отражали борьбу различных политических сил и деловых кругов Англии по этому вопросу. Суть дискуссий сводилась к поиску решения конфликта, который был бы выгоден Англии.

Ключевые слова: ближневосточная политика; Великобритания; пресса; 1922 г.

Подписание Муданийского перемирия в октябре 1922 г. означало окончание затянувшейся Греко-турецкой войны, отказ от Севрского договора с Турцией и поражение ближневосточного политического курса, проводимого коалиционным кабинетом во главе с Ллойд Джорджем. Следует отметить, что решившийся открыто выступить в прессе с осуждением политики, не входящей в ведение его департамента, министр по делам Индии Э. Монтегю вынужден был уйти в отставку в начале марта 1922 г. Политика, направленная на усиление политического, экономического и финансового влияния Англии в Анатолии и арабских странах, привела к обострению разногласий с Францией, новое правительство которой во главе с Пуанкаре склонялось к тому, чтобы пойти на уступки Турции в решении вопросов по Фракии, Смирне и Киликии. Парижская конференция 22–26 марта 1922 г. оказалась последней неудачной попыткой союзников решить проблему дипломатическим путем. В ответ на предложения союзников Кемаль потребовал немедленно эвакуировать войска из Смирны [1. P. 649; 2. P. 225].

В свою очередь Греция сделала ставку на захват Константинополя, о чем 29 июля был извещен британский посол в Афинах. Верховные комиссары союзников выступили с заявлением, что любой попытке захватить Константинополь будет оказано военное сопротивление. Желая поощрить греков, Ллойд Джордж 4 августа заявил, что союзники должны позволить Греции вести войну в полную силу. Речь Ллойд Джорджа в палате общин вызвала отрицательную оценку в политических кругах Англии и убедила кемалистов спешить с наступлением, которое они планировали. В результате наступления национально-освободительной армии Турции 26 августа 1922 г. греческая армия потерпела сокрушительное поражение. 9 сентября турецкие войска заняли Смирну. После поражения греческой армии нейтральная зона вокруг проливов, охраняемая 12 батальонами союзников, оставалась единственным барьером против захвата Константинополя и продвижения турок в Европу. Возникла угроза изгнания войск союзников из Константинополя и зоны проливов.

Сложившееся критическое положение неоднократно обсуждалось на заседаниях британского кабинета. В центре внимания был вопрос об обороне проливов всеми возможными средствами. Весь кабинет сплотился вокруг этой политики. Принятые решения свидетельствуют о серьезности и масштабах задуманной кампании [3. P. 178–180, 210].

О настроениях кабинета несколько позже писал У. Черчилль: «Я оказался в деле с небольшой группой решительных людей: премьер-министр, лорд Биркенхед, сэр Л. Уортингтон-Эванс… Мы делали общее дело. Правительство могло пасть… Нация могла не поддержать нас… Пресса могла поднять шум, союзники – оставить нас… Мы намеревались заставить турок пойти на переговоры о мире» [4. P. 151].

С этой целью У. Черчилль по поручению Ллойд Джорджа составил телеграмму премьер-министрам доминионов с просьбой прислать военное подкрепление в Константинополь [3. P. 211–214].

Обращение британского правительства к доминионам и затем к Балканским странам без консультации с союзниками вызвало возмущение во Франции и Италии. Их войска были выведены с азиатского берега Мраморного моря.

Последовавшая затем встреча Керзона и Пуанкаре показала, что англо-французские отношения были на грани разрыва. Французский премьер подтвердил нежелание Франции участвовать в войне против Турции, но согласился на созыв мирной конференции с участием великих держав.

23 сентября, когда было послано приглашение на конференцию, турецкие силы вошли в нейтральную зону к югу от Чанака. Через два дня Кемаль потребовал вывести британские войска с азиатского берега проливов [5. P. 57].

24 сентября Ллойд Джордж сделал заявление в палате общин, что стержнем всей британской политики на Ближнем Востоке является «свобода плавания между Средиземным и Черным морями», и подтвердил, что Англия будет отстаивать свои требования к статусу проливов [6. С. 217].

Через несколько дней английские силы в районе Дарданелл были подкреплены артиллерией, авиацией и танковыми частями, что изменило тактическую ситуацию в пользу Британии. 29 сентября Кемаль сообщил Пуанкаре о согласии на переговоры. Он настаивал на немедленном выводе греческих войск и принял

условие союзников о сохранении оккупации Константинополя до вступления в силу мирного договора [Там же. С. 218].

В тот же день главнокомандующий английскими войсками генерал Харрингтон получил текст ультиматума для передачи турецкому командующему в Чанаке. Ультиматум гласил, что если его войска не будут выведены, «все силы в нашем распоряжении – морские, сухопутные и воздушные – откроют огонь». В инструкции генералу подчеркивалось, что время ультиматума должно быть коротким, так как, по данным разведки, кемалистское наступление планируется на 30 сентября [7. P. 650].

Вслед за этим ему была дана инструкция по проведению конференции. Харрингтон должен был ограничиваться только решением военных вопросов. Целью встречи являлось определение границ отступления греческих сил во Фракии. Анкарское правительство должно было обязаться не посылать войска в нейтральную зону до окончания работы мирной конференции и не входить в проливы.

Конференция в Мудании проходила с 3 по 11 октября 1922 г. и закончилась подписанием соглашения об эвакуации греческих войск. Войска союзников оставались в Константинополе, на проливах и Галлиполийском полуострове до заключения мирного договора. Турция обязалась не вводить войска в нейтральную зону в районе Чанакского полуострова. Таким образом, Турция добилась освобождения Восточной Фракии, а Антанта – права держать свои войска на территории Турции и тем самым оказывать влияние на ход переговоров.

При выработке соглашения вновь возникли спорные вопросы, так как греческое командование не соглашалось на отвод своих войск на левый берег реки Марицы. После того, как турецкое правительство довело до сведения союзных правительств, что не примет участие в мирной конференции, если греческие войска не будут эвакуированы, союзники согласились на отвод греческих войск 8 октября.

Днем раньше лидер консервативной партии Бонар Лоу выступил в прессе с осуждением ближневосточной политики правительства. Бонар Лоу писал, что прекращение войны и сохранение свободы проливов отвечают не только британским интересам, но интересам всего мира. «Мы находимся на проливах по воле союзных держав, которые выиграли войну… и не можем выступать как единственный полицейский в мире», – заявлял он [8. P. 207].

Письмо Бонар Лоу в прессе появилось через три дня после обращения греческого премьера Венизелоса к союзникам с предложением занять Восточную Фракию и контролировать её передачу туркам [3. P. 310]. Тем временем представитель Турции потребовал передачи Восточной Фракии и вывода оттуда всех союзнических контингентов и миссий, что шло вразрез с предложением союзников от 23 сентября. В своем сообщении об этом в Лондон верховный комиссар Рамболд указывал, что комиссары союзников были склонны пойти на любые уступки [Там же. P. 314].

Перспектива мира теперь зависела от результатов переговоров Керзона в Париже, который добивался согласия Пуанкаре на союзную оккупацию Фракии.

Когда конференция возобновилась, перед Харрингтоном стояла задача добиться согласия Исмет-паши на союзную оккупацию Фракии и вывод турецких войск с Чанакского и Исмидского полуостровов в качестве компенсации за вывод греческих войск за реку Марицу. Конференция была прервана, так как Исмет-паша ответил отказом. Харрингтон вынужден был консультироваться с Рамболдом в Константинополе. Исмет-паша консультировался с Кемалем. По возвращении в Муданию на следующее утро Харрингтон получил правительственную телеграмму с распоряжением начать военные действия в случае необходимости. За ней пришла вторая с подтверждением содержания первой. Вслед за этим поступило сообщение от командующего английскими силами в Чанаке генерала Мардена о приближении турецких войск. Назначив время открытия огня, Харрингтон отправился на встречу с Исмет-пашой [3. P. 316].

Приказ Харрингтона, отменяющий открытие огня, Марден получил за час до назначенного времени. Текст соглашения составлялся всеми генералами, за исключением Мазаракиса, который вернулся на греческий корабль. Греческое правительство признало конвенцию, так и не подписав документ.

Конвенция предусматривала прекращение военных действий и отвод греческих войск на левый берег реки Марицы. Союзники оккупировали правый берег реки. Греческая администрация передавалась военным комиссиям союзников. 7 батальонов союзников входили во Фракию для охраны порядка. Турецкие войска отошли на 15 км от побережья. Союзные войска оставались в Константинополе и на Галлиполи до окончания мирной конференции. Это позволило им добиваться нужного им режима проливов в ходе переговоров на предстоящей конференции.

Вопросы, связанные с ближневосточной политикой и развитием событий в регионе, широко освещались в английской прессе на протяжении 1922 г. Консервативная газета «Дейли телеграф» выступила с поддержкой правительственного курса по основным вопросам ближневосточной политики. По поводу движения индийских мусульман за сохранение суверенитета султана над святыми местами и эвакуации союзных войск из Константинополя было заявлено, что их требования расходятся с политикой, которая была выработана правительством в согласии с Римом и Парижем, и поэтому эту политику не может диктовать Индия. «Мы, конечно, не согласны вернуть под власть Турции христианское население в Европе ради того, чтобы умиротворить отдельных халифатских фанатиков в индийских городах», – писала газета в марте 1922 г., подчеркивая, что, если Монтегю считал прогреческую политику премьер-министра «пагубной для Британской империи, его обязанностью было уйти в отставку» [9. March 9, 10, 13].

«Дейли телеграф» предлагала отнять у Турции все выгодные земли и оставить ей лишь территорию, занятую кемалистами, если условия, выработанные в

Париже, не будут приняты. Если окажется невозможным решить вопрос с помощью Антанты, предлагалось использовать «интересы Югославии и Румынии и их готовность оказать помощь» [9. July 10].

Содержание греческой ноты от 29 июля 1922 г. о решении занять Константинополь объяснялось как обращение к союзникам с просьбой об уступке. «Это не ультиматум и даже не требование, и в этом смысле разговоры о наступлении на Константинополь как о вызове политике союзников являются беспочвенными», – отмечалось в газете. Одновременно прозвучала мысль о том, что «существующий режим в Константинополе лишает Грецию серьезных преимуществ в операциях против кемалистов» [Ibid. July 31].

Речь Ллойд Джорджа в парламенте 4 августа расценивалась газетой как «чрезвычайно искренняя и честная декларация об отношении Британии к состоянию войны в Малой Азии» [Ibid. Aug. 15].

По мере развития кемалистского наступления в сентябре газета консерваторов отстаивала мысль о недопустимости восстановления турецкой власти во Фракии, если победившие турки будут требовать ее эвакуации [Ibid. Sept. 5, 8, 11, 16].

После падения Смирны «Дейли телеграф» подчеркивала: «Эллинская идея, которая является благородной и выдвижения которой наша страна не должна стыдиться, оказалось невыполненной». Вина за поражение возлагалась на политиков в Афинах, которые заявили о походе на Константинополь. «Эта мысль кажется смешной в свете событий последних десяти дней, и само ее выдвижение свидетельствует о неспособности прежнего греческого кабинета дать настоящую оценку ситуации», – считала газета [Ibid. Sept. 11].

Соглашение о возвращении Фракии под власть Турции, достигнутое Керзоном, Пуанкаре и Сфорца, считалось восстановлением единства западных держав, которое укрепило надежды на скорейший созыв конференции и восстановление мира. Правда, была сделана оговорка, что «это не совсем те условия, которые были желательны, так как общественность Британии предпочла бы передать решение вопроса о Восточной Фракии на конференцию, особенно учитывая интересы Сербии и Румынии» [Ibid. Sept. 25].

Посылка ультиматума о выводе войск кемалистов из нейтральной зоны считалась необходимой мерой, имеющей целью заявить, что «диктатура турецкого солдата не будет принята Британской империей, и ему не будет позволено разбить… согласованную политику держав Антанты» [Ibid. Sept. 30].

Впоследствии, защищая действия правительства во время Чанакского кризиса, газета заявляла, что «единственной заботой премьер-министра было предотвратить войну и спасти доброе имя Британской империи». Отвечая на обвинения лорда Грея и Асквита в том, что правительство оттолкнуло от себя союзников и не вывело войска на европейский берег, газета писала, что этим шагом правительство предотвратило еще большие кровопролития, чем те, которые выпали на долю Смирны. «Война была предотвращена благодаря безотлагательным действиям правительства по укреплению позиций и твердости, не позволившей Кемалю войти в Константинополь и Фракию, пока не было достигнуто соглашение о проведении мирной конференции» [Ibid. Oct. 11].

Это заявление, как и многие другие, расходилось с оценкой иных газет, анализ которых отражает широкое разочарование в стране политикой коалиционного кабинета.

Вопрос о прекращении войны в Малой Азии поднимался в газете «Таймс», которая подчеркивала, что «так как греческая армия способна удержать только оборонительные позиции и не может добиться военной победы, продолжение войны является бессмысленным, и, в конце концов, должно серьезно подорвать греческие ресурсы» [10. Jan. 4].

Накануне Парижской конференции, которая обратилась к воюющим сторонам с нотой о прекращении войны, в газете было высказано мнение о необходимости признания суверенитета Турции над Малой Азией, т.е. речь шла о возвращении Смирны под власть Турции. По мнению газеты, только эта уступка давала возможность продолжить переговоры о спорных границах между Грецией и Турцией во Фракии [Ibid. Jan. 24].

Газета выступила с осуждением правительственной поддержки Греции в этой войне. Сообщая о том, что правительство оказало содействие переговорам о предоставлении Греции займа из частных источников, «Таймс» писала, что правительство в сущности оказывает помощь Греции в войне, которую должно остановить, и финансовая блокада Греции могла бы послужить этой цели» [Ibid. Feb. 27].

«Манчестер гардиан» указывала на резкое расхождение позиций союзников, выразившееся в том, что Франция, признавая в принципе международный контроль над проливами, одобряет «фатальную политику восстановления турецкого суверенитета над обоими берегами проливов… В этой ситуации требуется выдержка и твердость». Газета объявила ошибкой установление военной оккупации проливов Британией «вместо совместной политики, которая была необходима». Далее корреспондент газеты писал: «Мы арестовали и выслали на Мальту ряд видных турецких деятелей, которых подозревали в связях с кемалистами и которые, по утверждению французов, являются их сторонниками… Затем мы сделали ставку на военную победу Греции, которая надеялась свергнуть Анкарское правительство… Поэтому нынешнее военное поражение Греции является поражением нашей политики» [Ibid. Feb. 4; May 4].

Мысль о том, что политика навязывания Севрского договора является ошибочной, была высказана в органе деловых кругов журнале «Экономист». При этом обращалось внимание на то, что его пересмотр «становится решающим фактором для Индии на критической стадии движения за самоопределение», и выражалась надежда, что кризис, вызванный действием Монтегю, «заставит правительство основывать свою политику на принципах, которые будут провозглашены в парламенте» [12. March 11].

По поводу выступления в печати Э. Монтегю «Таймс» высказывала мнение, что «взгляды прави-

тельства Индии должны получить всестороннее рассмотрение на предстоящей конференции в Париже, и не должно оставаться сомнения в том, что британское правительство, как и правительство Индии, придает значение и считается с религиозными чувствами мусульманских подданных британской короны». Сам факт опубликования требований без санкции кабинета был осужден и расценивался как «следствие дезорганизации кабинета, который должен уступить место более последовательной администрации» [10. March 3, 10].

Газета «Дейли геральд» откликнулась на опубликование требований индийских мусульман заявлением, что «британское правительство подорвало веру мусульманских солдат, которые сражались за нас во время войны, слепо веря, что они сражаются за свободу и справедливость. И теперь результатом являются волнения мусульман в Индии и на всем Среднем Востоке. Главная причина этих явлений в том, что правительство отказывается признать право на самоопределение за народом, который добивается этого права» [13. March 9].

Лейбористская конференция, проходившая с 27 по 30 июня, приняла резолюцию, в которой выразила поддержку политики лейбористской парламентской фракции, направленной на то, чтобы добиться от правительства решения, дающего Турции контроль над ее собственными территориями с гарантией безопасности других национальностей, проживающих в Турции [14. P. 204].

«Севрский договор должен быть глубоко похоронен. Он вообще не должен был появляться на свет, так как основан на ложной концепции преувеличения роли Греции в восточной политике и наделения ее искусственно-выдуманной ответственностью», – писала «Таймс» во время Парижской конференции. «Вина за это должна быть возложена на союзников и, в особенности, на наше правительство. Теперь их долг состоит в том, чтобы исправить ошибки прошлого. Союзники должны наконец заключить прочный мир с Турцией. Первым шагом к этому должно быть признание независимой Турции в ее этнографических границах и согласие на уход Греции из Малой Азии». Одновременно было отмечено, что позиция правительства остается неясной, и в палате лордов вновь поднимается вопрос о займе Греции [10. March 20, 24].

«Экономист» положительно оценивал предложения об изменении Севрского договора, в особенности, решение о возвращении Смирны и новой границе во Фракии. Считалось, что предложения союзников настолько близки Национальному обету, что со стороны Анкары было бы неразумно отказаться вести переговоры на этой основе. Что касается Греции, которая втянута в эту войну по воле великих держав, ей предлагалось в качестве компенсации передать Кипр [12. Apr. 1].

«Дейли геральд» расценила предложения союзников как компромисс, который не может принести мир для народов Востока. «Точно так же, как английское вмешательство в Ирландии разожгло и увековечило враждебность между католиками и протестантами, так и европейские интриги на Востоке усугубили враждебность мусульман, христиан и евреев», – писала газета [9. Apr. 5].

Сообщая об ответе союзников на требование Турции о немедленной эвакуации греков из Малой Азии и возобновлении военных действий, газета «Таймс» обращала внимание на то, что союзники фактически признались в своей неспособности контролировать военные действия греков, и подчеркивала необходимость сделать ясным, с кем турки имеют дело: с союзниками или греками, или же с неустойчивым союзом этих сил. Внимание было привлечено к тому факту, что в Смирне греческое население при подстрекательстве генерального штаба готовилось к сопротивлению эвакуации. Газета считала, что союзникам следует строго осудить эту тактику и послать в Анатолию своих офицеров для наблюдения за ходом событий [10. Apr. 17].

В статье из журнала «Экономист» констатировался факт, что решение «большой тройки» о посылке греческих войск в Смирну обернулось катастрофическими последствиями. Контроль над Анатолией перешел от союзников к греческой и турецкой армиям общей численностью в 200 тыс. чел. И если в военной кампании наблюдается застой, то в полную силу идет взаимное уничтожение разных национальностей, причем стороны, ответственные за эти события, физически неспособны исправить положение [12. May 20].

«Манчестер гардиан» подчеркивала, что причиной безвыходного положения являются противоречия в лагере союзников. Именно поэтому турки отказались от перемирия, предложенного в марте, рассчитывая добиться своих собственных условий. «И это неудивительно, так как две союзные державы продолжают вопреки всему снабжать их оружием и боеприпасами», – писала газета. «Суть заключается не в том, чтобы поддерживать греков или турок, а в том, чтобы прекратить кровопролитие и установить надежный порядок», – такой комментарий давался на известную речь Ллойд Джорджа 4 августа 1922 г. [11. Aug. 4].

За время осеннего наступления турецкой армии в 1922 г. и последовавшего затем Чанакского кризиса событиям в Малой Азии уделялось чрезвычайное внимание. Давая анализ военного и политического положения, «Таймс» неоднократно подчеркивала необходимость единого подхода союзников к решению конфликта. Считая, что союз кемалистов с Советской Россией усиливает их положение, а военные победы дают возможность выдвинуть новые требования, газета выражала мнение, что их требования на Константинополь и Восточную Фракию должны встретить «решительный отпор и твердую позицию союзников, так как отдать им Константинополь – значит передать в их руки ключи от проливов, а возвращение Восточной Фракии может вызвать новую балканскую войну [10. Sept. 9, 12, 18].

С изменением военно-стратегического положения в Малой Азии после падения Смирны и приближении кемалистских войск к районам проливов нарастают негативные оценки правительственной политики. «Таймс» считала, что все положения, которые были выработаны в марте, должны остаться в силе, и по-

этому следует принять все меры предосторожности против вступления кемалистов в нейтральную зону и Константинополь. При этом отмечалось, что страна не будет поддерживать правительство, если оно будет проводить тот «бесчестный курс, которого придерживалось в последние годы» [10. Sept. 12, 16, 20].

Сообщая о падении Смирны, журнал «Экономист» указывал, что вина за это должна быть возложена на союзников, которые приносили в жертву своим амбициям население Греции и Турции. Подчеркивалась вина британского премьер-министра, который «сделал Грецию заложником своей внешнеполитической игры. Только за последние шесть месяцев наше правительство дважды намеренно упустило возможность прийти к договоренности с Анкарой», – отмечалось в журнале. Такая возможность предоставлялась в марте во время визита в Лондон министра иностранных дел кемалистского правительства Юсуф Кемаль-бея, а затем во время визита министра внутренних дел из Анкары Фети-бея. При этом делалось упоминание, что он предлагал важные уступки, соглашался на демилитаризацию зоны проливов. Но ему было заявлено, что проблема может быть решена только тремя великими державами дипломатическим путем. «Теперь, потеряв греческий щит, правительство ломает голову над компромиссным вариантом и прикрывает свой провал обвинением союзников в неверности. Более того, если Антанта распадется, это будет только на руку Пуанкаре», – отмечалось в журнале. «Франция в значительной степени выиграет от турецкой победы, потому что выплата турецкого долга начнется тем быстрее, чем скорее Турция вернет все или часть потерянных территорий», – делался вывод в другой статье [12. Sept. 9, 16].

В поддержку требований о возвращении Турции Константинополя выступила только лейбористская газета «Дейли геральд». «Самой настоятельной необходимостью в данный момент является исправление грубых просчетов в политике правительства. Одной из таких ошибок была попытка Ллойд Джорджа вдохновить греков на занятие Константинополя, что вызвало недовольство во Франции и явилось причиной нынешнего кризиса», – писала газета. Лейбористы считали, что турки должны вернуть Константинополь под свой контроль и сделают это. «Свобода проливов, о которой говорит пресса в нашей стране, является лицемерием. Требуя международный контроль, они имеют в виду контроль со стороны одной или двух наций», – отмечалось в статье 14 сентября. Газета разъясняла, что Севрский договор «открыл проливы» только в смысле разрешения для прохода военных кораблей, что было запрещено до войны. «До войны мы хотели преградить выход для русского флота, а после войны мы хотели добраться до русских берегов. Отсюда и разговоры об открытии проливов. На самом деле “открытие проливов” означает обратное… Если турки не будут контролировать проливы из своих фортов, почему это должны делать Франция с Британией с помощью своих морских орудий?» – отмечалось в газете [9. Sept. 14, 18].

Мысль об антисоветской направленности проекта о проливах звучала неоднократно. «Его цель в том, чтобы воспользоваться проливами в любой будущей войне. Держава, которая имеет орудия на проливах… может блокировать Россию», – говорилось в редакционной статье за 26 сентября [9. Sept. 26, 1922].

Обращая внимание на сложную обстановку на проливах, газета подчеркивала необходимость вывода войск с Чанакского полуострова и срочного созыва конференции с участием России и Германии. Далее газета с тревогой сообщала о том, что турки желают войти в нейтральную зону, из которой выведены французские и итальянские войска… «Это значит, что британские парни будут хладнокровно посланы на смерть ради мертвого договора и сохранения бессмысленного престижа… Если события здесь закончатся мирно, это будет заслугой турецкого лидера, а не британского правительства», – указывала газета [Ibid. Sept. 21, 22, 23].

При известии о вступлении турецких войск в нейтральную зону и требовании кемалистов вернуть им Фракию, «Таймс» оценила положение как критическое, так как считалось, что оборона проливов морскими силами может оказаться невозможной. Считалось, что оборона проливов и Константинополя должна повлечь намного больше усилий, чем принято считать. Что касается оккупации Фракии турецкой армией, было выражено мнение, что «это будет иметь еще более тяжелые последствия для союзников, чем для местного населения, которое боится резни. Такая оккупация Константинополя, где находятся войска союзников, может создать опасную ситуацию для всех союзников». Было отмечено, что посылая приглашение на конференцию, союзники предложили Кемалю довольно либеральные условия, соблюдение которых поставлено в зависимость от признания им нейтрально зоны. «Мы считаем, что правительство должно приложить все усилия, чтобы не допустить втягивания нации в войну… Только от согласованных действий союзников и твердости с их стороны зависит спасение нашего доброго имени на Востоке, которое было скомпрометировано прошлыми ошибками правительства» [10. Sept. 29].

Во время работы конференции в Мудании, когда речь шла о выводе греческих войск из Фракии, «Таймс» требовала от правительства придерживаться здравой дипломатии, не отступая от совместной позиции, изложенной в ноте 23 сентября.

Идею об оккупации Фракии союзниками в качестве необходимого средства для «предотвращения трагедии, которая могла ожидать христианское население этого района», поддерживал журнал «Экономист». Важным результатом Муданийской конференции считалось то, что она лишила Турцию возможности прийти на будущую мирную конференцию в качестве военного победителя. «Надежды на прочный мир в регионе могут упрочиться, только если все заинтересованные стороны будут участвовать в мирной конференции, включая Россию и Балканские страны», – писал журнал. Одновременно ставился вопрос о том, что кризисная ситуация на Ближнем Востоке

была создана по вине правительства и премьер-министра. При этом было отмечено, что «недовольство внутри коалиции носит угрожающий характер», и была выражена надежда, что внешняя политика будущего консервативного правительства будет значительно отличаться от прежней. «Любому новому правительству и премьер-министру будет легче решать неотложные международные проблемы, требующие участия Франции, доверие которой подорвано по вине премьер-министра» [12. Oct. 7].

После подписания соглашения в Мудании «Таймс» обвиняла премьер-министра и его сторонников в том, что они не смогли после падения кабинета Венизелоса обеспечить такой мир на Ближнем Востоке, «который бы предотвратил возвращение турок в Европу. Своей провокационной речью 4 августа премьер-министр ускорил турецкое наступление, которое вызвало кризис, а заявление в прессе 16 сентября подорвало единство в союзной политике, которое с большим трудом удалось восстановить» [10. Oct. 16].

На речь О. Чемберлена в Бирмингеме, в которой он пытался оправдать действия кабинета и проявил себя «бескомпромиссным сторонником Ллойд Джорджа», газета откликнулась следующим комментарием: «Ввиду большого возмущения в рядах его партии против премьер-министра, она не может свидетельствовать о его полезности как консервативного лидера». Чемберлен уверял, что во время ближневосточного кризиса правительство было нейтральным и «вполне готовым к тому, чтобы признать результаты поражения греков в Малой Азии», но, по мнению газеты, «фактически вся его речь демонстрирует, что правительство не в состоянии контролировать судьбу нации» [Ibid. Oct. 14].

В конце октября в специальной статье «Таймс», озаглавленной «Подход к миру», речь шла о задачах Англии на предстоящей Лозаннской конференции, которые сводились к следующему: а) установить такие отношения с турками, чтобы греки и армяне, проживающие в Константинополе, перестали испытывать страх; предметом переговоров должна стать также судьба тысяч русских беженцев, оказавшихся в Константинополе; б) рассмотреть вопрос о капитуляциях, которые имеют большое значение для торговли Турции. При этом, хотя турки отвергают идею о капитуляциях, какая-то определенная форма защиты иностранных компаний должна остаться [Ibid. Oct. 23].

Что касается проливов, по мнению «Таймс», британское правительство должно отстаивать свои интересы, которые в сущности совпадают с интересами других европейских держав. Поэтому на конференции они должны выступить единым фронтом, что позволит добиться мира без каких-либо осложнений. Также выражалось мнение, что предложение турок о приглашении на конференцию России, Украины и Грузии является неприемлемым [Ibid. Oct. 31].

«Манчестер гардиан» считала, что прежде чем конференция займется решением о проливах, необходимо признать правительство России и установить с ним дружественные отношения. Такие же отношения необходимо установить с Турцией. Газета призывала рассмотреть предложения России о режиме проливов, так как в них содержится много приемлемых идей, а именно – закрытие проливов для военных кораблей в мирное и военное время, а также прекращение строительства новых кораблей сроком на 10 лет всеми черноморскими державами. «Это очень важное предложение… Вместе с демилитаризацией берегов проливов под контролем и гарантией Лиги наций это предложение заслуживает изучения», – отмечалось в статье. Предложение считалось приемлемым, так как речь шла о запрещении прохода военных судов, и не касалось военного снаряжения, в провозе которого Англия была заинтересована во время войны. Делалось замечание, что при современных средствах минирования, наличии подводных лодок и аэропланов проход военных кораблей все равно не является безопасным, даже если бы проливы были открыты для них. Второй важной задачей союзников перед конференцией считалось прийти к какому-либо компромиссу по вопросу о замене капитуляций [12. Oct. 13].

Как «Манчестер гардиан», так и «Таймс» поместили статьи с общей оценкой политики коалиционного кабинета. «Манчестер гардиан» высказала мнение, что если во время войны коалиция была необходима, то её пребывание у власти после войны оказалось большой неудачей. Она разрушила действие оппозиции в парламенте, без чего он не может эффективно функционировать. Вторым фатальным результатом оказался раскол в либеральной партии. Что касается «чрезвычайно ошибочной политики Ллойд Джорджа на Ближнем Востоке, которая подвела нас к большой опасности, то он проводил ее в тесном союзе с тори, все они в одинаковой степени несут ответственность за ведение дел все это время», – писала газета [11. Oct. 13].

«Таймс» добавляла к этому, что коалиция не обеспечила экономической и политической стабильности в стране и подорвала репутацию страны за рубежом. Было высказано убеждение, что самые широкие слои общественности, включая либералов и лейбористов, а не только консерваторов, никогда не считали коалицию более чем «искусственным инструментом, созданным по причине военной необходимости» [10. Oct. 18].

Эти оценки в какой-то мере отражали политическую обстановку в Англии во время Чанакского кризиса, который послужил поводом для руководства консервативной партии к разрыву коалиции. Главные причины распада коалиции были связаны с внутренним положением в стране и разногласиями в правительственных кругах по внешнеполитическим вопросам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Documents on British foreign policy 1919–1939 / ed. by W.W. Medlicott. L. : H.M. Stat. off., 1970–1972. S. 1. Vol. 17.
2. Dockrill M.L., Goold J.D. Peace without promise: Britain and the Peace conference, 1919–1923. L. : Batsford acad. and educational, 1981. 287 p.
3. Walder D. The Chanak Affair. L. : Hutchinson, 1969. X. 784 p.
4. Northedge F.S. The troubled Giant. Britain among the Great Powers 1916–1939. L. : Bull, 1966. 657 p.

5. Medlicott W.U. British foreign policy since Versailess (1919–1939). L. : Methuen, 1970. VIII. 316 p.
6. Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. 280 с.
7. Owen F. Tempestuous Journey: Lloyd George, his life and times. L. : Hutchinson, 1959. 784 p.
8. Morgan K.O. The age of Lloyd George. The Liberal Party and British Politics, 1890–1929. L. : George Allen and Unwin, 1973. X. 233 p.
9. Daily Telegraph. 1922.
10. Times. 1922.
11. Manchester Guardian. 1922.
12. Economist. 1922.
13. Daily Herald. 1922.
14. Labour Party Conference, 22nd Edinburg 1922. Report of the twenty second annual conference held in the United free assembly hall, Edinburg, on June 27th, 28th, 29th, and 30th, 1922. L., 1922. 273 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 мая 2016 г.

THE DISCUSSION OF NEAR AND MIDDLE EASTERN POLICY-MAKING IN THE BRITISH PRESS IN 1922

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 28–34.
DOI: 10.17223/15617793/408/4

Anop Agniya F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anop.agniya@mail.ru

Keywords: Near and Middle Eastern policy; Great Britain; press; 1922.

The article deals with the discussion by the English newspapers of important aspects of policy-making in the Near East during the final stage of the Greco-Turkish War of 1919–1922 resulting into the signing of armistice in Mudania in October 1922. The advance of Turkish military forces in September 1922 and their taking of Smirna changed the military situation to the disadvantage of the allies creating a threat of driving out their forces from Constantinople and the Straits. The entry of the Turkish military forces into the neutral zone and their demand to withdraw the British forces from the Straits were followed by the enforcement of the British military forces on the Straits and changed the military situation to their favour. Having agreed to start negotiations Kemal accepted the occupation of Constantinople and the Straits by the allies until the signing of the treaty yet insisted on the immediate withdrawal of the Greek military forces. The situation in the Near East and the political decisions of the Government found coverage in the press. The materials of the English newspapers contain various aspects of policy-making by the Coalition Government in the Near East in 1922. The articles published by such English newspapers as *The Times*, *The Manchester Guardian* and *The Daily Herald* both provide information on the developments in the Near East and give a chance to compare various opinions on foreign policy questions held by the Conservative, Liberal and Labour Parties in 1922. *The Times* and *The Daily Telegraph* reflected the opinions and position of the Conservative Party members, the City of London and the financial interests of the country. *The Daily Telegraph* invariably spoke in favour of the Government's course aimed at encouraging Greek aspirations and the weakening of Turkey, which did not find the full support of the ruling classes. The growing opposition tendencies to the Coalition Government's policy can be confirmed by the negative assessments of the political decisions and developments in the Near East in September and October 1922. *The Times* stressed the Government's responsibility for the unrest in India, the Near and Middle East. After the fall of Smirna and the advance of the Turkish armies to the region of the Straits the newspaper pointed out to their refusal to support the Government's political course. *The Economist* emphasised that it was the Prime Minister who was responsible for the failure to come to an agreement with the Turkish government. After the signing of the armistice *The Times* accused the Prime Minister for the failure to secure peace in the Near East and the agreement which would prevent the "return of the Turks into Europe" as well as for worsening the relations with the allies. *The Daily Herald* that expressed the position of the Labour Party was the only one that favoured the return of Constantinople to Turkey yet insisted on the international control of the Straits. The newspaper spoke against the attempt of Lloyd George to encourage the Greeks to occupy Constantinople as it caused disappointment in France and resulted into a grave crises and the danger of crossing the neutral zone by the Turkish Army, breaking out military operations and new victims.

REFERENCES

1. Medlicott, W.W. (ed.) (1970–1972) *Documents on British foreign policy 1919–1939*. Vol. 17. London: H.M. Stat. off.
2. Dockrill, M.L. & Goold, J.D. (1981) *Peace without promise: Britain and the Peace conference, 1919–1923*. London: Batsford acad. and educational.
3. Walder, D. (1969) *The Chanak Affair*. London: Hutchinson.
4. Northedge, F.S. (1966) *The troubled Giant. Britain among the Great Powers 1916–1939*. London: Bull.
5. Medlicott, W.U. (1970) *British foreign policy since Versailess (1919–1939)*. London: Methuen.
6. Miller, A.F. (1948) *Ocherki noveyshey istorii Turtsii* [Essays in Turkey's recent history]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Owen, F. (1959) *Tempestuous Journey: Lloyd George, his life and times*. London: Hutchinson.
8. Morgan, K.O. (1973) *The age of Lloyd George. The Liberal Party and British Politics, 1890–1929*. London: George Allen and Unwin.
9. *Daily Telegraph*. (1922).
10. *Times*. (1922).
11. *Manchester Guardian*. (1922).
12. *Economist*. (1922).
13. *Daily Herald*. (1922).
14. Labour Party Conference. (1922) *Report of the twenty second annual conference held in the United free assembly hall, Edinburg, on June 27th, 28th, 29th, and 30th, 1922*. London.

Received: 03 May 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 35–41. DOI: 10.17223/15617793/408/5

УДК 94 : 327 (470.13) "199"

С.П. Артеев

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1990-е гг.: РОЛЬ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ РЕГУЛЯТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Рассматривается проблема становления и развития международных связей российских регионов в 1990-е гг. В качестве примера исследуются внешние связи Республики Коми. Представлен анализ позиций федерального центра и органов власти субъектов РФ по участию регионов в международных отношениях. Ставится вопрос о соотношении регуляторов (в виде нормативно-правовых актов) и детерминант (внутриполитическая конъюнктура и специфика взаимодействия федеральных и региональных элит). В работе использованы опубликованные и архивные материалы.

Ключевые слова: нетрадиционные акторы; международные / внешние связи регионов; федерализм; международное финно-угорское сотрудничество.

Качественная трансформация системы международных отношений (МО), начавшаяся на рубеже 1980–1990-х гг., совпала с фундаментальными реформами внутри нашей страны, в том числе в сфере государственного устройства и управления. В результате субъекты РФ получили легальную возможность осуществлять международную деятельность практически во всех сферах, кроме политической. Идентичные процессы на несколько десятилетий раньше начались в ряде государств Запада. Перечисленные выше процессы в совокупности привели к закономерному расширению состава акторов МО, наряду с государствами все более весомую роль стали играть международные неправительственные организации, транснациональные корпорации, неформальные клубы государств и т.д. В то же время регионы государств как акторы МО (субгосударственные участники) остаются в тени и их поведению на международной арене не уделяется достаточного внимания со стороны академического сообщества. Между тем субъекты РФ имеют значительные нереализованные ресурсы в плане международной деятельности.

Хронологические рамки данной статьи обусловлены тем обстоятельством, что именно в 1990-е гг. международные / внешние связи регионов являлись значимым фактором внешней и внутренней политики России.

Применение системного метода в качестве теоретико-методологической основы позволяет рассмотреть проблематику международной деятельности субъектов РФ оптимальным образом [1. С. 20–36]. Любая система включает в себя несколько базовых компонентов: *элементы, регуляторы, детерминанты, функции, а также среду и структуру* [Там же. С. 21]. Детерминанты и регуляторы оказывают значительное, часто решающее, влияние на действия элементов системы. Именно поэтому им будет уделено основное внимание. Под регуляторами подразумевается нормативно-правовая база федерального и регионального уровней. К числу детерминант относят события и их оценки, условия, потребности, интересы, намерения, цели, общественное мнение и т.д. [Там же. С. 33]. Среда подразделяется на внешнюю и внутреннюю. При этом для системного метода применительно к рассмотрению внешних связей субъектов РФ характерно явление частичного перекрытия «поля охвата» между многими компонентами системы. Для того чтобы выявить специфику международных связей российских регионов в целом и Республики Коми (РК) в частности, необходимо провести ***декомпозицию*** [2. С. 199] системы международной деятельности российских регионов из системы внешней политики РФ. Это создаст предпосылки для структурно-функционального анализа компонентов системы [Там же. С. 199].

В контексте темы в качестве ***элементов*** выступают российские регионы (субгосударства) и их зарубежные партнеры, а также федеративный центр.

Внешняя среда в данном случае представлена федеративным центром. Прежде всего, для международных связей регионов важна внешняя политика России и взаимодействие центр – регионы (с точки зрения системного метода – *структура*, в основе которой находятся детерминанты и регуляторы).

Среди основных *детерминант*, определявших внешнеполитический курс России в 1990-е гг., можно выделить:

– западноцентризм – стремление следовать во внешнеполитическом фарватере США и других государств Запада;

– либерально-идеалистические экономические представления как базисные для большей части российской управленческой элиты;

– глубокий социально-экономический кризис, оказывавший перманентное дестабилизирующее влияние на политическую систему.

Структура взаимодействия центра и регионов имела в рассматриваемый период противоречивый характер. На протяжении конца 1980–1990-х гг. наблюдались два основных правовых и политико-практических тренда относительно статуса субъектов федерации и соответственно их полномочий в международной сфере. Первый был связан со стремлением регионов к получению максимальной самостоятельности вплоть до выхода из состава СССР / РФ. Второй, реактивный, характеризовался усилиями союзного / российского центра по предотвращению дезинтеграции Советского / Российского государства. Оба этих тренда трудно понять без рассмотрения проблематики суверенитета.

Прежде всего, следует дать определения понятий по этой теме, так как в академическом дискурсе наблюда-

ется широкий разброс точек зрения и зачастую исследователи вкладывают различные смыслы в одни и те же термины. В данной работе используются следующие трактовки, предложенные М.В. Ильиным [3. С. 14–42]:

– суверен – предельная инстанция, задающая политический порядок в территориальной политии [3. С. 20];

– суверенность – все то, что позволяет именно данной инстанции стать сувереном [Там же];

– суверенитет – общепризнанный политический принцип и его институты, которые обеспечивают возможность наличия суверенов и их устойчивое сосуществование друг с другом [3. С. 20–21].

Ситуация характеризовалась фактическим разделением суверенитета между федеративным центром и субъектами РФ, так как налицо было множество суверенов. Россия вместе с ее регионами в 1990-е гг. наглядно демонстрировала самими особенностями своего государственно-правового функционирования несоответствие тезису о невозможности делимости суверенитета, который разделяют некоторые юристы-международники [4. С. 59, 64, 68, 70]. Тенденции к регионализации и локальной суверенизации весьма характерны для международно-политического измерения глобализации как процесса [5. С. 34]. Однако в РФ 1990-х гг. это нашло свое отражение в негативных формах – «балканизации» и «местничестве» [Там же. С. 42]. Федеративный центр в качестве суверена явно испытывал дефицит суверенности. Если использовать классификацию С. Краснера [3. С. 34–35], центр обладал достаточно слабым внутренним суверенитетом (внешний суверенитет был более устойчив в силу наличия сил ядерного сдерживания, оставшихся со времен СССР). С точки зрения классификации, предложенной датскими политологами Х.-Х. Хольмом и Г. Соренсоном [3. С. 34], в условиях общего глубокого и масштабного кризиса в 1990-е гг., суверенитет и федеративного центра, и субъектов Федерации носил негативный характер, т.е. наблюдалась институциональная слабость (в том числе правовой системы).

Таким образом, в 1990-е гг. структура взаимодействия центра и субъектов РФ была детерминирована:

– наличием двойного суверенитета;

– кооперативной (договорной) формой федерализма;

– явлениями «балканизации» и «местничества».

Данные детерминанты, несмотря на явно негативный характер некоторых из них, обеспечивали необходимые предпосылки для выхода субъектов РФ на международную арену. В первое постсоветское десятилетие большинство регионов России заключили множество различных соглашения с зарубежными государствами и их административно-территориальными единицами. Однако на активном уровне поддерживать эти связи смогли лишь 30 регионов из 89 [6. С. 47]. Это отражается и в том, что из примерно 2 000 соглашений, которые подписали российские регионы с зарубежными партнерами за 1990-е гг., действующими на 2000 г. являлись лишь 1 200 [Там же. С. 49]. Впрочем, непоследовательность и неисполнение взятых обязательств были точно так же характерны и для РФ как международного игрока.

В соответствии с избранной методологией к *внутренней среде* относятся пространственно-географические, экономические и демографические факторы, имеющие прямое влияние на процессы, протекающие на территории РК [1. С. 29]. Относительно пространственно-географических характеристик следует отметить несколько важных аспектов. РК характеризуется огромной слабонаселенной территорией (около 1 млн человек в 1990-е гг. при общей площади свыше 400 тыс. кв. км) с холодным климатом и большими запасами минерально-сырьевых ресурсов (уголь, нефть, газ, руды). РК не является пограничным субъектом РФ, что лишает регион возможностей осуществлять трансграничное сотрудничество. Основу экономики РК составляет промышленность, прежде всего, топливно-энергетический и лесопромышленный комплексы. Сельское хозяйство играет вспомогательную, обслуживающую роль. Кризис в этой сфере, начавшийся в 1990-е гг., не преодолен и к началу второго десятилетия XXI в. Главная причина, по которой сельское хозяйство имеет исключительную важность для Республики Коми, заключается не в сфере экономики, а в области демографии. Доля коми в общем составе населения РК составляет около 25%. Хотя формально население коми распределено более-менее равномерно как в сельской, так и в городской местности (примерно 55% проживают на селе и 45% – в городах [7. С. 220]), в городских населенных пунктах они составляют меньшинство и, как следствие, более подвержены этнической и языковой ассимиляции. На сегодняшний день именно сельская местность является средой воспроизводства коми-этноса. Иначе говоря, с точки зрения внутренней среды Коми – это национальный регион с сырьевой экономикой, находящийся на периферии.

В вопросе о *декомпозиции* международной деятельности РК можно отметить, что в отличие от курса, проводимого федеративным центром, внешние связи РК в 1990-е гг. отличались ограниченным количеством постоянных долгосрочных партнеров, связи с которыми налаживались исходя, прежде всего, из этнической и экономической специфики РК. Такая картина была характерна для большинства российских регионов, особенно образованных по национальному признаку.

Детерминантами сотрудничества РК с зарубежными партнерами выступали следующие факторы:

– активизация этнического самосознания коми народа в первой половине 1990-х гг. и, как следствие, влияние этноэлиты на внешние связи РК;

– стремление руководства РК во главе с Ю.А. Спиридоновым решить экономические задачи и улучшить социальную обстановку в РК в период кризиса 1990-х гг. за счет взаимодействия с зарубежьем;

– личные амбиции первого Главы РК Спиридонова.

Как видно, детерминанты РК, как и большинства регионов РФ, лишь частично совпадали с детерминантами, влиявшими на внешнеполитический курс центра.

Функции международного сотрудничества РК в 1990-е гг. носили двунаправленный характер:

– сотрудничество с финно-угорскими государствами (Венгрия, Финляндия) в культурной, образовательной и экономической сферах;

– экономические контакты и связи с множеством государств безотносительно к этническому фактору.

Все это привело к тому, что Коми в качестве актора международных отношений впервые проявила себя еще до распада СССР, установив прямые отношения с Венгрией [8]. Отношения намечалось развивать в трех основных направлениях:

– этнокультурном;

– научно-образовательном;

– экономическом.

К концу 1990-х гг. значение экономического сотрудничества Коми и Венгрии в значительной степени снизилось. Этнокультурная и научно-образовательная сферы коми-венгерского сотрудничества развивались, но ощущалась нехватка динамики. То же самое относится и к налаживанию связей с Финляндией. Однако коми-финские связи достаточно успешно развивались по всем трем направлениям.

Реализация второй функции – «чисто» экономической – характеризуется со стороны РК непоследовательностью и некоторой хаотичностью. РК пыталась установить связи со множеством государств: США, Франция, Австрия, Хорватия, Иран, Болгария и т.д. Взаимные обмены делегациями не приносили серьезного экономического эффекта, особенно в долгосрочном плане. Можно выделить несколько причин отсутствия долгосрочных значимых результатов в экономической линии внешних связей РК:

– крайне нестабильная общая ситуация в РФ, нашедшая выражение в глубоком социально-экономическом кризисе, что увеличивало риски для зарубежных партнеров;

– недостаток опыта налаживания и организации международных связей у соответствующих органов государственной власти субъекта РФ (слабое информационно-аналитическое обеспечение, отсутствие стратегического планирования);

– отсутствие эффективной модели взаимодействия между центром и регионами в сфере внешних связей последних (имевшиеся механизмы зачастую сводились к обеспечению формальных бюрократических процедур и протокольным вопросам, были и факты взаимного недоверия).

В первое постсоветское десятилетие РК гораздо успешнее проявила себя в налаживании финно-угорского сотрудничества (культурного и образовательного), нежели на поле экономического взаимодействия. Однако и финно-угорское сотрудничество характеризовалось проблемами в плане претворения в жизнь взятых на себя обязательств, непоследовательностью и слабым планированием. Следует отметить, что пример РК может быть экстраполирован на многие другие российские регионы. Их проблемы во внешних связях весьма схожи по многим параметрам.

Регуляторами международных связей субгосударств выступают принципы и нормы международного права [1. С. 32]. Однако принципы и нормы, регулирующие статус и поведение субгосударств в международных делах, еще находятся на этапе становления [Там же. С. 33]. К числу регуляторов действий субгосударств в обязательном порядке необходимо отнести и нормативно-правовые акты, устанавливающие правила взаимодействия региона с Центром. Более того, именно данные документы имеют принципиальное значение.

Полномочия субъектов Федерации в сфере внешних связей регулируются федеральным и региональным законодательством. Наиболее важными регуляторами полномочий центра и регионов являются Конституция РФ, Федеративный договор, различные федеральные законы, указы Президента РФ и некоторые другие нормативно-правовые акты [9. С. 92].

Центр заключил Федеративный договор со всеми субъектами Федерации еще в марте 1992 г. [10]. Относительно международных контактов в договоре было сказано, что субъекты Федерации «являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений» [Там же]. Таким образом, регионы РФ получили серьезные полномочия и де-юре стали самостоятельными акторами международных отношений, приобретя новое качество.

Новые подходы и принципы внешнеполитической доктрины РФ нашли свое отражение и в «Концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденной распоряжением первого президента РФ Б.Н. Ельцина в апреле 1993 г. [11. С. 19–50]. В этом программном внешнеполитическом документе было заявлено, что «субъекты Федерации являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений, если это не противоречит Конституции РФ и федеральным законам» [Там же. С. 19]. По сути, это было перенесением положений из Федеративного договора, но с оговоркой в пользу центра.

Конституция 1993 г. позволяет субъектам Федерации осуществлять международные и внешнеэкономические связи. Однако, по сравнению с Федеративным договором, в ней уже не содержалось положения о том, что регионы РФ «являются самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических связей» [10]. Отсутствовало в Конституции и определение республик РФ как «суверенных» [12]. Очевидно, что это было сделано с целью предотвратить возможный распад РФ, перспективы которого являлись вполне возможными в первой половине 1990-х гг.

Остальные нормативно-правовые акты можно разделить на две категории. В документах первой группы предоставлялось больше полномочий регионам, во второй центр пытался усилить свой контроль в субъектах РФ, в том числе наладить более плотную корреляцию между внешнеполитическим курсом РФ и международной деятельностью российских регионов.

К числу «про-региональных» документов следует отнести конституции субъектов РФ и различные договоры между центром и конкретным регионом о разграничении полномочий органов государственной власти.

Следует отметить, что еще до распада Советского Союза в ходе парада суверенитетов республик РСФСР 29 августа 1990 г. Верховный Совет Коми АССР принял «Декларацию о государственном суверенитете Коми Советской Социалистической Респуб-

лики» [13]. Как и все подобные документы, данная декларация выходила далеко за рамки существовавшего правового поля, которое к тому времени, впрочем, уже активно начинало размываться и нивелироваться. Статья 1 указывала на договорной характер взаимоотношений с РСФСР и СССР, о чем косвенно свидетельствовало исчезновение термина «автономная» из официального наименования региона [Там же]. Согласно ст. 2 Верховный Совет Коми ССР наделялся правом расторгать соглашения с РСФСР и СССР, а также предусматривалась возможность выхода из состава РСФСР и СССР путем референдума. По примеру соответствующей декларации РСФСР ст. 6 устанавливала «верховенство Конституции и законов Коми ССР над законодательными актами РСФСР и СССР в случаях ущемления ими законных прав и интересов народа Коми ССР» [Там же]. Также в ст. 13 данной декларации провозглашалось наличие гражданства Коми ССР [Там же]. В вопросе внешних сношений декларация отличалась умеренностью. В ст. 10 зафиксировано положение о том, что «Коми ССР самостоятельно осуществляет внешнеэкономическую деятельность и имеет право заключать договоры экономического и культурного сотрудничества с другими государствами» [Там же]. По сравнению с внутренними полномочиями, внешние ограничивались экономическими и культурными связями, не затрагивая внешнеполитический аспект.

Первая редакция действующей Конституции РК в ряде моментов являлась типичной для основных законов субъектов РФ в 1990-е гг. Об этом свидетельствуют, в частности, ряд статей республиканской конституции. Так, в ст. 2 указывала, что «носителем суверенитета и единственным источником государственной власти Республики Коми является ее многонациональный народ» [14. С. 40]. По сути, со стороны РК выстраивалась рассмотренная выше двухуровневая система суверенитета. Пункт 2 ст. 85 Конституции РК, в которой перечислялись функции Главы РК, предоставлял высшему должностному лицу РК право «представлять Республику Коми в отношениях с Российской Федерацией и ее субъектами, а также в международных отношениях; ведет переговоры и подписывает международные договоры» [Там же. С. 65].

Таким образом, РК закрепила свои права в сфере международной деятельности, вытекающие из широких полномочий во внутренней сфере, на уровне основополагающего регионального законодательного акта.

Договор «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Коми», подписанный президентом РФ Б.Н. Ельциным и Главой РК Ю.А. Спиридоновым 20 марта 1996 г., в вопросе о распределении властных полномочий, с формальной точки зрения, скорее был в пользу центра, нежели региона [15]. С одной стороны, согласно ст. 1 РК действительно предоставлялись большие полномочия. С другой стороны, в данном договоре четко устанавливался примат федерального законодательства над региональным (ст. 1, 4) [Там же], что также соответствует федеративному устройству. В целом же этот договор не столько упорядочивал отношения РК и центра, как полагают некоторые исследователи [16. С. 49], сколько закреплял некий «идеальный» образ отношений между регионом и центром.

Более продуктивно рассматривать договоры о разграничении полномочий между центром и регионами не столько в правовом, сколько в политико-правовом ключе. Такой подход предоставляет возможность отразить роль *детерминант*. На содержание договоров повлияли президентские выборы 1996 г., сыгравшие роль ключевой детерминанты при принятии Ельциным решений. В первой половине 1996 г. центр остро нуждался в поддержке региональных властей для переизбрания Ельцина на второй срок. Региональные элиты также стремились сохранить и упрочить свое положение, и действующий президент для них в этом плане представлялся гораздо предпочтительнее своего основного конкурента. Пятнадцать из двадцати трех договоров, имевшихся к июлю 1996 г., были подписаны в первой половине 1996 г., т.е. в период предвыборной кампании и перерыва между первым и вторым турами выборов [17].

Учитывая непопулярную войну в Чечне, проблемы во взаимоотношениях центра и регионов, пусть даже невоенного плана, могли поставить крест на политической карьере Ельцина. В связи с этим договоры о разграничении полномочий, по сути, оформили «сделку»: юридическое оформление главенства центра, что вытекает из текста, при фактической неподконтрольности органов власти регионов центру по многим вопросам своей деятельности. В плане внешних связей вышеуказанный договор между центром и РК подтверждал закрепленное в более ранних документах право осуществления РК внешнеэкономических и международных связей. Однако, как и во внутренних делах, появилось значимое ограничение: РК отныне имела право заключать соглашения «с субъектами других федераций, административно-территориальными единицами иностранных государств соглашений…». То есть теперь связи РК могла устанавливать только по горизонтали, а не по диагонали, что наблюдалось в предыдущие постсоветские годы.

Таким образом, субъекты РФ и РК в частности, в период президентства Ельцина стремились перевести максимальное число полномочий на региональный уровень. Это делалось как законодательным способом, так и путем негласных договоренностей. В полной мере это относится и к международным компетенциям регионов РФ.

Централистские устремления стали реализовываться на уровне регуляторов в середине 1990-х гг., когда для этого сложились более благоприятные условия. Это выразилось в принятии нескольких основополагающих федеральных законов. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации», вступивший в силу 15 июля 1995 г., хотя и содержал статью о деятельности регионов на международной арене, но не обозначал их как самостоятельных акторов в международных делах [18].

Следующий по хронологии Федеральный закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», вступивший в силу на исходе 1995 г., в ст. 8 содержал перечень полномочий субъектов РФ в области внешнеторговой деятельности. В этой статье, как и в документе в целом, отчетливо обозначался примат роли центра по сравнению с ролью регионов во внешнеэкономических отношениях [19].

В целом же, как отмечают исследователи [9. С. 94], роль регионов, согласно этим двум законам, оценивалась центром весьма сдержанно. Субъектам РФ отводилась скорее вторая роль для осуществления планов федеративного центра.

Для усиления координации между действиями центра и субъектов РФ во внешних делах был принят Указ Президента РФ «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации», подписанный президентом и вступивший в силу 12 марта 1996 г. [20]. Уже по названию данного документа можно понять, что многие регионы превысили свои полномочия и стали действовать в поле прерогатив центра, вторгаясь в пределы его исключительных полномочий.

Несмотря на превышение полномочий со стороны ряда органов власти субъектов РФ федеративный центр в период президентства Ельцина не стремился к установлению однозначного жесткого варианта нормативно-правового регулирования международной активности российских регионов. Об этом, помимо прочего, свидетельствует существование отдельного подпункта в «Основных положениях региональной политики в Российской Федерации», прилагаемых к Указу Президента РФ 1996 г., в котором рассматриваются международные и внешнеэкономические связи субъектов Федерации [21]. Общий смысл подпункта 3.3. «Государственное регулирование международной и внешнеэкономической деятельности субъектов РФ» сводится к необходимости координации внешних связей регионов России с центром и в то же время, исходя из рассматриваемого документа, центр стремится к оказанию всесторонней поддержки субъектам Федерации для успеха в их международных делах. При этом центр этим нормативно-правовым актом демонстрирует взгляд на регионы как на игроков, которые должны усиливать общий внешнеполитический курс России. Наметилась интенция сделать из регионов РФ соратников, а не конкурентов в осуществлении российской внешней политики. Актуальность этой идеи сохраняется и сегодня.

Хотя к концу 1990-х гг. была сформирована определенная правовая база, регулирующая международную деятельность субъектов РФ, существовала потребность в специализированном законе, регламентирующем внешние связи российских регионов. В итоге в январе 1999 г. Федеральный закон «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» был принят, подписан президентом РФ и вступил в силу. Следует отметить, что среди всех федеральных законов, так или иначе регулирующих внешние связи субъектов РФ, принятых в ельцинскую эпоху, этот закон был наиболее «централистским» по своему характеру. Однако в то же время допускались диагональные связи для регионов РФ: «Субъекты Российской Федерации с согласия Правительства Российской Федерации могут осуществлять такие связи и с органами государственной власти иностранных государств». И в этом смысле закон носил компромиссный характер, так как закладывался правовой баланс нового типа: сильный центр – сильные регионы.

Обобщая сказанное, в период президентства Ельцина федеративный центр на уровне регуляторов четко обозначил стремление к усилению своей роли в процессе налаживания и развития внешних связей субъектов РФ. В то же время в условиях слабого правового поля значимую (а подчас и ведущую) роль играли различные детерминанты – неформальные договоренности, установки, неписаные правила между федеральными и региональными политическими элитами. В полной мере это относится и к РК.

Таким образом, международная деятельность субъектов РФ в 1990-е гг. носила противоречивый характер и сопровождалась множеством объективных сложностей. Слабость действия регуляторов и исключительно важная роль детерминант вкупе не смогли создать эффективную формулу для поступательного наращивания международного веса российских регионов и повышения качества их внешних связей, что позволило бы усилить и роль России в мире.

Тем не менее первый опыт выхода субъектов РФ на международную арену в качестве самостоятельных игроков нельзя однозначно назвать негативным. Проблема заключается в дисгармонии между регуляторами федерального и регионального уровней (общая слабость и дисбаланс правового поля были преодолены только в начале 2000-х гг., и сделано это было скорее административно-командным способом, а не путем поиска компромиссов, что характерно для федеративных государств), а также в примате негативных детерминант (в виде неформальных сделок, соблюдения негласных правил и конвенций между федеральными и региональными элитами) на фоне тяжелейшего социально-экономического и политического кризиса в России.

Следует отметить, что текущая мирополитическая обстановка, несмотря на ее очевидную конфронтационность по ряду направлений международного взаимодействия, на самом деле предоставляет новые возможности для активизации международной деятельности субъектов РФ, так как регионы «свободны» от политической нагрузки, которая на текущий момент осложняет взаимодействие России и Запада на межгосударственном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плотникова О.В. Теория, система и практика международных связей регионов. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2004. 260 с.
2. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2003. 486 с.

3. Ильин М.В. Суверенитет: развитие понятийной категории // Суверенитет. Трансформация понятий и практик / под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М. : МГИМО-Университет, 2008. С. 14–42.
4. Моисеев А.А. Суверенитет государства в международном праве. М. : Восток-Запад, 2009. 384 с.
5. Сеидов А.В. Международное право в эпоху глобализации. Эволюция концепции государственного суверенитета. М. : Научная книга, 2005. 154 с.
6. Орлов В.Я. Внешняя политика и российские регионы // Международная жизнь. 2000. № 10. С. 45–55.
7. Историко-культурный Атлас Республики Коми / под ред. Э.А. Савельевой. М. : Дрофа ; ДиК, 1997. 384 с.
8. Соглашение между Правительством Коми Советской Социалистической Республики и Правительством Венгерской Республики о торгово-экономических связях и научно-техническом сотрудничестве, Будапешт, 06 декабря 1991 г. // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-2385. Совет Министров Коми ССР. Госкомитет по внешнеэкономическим связям Коми ССР. Оп. 1. Д. 5. На 8 листах.
9. Александров О.Б. Регионы во внешней политике России. Роль Северо-Запада. М. : МГИМО-Университет, 2005. 188 с.
10. Федеративный договор (Москва, 31 марта 1992 г.) // Текст документа официально опубликован не был.
11. Концепция внешней политики Российской Федерации. Декабрь 1992 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в четырех томах / сост. Т.А. Шаклеина. Т. IV. Документы. М. : МГИМО (У) МИД России; Российская ассоциация международных исследований; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)» РОССПЭН, 2002. С. 19–50.
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) ; [первоначальная редакция, действовавшая с 25 декабря 1993 г. по 13 января 1996 г.] // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237 (853).
13. Декларация о государственном суверенитете Коми Советской Социалистической Республики (Принята Верховным Советом Коми АССР на внеочередной второй сессии двенадцатого созыва 29 августа 1990 г.) // Красное знамя. 1990. 5 сент. № 204 (20701). С. 1.
14. Коми республикаса Конституция. Конституция Республики Коми (Принята на внеочередной 18 сессии Верховного Совета Республики Коми 12 созыва 17 февраля 1994 г.) // Издание Верховного Совета Республики Коми. Сыктывкар, 1994. 80 с.
15. Договор от 20.03.1996 «О разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Коми» // Российские вести. 28 марта 1996. № 58 [979]. С. 3.
16. Ковалев В.А. Политическая трансформация в регионе: Республика Коми в контексте российских преобразований. Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2001. 251 с.
17. Договоры о разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Политика: электронное периодическое издание. URL: http://www.politika.su/reg/dogovory.html (дата обращения: 19.04.2012).
18. ФЗ от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 21 июля. № 140. С. 5–6.
19. ФЗ от 13.10.1995 № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» // Российская газета. 1995. 24 окт. № 207. С. 4–5.
20. Указ Президента РФ от 12.03.1996 № 375 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» // Российская газета. 1996. 16 марта. № 51. С. 4.
21. Указ Президента РФ № 803 от 03.06.1996 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» // Российская газета. 1996. 11 июня. № 109 (1469). С. 4.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 мая 2016 г.

INTERNATIONAL ACTIVITIES OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE 1990S: THE ROLE OF LEGAL REGULATORS (ON EXAMPLE OF THE KOMI REPUBLIC)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 35–41.
DOI: 10.17223/15617793/408/5

Arteev Sergey P. Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: artsp7@yandex.ru

Keywords: non-traditional international actors; international/foreign relations of state regions; federalism; international Finno-Ugric cooperation.

The present article is about the problem of the formation and development of international relations of the Russian regions in the 1990s. The problem is considered on the example of the international/external relations of the Republic of Komi. The theoretical and methodological component of the research is based on a system method that allows developing the theme in an optimal way. The article consistently reveals the value and the content of the various system components to understand their role in the international activities of the subjects of the Russian Federation in the 1990s. Special attention is paid to the regulators of external relations (represented by regulatory legal acts of the federal and regional levels) and determinants (the internal political situation in Russia and the practice of interaction between the federal and regional administrative elites). The positions of the federal center and the authorities of the subjects of the Russian Federation on the issues of participation of regions in international relations are analyzed. The basic positions of each of the parties are described. As the author shows, the center held a moderately centralizing course, especially since the mid-1990s. At the same time, the subjects of the Russian Federation sought to translate the maximum amount of power at the regional level, including in the matter of its international relations. The evolution of the extent of the powers of the regions of the Russian Federation in the international sphere on the basis of the documentary analysis of the main normative-legal acts on the issue. The critical role of determinants which often prevailed over regulators and played a leading role in the model of the Russian federalism of the 1990s is stressed. The negative role of the permanent socio-economic crisis and political instability in Russia is also mentioned. A conclusion is made about the relative failure in the international activities of the subjects of the Russian Federation in the period due to several reasons that together did not allow the majority of the subjects to obtain significant positive results. At the same time, the usefulness of such experience is noted. Also, the conclusion presents the author's assessment of the current international situation and the positive role that can be played by the Russian regions for its normalization.

REFERENCES

1. Plotnikova, O.V. (2004) *Teoriya, sistema i praktika mezhdunarodnykh svyazey regionov* [The theory and practice of the system of international relations of regions]. Novosibirsk: SB RAS.
2. Koval'chenko, I.D. (2003) *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
3. Il'in, M.V. (2008) Suverenitet: razvitie ponyatiynoy kategorii [Sovereignty: development of conceptual categories]. In: Il'in, M.V. & Kudryashova, I.V. (eds) *Suverenitet. Transformatsiya ponyatiy i praktik* [Sovereignty. The transformation of concepts and practices]. Moscow: MGIMO-Universitet.

4. Moiseev, A.A. (2009) *Suverenitet gosudarstva v mezhdunarodnom prave* [State sovereignty in international law]. Moscow: Vostok-Zapad.
5. Seidov, A.V. (2005) *Mezhdunarodnoe pravo v epokhu globalizatsii. Evolyutsiya kontseptsii gosudarstvennogo suvereniteta* [International law in the era of globalization. The evolution of the concept of state sovereignty]. Moscow: Nauchnaya kniga.
6. Orlov, V.Ya. (2000) Vneshnyaya politika i rossiyskie regiony [Foreign policy and Russian regions]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 10. pp. 45–55.
7. Savel'eva, E.A. (ed.) (1997) *Istoriko-kul'turnyy Atlas Respubliki Komi* [Historical and Cultural Atlas of the Republic of Komi]. Moscow: Drofa; DiK.
8. National Archive of the Republic of Komi. Fund R-2385. List 1. File 5. *Agreement between the Government of the Komi Soviet Socialist Republic and the Government of the Republic of Hungary on trade and economic relations, and scientific and technical cooperation, Budapest, December 6, 1991*. (In Russian).
9. Aleksandrov, O.B. (2005) *Regiony vo vneshney politike Rossii. Rol' Severo-Zapada* [Regions in Russia's foreign policy. The role of the North-West]. Moscow: MGIMO-Universitet
10. Russian Federation. (1992) *Federativnyy dogovor (Moskva, 31 marta 1992 g.)* [Federal Treaty (Moscow, 31 March 1992)]. Unpublished.
11. Shakleina, T.A. (ed.) (2002) Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii. Dekabr' 1992 g. [The concept of Russia's foreign policy. December 1992]. In: *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoy Rossii. 1991–2002* [Foreign and Security Policy of modern Russia. 1991–2002]. Vol. 4. Moscow: MGIMO (U) MID Rossii; Rossiyskaya assotsiatsiya mezhdunarodnykh issledovaniy; ANO "INO-Tsentr" ROSSPEN.
12. Rossiyskaya gazeta. (1993) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.); [pervonachal'naya redaktsiya, deystvovavshaya s 25 dekabrya 1993 g. po 13 yanvarya 1996 g.] [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993); [Original version in force from 25 December 1993 to 13 January 1996]]. *Rossiyskaya gazeta*. 237 (853). 25 December.
13. Krasnoe znamya. (1990) Deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete Komi Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki (Prinyata Verkhovnym Sovetom Komi ASSR na vneocherednoy vtoroy sessii dvenadtsatogo sozyva 29 avgusta 1990 g.) [Declaration on State Sovereignty of the Komi Soviet Socialist Republic (Adopted by the Supreme Council of the Komi Republic in the second extraordinary session of the 12th convocation on August 29, 1990)]. *Krasnoe znamya*. 204 (20701). 5 September. p. 1.
14. Supreme Council of the Komi Republic. (1994) *Konstitutsiya Respubliki Komi (Prinyata na vneocherednoy 18 sessii Verkhovnogo Soveta Respubliki Komi 12 sozyva 17 fevralya 1994 g.)* [The Constitution of the Republic of Komi (Adopted at the 18th extraordinary session of the Republic of Komi 12th Supreme Soviet on February 17, 1994)]. Syktyvkar: Supreme Council of the Komi Republic.
15. Rossiyskie vesti. (1996) Dogovor ot 20.03.1996 "O razgranichenii predmetov vedeniya i polnomochiy mezhdu organami gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii i organami gosudarstvennoy vlasti Respubliki Komi" [Agreement of 20.03.1996 "On the delimitation of powers between the authorities of the Russian Federation and state bodies of the Republic of Komi"]. *Rossiyskie vesti*. 58 [979]. 28 March. p. 3.
16. Kovalev, V.A. (2001) *Politicheskaya transformatsiya v regione: Respublika Komi v kontekste rossiyskikh preobrazovaniy* [Political transformation in the region: the Komi Republic in the context of Russian reforms]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
17. Politika.su (1997–2002) *Dogovory o razgranichenii polnomochiy mezhdu organami gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii i organami gosudarstvennoy vlasti sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Agreements on the division of powers between the authorities of the Russian Federation and state authorities of the subjects of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.politika.su/reg/dogovory.html. (Accessed: 19.04.2012).
18. Rossiyskaya gazeta. (1995) FZ ot 15.07.1995 № 101-FZ "O mezhdunarodnykh dogovorakh Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of 15 July 1995 N 101-FZ "On international treaties of the Russian Federation"]. *Rossiyskaya gazeta*. 140. 21 July. pp. 5–6.
19. Rossiyskaya gazeta. (1995) FZ ot 13.10.1995 № 157-FZ "O gosudarstvennom regulirovanii vneshnetorgovoy deyatel'nosti" [Federal Law of 13 October 1995 N 157-FZ "On state regulation of foreign trade activities"]. *Rossiyskaya gazeta*. 207. 24 October. pp. 4–5.
20. Rossiyskaya gazeta. (1996) Ukaz Prezidenta RF ot 12.03.1996 № 375 "O koordiniruyushchey roli Ministerstva inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii v provedenii edinoy vneshnepoliticheskoy linii Rossiyskoy Federatsii" [RF President's Decree of 12 March 1996 N 375 "On the Coordinating Role of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation to conduct a unified foreign policy line of the Russian Federation"]. *Rossiyskaya gazeta*. 51. 16 March. p. 4.
21. Rossiyskaya gazeta. (1996) Ukaz Prezidenta RF № 803 ot 03.06.1996 "Ob osnovnykh polozheniyakh regional'noy politiki v Rossiyskoy Federatsii" [RF President's Decree N 803 of 03 June 1996 "On the main provisions of regional policy in the Russian Federation"]. *Rossiyskaya gazeta*. 109 (1469). 11 June. p. 4.

Received: 12 May 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 42–48. DOI: 10.17223/15617793/408/6

УДК 94(47+57)

В.Ю. Башкуев

РОЛЬ МЕДИЦИНЫ В СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1920-е гг.

Рассматривается роль медицины в советско-монгольских отношениях на начальном этапе социалистического эксперимента в Монгольской Народной Республике. На основе ранее не публиковавшихся архивных материалов освещаются малоизвестные аспекты советской медико-санитарной помощи Монголии, анализируется роль экспедиций Наркомздрава РСФСР в строительстве здравоохранения в МНР. Затрагиваются политические аспекты взаимодействия советских врачей и монгольского руководства.

Ключевые слова: Монголия; здравоохранение; советская медицина; экспедиции Наркомздрава РСФСР; венерические болезни; эпидемии; «мягкая сила».

В период 1920–1940-х гг. советская внешняя политика на Востоке во многом определялась противостоянием с Японской империей. Это был активный и опасный соперник. Япония нанесла царской России болезненное поражение в войне 1904–1905 гг. и с тех пор неоднократно посягала на ее территории и зоны влияния. Японцы придерживались собственной геополитической миссии, стремясь вытеснить из региона неазиатских колонизаторов и заполнить собой оставшееся после них пространство. Используя популистский лозунг «Азия для азиатов», они агрессивно навязывали Восточной Азии свой вариант миропорядка в рамках «сферы сопроцветания». С этой целью японские милитаристы создавали и поддерживали марионеточные государства на территории бывшей Цинской империи. Примерами являются попытка создания Великого Монгольского государства в 1919 г., образование в 1932 г. Маньчжоу-Го и существовавшее в 1936–1945 гг. во Внутренней Монголии государство Мэнцзян.

Агрессивному натиску Японии Советская Россия на первых порах могла противопоставить лишь тактику создания буферных зон, начав с образования в 1920 г. Дальневосточной республики. Эта мера позволила избежать неприемлемого для большевиков открытого столкновения с японцами на Дальнем Востоке и в Сибири. Тем временем в 1921 г. советское руководство начало радикальный пересмотр своей внешнеполитической доктрины, переключившись с потерпевшего крах экспорта революции в Европу на идеологическую экспансию в Азии. На азиатское направление были переброшены значительные кадровые и материальные ресурсы. Большая роль в «пробуждении буддийского Востока» отводилась Коминтерну.

Наиболее перспективным регионом оказалась Внешняя Монголия, где большевикам удалось добиться быстрых и впечатляющих результатов. Уже в 1924 г. там была провозглашена Монгольская Народная Республика, последовавшая по пути социально-экономических преобразований советского типа. Во внешней политике МНР держалась строго в кильватере Советского Союза, представляя собой классический пример сателлитного государства.

Монгольская Народная Республика была важным участком выстроенной Советским Союзом системы сдерживания Японии в Восточной Азии. Ее значение в качестве геополитического буфера подтвердилось в ходе конфликта на Халхин-Голе в 1939 г. Помимо этого, в 1920–1940-х гг. Монголия являлась основным полигоном геополитического проекта по экспорту социализма в страны Азии, где в особых культурных и экономических условиях отрабатывались методы и практики советизации [1. Д. 35. Л. 10–11, 13]. При этом соблюдались формальные принципы независимости: советские кадры привлекались в качестве советников или нанимались монгольским правительством на службу; в стране создавались национальные системы образования, здравоохранения, культуры и обороны; специалистам предписывалось с особым вниманием относиться к решениям МНРП и монгольского правительства. Специфический кочевой уклад жизни, обусловивший особый подход в осуществлении социалистических трансформаций, центральное положение в протяженном поясе, населенном родственными монгольскими народами, и возможность воздействовать на них примером позитивных социально-экономических преобразований сделали МНР регионом, где процесс советизации был тесно связан с воздействием «мягкой силой» [2. P. 166–167; 3. С. 256–257]. Использование «мягкой силы» происходило своеобразно, в рамках выработанной на основе ленинских тезисов «политики пролетарского интернационализма», в которой Монголии отводилась роль отсталого «младшего брата» [4. С. 105]. Тем не менее отрицать роль советского культурного воздействия на формирование Монголии как современной страны вряд ли возможно.

В данной работе на примерах советской медико-санитарной помощи МНР будет выделена и объяснена роль медицины в советско-монгольских отношениях 1920-х гг. В основе исследования лежат ранее не публиковавшиеся архивные документы исполкома Коминтерна и Наркомздрава РСФСР. Их изучение позволяет осветить малоизвестные аспекты советско-монгольского взаимодействия в области медицины, выделить и объяснить стоявшие перед советскими специалистами проблемы, описать и оценить методы их решения.

Ситуация в здравоохранении Монгольской Народной Республики в 1920-е гг.

Серьезная озабоченность по поводу состояния здоровья монголов и развития монгольского здравоохранения отмечалась с начала 1920-х гг. Ее разделяли как большевики, видевшие свою миссию в интернациональной помощи «культурно отсталым» монголам, так и новое монгольское руководство [3. С. 105]. Особое беспокойство вызывали венерические болез-

ни. Проблемы высокой детской смертности и низкой рождаемости у монголов связывались с высокой распространенностью сифилиса и гонореи и невозможностью их эффективного лечения средствами тибетской и народной медицины. Большую опасность также представляла чума. Проблемы здоровья и здравоохранения обсуждались на Третьем съезде МНРП, во время заседаний правительства и на Третьем съезде Монгольского революционного союза молодежи. Необходимость срочного внедрения европейской медицины признавалась на всех уровнях [1. Д. 27. Л. 31, 36].

Летом 1924 г. советский монголовед В.А. Казакевич (1896–1937), в тот период студент ЛИЖВЯ и работник Монгольского ученого комитета, был командирован для изучения географии и естественной истории Южной Монголии (аймаки Цэцэрлик-Мандал и Хан-Тайшир-Ула). Он совершил почти пятимесячное путешествие сначала на юг, к границе Внутренней Монголии, а затем на запад, в граничащий с Синьцзяном район Монгольского Алтая. В очерке, сделанном по материалам этой экспедиции, есть сведения о санитарном состоянии исследованных районов и интересные личные наблюдения автора.

В.А. Казакевич писал, что на севере Монголии распространены сифилис, трахома и кожные болезни. Определенных способов лечения этих заболеваний у монголов не было. Сифилис имел меньшее распространение на юге в Гоби и Западной Монголии, где, по словам В.А. Казакевича, отмечалось «большее половое воздержание, чем в Халхе». К венерическим болезням монголы относились очень спокойно, считая их чем-то совершенно естественным для человека. В некоторых из обследованных южных районов свирепствовала оспа, эпидемии которой длились очень долго. В.А. Казакевич отмечал, что хорошие врачи среди монгольских лам попадались редко, а все их лечение сводилось к молитвам и жертвоприношениям [Там же. Д. 44. Л. 36].

О высокой заболеваемости монголов кожными и венерическими болезнями писали западные исследователи. Работавший в Монголии с 1914 г. шведский миссионер и врач Джоэл Эрикссон (1890–1987) рассказал об этом американскому путешественнику Р.Ч. Эндрюсу (1884–1960), в 1921–1930 гг. возглавлявшему центральноазиатские экспедиции Американского музея естественной истории. По словам Д. Эрикссона, сифилис или гонорея в той или иной форме обнаруживались почти у 90% обследованных им монголов, мужчин и женщин. Вместе с тем он часто находил здоровых детей в семьях, где один или оба родителя страдали сифилисом. Основными факторами распространения венерических болезней Д. Эрикссон считал промискуитет, некоторые обычаи, например совместное раскуривание трубки, а также монгольских лам, которых он считал активными разносчиками инфекции.

Р.Ч. Эндрюс видел причины распространенности чесотки и других кожных болезней в антисанитарии. К болезням, вызванным тяжелыми климатическими условиями, он относил ревматизм, коньюктивит и другие поражения глаз, бронхит и т.д. Вместе с тем отмечалось, что среди монголов не был распространен туберкулез легких, а эпидемии оспы удалось обуздать повсеместно распространенным оспопрививанием, проводившимся ламами по «турецкому методу» – вдуванием вакцины в нос. Характеризуя ситуацию со здравоохранением как сложную, американский натуралист не отрицал накопленных традиционной монгольской медициной знаний в области лекарственных растений [5. P. 351–352].

В советских материалах 1920-х гг. отмечалась положительная роль специалистов из СССР в улучшении ситуации со здравоохранением в МНР. Так, указывалось, что дело борьбы с венерическими болезнями было правильно организовано только после приезда в Ургу советского инструктора санитарного отдела доктора Байкова. В начале 1924 г. при гарнизонной амбулатории открылось венерологическое отделение, в котором за месяц было зарегистрировано более 1 000 посещений. Врачебная комиссия взялась за оздоровление армии, осмотрев местный гарнизон и направив выявленных венерических больных на лечение в амбулаторию. При военном госпитале обустраивался венерологический стационар. Для амбулатории и военного госпиталя были заказаны полные комплекты современного медицинского оборудования. Проектировались бактериологическая и серологическая лаборатории. Планировалась организация государственной венерологической помощи населению Монголии в масштабах страны. Разрабатывались методы проведения санитарно-просветительных мероприятий: лекции, статьи в прессе, издание агитационных материалов, санитарные суды [1. Д. 29. Л. 86].

И все же даже к 1926 г. достоверной информации об эпидемиологической ситуации и проблемах здоровья в Монголии было слишком мало. На это сетовал участник первой медико-санитарной экспедиции Наркомздрава РСФСР в Монголию врач-терапевт Г.В. Ивицкий. Он писал, что Наркомздрав и врачи экспедиции ничего не знали о характере заболеваемости в МНР. Исключение составляла информация о большой распространенности у монголов венерических болезней. По словам Г.В. Ивицкого, работавшие по несколько лет в Монголии советские врачи не удосужились опубликовать каких-либо данных о состоянии здоровья монголов и о местных условиях. Дефицит информации впоследствии серьезно сказался на результатах первой медико-санитарной экспедиции. Был принят ряд неправильных решений, снизивших ее эффективность.

Первая медико-санитарная экспедиция Наркомздрава РСФСР в МНР (1926 г.)

В 1926 г. Наркомздрав РСФСР принял решение направить в МНР медико-санитарную экспедицию. На нее возлагались ответственные задачи. Участникам экспедиции предстояло на месте ознакомиться с санитарным состоянием и наметить пути правильного строительства национального здравоохранения Монголии. Одновременно экспедиция Наркомздрава должна была вести лечебную работу среди монголов с целью завоевать их доверие и тем самым укрепить авторитет советской медицины.

В состав первой медико-санитарной экспедиции входили семь врачей: венеролог, окулист, терапевт-фтизиатр, педолог, акушер-гинеколог, санитарный врач и врач – начальник экспедиции. Также в штат входили фельдшер, акушерка, две медицинские сестры и несколько санитаров. Экспедиция была хорошо снабжена медикаментами и медицинским оборудованием. Общие затраты на экспедицию составили 58 000 руб.

Из-за дефицита достоверной информации о стране сотрудники НКЗ РСФСР отправлялись в МНР как на опасное задание. Г.В. Ивицкий писал: «Туруханский край, Якутия, архангельские тундры считались не такими страшными, как далекая Монголия... Грязные юрты, страшные болезни, мириады паразитов, мясо павших животных, собаки-людоеды, свыше 40 градусов мороза, дикий народ, отсутствие овощей, соли, хлеба – вот что рисовалось членам экспедиции» [6. Д. 239. Л. 105].

В реальности ситуация в Монголии была не столь беспросветной. Правительство МНР, советский полпред П.М. Никифоров и находившиеся на монгольской службе русские врачи доброжелательно приняли членов экспедиции в Ургe. Как выяснилось, закупку многих продуктов, некоторых видов оборудования и даже наем младшего медперсонала можно было осуществить на месте. Было организовано несколько рабочих совещаний, на которых присутствовали врачи и представители монгольского правительства. Начальник экспедиции сделал подробный доклад о ее целях и задачах. Присутствовавшие выразили полное понимание и одобрение.

Затем, по словам Г.В. Ивицкого, произошла непоправимая ошибка. Уговорив членов экспедиции, ургинские врачи и представители правительства МНР постановили послать ее в отдаленный аймак Заин-Шаби. Тем самым был максимально сужен возможный масштаб ее работы; экспедиция была оторвана от органов управления республики и от доступа к оперативной информации по стране, что не дало врачам в полной мере изучить МНР в медицинском и санитарном отношении. В результате, обладая большими медицинскими ресурсами, экспедиция ограничилась развертыванием единственной амбулатории в Цэцэрлэге.

В Заин-Шаби работа экспедиции свелась к лечению венерических болезней; ни окулист, ни акушер-гинеколог не нашли себе работы. Аймачные власти не были подготовлены к приему советских врачей, неохотно шли на сотрудничество и иногда сами создавали препятствия. Ламы отнеслись к экспедиции с открытой неприязнью. Местные русские также не проявляли сочувствия и не оказывали поддержки. Напротив, как свидетельствует Г.В. Ивицкий, за извоз по худонам они запрашивали астрономическую цену (25 руб. в сутки).

Цэцэрлэгская врачебная амбулатория обосновалась в переоборудованном сарае. Постепенно ее авторитет среди местного населения начал расти. Рационального лечения сифилиса у местных эмчи-лам не было; у советских врачей имелся сальварсан, производивший в глазах монголов магический эффект. Увидев неоспоримое преимущество инъекций сальварсана (противосифилитическое средство на основе мышьяка, первый в истории химиопрепарат направленного действия; изобретен П. Эрлихом в 1907 г.), ламы стали благословлять мирян на медикаментозное лечение. Затем в амбулаторию приехал глава местной буддийской общины, выразивший желание пройти курс сальварсанотерапии. После него на лечение потянулись ламы, а за ними местные араты, часто даже без ламского благословения.

Поскольку лечебная работа в основном легла на плечи венеролога, другие врачи экспедиции занялись исследованиями. Санитарный врач смог обследовать 250 юрт в радиусе 60–90 верст от Цэцэрлэга. Спустя месяц, когда все члены экспедиции, кроме оставленных при амбулатории венеролога и терапевта, выехали обратно в Ургу, в городе удалось обследовать еще 250 юрт.

Вся работа первой медико-санитарной экспедиции НКЗ РСФСР уложилась в три месяца. За это время удалось наметить пути развития здравоохранения в Монголии. Врачи изучили материалы монгольской гражданской больницы и военного госпиталя, обследовали 500 юрт. Окулист осмотрел более 2 000 жителей. Школьникам была сделана реакция на туберкулез. Амбулатория приняла несколько сотен больных. Проводились врачебные совещания, на которых анализировались и обсуждались собранные материалы [6. Д. 239. Л. 106].

Результаты работы первой медико-санитарной экспедиции были суммированы в следующих выводах. На территории Монголии подтвердилось значительное распространение венерических болезней, в частности сифилиса. На западе превалировали свежие формы, в то время как в Урге встречалось больше третичного люэса. Это указывало на относительно недавнее появление сифилиса в Западной Монголии, а также на то, что болезнь продолжала распространяться. Г.В. Ивицкий предполагал, что сифилис был занесен с востока волнами китайских переселенцев. При осмотрах среди китайцев было выявлено большое количество сифилитиков, заболевших еще до приезда в Монголию. К тому же в большинстве случаев китайцы приезжали в страну без семей. Врачи пришли к выводу об огромной опасности венерических болезней для монголов. По их мнению, страна срочно нуждалась в организации специализированной венерологической помощи населению.

Экспедиция отметила малую распространенность в Монголии туберкулеза легких. По-видимому, этому способствовали горный и степной воздух, обилие солнца и отсутствие скученности. Тем не менее встречались туберкулезные поражения суставов и желез. Поэтому о полном отсутствии туберкулезной инфекции говорить не приходилось. Проблема состояла в том, что у монголов не обнаруживался природный иммунитет к возбудителю туберкулеза, что могло привести к серьезным проблемам при изменении бытовых условий. Врачи рекомендовали обращать на это внимание при устройстве казарм, интернатов и общежитий.

Большое распространение в МНР имели кожные и глистные болезни. По мнению врачей экспедиции, их причины крылись в повседневной антисанитарии и постоянных близких контактах людей с животными, особенно собаками, «естественными передатчиками заро-

дышей всяческих глистов». Частые заболевания желудочно-кишечного тракта объяснялись экономическими причинами – бедностью и плохим качеством пищи.

Первая медико-санитарная экспедиция констатировала в Монголии высокую детскую смертность. По сведениям Г.В. Ивицкого, около 50% детей умирали в грудном возрасте. Высока была и материнская смертность (13,2% в одной из выборок). Причинами этого советские врачи видели сифилис, «культурную отсталость» населения, отсутствие квалифицированного родовспоможения, службы охраны материнства и младенчества, детских яслей. В конечном итоге все сводилось к отсутствию правильно организованного здравоохранения [6. Д. 239. Л. 107–108].

За короткий период времени врачам удалось взрастить в традиционном монгольском обществе ростки доверия к советской медицине. Положительного эффекта удалось добиться, главным образом, «магическим» исцелением венерических больных инъекциями сальварсана. Медикаменты давали «такой положительный, блестящий эффект, против которого были бессильны все предостережения ламских целителей». Г.В. Ивицкий вспоминал: «Особенно трогательна была картина при отъезде экспедиции – собралось много монгол, плакали, хватали врачей за руки, просили остаться с ними… особенно больные (некоторые положительно заживо гнили, а после “вливаний” были в числе провожавших) – эти плакали навзрыд…» [Там же. Л. 108].

Одним из основных результатов первой медико-санитарной экспедиции был озвученный врачами на правительственном уровне вывод о необходимости создания санитарной организации в масштабах всей Монголии, которая опиралась бы на инициативу самих аратов. Она двигала бы развитие санитарного дела, здравоохранения и культуры снизу. Без организованного развития санитарного дела сам процесс «окультуривания» кочевников сопровождался бы массовым распространением болезней. Было указано, что даже строительство городов без соответствующего санитарного контроля обернулось бы катастрофической заболеваемостью [Там же. Л. 108–109].

На совместных с монгольским правительством заседаниях было решено просить Наркомздрав РСФСР о направлении второй экспедиции на более длительный срок. Уже в сентябре 1927 г. в Монголию была отправлена вторая медико-санитарная экспедиция НКЗ РСФСР в составе пяти врачей, двух фельдшеров и старшего санитара-завхоза. Ее начальником стал уже известный нам Георгий Васильевич Ивицкий [6. Д. 239. Л. 158].

Таким образом, медицинские экспедиции в МНР стали регулярными, превращаясь из средства рекогносцировки в постоянный оперативный канал связи между Наркомздравом РСФСР, советскими врачами в Монголии и монгольским правительством.

Вторая медико-санитарная экспедиция Наркомздрава РСФСР в МНР (сентябрь 1927 г. – октябрь 1928 г.)

10 сентября 1927 г. вторая медико-санитарная экспедиция в Монголию отбыла скорым поездом из Москвы в Верхнеудинск. 24 сентября все члены экспедиции собрались в Улан-Баторе [6. Д. 239. Л. 159]. Прибытие в монгольскую столицу совпало по времени с очередным съездом МНРП. Поэтому советский полпред в Монголии, согласившись с планами экспедиции, не разрешил врачам приступать к работе без одобрения монгольского правительства. В период ожидания аудиенции с руководством МНР было решено отправить отряд в составе врача Н.А. Сидоркина и фельдшерицы А.С. Поповой в Цэцэрлэгскую амбулаторию. Им также воспрещалось начинать работу без одобрения Правительства МНР.

6 октября 1927 г. Г.В. Ивицкий сделал доклад в Правительстве МНР, на котором присутствовали министр иностранных дел, министр внутренних дел и заведующий отделом здравоохранения Монголии. В ходе обсуждения план работы экспедиции был принят. Также были согласованы пункты для периферической работы – Заин-Шаби и Санбэйс. Министр внутренних дел МНР снабдил начальника экспедиции бумагами для аймачных властей с указанием оказывать советским врачам всемерную помощь, а также с подтверждением права пользования почтовыми лошадьми [Там же. Л. 142].

Официальное одобрение планов работы экспедиции Правительством МНР имело огромное значение. Второй экспедиции пришлось решать серьезные проблемы, связанные с неприязненным отношением, а порой и открытым противодействием некоторых высокопоставленных монгольских чиновников. В своих отчетах начальник экспедиции Г.В. Ивицкий называет их «русофобской верхушкой ЦК МНРП и правительства». Суть возникших по ходу работы противоречий будет раскрыта ниже.

Необходимо отметить, что вторая медико-санитарная экспедиция строила свою работу с учетом тактических просчетов первой экспедиции. Основной упор делался на работу с монгольским населением. На этот раз база экспедиции расположилась в Улан-Баторе. Там была открыта Центральная амбулатория. Один из отрядов был направлен в уже обустроенную Цэцэрлэгскую амбулаторию в западном хошуне Заин-Шаби; в восточный Цэцэнханский аймак был послан венерологический отряд [Там же. Л. 160]. С самого начала посещаемость медучреждений, открытых экспедицией, была очень высока.

В декабре 1927 г. в Центральной амбулатории было 2 811 посещений, из них 753 первичных обращения. В ноябре 1927 г. врачебную амбулаторию в Заин-Шаби посетили 1 069 чел.; сотрудниками было сделано 122 посещения больных на дому и в юртах [6. Д. 239. Л. 135–135 об.]. С распространением информации о результатах лечения количество пациентов у экспедиционных врачей стремительно росло. Нагрузка на персонал экспедиции многократно увеличилась. В дополнение к приему пациентов медики вели большую санитарно-просветительскую работу (лекции, беседы, обследования).

Местное население укрепилось в своем доверии к медико-санитарной экспедиции НКЗ РСФСР. Однако именно здесь крылся главный камень преткновения:

успех экспедиции вызывал у части монгольского руководства ревнивое неприятие. 1 февраля 1927 г. на заседании Правительства МНР под председательством члена ЦК МНРП Дугаржапа был представлен доклад начальника отдела здравоохранения МНР о ситуации в отрасли. В нем говорилось о том, что дело здравоохранения «перешло на четвертую улицу» (адрес экспедиции НКЗ РСФСР) и что необходимо принять все меры для активизации работы в гражданской больнице, выписать рентгеновский аппарат, пригласить на работу новых специалистов и т.д. Проблема была сформулирована Г.В. Ивицким так: «Одним словом, развивается конкуренция (монгольское правительство пытается нас побить нашим орудием)» [6. Д. 239. Л. 130 об.].

Болезненная реакция монгольского правительства объясняется обоснованным опасением за потерю самостоятельности в политике здравоохранения. В 1920-х гг. многие ключевые позиции в МНР занимали националисты, выступавшие за равноправные, а не за покровительственные отношения со стороны СССР. Среди них выделялись деятели бурятского происхождения, такие как глава Ученого комитета Ц. Жамцарано и министр просвещения Э. Батухан. Прошедшие период личного и профессионального становления в имперской России, испытав на себе шовинистическое отношение к инородцам, они, по-видимому, желали новой Монголии другой, независимой судьбы. Поэтому националисты в правительстве отстаивали равноправие в ключевых для социокультурной трансформации вопросах – науке, просвещении и здравоохранении. Тем более что работа первых советских медико-санитарных экспедиций в МНР пришлась на время так называемого правого уклона в МНРП (1926–1928 гг.) [7. С. 117].

Таким образом, в своей деятельности экспедиция столкнулась с организованной и стойкой оппозицией. Партия и правительство создали межведомственную комиссию по реорганизации дела здравоохранения в Монголии. Г.В. Ивицкий писал: «На совещаниях этой комиссии пришли к такому определенному выводу – парализовать экспедицию можно только созданием своего собственного дела. Надо не жалея денег поставить гражданскую больницу так, чтобы она могла бы свободно конкурировать с экспедицией и только этим возможно оторвать от нее широкие массы больных» [6. Д. 245. Л. 12]. Чтобы расколоть единство экспедиции, монголы использовали весь спектр приемов азиатской дипломатии: льстили, пытались переманить врачей на свою службу, просили работать у них по совместительству, содействовать правильному развертыванию работы в гражданской больнице. В конце концов монгольское руководство согласилось пригласить врачей из СССР, но с условием, что их квалификация должна быть не хуже экспедиционных.

В переплетениях отношений с монгольской стороной врачи экспедиции решали не только тактические задачи, но и преследовали стратегические цели. Используя свой профессиональный авторитет, они рекомендовали на монгольскую службу не только высококвалифицированных, но и идеологически «своих» медиков. Подбор нужных людей имел большое политическое значение, так как кадры были «рычагом влияния», способным задать нужное направление развитию монгольского здравоохранения. Влияние экспедиции распространилось даже на кадровую политику Правительства МНР. Так, Г.В. Ивицкий писал, что «не без нашего хотя бы косвенного участия заменен заведующий отделом здравоохранения». Им стал Содном, выпускник Коммунистического университета трудящихся Востока, с которым у экспедиции была «работа в полном контакте» [6. Д. 245. Л. 12].

Продвигая на должности в монгольских медучреждениях советских специалистов, вторая экспедиция НКЗ РСФСР сильно потеснила позиции эмчи-лам, знахарей и китайских лекарей. Нужно помнить, что вплоть до начала 1930-х гг. тибетская медицина в МНР являлась официальной. Гражданская больница имела два отделения – европейское и тибетское. Однако с появлением медикаментозного лечения в советской части больницы «тибетские знахари начали чувствовать удары советской культуры – приемы упали у них до случайных единичных посещений» [Там же. Л. 11]. Тем не менее традиционная и тибетская медицина не собиралась сдавать своих позиций. Этап активной конфронтации был еще впереди.

С переходом нескольких экспедиционных врачей на монгольскую службу пришлось закрыть хирургическое, родильное и венерологическое отделения амбулатории. Часть высвободившихся сотрудников была направлена за 300 верст от Улан-Батора, в Цэцэнханский аймак, где им предстояло развернуть просветительскую и обследовательскую работу среди кочевых монголов.

Формулируя советы и пожелания следующей экспедиции, Г.В. Ивицкий отмечал, что в своей работе она должна была максимально избегать конкуренции с советскими врачами на монгольской службе. Основная ее задача виделась в укреплении позиций советского здравоохранения среди аратских масс на периферии, а также в борьбе с ламским влиянием. Идя полным ходом в этих направлениях, «советская медицина будет большим подспорьем общей советской политики», т.е. инструментом социальной трансформации монгольского общества по советскому образцу. Для успешного выполнения этих задач врачи экспедиции должны были быть хорошими общественниками («не советскими чиновниками»), для периферических отрядов нужны были врачи «старого земского типа» (многопрофильные специалисты) с венерологическим уклоном. Вместо медсестер в отрядах необходимы были фельдшерицы-акушерки. Нужно было полностью освободить начальника экспедиции от рутинной медицинской и канцелярской работы для более эффективной общественной и организационной деятельности и контроля над работой отрядов на местах. Экспедиция должна была хорошо финансироваться, иметь грамотных переводчиков и младший медперсонал. Медикаменты должны были быть ценными и компактно упакованными для дешевой и безопасной транспортировки [6. Д. 245. Л. 13].

Вторая медико-санитарная экспедиция НКЗ РСФСР в МНР официально закончила свою работу

15 октября 1928 г. Практически все ее участники остались работать в монгольских медучреждениях. 29 октября 1928 г. в Москву возвратились начальник экспедиции Г.В. Ивицкий и лекпом П.И. Тихонов [6. Д. 242. Л. 17].

В своей работе вторая медико-санитарная экспедиция учла ошибки и просчеты экспедиции 1926 г. и, по сравнению с ней, добилась крупных успехов. На наш взгляд, основным прорывом было достижение компромисса в противостоянии с монгольским правительством. Не идя на открытую конфронтацию, избегая наиболее острых углов в отношениях с националистически настроенными представителями монгольского руководства, советским медикам удалось «продавить» важную стратегическую линию в вопросах кадрового комплектования зарождавшегося здравоохранения. На ключевые позиции в гражданской больнице были поставлены верные делу советской медицины врачи (часть – из состава первой и второй экспедиций). Удалось добиться увеличения сметы на содержание больницы, закупить медицинское оборудование, открыть новое родильное отделение. Аптека получила указание закупать советские медикаменты (сальварсан, биохиноль и гонококковую вакцину) на десятки тысяч рублей [Там же. Д. 245. Л. 12]. Таким образом, был налажен надежный канал экспорта медицинских кадров, знаний, технологий и препаратов из СССР в МНР, в котором экспедиция играла ключевую роль главного посредника между Правительством МНР и Наркомздравом. В стране зарождалось особое пространство советской медицины, из которого постепенно вытеснялись конкуренты – представители традиционных целительских практик (эмчи-ламы, шаманы, китайские лекари), лекарства и оборудование иностранного производства (тибетские препараты, японский сальварсан и т.д.).

Экспедиции Наркомздрава РСФСР представляли собой передний край советской помощи МНР и наиболее эффективный на тот момент способ рекогносцировки и оценки медико-санитарной обстановки в стране. Возникавшие на местах эксцессы с монгольским руководством и ламами наводят на мысль о том, что принесенные экспедициями методы и практики лечения являлись революционными для статичной кочевой культуры. Они подтачивали традиционные представления монголов о болезнях, здоровье и собственном теле [8], дискредитировали народную и тибетскую медицину и демонстрировали превосходство европейской медицины над тысячелетними традиционными системами врачевания.

Таким образом, в 1920-х гг. медицина играла значимую роль в советско-монгольских отношениях. Создание современного здравоохранения являлось одним из приоритетов инициированной большевиками социальной трансформации монгольского народа. Советские врачи, прибывавшие в Монголию с экспедициями и по приглашению отдела здравоохранения МНР, привозили с собой знания, материалы и технологии, до той поры неизвестные в кочевом монгольском обществе. Сальварсан, биохиноль, антисептики, хирургия, родовспоможение, организационные модели советского здравоохранения являлись инструментами, создававшими веру в мощь социалистической медицины. Советские медики были проводниками как европейских идей о личной и коммунальной гигиене, здоровом образе жизни и физическом развитии, так и большевистских идей «большого скачка» из феодализма в социализм. Приезжая на работу в МНР, они попадали на «передний край» советской идеологической экспансии в монгольском ареале Центральной Азии.

Процессы институционализации в МНР советского варианта европейской медицины, по-видимому, казались сторонникам умеренных эволюционных социальных изменений излишне радикальными. К тому же идеологизированность и явный антагонизм советской медицины с доминировавшими в монгольском обществе традиционными практиками врачевания, ретивость советских экспедиционных врачей в насаждении новых методов лечения и форм организации здравоохранения грозили независимо настроенным членам монгольского правительства потерей контроля над всей медицинской сферой. На эти вызовы монголы отвечали попытками самостоятельно организовать дело здравоохранения, но в сложившейся международной ситуации, признанные только Москвой, они имели крайне ограниченный набор возможностей. В этой обстановке советские медицинские экспедиции сумели взять под свой контроль стратегические области: кадровую политику, закупку медоборудования и медикаментов, непосредственную работу с населением, оставив монгольским официальным лицам возможность одобрять направления строительства без потери лица. Следующим шагом были спланированные действия по «выдавливанию» из сферы медицины всех возможных конкурентов.

В своем культурно-экономическом содействии Монголии Кремль руководствовался прагматичными императивами. Он старался инициировать глубинную социокультурную трансформацию монголов, находившихся «на стадии феодализма», направить их на «некапиталистический путь развития», рывком миновать общественную стадию капитализма и создать лояльную себе социалистическую нацию. Затем ожидалось распространение цепной реакции на соседние народы региона и создание буферных зон вдоль границ возможного конфликта с Японией, которые обеспечили бы геополитическую безопасность СССР. Для этого следовало выполнить сверхзадачу – радикально изменить традиционные жизненные практики монголов, что подразумевало трансформацию всей ментальности. Требовались дискредитация старых традиций, насаждение и культивирование новых. Медицина в этих процессах играла ключевую роль, вытесняя из сознания монголов веру в сверхъестественное и заменяя ее на столь же безоглядную веру в могущество советской науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 152.
2. Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153–171.

3. Родионов В.А. «Мягкая сила» в современных российско-монгольских отношениях // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 8. С. 255–260.
4. Михалев А.В. Советские специалисты в Монголии: колониальный опыт эпохи застоя // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2015. Т. 13. С. 101–111.
5. Andrews R.C. The New Conquest of Central Asia: A Narrative of the Explorations of the Central Asian Expeditions in Mongolia and China, 1921–1930. New York : The American Museum of Natural History, 1932. 678 p.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-482. Оп. 35.
7. Митин В.В. Научные связи СССР и МНР в 1920–1950-е гг. Академия наук СССР и Монгольский ученый комитет // Метаморфозы истории. 2014. № 5. С. 111–133.
8. Sodnompilova M.M., Bashkuev V.Y. Diseases and their Origins in the Traditional Worldview of Buryats: Folk Medicine Methods // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. 2015. № 46. URL: http://emscat.revues.org/2510 ; DOI: 10.4000/emscat.2510

Статья представлена научной редакцией «История» 20 апреля 2016 г.

THE ROLE OF MEDICINE IN THE SOVIET-MONGOLIAN RELATIONS IN THE 1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 42–48.
DOI: 10.17223/15617793/408/6

Bashkuev Vsevolod Yu. Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: seva91@yahoo.com

Keywords: Mongolia; healthcare; Soviet medicine; expeditions; People's Commissariat for Health of the RSFSR; venereal diseases; epidemics; "soft power".

The Mongolian People's Republic was the key component of a system created by the Soviet Union to counterbalance Japan in East Asia. Besides, in the 1920s–1940s Mongolia was the main testing ground of the geopolitical project to export socialism to Asian countries, where in the specific cultural and economic conditions methods and modes of Sovietization were practiced. The specific nomadic lifestyle that preconditioned a special approach in the carrying out of socialist transformations, the pivotal position in a vast area populated by the Mongolian peoples and a possibility to influence them with a positive example of socioeconomic transformations made the People's Republic of Mongolia a region where Sovietization was closely associated with "soft power". Medicine played an important role in this process. The necessity to create modern healthcare in Mongolia became obvious already in the early 1920s. The situation in healthcare was complicated. There was a pronounced lack of reliable information about the epidemiological situation in the country. That is why beginning from 1926, as a part of medical-sanitary assistance to Mongolia, the People's Commissariat for Health of the RSFSR sent there medical expeditions with scientific and practical purposes. The expeditions of the People's Commissariat for Health were at the frontline of Soviet medical assistance to Mongolia. At that moment they were the most efficient method of reconnaissance and assessment of the medical and sanitary condition of the country. Therapeutic methods and practices brought by the expeditions were revolutionary for the static nomadic culture. They undermined traditional beliefs of the Mongols about diseases, health and body, discredited folk and Tibetan medicine and demonstrated supremacy of European medicine over the millennial traditional healing systems. The medical and sanitary expeditions also helped to determine the format of interaction with the Mongolian authorities. Due to a number of reasons the Mongolian government preferred to hire medical workers needed for the construction of national healthcare directly in the USSR. For the Mongolian leadership the Soviet expeditions became a benchmark of professionalism and a first source of manpower. Thanks to them it was possible to place loyal Soviet professionals at the key positions in healthcare. Thus, in the 1920s medicine played a significant role in the Soviet-Mongolian relations. The creation of modern healthcare was one of the priorities of the Bolshevik-induced social transformation of the Mongolian people. Soviet physicians arriving in Mongolia with Soviet expeditions brought with them knowledge, technologies and medicines yet unknown in the Mongolian society. Salvarsan, bioquinol, antiseptics, surgery, obstetrics, and organizational models of Soviet healthcare were instruments that inspired faith in the power of socialist medicine. Soviet medics were carriers of both European ideas of personal and communal hygiene, healthy lifestyle and physical development, and Bolshevik ideas of a "big leap" from feudalism to socialism.

REFERENCES

1. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 495. List 152. File 35. (In Russian).
2. Nye, J.S. (1990) Soft Power. *Foreign Policy*. 80. pp. 153–171.
3. Rodionov, V.A. (2009) "Myagkaya sila" v sovremennykh rossiysko-mongol'skikh otnosheniyakh ["Soft power" in modern Russian-Mongolian relations]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 8. pp. 255–260.
4. Mikhalev, A.V. (2015) Soviet Specialists in Mongolia: Colonial Experience under the Era of Stagnation. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"*. 13. pp. 101–111. (In Russian).
5. Andrews, R.C. (1932) *The New Conquest of Central Asia: A Narrative of the Explorations of the Central Asian Expeditions in Mongolia and China, 1921–1930*. New York: The American Museum of Natural History.
6. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-482. List 35. File 239. (In Russian).
7. Mitin, V.V. (2014) Scientific Relations between the USSR and the MPR in the 1920–1950s. The Academy of Sciences of the USSR and Mongolian Scientific Committee. *Metamorfozy istorii – Metamorphoses of History*. 5. pp. 111–133. (In Russian).
8. Sodnompilova, M.M. & Bashkuev, V.Y. (2015) Diseases and their Origins in the Traditional Worldview of Buryats: Folk Medicine Methods. *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines*. 46. [Online] Available from: http://emscat.revues.org/2510. DOI: 10.4000/emscat.2510

Received: 20 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 49–59. DOI: 10.17223/15617793/408/7

УДК 93/929

О.Б. Беликова

СИБИРСКИЙ ПЕДАГОГ И БИБЛИОГРАФ М.А. СЛОБОДСКИЙ (1874–1937)

Исследование выполнено в рамках государственного задания, проект № 2059: «Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект)».

Статья представляет первое подробное исследование биографии М.А. Слободского (1874–1937), известного томского педагога-словесника, библиографа Сибири, автора и редактора ряда публикаций. Его профессиональная деятельность связана с учебными заведениями г. Томска, Министерством народного просвещения правительства А.В. Колчака и библиографическим бюро. М.А. Слободский был избран от Томска членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения. Опубликовал первую обзорную и программную работу об этнографических исследованиях русского и туземного населения Томского и Нарымского Приобья. Он является организатором справочно-библиографического обслуживания читателей томских библиотек. В 1937 г. был арестован по делу о несуществовавшем «Союзе спасения России» и расстрелян по обвинению в участии в контрреволюционной кадетско-монархической организации.

Ключевые слова: Сибирь; педагог и библиограф М.А. Слободский; правительство А.В. Колчака; Институт исследования Сибири.

С 1975 г. в Томском государственном университете, в его Музее археологии и этнографии Сибири (МАЭС ТГУ), хранится «Архив А.В. Адрианова» – богатейший источник по отечественной истории XIX – середины XX в. [1]. В огромном массиве его эпистолярных документов есть письмо от 2 октября 1919 г., которое написал М. Слободский (МАЭС, 1919), см. о документе ниже. В 2004 г. впервые его опубликовал В.М. Крюков [2. С. 45–46]. Знакомство с ярким содержанием письма исподволь вызвало мой пристальный интерес к его автору. В результате источниковедческих разысканий выяснено, что имеется в виду Михаил Александрович Слобóдский (1874–1937), известный сибирский педагог и библиограф, автор и редактор 17 выявленных публикаций [3, 4 и др.], вице-директор Министерства народного просвещения в правительстве А.В. Колчака.

Источниковой основой по теме статьи явились многочисленные документы Государственного архива Томской области, архива Управления ФСБ по Томской области, МАЭС ТГУ и публикации. Некоторая оригинальная информация о М.А. Слободском стала известна мне в мае 2016 г. от проживающей в Томске его внучки Татьяны Романовны Слободской, которой я искренне признательна. В работе использованы методы источниковедческого исследования: аналитический, историко-сравнительный, археографический и др.

Подробная биографическая справка о М.А. Слободском, полный перечень занимаемых им должностей и список его опубликованных работ отсутствуют. Выявленное в процессе настоящего исследования архивное наследие самого сибиряка и документы о нём хотя и многочисленны, но весьма малоинформативны, как и публикации [5. С. 385; 6. С. 15; 7. С. 245–246 и др.]. Цель настоящей статьи – привлечение внимания исследователей к неординарной личности М.А. Слободского и его трагической судьбе, освещение отдельных страниц его малоизвестной биографии, в том числе как педагога и библиографа.

М.А. Слободский родился 30 октября 1874 г. в г. Чухлома Костромской губернии [8. Л. 25] (ныне Костромская область России) в семье мещан. Обучался в Московском университете и в 1899 г. с дипломом 1-й степени окончил словесное отделение его историко-филологического факультета [9. С. 22]. Учился у историка В.О. Ключевского, филолога В.Ф. Миллера [7. С. 245]. Стал известным педагогом сибирского г. Томска, где на протяжении 19 лет преподавал в различных учебных заведениях. Был женат на Ксении Павловне Слободской (родилась около 1879 г.). В их семье было четверо детей: Алексей (родился в 1900 г.), Иван (1902), Роман (1903), Татьяна (1906), информация о которых имеется в материалах ГАТО. В Томске семья проживала, по меньшей мере, в период 1911–1931 гг. по ул. Черепичная, в квартире 4 дома № 18: «дом Молодкина» [10. Л. 18; 11. Л. 2–3 и др.]. Этот замечательный деревянный дом сохранился и поныне (отреставрирован), его современный адрес – ул. Кузнецова, 20.

Педагогическая деятельность: 1 августа 1899 г. – 1 июня 1918 г.

Начало профессиональной деятельности 24-летнего М.А. Слободского связано со старейшей в Сибири Томской губернской мужской гимназией (Томская 1-я мужская гимназия; открыта в 1838 г.). Здесь он проработал 12 лет (1899–1911), преимущественно учителем русского языка и словесности, преподавал также логику, психологию, историю, был классным наставником. Тогда это заведение являлось основным местом его службы. Окончивший университет как «неимеющий чина», М.А. Слободский «в службе и ведомстве» и в должности учителя состоял с 1 августа 1899 г. и с этого же числа имел VIII класс по чинопроизводству (коллежский асессор) [9. С. 22; 12. Л. 25].

В профессиональной деятельности М.А. Слободский довольно скоро проявил себя успешно. Уже в 1905 г. по поручению попечителя Западно-Сибирского округа он вместе с коллегами П.М. Вяткиным и Н.И. Смирновым участвовал в работе педагогического совета Томской губернской мужской гимназии по обсуждению доклада о расширении курса словесности в средне-учебных заведениях Мини-

стерства народного просвещения. Результаты этой работы были отражены в изданном для публичного освещения отзыве. Здесь в своём авторском разделе М.А. Слободский высказался, помимо прочего, за создание «новым либеральным министерством» всероссийского союза педагогов. Он был уверен, что при разработке общегосударственных проектов его члены в противовес министерским бюрократическим комиссиям сами «установят типы учебных заведений, разработают учебные планы, составят программы, которые в глазах педагогов будут иметь полный авторитет, и поэтому сознательно и искренне будут выполняться на практике» [13. С. 17–18].

Параллельно со службой в губернской мужской гимназии педагог-словесник в какой-то временной отрезок 1900-х гг. трудился также в частном женском учебном заведении 1-го разряда (учреждено в 1902 г. О.В. Миркович; позже – частная женская гимназия) [14. С. 88].

За выслугой лет М.А. Слободский последовательно продвигался в гражданских чинах: с 1 августа 1903 г. – надворный советник (VII класс) [15. Л. 1], с 1 августа 1907 г. – коллежский советник (VI класс) [16. С. 51]. Был награждён орденом Святого Станислава 3-й степени (1 января 1907 г.) [17. Л. 15, 21] и медалью «В память царствования Императора Александра III» [18. Л. 45] (год награждения не установлен). 31-летний педагог стал членом конституционно-демократической партии (Партия народной свободы; кадеты). Учредительное собрание томского отдела этой партии состоялось 25 ноября 1905 г., на котором его избрали в состав комитета (председателем отдела стал профессор Томского технологического института В.А. Обручев) [19. С. 99–100]. Позже в одном из протоколов дела М.А. Слободского отмечалось, что заседания Партии народной свободы он посещал в 1905–1917 гг. [9. Л. 37].

Словесник вошёл также в состав группы из 15 педагогов, которые на основании договора, заключённого у томского нотариуса Д.Р. Горащенко 22 сентября 1905 г. [20. С. 169; 21. Л. 7, 26–29а], образовали Томское товарищество педагогов (преподавателей). Другое название – «Товарищество преподавателей-пайщиков для учреждения в городе Томске частной мужской гимназии». На свои средства 2 октября 1905 г. оно открыло частное мужское учебное заведение 1-го разряда (с 1912 г. – частная мужская гимназия) [21. Л. 26, 32]. В нём М.А. Слободский работал с 1 октября 1905 г. [16. С. 185] и минимум по 1912 г. был преподавателем словесности и философской пропедевтики [22. Л. 35 об. – 36 об.; 23. С. 54; 24. Л. 271–310]. Являлся председателем правления этого прогрессивного заведения с 1905 г. минимум по 1910 г. [4. С. 25; 20. Л. 161 и др.] и оставался в числе его содержателей, по крайней мере, до 1912 г. [25. С. 185; 26. С. 55 и др.]. Возможно, работал здесь и в 1914 г. [27. Л. 143].

В целом в документах данного заведения периода 1914–1918 гг. и позже его имя не встречено. 11 октября 1916 г. уже 11 преподавателей, включая М.А. Слободского, реорганизовали товарищество педагогов в «Общество педагогов, содержателей частной мужской гимназии в городе Томске» [28. Л. 217–220, 228]. В этой гимназии в 1912–1919 гг. учились его сыновья Иван и Роман [29. Л. 2, 53 и др.].

На основном месте своей педагогической деятельности, в Томской губернской мужской гимназии, М.А. Слободский продолжал трудиться в 1910/11 учебном году, определённо до лета 1911 г. [10. Л. 2, 5; 18. Л. 45 и др.]. Но какие-то события вызвали его перевод из этого заведения, что отложилось в документах отдельного архивного дела. Из них известно, что 14 июня 1911 г. попечителю Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьеву поступило некое представление. В итоге 1 июля он перевёл учителя в Томское 2-е реальное училище [10. Л. 1–10].

В этом училище М.А. Слободский числился совсем недолго, потому что в том же июле возбудил ходатайство о назначении его штатным преподавателем 1-го Сибирского коммерческого училища цесаревича Алексея в г. Томске [Там же. Л. 11–13] (Томское коммерческое училище; открыто в 1901 г., преобразовано 1 июля 1912 г. в 1-е Сибирское среднее политехническое училище [30. Л. 32]). Начиная с 1911/12 учебного года [10. Л. 22; 26. С. 57, 84 и др.] он работал здесь до 1 июня 1918 г. учителем [8. Л. 25, 35].

После увольнения из Томской губернской мужской гимназии М.А. Слободский также преподавал в 1911–1912 гг. в вечерних образовательных классах (курсы; образованы в 1902 г.) [23. С. 56; 26. С. 57]. Известно, что в 1910–1911 гг. он обучал и на томских общеобразовательных курсах [23. С. 104; 31. С. 85, 135].

Возможно, приобретённый опыт работы на этих курсах и в различных учебных заведениях, а также желание педагога-новатора преподавать по своей авторской программе подтолкнули его к решению открыть в Томске собственные классы. 30 декабря 1915 г. он получил от попечителя Западно-Сибирского учебного округа разрешение на открытие и содержание в Томске частных вечерних курсов двух видов: «1) для подготовки на звание вольноопределяющегося по программе Министерства народного просвещения и 2) подготовительные общеобразовательные курсы по особой представленной им программе, для поступающих в военные училища». В связи с их предстоящим открытием томское губернское управление запросило у начальника Томского губернского жандармского управления сведения о политической благонадёжности М.А. Слободского, на что был получен ответ от 9 января 1916 г.: «неблагоприятных сведений в политическом отношении» не имеется [11. Л. 4]. О реальном функционировании указанных курсов документальных сведений не встречено. Педагогическую деятельность М.А. Слободский завершил 1 июня 1918 г. в «Томском политехническом училище» [8. Л. 35].

В Томской земской управе: июнь 1918 г.

Непродолжительно, в июне 1918 г., М.А. Слободский служил в школьном совете Томской губернской земской управы, деятельность которой была возоб-

новлена в Томске в июне указанного года после контрреволюционного переворота. Его виза как заведующего отделом средней школы указанного совета встречена на документе от 29 июня 1918 г. [32. Л. 38].

В Министерстве народного просвещения, 1918–1919 гг.

В анкете из дела М.А. Слободского указано, что с 1 июля 1918 г. по 5 декабря 1919 г. [8. Л. 25, 35] он работал в Министерстве народного просвещения (МНП). Оно было образовано 1 июля 1918 г. Временным Сибирским правительством, 4 ноября перешло в состав Временного Всероссийского правительства, а 18 ноября 1918 г. – Российского правительства А.В. Колчака [33]. Дислокация МНП в разные периоды менялась:

– Томск (сентябрь 1918 г. – апрель 1919 г.), главный корпус технологического института;

– Омск (выезд туда 26 апреля 1919 г.);

– Томск (возвращение в город 10 ноября 1919 г.), химический корпус технологического института [15; 34. С. 19; 35. С. 5 и др.].

В МНП, состоящем из трёх департаментов, М.А. Слободский работал в департаменте (отдел) народного просвещения, включающем несколько отделений. Конкретные должности восстанавливаются с учётом наличия его виз на документах, отложившихся в ГАТО.

1. Заведующий отделением средних школ, минимум с 13 сентября 1918 г. по 7 марта 1919 г. [32. Л. 60, 62, 135 и др.]. В январе 1919 г. в министерстве создаётся комиссия по реформе средней школы, в состав которой как заведующий отделом средних учебных заведений входит и М.А. Слободский [33. С. 76].

2. Вице-директор указанного департамента (должность директора оставалась вакантной) определённо в период февраля – сентября 1919 г., соответствующая виза М.А. Слободского встречена на документах данного периода [32. Л. 274, 278, 296 об., 306, 417]. При этом визировал и «за директора департамента» (от 30 августа 1919 г.) [32. Л. 420 об.]. В протоколе дела М.А. Слободского 1929–1930 гг., им подписанного, отмечено: «Я как вице-директор департамента находился [в] период правительства Колчака [в] г. Омске и [в] 1919 г. [пер]ехал [в] г. Томск – [в] сентябре – ноябре месяце» [8. Л. 27].

Находясь, видимо, ещё в Омске, М.А. Слободский 2 октября 1919 г. пишет письмо А.В. Адрианову [36], выдающемуся исследователю истории и культуры Северной и Центральной Азии, общественному деятелю и просветителю конца XIX–XX вв. Авторство этого документа, представленного рукописным беловым автографом, надёжно идентифицировано при сравнении с почерком ряда рукописей явно М.А. Слободского. Адресат в документе не указан, конверт отсутствует. Но контекст письма и факт нахождения его в архиве А.В. Адрианова, который в октябре 1919 г. продолжал быть редактором либерально-демократической газеты «Сибирская жизнь», позволяют заключить, что оно адресовалось именно ему, в Томск. Короткое письмо убедительно демонстрирует негативное отношение М.А. Слободского к советской власти, Ленину. Оно отражает, как пишет В.М. Крюков, «всплеск надежды, готовность поверить самым неправдоподобным слухам» [2. С. 45]. Малочисленность выявленных авторских документов М.А. Слободского обусловила целесообразность публикации письма.

«/Л. 77/ (повреждение текста. – *О.Б.*). Не удержусь, чтобы не сообщить Вам сенсационную новость, которая получена сегодня через французское радио.

Советское правительство обратилось с просьбою к американскому предложить заключить мир на следующих условиях:

1) Советская власть упр[аздняется];

2) отменяются казни и террор;

2) Ленин, Троцкий и К° из 15 человек получают свободный пропуск в Южную Америку.

Вслед за этим получено второе сообщение, что Ленин арестован, а Троцкий бежал. Я боюсь верить этим известиям: слишком они радостны. Но что, если это правда? Какое празднество будет на Руси!! Когда получите это письмо, положение, вероятно, выяснится.

Желаю Вам всего лучшего. Искренне уважающий Вас М. Слободский.

P.S. Если Вы нуждаетесь в корреспонден- /Л. 77 об./ те, <…> услуги на условиях <…> мне предложите. 2 октября [19]19 г.» [36].

В Институте исследования Сибири: 1919–1920 гг.

В прямом подчинении МНП находился созданный в феврале 1919 г. Институт исследования Сибири (ИИС), центральное отделение которого располагалось в Томске. Работа института началась летом 1919 г., закрыт он был 1 июля 1920 г., но фактически функционировал до осени этого года [7]. Одним из структурных подразделений ИИС с июня 1919 г. стало библиографическое бюро (см.о нём: [37, 38]). Его ведущими сотрудниками являлись в будущем крупнейшие отечественные библиографы Николай Васильевич Здобнов (1888–1942) и Марк Константинович Азадовский (1888–1954), последний стал также выдающимся филологом, фольклористом, этнографом. В ИИС он был исполняющим обязанности заведующего бюро [37. С. 217]. Его сотрудником с 10 ноября 1919 г., т.е. со дня возвращения МНП из Омска в Томск, становится и М.А. Слободский, сначала – как «приглашённый на один месяц по вольному найму» [7. С. 67, 245; 39. Л. 317 об.].

Работа ИИС в ту пору проходила в сложных политических условиях. В ночь на 17 декабря 1919 г. 1-я Сибирская колчаковская армия оставила Томск, и в ночь на 18 декабря власть в нём перешла к большевикам. Редактора газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианова 22 декабря арестовали, обвинив в систематической борьбе с советской властью путём агитации в газете, и в начале марта 1920 г. в Томске расстреляли. Дома в его семье и в помещении редакции «Сибирской жизни» прошли обыски, но при этом представленное письмо М.А. Слободского от 2 октября 1919 г., явно

крамольное с позиции новой власти, не обнаружили. Иначе его автор тогда вряд ли избежал горестной участи А.В. Адрианова.

М.А. Слободский, продолжая работать в бюро, в январе 1920 г. был избран секретарём библиографической комиссии [7. С. 81, 86] – ещё одной структурной единицы ИИС. Его совет на заседании 9 января 1920 г. рассмотрел заявление М.К. Азадовского о вступлении М.А. Слободского в должность «второго старшего помощника бюро» (первым старшим помощником числился Н.В. Здобнов). Но из-за отсутствия таковой должности в смете на январь 1920 г. совет постановил предложить М.А. Слободскому с 9 января «занять место младшего помощника бюро». Библиографическое бюро, продолжая работу В.И. Межова «Сибирская библиография» (1891–1892), составляло указатель за период с 1891 по 1917 г. [40. С. 16]. С 8 мая 1920 г. временно исполняющим обязанности заведующего бюро становится Н.В. Здобнов. В бюро на 4 июня 1920 г. работал довольно большой коллектив – 15–20 человек. Но уже 27 июля того года он включал кроме библиографов-специалистов только 7 студентов двух факультетов университета – общественных наук и историко-филологического [39. Л. 303–304, 307, 323].

В Томском государственном университете: 1920–1922 гг.

После ликвидации ИИС основной деятельностью М.А. Слободского по-прежнему остаётся работа в библиографическом бюро (отдел), которое с июля 1920 г. было передано Томскому университету. Сотрудником этого бюро он являлся, судя по документам, с сентября 1920 г. по 1 декабря 1922 г. Параллельно с 15 ноября 1920 г. был временно исполняющим обязанности секретаря комиссии по ликвидации дел ИИС [41. Л. 1, 3, 5, 8–9, 11].

Документы и публикации неоднозначно информируют о том, кто стал заведующим бюро после увольнения из него М.К. Азадовского 1 ноября 1920 г. [7. С. 215]. Скорее всего, эту должность занял Н.В. Здобнов. М.А. Слободский же до мая 1922 г. был заместителем заведующего бюро (исполняющий обязанности заведующего библиографическим бюро) при университете [41. Л. 33].

С 1 января 1921 г. все служащие бывшего ИИС, прикреплённые к университету для ликвидации институтских дел, были уволены, за исключением М.А. Слободского и Н.В. Здобнова, а также исполняющего обязанности бухгалтера М.А. Меликова. Комиссия по ликвидации дел ИИС обратилась 20 января 1921 г. к ректору и правлению университета с ходатайством о перечисленных библиографах [Там же. Л. 10], исходя, видимо, из незавершённости их работы: «В течение января Слободской занимался редактированием библиографического сборника “Сибирь в исторических русских изданиях”, а Н.В. Здобнов – систематизацией библиографических карточек, изготовленных в последние месяцы 1920 г.». К тому же официальный срок прикомандирования указанных библиографов к университету заканчивался позже – 1 февраля 1921 г. В итоге этот срок обоим продлили до 1 апреля 1921 г. именно для проведения библиографических работ [41. Л. 7, 10 об., 14–15].

В комиссию по ликвидации ИИС М.А. Слободский представил проект организации нового бюро – при Томском университете. Он был одобрен ею, а также правлением университета и в итоге с некоторыми поправками принят его библиотечной комиссией. Уже в мае – июне 1921 г. в университете прошёл процесс формирования библиографического бюро при библиотечной комиссии. Оно создавалось в процессе выборов его будущих членов от факультетов. На заседании историко-филологического факультета 14 мая 1921 г. М.А. Слободского и Л.Д. Григорьеву избрали членами бюро от данного подразделения. По документам, бюро всего университета было сформировано 3 июня и существовало с июля 1921 г. [Там же. Л. 12–13, 18–19, 23, 35]. Публикация же сообщает, что «14 июня (1921 г. – *О.Б.*) при Томском университете открылось библиографическое бюро в виде автономного университетского учреждения. Главнейшей задачей бюро является составление сибирской библиографии за послемежовский период, т.е. с 1821 г. по настоящее время, и кроме того обслуживание факультетов университета в библиографическом отношении». Подчёркивалось, что университетское библиографическое бюро является «преемником библиографического бюро Института исследования Сибири, закрытого вместе с этим институтом 1 января т.г. (1920 г. – *О.Б.*)» [42]. В начале своей деятельности данное бюро состояло из 6–8 человек, при этом должность его члена приравнивалась к должности преподавателя Томского университета [41. Л. 16, 19, 27].

С 30 мая 1922 г. М.А. Слободский «вступил в исполнение обязанностей заведующего библиографического бюро Томского университета», так как Н.В. Здобнов примерно с 18 мая 1922 г. был командирован на два месяца по делам бюро в Москву [Там же. Л. 29, 35, 45], где затем и остался на постоянное проживание. Какое-то время они, вероятно, поддерживали отношения перепиской – в архиве Здобнова есть письма Слободского [43. С. 23].

В июле 1922 г. в библиографическом бюро университета содержание от него получали четыре сотрудника: М.А. Слободский, Н.В. Здобнов, Л.Д. Григорьева и Н.А. Зиневич. Стремившийся сохранить бюро в Томском университете М.А. Слободский направил ректору 25 июля 1922 г. заявление: «Достаточно указать, что бывший в этом году в Ново-Николаевске (Новосибирск. – *О.Б.*) библиотечный съезд признал бюро центральной библиографической организацией для всей Сибири, а Российский библиографический институт в Москве в июне с[его] г[ода] постановил ходатайствовать пред академическим центром о преобразовании томского библиографического бюро в сибирское отделение института». Тем не менее 27 июля 1922 г. правление университета сократило штат бюро до 1 человека, оставив только М.А. Слободского. Причина – недостаток средств, необеспеченность академическим пайком, ограничен-

ное продовольственное содержание. После этого сокращения М.А. Слободский в документах от начала августа по ноябрь 1922 г. обозначен как заведующий библиографическим бюро [41. Л. 32, 34–46].

В ту пору М.А. Слободский продолжал занимался делами ликвидированного ИИС. 7 августа 1922 г. он обратился в правление Томского университета с просьбой разрешить передать на хранение в Томский губархив (современный Государственный архив Томской области) находящийся у него на хранении архив ИИС, на что 10 августа вышло соответствующее постановление – «ходатайство удовлетворить» [41. Л. 41–42].

Проработав в Томском университете более двух лет, М.А. Слободский 27 ноября 1922 г. пишет ректору заявление с просьбой освободить его с 1 декабря от обязанностей заведующего бюро «ввиду того, что я избран библиотекарем Томского технологического института» (ТТИ; позже – Сибирский технологический институт, Томский политехнический институт и др.). С указанного числа его и отчислили [Там же. Л. 3, 45]. К 1924 г. библиографическое бюро в ТГУ было закрыто [44. Л. 3].

Двухлетний период работы М.А. Слободского и его коллег в библиографическом бюро Томского университета был весьма плодотворен.

В частности, в 1923 г. он заканчивал составление «полной библиографии» Г.Н. Потанина [45. С. 91], выдающегося сибирского учёного и общественного деятеля. По инициативе Н.В. Здобнова [40. С. 17] в бюро была организована коллективная работа над переводом с французского языка на русский «Руководства по международной библиографии», опубликованного в 1907 г. Международным биографическим институтом в Брюсселе. В результате одну из частей этого перевода – «Социальные науки» – издали в 1924 г. в Томске, при этом М.А. Слободский выступал как редактор и переводчик, а Н.В. Здобнов осуществлял общее руководство работой по переводу и редактированию [45. С. 90–91; 46].

В бюро Томского университета М.А. Слободский продолжил собирать библиографический материал по этнографии Сибири из периодических изданий за период 1901–1917 гг., готовя его к отдельной публикации. Рукопись была закончена не ранее 8 июня 1924 г. Указатель, вышедший в свет в 1925 г., включал 342 названия публикаций [44]. Его он рассматривал как продолжением работы М.К. Азадовского «Литература по этнографии Сибири: Перечень статей в периодических изданиях 1891–1900 гг.» [47]. Часть новой литературы в Сибирь не поступала, из-за чего М.А. Слободский публикации позже 1917 г. в свою работу включить не смог. По этой причине он обозначил актуальные задачи сибирских библиографов: «зафиксировать тот материал, который появился с 1918 г. по настоящее время» [44].

Возможно, во время работы именно в бюро Томского университета М.А. Слободский составлял и библиографический указатель о декабристах, предназначенный для педагогов и краеведов. В итоге в соавторстве с М.К. Азадовским в сборнике 1925 г. в Иркутске была издана их статья «Декабристы в Сибири», включающая 384 названия публикаций [48].

Печальной оказалась участь другой работы М.А. Слободского – «Сибирь в русских исторических журналах и повременных изданиях (1901–1917 гг.)». Публикацию указателя, содержащего 1 598 библиографических записей, запланировали на заседании ИИС ещё в мае 1920 г. [37. С. 217]. Он анонсировался бюро ТГУ с 1921 г. [42], в рамках которого и был закончен в апреле 1922 г. [41. С. 30–31; 45. С. 92]. Поистине мытарские, но безуспешные попытки издать его предпринимались включительно по 1927 г. [37. С. 217–218].

1922–1929 гг.: Томский (Сибирский) технологический институт, Общество изучения Томского края

Должность главного библиотекаря ТТИ М.А. Слободский занял, видимо, 1 декабря 1922 г. (опубликована и другая дата – 16 октября [6. С. 15]) и в ней успешно проработал до 27 декабря 1929 г. [8. Л. 26]. В 1924 г. библиотечная комиссия института ходатайствовала перед правлением ТТИ о командировании М.А. Слободского на съезды в Москву. И тогда же он участвовал в работе 1-го библиографического съезда (3 декабря) и съезда библиотечных работников академических наук (7 декабря) [6. С. 27].

В период работы в этой библиотеке он активно содействовал созданию «Общества изучения Томского края при Томском краевом музее» (1925–1928) (см.: [49]). Эта научно-просветительская организация была образована на заседании совета указанного музея 17 февраля 1925 г., М.А. Слободский входил в состав учредителей [50. С. 86; 51. С. 15–16]. Был председателем временного правления общества (28 апреля – 23 мая 1925 г.), а в постоянном правлении – заместителем председателя, т.е. В.В. Ревердатто (30 мая 1925 г. – 15 декабря 1928 г.), уже до конца существования общества [49. С. 188; 50. С. 86–87].

От Общества изучения Томского края М.А. Слободского в мае 1925 г. избрали представителем в совет Томского краевого музея, где он принимал активное участие в проработке различных вопросов [50. С. 87; 51. С. 15–16]. В том числе в 1925 г. организовал первую в обществе секцию – библиографическую. Её задачами являлись составление библиографии Томского края, регистрация выходящих в Томске изданий и составление их указателя за «революционный период» [50. С. 89–90]. В итоге секция подготовила к печати указатель «Продукция томской печати за десять лет (1917–1926 гг.)» [49. С. 174].

Летом 1925 г., будучи на отдыхе в селе Коларово около Томска, М.А. Слободский около двух недель собирал фольклор – народные песни. Его «интересовал вопрос, как мировая война и Октябрьская революция отразились на изменении репертуара народного творчества» [52. С. 95]. Помогала ему «Т.М. Слободская» (видимо, дочь Татьяна), записавшая половину частушек и все протяжные песни. О собранных материалах М.А. Слободский весной 1926 г. доложил

на заседании в Томском краевом музее [51. С. 20], а в 1927 г. опубликовал на эту тему статью [52]. 8 сентября 1925 г. в помещении музея состоялось торжественное заседание Томского краевого музея и Общества изучения Томского края, посвящённое юбилею Академии наук. Тогда М.А. Слободский сделал доклад «Двухсотлетний юбилей Академии наук» [51. С. 20]. А на заседании правления Общества 25 августа 1925 или 1926 г. он представил результаты порученной правлением работы – «этнографическое, экономическое и правовое обследование туземцев Севера по литературным материалам». Этот доклад в итоге был послан в Комитет Севера с конкретными предложениями об административном и судебном устройстве коренных народов [50. С. 87, 89].

Материалы об участии М.А. Слободского в работе Центрального бюро краеведения (ЦБК) – общественной организации 1922–1937 гг. по координации краеведческой работы, единичны. В январе 1926 г. на 6-й сессии пленума ЦБК он и П.П. Славнин (этнолого-археологический музей Томского университета) были избраны от Томска членами-корреспондентами в ЦБК (Ленинград) [52. С. 30].

Как представитель Общества изучения Томского края М.А. Слободский в конце 1926 г. участвовал в составе томской делегации из 33 человек в работе 1-го Сибирского краевого научно-исследовательского съезда (15–21 декабря, г. Новосибирск) [53; 54. С. 270]. Одной из задач съезда являлась организация в крае научных исследований, и по его решению была создана центральная общественная организация – Общество изучения Сибири и её производительных сил. М.А. Слободский работал в секции «Человек» и в её совместном заседании с секцией «Музейно-архивная». С докладом не выступал, но опубликованные протоколы заседаний отражают его активное участие в прениях.

Так, по докладу М.К. Азадовского «Роль и место фольклора в краеведческих изучениях» он говорил о необходимости сохранения памятников духовной культуры и изучения фольклора, заострил внимание на отсутствии в Томском университете «специальной кафедры, разрабатывающей вопросы этнографии». В связи с сообщением Е.И. Титова «Очередные задачи тунгусоведения» высказывался за необходимость изучения языка тунгусов и целесообразность подготовки исследователей их культуры непосредственно из среды самих тунгусов. По докладу П.К. Казаринова «Задачи, итоги и организационные пути сибирской библиографии» М.А. Слободский отметил необходимость развития «библиографии местной печати», имеющей огромное историко-культурное значение. Поднял вопрос об организации библиографической работы в крае, считая самым желательным создание «такой библиографической ячейки, которая имела бы характер ведомственный» [54. С. 181, 183, 202–203].

В русле своих обязанностей в ТТИ и в Обществе изучения Томского края М.А. Слободский в 1920-х гг. активно занимался составительской, авторской и редакторской работой. По поручению руководства института составил краткий биографический словарь его преподавателей, лаборантов и научных сотрудников за период 1900–1925 гг. [55], охарактеризовал деятельность библиотеки института [56]. Редактировал составленный его коллегой А.П. Покровской указатель статей из «Известий» Сибирского технологического института [57]. Вместе с М.Б. Шатиловым М.А. Слободский также редактировал первый том трудов Томского краевого музея [58], а с В.В. Ревердатто и Б.П. Юхневич – первый и последний выпуск трудов Общества изучения Томского края [59]. Одна из его значительных работ этого времени – указатель литературы по этнографии Сибири [60].

В 1929 г. выходит в свет статья М.Б. Слободского «Итоги и задачи этнографического изучения Томского края» [61] – первая обзорная и программная публикация об этнографических исследованиях русского и туземного населения Томского и Нарымского Приобья, территорий пределов современной Томской области. Констатировав отсутствие достаточных кадров этнологов Сибири, автор предложил создавать их «путём организации факультетов общественных наук с кафедрами по этнографии и языку туземных народностей». Считал, что подготовку этнологов можно будет организовать «только в том случае, если при Томском государственном университете будет открыт гуманитарно-педагогический факультет, в котором преподавание этнологии Сибири нашло бы достаточное выражение!» Он предлагал выработать для каждой краеведческой организации план исследований по этнографии применительно к конкретной территории, а наиболее целесообразной формой при обработке этнографического материала считал монографическое описание [60. С. 22–23, 26], что и подтвердили дальнейшие исследования Сибири в XX в.

Репрессии: декабрь 1929–1930 гг.

По указанию политбюро ЦК ВКП (б) силами ОГПУ в 1929–1931 гг. в СССР был сфабрикован направленный против интеллигенции следственный процесс, известный как Академическое дело. Его жертвами стали сотрудники академических учреждений, Русского музея, Центрального архива, других научных и учебных заведений, а также общественной организации – Центрального бюро краеведения и его провинциальных отделений. Сотрудники обвинялись в создании контрреволюционного «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», целью которого являлись свержение советской власти и восстановление монархического правления. В реальности эта организация никогда не существовала. Аресты в связи с Академическим делом начались 23 октября 1929 г. в Ленинграде [62].

В провинциальном Томске в ноябре – декабре 1929 г. прошли обыски в здании библиотеки Томского государственного университета по делу заместителя директора библиотеки в звании главного библиотекаря Александра Ивановича Милютина (1865–1930?), которого арестовали 25 декабря [63. С. 100–101]. Дело А.И. Милютина объединили с именем М.А. Слободского. 24–27 декабря был произведен

обыск в Сибирском технологическом институте, где он тогда работал. В библиотеке были обнаружены «новая часть револьвера», эсэровская литература, инструкция за 1919 г. колчаковской контрразведки, «5 портретов Николая II», «8 портретов министра народного просвещения Боголепова», «книги богословского содержания» и др. «В подвальном помещении физического корпуса в здании СТИ обнаружен архив кадетской партии». Уже в процессе обыска 25 декабря на М.А. Слободского было заведено следственное дело по статье 58-10 УК [8. Л. 22, 28] (антисоветская агитация).

27 декабря обыскивали его квартиру. При этом, как отмечено в протоколе, обнаружен и забран «архив разных бумаг учебным заведениям в период колчаковского правительства, речь госдумы <…> и разная переписка…» [Там же. Л. 24]. На допросах того же дня М.А. Слободский предъявленные ему обвинения отверг и какого-либо компромата о А.И. Милютине, с которым был знаком более 20 лет, не сообщил. 27 декабря М.А. Слободского арестовали и отстранили от занимаемой должности заведующего библиотекой СТИ, а 8 января 1930 г. ему предъявили обвинение [9. Л. 20 об., 26–27 об., 29, 36]. В меморандуме Томского окружного отдела ОГПУ от 16 января 1930 г. отмечалось, что «Милютин А.И. и Слободский М.А., будучи убеждены в падении соввласти», избрали библиотеки ТГУ и СТИ «в целях сбережения литературы и документов партии эсэров, кадетов и белогвар[дейско]-колчаковской контрразведки», «портреты б[ывших] царей, Колчака и других для передачи в руки белогвардейским контрреволюционным организациям» [8. Л. 1 об.]. Спустя три месяца после ареста особое совещание при коллегии ОГПУ 23 марта 1930 г. обвинило их по статье 58-10 УК, приговорив к 6 месяцам лишения свободы [8. Л. 49; 64. С. 33]. Они были реабилитированы 8 февраля 1993 г. [8. Л. 26 об.].

Последние годы: 1930–1937 гг.

Документы о жизни М.А. Слободского после его освобождения, состоявшегося, видимо, в 1930 г., мне неизвестны. Ясно, что тогда он работал над «Библиографическим очерком Нарымского края» (1933), основная цель которого – «указать наиболее важные источники по изучению Нарымского края, появившиеся в печати после выхода “Сибирской библиографии” Межова, и дать краткую характеристику их…» [65. С. 1]. Автор изучил основные издания 1899–1932 гг. по геологии, почвоведению, растительности, луговедению и болотоведению, охотпромыслу, рыбохозяйственному делу, статистике, экономике, зоологии. Отметил и немногочисленные для указанного периода публикации по этнографии, фольклору и археологии. Одним из достоинств очерка стало представление литературы именно о труднодоступном правобережье Нарымского края [65].

В 1933–1937 гг. М.А. Слободский работал заведующим библиотекой в Томском государственном физиотерапевтическом институте (ныне Томский научно-исследовательский институт курортологии и физиотерапии; неофициальное название – Штамовский институт). 10 июня 1937 г. он был вновь арестован – по делу о несуществовавшем «Союзе спасения России» [66. С. 272; 67. С. 204]. По воспоминаниям Т.Р. Слободской, её дед был этапирован в Новосибирск. Единично выявленные архивные документы (опубликованы) скупо освещают последний год его жизни.

В справке Управления КГБ Томской области от 21 октября 1965 г. сообщается, что «в 1937 г. Управлением НКВД по Запсибкраю, Томским горотделом НКВД и Нарымским окротделом НКВД были арестованы и по постановлению тройки УНКВД Запсибкрая расстреляны за создание на территории Западно-Сибирского края контрреволюционной эсеро-монархической и кадетско-монархической повстанческой организации: Эскин Николай Афанасьевич, Долгоруков Михаил Михайлович, Пироцкий Николай Григорьевич, Михайлов Василий Степанович, Левицкий-Щербина Георгий Леонардович, Ширинский-Шихматов Никита Андреевич, Слободский Михаил Александрович». Участником этой организации также был признан поэт и писатель Николай Алексеевич Клюев (расстрелян в конце октября 1937 г.). Всего на территории Томской области по делу об указанных организациях в 1937–1938 гг. было репрессировано 2 308 чел. [68. С. 380–382, 403].

В обвинительном заключении по делу Н.А. Клюева (октябрь 1937 г.) «бывший кадет» М.А. Слободский указывался как непосредственный руководитель «Союза спасения России» [Там же. С. 288]. 23 ноября тройка УНКВД Новосибирской области приговорила его к расстрелу по обвинению в «участии в контрреволюционной кадетско-монархической организации» (ст. 58-2-11 УК РСФСР). 27 ноября 1937 г. в возрасте 63 лет его расстреляли [69], видимо, в г. Новосибирске. В 1956–1960 гг. дела по обвинению 1937 г. были прекращены за отсутствием состава преступления: эсеро-монархической и кадетско-монархической организаций в действительности не существовало, а материалы о них работники НКВД сфальсифицировали [68. С. 381–382]. М.А. Слободского по этому делу реабилитировали 29 октября 1957 г. [69].

Страницы биографии сибирского педагога, библиографа, библиотекаря, краеведа М.А. Слободского, которые довелось восстанавливать буквально по крупицам из всевозможных источников, знакомят нас с высокообразованным и порядочным человеком. Одна из его главных профессиональных заслуг – развитие сибирской библиографии по разной проблематике: этнография, история, экономика, туземное право, местная (томская) печать, декабристы и др. М.А. Слободский принимал активное и многолетнее участие в работе по изучению принципов библиографического описания и организации справочно-библиографического обслуживания читателей библиотек в различных томских учреждениях. В целом же «его библиографическая деятельность до сих пор полностью не раскрыта» [6. С. 15]. Значимой для исследований Сибири XX в. является работа М.А. Слободского об

этнографическом изучении русского и туземного населения Томского и Нарымского Приобья. Отмечая существенный недостаток кадров этнологов Сибири, он способствовал организации в вузах специализированной подготовки исследователей аборигенных культур и языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликова О.Б. Об архиве учёного и общественного деятеля А.В. Адрианова (1854–1920) в Томском государственном университете // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 87–91.
2. Крюков В.М. Александр Адрианов: Последние годы. Томск, 2004. 80 с.
3. Слободский М.А. Профессиональное образование // Город Томск. Томск, 1912. С. 34–43.
4. Слободский М.А. Среднее образование в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 18–30.
5. Наука и научные работники СССР. Ч. 6: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. Л., 1928. 810 с.
6. Вековой юбилей Научно-технической библиотеки Томского политехнического университета: 1900–2000. Томск, 2000. 64 с.
7. Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). Томск, 2008. 264 с.
8. Архив Управления федеральной службы безопасности по Томской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. п-2606. Дело по обвинению Милютина А.И. и Слободского М.А. 25 декабря 1929 г. – 1930 г. 57 л.
9. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1900 год. Томск, 1900. 236 с., IX с.
10. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 101. Оп. 1. Д. 681. Переписка с попечителем Западно-Сибирского учебного округа о переводе учителя русского языка Слободского М. в Томское 2-е реальное училище. 15 июля 1911 г. – 9 апреля 1912 г. 35 л.
11. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6867. Переписка томского губернатора с попечителем Западно-Сибирского учебного округа, Томским губернским управлением о предоставлении разрешения открыть вечерние курсы. 1915–1916 гг. 4 л.
12. ГАТО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 209. Отчёт о состоянии гимназии за 1902 г. 49 л.
13. Отзывы преподавателей Н.И. Смирнова, П.М. Вяткина и М.А. Слободского о докладе особой комиссии по вопросу о расширении курса русской словесности в средне-учебных заведениях министерства народного просвещения. Томск, 1905. 18 с.
14. Гач О.Б. Первая частная женская гимназия в Западной Сибири в начале XX века // Социология, политология, философия и история: современные тенденции развития. Новосибирск, 2012. С. 86–90.
15. ГАТО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 246. Документы о награждении и производстве в чине учителей. 14 февраля 1905 г. – 2 ноября 1905 г. 12 л.
16. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год. Томск, 1909. 397 с., X с.
17. ГАТО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 275. Документы о награждении и представлении к чинам и наградам служащих гимназии. 1 января 1907 г. – 20 февраля 1907 г. 29 л.
18. ГАТО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 368. Отчёт о состоянии гимназии за 1910 г. 139 л.
19. Шиловский М.В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010. 150 с.
20. Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Томск, 1908. 210 с., 56 с., 80 с.
21. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1943. Об открытии в г. Томске частной мужской гимназии (частное мужское учебное заведение 1 разряда). 1905. 259 л.
22. ГАТО. Ф. 192. Оп. 1. Д. 1. Переписка с Западно-Сибирским учебным округом о занятиях в частной мужской гимназии за 1909 г.
23. Памятная книжка Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. 240 с., 43 с.
24. ГАТО. Ф. 192. Оп. 1. Д. 29. К сведению и руководству (циркуляры Западно-Сибирского учебного округа) за 1917 год.
25. Весь Томск: Адресно-справочная книжка на 1911–1912 гг. Год издания первый. Томск, [1911]. 332 с.
26. Памятная книжка Томской губернии на 1912 год. Томск, 1912. 199 с., 164 с., 52 с.
27. ГАТО. Ф. 192. Оп. 1. Д. 16. С перепиской по разным предметам (списки учеников, окончивших курс, получивших свидетельства). 1914 г. 206 л.
28. ГАТО. Ф. 192. Оп. 1. Д. 27. Циркуляры Западно-Сибирского учебного округа и списки учеников за 1916 г. 354 л.
29. ГАТО. Ф. 192. Оп. 1. Д. 9. Свидетельства учащихся за 1913 г.
30. ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3515. Журналы заседаний Томской городской думы, переписка с Министерством торговли и промышленности и др. 1 апреля 1911 г. – 17 ноября 1911 г. 39 л.
31. Памятная книжка Томской губернии на 1910 год. Томск, 1910. 317 с., 230 с., 50 с.
32. ГАТО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 555. Циркуляры и переписка с Министерством народного просвещения Сибирского временного правительства и уполномоченным МНП. 462 л.
33. Кальсина А.А. Проект реформы средней школы министерства народного просвещения правительства А.В. Колчака – направления практической деятельности и преемственность // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 24 (125). С. 73–80.
34. Весь Томск: справочник. Томск, 1919. 64 с.
35. Найбороденко Л.М. Деятельность Министерства народного просвещения Временного Сибирского правительства и Всероссийского правительства в Томске и Омске (июнь 1918 г. – ноябрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 10 (100). С. 5–9.
36. Музей археологии и этнографии Сибири имени В.М. Флоринского Томского государственного университета: архивный отдел. Ф. 868. Папка 14. Л. 77: М.А. Слободский. Письмо от 2 октября 1919 г. А.В. Адрианову в Томск.
37. Бернгардт Т.П. Библиографическое бюро Института исследования Сибири: к вопросу об истории создания и функционирования // История и культура городов России от традиции к модернизации. Омск, 2006. С. 216–218.
38. Грибовский М.В., Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Библиографическое бюро и библиотечная комиссия Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 145–151.
39. ГАТО. Ф. р-26. Оп. 1. Д. 60. Переписка Сибревкома и переписка с Сибревкомом, Российской Академией наук и др. о закрытии института. 1 мая 1920 г. – 20 августа 1920 г.
40. Машкова М.В. Н.В. Здобнов (1888–1942): Очерк жизни и деятельности. М., 1959. 132 с.
41. ГАТО. Ф. р-815. Оп. 1. Д. 506. Документы о службе заведующего библиографическим бюро Слободского М.А. и др. 25 ноября 1920 г. – 29 декабря 1927 г. 84 л.
42. Бюро сибирской библиографии // Книга и революция. Петербург, 1921. № 1 (13). С. 83.
43. Здобнов Н.В. Избранное: Труды по библиографии и книговедению. М., 1980. 272 с.
44. Слободский М.А. Литература по этнографии Сибири в этнолого-географических повременных изданиях 1901–1917 гг. Ч. 1: Периодические издания Европейской России. Иркутск, 1925. 24 с.
45. Пришельцев С. Библиографическая хроника г. Томска // Книга и революция. 1923. № 11–12 (23–24). С. 91–92.
46. Руководство по международной библиографии. Отдел 3: Социальные науки (перевод, издание 1907 г.). Томск, 1924. 161 с.
47. Азадовский М.К. Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX века: Перечень статей в периодических изданиях 1891–1900 гг. // Сибирская живая старина. Иркутск, 1924. Вып. 2. С. 191–222.
48. Азадовский М.К., Слободский М.А. Декабристы в Сибири: Библиографические материалы // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925. С. 166–182.

49. Сенюкова Н.Л. Общество изучения Томского края при Томском краевом музее (1925–1928 гг.) // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск, 1994. Т. 7. С. 168–188.
50. Отчёт общества изучения Томского края за время с 17 февраля 1925 г. по 1 июня 1927 г. // Труды Общества изучения Томского края. Томск, 1927. С. 87–91.
51. Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея (18 марта 1922 г. – 18 марта 1926 г.) // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. С. 3–37.
52. Слободский М.А. Песни села Коларова Томского округа // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1. С. 95–109.
53. Известия Центрального бюро краеведения. 1926. № 1.
54. Труды первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1927. Т. 1. 272 с., XI с.
55. Слободский М.А. Краткий биографический словарь преподавателей, лаборантов и научных сотрудников ТТИ за 25 лет его существования с 1900 по 1925 г. // Томский технологический институт за 25 лет его существования (22 октября 1900 – 22 октября 1925). Томск, 1928. С. 163–173.
56. Слободский М.А. Академическая библиотека Сибирского технологического института // Известия Сибирского технологического института. Томск, 1930. Т. 52. 3 с. (отдельный оттиск).
57. Покровская А.П. Алфавитный указатель статей, помещённых в «Известиях Томского (Сибирского) технологического института» за 1903–1929 гг., Т. 1–50 (приложение к т. 50). Томск, 1929. 20 с.
58. Труды Томского краевого музея. Томск, 1927б. 212 с.
59. Труды Общества изучения Томского края. Томск, 1927а. 109 с.
60. Слободский М.А. Литература по этнографии Сибири в исторических журналах 1901–1917 гг. // Сибирская живая старина. 1928. Вып. 7. С. 145–155.
61. Слободский М.А. Итоги и задачи этнографического изучения Томского края // Труды Томского краевого музея. Томск, 1929. Т. 2. С. 22–30.
62. Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. СПб., 1993. Вып. 1. 297 с.
63. Поплавская И.А. А.И. Милютин как исследователь книжного собрания Строгановых в Научной библиотеке Томского университета // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 5 (31). С. 92–104.
64. Боль людская. Т. 3: Книга памяти томичей, репрессированных в 1930–1940-е и начале 1950-х годов. Томск, 1992. 465 с.
65. Слободский М.А. Библиографический очерк Нарымского края // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1933. Т. 4. 24 с. (отдельный оттиск).
66. Боль людская. Т. 1: Книга памяти томичей, репрессированных в 1930–1940-е и начале 1950-х годов. Томск, 1991. 400 с.
67. Уйманов В.Н. Ликвидация и реабилитация: Политические репрессии в Западной Сибири в системе большевистской власти (конец 1919–1941 г.). Томск, 2012. 564 с.
68. 1936–1937 гг. Конвейер НКВД. Из хроники «большого террора» на томской земле. Томск; Москва, 2004. 432 с.
69. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 1994.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 мая 2016 г.

SIBERIAN PEDAGOGUE AND BIBLIOGRAPHER M.A. SLOBODSKIY (1874–1937)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 49–59.
DOI: 10.17223/15617793/408/7

Belikova Olga B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bob@mail.tsu.ru

Keywords: Siberia; pedagogue and bibliographer M.A. Slobodskiy; government of A.V. Kolchak; Siberia Research Institute.

The article is the first detailed research into the biography of Mikhail Alexandrovich Slobodskiy (1874–1937), a famous Siberian philologist, pedagogue, bibliographer, author and editor of a number of publications. His professional activity was associated with educational institutions of Tomsk (1899–1918), as well as with the Ministry of Public Education of the government of A.V. Kolchak (1918–1919) and the Bibliographic Bureau (1919–1922) of both Siberia Research Institute and Tomsk State University. In the Bureau he worked together with the famous-to-be Russian researchers M.K. Azadovskiy and N.V. Zdobnov. As a member of the Society for the Study of the Tomsk Territory under the Tomsk Museum of Regional Studies (1925–1928) M.A. Slobodskiy led active regional studies and bibliographic work. He was elected the Tomsk corresponding member of the Central Bureau of Regional Studies (1926) – a public organization in charge of regional studies coordination. He published the first overview and schedule article on the ethnographic study of the Russian and native population of the Tomsk-Narym Ob area (1929), the territories in the limits of the modern Tomsk Oblast. He stated the insufficiency of human resources in the ranks of Siberian ethnologists, actively supported organization of specialized training of researchers of native cultures, including foundation of the Ethnology Department in Tomsk University. M.A. Slobodskiy is the organizer of the reference and bibliographical service for library users in various Tomsk institutions. In 1929–1930, when an investigation process faked against the intelligentsia class, commonly known as the Academicians' case, raged in the USSR, M.A. Slobodskiy was subjected to repression. In 1937, he was once again arrested under the pretext of a non-existent case "Union for salvation of Russia" and executed by a firing squad on the accusation of being a member of a counter revolutionary cadet-monarchic organization. From the archives of Tomsk State University, a letter of M.A. Slobodskiy dated 1919 is published, addressed to the prominent researcher and public activist A.V. Adrianov, which vividly depicts the negative perception of the Bolsheviks by a part of the Siberian intelligentsia class.

REFERENCES

1. Belikova, O.B. (2015) On the archive of scientist and public figure A.V. Adrianov (1854-1920) in Tomsk State University. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 401. pp. 87–91. DOI: 10.17223/15617793/401/13 (In Russian).
2. Kryukov, V.M. (2004) *Aleksandr Adrianov: Poslednie gody* [Alexander Andrianov: The last years]. Tomsk: Izd-vo nauchno-tekhnicheskoy lit.
3. Slobodskiy, M.A. (1912) Professional'noe obrazovanie [Vocational training]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske.
4. Slobodskiy, M.A. (1912) Srednee obrazovanie v Tomske [Secondary education in Tomsk]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske.
5. Ol'denburg, S.F. & Karskiy, E.F. (1928) *Nauka i nauchnye rabotniki SSSR* [Science and scientists of the USSR]. Vol. 6. Leningrad: USSR AS.
6. Razmarilova, N.I. (ed.) (2000) *Vekovoy yubiley Nauchno-tekhnicheskoy biblioteki Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: 1900–2000* [Tomsk Polytechnic University Science and Technology Library. 1900–2000]. Tomsk: Demos.

7. Fominykh, S.F. (ed.) (2008) *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.).* [Journals of the meetings of the Board of the Siberia Research Institute (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Archive of the Federal Security Service of Tomsk Oblast. Fund 1. List 1. File p-2606. *Delo po obvineniyu Milyutina A.I. i Slobodskogo M.A. 25 dekabrya 1929 g. – 1930 g.* [The case against Milutin A.I. and Sloboda M.A. December 25, 1929 – 1930].
9. Anon. (1900) *Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1900 god* [The memorial book of the West Siberian educational district for 1900]. 6th ed. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P. I. Makushina.
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 101. List 1. File 681. *Perepiska s popechitelem Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga o perevode uchitelya russkogo yazyka Slobodskogo M. v Tomskoe 2-e real'noe uchilishche. 15 iyulya 1911 g. – 9 aprelya 1912 g.* [Correspondence with the trustee of the West Siberian educational district to transfer a teacher of the Russian language, M. Slobodskiy to 2nd Tomsk School. July 15, 1911 – April 9, 1912].
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 2. File 6867. *Perepiska tomskogo gubernatora s popechitelem Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga, Tomskim gubernskim upravleniem o predostavlenii razresheniya otkryt' vechernie kursy. 1915–1916 gg.* [Correspondence of Tomsk Governor with the trustee of the West Siberian Educational District, Tomsk provincial administration for permission to open evening classes. In 1915–1916].
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 101. List 1. File 209. *Otchet o sostoyanii gimnazii za 1902 g.* [The report on the state of the gymnasium for 1902].
13. Smirnov, N.I. (1905) *Otzyvy prepodavateley N.I. Smirnova, P.M. Vyatkina i M.A. Slobodskogo o doklade osoboy komissii po voprosu o rasshirenii kursa russkoy slovesnosti v sredne-uchebnykh zavedeniyakh ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Comment of lecturers N.I. Smirnov, P.M. Vyatkin and M.A. Slobodskiy on the report of a special commission on the expansion of the Russian literature course in secondary schools of the Ministry of Public Education]. Tomsk.
14. Gach, O.B. (2012) Pervaya chastnaya zhenskaya gimnaziya v Zapadnoy Sibiri v nachale XX veka [The first private women's gymnasium in Western Siberia at the beginning of the 20th century]. In: *Sotsiologiya, politologiya, filosofiya i istoriya: sovremennye tendentsii razvitiya* [Sociology, political science, philosophy and history: modern trends]. Novosibirsk: Sibirskaya assotsiatsiya konsul'tantov.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 101. List 1. File 246. *Dokumenty o nagrazhdenii i proizvodstve v chine uchiteley. 14 fevralya 1905 g. – 2 noyabrya 1905 g.* [Documents on awarding and promoting to the rank of teachers. February 14, 1905 – November 2, 1905].
16. Anon. (1909) *Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1909 god* [The memorial book of the West Siberian educational district for 1909]. 7th ed. Tomsk: Pechatnya S.P. Yakovleva.
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 101. List 1. File 275. *Dokumenty o nagrazhdenii i predstavlenii k chinam i nagradam sluzhashchikh gimnazii. 1 yanvarya 1907 g. – 20 fevralya 1907 g.* [Documents on awarding and promoting gymnasium employees. January 1, 1907 – February 20, 1907].
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 101. List 1. File 368. *Otchet o sostoyanii gimnazii za 1910 g.* [The report on the state of the gymnasium for 1910].
19. Shilovskiy, M.V. (2010) *Tomskiy pogrom 20–22 oktyabrya 1905 g.: khronika, kommentariy, interpretatsiya* [Tomsk pogrom of 20–22 October 1905: Chronicle, commentary, interpretation]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Anon. (1908) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1908 god* [The memorial book of Tomsk Province for 1908]. Tomsk: Izdanie Tomskoy gubernskoy tipografii.
21. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 2. File 1943. *Ob otkrytii v g. Tomske chastnoy muzhskoy gimnazii (chastnoe muzhskoe uchebnoe zavedenie 1 razryada). 1905* [On the opening of the private gymnasium (private male school of category 1) in the city of Tomsk. 1905].
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 192. List 1. File 1. Perepiska s Zapadno-Sibirskim uchebnym okrugom o zanyatiyakh v chastnoy muzhskoy gimnazii za 1909 g. [Correspondence with the West Siberian educational district on classes at the private male gymnasium for 1909].
23. Anon. (1911) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1911 god* [The memorial book of Tomsk Province for 1911]. Tomsk: Tipografiya gubernskogo upravleniya.
24. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 192. List 1. File 29. *K svedeniyu i rukovodstvu (tsirkulyary Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga) za 1917 god* [For information and guidance (Circulars of the West Siberian educational district) for 1917].
25. Chavykin, G.V. ([1911]) *Ves' Tomsk: Adresno-spravochnaya knizhka na 1911–1912 gg. God izdaniya pervyy* [All Tomsk: Address and reference book for 1911–1912. First year]. Tomsk: G.V. Chavykin.
26. Anon. (1912) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1912 god* [The memorial book of Tomsk Province for 1911]. Tomsk: Tipografiya Gubernskogo upravleniya.
27. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 192. List 1. File 16. *S perepiskoy po raznym predmetam (spiski uchenikov, okonchivshikh kurs, poluchivshikh svidetel'stva). 1914 g.* [Correspondence on various subjects (lists of students who have completed the course and received a certificate). 1914].
28. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 192. List 1. File 27. *Tsirkulyary Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga i spiski uchenikov za 1916 g.* [Circulars of the West Siberian educational district and student lists for 1916].
29. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 192. List 1. File 9. *Svidetel'stva uchashchikhsya za 1913 g.* [Student IDs for 1913].
30. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 233. List 2. File 3515. *Zhurnaly zasedaniy Tomskoy gorodskoy dumy, perepiska s Ministerstvom torgovli i promyshlennosti i dr. 1 aprelya 1911 g. – 17 noyabrya 1911 g.* [Journals of Tomsk city council meetings, correspondence with the Ministry of Trade and Industry, etc. 1 April 1911 – 17 November 1911].
31. Anon. (1910) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1910 god* [The memorial book of Tomsk Province for 1910]. Tomsk: Tipografiya Gubernskogo pravleniya.
32. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 101. List 1. File 555. *Tsirkulyary i perepiska s Ministerstvom narodnogo prosveshcheniya Sibirskogo vremennogo pravitel'stva i upolnomochennym MNP* [Circulars and correspondence with the Ministry of Public Education of the Siberian Provisional Government and the Ministry of Public Education representative].
33. Kal'sina, A.A. (2008) Proekt reformy sredney shkoly ministerstva narodnogo prosveshcheniya pravitel'stva A.V. Kolchaka – napravleniya prakticheskoy deyatel'nosti i preemstvennost' [Secondary School Reform Project of the Ministry of Education of the Government of A.V. Kolchak: directions and continuity]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 24 (125). pp. 73–80.
34. Anon. (1919) *Ves' Tomsk: spravochnik* [All Tomsk: a directory]. Tomsk.
35. Nayborodenko, L.M. (2010) Deyatel'nost' Ministerstva narodnogo prosveshcheniya Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva i Vserossiyskogo pravitel'stva v Tomske i Omske (iyun' 1918 g. – noyabr' 1919 g.) [Activities of the Ministry of Education of the Provisional Siberian Government and All-Russian Government in Tomsk and Omsk (June 1918 – November 1919)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 10 (100). pp. 5–9.
36. Tomsk State University Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia n.a. V.M. Florinsky: Department of Archives. Fund 868. Folder 14. Page 77. *M.A. Slobodskiy. Pis'mo ot 2 oktyabrya 1919 g. A.V. Adrianovu v Tomsk* [Letter of 2 October 1919 to A.V. Adrianov in Tomsk].
37. Berngardt, T.P. (2006) Bibliograficheskoe byuro Instituta issledovaniya Sibiri: k voprosu ob istorii sozdaniya i funktsionirovaniya [The Bibliographic Bureau of the Siberia Research Institute: on the history of the establishment and operation]. In: *Istoriya i kul'tura gorodov Rossii ot traditsii k modernizatsii* [History and culture of Russian cities: from tradition to modernization]. Omsk: Nauka.
38. Gribovskiy, M.V., Fominykh, S.F. & Nekrylov S.A. (2013) The bibliographic bureau and library committee of Siberia research institute (1919–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5 (25). pp. 145–151. (In Russian).

39. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund r-26. List 1. File 60. *Perepiska Sibrevkoma i perepiska s Sibrevkomom, Rossiyskoy Akademiey nauk i dr. o zakrytii instituta. 1 maya 1920 g. – 20 avgusta 1920 g.* [Correspondence of Sibrevkoma and correspondence with Sibrevkom, Russian Academy of Sciences, and others on the closure of the Institute. May 1, 1920 – August 20, 1920].
40. Mashkova, M.V. (1959) *N.V. Zdobnov (1888–1942): Ocherk zhizni i deyatel'nosti* [N.V. Zdobnov (1888–1942): Essay on the life and activities]. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty.
41. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund r-815. List 1. File 506. *Dokumenty o sluzhbe zaveduyushchego bibliograficheskim byuro Slobodskogo M.A. i dr. 25 noyabrya 1920 g. – 29 dekabrya 1927 g.* [Documents on the service of the head of the bibliographical bureau Slobodskiy M. et al. November 25, 1920 – December 29, 1927].
42. Kniga i revolyutsiya. (1921) Byuro sibirskoy bibliografii [The Bureau of the Siberian bibliography]. *Kniga i revolyutsiya*. 1 (13). p. 83.
43. Zdobnov, N.V. (1980) *Izbrannoe: Trudy po bibliografii i knigovedeniyu* [Selected works: Works on bibliography and book science]. Moscow: Kniga.
44. Slobodskiy, M.A. (1925) *Literatura po etnografii Sibiri v etnologo-geograficheskikh povremennykh izdaniyakh 1901–1917 gg.* [Literature on the ethnography of Siberia in the ethnological and geographical periodical publications of 1901–1917]. Vol. 1. Irkutsk: VSORGO.
45. Prishel'tsev, S. (1923) Bibliograficheskaya khronika g. Tomska [Bibliography Chronicle of Tomsk]. *Kniga i revolyutsiya*. 11–12 (23–24). pp. 91–92.
46. Anon. (1924) *Rukovodstvo po mezhdunarodnoy bibliografii. Otdel 3: Sotsial'nye nauki. (perevod, izdanie 1907 g.)* [Guide to the international bibliography. Part 3: Social Sciences. (Translation, edition of 1907)]. Tomsk: Izd. Bibliotechnogo kruzhka pri Gubotdele Poligraficheskogo Proizvodstva.
47. Azadovskiy, M.K. (1924) Literatura po etnografii Sibiri za poslednee desyatiletie XIX veka: Perechen' statey v periodicheskikh izdaniyakh 1891–1900 gg. [Literature on the ethnography of Siberia in the last decade of the 19th century: List of articles in periodicals of 1891–1900]. In: Azadovskiy, M.K. & Vinogradov, G.S. (eds) *Sibirskaya zhivaya starina: etnograficheskiy sbornik* [Siberian Living Antique. An ethnographic collection]. Vol. 12. Irkutsk: Pervaya Gostipografiya.
48. Azadovskiy, M.K. & Slobodskiy, M.A. (1925) Dekabristy v Sibiri: Bibliograficheskie materialy [Decembrists in Siberia: Bibliographic material]. In: Azadovskiy, M.K., Zolotarev, M.E. & Kubalov, B.K. (eds) *Sibir' i dekabristy* [Siberia and the Decembrists]. Irkutsk: izd. Irkutskogo Gubispolkoma.
49. Senyukova, N.L. (1994) Obshchestvo izucheniya Tomskogo kraya pri Tomskom kraevom muzee (1925–1928 gg.) [Society for the Study of the Tomsk Region with the Tomsk Regional Museum (1925–1928)]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya*. 7. pp. 168–188.
50. Anon. (1927) Otchet obshchestva izucheniya Tomskogo kraya za vremya s 17 fevralya 1925 g. po 1 iyunya 1927 g. [Report of the Society for the Study of the Tomsk Region from February 17, 1925 to June 1, 1927]. In: Reverdatto, V.V., Slobodskiy, M.A. & Yukhnevich, B.P. (eds) *Trudy Obshchestva izucheniya Tomskogo kraya* [Proceedings of the Society for the Study of the Tomsk region]. Tomsk: Tipografiya izdatel'stva "Krasnoe znamya".
51. Shatilov, M.B. (1927) Istoricheskiy ocherk i obzor Tomskogo kraevogo muzeya (18 marta 1922 g. – 18 marta 1926 g.) [A historical essay and overview of the Tomsk Regional Museum (18 March 1922 – 18 March 1926)]. In: Slobodskiy, M.A. Shatilov, M.B. (eds) *Trudy Tomskogo kraevogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. Vol. 1. Tomsk: Tipografiya izdatel'stva "Krasnoe znamya".
52. Slobodskiy, M.A. (1927) Pesni sela Kolarova Tomskogo okruga [Songs of the Kolarovo village of Tomsk District]. In: Slobodskiy, M.A. Shatilov, M.B. (eds) *Trudy Tomskogo kraevogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. Vol. 1. Tomsk: Tipografiya izdatel'stva "Krasnoe znamya".
53. *Izvestiya Tsentral'nogo byuro kraevedeniya*. (1926) 1.
54. Anon. (1927) Trudy pervogo Sibirskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo s"ezda. [Proceedings of the I Siberian Regional Research Congress]. In: Cheremnykh, G.I. (ed.) *Obshchestvo izucheniya Sibiri i ee proizvoditel'nykh sil* [Society for the Study of Siberia and its productive forces]. Vol. 1. Novosibirsk: Krasnoe znamya.
55. Slobodskiy, M.A. (1928) Kratkiy biograficheskiy slovar' prepodavateley, laborantov i nauchnykh sotrudnikov TTI za 25 let ego sushchestvovaniya s 1900 po 1925 g. [A Short Biographical Dictionary of teachers, technicians and researchers of TIT during the 25 years of its existence from 1900 to 1925]. In: *Tomskiy tekhnologicheskiy institut za 25 let ego sushchestvovaniya (22 oktyabrya 1900 – 22 oktyabrya 1925): yubileynyy sbornik* [Tomsk Institute of Technology during the 25 years of its existence (22 October 1900 – 22 October 1925): A Jubilee Collection]. Tomsk: Siberian Institute of Technology.
56. Slobodskiy, M.A. (1930) Akademicheskaya biblioteka Sibirskogo tekhnologicheskogo instituta [The Academic Library of the Siberian Institute of Technology]. *Izvestiya Sibirskogo tekhnologicheskogo instituta*. 52.
57. Pokrovskaya, A.P. (1929) *Alfavitnyy ukazatel' statey, pomeshchennykh v "Izvestiyakh Tomskogo (Sibirskogo) tekhnologicheskogo instituta" za 1903–1929 gg., T. 1–50 (prilozhenie k t. 50)* [Index of articles published in Izvestiya Tomskogo (Sibirskogo) Tekhnologicheskogo Instituta for 1903–1929; Vols 1–50 (supplement to Vol. 50)]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
58. Slobodskiy, M.A. Shatilov, M.B. (eds) (1927) *Trudy Tomskogo kraevogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. Tomsk: Tipografiya izdatel'stva "Krasnoe znamya".
59. Reverdatto, V.V., Slobodskiy, M.A. & Yukhnevich, B.P. (eds) (1927) *Trudy Obshchestva izucheniya Tomskogo kraya* [Proceedings of the Society for the Study of the Tomsk region]. Tomsk: Tipografiya izdatel'stva "Krasnoe znamya".
60. Slobodskiy, M.A. (1928) Literatura po etnografii Sibiri v istoricheskikh zhurnalakh 1901–1917 gg. [Literature on the ethnography of Siberia in historical journals of 1901–1917]. In: Azadovskiy, M.K. & Vinogradov, G.S. (eds) *Sibirskaya zhivaya starina: etnograficheskiy sbornik* [Siberian Living Antique. An ethnographic collection]. Vol. 7. Irkutsk: Pervaya Gostipografiya.
61. Slobodskiy, M.A. (1929) Itogi i zadachi etnograficheskogo izucheniya Tomskogo kraya [Results and challenges the ethnographic study of the Tomsk region]. In: Slobodskiy, M.A. Shatilov, M.B. (eds) *Trudy Tomskogo kraevogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. Vol. 2. Tomsk: Tipografiya izdatel'stva "Krasnoe znamya".
62. Leonov, V.P. (ed.) (1993) *Akademicheskoe delo 1929–1931 gg.: Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU* [Academic Case of 1929–1931: The documents and materials of the investigation case, fabricated by OGPU]. Vol. 1. St. Petersburg: BAN.
63. Poplavskaya, I.A. (2014) A.I. Milutin as a researcher of the Stroganovs book collection in the Research Library of the University of Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (31). pp. 92–104. (In Russian).
64. Uymanov, V.N. (1992) *Bol' lyudskaya* [Human pain]. Vol. 3. Tomsk: Krasnoe znamya.
65. Slobodskiy, M.A. (1933) Bibliograficheskiy ocherk Narymskogo kraya [A bibliographic essay of the Narym region]. *Materialy po etnografii Sibiri*. 4.
66. Uymanov, V.N. (1991) *Bol' lyudskaya* [Human pain]. Vol. 1. Tomsk: Krasnoe znamya.
67. Uymanov, V.N. (2012) *Likvidatsiya i reabilitatsiya: Politicheskie repressii v Zapadnoy Sibiri v sisteme bol'shevistskoy vlasti (konets 1919–1941 g.)* [Liquidation and rehabilitation: Political repression in Western Siberia in the system of the Bolshevik government (end of 1919–1941)]. Tomsk: Tomsk State University.
68. Trenin, B.P. (2004) *1936–1937 gg. Konveyer NKVD. Iz khroniki "bol'shogo terrora" na tomskoy zemle* [1936–1937. Conveyor of the NKVD. From the Chronicles of the "great terror" in Tomsk]. Tomsk; Moscow: Vodoley Publishers.
69. Papkov, S.A. (ed.) (1994) *Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Novosibirskoy oblasti* [The book of memory of victims of political repression in Novosibirsk Oblast]. Novosibirsk.

Received: 27 May 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 60–65. DOI: 10.17223/15617793/408/8

УДК 94: 656.8

О.С. Гашкова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛАБОРАТОРИИ ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1983–1991 гг.

Исследуется уровень организации производственных процессов Томского производственно-технического управления связи в 1983–1991 гг. Анализируется деятельность лаборатории почтовой связи Томской области по совершенствованию обработки и перевозки почты в условиях реформирования общественно-экономических основ государства. Выявляется вклад лаборатории в развитие почтовой отрасли региона. Сравнивается степень автоматизации сортировочных операций предприятий связи Томской области, России и США. Делается вывод о состоянии системы доставки почтовых отправлений.

Ключевые слова: почтовая связь; лаборатория почтовой связи; механизация и автоматизация; Томская область.

Почта – государственный институт, обеспечивающий взаимодействие экономических, политических и социальных отношений в стране. Почтовая отрасль и государственная система оказывают друг на друга непосредственное влияние. С одной стороны, нестабильность политической ситуации и сложные экономические условия приводят к сбоям в работе, кризису почтовой отрасли. С другой стороны, быстрая, надёжная и постоянно развивающаяся почтовая связь является показателем уровня развития государства.

К середине 1980-х гг. нарастание кризиса в разных сферах общества СССР стало наблюдаться отчетливее: элементы стагнации в экономике, низкая ротация партийных кадров, слабеющая мотивация к труду и падение трудовой дисциплины. В целях преодоления сложившейся ситуации сначала были предприняты попытки трансформации экономической системы, а затем запущен процесс изменения политических основ государства. Реформирование общественно-экономического строя страны повлияло на функционирование почтовой связи. Принятый в 1987 г. Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» предоставил отрасли связи право самостоятельно распоряжаться фондом заработной платы, устанавливать ставки и оклады, формировать собственный фонд материального поощрения [1; 2. С. 724]. Однако сохранение социальной функции почты в условиях самоокупаемости и самофинансирования ставилось под вопрос.

Социальной функцией почты является обеспечение эффективной коммуникации между людьми посредством предоставления качественных почтовых услуг. Одним из показателей качества услуг является скорость прохождения почтовых отправлений, т.е. время, в течение которого отправление доставляется от отправителя к адресату [3. С. 186]. Процесс доставки почтовых отравлений является многосоставным. Он включает не только процесс перевозки, но также процесс сортировки и обработки почтовой корреспонденции. Совершенствование методов организации труда, внедрение современных средств механизации позволяет снизить трудоемкость выполняемых операций и повысить скорость доставки почтовых отправлений.

Для облегчения труда работников связи и повышения качества почтовых услуг в конце 1970-х – начале 1980-х гг. в составе управлений связи СССР стали создаваться производственные лаборатории почтовой связи (ЛПС). В Томской области такая лаборатория начала работу в 1983 г. В отчёте об итогах работы отрасли связи в 1981–1985 гг. отмечались две основные проблемы, которые тормозили производственно-техническое развитие средств почтовой связи [4. Л. 7–8]. Во-первых, недооценка руководителями всех уровней необходимости внедрения передовых методов и средств труда. Во-вторых, неудовлетворительное состояние помещений отделений связи: ветхие здания и малые производственные площади. Поэтому одними из основных функций лаборатории являлись:

1) внедрение передовой техники, механизация и автоматизация производственных процессов на предприятиях почтовой связи Томской области;

2) капитальный ремонт помещений отделений связи и строительство новых зданий;

3) проведение систематической работы по внедрению шестизначной почтовой индексации;

4) дальнейший перевод на моторизованный способ доставки почты в сельской местности [5. Л. 1].

Следовательно, Лаборатории почтовой связи отводилась ключевая роль в развитии отрасли.

В публикациях ряда отечественных авторов уже освещались отдельные аспекты совершенствования производственных процессов связи. В частности, теоретическое осмысление вопросов организации и эксплуатации почтовой отрасли представлено в учебных пособиях Б.П. Бутенко [6, 7], Н.Н. Шныревой [3], С.М. Хлытчиева [8] и И.П. Шаманаева [9]. Развитие технических средств связи Западной Сибири в XIX–70-х гг. XX в. отражено в работах В.В. Миркина [10–12] и В.А. Морева [10, 13]. Опыт внедрения передовых методов труда в 1970-х гг. в Новосибирской, Омской областях, Красноярском и Приморском краях кратко охарактеризован в брошюре С.Г. Вултаха и Л.Я. Ривина [14]. Отдельные проблемы механизации процессов почты Томской и Новосибирской областей в советский период затрагивались в книге Я.А. Яковлева и Ю.К. Рассамахина [2], а также в сборнике материалов под редакцией В.Г. Барова [15]. Однако вопрос о роли лаборатории почтовой связи в развитии системы обработки и перевозки почты в Томской области практически не изучен. Целью данной статьи является оценка вклада ЛПС в совершенствование уровня организации производственных процессов почты в 1983–1991 гг.

Источники исследования представлены документами Государственного архива Томской области 1980–1991 гг., статистическими данными Федеральной службы государственной статистики и интервью с Ф.М. Астаховым – начальником Томской автобазы связи (1963–1985 гг.), заместителем начальника Томского производственно-технического управления связи (ПТУС) (1985–1993 гг.).

Основной функцией ЛПС являлось выполнение работ по внедрению средств механизации и автоматизации. Механизация и автоматизация производственных процессов представляют собой комплекс мероприятий, предусматривающих широкую замену ручных операций машинами и механизмами, внедрение автоматических станков, отдельных линий и производств [16. С. 53]. Почтовая связь, для которой присущ высокий уровень ручного физического труда в общем объёме выполняемых работ, нуждалась в переходе к более производительным и менее трудозатратным способам организации труда.

Этапу оснащения средствами механизации цехов, участков и отделений связи предшествовал анализ их технологических потребностей в зависимости от суточного объёма обрабатываемой почты. Наибольшее количество почтовой корреспонденции проходит через прижелезнодорожный почтамт (ПЖДП) или через отделение перевозки почты (ОПП). ПЖДП и ОПП – специализированные почтовые предприятия, задачей которых являются обеспечение своевременной и высококачественной обработки всех видов почтовых отправлений, периодических изданий и их перевозка [9. С. 58]. В Томской области в 1970-х гг. на вокзале Томск-II было создано ОПП [17]. Однако уровень его механизации был неудовлетворительным. По итогам 1981–1985 гг. при суточном обмене письменной корреспонденции в 235 тыс. единиц работа по её сортировке в ОПП выполнялась вручную.

Немаловажным фактором, определяющим возможность внедрения средств механизации и автоматизации, являлось наличие необходимых площадей, поскольку новая техника была достаточно громоздкой. Лаборатория почтовой связи Томского ПТУС проводила анализ состояния помещений предприятий связи, выявляла отделения связи, требовавшие капитального ремонта. Кроме того, ЛПС оценивала целесообразность строительства новых помещений, а также принимала участие в их планировке. В Томской области к 1985 г. 35 отделениям связи были предоставлены новые площади [4. Л. 1], дополнительно открыто 14 отделений связи, а в с. Александровском, с. Мельниково и в г. Стрежевом введены в эксплуатацию типовые районные узлы связи [Там же. Л. 7]. В 1988 г. в составе Томского ПТУС появились 15 отделений связи, а 8 были капитально отремонтированы [18. Л. 7]. Всего за 1985–1990 гг. количество предприятий связи Томской области выросло с 366 до 390 [2. С. 639].

С момента создания ЛПС Томской области в 1983 г. был запущен процесс модернизации старого почтового оборудования и освоения новых образцов техники – почтообрабатывающих и подъемно-транспортных машин, средств малой механизации и почтового инвентаря.

В 1984 г. в цехе исходящей посылочной почты Томского ОПП была смонтирована полуавтоматическая установка для сортировки бандеролей и посылок [5. Л. 9]. Она представляла собой конвейер с автоматическим направлением почтовых отправлений по накопителям. Корреспонденцию загружали на транспортирующее устройство сразу с двух рабочих мест, операторы распределяли бандероли по соответствующим адресным накопителям, где они хранились до отправки по назначению [9. С. 60]. По состоянию на 1991 г. в отделениях связи функционировали три установки для сортировки пачек газет, журналов и посылок, а также один механизированный склад для хранения и выдачи посылок [19. Л. 6]. Такие средства почтовой механизации позволяли ускорить и облегчить сортировку объёмных и тяжёлых видов почтовых отправлений.

На предприятиях связи Томской области в 1980-х гг. шло внедрение лицовочно-штемпелевальных и штемпелевальных машин. К 1991 г. их число составило 57 единиц [Там же]. Если штемпелевальные аппараты позволяли механизировать только одну операцию, то машины для автоматической лицовки выполняли сразу несколько процессов: определение положения почтовой марки на конверте, поворот письма и гашение знаков почтовой оплаты [9. С. 61].

Большое количество различных подъемно-транспортных машин было установлено в цехах и на участках предприятий почты Томской области. В 1983 г. в Томском ОПП был смонтирован пространственный сортировочный конвейер. Он представлял собой поточную механизированную линию транспортирования посылок и других штучных почтовых грузов на второй этаж отделения [5. Л. 5]. Конвейер был оборудован устройством автоматического адресования почтовых отправлений, что позволяло распределять грузы по накопителям для последующей отправки [9. С. 59]. В 1983 г. в различных узлах связи города и области было установлено также 6 транспортеров [5. Л. 5], а в следующем году к ним добавилось ещё 10 [5. Л. 9]. Конвейеры позволяли загружать посылки или мешки с почтой на ленты, осуществлять их равномерную подачу и распределять по сортировочным ячейкам [9. С. 59]. К 1991 г. количество используемых транспортеров и конвейеров в отделениях почты Томской области достигло 135 штук [19. Л. 6].

Кроме того, для работы отделений связи закупались средства малой механизации и почтового инвентаря ввиду своей компактности, не требующие больших производственных площадей: нумераторы, устройства для сварки полиэтиленовой упаковки бандеролей, станки для резки шпагата, почтовые весы и тележки. В оконных проёмах отделений связи устанавливались люковые транспортеры для обмена почты с почтовым транспортом [9. С. 65].

Помимо различных средств механизации часть процессов в отделениях связи стала автоматизироваться. В начале 1980-х гг. руководство Томского ПТУС заказало письмосортировочную машину [20],

которая самостоятельно производила обработку писем стандартного размера и почтовых карточек, считывая индекс, определяя место назначения и распределяя почту по соответствующим ячейкам [9. С. 62]. Для поддержания бесперебойной работы устройства требовались постоянные денежные вложения: замена деталей и механизмов, оплата работы мастеров. К концу 1980-х гг. в условиях перехода к самоокупаемости отрасли связи и минимизации выделяемых средств Министерством связи на содержание почтовой техники от письмосортировочной машины пришлось отказаться [21]. Ручная сортировка почтовой корреспонденции оказалась менее затратной, чем содержание автоматизированного комплекса [17].

В 1983 г. был открыт автоматизированный пункт связи «Почта-автомат». Он представлял собой совокупность машин, механизмов и устройств для предоставления почтовых услуг населению без участия работников связи. В отделении связи производился приём телеграмм, бандеролей и осуществлялся перевод денежных средств [5. Л. 2].

Во второй половине 1980-х гг. продолжилось внедрение устройств «Онега», предназначенных для механизации и автоматизации почтовых денежно-кассовых операций. Машина позволяла упростить выполнение различных работ: приём посылок, бандеролей и ценных писем, оплату денежных переводов, выплату пенсий и пособий [9. С. 66]. К 1991 г. на предприятиях связи Томской области было установлено 165 почтово-кассовых машин [19. Л. 6].

В результате внедрения различных средств механизации и автоматизации количество сотрудников, выполнявших операции вручную, сокращалось: в 1983 г. – на 30 человек [5. Л. 4], в 1985 г. – на 14 [Там же. Л. 13], в 1988 г.– на 64 [22. Л. 2]. Однако из общего количества работников почтовой отрасли в 1989 г. только около 37,3% трудились с использованием машин и механизмов или были заняты их обслуживанием [23. Л. 4].

Для последующего перехода от средств механизации к автоматизированным сортировочным комплексам необходимо было ускорить процесс внедрения системы кодирования адресов получателя – почтового индекса. Ещё в 1971 г. Министерство связи СССР разработало систему шестизначной индексации для предприятий связи, однако переход на новую систему затягивался. Лабораториям почтовой связи было поручено ускорить процесс по почтовой индексации. ЛПС Томской области два раза в год определяла процентное соотношение проиндексированных и не проиндексированных почтовых отправлений на предприятиях связи, давала рекомендации руководству районных и городских узлов связи по методам обучения населения написанию индексов стилизованным шрифтом. В частности, по областному радио транслировалась театрализованная передача, а в кинотеатрах города и области демонстрировались фильмы о значении шестизначного индекса: «Сообщите об этом всем», «Внимание, шестизначный индекс»; проводились семинары о важности правильного написания индекса с работниками учреждений, организаций, предприятий г. Томска, занимавшихся отправкой корреспонденции; среди учащихся школ, училищ и студентов вузов проводилась соответствующая разъяснительная работа [5. Л. 3]. В итоге лаборатории почтовой связи удалось увеличить в Томской области процент писем со стилизованно написанным индексом с 77,4% в 1983 г. [Там же. Л. 3] до 93,3% в 1985 г. [Там же. Л. 11].

Несмотря на то что мероприятия по созданию и внедрению индексной системы проводились в целях последующей автоматизации производственных процессов, использование индексов на данном этапе позволяло облегчить и ручную обработку почтовых отправлений. Для быстрой и безошибочной работы сотрудник сортировочного участка должен был хорошо знать географию страны, административно-территориальное деление, схемы движения поездов и планы направления корреспонденции. Индексация почтовых отправлений позволила снизить требования, предъявляемые к сортировщикам, поскольку теперь вся информация была закодирована, необходимо было только соотнести цифры на конверте с кодом на накопителе почтовой корреспонденции. В условиях дефицита почтовых кадров внедрение системы индексов сыграло положительную роль.

Итак, в 1980-х гг. в Томском ПТУС происходила постепенная механизация производственных процессов, а также закладывалась основа для последующего внедрения автоматизированной техники. Рост количества средств механизации почтовых операций на предприятиях связи Томской области соответствовал общероссийской тенденции. В России число почтообрабатывающих машин с 1975 по 1990 г. увеличилось с 8,1 до 9,4 тыс. единиц, а число погрузочно-разгрузочных и транспортных средств – с 34,1 до 76,9 тыс. единиц [24. С. 161].

Тем временем в странах Запада в 1980–1990 гг. предприятия связи уже перешли от механизации почтовых процессов к внедрению автоматизированных сортировочных комплексов. Развитие современных способов обработки почты активнее всего происходило в Соединенных Штатах Америки. С середины 1950-х и до конца 1970-х гг. в США шло внедрение и совершенствование средств механизации. Так, в середине 1950-х гг. в США заработала первая сортировочная машина «Transorma», а в 1965 г. была опробована технология оптического распознавания символов. Сочетание такой технологии и возможностей усовершенствованных сортировочных машин позволяло, считывая индекс, разделять почту на 277 различных отсеков [25. С. 42]. За один час обрабатывалось около 1 750 писем [Там же. С. 43]. Однако на следующем этапе почту необходимо было перебирать вручную.

В 1982–1984 гг. в США началось внедрение двухступенчатой автоматизированной системы обработки почтовой корреспонденции. В отправляющем почтовом отделении с помощью технологии оптического распознавания символов специальное оборудование сканировало и распознавало адрес письма, а затем распечатывало эту информацию на конверт в виде

штрих-кода. При последующей сортировке в принимающем почтовом отделении применялось уже более простое оборудование, которое, считывая штрих-код, распределяло почту по ячейкам для последующей доставки. К середине 1980-х гг. скорость обработки почтовой корреспонденции достигла 6 200 писем в час [25. С. 43]. Последующее совершенствование сортировочной техники, закрепленное в Программе корпоративной автоматизации, позволило к 2000 г. обрабатывать 92% всех почтовых отправлений с помощью автоматизированной техники [Там же. С. 45].

На этом фоне, как в РСФСР в целом, так и в Томской области, в середине 1980-х – начале 1990-х гг. развитие современных средств обработки почтовой корреспонденции шло медленными темпами, наблюдалось научно-техническое отставание от стран Запада. Сложности в обработке большого количества почтовой корреспонденции сохранялись. В частности, с 1988 г. на участке обработки письменной корреспонденции Томского ОПП пришлось даже ввести ночную смену. К 1989 г. в отделениях и на предприятиях почты Томской области сохранялся преимущественно ручной труд: из 5 135 работников около половины (2 204 человека) продолжали работать вручную [23. Л. 4].

Помимо сортировки почтовой корреспонденции, компонентом, влияющим на скорость прохождения почтовых отправлений, является система доставки почты. Организация перевозки почтовой корреспонденции выстраивается через разделение территории региона на доставочные участки, за каждым из которых закрепляется свой почтальон. Для облегчения труда и повышения скорости доставки почты на доставочных участках устанавливались опорные пункты[1] и абонентские шкафы[2], подвоз корреспонденции к которым осуществлялся автотранспортом.

Томская область также была разделена на доставочные участки. Их количество в середине 1980–начале 1990-х гг. варьировалось, составляя в среднем около 1 050 участков. В 1986 г. в г. Северске и г. Стрежевом было открыто два укрупненных доставочных отделения связи (УДОС) [20]. Почта, направляемая в эти города, упаковывалась вместе и доставлялась сначала в УДОС, где осуществлялась более точечная сортировка. План по созданию двух дополнительных УДОС в Томской области в 1980-х гг. не был реализован по причине увеличения сроков строительства зданий, предназначенных для этих отделений [26. Л. 7].

Задачей ЛПС было увеличение количества доставочных участков, переведенных на моторизованную доставку. Переход на систему доставки почты автотранспортом требовал определенной подготовки – установки на доставочных участках сети опорных пунктов и абонентских шкафов, приобретения автомобилей. Однако в отчётах о состоянии почтовой связи в Томской области отмечалось, что заявки Томского ПТУС на установку опорных пунктов удовлетворялись Министерством связи только на 50%, количество выделяемых автомобилей не соотносилось с объёмом выполняемых работ [5. Л. 12]. Кроме того, допускался ввод в эксплуатацию жилых домов без оборудования их абонентскими шкафами, а ремонт поврежденных шкафов производился с нарушением сроков [Там же. Л. 13].

Тем не менее, несмотря на возникавшие трудности, к 1988 г. 93,5% доставочных участков в городах и районных центрах области были переведены на моторизованную доставку, т.е. подвоз почты к опорным пунктам и абонентским шкафам на этих участках осуществлялся автотранспортом [27. Л. 4]. В г. Томске к 1988 г. все доставочные участки обслуживались автотранспортом [28. Л. 25]. В сельской местности процент доставочных участков, переведенных на моторизованный способ доставки, с 1986 по 1989 г. вырос с 17,9 до 28,9 %, но оставался по-прежнему низким. Общий уровень моторизации в 1989 г. в Томской области и в целом по России был практически одинаковым: 56,01 и 56,08 % соответственно [Там же. Л. 24].

В итоге в середине 1980-х – начале 1990-х гг. Томская область включилась в процесс совершенствования системы доставки почтовых отправлений. Однако количество опорных пунктов, абонентских шкафов и автомобильной техники оставалось недостаточным. Если в городах и районных центрах задача по переходу на моторизованный способ доставки была практически выполнена, то в сельской местности нагрузка на почтальонов сохранялась прежней.

Таким образом, в 1983–1991 гг. в СССР проводились мероприятия, направленные на повышение качества доставки почтовых отправлений. Создаваемые в регионах страны лаборатории почтовой связи решали задачи совершенствования процессов обработки и перевозки почты. Деятельность ЛПС в Томской области позволила повысить уровень организации производственных процессов и снизить трудозатратность выполняемых работ, внедрив средства механизации труда и закрепив использование индексной системы, необходимой для последующей автоматизации операций по обработке почтовой корреспонденции. Доставочные участки в городах и районных центрах практически полностью были переведены на обслуживание автотранспортом.

Однако реформирование общественно-экономических основ государства и ориентация на самоокупаемость предприятий страны оказали негативное влияние на дальнейшее развитие отрасли связи, сохранив высокую долю ручного труда при сортировке почтовой корреспонденции, низкий процент моторизации сельских доставочных участков, научно-техническое отставание от стран Запада. Нестабильность государственной системы и новые условия формирования бюджета управлений связи выдвинули на первый план задачу обеспечения бесперебойной работы почтовой отрасли, а переход к использованию дорогостоящих в содержании автоматизированных сортировочных комплексов и закупка автотранспорта были отложены.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Опорным пунктом называют место на доставочном участке, где установлен специальный шкаф, предназначенный для временного хранения почты. На одном доставочном участке может располагаться несколько опорных пунктов [9. С. 93].
[2] Абонентским шкафом называют специальный шкаф с ящиками, устанавливаемый в подъезде многоэтажного жилого дома. Абонентские шкафы могут быть сгруппированы и устанавливаться на доставочных участках вне подъездов домов [9. С. 94].

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» от 30.06.1987 № 7285-XI / Электронный фонд правовой и научно-технической документации «Консорциум «Кодекс». Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/9049736, свободный (дата обращения: 30.11.2015).
2. Яковлев Я.А., Рассамахин Ю.К. Рассказы о томской почте. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 780 с.
3. Шнырева Н. Н. Организация и эксплуатация почтовой связи : учеб. для техникумов. М. : Радио и связь, 1986. 328 с.
4. Справка о работе и состоянии средств почтовой связи в области за 1981–1985 гг. // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1134. Оп. 3. Д. 1394.
5. Годовые отчёты о работе лаборатории почтовой связи за 1983–1985 гг. // ГАТО. Ф. Р-1134. Оп. 3. Д. 1375.
6. Бутенко Б.П. Технологические процессы в почтовой связи. Кн. 1. Основные характеристики и техническое обеспечение : учеб. для студентов вузов связи. М.: Радио и связь, 1998. 176 с.
7. Бутенко Б.П. Технологические процессы в почтовой связи. Кн. 2. Основы функционирования : учебник для студентов вузов связи. М.: Радио и связь, 1998. 128 с.
8. Хлытчиев С.М. Теоретические основы почтовой связи : учеб. для вузов связи. М. : Радио и связь, 1990. 280 с.
9. Шаманаев И.П. Почта нужна всем. М. : Радио и связь, 1981. 112 с.
10. Миркин В.В., Морев В.А. История связи Западной Сибири в 1890–1940-е гг. Томск : Оптиум, 2008. 312 с.
11. Миркин В.В. Техника и технологии советского радио в восьмой и девятой пятилетках // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 93–98.
12. Миркин В.В. Модернизация телефонной связи и первые автоматические телефонные станции Западной Сибири (1920–1940-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 104–106.
13. Морев В.А. Почтовая техника и особенности перевозки почты и товаров в Сибири в XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3 (15). С. 140–145.
14. Вултах С.Г., Ривин Л.Я. Почта Сибири и Дальнего Востока. М. : Связь, 1980. 120 с.
15. По Сибирскому тракту к электронной почте / под ред. В.Г. Барова. Новосибирск: Редакционно-издательский центр правления Новосибирской областной общественной организации «Общество книголюбов», 2004. 402 с.
16. Сергеев И.В. Экономика предприятия : учеб. пособие. М. : Финансы и статистика, 2000. 179 с.
17. Интервью с Ф.М. Астаховым (в 1963–1985 гг. – начальник Томской автобазы связи; в 1985–1993 гг. – заместитель начальника по почтовой связи Томского ПТУС) от 14.11.2015 // Личный архив автора.
18. Статистические отчеты о работе почтовой связи ф 1-сеть, 2 за 1988 г. (сводный и подведомственных предприятий) // ГАТО. Ф. Р-1134. Оп. 3. Д. 1470.
19. Статистические отчёты о работе почтовой связи ф 18-связь, 21-связь за 1991 г. (сводный и подведомственных организаций) // ГАТО. Ф. Р-1134. Оп. 3. Д. 1569.
20. Интервью с Ф.М. Астаховым от 24.01.2016 // Личный архив автора.
21. Интервью с Ф.М. Астаховым от 26.07.2015 // Личный архив автора.
22. Статистические отчёты об аттестации и рационализации рабочих мест ф 1-рм за 1988 г. (сводный и подведомственных предприятий) // ГАТО. Ф. Р-1134. Оп. 3. Д. 1464.
23. Статистические отчёты об аттестации и рационализации рабочих мест ф 1-рм за 1980 г. (сводный и подведомственных предприятий) // ГАТО. Ф. Р-1134. Оп. 3. Д. 1504.
24. Транспорт и связь в России : стат. сб. Госкомстат России // Университетская информационная система «Россия». М., 1999.
25. The Unites State Postal service. An American history 1775–2006. / Publication 100. 85 p. URL: https://about.usps.com/publications/pub100/welcome.htm (дата обращения: 07.12.2015).
26. Информация о проведении рейдов по проверке состояния доставки периодической печати и корреспонденции по г. Томску и области // ГАТО. Ф. Р-1134. Оп. 3. Д. 1405.
27. Документы о внедрении моторизованной доставки периодической печати в районах области (приказы, планы, расчёты, схемы) // ГАТО. Ф. Р-1134. Оп. 3. Д. 1407.
28. Анализ состояния связи в области за 1989 г. // ГАТО. Ф. Р-1134. Оп. 3. Д. 1495.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 апреля 2016 г.

THE FUNCTIONING OF THE POSTAL LABORATORY IN TOMSK OBLAST IN 1983–1991

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 60–65.
DOI: 10.17223/15617793/408/8

Gashkova Olga S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olga-gashkova@rambler.ru

Keywords: Post service; postal laboratory; mechanization and automation; Tomsk region.

The social function of the post is to guarantee efficient communication between people by providing high-quality mail services. One of the quality service characteristics is the speed of sorting and delivery. However, at the end of the 1980s under the self-sufficiency and self-financing conditions of the communication sector the social function of the post became difficult to perform. In the USSR, postal laboratories were created in order to facilitate the work of postal employees and improve the quality of mail service. In Tomsk Oblast such a laboratory was established in 1893. One of the main functions of the laboratory was the mechanization and automation of postal operations. In the 1980s, the Tomsk production and technical office of communication had gradual labor mechanization, introduced and spread the six-digit zip-code system, essential for further automation of postal processes. As a result, the number of employees who did the operation manually reduced. However, only about 37.3 % of the total number of employees worked operating machinery or maintained it in Tomsk Oblast. So, in the middle of the 1980s and early 1990s, the development of modern mail sorting equipment was slow in Russia and in Tomsk Oblast, there was a scientific and technical lag from Western coun-

tries. Manual labor in mail sorting was mainly preserved. Among the functions of the postal laboratory was to increase the number of delivery areas served by motor transport. In the middle of the 1980s, Tomsk Oblast started the process of improving the mail delivery system. But the number of post-delivery stations, mail-boxes and motor vehicles remained insufficient. If in towns and regional centers the aim of turning to motor delivery was practically achieved, rural postmen's load remained the same. Thus, in 1983–1991, activities on the development of mail sorting and delivery systems were carried out in the USSR. The functioning of the laboratory improved the organization level of mail processing and reduced the difficulties of the work. However, the reformations of the social and economic sphere and focus on the post self-financing had a negative impact on the further development of the communication sector. The instability of the state system and the new postal finance policy emphasized the task of ensuring the post service work, and the development of the sorting equipment and buying of additional motor transport were postponed.

REFERENCES

1. Konsortsium "Kodeks". (2015) *Zakon SSSR "O gosudarstvennom predpriyatii (ob"edinenii)" ot 30.06.1987 № 7285-XI* [The Law of the USSR "On the State Enterprise (Association)" from 30 June 1987 N 7285-XI]. [Online] Available from: http://docs.cntd.ru/document/9049736. (Accessed: 30th November 2015).
2. Yakovlev, Ya.A. & Rassamakhin, Yu.K. (2003) *Rasskazy o tomskoy pochte* [Stories about Tomsk post]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Shnyreva, N.N. (1986) *Organizatsiya i ekspluatatsiya pochtovoy svyazi* [Organization and operation of the postal service]. Moscow: Radio i svyaz'.
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1134. List 3. File 1394. *Spravka o rabote i sostoyanii sredstv pochtovoy svyazi v oblasti za 1981–1985 gg.* [Information on the state of resources and postal communication in the region for 1981–1985].
5. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1134. List 3. File 1375. *Godovye otchety o rabote laboratorii pochtovoy svyazi za 1983–1985 gg.* [Annual reports on the work of the postal service lab for 1983–1985].
6. Butenko, B.P. (1998) *Tekhnologicheskie protsessy v pochtovoy svyazi* [Technological processes in postal services]. Vol. 1. Moscow: Radio i svyaz'.
7. Butenko, B.P. (1998) *Tekhnologicheskie protsessy v pochtovoy svyazi* [Technological processes in postal services]. Vol. 2. Moscow: Radio i svyaz'.
8. Khlytchiev, S.M. (1990) *Teoreticheskie osnovy pochtovoy svyazi* [Theoretical foundations of postal services]. Moscow: Radio i svyaz'.
9. Shamanaev, I.P. (1981) *Pochta nuzhna vsem* [Everybody needs postal services]. Moscow: Radio i svyaz'.
10. Mirkin, V.V. & Morev, V.A. (2008) Istoriya svyazi Zapadnoy Sibiri v 1890–1940-e gg. [History of communications in Western Siberia in the 1890s–1940s]. Tomsk: Optium.
11. Mirkin, V.V. (2013) Technique and technology of Soviet broadcasting in eighth and ninth five-year plans. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 370. pp. 93–98. (In Russian).
12. Mirkin, V.V. (2011) Modernization of telephone communication and first automatic telephone exchanges in Western Siberia (1920-1940). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 104–106. (In Russian).
13. Morev, V.A. (2011) The postal technology and the peculiarities of post and goods transportation in Siberia in the 19th – at the beginning of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (15). pp. 140–145. (In Russian).
14. Vultakh, S.G. & Rivin, L.Ya. (1980) *Pochta Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Postal service of Siberia and the Far East]. Moscow: Svyaz'.
15. Barov, V.G. (ed.) (2004) *Po Sibirskomu traktu k elektronnoy pochte* [Along Siberian highway to e-mail]. Novosibirsk: Redaktsionno-izdatel'skiy tsentr pravleniya Novosibirskoy oblastnoy obshchestvennoy organizatsii "Obshchestvo knigolyubov".
16. Sergeev, I.V. (2000) *Ekonomika predpriyatiya* [Business Economics]. Moscow: Finansy i statistika.
17. The author's personal archive. (2015) *Interv'yu s F.M. Astakhovym ot 14.11.2015* [Interview with F.M. Astakhov of 14 November 2015].
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1134. List 3. File 1470. *Statisticheskie otchety o rabote pochtovoy svyazi f 1-set', 2 za 1988 g. (svodnyy i podvedomstvennykh predpriyatiy)* [The statistical reports on the postal service work of f 1-network 2 for 1988 (consolidated and of departmental enterprises)].
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1134. List 3. File 1569. *Statisticheskie otchety o rabote pochtovoy svyazi f 18-svyaz', 21-svyaz' za 1991 g. (svodnyy i podvedomstvennykh organizatsiy)* [The statistical reports on the postal service work of f 18-network, 21-network for 1991 (consolidated and of departmental enterprises)].
20. The author's personal archive. (2016) *Interv'yu s F.M. Astakhovym ot 24.01.2016* [Interview with F.M. Astakhov of 24.01.2016].
21. The author's personal archive. (2015) *Interv'yu s F.M. Astakhovym ot 26.07.2015* [Interview with F.M. Astakhov of 26.07.2015].
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1134. List 3. File 1464. *Statisticheskie otchety ob attestatsii i ratsionalizatsii rabochikh mest f 1-rm za 1988 g. (svodnyy i podvedomstvennykh predpriyatiy)* [The statistical reports on evaluation and rationalization of jobs of f 1-rm for 1988 (consolidated and of departmental enterprises)].
23. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1134. List 3. File 1504. S*tatisticheskie otchety ob attestatsii i ratsionalizatsii rabochikh mest f 1-rm za 1980 g. (svodnyy i podvedomstvennykh predpriyatiy)* [The statistical reports on evaluation and rationalization of jobs of f 1-rm for 1980 (consolidated and of departmental enterprises)].
24. State Statistics Committee of Russia. (1999) *Transport i svyaz' v Rossii* [Transport and communications in Russia]. Moscow: GoskomstatRossii.
25. The Unites State Postal service. (2006) *The Unites State Postal service. An American history 1775–2006*. [Online] Available from: https://about.usps.com/publications/pub100/welcome.htm. (Accessed: 07th December 2015).
26. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1134. List 3. File 1405. *Informatsiya o provedenii reydov po proverke sostoyaniya dostavki periodicheskoy pechati i korrespondentsii po g. Tomsku i oblasti* [Information about the raids to verify the delivery status of periodicals and correspondence in Tomsk and in the region].
27. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1134. List 3. File 1407. *Dokumenty o vnedrenii motorizovannoy dostavki periodicheskoy pechati v rayonakh oblasti (prikazy, plany, raschety, skhemy)* [The documents on the implementation of a motorized delivery of periodicals in the areas of the region (orders, plans, calculations, diagrams)].
28. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1134. List 3. File 1495. *Analiz sostoyaniya svyazi v oblasti za 1989 g.* [Analysis of the communication status in the region in 1989].

Received: 27 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 66–71. DOI: 10.17223/15617793/408/9

УДК 947.084.5/631

Н.А. Грик

РЕКЛАМНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ГАЗЕТЕ «КРАСНОЕ ЗНАМЯ» В 1921–1925 гг. И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассматриваются рекламные объявления в томской губернской газете с целью выявления степени ее влияния на процесс восстановления рыночных отношений и отражения особенностей этого процесса. Объявления становятся неотъемлемой частью губернской прессы. Первая рекламы появилась в середине 1922 г. и принадлежала крупному московскому предпринимателю. Заметное место в 1923–1925 гг. занимали предложения платных медицинских услуг. Вместе с рекламой частника поддерживали товарно-денежные отношения. Значительное место занимала реклама кинофильмов. Большая часть объявлений принадлежала государственной и кооперативной торговле, которые создавали иллюзию благополучия. Рекламные газетные объявления демонстрировали атмосферу некоторой свободы, будничной мирной жизни, что в целом способствовало восстановлению рыночных отношений.

Ключевые слова: реклама; объявления частной, государственной, кооперативной торговли; рыночные отношения.

Прошло более 95 лет с тех пор, как советское правительство начало новую экономическую политику, но до сих пор продолжаются дискуссии по многим аспектам краткой истории «большевистского капитализма». Одни полагают, что отказался от нэпа И. Сталин, которому это было выгодно в борьбе за единоличную власть. Другие считают, что нэп объективно необходимо было свернуть, поскольку на его базе нельзя было провести индустриализацию. Третьи усматривают в нэпе новую перспективную модель экономического развития страны и т.д. Другими словами, ощущается потребность в продолжение его изучения, привлечения новых источников, поиска новых подходов.

Применительно к истории нэпа таким нетрадиционным, непривычным источником является своего рода «документ в документе» – рекламное объявление в газете. Однако в отечественной историографии к этому источнику обращаются редко. Имеющиеся работы при изучении рекламы 1920-х гг. приоритет отдают советскому плакату [1, 2]. Что касается газетной рекламы, то можно назвать статью К. Зариповой, которая содержит сравнительный анализ объявлений в уфимских газетах за 1910–1920-е гг. и рассматривает объявления в прессе как источник изучения социально-экономического состояния Уфы и республики [3].

Между тем реклама – это источник, отражающий особенности социума, в определенной степени свидетельствующий о ценностях, установках, образе жизни общества. Рекламу можно рассматривать как частный инструмент переустройства социальной реальности. В нашей статье делается попытка выяснить, как и в какой степени реклама и объявления в томской губернской газете «Красное знамя» способствовали восстановлению рыночных отношений в 1921–1925 гг. и отражали особенности этого процесса. Хронологические рамки определены становлением нэпа, а также тем, что Томская губерния с конца 1925 г. утратила свой статус и стала одним из округов Сибирского края.

По мере возвращения экономики к относительно нормальному режиму функционирования, товарному обмену между городской промышленностью и мелкими деревенскими производителями на страницах газеты начинают появляться рекламные объявления, которые в 1921–1925 гг. становятся неотъемлемой частью губернской прессы. 1920-е гг. были единственным периодом в советское время, когда в общественно-политической газете печатались рекламные объявления коммерческого и частного характера.

Нэп открыл простор предпринимательской инициативе. Так, в РСФСР с октября по декабрь 1921 г. частниками было выбрано 185 тыс. патентов, в первом полугодии 1922 г. – около 450 тыс. и во втором полугодии – 522 тыс. патентов [4. С. 10]. Известный артист Аркадий Райкин вспоминал, что с введением нэпа витрины магазинов буквально за сутки заполнялись разнообразными товарами. Обычному советскому человеку нэп дал шанс на себе ощутить, что такое «общество потребления»: на прилавках возникли товары, появилась возможность сходить в театр или кабаре, постричься в «парижском стиле» [5]. Томская губерния, как, впрочем, и другие регионы страны, не выпадала из этой тенденции. Например, автор, явно не симпатизировавший нэпу, в мае 1922 г. отмечал, что в Томске «теперь работает не одна, в несколько раз разросшаяся толкучка, в унисон ей работают комиссионные, галантерейные и разного рода другие магазины, много кофейных, бильярдных есть и рестораны» [6].

Объявлениям отводилась в отдельных номерах, как правило, вся четвертая страница. По характеру объявления и рекламу, публиковавшуюся в губернской газете в 1921–1925 гг., можно условно разделить на несколько блоков: коммерческая реклама и объявления частника, информация о медицинских, культурно-развлекательных услугах, реклама государственных и кооперативных организаций.

Анализ материалов газеты за 1921 г. обнаружил фактическое отсутствие рекламы. В конце года постоянно стали появляться объявления губернского финансового отдела, губисполкома. Что касается рекламы, то она появляется в середине 1922 г. в лице предпринимателя Акима Давыдовича Бляхера. Он сообщал о готовности принимать контрагентства по всем товарным и всем банковским операциям от местных и иногородних правительственных, кооперативных и частных учреждений и предприятий. Впечатлял его круг интересов. Здесь и предложение большими партиями выполнять заказы на книги по всем отраслям знаний для библиотек и школ, бумагу всех сортов, пишущие машины, весы всякие, несгораемые шкафы,

золото, серебро и драгоценные камни, мануфактуру, кожевенные товары, соль, спички вагонами, конфеты, шоколад и кондитерские товары, муку, крупу, хлеб печеный, махорку и папиросы, веревку, деготь, материалы для железных дорог и пароходов и всякие кустарные изделия. Изъявлял не только продавать, но и покупать большими партиями лесные материалы и дрова. При этом сообщал свой текущий счет в губфинотделе и телеграфный адрес [7]. Безусловно, перед нами один из представителей частной оптовой торговли из Москвы. По-видимому, один из тех дельцов, что в годы Гражданской войны освоили городской черный рынок и сколотили огромные состояния, оказывая «услуги» по снабжению Красной армии, у командиров которой не было времени ждать, пока со своей задачей справятся советские бюрократы [5]. Именно такие предприниматели весьма успешно «помогали» в 1922 г. государственным предприятиям проживать капитал в промышленности, как говорили тогда, «разбазариванию фондов». Однако именно они во многом способствовали насыщению рынка товарами и того чуда, о котором упоминал А. Райкин.

Следующая подобная крупная реклама также пришла из Москвы. В марте 1923 г. ее разместил И.А. Поздняков, владелец оптово-розничного магазина у Арбатских ворот: «Пусть знает каждый, что из Москвы по выгодным ценам вы всегда можете получать мануфактурные и галантерейные товары». Приводились приблизительные цены в дензнаках 1923 г. Товар предлагал высылать небольшими партиями почтой наложенным платежом по получении 50% задатка. Кроме перечисленных товаров выражалась готовность выслать по требованию покупателей и иное: парфюмерные товары, табачные изделия разных фабрик, кондитерские изделия, игральные карты, резиновые галоши и др. Заканчивалась реклама так: «Пишите нам письмо и мы Вам ответим на все Ваши запросы с примечанием, что в виду частых изменений цен, иногородним покупателям считаем товар по расценке дня получения задатка» [8].

Приведенные рекламы раскрывают механизм восстановления рынка товаров потребления. Подобные предложения оптовиков из столицы помогали местным торговцам устанавливать связи и начинать свой бизнес, насыщая его привычными довоенными товарами. Безусловно, большинству населения Томска и губернии они были недоступны, но их наличие в свободной продаже, безусловно, облегчало и ускоряло переход к оплате труда рабочих, служащих в дензнаках. И еще, думается, подобная реклама не могла не вселять местному населению определенную уверенность, поскольку с ней появлялось чувства возвращения к прежней мирной и в чем-то знакомой жизни до войны и революции.

В октябре 1923 г. появляется местная реклама. Кузнец П.Н. Сваровский доводил до сведения государственных учреждений, общественных организаций и частных лиц, что мастерская по адресу Старо-Кузнецкий ряд № 4 принимает всевозможные заказы и специальную ковку лошадей в станке и на руках. Здесь же председатель 1-й трудовой артели металлистов Редрейн сообщал, что вновь открыта мастерская, которая (Благовещенский, № 2) принимает: слесарно-механические, полудные работы, устройство водопровода, отопления, а также имеет кузницу и электромонтажный отдел. Рядом соседствовало объявление арендатора Брика об открытии и расписании работы коммунальной номерной бани. Коллективам учащихся, военным и рабочим предлагалась скидка [9]. Через неделю кузнец П.Н. Сваровский повторил свою рекламу [10].

На наш взгляд, данная реклама в октябре 1923 г. являлась весьма показательной. Во-первых, она свидетельствовала о том, что в Томске вышли на рынок представители кустарной промышленности, которая достаточно широко была представлена в дореволюционный период. Здесь необходимо обратить внимание на ключевую фразу в объявлении артели металлистов: «вновь открылись». Нам видится процесс восстановления в правах прежних владельцев кузницы и мастерской артели. На это им понадобилось около полутора нэповских лет. Объявление же Брика указывало еще на одно направление в восстановлении прав, а именно когда с бывшем владельцем заключалось арендное соглашение. Во-вторых, реклама кузнеца и артели свидетельствовала о появлении элемента конкуренции, поскольку оба были готовы осуществлять ремонт экипажей и ковку лошадей.

В марте 1924 г. была успешно завершена денежная реформа, народное хозяйство страны получило твердую валюту в лице червонца и связанных с ним казначейских билетов. Она дала мощное ускорение восстановлению товарно-денежных отношений и всего народного хозяйства. Газетная реклама стала более насыщенной, появились новые представители местного частного капитала.

Нэповский свободный товарооборот требовал развития кредитной системы, которая могла бы охватить все многообразные стороны народного хозяйства страны. Поэтому неудивительно, что уже в начале нэпа стала восстанавливаться система обществ взаимного кредита (ОВК), имевшая до революции широкое распространение. Уже в сентябре 1922 г. Советом труда и обороны был утвержден нормальный (типовой) устав ОВК. Обществам предоставлялось право производить почти все банковские операции, но все виды кредитов могли открывать только своим членам, за исключением выдачи ссуд под залог государственных ценных бумаг.

В начале апреля 1924 г. была размещена реклама банка томского ОВК, в которой председатель правления Соколов сообщал, что они производят все банковские операции, в том числе: учет векселей; выдача ссуды под товары, товарные документы, ценности; исполняют поручения как членов Общества, так и посторонних лиц и учреждений по получению платежей по векселям и другим документам; производят покупку и продажу товаров по поручению членов Общества и посторонних лиц и учреждений; принимают переводы во все города СССР; прием на текущие счета и вклады; хранение товаров на складах Общества; страхование товаров и всякого рода имущества на месте и в пути; покупку золота по поруче-

нию Госбанка. Указывались время работы, телефон и телеграфный адрес [11]. Данный факт свидетельствовал о том, что местные предприниматели, несмотря на противодействие некоторых городских, губернских властей, кооперации, профсоюзов, сумели приспособиться и освоиться. На наш взгляд, это событие, хотя и в зачаточной форме, демонстрировало процесс легализации частного капитала в губернии.

В том же номере появилась реклама новых участников местного рынка. «Товарищество Исхаков, Сейфулин и К» сообщало о получении новой партии готового мужского и дамского платья [Там же]. Кстати, в мае товарищество еще раз разместило свою рекламу, дополнив ее предложением о большом выборе пуховых оренбургских платков, барнаульских шуб, брезентовых непромокаемых плащей. При этом подчеркивалось, что «цены – вне конкуренции» [12]. А. и П. Ремизовы сообщали о получении новой партии мужской и женской обуви механического и ручного производства [11]. Кроме того, здесь же предлагали лес и дрова, уроки кройки и шитья, уроки немецкого, французского и латинского, уроки по бухгалтерии. Стоит отметить, что данные предложения появлялись весьма последовательно и в других номерах газеты [11–14]. Подобный достаточно разнообразный материал однозначно демонстрировал позитивные тенденции в восстановлении мирной, привычной жизни для многих обывателей. Рыночные отношения явно приобретали все более устойчивые черты.

Апрельская реклама 1924 г. кроме появления частного кредитного учреждения (ОВК) продемонстрировала и другую сторону рыночных отношений: разорение, банкротство. Так, Альшиц, председатель комиссии по ликвидации имущества владелицы комиссионного магазина Федоровой, доводил до сведения заинтересованных лиц, что выдача вещей по квитанциям будет происходить с 28 по 30 апреля. При выдаче будет взиматься 1% с цены вещи на покрытие расходов по поверке и выдачи, публикации. А рядом с этим печальным событием было размещено объявление о вновь открытой мастерской дамских и детских шляп [15]. Данный материал свидетельствовал о том, что рыночный механизм действовал. Например, мы обнаружили еще одно торговое крушение, 1 июля 1925 г. товарищество «Кустарный труд» за прекращением торговли объявляло распродажу игрушек и галантереи [16].

В 1925 г. реклама и объявления продолжили тенденцию расширения предложений услуг. Так, Е.А. Мильштейн предлагал уроки кройки и шитья, прием вышивки и мережки разными шелками. Мастерская Фельдштейна сообщала о возобновлении приема заказов шитья белья и мережки [17]. Предлагала свои услуги токарно-зонтичная мастерская Сегельмана. Кустарная мастерская восковых свечей Е.А. Парышева сообщала о выборе свечей и готовности приобрести воск [18]. Ажурное вышивание, зонтики явно указывали не только на рост предложений, но косвенно и на появление спроса на подобные услуги.

Заметное место в 1923–1925 гг. принадлежало объявлениям о платных медицинских услугах. Первенство среди них, бесспорно, было у стоматологов. Среди них наиболее активным был Марк Абрамович Соломон, бывший районный врач, предлагавший лечение – 25 коп., удаление зуба – 10 коп. золотом и протезирование искусственных зубов на золоте и каучуке. Прием проводил на квартире по ул. Нечаевской, 67, с 9 часов утра до 8 вечера [9, 10]. Стоит отметить постоянно стабильное предложение услуг дантистов. Характерный пример рекламы, помещенной в начале апреля 1924 г. Коллектив безработных врачей сообщал об открытии зубной лечебницы, а рядом еще одна зубная лечебница предлагала свои услуги, плюс на этой же странице были объявления трех врачей стоматологов [11]. В конце мая 1924 г. сообщалось об открытии новой зубной лечебницы [13]. По нашим подсчетам, за 1923–1925 гг. примерно в 10 номерах была реклама стоматологов. На лицо развитый сектор услуг, свидетельствовавший как о наличии специалистов, так, скорее всего, и о значительной потребности жителей города и губернии в подобных услугах.

На втором месте по частоте появления объявлений находились кожные и венерические заболевания, что отражало состояние здоровья населения в послевоенный период. Однако в отличие от стоматологов, в Томске фигурировал лишь один врач Купрессов [9, 14, 18, 19]. Далее шли объявления гинекологов. Занимались женскими болезнями и акушерством, судя по объявлениям, только два специалиста, женщины врачи Лобанова-Лебедева и Э.С. Аронович [9, 10, 11]. Своеобразным итогом развития медицинских услуг в Томске можно считать создание в октябре 1925 г. лечебного указателя, где фигурировали уже известные стоматологи и зубные лечебницы, врач Купрессов, акушерки и акушерки-массажистки [20]. Газетные объявления о медицинских услугах, как и реклама частных торговцев, владельцев мелких мастерских, на наш взгляд, формировала рынок платных услуг и в целом помогала восстанавливать товарно-денежные отношения.

Большую группу газетных объявлений представляли культурно-развлекательные услуги. Здесь вне конкуренции была реклама кинофильмов в томских кинотеатрах. В их репертуаре преобладали зарубежные американские и немецкие кинофильмы-боевики, мелодрамы. В Томске функционировали два кинотеатра: «Большой Художественный» и «Глобус», кроме того, летом к ним присоединялся Городской сад. Заслуживает внимания то, как подавалась данная реклама. Например, «3 серии грандиозной американской картины «“Великая мученица” в 6-ти частях» [9], заграничная новинка, драма «Заложенная жена», вечер смеха и отдыха и комедия фарс «Принцесса устриц» [11], заатлантический боевик «Могущественный Эльмо», «Между двух пропастей (ее тело в залоге)» [21].

В конце мая 1924 г. «Глобус» предлагал фильм «Таня» в 8 частях с такой характеристикой: роскошная драма из русской жизни по нашумевшему роману Е. Нагродской. Анонс: «Фата Моргана (мираж пустыни)», «Гримасы Парижа», «Черная пантера», «Летающий автомобиль», «Три мушкетера». Кинотеатр «Художественный» сообщал о демонстрации американской салонной драмы «Поппи» в 7 частях. Анонс: скоро пойдут боевые новинки сезона: «Раскольни-

ков», «Красные дьяволята», «Женщина с миллиардами», «Человек без имени» [22].

И в 1925 г. характер рекламы не претерпел существенных изменений. Так, «Художественный» предлагал «Автомобиль № 13» как исключительную комедию, гротеск, премьеру сезона, со знаменитым американским комиком Фергюссоном в главной роли. Новый театр: «Что дороже – деньги или любимая женщина». Анонс: «Сердце гор», «Багдадский вор», «Поединок», «Амазонки». Городской сад приглашал на фильм «Фиолетовая смерть», а на открытой эстраде хор, балет, оркестр [23]. Перед нами сугубо развлекательные, комедийные, приключенческие ленты и, судя по названиям, с незамысловатым сюжетом, нацеленные на удовлетворение вкусов усреднённого зрителя. При малограмотности населении и узком кругозоре такой репертуар, с одной стороны, мог значительно влиять на сознание широких масс людей и формировать вкусы и пристрастия части горожан. С другой стороны, реклама этого блока свидетельствовала о наличии определенной степени свободы. Реклама таких кинофильмов соседствовала с объявлениями городских и губернских органов власти. И надо помнить, что перед нами орган губкома партии и губисполкома.

Других видов развлечений, судя по объявлениям, у томичей было немного. Так, в середине октября 1923 г. их приглашали на ипподром, где проводились последние бега и скачки. Сообщалось об участии 35 лошадей с розыгрышем 125 тыс. руб. [9]. В апреле 1924 г. горожане могли попасть на «концерт знаменитого пианиста С. Барера, в программе Шопен, Лист» [21]. В июне 1925 г. в гортеатре выступал украинский трудовой коллектив имени Котляревского под управлением Дубинского с музыкальной драмой «Цыганка Аза» [23]. Конечно, азартная игра и ставки на лошадей, классическая музыка, заграничное кино – все это приметы возвращения к мирной, будничной жизни, которые, в свою очередь, работали на либерализацию экономических отношений.

Однако большая часть объявлений в газете принадлежала государственным и кооперативным организациям. Важно подчеркнуть, что их стилистика мало чем отличалась от рекламы частника. Например, в середине октября 1923 г. магазины Сибторга сообщали о получении крупной партии всевозможных сезонных товаров. Большой выбор шелковых, шерстяных и суконных изделий. Шерстяные платки, пледы. Льняные товары – полотна, скатерти, салфетки и проч. Галантерейные товары – готовое белье, шелковые чулки, дамские сумочки, чемоданы, фанерные коробки для шляп. Табаки разных сортов и гильзы. Парфюмерия. Цены значительно снижены. Продажа оптом и в розницу [9]. Перед нами весьма разнообразные товары, трудно представить, что еще год назад всего этого не было. Тем не менее осенью 1923 г. разразился так называемый кризис сбыта, когда доходы населения резко отстали от цен трестов и синдикатов и их склады оказались затоварены.

Необходимо обратить внимание на то, что многие государственные и кооперативные учреждения занимались продвижением товаров не совсем по их профилю и сочетали розничную торговлю с оптовой. Так, оптово-розничный магазин «Хлебопродукт» предлагает в большом выборе мануфактуру, стекло оконное, спички, крымские консервы, парфюмерию бывших фабрик Брокара и Ралле, хлебофураж. В то же самое время покупал пушнину, хлебофураж, сельскохозяйственные продукты. Цены были снижены на всю мануфактуру на 20%. И традиционный для рекламы слоган: «Цены вне конкуренции». Здесь же Правление Томского центрального рабочего кооператива (ЦРК) сообщало о поступлении в продажу большой партии товаров из Москвы и с Нижегородской ярмарки. И опять – «Цены вне конкуренции». Продажа во всех магазинах ЦРК. Членам, пайщикам скидка на продукты питания 5%, на все прочие товары – 10%. Дежурный магазин № 2 (Дворец труда) торговал до 12 часов ночи. И как с вышеописанной рекламой набор трудно совместимых товаров: вино, мануфактура, пимы, обувь, парфюмерия, галантерея, готовое платье, мука всех сортов, масло, мед, табак, папиросы, керосин, оконное стекло. Заканчивалась реклама советским лозунгом: «Поддерживая кооперацию, обеспечиваешь себя и помогаешь государству» [10]. Отмеченные особенности, с одной стороны, свидетельствовали о неразвитости торговой сети в городе, а с другой – о конкуренции между кооперативами и госторговлей. Но в отличие от частников, такая конкуренция не давала никаких преимуществ потребителю, поскольку цены у всех были одинаковые, как того требовал Комвнуторг.

Необходимо помнить, что власти вступили в 1924 г. с политикой снижения цен административным путем, который заводил нэп в тупик, поскольку приказ синдикатам снизить отпускные цены никак не сочетался с рыночной экономикой, с ориентацией на прибыль. Красноречиво подтверждала такую политику газетная реклама, размещенная 10 апреля 1924 г. Кооперативные и государственные торговые организации предлагали товары по твердым ценам, установленные губкомвнуторгом, но это не распространялось на частную торговлю. Участвовали: Томский ЦРК, Томское отделение транспортного потребительского общества (Томпо), Томское губернское военно-потребительское общество (ГубВПО), Губсельскосоюз, Томский губернский союз потребительских обществ (Губсоюз), Сибгосторг (Томское отделение), Томский губпросснаб, «Хлебопродукт». Судя по сводной таблице цен, они у всех организаций были одни и те же. Набор товаров и продуктов был одинаков и не очень разнообразен. Редакция газеты периодически выпускала приложение «Справочник цен на товары и продукты» [24].

В целом знакомство с рекламой госторговли и кооперации рождало ощущение, что перед нами общество потребления. Так, Губсельскосоюз предлагал большой выбор рыбы: свежую, соленую, копченную по ценам: балык нельмовый и осетровый 65 коп. за фунт, щука копченая, язь копченый, икра язевая по 20 коп. Мука ржаная и пшеничная, овес и крупчатка по ценам Госмельницы, масло сладкое и топленое. Оптовым покупателям скидка. Госучреждениям и кооперации вексельный кредит до 2 месяцев [22]. Книжный магазин губпросснаба предлагал учебники для школ I и II ступени, литературу техническую, сельскохозяйственную,

общественно-политическую, книги по медицине, естественным наукам, педагогике. Канцелярское отделение предлагало: бумагу, тетради, конторские книги, карандаши, чернильные наборы. Музыкальное отделение: ноты в большом выборе, скрипки, гитары, мандолины, балалайки, бубны. Прием на комиссию инструментов.

Доброфлот предлагал упаковки домашних вещей, всех разных грузов. Гужевые перевозки в городе; отправку всеми видами транспорта багажом, посылками. Конторы во всех городах СССР, Маньчжурии, Китая, Монголии. Агенты во всех портах мира. Дешевле всех транспортируют, хранят, страхуют грузы. Принимают на доставку с наложенным платежом. Ответственные перевозки, гарантия срочной доставки, выдача ссуд на таможенное оформление [12]. Общий отдел Томского уездного исполкома сдавал в пользование на летний сезон дачи в деревнях Федосеевке, Заварзино, Белобородово [23]. Паровая конфетная фабрика «Профинтер» принимала заказы на всевозможные кондитерские изделия всех сортов: «Исполнение быстрое и аккуратное. Госучреждениям и кооперативам льготные условия. Цены и качество вне конкуренции. Требуйте наш оптовый прейскурант» [20].

Если же еще учесть, что в 1924–1925 гг. товары предлагались с доставкой на дом, то можно действительно признать, что газетная реклама госторговли и кооперации создавали картину благополучия и достатка. Между тем в 1925 г. набирал силу процесс, получивший в те годы определение «товарный голод», явившийся во многом благодаря выше отмеченной политики низких цен. Наркомат внутренней торговли, борясь с этим явлением, запустил в практику так называемые планы завоза, когда расписывалось, куда, какой товар и сколько отправить. Как правило, это приурочивалось к заготовительным кампаниям. Эти планы зачастую шли в разрез с рыночной конъюнктурой и особого удовлетворения потребителям не приносили. Другими словами, реклама кооперации и государства создавала лишь иллюзию, весьма далекую от реальности, и, в отличие от частной торговли, тормозила восстановление рыночных отношений.

Особо впечатляли предложения техники и оборудования для сельского хозяйства, учитывая чрезвычайно низкий уровень энерговооружённости крестьянских хозяйств Сибири. Более того, судя по рекламе, рассчитаться за нее можно было, непосредственно продав здесь же сельскохозяйственное сырье и продукты. Например, государственные сельскохозяйственные склады (Сибгоссельсклад) предлагали: плуги, бороны, сеялки, жатвенные машины, косилки, молотилки и другие сельскохозяйственные машины. Монопольные продажи: тракторов, локомобилей, двигателей, мельничного оборудования, станков и машин. Продажа в кредит и за наличные. В уплату принимались сельскохозяйственные продукты: волос, щетина, кожа, пушнина [13, 21]. Как и в случае с товарами потребления, так и с техникой, она была недоступна подавляющей части населения губернии. Вопрос крестьян губернии к власти, который они поставили еще в 1923 г.: «Почему мы платим много налогов и почему городские товары дороги, так что крестьянину их не купить?» [25] остался без положительного ответа и в 1925 г. Стоит обратить внимание на термин в рекламе Сибгоссельсклада: «монопольные продажи», который подчеркивал полное господство на нэповском рынке госпромышленности, что сказывалось негативно на самом монополисте, так и на развитии товарно-денежных отношений.

Разнообразие товаров и услуг, рекламируемых в газете, было почти недоступно для большинства населения губернии, прежде всего, крестьян. «Ножницы цен» (термин, введенный в оборот Л.Д. Троцким на XII съезде РКП (б) в 1923 г.) были таковы, что деревня фактически не могла покупать продукцию промышленности. Денег в деревне было мало, она оставалась бедной, и в 1925 г. по-прежнему процветал примитивный товарообмен.

Реклама была вызвана, прежде всего, либерализацией торговли, конкуренцией частника, кооперации и госторговли. И в этой конкуренции лучше себя показывала частная торговля, поэтому ее соперники пытались активно использовать в рекламе свои ценовые преимущества. Другое дело, что аппарат кооперации и госторговли был слабым, негибким и неэффективным, находясь под постоянным мощным контролем со стороны государства.

Рекламные газетные объявления демонстрировали атмосферу некоторой свободы, будничной мирной жизни, что в целом способствовало восстановлению товарно-денежных отношений, но свою главную задачу – быть посредником между потребителем и производителем – выполняли слабо в силу господства в ней госторговли и кооперации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельева О.О. Советская реклама 20-х годов как средство агитации и пропаганды // Человек. 2006. № 2. С. 58–69.
2. Манасян С.К., Юрлов П.В. Советская реклама в начале 1920-х гг. URL: http://www.pandia.ru/text/77/315/37923.php (дата обращения: 27.03.2016).
3. Зарипова К. Реклама и объявления в уфимских газетах 1910–1920-х гг. как источник изучения социально-экономической реальности // URL: http://el-history.ru/node/415 (дата обращения: 3.07.2014).
4. Крон Ц.М. Частная торговля в СССР. М., 1926. 138 с.
5. Карцев Д. Нэп насущный. URL: http://www.kommersant.ru/doc/1597229 (дата обращения: 16.04.2016).
6. Красное знамя. 1922. 27 мая.
7. Красное знамя. 1922. 19 июля.
8. Красное знамя. 1923. 10 марта.
9. Красное знамя. 1923. 14 окт.
10. Красное знамя. 1923. 21 окт.
11. Красное знамя. 1924. 6 апр.
12. Красное знамя. 1924. 17 мая.
13. Красное знамя. 1924. 25 мая.
14. Красное знамя. 1924. 10 июня.

15. Красное знамя. 1924. 27 апр.
16. Красное знамя. 1925. 1 июля.
17. Красное знамя. 1925. 28 июня.
18. Красное знамя. 1925. 18 окт.
19. Красное знамя. 1924. 13 июня.
20. Красное знамя. 1925. 21 окт.
21. Красное знамя. 1924. 20 апр.
22. Красное знамя. 1924. 15 июля.
23. Красное знамя. 1925. 13 июня.
24. Красное знамя. 1924. 10 апр.
25. Красное знамя. 1923. 20 нояб.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 мая 2016 г.

ADVERTISEMENT IN THE TOMSK PROVINCIAL NEWSPAPER *KRASNOE ZNAMYA* IN 1921–1925 AND EXCHANGE RELATIONSHIPS RECREATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 66–71.
DOI: 10.17223/15617793/408/9

Grik Nikolay A. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: grik_na@mail.ru

Keywords: commercial; private advertisement; cooperative advertisement; state trade advertisement; exchange relationships.

The object of this article is the research of the advertisements in Tomsk provincial newspaper *Krasnoe znamya* in 1921–1925. The author tries to find out how and in what degree the newspaper advertisements helped to recreate the exchange relations and reflected the features of this process. While the economy returned to the normal functioning, the newspaper advertisements began to appear. In 1921–1925, these advertisements became an integral part of the provincial press. As a rule, the whole fourth page of newspapers was occupied with advertisements. These advertisements can be divided into several blocks: private, about medical and cultural services ones, and about state and cooperative trade. The first advertisement appeared in the middle of 1922, it was an advertisement of the major businessman A.D. Blyakher, who informed about his readiness to be the counter-agent in every commodity and banking operation for all institutions and enterprises. The NEP free goods exchange needed the credit system development. That is why the advertisement of the Bank of the Tomsk Company of Mutual Credit was published in April 1924. It told that this bank executed all banking operations. It showed the process of provincial private capital legalization enforcement. Medical service offers took a noticeable place in 1923–1925. The leading ones among them were advertisements of dentist services. The author thinks that medical and private newspaper advertisements formed the paying services market and in whole helped to recreate the exchange relationships. Cultural advertisements were another big group. Cinema advertisements prevailed among them. There were foreign (American and German) films, especially B-films and dramas. These films affected the mass consciousness and formed the taste due to the ignorance of the people. On the other hand, film advertisements showed the existence of some freedom. But the main part of advertisements were the state and cooperative trade ones. It is important that their style was the same as the style of private advertisements. Newspaper trade advertisements told about well-being and prosperity. But this glut was almost inaccessible for the most part of the provincial people, especially for peasants. Advertisements were the result or trade liberalization, private, cooperative and state competition. Newspaper advertisements showed freedom, routine life, which helped to recreate the exchange relationships.

REFERENCES

1. Savel'eva, O.O. (2006) Sovetskaya reklama 20-kh godov kak sredstvo agitatsii i propagandy [Soviet advertising of the '20s as a means of agitation and propaganda]. *Chelovek*. 2. pp. 58–69.
2. Manasyan, S.K. & Yurlov, P.V. (n.d.) *Sovetskaya reklama v nachale 1920-kh gg.* [Soviet advertising in the early 1920s]. [Online] Available from: http://www.pandia.ru/text/77/315/37923.php. (Accessed: 27th March 2016).
3. Zaripova, K. (2009) *Reklama i ob"yavleniya v ufimskikh gazetakh 1910–1920-kh gg. kak istochnik izucheniya sotsial'no-ekonomicheskoy real'nosti* [Advertisements and announcements in newspapers in Ufa in the 1910s–1920s as a source of study of the socio-economic reality]. [Online] Available from: http://el-history.ru/node/415. (Accessed: 03rd July 2014).
4. Kron, Ts.M. (1926) *Chastnaya torgovlya v SSSR* [Private trade in the USSR]. Moscow: Tip. Izdatel'stva MTSPS.
5. Kartsev, D. (2011) *Nep nasushchnyy* [NEP daily]. [Online] Available from: http://www.kommersant.ru/doc/1597229. (Accessed: 16th April 2016).
6. *Krasnoe znamya*. (1922) 27 May.
7. *Krasnoe znamya*. (1922) 19 July.
8. *Krasnoe znamya*. (1923) 10 March.
9. *Krasnoe znamya*. (1923) 14 October.
10. *Krasnoe znamya*. (1923) 21 October.
11. *Krasnoe znamya*. (1924) 6 April.
12. *Krasnoe znamya*. (1924) 17 May.
13. *Krasnoe znamya*. (1924) 25 May.
14. *Krasnoe znamya*. (1924) 10 June.
15. *Krasnoe znamya*. (1924) 27 April.
16. *Krasnoe znamya*. (1925) 1 July.
17. *Krasnoe znamya*. (1925) 28 June.
18. *Krasnoe znamya*. (1925) 18 October.
19. *Krasnoe znamya*. (1924) 13 June.
20. *Krasnoe znamya*. (1925) 21 October.
21. *Krasnoe znamya*. (1924) 20 April.
22. *Krasnoe znamya*. (1924) 15 July.
23. *Krasnoe znamya*. (1925) 13 June.
24. *Krasnoe znamya*. (1924) 10 April.
25. *Krasnoe znamya*. (1923) 20 November.

Received: 22 May 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 72–77. DOI: 10.17223/15617793/408/10

УДК 622.32(571)

В.П. Карпов, М.В. Комгорт

«СОЧТЁМСЯ СЛАВОЙ»: ТОМСК И ТЮМЕНЬ В НЕФТЕГАЗОВОЙ СИБИРИАДЕ 1950–1980-х гг.

Вклад Томска в создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) скромнее, чем вклад Тюмени. Но без Томска история «открытия и освоения века» не может быть полной. Томские сюжеты нуждаются в более тщательном исследовании для уточнения ряда позиций по истории ЗСНГК в целом. В данной статье предметом рассмотрения стали: 1) роль томской геологии в открытии новой провинции; 2) принятие решения о добыче томской нефти; 3) личностный вклад в развитие томского нефтегазового района; 4) соперничество тюменской и томской политической и хозяйственной элит.

Ключевые слова: Томск; нефть; газ; геологи; нефтяники; элита; соперничество; слава.

В июне 2016 г. исполнилось 50 лет с начала добычи томской нефти. Открытие и освоение нефтегазоносной провинции на севере Западной Сибири изменили ход не только отечественной, но и мировой истории. Это не преувеличение. Если говорить о значении ЗСНГК в страновом аспекте, то без него СССР вполне мог превратиться в третьесортную державу – не было бы ресурса для развития. Геополитическое значение ЗСНГК – в колоссальном увеличении международного влияния Советского государства. Не случайно многие западные эксперты главными в мотивации сверхбыстрых темпов освоения севера Западной Сибири увидели военно-политические и стратегические цели советского руководства. Действительно, сибирские нефть и газ были не единственным, но очень важным ресурсом СССР в противостоянии с Западом в условиях холодной войны.

Территория ЗСНГК в 1960–1980-е гг. включала нефтегазодобывающие районы Тюмени и Томска. Явный «тюменский акцент» в историографии комплекса объясняется тем, что главный фронт борьбы за нефть и газ развернулся в северных округах Тюменской области. На пике добычи сибирской нефти (1988 г.) из 405 млн т на долю Томской области пришлось только 5 млн т [1. С. 297]. Но, во-первых, без освещения вклада томичей в «открытие и освоение века» история ЗСНГК была бы не полной. Во-вторых, отдельные томские сюжеты нуждаются в более тщательном исследовании для уточнения позиций по истории комплекса в целом. Это касается роли томской нефтегеологии в открытии новой провинции, принятия решения о добыче томской нефти, личностного фактора в развитии томского нефтяного района, соперничества тюменской и томской элит. В данной статье именно эти вопросы являются предметом рассмотрения.

Поиски сибирской нефти, практически свёрнутые в 1943–1945 гг., возобновились в 1948 г. Но к 1953 г. на 55 площадях в районах Сибири и Дальнего Востока не было разведано ни одного месторождения нефти или газа. Убедительным аргументом в обосновании продолжения работ могло стать только открытие промышленных месторождений. Поэтому Берёзовский (с. Берёзово, Ханты-Мансийский национальный округ (ХМНО) Тюменской области) газоводяной фонтан, «выстреливший» 21 сентября 1953 г., оказался очень своевременным. Он значительно усилил позиции тюменских геологов, поднял интерес центра к нефтеразведке в регионе.

О вкладе тюменских геологов в «открытие века» хорошо известно, остановимся подробнее на заслугах томичей. Первую опорную скважину на территории Томской области пробурила Колпашевская буровая партия новосибирского треста «ЗапСибнефтегеология» (начальник партии – Г.И. Башарин). В октябре 1954 г. ей удалось получить небольшой приток (от 2 до 3 литров в сутки) нефти из средне-юрских отложений. Первая томская нефть, полученная на окраине деревни Малиновка вблизи г. Колпашево, не имела промышленного значения, но стала, наряду с Берёзовским фонтаном, еще одним весомым аргументом в пользу продолжения и усиления поиска.

Стоит отметить, что хотя первое нефтепроявление в Колпашево было отмечено в 1954 г., скважину официально признали «первооткрывательницей сибирской нефти» только в 1982 г., после соответствующего обращения главного геолога объединения «Томскнефтегеология» В.И. Биджакова в Центральную комиссию по делам первооткрывателей [2. Д. 1134. Л. 17–22].

После получения первого притока нефти на Колпашевской площади началось интенсивное развертывание поисково-разведочного бурения на территории Томской области. В марте 1956 г. приказом Министерства нефтяной промышленности на базе Колпашевской буровой партии была организована Колпашевская контора разведочного бурения, в которую вошли Нарымская, Пудинская, Александровская, Нововасюганская разведки и Колпашевский участок. В результате детальных разведочных работ 1956–1958 гг. наиболее перспективным был признан весь район Колпашевского Приобья (Парабель, Нарым, Александрово) [3. Д. 2357. Л. 12].

В 1958 г. Колпашевская контора разведочного бурения была переведена в с. Александровское, а спустя некоторое время ликвидирована как самостоятельная организация с переподчинением ее разведок непосредственно Новосибирску. О том, к каким последствиям привела недальновидность новосибирцев при принятии данного решения, станет известно спустя всего несколько лет. «Новосибирское управление, расформировав коллектив, отправило всех по участ-

кам – в Покур, Мегион, Охтеурье, Локосово, Александровское, – пишет Г.И. Башарин. Осенью 1958 г. все участки, расположенные за пределами Томской области, были переданы в подчинение Тюменского территориального геологического управления, а на их базе была организована Сургутская геолого-разведочная экспедиция, которой досталась вся слава открытия тюменской нефти» [4. С. 182].

В августе 1959 г. приказом начальника Главного управления геологии и охраны недр при Совете министров РСФСР С.В. Горюнова все геологоразведочные работы на нефть и газ, проводившиеся в Сургутском и Ларьякском районах Тюменской области, а также организации, занятые на этих работах, были переданы из Новосибирского в Тюменское геологическое управление. Передаче подлежали нефтеразведки, геофизические партии и отряды, транспортные, ремонтные, строительные и прочие предприятия [5. Д. 57. Л. 400].

Таким образом, поисково-разведочные работы, начатые в Среднем Приобье Новосибирским геологическим управлением, были продолжены тюменскими геологами. В 1961 г. ими были открыты Мегионское и Усть-Балыкское нефтяные месторождения. Напомним, что первое промышленное месторождение нефти в Сибири было открыто 21 июня 1960 г. в пос. Шаим (ХМНО). Но если Шаимский район расположен ближе к Уралу, то Мегионское и Усть-Балыкское нефтяные месторождения – это уже центр Западной Сибири. Шаимская нефть поколебала устои скептиков, однако нефть юрских отложений и сравнительно небольшие ее запасы еще не позволяли говорить о новом «нефтяном гиганте». А вот нефть мощных и хорошо прослеживающихся меловых отложений Приобья позволила оценить значение всего региона очень высоко.

При этом первооткрывателями нефтяных месторождений Западной Сибири были признаны только тюменцы, которые в стремлении это подтвердить ссылались на отсутствие доказательств, подтверждающих факт причастности новосибирских и томских геологов к открытию среднеобской нефти. Так, в примечании к опубликованной в сборнике «Нефть и газ Тюмени в документах» (1971 г.) радиограмме начальника Сургутской экспедиции Ф.К. Салманова и главного геолога Б.В. Савельева об открытии Мегионского месторождения сообщалось, что выявить в архивах тюменского и новосибирского геологических управлений документы о заложении, бурении и испытании скважин-первооткрывательниц в Среднем Приобье «не удалось» [6. С. 221].

На самом деле «…открытие первых нефтяных месторождений в Тюменской области нужно рассматривать как результат деятельности геофизиков и геологов Новосибирского и Тюменского геологических управлений, выявивших и подготовивших к глубокому бурению структуры, давшие мегионскую нефть, а следом за ней и другие» [7. С. 200]. Мегионская, Нижневартовская структуры и Усть-Балыкское поднятие были обнаружены и детально разведаны сейсмическими партиями Томской геофизической конторы и Средне-Обской геофизической экспедиции Новосибирского геологического управления. А скважина на Мегионской структуре была заложена в соответствии с актом, составленным и утвержденным главным геологом Новосибирского геологического управления Ю.К. Мироновым, и на момент ее передачи Тюменскому управлению была пробурена на глубину 1 730 м [8. С. 259, 263].

Необходимо отметить, что позже Ф.К. Салманов все-таки признал, что «акты заложения скважин Р-1 и Р-61, ставших первооткрывательницами» были утверждены при непосредственном участии главного геолога треста «ЗапСибнефтегеология» Ю.К. Миронова. И недоумевал, почему многие из тех, кто стоял «у истоков нефтепоисковых работ в Западной Сибири, не только не получили никаких наград, но даже не упоминаются ни в научной литературе, ни в публицистике, посвященной “открытию века”» [9. С. 35]. «Незаслуженно забытым» считает вклад геологической службы и геофизиков Новосибирского геологического управления, под патронажем которых «первоначально отрабатывались площади и производились все сейсмические работы» в Среднем Приобье, и ветеран сибирской геологоразведки Е.А. Тепляков [10. С. 196].

После передачи районов нефтяного поиска в Среднем Приобье тюменцам новосибирские геологи сосредоточили основные объемы работ на территории Новосибирской, Омской и Томской областей. В 1962 г. их усилия увенчались успехом в Томской области: в апреле было открыто первое в области газоконденсатное месторождение (Усть-Сильгинское), а 18 августа стал днем рождения томской нефти. Промышленное нефтяное месторождение, названное Соснинско-Советско-Медведевским (далее – Соснинское), открыла буровая бригада Николая Пономарева. После этого Александровская нефтеразведка была преобразована в экспедицию и перебазирована в райцентр Александровское. Объемы бурения возросли с 8,5 тыс. м проходки в 1962 г. до без малого 50 тыс. м в 1967 г. «Первая Соснинская (структура. – *авт.*), – написал через 45 лет корреспондент газеты “Северная звезда”, – образно говоря, явилась увертюрой к нефтяной симфонии: до 1990 года в среднем открывали по три месторождения в год, а в рекордные годы даже по пять-шесть нефтегазовых месторождений! Только Александровской экспедицией открыто 26 месторождений!» [11. С. 5].

Соснинское месторождение оказалось «пограничным», поскольку было расположено в пределах так называемого Нижневартовского поднятия на территории Александровского района Томской области и частично Нижневартовского района Тюменской области. Так получилось, что «география» и административные границы соседних областей создали проблемы при освоении месторождений. В ноябре 1963 г. на Томской областной партийной конференции начальник Новосибирского геологического управления Н.Г. Рожок вынужден был поставить вопрос о необходимости принятия решения по геологическим площадям на границе Томской и Тюменской областей.

По его мнению, руководству области следовало сделать выбор между двумя возможными вариантами: либо перенести границы Томской области на 72-й меридиан восточной долготы и 64-й градус северной широты, либо передать эту территорию Новосибирскому геологическому управлению по геологическим соображениям [12. С. 30].

На протяжении 1964–1965 гг. первый секретарь Томского обкома партии И.Т. Марченко регулярно обращался в вышестоящие инстанции с предложениями об активизации геолого-разведочных работ на территории области. В апреле 1965 г. на заседании бюро Томского обкома КПСС было принято решение просить ЦК КПСС и Совет министров СССР рассмотреть вопрос о подготовке к промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений. Подготовленный проект постановления «О дальнейшем развитии геолого-разведочных работ и организации подготовительных работ к промышленному освоению открытых газовых и нефтяных месторождений в Томской области» был приложен к протоколу заседания обкома [3. Д. 3430. Л. 79–81].

Анализ документа показывает, что и в названии, и в своих основных пунктах он повторял аналогичное постановление, принятое ранее (в декабре 1963 г.) по Тюменской области. При этом, как и тюменцам, томичам пришлось в буквальном смысле его «пробивать». Председатель Госплана СССР П.Ф. Ломако в письме в Совет министров СССР признал принятие постановления преждевременным, аргументируя свою позицию недостаточной разведанностью месторождений Томской области. «Создание нового нефтегазодобывающего района на базе месторождений Томской области, – констатировал он, – потребует значительных капиталовложений. В то же время ограниченность средств, которые могут быть выделены в 1966–1970 гг. на развитие нефтяной и газовой промышленности, вызывает необходимость концентрировать их и планировать добычу нефти и газа в районах Западной Сибири, в первую очередь в Тюменской области, где уже открыты и подготовлены к разработке крупные нефтяные и газовые месторождения» [Там же. Д. 3440. Л. 145–146]. Данную позицию поддержали руководители госкомитетов по нефтедобывающей и газовой промышленности Н.К. Байбаков и А.К. Кортунов.

Таким образом, попытки томских властей инициировать разработку месторождений не увенчались успехом. В проекте Директив на восьмую пятилетку (1966–1970 гг.) создание нефтедобывающей промышленности в Томской области не планировалось. Наряду с объективными факторами (неопределенность с запасами и проблемы финансирования) это можно объяснить и отсутствием у руководства области достаточных возможностей для лоббирования томских интересов в «центре». Несмотря на наличие и у Марченко, и у его предшественника на этом посту В.А. Москвина «дополнительных атрибутов партийно-государственного влияния» (оба были членами ЦК КПСС и депутатами Верховного Совета СССР), в конфликте интересов между томскими и тюменскими партийно-хозяйственными элитами центр встал на сторону тюменцев [13. С. 107]. Стоит признать, что в отличие от секретарей Тюменского обкома партии Б.Е. Щербины и А.К. Протозанова, у руководителей Томского обкома не оказалось влиятельных покровителей. Кроме формальных атрибутов, несомненно, важных для лоббирования региональных интересов, секретарю обкома необходимо было «обрасти» личными связями. «Хорошо, когда есть возможность рассчитывать на сильного, – признавался А.К. Протозанов. – А это в немалой степени зависит от того, каков уровень вашей коммуникабельности, насколько развиты межличностные и межслужебные связи, посредством которых достигается благая цель с наименьшими издержками и не в обход законов, а именно в обход бюрократических рогаток, которых в нашей жизни, увы, еще немало» [14. С. 12–13].

В августе 1965 г. «Главтюменнефтегаз» вошел в Тюменский обком КПСС с предложением о целесообразности разработки Соснинского месторождения. После одобрения данной инициативы в Александровский район была направлена группа тюменских специалистов. На встрече с И.Т. Марченко тюменская делегация предложила провести пробную эксплуатацию месторождения силами НПУ «Мегионнефть». Аргументами послужило наличие у НПУ опыта и необходимых технических средств, в отличие от соседей, у которых не оказалось ни того ни другого. И, наконец, немаловажное значение имело то обстоятельство, что месторождение частично было приурочено к Нижневартовскому поднятию, и таким образом оказалось географически приближенным к месту дислокации НПУ, находившемуся всего в 30–40 километрах от него.

В сентябре 1965 г. начальник НПУ «Мегионнефть» Б.И. Осипов получил приказ о направлении нефтепромысловиков на месторождение для подготовки его к пробной эксплуатации. Но вмешалась погода, и оборудование не удалось доставить на место. 13 декабря 1965 г. начальник «Главтюменнефтегаза» В.И. Муравленко подписал приказ о создании Александровской конторы бурения с базированием в с. Соснино Тюменской области, расположенном в 30 км от Нижневартовска и 60 км – от с. Александровское в Томской области.

Как могли развиваться события далее, можно только догадываться. Но в ноябре 1965 г. произошла ротация первых секретарей Томского обкома партии: на смену И.Т. Марченко был рекомендован Е.К. Лигачёв. Немаловажное значение имел тот факт, что к этому времени Егор Кузьмич приобрел не только опыт партийной работы в регионе (в 1959–1961 гг. был секретарем Новосибирского обкома КПСС), но и аппаратной работы в Москве. В 1961–1965 гг. он последовательно занимал должности заведующего сектором, заместителя заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР, заместителя заведующего Отделом партийных органов по промышленности РСФСР [15. С. 107].

По собственному признанию Лигачёва, назначение в Томск он принял без восторга, однако впоследствии

вспоминал свое восемнадцатилетнее пребывание на посту первого секретаря обкома КПСС как самое интересное время. Принято считать, что именно тогда (а во многом благодаря ему) Томская область и «встала на крыло». В эйфории от следовавших чередой открытий нефтяных и газовых месторождений “вдохновитель и организатор многолетней нефтяной Томской одиссеи” “грозился” догнать даже Тюмень», будучи уверенным, что на территории области будут открыты «новые Самотлоры» [16. С. 98]. Эту уверенность разделяли и ученые: так, академик А.А. Трофимук в газетном интервью в январе 1966 г. утверждал, что «по своему богатству томские месторождения не отличаются от тюменских, а с точки зрения освоения и промышленной эксплуатации предпочтительнее тюменских» [17].

В декабре 1965 г. в течение трех дней Е.К. Лигачёв вместе с Н.Г. Рожком «инспектировал» Васюганскую и Александровскую нефтеразведочные экспедиции. 19 декабря в с. Александровском на совещании с участием начальника «Главтюменнефтегаза» В.И. Муравленко, специалистов Главка и Геологоуправления после изучения материалов по Соснинскому месторождению было принято решение приступить в 1966 г. к его пробной эксплуатации [18. С. 19].

13 января 1966 г. в составе «Главтюменнефтегаза» в Александровском было организовано НПУ «Томскнефть». В том же месяце Е.К. Лигачёв и Н.Г. Рожок обратились в правительство СССР с проектом Постановления «О дальнейшем развитии геологоразведочных работ на нефть и газ на территории Томской области» [19. Д. 18. Л. 1–2]. Это была вторая попытка «достучаться» до Правительства и добиться принятия положительного решения. Лигачёв убеждал, доказывал, и ему удалось изменить отношение к томской нефти в Москве. Томичи отмечают, что сами понятия «томская нефть» и «томский газ» обязаны своим появлением именно «первому», сумевшему сконцентрировать все ресурсы – материальные, финансовые, кадровые для решения стратегической задачи – развития в области нефтяной промышленности [20].

29 апреля 1966 г. Совет министров СССР принял Постановление «О дальнейшем развитии геологоразведочных работ на нефть и газ на территории Томской области». Документ обязал Министерство нефтедобывающей промышленности СССР организовать в 1966 г. пробную эксплуатацию скважин на Соснинском месторождении и разработать мероприятия по ускорению ввода его в промышленную эксплуатацию. Министерство газовой промышленности, в свою очередь, должно было разработать технико-экономический доклад (ТЭД) об использовании Мыльджинского и других газовых месторождений Томской области [21. Д. 774. Л. 26–28]. Институт «Гипровостокнефть» подготовил ТЭД с детальным обоснованием организации добычи нефти в регионе на период 1966–1980 гг. После экспертизы в Госплане РСФСР ТЭД был одобрен. Плановики согласились с наличием значительных промышленных и перспективных запасов нефти Соснинского месторождения, признали необходимым всемерно форсировать работы по доразведке месторождения и его обустройству [22. Д. 6831. Л. 112–126].

8 июня 1966 г. с опережением сроков была начата пробная эксплуатация месторождения, а 13 июня первые 2 тыс. тонн томской нефти были отправлены на Омский нефтеперерабатывающий завод. Таким образом, с 1966 г. сибирская нефть стала не только тюменской, но и томской.

Начало добычи томской нефти Е.К. Лигачёв рассматривал как свое первое зримое достижение в новой должности. Он быстро понял, что «перспективы развития области не в лесе, рыбе, пушнине, как это считало прежнее руководство, а в нефти и газе, и захотел иметь эти богатства в своих руках, управлять всем процессом поисков, разведки, добычи сам, а не через партийные органы соседней области» [16. С. 132]. Сам Егор Кузьмич позже признавался, что с учетом открытых геологами перспектив развития области ей действительно были необходимы самостоятельные органы управления отраслями хозяйства, возглавлять которые должны томские кадры. Лигачеву удалось убедить в этом и высшее партийное руководство. «Нужно открыть перспективу развития Томской области», – согласился с аргументами Лигачёва в личной беседе генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев [4. С. 37].

Первые 100 тыс. тонн нефти томичи добыли в июле 1967 г., а в 1969 г. рапортовали о первом томском миллионе. Определенные успехи были достигнуты и в обретении самостоятельности: в августе 1968 г., с созданием в Томске собственного геологического управления, местные геологи вышли из подчинения Новосибирску, а в 1977 г., с созданием производственного объединения «Томскнефть», нефтяники области перестали подчиняться Тюмени («Главтюменнефтегазу»).

Стремление томского руководства поднять роль области в создании ЗСНГК и открыть «собственные Самотлоры» вполне объяснимо. От этого зависел статус области со всеми вытекающими последствиями. И хотя по объемам нефте- и газодобычи томичи не смогли конкурировать с Тюменью, они внесли свой весомый вклад в создание ЗСНГК. Несмотря на соперничество партийно-хозяйственных элит, нефтяники и газовики обеих областей делали общее дело – укрепляли могущество страны. Поэтому выражение «Сочтёмся славой», вынесенное в заголовок статьи, на наш взгляд, вполне уместно: к томичам не в меньшей мере, чем к тюменцам, относится оценка, прозвучавшая с трибуны XXV партийного съезда: «То, что было сделано, то, что делается в этом суровом крае, – это настоящий подвиг. И тем сотням тысяч людей, которые его совершают, Родина отдаёт дань восхищения и глубокого уважения» [23. С. 38].

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948–1990 гг.). Тюмень : ТюмГНГУ, 2005. 316 с.

2. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 4204. Оп. 4.
3. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1.
4. Главные геологи нефтегазового комплекса Томской области. Т. 1: Геологоразведочные предприятия // сост. В.И. Биджаков. Томск : Приобские ведомости, 2010. 688 с.
5. Государственный архив Тюменской области. Ф. 1903. Оп. 1.
6. Нефть и газ Тюмени в документах. 1901–1965. Свердловск : Средне-Урал. кн. изд-во, 1971. 480 с.
7. Крылов Г.В., Завалишин В.В., Казакова Н.Ф. Исследователи природы Западной Сибири. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1988. 352 с.
8. Биография Великого подвига. Тюменская геология. Годы. Люди. События. (1953–2003). Екатеринбург, 2003. 688 с.
9. Салманов Ф.К. Сибирь – судьба моя. М. : Молодая гвардия, 1988. 318 с.
10. Редикульцев В.Ф. Рождение Нефтеюганска // Открытые горизонты / ред. А.М. Брехунцов, В.Н. Битюков. Тюмень : СибНАЦ, 2005. Т. 5. 272 с.
11. Худобец М. Увертюра к нефтяной симфонии // Северная Звезда. 2007. 1 сент.
12. Приль Л.Н. Всякий экспромт должен быть хорошо подготовлен. Занимались ли в Томске «нефтянкой» до Лигачёва? // Недра и ТЭК Сибири. 2015. № 2. С. 28–31.
13. Некрасов В.Л., Стафеев О.Н., Хромов Е.А. Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): экономические и институциональные аспекты развития / под науч. ред. проф. В.П. Зиновьева. Ханты-Мансийск : Издат. дом «Новости Югры», 2012. 136 с.
14. Комгорт М.В., Майданов В.С. Лидер нефтегазовой революции (к 100-летию А.К. Протозанова). Тюмень : «Сибирский издательский дом», 2013. 520 с.
15. Соболев Н., Чернев А. Состав руководящих органов Центрального комитета партии – Политбюро (Президиума), Оргбюро, Секретариата ЦК (1919–1990 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 69–136.
16. Гурари Ф.Г. Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция – открытие века! Новосибирск : СНИИГГиМС, 1996. 144 с.
17. Красное знамя. 1966. 6 янв.
18. Худобец М. Быть или не быть томской нефти // Реальный сектор. Промышленно-экономический вестник. 2011. № 1.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 5598. Оп. 1.
20. Красное знамя. 2014. 14 янв.
21. Государственный архив Российской федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 100.
22. ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 8.
23. Материалы XXV съезда КПСС. М. : Политиздат, 1976. 256 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 мая 2016 г.

“THE GLORY FOR TWO”: THE PETROLEUM SIBIRIADA OF TOMSK AND TYUMEN. 1950S–1980S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 72–77.
DOI: 10.17223/15617793/408/10

Karpov Viktor P. Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: 7654321.58@mail.ru
Komgort Marina V. Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: 7654321.58@mail.ru

Keywords: Tomsk; Tyumen; oil; gas; geologists; oilmen; elite; competition; glory.

Systematic petroleum exploration in Western Siberia began in 1948. In 1953, the Berezovsky gas blowout announced the opening of the West Siberian oil and gas province. In 1960, the first oil field in Siberia (Shaim, Tyumen Oblast) was opened. In 1964, production of oil from fields in Tyumen Oblast started. In 1966, production of oil from fields in Tomsk Oblast started. Thus, in the 1960s—1980s, the West Siberian oil and gas complex (ZSNGK) included oil and gas not only in Tyumen, but also in Tomsk. The article describes: 1) the role of Tomsk geology in the opening of the new oil and gas province; 2) the decision on the production of oil in Tomsk Oblast; 3) the personal contribution to the development of the oil and gas industry of Tomsk Oblast; 4) the competition of Tyumen and Tomsk elites. The first inflow of oil in Tomsk Oblast (Kolpashevo) was obtained in 1954. After that exploration in the region increased. However, all exploration in Tomsk was transferred to the subordination of the Geological Department of Tyumen in 1958. The glory of the discovery of oil fields in Western Siberia was recognized only for Tyumen. It is not fair. The discovery of the Siberian fields should be considered as a result of joint activity of geologists of Tyumen and of Tomsk. In 1962, the first commercial oil field was opened in Tomsk Oblast near the boundary of Tyumen Oblast. The oil field was opened by the drilling crew of Nikolay Ponomarev. It was called Sosninskaya. Thereafter, the drilling volumes increased significantly. Nonetheless, attempts by the Tomsk authorities to initiate the development of own fields did not give results for a long time. In 1965, Yegor Ligachev was appointed the first secretary of the Tomsk Regional Party Committee. He was able to get the decision on the production of oil in Tomsk Oblast. On 29 April 1966, the Council of Ministers of the USSR adopted a resolution “On further development of prospecting for oil and gas on the territory of Tomsk Oblast”. The document ordered the Ministry of Oil Industry of the USSR to organize a trial operation of wells on the Sosninskaya field in 1966 and to develop measures to speed up putting it into operation. In June 1966, oil production in Tomsk Oblast started. The desire of the leadership of Tomsk to increase the role of the region in creating ZSNGK is understandable. The status of the region with all its consequences depended on the volume of oil and gas production. Although Tomsk could not compete with Tyumen in the volume of oil and gas production, it contributed to the creation of ZSNGK. Despite the rivalry between the political and economic elites, oil and gas companies of both regions shared in the common cause – strengthened the power of the country.

REFERENCES

1. Karpov, V.P. (2005) *Istoriya sozdaniya i razvitiya Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa (1948–1990 gg.)* [History and development of the West Siberian oil and gas complex (1948–1990)]. Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University.
2. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 4204. List 4. (In Russian).
3. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. (In Russian).
4. Bidzhakov, V.I. (2010) *Glavnye geologi neftegazovogo kompleksa Tomskoy oblasti* [Chief geologists of the oil and gas complex of Tomsk Oblast]. Vol. 1. Tomsk: Priobskie vedomosti.
5. State Archive of Tyumen Oblast. Fund 1903. List 1. (In Russian).
6. Smorodinskov, D.A. (ed.) (1971) *Neft’ i gaz Tyumeni v dokumentakh. 1901–1965* [Oil and gas of Tyumen in documents. 1901–1965]. Sverdlovsk: Sredne-Ural. knizhnoe izdatel’stvo.

7. Krylov, G.V., Zavalishin, V.V. & Kazakova, N.F. (1988) *Issledovateli prirody Zapadnoy Sibiri* [Researchers of the nature of Western Siberia]. Novosibirsk: Novosib. knizhnoe izdatel'stvo.
8. Kalin, V.M. (2003) *Biografiya Velikogo podviga. Tyumenskaya geologiya. Gody. Lyudi. Sobytiya. (1953–2003)* [The Great Deed biography. Tyumen geology. Years. People. Events]. Ekaterinburg: Sred.-Ural. knizhnoe izdatel'stvo.
9. Salmanov, F.K. (1988) *Sibir' – sud'ba moya* [Siberia – my destiny]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Redikul'tsev, V.F. (2005) Rozhdenie Nefteyuganska [The birth of Nefteyugansk]. In: Brekhuntsov, A.M. & Bityukov, V.N. (eds) *Otkrytye gorizonty* [Open horizons]. Vol. 5. Tyumen: SibNATs.
11. Khudobets, M. (2007) Uvertyura k neftyanoy simfonii [The overture to the oil symphony]. *Severnaya Zvezda*. 1 sent.
12. Pril', L.N. (2015) Vsyakiy ekspromt dolzhen byt' khorosho podgotovlen. Zanimalis' li v Tomske "neftyankoy" do Ligacheva? [Every impromptu should be well prepared. Has Tomsk been engaged in "oil industry" before Ligachev?]. *Nedra i TEK Sibiri*. 2. pp. 28–31.
13. Nekrasov, V.L., Stafeev, O.N. & Khromov, E.A. (2012) *Neftegazovyy kompleks SSSR (vtoraya polovina 1950-kh – pervaya polovina 1960-kh gg.): ekonomicheskie i institutsional'nye aspekty razvitiya* [The oil and gas industry of the USSR (second half of the 1950s – first half of the 1960s): Economic and institutional aspects of development]. Khanty-Mansiysk: Novosti Yugry.
14. Komgort, M.V. & Maydanov, V.S. (2013) *Lider neftegazovoy revolyutsii (k 100-letiyu A.K. Protozanova)* [The leader of the oil and gas revolution (the 100th anniversary of A.K. Protozanov)]. Tyumen: Sibirskiy izdatel'skiy dom.
15. Sobolev, N. & Chernev, A. (1990) Sostav rukovodyashchikh organov Tsentral'nogo komiteta partii – Politbyuro (Prezidiuma), Orgbyuro, Sekretariata TsK (1919–1990 gg.) [Composition of the governing bodies of the Party Central Committee – the Political Bureau (Bureau), the Organising Bureau, the Secretariat of the Central Committee (1919–1990)]. *Izvestiya TsK KPSS*. 7. pp. 69–136.
16. Gurari, F.G. (1996) *Zapadno-Sibirskaya neftegazonosnaya provintsiya – otkrytie veka!* [West Siberian oil and gas province – discovery of the century!]. Novosibirsk: SNIIGGiMS.
17. *Krasnoe znamya*. (1966) 6 January.
18. Khudobets, M. (2011) Byt' ili ne byt' tomskoy nefti [Tomsk oil: to be or not to be]. *Real'nyy sektor. Promyshlenno-ekonomicheskiy vestnik*. 1.
19. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5598. List 1. (In Russian).
20. *Krasnoe znamya*. (2014) 14 January.
21. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5446. List 100. (In Russian).
22. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-262. List 8. (In Russian).
23. CPSU. (1976) *Materialy XXV s"ezda KPSS* [Proceedings of the 25th Congress of the CPSU]. Moscow: Politizdat.

Received: 14 May 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 78–84. DOI: 10.17223/15617793/408/11

УДК 94(47+57) + 94(575) + 329(09) + 339.1–051(09) + 930.25

А.В. Кочнев

ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XVIII в. СО СТРАНАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ «В БУХАРИЮ И В ПРОЧИЕ ГОРОДА ИЛИ ПРОВИНЦИИ К НЕЙ ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ, КАКО Ж В ХИВУ И ДРУГИЕ МЕСТА»

Статья посвящена начальному периоду торгово-экономических взаимоотношений Российской империи и Азиатских ханств. Рассматриваются политика Петра I, неудачная миссия А. Бековича-Черкасского. Анализируются цели политики в регионе. Работа опирается на опубликованные источники XVIII в., а также подробно представлены материалы неопубликованного источника из архива ИРИ РАН. Дана попытка анализа данного источника, установление датировки и авторства документа. Изучение данного источника позволяет сделать выводы о перспективах взаимоотношений Уральского региона с Азиатскими ханствами. Статья дает возможность изучить ошибочность некоторых выводов в планировании военных походов на территорию ханств, а также проследить эволюцию изменения роли ханств для внешней политики Российской империи в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: Российская империя; Средняя Азия; ханства; Хива; Петр I.

В современной исторической науке введение в научный оборот новых письменных исторических источников по истории XVIII в. не является уникальным явлением, так как огромные массивы источников данного периода уже проанализированы и активно используются. Однако целый ряд источников, связанных с историей взаимоотношений России и Средней Азии, до сих пор остаются малоизученными. Это является особым упущением в контексте анализа активного развития данных взаимоотношений именно с начала XVIII в. Данное направление активно развивал Петр I, впервые в истории организовав разведывательные экспедиции в Хивинское и Бухарское ханства.

Естественно, главной целью Петра I в этом направлении являлся поиск пути в Индию, о несметных богатствах которой он грезил с начала своего правления. Однако именно территории азиатских ханств стали своего рода «буферной зоной» между желаниями монарха и территорией Индии, колонизацией которой активно занималась Британская империя.

Осознание невозможности активной экспансии в Индию без установления дипломатических отношений с ханствами вынудило Петра I на решительный шаг по реализации экспедиций и дипломатических миссий, положивших начало изучению региона азиатских ханств, а также анализу перспективы торгово-экономических взаимоотношений.

На сегодняшний день особенно интересным становится изучение данного периода с учетом знания истории активной экспансии Российской империи в этот регион в XIX в.

Политическая ситуация в России в первой половине XVIII в. характеризуется главным образом петровскими преобразованиями и Северной войной. Реформы, осуществленные Петром I, оказали глубокое влияние на последующее развитие России.

Российская империя первой половины XVIII в. существенно отличалась от отсталой в хозяйственном, военном и культурном отношении России XVII столетия. Отличалась как наличием более развитой промышленности, централизованными и упорядоченными административными учреждениями, так и первоклассными армией и флотом, светскими школами и общим подъемом науки и культуры.

Основной задачей внешней политики России после Азовских походов стало овладение берегами Балтийского моря, находившимися во власти шведов.

Политика же России в районе Каспийского моря и Закавказья диктовалась серьезными экономическими и политическими интересами:

1. Через Астрахань были установлены торговые связи со среднеазиатскими ханствами, а также с Ираном и Закавказьем. Турция, пользуясь ослаблением Ирана, стремилась расширить свои границы на Кавказе, что представляло угрозу для русских в Прикаспии.

2. Армяне и грузины неоднократно просили русское правительство принять их в русское подданство для защиты от иранского и турецкого гнета.

3. Окончание Северной войны позволило России активизировать свою политику в этом районе. В первой четверти XVIII в. укрепляются связи России с народами Закавказья. Армения, Грузия и Азербайджан издавна являлись для турок и иранцев объектами грабежа и жестокой эксплуатации [1. С. 205].

Однако в Центральной Азии русское правительство потерпело неудачу.

Первая попытка проникновения в Хорезм была предпринята именно Петром I в 1714–1717 гг. Петр послал небольшую экспедицию под начальством А. Бековича-Черкасского в Хиву. Князю было поручено склонить хивинского хана в русское подданство, а бухарского – к дружбе с Россией.

Экспедиция была неудачной, и почти все её члены погибли. После неудачной попытки уничтожить экспедицию Бековича-Черкасского в открытом бою хивинский хан решил достичь этой цели иным путем. Он убедил Черкасского разделить свои вооруженные силы на несколько частей якобы для лучшего обеспечения войска квартирами и продовольствием. Когда это было сделано, русские разделенные отряды подверглись вероломному нападению и были вырезаны.

Петра I прельщала возможность вновь изменить русло Амударьи и тем самым открыть доступ в Кас-

пийское море с возможным ведением торговли с отдаленными странами, а также поиск пути в Индию.

В 1713 г. из Хивы для встречи с Петром приехал некий Ходжа Нефес, который впоследствии поведал ему о плане овладения Хивою: для этого достаточно повернуть Амударью в старое русло, в Каспий, куда она и изливалась до тех пор, пока хивинцы, испугавшись бесчинств на море казаков Разина, не перегородили старое русло плотиной и не пустили реку в Арал. Также поведал он о золотом песке, который будто бы добывается при Амударье [2. С. 161].

Ходжа завлекал царя верноподданническими уверениями и золотым песком, не подозревая, что наибольшее впечатление произвели на Петра слова о перекрытом русле Амударьи и возможности повернуть ее обратно в Каспий, а следовательно, имея флот, проникнуть вглубь Азии и в Индию.

Начальником экспедиции от Астрахани в Хиву избран был лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручик князь Александр Бекович-Черкасский. По данным архивных документов от 14 февраля 1716 г. Петр поручил князю Бековичу целый ряд задач, которые надлежало выполнить во время похода в Хиву [3. Л. 58–61]. Проанализировав данный источник, можно выделить следующие задачи:

1. Исследовать прежнее течение Амударьи и, если возможно, опять обратить её в старое русло.

2. Склонить хивинского хана в подданство.

3. На пути к Хиве, и особенно при устье Амударьи, устроить, где нужно, крепости.

4. Утвердившись там, вступить в сношения с бухарским ханом, склоняя и его к подданству.

5. Отправить из Хивы, под видом купца, поручика Кожина в Индостан для проложения торгового пути, а другого искусного офицера – в Эркет для разыскания золотых руд.

Цели, поставленные перед Бековичем-Черкасским, создают впечатление удачной разведывательной и неагрессивной политики по отношению к Хиве. Однако перед исследователями открытым остается вопрос о неудаче данной миссии: является ли ключевым субъективный фактор личности князя, сыграли ли свою роль суровые погодные условия или же виной поражения первой Хивинской миссии России является агрессивная политика хана.

Почему же именно Хива стала объектом столь пристального внимания во внешней политике России? Именно Хивинское ханство вело наиболее агрессивную политику и являлось, несмотря на серьезное политическое влияние Бухары, негласным лидером в регионе. Заключение мира с Хивой означало подчинение всех Азиатских ханств, которые вели друг с другом ожесточенное противостояние.

Приведем заключение по итогам экспедиции генерал-лейтенанта Шуберта и начальника отделения полковника Фолтон-де-Верасона: «По соображении вышеупомянутых обстоятельств нельзя не вынести следующего заключения:

1. Что поход чрез безводную и бескормную степь, на расстоянии 1 350 верст, пройденных в два месяца без всяких промежуточных пунктов, где бы были сделаны запасы, даже с трехтысячным отрядом и артиллериею русскому войску возможен.

2. Что хивинцы с 24 тысячами свежих всадников не могли расстроить утомленное изнурительным походом войско в 10 раз их слабейшее и, наконец,

3. Что неудачная развязка похода была делом случая и крайней неосторожности князя Бековича» [4. Л. 9–16].

Нельзя не согласиться с данным заключением. Возможность успеха первой Хивинской экспедиции, снаряженной Петром I, была крайне высока. Однако ряд субъективных факторов, таких как личностные качества начальника экспедиции, неподготовленность к незнакомым погодным условиям, агрессивное и бесчестное ведение военных действий Хивинским ханом, привели к полному провалу миссии.

Современные исследователи данной проблемы также считают, что Бекович прекрасно осознавал все риски предприятия, а основная причина, по которой он позволил хивинцам обмануть себя, – это не что иное, как отсутствие альтернативы и истощенность сил отряда [5. С. 12–20].

Интересно, что многие последующие карательные экспедиции и экспансии российское общественное мнение воспринимало как «месть за Бековича».

В данный период еще нельзя говорить даже о начальном этапе складывания дипломатических отношений между Россией и Хивой, так как международная политика была обусловлена в основном вооруженными конфликтами и противоречиями. Все попытки переговоров сводились к агрессии, а финальная попытка стоила жизни практически всему войску.

Однако невозможно однозначно судить о бесполезности данной миссии.

Первая Хивинская экспедиция стала своего рода разведывательной операцией для будущих правителей, которые направят вектор своей внешней политики на Хивинское ханство. Она показала важность природно-климатического фактора и главенство роли личности в данном вопросе.

Кроме того, первая экспедиция показала необходимость не столько военной, сколько мирной дипломатической экспансии, а также установления взаимовыгодных торгово-экономических связей.

Начиная с катастрофического похода Бековича-Черкасского Россия продолжала снаряжать экспедиции в Центральную Азию, направляя послов и дипломатов как в Хиву, так и в два других узбекских ханства: Бухарское и Кокандское, между которыми в тот период шла открытая и жестокая конфронтация. Реакция правительства на поход Бековича была относительно безразличной, возможно, это было связано с тем, что неудача породила преувеличенные понятия о трудностях похода в Хиву [6. С. 3–10].

10 октября 1717 г. Петр I принял бухарского посла. Посол поздравил царя с победою над шведами и просил от имени эмира прислать в Бухару «девять шведок» и отправить послом «разумного человека». Петр воспользовался случаем и назначил послом в Бухару весьма образованного итальянца, служившего секретарем ори-

ентальной экспедиции посольского приказа, по имени Флорио Беневени. Ему поручено было утвердить русское влияние в Бухаре и «буде возможно заключить с нею оборонительный алианц» [6. С. 10].

Ф. Беневени приходит к выводу о невозможности заключения военного соглашения с Бухарой: «…а ежели б… та ханская и всего его двора и всех озбеков к тому склонность была совершенная, и то в дело поставить невозможно… что оной народ по природе весьма непостоянный и обманливый и что в первом часу говорит, на другой час от того запирается» [7. С. 23].

В марте 1723 г. он просил у Коллегии иностранных дел разрешения покинуть Бухару, так как считал свою миссию выполненной. Но разрешение на отбытие он получил лишь в 1725 г. Бухарские чиновники по разным причинам не давали разрешения на выезд, и Беневени стал искать способ побега. «…Хивинской хан Ширгазы… (тот же, которой был во время князя Бековича), – сообщает Ф. Беневени, – писал ко мне не-единократно и секретно… призывая и увещевая, чтоб я ехал чрез Хиву и его земли… без всякого сумнения, и обещал мне свободной проезд с пристойною честию и с провожатыми до границ российских, не нанося никакого вреда и убытка… И понеже я никоею мерою не хотел верить лживым обещаниям и предательным еловым Ширгазы хана, для того добрым способом всегда извинялся, что я не мог восприять такой путь…» [Там же. С. 27].

Несмотря на эти сомнения, это был единственный возможный вариант, 8 апреля 1725 г. Беневени бежит в Хиву.

Хивинский хан Ширгазы после Персидского похода искал примирения с Россией, опасаясь мщения за разгром экспедиции Бекович-Черкасского. В августе 1725 г. он направил в Россию вместе с русским посланником своего посла для примирения. «…в 23 дни, из Хивы к Яику, к Гурьеву городку, 30-го августа прибыл… где принужден был 8 дней по-отдохнуть». Вместе с ним прибыли 92 пленных участника похода Бековича. В декабре после семилетнего одиночного посольства Беневени прибыл в Москву с грамотами бухарского и хивинского ханов к Петру I, однако того уже не было в живых. Через два года Беневени отпускают на родину, откуда он на службу в Россию уже не возвращался [Там же. С. 30].

Таким образом, дипломатические отношения России и Хивы постепенно восстанавливались. Однако здесь скорее стоит говорить об уступках России. Удачным завершением своей миссии Беневени однозначно должен был быть обязан противостоянию Хивы и Бухары.

Любопытно отметить, что подобное положение дел в начале XVIII в. вынуждало многих «ученых мужей» того времени искать способ установления выгодных для Российской империи связей с ханствами.

Возможность изучить подобные изыскания дает нам уникальный документ, обнаруженный в архиве Института российской истории Российской академии наук (г. Санкт-Петербург) [8].

Само название данного источника «Способы на ведение коммерции в городах великого Могола в городе Балхе, который ныне есть пограничное, а прежде его был под владением помянутого Могола, и надлежал Индии. В Бухарию и в прочие города или провинции к ней принадлежащие, како ж в Хиву и другие места» позволяет исследователю понять экономический подтекст документа.

В результате исследования было выявлено, что временем составления данного документа является 1727 г. В тексте не раз упоминается о событиях, которые разворачивались в «бухарах» в бытность там «посланника Его Императорского величества при помянутом Хане Абдулфеизе» (имеется в виду бухарский хан Абулфейз-хан (1687–1747)). Несомненно, в документе упоминается Флорио Беневени, находившийся в то время в Бухаре. Наиболее точно на датировку документа указывает фраза «ныне два года мунуло, как помянутый посланник выехал из Хивы» [Там же. Л. 1–2]. Разрешение на отбытие из Хивы Беневени получил в 1725 г., что совпало со смертью Петра I.

Таким образом, на момент написания документа Флорио Беневени уже отбыл из Российской империи. Кроме того, на датировку документа явственно указывает отсутствие упоминания в нем других экспедиций в Хиву или Бухару. Среди известных миссий выделяется «Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенную в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным» [9], о которой в документе не упоминается ни слова. Кроме того, необходимо отметить, что в документе очень ярко представлена историческая память о неудачном походе Бековича. Автор с сожалением говорит о провале миссии и обращается к «Его Величеству» с просьбой об отмщении. Это свидетельствует о двух фактах: во-первых, после неудачного похода прошло еще совсем мало времени и общественность не оправилась от потрясения, а во-вторых, обращение к государю в мужском роде: «ежели бы Его Величество изволил чинить справедливое свое отмщение над Хивою» определенным образом указывает на личность Петра II, взошедшего на престол в 1727 г.

Таким образом, источник не мог быть составлен позже 1740 г., а более конкретные факты, указывающие на время написания, позволяют сделать вывод о 1727 г.

Наиболее серьезной проблемой является установление авторства документа. В ходе исследования было сделано предположение о принадлежности авторства российскому государственному деятелю В.Н. Татищеву.

В.Н. Татищев мог иметь определенное представление о выгоде торговых отношений со Средней Азией, занимаясь во время своей деятельности на Урале пропускной системой для Ирбитской ярмарки, на которую съезжались представители купечества не только из Центральной России и Сибири, но и из Китая, и Средней Азии.

Любопытно отметить факт из биографии В.Н. Татищева, подтверждающий его заинтересованность в данном регионе. Кроме составления им книги «Северо-восточная часть Европы и Азия», спустя десять лет после появления на свет упомянутого источника, 26 мая 1737 г., он выехал из Екатеринбурга в Мензе-

линск, а оттуда в Самару, в штаб-квартиру Оренбургской экспедиции. Экспедиция имела большое значение в осуществлении политики России в Средней Азии и Казахстане и в освоении и изучении Оренбургского края. Именно в это время работы в Оренбургской комиссии Татищев приступил к составлению «Общего географического описания всея России», куда вошли многочисленные сведения и по Оренбургскому краю [10. С. 10–11].

Конкретное указание на автора мы получаем из книги Нила Александровича Попова, известного русского историка середины XIX в., изучавшего жизнь и деятельность В.Н. Татищева: «Потом у Татищева была еще рукопись, пожертвованная им также в библиотеку Академии Наук под следующим заглавием: Способы на ведение коммерции в городах великого Могола в городе Балхе, который ныне есть пограничное, а прежде его был под владением помянутого Могола, и надлежал Индии. В Бухарию и в прочие города или провинции к ней принадлежащие, како ж в Хиву и другие места» [11. С. 566].

Несмотря на конкретные указания, авторство данного документа остается под сомнением. Проблема графологического анализа почерка В.Н. Татищева заключается в большой вероятности диктовки документа. Не исключается существование документа в нескольких списках. Факт известности его в XIX в. подтверждается совпадением анализа Н.А. Попова с современным анализом.

Тем не менее это единственный факт упоминания и изучения данного документа, имеющего в себе конкретные прогнозы о завоевании Хивы. Любопытно, что обращение Н.А. Попова к данному документу не случайно, так как его значение актуализировалось с обострением внешнеполитической ситуации в регионе: в 1861 г. российская армия вела активные военные действия в Коканде, пытаясь восстановить свой авторитет после провального хивинского похода 1839 г.

Анализ документа в полной мере демонстрирует актуальность вопроса о ханствах. В соответствии с политикой Петра I и согласно мнению автора документа, именно нестабильная ситуация в Средней Азии является ключевой причиной, затрудняющей торговлю с Индией [8. Л. 4–5]. Поражает осведомленность автора как о внутриполитической ситуации в ханствах и всем регионе, так и о докладах Беневени, что также наводит на мысль о высоком статусе автора.

Изменение ситуации в регионе автор связывает с ослаблением власти в Бухаре и началом усиления кочевых узбеков («озбеков»), что приводит к раздробленности и обособленности отдельных провинций – главным образом Бадахшана. Отдельно присутствуют указания на существование у узбеков своего собственного хана, не подчиняющегося Бухаре. Ряд обособленных территорий, в том числе Ташкент, автор относит к владению чагатаев, отделяя их от узбеков. Любопытно отметить также, что в противостоянии между узбеками и «туркменцами» автор винит Абдулфеиз-хана и его децентрализованную власть [8. Л. 8].

В отдельную категорию риска выделены «киргизские казахи», или киргиз-кайсаки, представлявшие серьезную угрозу для положения в регионе. Именно этот этнос занимался поставками пленников в Хиву, захватывая их на подвластных Российской империи территориях. Кроме того, в документе упоминаются так называемые «черные калмыки» (т.е. джунгарцы), противостоящие киргизской орде и контролирующие территории от Кашгара до Самарканда. Описывается острая ситуация с возведением на самаркандский престол хивинского царевича Раджаб-хана, ведущего активную политику против Бухары, что, однако, не привело к положительному результату в силу раздробленности узбекских племен.

Подробному описанию противостояния узбекских родов выделено главенствующее место в документе, подробно рассмотрен период до нашествия Надир-шаха, что также свидетельствует о составлении документа до 1740 г.

Весь подробный исторический фон, представленный автором документа, демонстрирует возможность использования сложившейся ситуации российской коммерцией. Автор говорит о том, что ситуация вышла из-под контроля в последние два года, с момента возвращения посланника, и сегодня нельзя с точностью сказать, кто является правящей верхушкой в Бухаре. Однако автор уверен, что «ежели ныне в Бухарах государствует какой другой Хан доброго поступка, человек мужественный, ратный и всю власть имеющий; то можно свободно надеяться счастливой коммерции ради российского народу как в Могол в Индию, так и во всех других странах, при сем вышеупомянутых» [Там же. Л. 12].

Таким образом, ханства не являлись для Российской империи XVIII в. самоцелью внешней политики. Ситуацию в ханствах предполагалось использовать для развития торговли с Индией и реализации долгосрочного плана Петра Великого.

Кроме того, в силу хорошей осведомленности джунгарских (калмыкских) правителей о волнениях и беспорядках в государстве аштарханидов (Бухарское ханство) автор указывает на возможность захвата ими власти и считает это благоприятным для Российской империи, ссылаясь на сведения Беневени: «наилучше, ежели да он Хан и совершенно до ныне завладел той землею; токмо бы Его Императорское Величество соизволился обойтися с ним доброю корреспонденцией, понеже он Хан того всем сердцем желает, как посол его имел случай дать знать российскому посланнику будучи в бухарах» [Там же. Л. 14].

Касательно экономических взаимоотношений с ханствами автор настроен достаточно скептично, отмечая, что Хива и Бухара зависят от российских купцов и нуждаются в российских товарах. С прекращением торговли из-за случая с Бековичем в ханствах произошел спад экономики и «обнищание». Автор видит перспективу в дальнейшем развитии торговли, отмечает ее несомненную прибыльность и заинтересованность ханств в торговых отношениях, однако выстраивание торговых отношений затруднено тем, что правительство Хивы ожидает от Российской им-

перии мести за князя Бековича: «…опасаясь, дабы по времени когда его Императорское величество пожелает учинить отмщение [как все чаяли в бытность там посланникову] над землею хивинскою» [8. Л. 15–16].

Исходя из содержания документа, мы видим, что российская общественность ждала карательной экспедиции в Хиву от нового государя. Ситуация осложнялась и тем, что, по мнению автора, не могло быть речи об успешной коммерции, пока с Хивой и Бухарой не будет заключен дружественный договор, что в свою очередь невозможно, так как повредит авторитету Российской империи: «Однако ж сие примирение с Хивою народу российскому поставится в немалое умаление славы при тамошних народах, и не будет от них почитано мужество россйское, так как прежде всего они не токмо солдата, но и последнего купца почитали; и будут имети всегда причину говорить, якобы россияне потеряли свой кураж лишився монарха своего Петра Великого, которого имя гремело даже в Индиях и все тамошние земли страх имели» [Там же. Л. 17].

Проблема в заключении договора о торговле видится автору в том, что без новой карательной экспедиции и «справедливого отмщения» никакое соглашение не гарантирует безопасности российским подданным на территории ханств.

Таким образом, документ условно делится на две части. Первая посвящена внутриполитической ситуации в регионе, обоснованию необходимого контроля над ханствами и перспективам ведения коммерции с Индией посредствам ханств. А вторая – аргументации о необходимости военного похода, его планировании и реализации: «А ежели бы Его Величество изволил чинить справедливое свое отмщение над Хивою то конечно, не токмо в тех землях возставилось почтение и слава российскому народу, от которого имели тамо и страх; но еще утвердил бы на постоянном фундаменте благопохвальную коммерцию всех полуденных Индиев и сухим и водяным путем» [Там же. Л. 18].

Успешная карательная экспедиция в Хиву, по мнению автора, обеспечит стабильные взаимоотношения с Бухарой, защитит российских подданных, проживающих на смежных территориях, а также христианскую веру от «бусурманской». Кроме того, в документе выделяется целый ряд причин, по которым стоит произвести не просто карательный поход, а полностью овладеть Хивинской землей:

1. Создание в Хиве торговой базы для ведения коммерции с Индией.

2. Уничтожение «джелозии» (т.е. джизии: налог с немусульманского населения), от которой страдает немусульманское население ханства.

3. Снятие «варварского ига озбеков» с азиатских народов.

4. Контроль над торговлей и снижение рисков для купеческих караванов в связи с увеличением числа грабежей и убийств на караванных дорогах.

Исходя из данных целей, автор представляет невозможным отказ от завоевания Хивы и предлагает конкретные меры для реализации этих намерений (в перечне советов и рекомендаций используется негативный опыт похода Бековича. Возможно, что если бы при подготовке зимнего похода 1839 г. использовались именно эти рекомендации, а не сведения майора Бланкеннагеля и полковника Берга, то присоединение Хивинского ханства не затянулось бы до 1873 г.):

1. Необходимость ведения похода с помощью небольшого войска, соотносимого по численности с войском князя Бековича, что обосновывается невозможностью прокормить большое войско на скудных территориях ханств.

2. Признание отсутствия возможности генерального сражения с хивинцами из-за понимания ими технического превосходства русской армии.

3. Призыв к службе каракалпаков, проживающих на границе с Хивой, изгнание узбеков с территории ханства и заселение земель более лояльными к Российской империи каракалпаками.

4. Закладывание крепости на Амударье.

5. Освобождение дороги от Яика до Хивы и формирование поставок амуниции российским гарнизонам.

6. Осуществление обманного маневра для секретного наступления на Хиву: освобождение смежных территорий от «казахской орды», что обосновывается необходимостью ведения коммерции с Хивой и Бухарой.

7. Необходимость уничтожения «казахской орды» (имеются в виду киргиз-кайсаки) обосновывается также распространением работорговли в ханствах, а кроме того, обеспечением безопасного прохода в Хиву и Бухару как купцов, так и войск.

8. Для осуществления похода предлагается воспользоваться старой караванной дорогой от Яика к р. Сиир (имеется в виду р. Сырдарья), благодаря которой можно добраться до Бухары за 25 дней. Или дорогой от г. Тобольска к г. Туркестану с переправой через Сиир за 22 дня.

По мнению автора, одним из ключевых пунктов успешных торгово-экономических отношений являются построение коммуникаций в Каспийском море и «организация дорог над Аральским морем» (а также строение там судов) для ведения успешной торговли со странами Востока путем использования навигации по рекам Амударья и Сырдарья. Однако осуществлению подобных планов помешает политика Хивы, направленная на сбор джизии и контроль территорий. Таким образом, заключает автор, «установлению спокойной и полезной коммерции в оных странах генерально, надобно б обладать землею Хивинскою» [8. Л. 19–20].

В заключении автор делает вывод, что на сегодняшнем этапе ведение коммерции с ханствами возможно, только учитывая высочайшие риски, а также использование грамотных проводников и солдат астраханского гарнизона. В любом караване помимо самих купцов необходимо иметь до сотни вооруженных яицких казаков, что позволит сделать караванные пути более безопасными. Предлагается использовать караваны для добычи полезных сведений о коммерции с Индией.

Данный исторический источник является уникальным документом, позволяющим заключить, что уже в начале XVIII в. завоевание Хивинского ханства считалось необходимым и неизбежным. Таким образом,

после возвращения Беневени из Бухары Российская империя обладала достаточными сведениями о ханствах. Как известно, впервые сведения о хивинских пленниках и внутриполитической ситуации среди ханств в XVIII в. мы более подробно получаем из отчетов Гладышева и Муравина, а миссия Бланкеннагеля завершает XVIII в. в полной уверенности в необходимости завоевания Хивы. Это приводит к Зимнему походу 1839 г., закончившемуся катастрофой из-за неправильной интерпретации полученных сведений, дополненных в первой четверти XIX в.

Традиционно считается, что впервые открытое предложение о завоевании Хивы было озвучено майором Бланкеннагелем в 1795 г.: «…Нет нужды вооружать флота, посылать большие войска, употреблять великие издержки и проливать кровь; словом – овладение Хивою не будет стоить нам почти ничего, а сие ничего доставит России великие сокровища и, что лестнее, доставит народам тамошним безмятежность и спокойствие. Главнейшее затруднение в овладении Хивинскою областью состоит в том, чтобы туда пробраться; но если надлежащие меры приняты будут, то проход туда сделается весьма удобным. Я осмеливаюсь утвердительно сказать, что с пятью тысячами человек можно, без затруднения взять все хивинские владения, хотя Осбеки и прочие народы и стали в том препятствовать; но, для безопасности и к лучшему всех тамошних стран в спокойствии и тишине удержанию, можно бы туда переселить еще несколько тысяч казаков, а после того уже нечего будет опасаться» [12. С. 20].

Однако представленный выше документ позволяет сделать вывод не только о великолепной осведомленности о Хиве уже в начале XVIII в., но и о конкретных планах завоевания.

Сегодня мы можем пересмотреть существующую традицию, так как Российская империя уже в начале века обладала достаточными сведениями и серьезными планами по завоеванию Хивы, опираясь на которые, можно было совершить успешный поход на 100 лет раньше. Стоит, однако, заметить, что в XIX в. происходят смена приоритетов во внешней политике России и признание Британской гегемонии в Индии. Таким образом, если целью политики XVIII в. был захват территории ханств и создание там плацдарма для экспансии в Индию, то с течением времени ханства становятся самоцелью и начинают играть роль контраргумента на усиление Великобритании в регионе в зарождающемся противостоянии «Большой игры».

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирная история. Энциклопедия. М. : Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1958. Т. 5. 830 с.
2. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Л. ; М. : Книга, 1928. Т. 5. 418 с.
3. Центральный государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Д. 35. Ч. 1. Л. 58–61.
4. Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 1087. Д. 612. Л. 9–16.
5. Андреев А.А. Русло Амударьи, «песошное золото» или политика Петра Великого в Средней Азии // Петровское время в лицах – 2011: Труды Государственного Эрмитажа. XLVIII : материалы науч. конф. СПб., 2011. С. 12–20.
6. Терентьев М.А. Хивинские походы русской армии. М. : Вече, 2010. 448 с.
7. Воловников В.Г. Посланник Петра I на Востоке. М. : Наука, 1986. 159 с.
8. Научно-исторический архив СПб ИИ РАН. Ф. 115. Д. 410. Л. 1–21.
9. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 гг. Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851. 85 с.
10. Березина Г.П. Исследователи Оренбургского края. Оренбург, 1980. 21 с.
11. Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия / Сочинение Нила Попова. Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. : Типография В. Грачева и Ко, 1861. 803 с.
12. Замечания майора Бланкеннагеля впоследствие поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793–94 годах / Бланкеннагель. М. : Книга по Требованию, 2012. 32 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 апреля 2016 г.

PROBLEMS OF TRADE AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN THE RUSSIAN EMPIRE AND CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 78–84.
DOI: 10.17223/15617793/408/11

Kochnev Anton V. Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: a.kochnev.usu@gmail.com

Keywords: Russian Empire; Central Asia; Khanates; Khiva; Peter the Great.

In the early 18th century the Russian Empire was a powerful state experiencing a cultural and scientific boom and possessing a developed industry, structured and centralized administration, high-qualified armed forces, including the navy, and secular education. That state differed dramatically from the 17th-century Russia that fell behind time in economy, warfare and culture.In the 18th century, Russian diplomacy started to move in a new direction, of critical importance for Russia, towards relations with Asian states. For the whole century Russia was opposed by Central Asian Khanates, mainly by the Khiva Khanate. In this area, it was the expansion to India that had been put forward by Peter the Great as the main objective. The Russian emperor viewed the British colony as a land of immense riches. But the Khanates laid down as a buffer zone between the emperor's ambitions and the area that actually represented the sphere of influence of the British Empire. However, any kind of expansion to India was impossible without the establishment of diplomatic relations with the Khanates. Having realized that, Peter the Great set a course for active penetration into the region by means of expeditions and diplomatic missions, which opened the era of Central Asian studies in Russia and provided a demand for a thorough analysis of bilateral trade and economic cooperation perspectives. For Russia-Khanates 18th-century relations studies, the introduction of new primary sources into scientific use is both a necessity and a great chance for a researcher. Although a great number of the 18th-century documents have already been revealed and for contemporary historical studies it is definitely not a complete

singularity, plenty of sources related to Russia-Central Asia ties are still unexposed. One could view this as a considerable omission, as it was the 18th century, when the relations actually started to evolve. The course of Russia-Khiva relations in the beginning of the 18th century stimulated many Russian scholars of that time to seek the most favorable means of interaction with the Khanates. A great opportunity to review these studies is provided by the analysis of a unique document discovered in the Archive of the Institute of Russian History (Russian Academy of Sciences, St Petersburg). As a result of such an analysis, it can be concluded that Russian political and military elite in the early 18th century was not only well-informed on Khiva, but developed the plans of military expansion as well.

REFERENCES

1. Zhukov, E.M. (ed.) (1958) *Vsemirnaya istoriya* [World history]. Moscow: Izd-vo sots.-ekonom. lit-ry.
2. Rozhkov, N.A. (1928) *Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (osnovy sotsial'noy dinamiki)* [Russian history in the comparative-historical aspect (social dynamics bases)]. Leningrad; Moscow: Kniga.
3. Central State Military History Archive. Fund VUA. File 35. Part 1. Pages 58–61. (In Russian).
4. Central State Historical Archive of Georgia. Fund 1087. File 612. Pages 9–16. (In Russian).
5. Andreev, A.A. (2011) [The bed of the Amu Darya, "sand Gold" or the policy of Peter the Great in Central Asia]. *Petrovskoe vremya v litsakh – 2011: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha XLVIII* [Peter's time in persons – 2011: Proceedings of the State Hermitage 48]. Proceedings of the conference. St. Petersburg. pp. 12–20. (In Russian).
6. Terent'ev, M.A. (2010) *Khivinskie pokhody russkoy armii* [Khiva campaigns of the Russian army]. Moscow: Veche.
7. Volovnikov, V.G. (1986) *Poslannik Petra I na Vostoke* [The Messenger of Peter I in the East]. Moscow: Nauka.
8. Scientific and Historical Archive of St. Petersburg History Institute, RAS. Fund 115. File 410. Pages 1–21. (In Russian).
9. Khanykov, Ya.V. (1851) *Poezdka iz Orska v Khivu i obratno, sovershennaya v 1740–1741 gg. Gladyshevym i Muravinym* [The trip from Orsk to Khiva and back in 1740–1741 by Gladyshev and Muravin]. St. Petersburg: Tipografiya ministerstva vnutrennikh del.
10. Berezina, G.P. (1980) *Issledovateli Orenburgskogo kraya* [Researchers of the Orenburg region]. Orenburg.
11. Popov, N.A. (1861) *V.N. Tatishchev i ego vremya. Epizod iz istorii gosudarstvennoy, obshchestvennoy i chastnoy zhizni v Rossii, pervoy poloviny proshedshego stoletiya* [V.N. Tatishchev and his time. An episode from the history of the state, public and private life in Russia, the first half of the past century]. Moscow: Tipografiya V. Gracheva i Ko.
12. Blankennagel. (2012) *Zamechaniya mayora Blankennagelya vposledstvie poezdki ego iz Orenburga v Khivu v 1793–94 godakh* [Notes of Major Blankennagel after his trip from Orenburg to Khiva in 1793–1794]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu.

Received: 26 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 85–91. DOI: 10.17223/15617793/408/12

УДК 93/94

И.И. Кротт

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНОГО ОВЦЕВОДСТВА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1905–1920-е гг.

На основе опубликованных и архивных источников рассматриваются вопросы развития в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири культурного овцеводства в 1905–1920-е гг. Выявлены причины и условия формирования нового направления в сибирском овцеводстве, показана роль в этом процессе сельских предпринимателей, определена общая доходность овцеводческих предпринимательских хозяйств. Первая мировая война, революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война в итоге не создавали благоприятных условий для развития культурного овцеводства сельскими предпринимателями, а способствовали «свертыванию» организационно-хозяйственного новаторства. В 1920-е гг. государственная власть, ликвидировав самую высокотоварную часть сибирского животноводства в лице предпринимательских хозяйств, на их основе создала менее эффективные коллективные предприятия.

Ключевые слова: сельское хозяйство; животноводство; овцеводство; предпринимательские хозяйства; Западная Сибирь; Первая мировая война; революционные потрясения 1917 г.; Гражданская война.

В конце XIX – начале XX в. животноводство являлось важной отраслью сельского хозяйства Западной Сибири, а со временем, в условиях включения региона в систему всероссийского рынка и мирового хозяйства, – наиболее товарным направлением.

В сибирском животноводстве выделялись более узкие отрасли – по видам животных и составу продукции. В начале XX столетия в животноводстве регион имел преимущественно молочно-масляную специализацию. Но перспективной и быстро развивающейся отраслью являлось культурное овцеводство, которое давало многоотраслевую и ценную продукцию: мясо, сало, молоко, а также шерсть, шубные овчины, смушки, кожу и др.

Значимую роль в развитии культурного овцеводства в Сибири сыграли сельские предпринимательские хозяйства, которые оперативно отреагировали на благоприятную рыночную конъюнктуру и стали быстрыми темпами наращивать товарное производство.

Изучение истории аграрного производства в Западной Сибири, как и истории сельскохозяйственного предпринимательства, в исследуемый период начали современники, которые широко использовали данные текущей статистики. По мере накопления материала стали появляться работы, посвященные как аграрной истории региона в целом, так и отдельным отраслям сельского хозяйства, его организационно-производственным формам, в том числе и предпринимательским хозяйствам. Наиболее фундаментальный характер имеют работы Н.П. Огановского, А.А. Кауфмана, И.А. Асалханова, В.Г. Тюкавкина, Л.М. Горюшкина, А.А. Храмкова, П.Ф. Никулина, В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова, В.Н. Разгона, Н.Ф. Иванцовой и многих других исследователей [1. С. 7–48]. Приоритетное значение в разные периоды изучения получили вопросы аграрных преобразований в регионе, особенностей переселенческого движения, социальной структуры сибирской деревни, динамики сельскохозяйственного производства и его отдельных отраслей в условиях социально-экономических, политических и социокультурных трансформаций конца XIX – первых десятилетий XX столетий. Со временем, в результате изменения концептуальных подходов и проблемного поля исследований, актуальными стали вопросы влияния Первой мировой войны на различные отрасли сельского хозяйства, аграрной политики антибольшевистских правительств. Историографической новацией стало изучение сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири, и особенно в 1914–1920 гг. Среди работ, посвященных непосредственно состоянию и развитию животноводства в предпринимательских хозяйствах региона, следует отметить исследования В.А. Ильиных, В.М. Рынкова [1. С. 36–38]. Несмотря на это, ряд проблем остается недостаточно решенным. Так, например, требуют дополнительного изучения вопросы, связанные с динамикой и состоянием овцеводства в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири, технологией содержания животных, с мероприятиями сельских предпринимателей, направленных на улучшение племенных и продуктивных качеств животных.

В Сибирь культурное овцеводство стало проникать вместе с переселенческой волной, хлынувшей в регион после строительства Транссибирской железнодорожной магистрали [2. Л. 30 об.]. Толчком к переселению овцеводов с юга России стали «сильное вздорожание там земельных угодий и отсутствие для ведения крупного овцеводства достаточной величины пастбищ». Так, если в 1881 г. арендная плата за десятину выпаса на юге Российской империи колебалась от 90 коп. до 1 руб. 50 коп., то в 1911 г. она составляла уже от 8 до 9 руб. за десятину. Стоимость выпаса одной овцы в 1881 г. не превышала 1 руб., а в 1911 г. составляла от 3 до 4 руб. [3. С. 574]. Вследствие распашки пастбищ и повышения арендных цен на землю многие районы юга империи, ранее считавшиеся центрами овцеводства, вынуждены были ликвидировать до 70% своих овцеводческих хозяйств [4. Л. 9–11; 5. С. 4].

Был еще один неблагоприятный фактор, который ухудшил положение в отрасли в общеимперском масштабе. К концу XIX в. положение на мировом рынке шерсти резко изменилось в пользу таких стран, как Австралия, Новая Зеландия, Аргентина, располагавших исключительно благоприятными природными условиями для разведения овцеводства и ставших поставщиками дешевой тонкой и полу-

тонкой шерсти на европейские рынки. В итоге это привело к тому, что поголовье овец в России стало резко сокращаться.

Такое положение дел и заставило овцеводов «искать» новые земли для своих отар в других районах империи с целью снижения издержек производства. Наиболее благоприятным регионом, по мнению авторитетных специалистов того периода, была Западная Сибирь, главным образом ее южная часть, которая «манила» овцеводов из Европейской России «своим привольем степей и широким простором» [6. С. 258].

Первоначальным районом распространения культурного овцеводства в регионе являлась полоса, примыкавшая к Транссибирской железнодорожной магистрали между городами Омском и Петропавловском. Но со временем эта отрасль животноводства развиваясь, «отходила» от железной дороги вглубь степи, вверх по Иртышу, а также в Ишимский и Тюкалинский уезды Тобольской губернии [7. С. 190; 8. Д. 238. Л. 5].

«Пионером» культурного овцеводства в Западной Сибири был выходец из Таврической губернии Т.Е. Колмаков [9. С. 27]. В 1900 г. им были доставлены в его сибирское хозяйство, основанное на купленной и арендованной земле недалеко от Омска, 300 тонкорунных овец. Именно эти овцы, благополучно перезимовав, показали предпринимателю возможность ведения в регионе тонкорунного овцеводства в широких масштабах [10. С. 35].

Примеру Колмакова последовали и многие другие известные овцеводы Крыма, Кубани, Дона – В.И. Сыромля, А.И. Даниленко, А.Ф. Гехтерь, И.М. Левашов, Ф.М. Булгаков, Г.М. Попов, Я.И. Романенко, Г.И. Мазаев [11. Л. 3–3 об.]. В итоге только в районе западного участка Сибирской железной дороги к 1905 г. насчитывалось 15 предпринимательских хозяйств, занимающихся овцеводством в промышленных масштабах [12. С. 6–8].

В нашем распоряжении имеются интересные статистические данные ветеринарного врача М.Ф. Лозовских, который в 1904 г. обследовал эти предпринимательские хозяйства овцеводческого типа в регионе. В хозяйствах на момент обследования имелось 18 328 овец, среди которых тонкорунные овцы составляли 90,4% [7. С. 220]. Преобладали «мазаевская» и «испанская» породы, имелись и французские мериносы породы «рамбулье». Кроме тонкорунных овец, предприниматели в своих хозяйствах держали каракулей и овец киргизской породы [Там же. С. 192–194]. Часть животных была доставлена в Сибирь по железной дороге, часть гоном по степи через Оренбург [12. С. 6]. Новые климатические условия культурные породы овец переносили хорошо, особенных заболеваний не отмечалось [13. С. 79–80, 95–96, 108–110].

Овцеводов в Сибири беспокоила только одна проблема – это качество местного корма. Ковыльное (степное) сено, каким в большинстве случаев располагали предпринимательские хозяйства региона, хотя по своим удобоусвояемым качествам и являлось хорошим, но им не всегда можно было пользоваться. Семена ковыля после вызревания сильно загрязняли шерсть, а при попадании в глаза овцы даже вызывали слепоту [13. С. 80]. Это обстоятельство привело к изменению технологий заготовки кормов и содержанию животных в предпринимательских хозяйствах. Предприниматели, чтобы снизить процент выбраковки в своих отарах, вынуждены были заготовлять сено как можно раньше, до того как вызреет ковыль, а также выстригать овцам головы, чтобы при еде ковыль не так «приставал» к животным [Там же].

Следует отметить, что овцеводы стремились использовать вместо ковыльного больше лугового или залежного сена для того, чтобы уменьшить негативное воздействие ковыля на овец [Там же]. Другим средством борьбы с названным явлением предприниматели считали последовательную перепашку степи, которая не только устраняла из растительного покрова ковыль, но и вообще повышала урожайность трав [7. С. 211].

Продолжительность подножного кормления овец в предпринимательских хозяйствах в среднем составляла 206 дней (с 10 апреля по 3 ноября) и зависела от состояния снежного покрова. Во время стойлового периода кормили животных исключительно сеном из расчета 4 фунта в день на одну голову и содержали в теплых помещениях различного типа [Там же. С. 210, 212–214].

Район распространения тонкорунного овцеводства не имел естественных водопоев, и предприниматели вынуждены были сооружать колодцы. В 15 хозяйствах имелось 25 колодцев и 2 пруда с пресной водой, которые могли напоить от 1 до 20 тыс. овец [7. С. 215].

Для ухода за животными в хозяйствах имелись постоянные наемные рабочие – чабаны и пастухи. Первые, приехавшие вместе с предпринимателями из Европейской России, получали от 150 до 200 руб., вторые – от 60 до 120 руб. в год. Все рабочие находились на содержании у владельцев хозяйств [Там же. С. 218].

Стрижка овец производилась один раз в год – в середине мая. Стригли тонкорунных овец вручную ножницами. В предпринимательских хозяйствах проводили опыты по применению машин для стрижки овец, но они оказались неудовлетворительными, так как тонкорунные овцы имели большую сернистость шерсти [12. С. 8].

Разводившиеся в регионе новые породы овец отличались высокой продуктивностью. С одной овцы предприниматель мог получить, в зависимости от возраста и породы последней, в среднем от 11 до 26 фунтов немытой шерсти, лучшие бараны давали до одного пуда, а самки до 17 фунтов [Там же]. Для сравнения: выход шерсти у местной киргизской овцы в среднем был от 5 до 7 фунтов, а у овцы местной породы в Томской и Тобольской губерниях – от 3 до 4 фунтов [7. С. 15–16].

Об организации предпринимателями сбыта известно немногое. Шерсть, производившаяся в предпринимательских хозяйствах В.Р. Штейнгеля, С.Е. Острянина, И.Г. Нифонтова и других, продавалась в грязном виде в Харькове, Москве, Ростове-на-Дону по цене от 11 до 14 руб. за пуд [14. С. 3].

Некоторые предприниматели реализовывали шерсть в мытом виде. Т.М. Подковыров для мойки шерсть отправлял в Харьков, а затем через комиссионеров она продавалась там же, а иногда в Москве по 38–40 руб. за пуд. В Белгороде на мойке Соловьева продавалась шерсть из хозяйства Г.М. Попова от 36 до 43 руб. за пуд. В мытом виде шерсть реализовывали также С.Е. Острянин, Н.И. Ивашур [13. С. 109, 136, 142, 153]. Выделка каракулевых шкур производилась в Москве, а сбыт в Омске. Ежегодно Я.И. Романенко продавал до 300, а А.Ф. Гехтерь до 600 каракулевых шкур [Там же. С. 120]. Аналогичную схему реализации овчин имел и Ф.Ф. Штумпф [15. С. 67].

Сибирская шерсть мериносовых овец при промывке давала на 3,5 фунта больший выход чистой, нежели кавказская. И вообще, по мнению специалистов, она была чище, длиннее, тоньше и легче южнорусской шерсти, что объяснялось как качеством корма, так и характером пастбищ [7. С. 222].

Важнейшим вопросом, несомненно, является вопрос о расходах по хозяйству, а вместе с тем и о его общей доходности. Систематизированных статистических данных по этой проблеме у М.Ф. Лозовских нет, да и не могло быть на момент обследования в 1904 г. хозяйств, которые находились в стадии становления. Известно, что годичный расход на содержание хозяйства у известных овцеводов – предпринимателей региона Я.И. Романенко и А.П. Бодылевского определялся в 1 600 руб., или 1 руб. 48 коп. на одну овцу [7. С. 219]. Последняя цифра была явно завышенной, так как в их хозяйстве имелась запашка в 80 десятин земли, а значит, часть общих расходов по аренде, обработке, постройкам должна приходиться и на нее. В чисто овцеводческом хозяйстве В.Ф. Фомина все расходы на содержание овец определялись в 1 400 руб. (на одну овцу – 1 руб. 04 коп.) [Там же].

В целом разведение тонкорунных овец в Сибири было прибыльным делом. От овцы в среднем на стадо, не считая стоимости приплода, получали от 1 руб. до 2 руб. 50 коп. чистого дохода, в хозяйстве «пионера» сибирского тонкорунного овцеводства Т.Е. Колмакова – 2 руб. (с учетом расходов на аренду земли, уход и зимнее содержание) [8. С. 28; 12. С. 8].

Такова была общая характеристика овцеводческих предпринимательских хозяйств на начальном этапе их становления в Западной Сибири. Но со временем в этой отрасли регионального животноводства произошли определенные изменения, и это подтверждается обследованием предпринимательских хозяйств Акмолинской области в 1912–1913 гг. Если в начале XX столетия основным направлением промышленного тонкорунного овцеводства в Западной Сибири являлось производство шерсти, то к 1912–1913 гг. овцеводство приобрело ярко выраженный мясо-шерстный профиль. В этом отношении деятельность предпринимателей – овцеводов Сибири соответствовала перспективам развития овцеводства в России [16. С. 3]. Доказательством этому служит изменение в соотношении разводившихся предпринимателями пород овец. Так, в 1904 г. преобладавшими породами были «мазаевская» и «испанская», которые отличались особым качеством и строением шерсти «с правильной извитостью отдельных очень тонких волосков и параллепипидообразною формою косичек, которые они образуют, соединяясь вместе по несколько» [7. С. 192–194].

В 1912–1913 гг. основной породой в предпринимательских хозяйствах становятся «рамбулье» и ее метисы как наиболее продуктивные в производстве мяса и шерсти. Некоторые предприниматели делали попытки разведения овец чисто мясных пород, но они оказались неудачными из-за местных кормов [17. С. 14].

Правда, изменение направления развития промышленного овцеводства в Западной Сибири почти не затронуло половозрастной состав овечьего стада. Процентное отношение в стаде баранов, валухов, маток и молодняка в 1904 г. было соответственно 4; 3; 66 и 27%; в 1912–1913 гг. – 3,9; 26,3; 54,2 и 15,6% [7. С. 220]. Значительный процент маток можно объяснить относительно большой смертностью ягнят, что являлось вполне понятным при местных климатических условиях и малодоступной помощи ветеринарных служб. Отсюда и возникала необходимость иметь большее количество маток для компенсации этой постоянной потери в приплоде. Малый процент ягнят в 1912–1913 гг. вызван также неурожайным 1911 г., когда многие предприниматели, желая по возможности сократить расходы на корм, специально оставляли некоторую часть овец яловыми [17. С. 15].

В начале второго десятилетия XX в., как и прежде, развитие тонкорунного овцеводства оставалось прибыльным делом. И не случайно поголовье овец в предпринимательских хозяйствах постоянно увеличивалось. Если в 1904 г. в 15 хозяйствах насчитывалось 18 328 голов тонкорунных овец, то в 1912–1913 гг. в 17 хозяйствах их было уже 46 001. При этом абсолютный прирост составил 27 673 овцы, а темп роста и темп прироста за этот небольшой промежуток времени соответственно 250 и 150% [18. Д. 294. Л. 236 об.].

Более того, успешное развитие овцеводства давало основание местным предпринимателям надеяться на открытие в регионе опытной станции по овцеводству, организацию сбытовых кооперативных товариществ, союзов и фабрик по переработке шерсти [9. С. 27].

Начавшаяся Первая мировая война внесла серьезные коррективы в развитие данной отрасли. В целом вопрос о динамике развития животноводства в регионе в годы войны в значительной степени решен. Начиная с 1920-х гг., общепринятой в отечественной историографии является точка зрения о том, что в военные годы поголовье животных продолжало увеличиваться, достигнув лучших показателей за весь дореволюционный период к 1916 г. В 1917 г. численность скота снизилась, но все равно превосходила довоенный уровень [18. С. 128; 19. С. 46].

В своих выводах исследователи опирались на репрезентативные материалы сплошных сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., сведения Центрального статистического комитета, экспертные материалы местных статистических органов.

В современной историографии, в целом признавая мнение предшественников, появляются исследования,

уточняющие некоторые аспекты данного вопроса [20. С. 126–157].

Динамика численности овец и коз, пересчитанная в территориальных рамках Сибирского края и зафиксированная в наиболее полном из статистических изданий 1920–1930-х гг. «Сборнике статистико-экономических сведений по Сибирскому краю», была следующей: в 1916 г. поголовье овец и коз увеличилось по сравнению с 1913 г. на 34%, а в 1917 г. – снизилось по отношению к предшествующему году на 5,9% [21. С. 40–43].

Однако мы не исключаем, что эти расчеты в целом не отражали реальной картины состояния отрасли в регионе. На динамику ее развития в военный период влияло множество разноплановых факторов – от состояния кормовой базы и климатического фактора до государственного регулирования рынка и внутрихозяйственного потребления в локальном сообществе.

В многочисленных источниках изучаемого периода неоднократно указывается на то обстоятельство, что с 1915 г. в Западной Сибири отчетливо наблюдается тенденция, связанная с сокращением скотоводства в предпринимательских хозяйствах либо переносом его в экономии, более удавленные от железной дороги. Все эти изменения сопровождались увеличением площади посевов в хозяйствах сельских предпринимателей. Во многом это была ответная реакция предпринимателей на возросший спрос со стороны военного ведомства на зерновые хлеба [22. Д. 157. Л. 49].

В годы Первой мировой войны владельцы предпринимательских хозяйствах животноводческого или смешанного профиля, занимаясь полеводством, разводили не только молочный и рабочий скот, но и «племенной материал» для улучшения местных пород животных [23. Д. 26. Л. 10–10 об., 49].

Осенью 1914 г. Акмолинское областное агрономическое совещание под председательством А.Н. Неверова и при непосредственном участии предпринимателей-овцеводов С.Е. Острянина, Я.И. Романенко, А.И. Даниленко, осмотрев прибывших в регион реквизированных в Восточной Пруссии овец, приняло решение о создании племенных овчарен для разведения чистокровных мериносовых стад. Предполагалось распределить этих овец не только «среди хозяев-овцеводов, но и среди сельскохозяйственных обществ и скотоводческих товариществ, а также и тех хозяев, которые пожелают вновь организовать у себя мериносовое овцеводство» [24. Л. 1–1 об., 6–6 об.].

Для Акмолинской области было выделено 2 000 голов, Семипалатинской области – 1 000, Томской и Тобольской губерний – соответственно 500 и 300 голов. Реквизированные овцы, предназначенные для распределения в эти районы, временно отдавались на стойловое содержание в близлежащие к Омску предпринимательские хозяйства. Для этого были выработаны соответствующие правила ухода за ними, которые детально регламентировали даже рацион животных. За содержание овец предполагалось вознаграждение – 35% от общего приплода ягнят [Там же. Л. 1 об.–2 об.].

Из сохранившихся источников известно, что в зиму 1914–1915 гг. в хозяйстве И.М. Карзина было размещено 200 овец из числа реквизированных и выделенных Омскому отделу Московского общества сельского хозяйства для организации в Сибири племенного рассадника. Так как Омский отдел на тот момент еще не имел необходимых для этого помещений, то на время их строительства племенные овцы были размещены в хозяйстве предпринимателя [23. Д. 13. Л. 215–215 об.; Д. 28. Л. 68].

Весной 1915 г. распоряжением Акмолинского областного агрономического совещания в хозяйстве И.М. Карзина было оставлено 510 голов. Также было выделено 500 мериносовых овец предпринимателю-овцеводу И. Васильеву [25. С. 493].

Несмотря на сложности военного времени, как мы видим, сельские предприниматели были инициативны, стремились к качественным изменениям в своих хозяйствах.

Негативные последствия войны, прежде всего для сельских предпринимателей, проявлялись в нехватке наемных рабочих. В многочисленных заявлениях, которые отложились в архивных фондах, предприниматели прямо указывают на это обстоятельство. Вот некоторые типичные примеры: «…не имея рабочих рук <…> хозяйство мое клонится к разорению…» [26. Л. 1]; «…за неимением рабочих рук, мое хозяйство находится в критическом положении и в последующее время может прийти к совершенному упадку…» [Там же. Л. 37]. В трудах Омского отдела Московского общества сельского хозяйства за 1917 г. по этому поводу также отмечалось: «Шаткость, неуверенность в обеспечении рабочими руками хозяйства не дает сельскому хозяину заниматься его хозяйством. Он не знает, что ему делать: ликвидировать ли ему свое хозяйство или продолжать его» [27. С. 115].

В июле 1917 г. на заседании по вопросу ведения овцеводства в Акмолинской области многие предприниматели говорили, что именно из-за отсутствия необходимого количества рабочих рук, плохого снабжения сельскохозяйственной техникой и запасными частями к ней, заниженных твердых цен на продукцию они вынуждены были сокращать поголовье овец и площадь посева. Так, в хозяйстве С.Е. Острянина количество овец по сравнению с 1914 г. уменьшилось в 1917 г. на 25%, у П.Т. Леженкина – на 70% [28. Л. 47–51 об.].

Революционные реалии февраля 1917 г., а чуть позже приход к власти большевиков, еще более усилии негативные тенденции в развитии овцеводства. Несмотря на то что органы управления Временного правительства в регионах стремились максимально полно и быстро удовлетворить любые прошения или ходатайства сельских предпринимателей, помогая им, например, в охране прав на землю, возникали конфликтные ситуации. Так, летом 1917 г. в Акмолинской области имели место «аграрные трения» между местным населением и предпринимателями – овцеводами Ф.М. Остряниным, Т.М. Подковыровым, А.И. Даниленко и др. Крестьянское население предприняло несколько попыток к захвату покосов, но, принимая во внимание государственную значимость данных хозяйств, Акмолинской областной земельной управе

удалось мирным путем «уладить все недоразумения в этом направлении» [29. Л. 90]. Но достигнуть примирения не всегда удавалось без применения силы. В научной литературе отмечены случаи использования для этих целей и вооруженных воинских формирований [30. С. 456].

Установление в Сибири советской власти, последовавшие за этим боевые действия периода Гражданской войны также крайне неблагоприятно отразись на развитии овцеводства в предпринимательских хозяйствах. Больше всего пострадали хозяйства, расположенные в непосредственной близости к Транссибирской железнодорожной магистрали, так как отступающие «колчаковские» войска «угоняли за собой скот, расхищали имущество, особенно упряжной инвентарь и корма», а наступавшая Красная армия «вынуждена была из этих же хозяйств черпать свое продовольствие и фураж» [22. Д. 78. Л. 3; 3 об., Д. 157. Л. 50 об.; 31. Л. 71].

Свертывание предпринимательства в области животноводства началось еще в годы мировой войны, но особо ярко это стало проявляться с 1917 г., когда местное сибирское крестьянство, «притесняя» крупных владельцев и арендаторов земельных участков, создало «благоприятные» условия для раздела таких хозяйств.

К лету 1918 г. многие предпринимательские хозяйства, в том числе и племенные овцеводческие фермы, практически были безвозвратно разорены, так как земля была захвачена местным населением, сенокосные угодья перераспределены, а хозяйственные запасы изъяты государственными органами. Антибольшевистским правительствам не удалось воссоздать эти «былые очаги культурных начал». А в конце 1919 – начале 1920 г. на базе бывших предпринимательских хозяйств советские государственные органы образовали совхозы и колхозы, которые на этом этапе носили ярко выраженный потребительский характер.

Уполномоченные Омского губземотдела по итогам обследования бывших предпринимательских хозяйств в начале 1920 г. докладывали, что «все частновладельческие хозяйства сильно пострадали при отступлении белых: произведен их полный разгром, некоторые имения превращены в пепел. Почти изо всех хозяйств уведены лошади, угнан скот, почти полностью уничтожено тонкорунное овцеводство» [32. С. 29]. Так, в предпринимательском хозяйстве Я.И. Ремпенинга было угнано около 40 чистокровных племенных лошадей, а взамен оставлено 20 «никуда не годных лошадей». Военные зарезали до 80 племенных овец, всех поросят и всю птицу. Был расхищен фураж, инвентарь, продукты питания [33. Л. 26–26а].

Но еще раз подчеркнем, что действие партизанских отрядов и Красной армии в регионе имели также не менее тяжелые последствия.

В связи с этим говорить о качественных изменениях или количественном росте культурного овцеводства в регионе, в том числе в бывших хозяйствах сельскими предпринимателями, не приходится. Наоборот, наблюдались процесс деградации племенного дела, разорение овцеводческих экономий. Нехватка кормов, плохое состояние хозяйственных построек, распределение племенных животных среди местного населения – вот типичные проблемы основной массы советских хозяйств этого периода, образованных на базе бывших предпринимательских хозяйств овцеводческого типа.

И не случайно, что уже в 1920 г. на территории Сибири начал действовать декрет СНК от 19 июля 1918 г. о передачи в ведение земельных органов всех племенных животных, взятых военными учреждениями в результате многочисленных реквизиций и мобилизаций, а также захваченных у противника [21. С. 139]. А с осени 1920 г. началось объединение советских хозяйств региона, в которых имелись племенные овцы, в специализированные хозяйства. В результате этих преобразований, их непосредственным управлением занимался Сибирский земельный отдел, который централизованно решал вопросы кормообеспечения, ремонта и строительства хозяйственных помещений, сохранения поголовья животных. В итоге это привело к тому, что обозначилась тенденция постепенно роста поголовья овец в государственном секторе [Там же. С. 140].

Таким образом, культурному овцеводству, перспективной и динамично развивающейся отрасли сибирского животноводства, события революции, Перовой мировой и Гражданской войн нанесли огромный ущерб. Овцеводство в довоенный и дореволюционный период являлось высокотоварной частью предпринимательских хозяйств. Поэтому ориентированные на рынок сельские предприниматели вынуждены были в условиях политического кризиса и экономической нестабильности ликвидировать именно эту товарную часть своих хозяйств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). Омск, 2010.
2. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 391. Оп. 5. Д. 1097.
3. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1.
4. РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2033.
5. Кулешов П.Н. Овцеводство. Пг., 1916.
6. Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 г. Омск, 1912.
7. Материалы по экономическому обследованию районов Сибирской железной дороги. Животноводство. Томск, 1904. Вып. 1.
8. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГУТО ГАТ). Ф. 580. Оп. 1. Д. 238.
9. Обзор Акмолинской области за 1905 год. Омск, 1906.
10. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1907 год. Часть гражданская. Омск, 1908.
11. Центральный государственный исторический архив города Москвы. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2505 г.
12. Женин В. Тонкорунное овцеводство в Сибири // Нужды деревни. М., 1908. № 4.

13. Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. СПб., 1913.
14. Степной край (Омск). 1905. № 136.
15. Зашибина Е.Л., Киселев А.Г. Немецкие коммерсанты в Омском Прииртышье в начале XX века // Немцы. Россия. Сибирь / сост. и ред. П.П. Вибе. Омск, 1997.
16. Постановления Всероссийского съезда по овцеводству в Москве с 23 по 26 сентября 1912 г. М., 1912.
17. Зефиров Н. Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области. Омск, 1914.
18. Сельское хозяйство Сибирского края. Новосибирск, 1926. Вып. 1.
19. Ильиных В.А. Сельское хозяйство Сибири в 1920-е гг.: динамика и тенденции развития // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 2.
20. Рынков В.М., Ильиных В.А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013.
21. Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство.
22. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157.
23. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (далее – БУ ИсА). Ф. 119. Оп. 1. Д. 26.
24. ГУТО ГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 117.
25. Сибирское сельское хозяйство. Сельскохозяйственный и кооперативный журнал. Томск. 1915. № 15.
26. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9638.
27. Труды Омского отдела Московского общества сельского хозяйства. Омск, 1917. Вып. 1.
28. БУ ИсА. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 4.
29. Центр документации новейшей истории Омской области. Ф. 19. Оп. 1. Д. 134.
30. Горюшкин Л.М. К характеристике политики Временного правительства в сибирской деревне // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973.
31. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 184. Л. 71.
32. Антошин Ю.Г., Анисков В.Т. Совхозы Западной Сибири в годы первой пятилетки. Новосибирск, 1971.
33. БУ ИсА. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 746.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 апреля 2016 г.

DEVELOPMENT OF SHEEP REARING AT COMMERCIAL FARMS OF WESTERN SIBERIA IN 1905–1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 85–91.
DOI: 10.17223/15617793/408/12

Krott Ivan I. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: ivkrott@mail.ru

Keywords: agriculture; cattle breeding; sheep rearing; business households; Western Siberia; World War I; revolutionary shocks of 1917; Russian Civil War.

The article reviews points of development of sheep rearing at commercial farms of Western Siberia in 1905–1920. Reasons and conditions of forming the new direction in Siberian sheep breeding are identified, the role of country-side entrepreneurs in this process is shown. Methods of animal-keeping and animal-breeding are characterized, sheep rearing commercial farms over-all profitability is determined. It is emphasized that country-side entrepreneurs developed sheep rearing at their farms by changing the technology of sheep breeding, by setting various diets, by improving breeding and production properties of existing breeds. Farming entrepreneurs' complex measures for improving Siberian sheep breeding quality had a positive influence on the development of this sector of breeding. WWI brought serious changes. The war's negative consequences for country-side entrepreneurs appeared as lack of employable workers, bad supply line in farming machinery and its spare parts, lowered fixed prices for products, which forced entrepreneurs to lower the quantity of sheep and the sowing area. The 1917 Revolution events, followed by the Russian Civil War, enhanced the negative tendencies in sheep breeding development. Many commercial farms were almost irretrievably ruined, because land was occupied by local people, hay grounds were redistributed and resources were captured by state agencies. Anti-Bolshevik governments were not able to recreate the "former cultural hearths". In the end of 1919 – the beginning of 1920 Soviet state agencies used former commercial farms as bases to establish sovkhozes and kolkhozes which at this stage had an expressed consumption nature. During this period the Decree of People's Commissars Council on July 19, 1918 was enacted about transfer of all breeding animals the army establishments collected as a result of many requisitions and mobilization, captured from the enemy to land authorities. Later on, regional Soviet farms which had breeding sheep united into specialized farms. This allowed to centrally solve the problems of feed supply, repair works and construction of utility areas, saving the number of animals. After all, this led to a gradual increase of the number of sheep in the state sector. In conclusion are stated that cultural sheep breeding, perspective and dynamically developing Siberian animal breeding section, has suffered terrible damage from the events of Revolution, World War I and the Russian Civil War. Sheep breeding in pre-war and pre-revolution periods was the high-value part of business households. That is why market-oriented entrepreneurs were forced to liquidate this commodity part of their farms in the conditions of the political crisis and economic non-stability.

REFERENCES

1. Krott, I.I. (2010) *Sel'skokhozyaystvennoe predprinimatel'stvo: povedencheskie strategii i praktiki v usloviyakh transformatsii sibirskogo obshchestva (1914–1920 gody)* [Agricultural entrepreneurship: behavioral strategies and practices in the transformation of the Siberian society (1914–1920)]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
2. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 391. List 5. File 1097. (In Russian).
3. Tkhorzhevskiy, I.I. (1914) *Aziatskaya Rossiya* [Asian Russia]. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiya A.F. Marksa.
4. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 395. List 1. File 2033. (In Russian).
5. Kuleshov, P.N. (1916) *Ovtsevodstvo* [Sheep breeding]. Petersburg.
6. Medashkovskiy, V.S. (1912) *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Akmolinskoy oblasti na 1912 g.* [The memorial book and calendar of Akmola region for 1912]. Omsk: Akmolinskaya oblastnaya tipografiya.
7. Shvetsov, S.P. (ed.) (1904) *Materialy po ekonomicheskomu obsledovaniyu rayonov Sibirskoy zheleznoy dorogi. Zhivotnovodstvo* [Materials for economic survey of the area of the Siberian railway. Cattle breeding]. Vol. 1. Tomsk: T-vo "Pechatnya S.P. Yakovleva".
8. State Archive in Tobolsk (GUTO GAT). Fund 580. List 1. File 238. (In Russian).
9. Anon. (1906) *Obzor Akmolinskoy oblasti za 1905 god* [Review of the Akmola region for 1905]. Omsk: Tipografiya Akmolinskogo oblastnogo pravleniya.

10. Anon. (1908) *Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voyska za 1907 god. Chast' grazhdanskaya* [Report on the status of the Siberian Cossack troops for 1907. The civil part]. Omsk: Tip. shtaba Om. voen. okr.
11. Central State Historical Archive of Moscow. Fund 419. List 1. File 2505 g.
12. Zhenin, V. (1908) Tonkorunnoe ovtsevodstvo v Sibiri [Fine-wool sheep breeding in Siberia]. *Nuzhdy derevni*. 4.
13. Anon. (1913) *Zemli dlya konevodstva i skotovodstva v Aziatskoy Rossii* [Lands for horse breeding and cattle breeding in the Asian part of Russia]. St. Peterburg.
14. *Stepnoy kray*. (1905) 136.
15. Zashibina, E.L. & Kiselev, A.G. (1997) Nemetskie kommersanty v Omskom Priirtysh'e v nachale XX veka [German businessmen in the Omsk Irtysh region in the early twentieth century]. In: Vibe, P.P. (ed.) *Nemtsy. Rossiya. Sibir'* [Germans. Russia. Siberia]. Omsk: OGIK muzey.
16. All-Russia Congress on Sheep Breeding. (1912) *Postanovleniya Vserossiyskogo s"ezda po ovtsevodstvu v Moskve s 23 po 26 sentyabrya 1912 g*. [Resolutions of the All-Russia congress on sheep breeding in Moscow on 23–26 September 1912]. Moscow.
17. Zefirov. N. (1914) *Krupnye chastnovladel'cheskie i arendatorskie khozyaystva v Akmolinskoy oblasti* [Large private and tenant farms in the Akmola region]. Omsk: Izd-vo Pereselencheskogo upravleniya Akmolinskoyoblasti.
18. People's Committee of Agriculture of the RSFSR. (1926) *Sel'skoe khozyaystvo Sibirskogo kraya* [Agriculture of Siberia]. Vol. 1. Novosibirsk: Izd-vo "V pomoshch' zemle-del'tsu".
19. Il'inykh, V.A. (2006) Sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1920-e gg.: dinamika i tendentsii razvitiya [Agriculture in Siberia in the 1920s: dynamics and trends]. In: Demchik, E.V. (ed.) *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX veka* [The economic history in Siberia of the 20th century]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University.
20. Rynkov, V.M. & Il'inykh, V.A. (2013) *Desyatiletie potryaseniy: sel'skoe khozyaystvo Sibiri v 1914–1924 gg*. [A decade of shocks: agriculture of Siberia in 1914–1924]. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
21. Siberian Regional Statistical Department. (1927) *Sbornik statistiko-ekonomicheskikh svedeniy po Sibirskomu krayu* [Collection of statistical and economic information on the Siberian lan]. Vol. 1. Novosibirsk.
22. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-13. List 1. File 157. (In Russian).
23. Historical Archive of Omsk Oblast (BU IsA). Fund 119. List 1. File 26. (In Russian).
24. State Archive in Tobolsk (GUTO GAT). Fund 479. List 2. File 117. (In Russian).
25. *Sibirskoe sel'skoe khozyaystvo*. (1915) 15.
26. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. Fund 369. List 1. File 9638. (In Russian).
27. *Trudy Omskogo otdela Moskovskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva*. (1917) 1.
28. Historical Archive of Omsk Oblast (BU IsA). Fund R-1111. List 1. File 4. (In Russian).
29. Documentation Center of Modern History of Omsk Oblast. Fund 19. List 1. File 134.
30. Goryushkinб L.M. (1973) K kharakteristike politiki Vremennogo pravitel'stva v sibirskoy derevne [On the characterization of the Provisional Government's policy in the Siberian village]. In: Okladnikov, A.P. et al. (eds) *Voprosy istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Questions of the history of Siberia of the pre-Soviet period]. Novosibirsk: Nauka.
31. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1. List 1. File 184. Page 71. (In Russian).
32. Antoshin, Yu.G. & Aniskov, V.T. (1971) *Sovkhozy Zapadnoy Sibiri v gody pervoy pyatiletki* [State farms of Western Siberia in the years of the First Five-Year Plan]. Novosibirsk: Nauka.
33. Historical Archive of Omsk Oblast (BU IsA). Fund R-209. List 1. File 746. (In Russian).

Received: 19 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 92–98. DOI: 10.17223/15617793/408/13

УДК 929:94(57)

А.В. Мананков

РОЛЬ ИДЕЙ СОРАТНИКА В.И. ВЕРНАДСКОГО – Р.С. ИЛЬИНА – В СОЗДАНИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ НЕФТЕГАЗОНОСНОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Рассматриваются разные аспекты 60-летней истории изучения природы и полезных ископаемых Западной Сибири, которые связаны с пионерными научными исследованиями природы края Р.С. Ильина – друга акад. В.И. Вернадского, сосланного в Нарым. За десять лет, прожитых в Томске, он создал новую науку геоморфологию, основанную на разработанном эпигенологическом принципе, и доказал альтернативную общепринятым представлениям профессуры перспективность нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности, особенно исследованной им части водосбора среднего течения р. Оби.

Ключевые слова: геологическая среда; геоморфология; почва – биокосная материя биосферы; эпигенез; экологические функции; механизмы преодоления кризисов.

Имя Ростислава Сергеевича Ильина (1891–1937) принадлежит к редкой плеяде ученых-энтузиастов XX в., основоположников новых наук о Земле, которые позволяют открывать новые горизонты природных ресурсов и познавать экологические функции биосферы и геологической среды. В этом ряду – В.И. Вернадский, М.А. Усов, И.К. Баженов, Ю.А. Билибин, В.А. Обручев, В.А. Хахлов, М.И. Кучин и др. Несмотря на профессиональные интересы каждого корифея, их объединяет общий методологический подход. В первую очередь, я его вижу в том, что свои объекты они рассматривали как сложные системы в геологическом пространстве-времени планеты. Их гениальная научная прозорливость проявилась в том, что они расширяли свои изучаемые системы за счет привлечения в них свежих новых знаний и методов из наук о Земле и других наук, что обеспечивало автономию и перспективы развития новых естественных наук и учений.

Р.С. Ильин – монументальная фигура в истории не только почвоведения, но и всего цикла наук о Земле. Ростислав Сергеевич – выпускник физико-математического факультета Московского университета. Слушал лекции В.И. Вернадского, А.П. Павлова, почвоведа А.Н. Сабанина, зоолога М.А. Мензбира, географа А.П. Анучина [1]. Кто же он – почвовед, геолог, гидрогеолог, геоморфолог, географ, палеогеограф? Всеми этими науками он занимался глубоко и профессионально, стремясь с помощью многочисленных частностей и деталей открыть общие сущности.

Вместе с тем он рано проникся идеями социальной справедливости и вступил в партию эсеров, за что и поплатились позже он и его и семья, когда к власти пришли большевики. Вот что пишет в автобиографии его сын – Игорь Ильин: «В 1927 году мы (мама, старшая сестра и я) приехали из подмосковного Пушкино в село Парабель Томской области к отцу, сосланному туда после очередного ареста. Хлопотами Вернадского и Губкина удалось добиться смягчения условий пребывания в ссылке. В декабре в крытом возке поехали в Томск. Морозы были трескучие, поэтому лица смазывали гусиным салом. Ехали пять дней, ночевали в сёлах. В 1928 году отец уехал в экспедицию, и мы вернулись в Подмосковье» [2].

В истории науки геоморфологии можно выделить три основных этапа. Первым основателем геоморфологии был китайский ученый Шень Ко (1031–1095 гг.), показавший трансгрессию моря и нашедший критерии изменения климата. В БСЭ основоположником современной геоморфологии значится немецкий геолог Ф. Рихтгофен. Он и другие его современники (У.М. Дэвис, Дж. Хаттон) видели ее среди *географических наук*, изучая циклы эрозии. Вальтер Пенк развил в 1920-х гг. альтернативную модель, основанную на соотношении подъемов и эрозии ландшафтов. Для основания геоморфологии в России большой вклад внесли П.П. Семенов-Тян-Шанский, П.А. Кропоткин, В.В. Докучаев, В.А. Обручев и др. Первую в России кафедру геоморфологии *геологического содержания* в 1918 г. в Петрограде возглавил видный тектонист, профессор М.М. Тетяев.

Основная теория Р.С. Ильина, показавшего роль геологических циклов в Западной Сибири и основавшего современную геоморфологию как комплексную науку, заключается в эпигенологическом принципе природы, разработанном как системный подход на основе синтеза и сближения таких наук о Земле, как почвоведение, и целого цикла наук биосферного естествознания [3].

Исследуя в суровых условиях Васюганья рельеф, геологическое строение, ландшафты и почвы, в 1927 г. он создал уникальную геоморфологическую карту территории Нарымского края, которая хранится в музее г. Колпашево. В 1930 г. он публикует в виде монографии фундаментальный труд «Природа Нарымского края (рельеф, геология, ландшафты, почва)». Резонанс книги оказался настолько серьезным, а научный уровень таким глубоким, что ее автора признали основателем геоморфологии Сибири. Другой описательной и справочной литературы по природе края не было, и поэтому чины из ОГПУ и НКВД должны были ее изучать в приказном порядке. В 1931 г. – новый (пятый по счету) арест на три года. Первые 9 месяцев ученый находился в следственной тюрьме (ныне мемориальный музей в г. Томске).

В 1932 г. Р. Ильин, лишенный права преподавания и экспедиционных работ на базе результатов 1927–1930 гг., высказывает необычное для профессуры предположение о перспективности Западно-Сибирской низменности на нефть и газ, прежде всего палеозойских (девонских) отложений, нежели мезозойских. Весной 1932 г. Ильин составляет докладную

записку для Западно-Сибирского геологоразведочного треста с научной аргументацией нефтеносности Западно-Сибирской равнины и настаивает на продолжении исследований с целью поисков нефти. Экспедиция летом 1935 г. в составе возглавляемой им Обь-Иртышской партии позволила на большом фактическом материале выделить перспективными на нефтеносность палеозойские и мезозойские отложения, обратив особое внимание на большую вероятность нефтяных и газовых месторождений в меловых отложениях бассейна среднего течения р. Оби.

На основе анализа результатов своих исследований им читались курсы лекций по геологии, геоморфологии, почвоведению в Сибирском геологоразведочном институте и Томском государственном университете, где он в то время преподавал.

Важный вклад внес Р.С. Ильин в научно-исследовательскую и научно-образовательную деятельность Томского краеведческого музея, где он собрал и обработал большие коллекции почв региона. Были выпущены «Труды Томского краевого музея». III том целиком посвящен проблемам геологии и почвоведения края. По этим материалам Ильиным был разработан и прочитан курс лекций в лектории музея.

В 1936 г. Р. Ильин совершил свою уникальную геологическую экспедицию, включив в её состав 12-летнего сына Игоря. «На вёслах, под парусом, иногда бечевой (по-бурлацки), под конец – на буксире баржи, которую тянул катер, геологи прошли по Томи и Оби от Томска до Салехарда более двух тысяч километров», – вспоминает Игорь. Эта экспедиция 1936 г., в составе которой был молодой геолог ГТУ Михаил Георгиевич Горбунов [4], будущий доцент кафедры динамической геологии и заведующий этой кафедрой, оказалась последней в жизни Р.С. Ильина (фото 1). Вместе с тем полученные материалы позволили на этот раз еще более серьезно подтвердить потенциальную нефтеносность исследованной части водосбора среднего течения р. Оби. В «Вестнике Западно-Сибирского геологического управления» № 3 опубликована статья Ильина, ставшая последним его словом о сибирской нефти и опередившая жизнь на два десятилетия. Вывод статьи как образец исключительного научного предвидения сформулирован следующим образом: «Карта нефтяных месторождений Евразии должна быть перестроена – это только вопрос времени».

Однако в следующем году очередной арест, обвинение в организации контрреволюционной работы среди научных сотрудников, подготовке терактов. Тройка УНКВД от 25 августа 1937 г. учинила расправу: «Ильина Ростислава Сергеевича расстрелять за участие в японо-эсеровской диверсионно-шпионской террористической организации». Только 15 мая 1956 г. военный трибунал пересмотрел дело Ильина и постановление тройки отменил. Это было уже время реализации предвидений ученого. За два года до этого получены первые притоки нефти из Колпашевской скважины Р-2, а через четыре года – открыты Усть-Балыкское и Мегионское нефтяные месторождения. Они резко изменили отношение к Западной Сибири, и началось ее превращение в крупнейшую топливную и нефтехимическую базу страны.

Фото 1. Поездка в Васюганье. Р. Ильин и М. Горбунов (1936 г.)

Хотя все начиналось гораздо раньше. В самом начале XX в. компания «Нобель» впервые провела (безрезультатно) бурение в Минусинской котловине на р. Тее, где уже были обнаружены признаки нефтепроявления. В 1920 г. М.А. Усов дал отрицательное заключение по Западной Сибири, за исключением Кузбасса и Минусинской котловины. Затем почти сорок лет проводились комплексные геологопоисковые и геофизические работы (Д.Л. Степанов, В.Г. Васильев, Н.П. Туаев, М.К. Коровин, И.П. Карасев, Ю.К. Миронов, М.В. Шалавин и многие др.).

Профессор кафедры динамической геологии Томского госуниверситета М.И. Кучин, изучив состав подземных вод осадочного чехла Западно-Сибирской плиты, в 1940 г. первым обнаружил широкое распространение в них типичных для нефтяных месторождений подземных вод и сделал вывод о нефтегазоносности региона [5]. Его выводы уже не игнорировали и без защиты присудили ученую степень доктора наук.

Появились сводные научные работы И.М. Губкина и вышеуказанных геологов, что позволило в 1949 г. начать работы Западно-Сибирской экспедиции ВСЕГЕИ (Н.И. Ростовцев), в 1950 г. – нефтегазовой экспедиции Института нефти АН СССР под руководством С.Ф. Федорова. Они показали наибольшую перспективность западных, центральных и северных районов Западной Сибири. А в 1952 г. были созданы нефтеразведочные тресты «Тюменьнефтегеология» и «Запсибнефтегеофизика». В 1950-е гг. изучением Западной Сибири начали заниматься Всесоюзный нефтяной научно-исследовательский геологоразведочный институт (ВНИГРИ), СНИИГГИМС, ИГиГ СО РАН. А.А. Трофимук возглавил комиссию по проблеме закономерностей размещения нефтяных и газовых месторождений. В итоге в 1958 г. опубликована первая схема прогнозов гефтегазоносности, но она не подтвердилась результатами бурения. Известные геологи Н.А. Кудрявцев и М.К. Коровин доказали необходимость и разработали проекты бурения опорных параметрических глубоких скважин в различных частях низменности.

В 1962 г. В.П. Маркевич составил очередную прогнозную схему с учетом структурно-тектонического районирования Западной Сибири, которая, как показала жизнь, отвечает объективной действительности [6]. На всём пути маршрута поисковой партии Ильина 1936 г. пошла цепная реакция открытий вплоть до Салехарда. 15 апреля 1962 г. было открыто первое в Томской области промышленное Усть-Сильгинское газоконденсатное месторождение, 18 августа – крупное Советское месторождение, возвестившее о рождении Томской нефти.

Р.С. Ильин был воспитан передовой российской школой геоморфологии. Генетическое почвоведение, обладающее большим эвристическим потенциалом, послужило естественнонаучным и методологическим основанием для синтетической науки о биосфере. Высоко оценивая достижения естествознания XIX в., особенно подчеркивая при этом значение работ Лавуазье, Лайеля, Гельмгольца и других ученых, профессор В.В. Докучаев первым обозначил принципы и наметки будущей науки о биосфере. С почвоведением связано возникновение качественно новой интеграции биосферного естествознания и становление биогеохимического подхода к изучению взаимодействия человечества с биосферой. Опираясь на разработанные своим учителем В.В. Докучаевым понятия и принцип целостности природы, В.И. Вернадский выделил биосферу как интегральную оболочку Земли в качестве одного из высших этапов в развитии Космоса.

В 20–30-е гг. одновременно с В.И. Вернадским проблемами биосферы занимались и другие ученые, обосновавшие разносторонние новые методы ее изучения. Среди них видное место занимали идеи Р.С. Ильина. Стремясь устранить разрывы между науками, Р. Ильин разработал эпигенологический принцип изучения природы. Эпигенез (в геологии) – различные природные (вторичные) изменения и новообразования осадочных горных пород, полезных ископаемых, минералов после их образования. Приводит к образованию эпигенетических месторождений, наиболее характерных для руд радиоактивных, цветных и редких металлов, углеводородов. Известный геохимик и литолог Л.В. Пустовалов применил термин «эпигенез» для наименования позднедиагенетической стадии осадочного породообразования. Против такой узкой трактовки эпигенеза возражали М.С. Швецов, Н.Б. Вассоевич и др.

С методологических позиций эти идеи Р.С. Ильина созревали под влиянием философии коэволюции и всеединства, созданной в трудах российских ученых и мыслителей-космистов: В. Соловьева, Н. Федорова, Н. Рериха, Л. Толстого, А Чижевского [7]. Автор исходил из представления о ландшафте как об объекте эпигенеза и взаимной обусловленности всех процессов, формирующих ландшафты, сердцевиной которых является почва.

По современным понятиям эпигенологический принцип изучения природы – это исследовательский прием системного анализа, в котором системы одного уровня организации со своими механизмами и признаками позволяют анализировать свойства других уровней организации в сложных многоуровневых природных системах. Именно эти методологические особенности исследовательского подхода Р.С. Ильина делают его работы до настоящего времени актуальными и крайне интересными для современных исследователей. Внедряя методы и идеи почвоведения в геологию, Р.С. Ильин раскрыл естественно-историческую роль почвы в развитии Земли, определил место и значение почвы в природных системах как узла взаимосвязи и взаимообусловленности органического мира с неорганическим. Почва как открытая природная система развивается на материнских породах под воздействием солнечной энергии и разных факторов космоса. Она представляет продукт непрерывного динамичного вещественно-энергетического обмена. Начальная стадия – выветривание и вынос минеральных элементов биоактивных элементов. Вторая стадия – накопление и разложение органического вещества почвы. Третья – перенос органики в виде водных растворов и в форме коллоидов.

Четвертая – формирование почвенного поглощающего комплекса в результате физико-химических превращений в высокодисперсной органоминеральной среде с участием воздуха и воды суши. Здесь проявляются уникальные свойства живого вещества и его биогеохимические функции. Динамичность почв целиком увязывается с динамичностью биосферы. Например, на Луне нет почв и биосферы именно из-за отсутствия жизни.

Исходя из этого, Р.С. Ильин определил специфику места и значение почвоведения в науках о Земле и в системной интеграции биосферного естествознания в целом. Однако основная его теория не получила должного распространения. Это объясняется тем, что большинство его научных трудов остались в виде рукописей и хранятся в различных архивах. Но прошло время, и с конца 80-х выдвинутые научные идеи Р.С. Ильина получили дальнейшее развитие.

В томских университетах курс «Геоэкология» я начал читать студентам с 1994 г., с 1996 г. – курсы «Экология», «Мониторинг геологической среды», «Промышленная экология» и др., последние шесть лет читаю еще и курс «Быстропротекающие геологические процессы» [8]. В этих курсах есть разделы об истории дисциплин, и в них подчеркивается роль передовых идей российских ученых и философов в науках о Земле и биосферном мировоззрении, описываются зарождение новых методов, их современное состояние и перспективы. В наше время происходит создание новой концепции взаимоотношения с природой для предсказания стратегических рисков, бурно развиваются методы, заложенные Р.С. Ильиным: моделирования, классификации систем. На их основе создаются более современные идеи системного анализа и синтеза, теория катастроф, и в результате расширяются представления об экологических функциях компонентов биосферы и их перспективах. В основе новых представлений лежит современное понимание термина «геологическая среда», которое является развитием идей В.И. Вернадского, Р.С. Ильина о связи органического мира с внешними геосферами на протяжении всей историей планеты Земля [Там же].

Для геологической среды с позиции преимущественно инженерной геологи В.Т. Трофимов, Д.Г. Зилинг [9] выделили четыре экологические функции (ЭФ): ресурсную, геодинамическую, геофизическую, геобиохимическую. С учетом геологической истории биосферы нами предложено еще две: биоэволюционная и защитно-синергетическая [7, 8].

Биоэволюционная ЭФ характеризует особенности зарождения и развития жизни и процессов ее взаимодействия с костной материей (от прокариотов до млекопитающих и человека). Важный аспект этой ЭФ и в том, что живые организмы являются создателями почвы. После отмирания они могут накапливаться с образованием месторождений торфа, каменного угля, горючих сланцев, нефти, газа, известняков и т.п.

Развитие теории формирования месторождений проиллюстрируем на углеводородном сырье (УВС). Нефть и газ человек начал использовать лишь с начала XX в. Все это время продолжается совершенствование генетических гипотез. Выделено почти 700 разновозрастных перспективных осадочных бассейнов – континентальных, дельтовых, эпиконтинентальных и морских, океанических и переходных типов. Несмотря на бесчисленное количество работ, остается актуальной проблема исходных источников сырья для образования нефти и природных газов. Наиболее признанными являются до сих пор две альтернативные гипотезы: 1) органического синтеза УВС за счет отмершего органического вещества внутри осадочных толщ и 2) неорганического происхождения УВС в процессе глубинной дегазации горных пород мантии и базитов литосферы, радиальной миграции углерода и протонов (водорода) в форме углеводородных радикалов или нефти и газа при дальнейшей их миграции в проницаемых породах осадочных фаций и скоплении в структурных ловушках.

Современная теоретическая и экспериментальная геоэкология развивается в направлении сближения этих гипотез. По результатам анализа структурных особенностей месторождений Ямала и с позиции геологического времени нами предлагается *стадийная интегральная модель формирования УВС*. В результате глобального геологического кругооборота вещества из внутренних геосфер, за счет их дегазации в биосферу, поступает углекислый газ. Микроорганизмы (автолитотрофы) с момента появления, особенно в фанерозое, экспоненциально увеличивают количество видов и общую биомассу, в том числе и за счет фотосинтеза. Углекислый газ поглощается живыми организмами из атмосферы, H_2O – из гидросферы, и под действием солнечной радиации осуществляется процесс фотосинтеза. Этот процесс генерирует кислород и огромное количество органического вещества (углеводов, белков и жиров).

Процесс нефтеобразования начинается с этапа диагенеза пород и отмирающих организмов. В живой органике углерод и водород химически связаны с атомами кислорода в виде природных гомологов. Однако при участии бактерий происходит неизбежная физико-химическая перестройка органического вещества (ОВ). В результате появляются основные ингредиенты УВС: метан, ароматические, нафтеновые УВ и гетерогенные соединения углерода и водорода с преобладанием метильных и метиловых групп. Очень важную роль в этих процессах играет физико-химическая обстановка: восстановительная или окислительная.

Следующий этап начинается с фоссилизации ОВ или абиотизации. Завершается он стадией катагенеза, условия которого определяются внешними факторами (P-T). Конкретные физико-химические условия такой цепи стадий, а также накопления залежей определяются геологическим возрастом, геологической историей: закономерностями изменения вещественного состава во времени и пространстве (по вертикали и горизонтали), а также геодинамическими особенностями каждого седиментационного бассейна.

Из теории и практики геохимии месторождений УВС известно, что природные газы находятся в горных породах в сорбированном, а в воде и в нефти – в

растворенном состоянии. Поэтому генезис газов неизбежно рассматривается в тесной связи с геохимией нефти и воды, а также с учетом детального изучения твердых компонентов, особенно биогенных минералов и горных пород, химические изменения которых порождают природный газ.

Физико-химические свойства природных газов во многом определяются Р-Т условиями. В толще горных пород с увеличением глубины на 1 км температура повышается на 30–35°. Чем моложе осадочный бассейн, тем выше температурный градиент. Повышение температуры с глубиной сопровождается увеличением давления. В пористых, обводненных пластах различают гидростатическое давление, равное примерно 100 кг/см^2/км, и геостатическое – за счет веса перекрывающих пород, достигающее 230–250 кг/см^2/км. В зависимости от динамики термобарических параметров изменяется фазовое состояние залежей природного газа: в сжиженном или свободном состоянии, а также степень насыщения им подземных вод и степень дифференциации в процессах миграции и заполнения структурных ловушек. Эта модель применима для УВС различных литолого-структурных этажей, с их возрастом и геологической историей.

Параллельно с образованием углеводородных залежей происходит интенсивная дифференциация химического состава вмещающих толщ, генерируемая теми же флюидными явлениями. Наиболее активному выносу подвержены *комплексные соединения железа*. Они мигрируют и концентрируются в гипергенных условиях в осадочные рудные тела с преобладанием лептохлоритов (например, Бакчарское месторождение). При этом в узловых зонах подобные осадочные залежи могут формировать метаморфические (железистые кварциты) или метасоматические скарновые железорудные и другие месторождения. Поэтому опять совершенно естественной оказывается пространственная и временная приуроченность формирования месторождений УВС и железных руд. Их связь отражена на схематической геолого-структурной карте Западной Сибири [10, 11].

Защитно-синергетическая ЭФ отражает самоорганизацию и саморегуляцию биосферы и слагающих ее экосистем под воздействием внутренних и внешних факторов в процессе развития Земли в геологическом времени. Ее роль трудно переоценить при обеспечении потенциала экологической устойчивости с позиции синергетики и голографической модели вещества при пространственной и / или временной когерентности. Центральной проблемой геоэкологии, как и всех прочих наук, задействованных в решении задач природно-ресурсного характера и изучении иерархически связанных систем, является исследование механизмов причинно-следственных связей. Эволюция представлений о последних неразрывна с историей современного естествознания, прошедшего за пять столетий путь от механики до информатики. Простые однозначные соподчинения типа причина – следствие эпохи механицизма уступили затем место в научном мировоззрении статистическим операциональным соответствиям вероятностных подходов позитивизма (энергизма).

Понятийная эволюция в период позитивистских подходов в естествознании связана, во-первых, с отказом от детерминизма как такового, и изучение экологической проблематики в какой-то мере потеряло смысл. К концу XX в. наука вошла в полосу гносеологического кризиса, одним из проявлений которого явилось возрождение интереса к проблемам экологии. Эти проблемы быстро переросли уровень межвидовых и популяционных взаимоотношений и трансформировались в общий вопрос классической философии о соотношении целого и части. Известно, что и в период позитивизма предпринимались попытки осмысления взаимоотношения структурных уровней, породившие целый букет научных направлений, объединяемых понятием «системный анализ».

Корень проблемы, однако, оказался намного глубже и спрятан в самих принципах детерминизма. Классическое «причина – следствие» обогатилось понятием «обратная связь», нашедшим широкое техническое использование и еще не до конца понятым. Собственно, уже в понятии «обратная связь» содержатся отказ от жесткого детерминизма и признание возможности «следствия» влиять на собственную «причину». Этот отказ пробудил расцвет нелинейных представлений в естествознании, так или иначе затрагивающий аксиоматическую базу научных представлений, т.е. саму геометрическую схему пространственно-временных отношений.

В структуре потребляемых ресурсов значительное место занимают минеральные и энергетические невозобновляемые полезные ископаемые, истощение которых имеет преимущественно необратимый характер. В обществе созрели и стали первостепенными проблемы ресурсного обеспечения для устойчивого развития. Разрешение подобных противоречий, как показывает исторический анализ, происходит в два этапа: *миграционный и неотехнологический.* Первому соответствовали интенсивная разведка и освоение все новых и новых месторождений. Второй этап подразумевает коренную ломку (перестройку) структуры ресурсного потребления, включая изменение технологических схем и отношение к отходам, все чаще нарекаемых техногенными месторождениями [12]. Именно в этот этап и входит ныне человечество.

Западная Сибирь давно доказала нефтегазоносность, но это не значит, что проблема уже решена. Нужны последователи Р.С. Ильина. В Томском областном краеведческом музее работает выставка «Исследователь Сибири – Р.С. Ильин», приуроченная к открытию на здании музея информационно-памятной доски выдающемуся томскому ученому, крупному исследователю Сибири Ростиславу Сергеевичу Ильину. Открытие доски связано с прошедшим 110-летием со дня рождения ученого и 400-летним юбилеем г. Томска.

В сентябре 2016 г. в связи со 125-летием со дня рождения Р.С. Ильина НИ ТГУ проводит VI Всероссийскую научную конференцию с международным участием «Отражение био-, гео-, антропосферных

взаимодействий в почвах и почвенном покрове». Надеюсь, что она послужит очередным признанием заслуг человека и ученого, сосланного в ссылку из первого столичного университета в Нарым, и даст импульс развитию его научных идей для поиска разумных моделей сохранения человека и биосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин И.Р. Библиография. Тирасполь : Литера, 2005. 130 с.
2. Ильин И. Р. Сквозь тернии. Кишинев : Штиинца, 1990. 132 с.
3. Ильин И.Р. Переписка В.И. Вернадского с Р.С. Ильиным. Тирасполь : Тинар, 2004. 86 с.
4. Худобец М.Я. Во власти долга. Очерки истории открытия и освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири и строительства г. Стрежевого в Томской области. 2-е изд., перераб. и доп. Томск, 2011. 331 с.
5. Кучин М.И. Подземные воды Обь-Иртышского бассейна (в границах Новосибирской области, Алтайского края и Омской области). М. ; Л. : Госгеолтехиздат. Напечатано в ЛГР, 1940. 306 с.
6. Маркевич В.П. История геологического развития и нефтегазоносность Западно-Сибирской низменности. М. : Наука, 1966. 247 с.
7. Мананков А.В. Основы экологии. Теория, факторы, законы, кризисы и их преодоление : учеб. Томск : ТГАСУ, 1998. 261 с.
8. Мананков А.В. Геоэкология. Промышленная экология : учеб. пособие. Томск : ТГАСУ, 2010. 204 с.
9. Трофимов В.Т., Зилинг Д.Г. Формирование экологических функций литосферы. СПб. : НИИ земной коры СПбГУ, 2005. 190 с.
10. Локтюшин А.А., Мананков А.В. Пространственно-замкнутые динамические структуры. Томск : Том. гос. ун-т, 1996. 123 с.
11. Локтюшин А.А., Мананков А.В. Основное экологическое противоречие и минеральное вещество // Проблемы экологической минералогии и геохимии. СПб., 1997. С. 910.
12. Мананков А.В. Геологическая среда и техносфера: квантовые процессы и жизнь. Самоорганизация. Томск : ТГАСУ, 2012. 416 с. + 8 цв. вкл.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2016 г.

THE ROLE OF THE IDEAS OF R.S. ILYIN, V.I. VERNADSKY'S ASSOCIATE, IN THE CREATION OF INDUSTRIAL OIL AND GAS POTENTIAL OF WESTERN SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 92–98.
DOI: 10.17223/15617793/408/13

Manankov Anatoliy V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mav.39@mail.ru

Keywords: geological environment; geomorphology; soil – bio-inert matter of biosphere; epigenesist; ecological functions; mechanisms of overcoming crisis.

Rostislav Sergeevich Ilyin (1891–1937) is an outstanding scientist and researcher of Siberia. The last 10 years of his life he worked in Tomsk State University. He invented a new science, geomorphology, based on the epigenological principle of nature. With this principle he proved the prospects of the petroleum potential of the West Siberian lowland, alternative to the general notion. R.S. Ilyin is a monumental figure in the history of not only soil science, but also the entire cycle of Earth Sciences. He is a graduate of the Faculty of Physics and Mathematics of the University of Moscow. He attended the lectures of V.I. Vernadsky, A.P. Pavlov, soil scientist A.N. Sabanin, zoologist M.A. Menzbier, geographer P.A. Anuchina. What is he: a soil scientist, a geologist, a hydrogeologist, a geomorphologist, a geographer or a paleogeographer? He studied all these sciences deeply and professionally, striving with many particulars and details to discover the essence of his scientific method. R.S. Ilyin belongs to a rare group of scientists – enthusiasts of the twentieth century, the founders of the new Earth Sciences that allow to open new horizons of natural resources and to know the ecological functions of the biosphere and the geological environment. Among them are V.I. Vernadsky, M.A. Usov, I.K. Bazhenov, Yu.A. Bilibin, V.A. Obruchev, M.I. Kuchin, etc. However, he soon became imbued with the ideas of social justice and joined the party of socialist-revolutionaries, for which he paid. Twice he was arrested by the police, five by the bodies of OGPU and NKVD. In 1927, he was exiled to the Narym territory. Exploring topography, geology, landscapes and soils in the harsh conditions of the Vasyugan land, in 1927 he created a unique geomorphological map of the territory of the Narym land. In 1936, *Vestnik Zapadno-Sibirskogo geologicheskogo upravleniya* [Bulletin of the West Siberian Geological Administration] published an article by Ilyin. This article was his last word on Siberian oil and two decades ahead of life. The conclusion of the article is an example of outstanding scientific prediction: "the map of oil fields of Eurasia must be restructured, it is only the matter of time". But the following year came another arrest, charge with counter-revolutionary work among the scientific staff, with the preparation of terrorist acts. On August 25, 1937, the NKVD troika sentenced "Ilyin Rostislav Sergeevich to shooting for his participation in the Japanese-SR sabotage and espionage terrorist organization". Only on May 15, 1956, the military court reviewed Ilyin's case and canceled the Troika's ruling. It was already the time the scientist's ideas were implemented. Two years before the first oil flows from Kolpashevo well R-2, and four years later Ust-Balyk and Megion oil fields opened. They dramatically changed the attitude to Western Siberia; and its transformation into a major oil-chemical and fuel base of the country began. The basic theory of R.S. Ilyin, who demonstrated the role of geological cycles through the integration of sciences, remains relevant and finds development in the science of biosphere natural history. Tomsk State University and Tomsk State University of Architecture and Building have developed new courses that describe the interrelation of the biotic and inert (bone) matter from the position of the geological history of the Earth. Two more ecological functions of the geological environment are proposed to the existing ones. They allow to improve the theory of mineral resources, their rational use and addressing strategic risks.

REFERENCES

1. Ilyin, I.R. (2005) *Bibliografiya* [Bibliography]. Tiraspol: Litera.
2. Ilyin, I.R. (1990) *Skvoz' ternii* [Through the thorns]. Kishinev: Shtiintsa.
3. Ilyin, I.R. (2004) *Perepiska V.I. Vernadskogo s R.S. Il'inym* [Correspondence of V.I. Vernadsky with R.S. Ilyin]. Tiraspol: Tinar.

4. Khudobets, M.Ya. (2011) *Vo vlasti dolga. Ocherki istorii otkrytiya i osvoeniya neftegazovykh mestorozhdeniy Zapadnoy Sibiri i stroitel'stva g. Strezhevogo v Tomskoy oblasti* [In the hands of duty. Essays on the history of discovery and development of oil and gas fields in Western Siberia and the construction Strezhevoy, Tomsk Oblast]. 2nd ed. Tomsk: Agraf-Press.
5. Kuchin, M.I. (1940) *Podzemnye vody Ob'-Irtyshskogo basseyna (v granitsakh Novosibirskoy oblasti, Altayskogo kraya i Omskoy oblasti)* [Groundwater of the Ob-Irtysh basin (within Novosibirsk Oblast, Altai Krai and Omsk Oblast)]. Moscow; Leningrad: Gosgeoltekhizdat.
6. Markevich, V.P. (1966) *Istoriya geologicheskogo razvitiya i neftegazonosnost' Zapadno-Sibirskoy nizmennosti* [History of geological development and oil and gas potential of the West Siberian Plain]. Moscow: Nauka.
7. Manankov, A.V. (1998) *Osnovy ekologii. Teoriya, faktory, zakony, krizisy i ikh preodolenie* [Fundamentals of Ecology. The theory of factors, laws, crises, and how to overcome them]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
8. Manankov, A.V. (2010) *Geoekologiya. Promyshlennaya ekologiya* [Geoecology. Industrial Ecology]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
9. Trofimov, V.T. & Ziling, D.G. (2005) *Formirovanie ekologicheskikh funktsiy litosfery* [Formation of the ecological functions of the lithosphere]. St. Petersburg: Research Institute of Earth Crust of St. Petersburg State University.
10. Loktyushin, A.A. & Manankov, A.V. (1996) *Prostranstvenno-zamknutye dinamicheskie struktury* [Spatially closed dynamic structures]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Loktyushin, A.A. & Manankov, A.V. (1997) Osnovnoe ekologicheskoe protivorechie i mineral'noe veshchestvo [The main ecological contradiction and minerals]. In: *Problemy ekologicheskoy mineralogii i geokhimii* [Problems of environmental mineralogy and geochemistry]. St. Petersburg.
12. Manankov, A.V. (2012) *Geologicheskaya sreda i tekhnosfera: kvantovye protsessy i zhizn'. Samoorganizatsiya* [The geological environment and the technosphere: quantum processes and life. Self-organization]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.

Received: 18 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 99–102. DOI: 10.17223/15617793/408/14

УДК 930.2:001.891

Е.К. Маслова

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАУЧНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПОДХОДОВ В ИСТОРИИ

Исследуется вопрос критериев научности, применяемых к подходам, которые используют нетипичные для гуманитарии методы исследования. В качестве примеров таких подходов взяты концепция этногенеза Л.Н. Гумилёва и социоестественная история Э.С. Кульпина. Более подробно рассматриваются критерии Майкла Шермера, которые можно применить к данным двум подходам, и узнать, почему реакция ученого сообщества на схожие теории существенно разнится: теория Л.Н. Гумилёва оказывается по факту выведена за «рамки научности», а концепции социоестественной истории воспринимаются вполне толерантно.

Ключевые слова: междисциплинарность, критерии научности, социоестественные подходы к истории, Л.Н. Гумилёв, Э.С. Кульпин.

Одной из актуальных проблем современной историографии являются разработка критериев научности применяемых в гуманитарии методов исследования, а также определение критериев релевантности теоретических концептов, формируемых на основании практического использования синтетических методологий, имеющих в своем арсенале не только традиционные стратегии гуманитарии, но и инструментарий наук естественных.

Любая концепция науки вырабатывается благодаря введению и обоснованию критериев научности. В обосновании же и введении этих критериев невозможно игнорировать факт их зависимости от различных сфер и этапов познания, формирующих само представление о науке. В этой ситуации, с одной стороны, наука являет собой специфическую область духовного производства, подчиняющаяся своим законам и соответствующая особым критериям и нормативам. Поэтому выявлять и анализировать их необходимо. С другой стороны, описание науки через какие-либо критерии недостаточно.

Многие философы писали о необходимости построить единый критерий как для гуманитарных, так и для естественных наук [1], другие писали об особенном предмете исследования гуманитарных наук, об их особенности по сравнению с естественными дисциплинами [2], другие рассматривали критерии только внутри естественных дисциплин [3]. Можно много говорить «за» или «против» той или иной версии, но оставим этот вопрос философии науки. Нам же важнее понять, почему даже в рамках одной из гуманитарных наук – истории – существует разделение теорий на «научные» и «ненаучные», по каким критериям происходит эта демаркация, т.е. возьмем не какие-то абстрактные критерии, а реально и непосредственно действующие, по которым и происходит в наше время разделение теорий, возможно, подчас неосознаваемые самим ученым сообществом.

На современном этапе вопросом демаркации науки и лженауки занимается американский ученый Майкл Шермер, основатель журнала «Скептик», ежемесячный обозреватель журнала «Scientific American», адъюнкт-профессор Клермонтского университета и Университета Чепмена. Является автором многих книг, в том числе «The Borderlands of Science: where sense meets nonsense» (Границы науки: где смысл встречается с бессмыслицей), «Denying History» (Отрицание истории). Последняя его книга, «The Believing Brain» (Верующий мозг), издана в 2011 г.

В ноябре–декабре 2001 г. вышли два номера журнала «Scientific American», где была опубликована статья (из 2 частей) М. Шермера «Balonely Detection. How to draw boundaries between science and pseudoscience» (Обнаружение чепухи. Как провести границу между наукой и лженаукой) [4, 5]. В ней он предлагает 10 пунктов, по которым можно отличить науку от лженауки: это 10 вопросов, которые стоит задать:

1. Насколько надежен источник открытия? Псевдонаучные теории часто кажутся надежными. Однако при внимательном рассмотрении можно понять, что приводятся искаженные факты и цифры, вырванные из контекста или даже сфабрикованные. Важно, но очень сложно определить, где искажения сделаны преднамеренно.

2. Часто ли этот автор делает «великие открытия»? Псевдоученые часто имеют привычку выходить за рамки фактов, они последовательно делают утверждения, которые не имеют отношения к уже имеющимся данным. Как пишет А.В. Бочаров, слишком большая концентрация «великих открытий» в работах одного автора не может не вызвать подозрения. Например, огромное количество опровергнутых профессиональными историками псевдооткрытий в области исторической хронологии приведено в книгах современных математиков А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского [6. С. 142].

3. Подтверждены ли эти открытия другими специалистами? Обычно псевдоученые не подтверждают свои открытия, или же источник подтверждается теми учеными, которые входят в круг убеждений автора. Важно проверить того, кто подтверждает открытие, и даже – кто проверяет того, кто подтверждает. Вызывают сомнения открытия, которые не подтверждаются при проверке другими специалистами или подтверждаются только единомышленниками автора открытия. Если же другие специалисты используют концепции, считая их полезными, то это будет еще одним аргументом в пользу научности теории.

4. Как новое открытие укладывается в сложившуюся картину мира? Неординарные открытия должны

быть помещены в более широкий контекст. М. Шермер приводит пример с тем, когда люди утверждают, что египетские пирамиды и сфинкс были построены более 10 000 лет назад неизвестной расой, они не предоставляют контекст этой ранней цивилизации, т.е. не предоставляют остальные артефакты тех людей: произведения искусства, оружие, одежда, инструменты и т.п.

5. Искал ли автор гипотезы способы ее опровергнуть или подбирал аргументы только в ее пользу? Правильно построенная научная гипотеза должна включать в себя критику всех остальных предположений, доказывающую, что они менее логично объясняют данную сумму фактов.

6. Поддерживает ли большинство фактов новую гипотезу или факты в основном указывают в другую сторону? То есть каких фактов больше: опровергающих или доказывающих один и тот же тезис. В качестве примера Шермер приводит теорию эволюции, которая доказана посредством приведения фактов из ряда независимых направлений исследования.

7. Используются ли в исследовании принятые в науке методы рассуждения и инструменты или они заменены другими, дающими желательные автору результаты? Таким вопросом можно отделить проект SETI (Search for Extraterrestrial Intelligence) от уфологии. Первый являет собой научный проект по поиску внеземного разума. Ученые ищут на разных частотах радиосигналы, происхождение которых можно было бы отнести к внеземному. До сих пор однозначного положительного ответа на вопрос «существует ли внеземной разум» в SETI достигнуто не было. Иначе работают уфологи. Они сразу заявляют о том, что внеземной разум существует, а потом начинают искать факты, доказывающие эту гипотезу. В ход идут размытые фотографии, атмосферные аномалии, рассказы очевидцев и т.п. Если же находятся факты, опровергающие гипотезу, то включается конспирологическое мышление: говорится о государственном сокрытии встреч с инопланетянами. В целом в этом вопросе выявляется, какие методы и факты подбирал ученый: научные, пусть даже и отрицающие теорию, или же любые, но только те, которые подтверждают его теорию.

8. Объясняет ли новая гипотеза больше наблюдаемых фактов, чем старая, или просто отрицает старое толкование? Так, например, креационисты ищут слабые места в научном объяснении мира, отрицают это объяснение, объясняя все фразой «Бог сделал это». В первую очередь следует смотреть, на кого ссылается автор, описывая конкретные сюжеты, объясняет ли он пробелы в предшествующих теориях или просто отрицает их.

9. Объясняет ли новая гипотеза хотя бы столько же фактов, сколько и старая? Более предпочтительной всегда должна считаться гипотеза, объясняющая как можно больше фактов и оставляющая как можно меньше исключений.

10. Определяются ли выводы автора гипотезы его личными верованиями и пристрастиями? Каждому ученому свойственны определенные социальные, политические и идеологические убеждения, способные повлиять на их интерпретацию данных. Однако ученый должен быть максимально беспристрастным.

Не существует надежной методики выявления границ между наукой и лженаукой, но есть то, что, по мнению Майкла Шермера, однозначно отличает научное познание: ученые во всех случаях остаются открытыми и гибкими, готовыми пересмотреть свои оценки, как только возникают новые доказательства. Однако далеко не все ученые согласны так легко отказаться от своей теории. Это наиболее ярко выражено И. Лакатосом, который говорит, что ученые начинают строить защитный пояс теории, искать факты в подтверждение ее, нежели отказываются от своих идей [7]. И это делает демаркацию еще более сложной.

Развитие современной науки в сторону междисциплинарности ставит, как уже говорилось, проблему релевантности использования нетрадиционных для гуманитарного познания методологий. Мною рассматриваются два примера авторов, использующих междисциплинарные методы: Л.Н. Гумилёва, чьи взгляды подвергаются критике по критериям научности с момента первых его публикаций, и Э.С. Кульпина, который создал новое направление научных исследований, назвав его «социоестественная история» (СЕИ) и противопоставив «традиционной истории». Выбор именно этих авторов обусловлен их схожестью в концепциях и методологии – акцент ставится на природные факторы в истории, методология опирается на междисциплинарность. В то же время реакция научного сообщества на их творчество разнится. Названные критерии могут помочь в определении научности или ненаучности теории Л.Н. Гумилёва, в выявлении тех оснований, по которым ученые в своем фактическом отношении разводят его теорию с теорией Э.С. Кульпина. В связи с этим задачей является анализ данных двух концепции, чтобы найти те основания, по которым их относят к научным / ненаучным, тем самым определив те возможные практические стандарты научного сообщества, которые могут применяться для оценки конкретных работ. Это покажет, что принципиально по-другому делал Э.С. Кульпин, в отличие от Л.Н. Гумилёва, чтобы его идеи не были столь критически оценены коллегами-учеными в различных областях знания.

Возьмем, например, первый критерий. Источники, используемые Л.Н. Гумилёвым, достаточно обширны и своеобразны. Это переведенные или непереведенные литературные памятники, данные археологии, географии. Сам он постулировал необходимость критического отношения к источникам и тщательного их анализа. Изучая историю Древней Руси, он был против использования уже переведенных источников, аргументируя это тем, что сознательно или бессознательно «историк, имея собственную точку зрения, всегда будет подгонять перевод под подтверждение ее» [8. С. 13]. Однако противореча сам себе, при изучении истории Китая, он использует только переведенные источники, принадлежащие Н.Я. Бичурину, Э. Шаванну, Л.Д. Позднеевой и т.д. Это связано с тем,

что Гумилёв не мог читать литературу на языке оригинала: китайском и японском. Использованные им переводы востоковеды считают неточными, однако на тот момент отсутствовали более новые и точные переводы. Требовать же знание историком нужного языка на уровне специалиста-филолога не все считают верным. Впрочем, по этому вопросу синологи расходятся во мнениях. Э.С. Кульпин в книге «Человек и природа в Китае» не использовал вышеупомянутые переводы, но использовал как русскую литературу о Китае, так и оригинальные китайские тексты, в списке литературы они стоят отдельной группой [8. С. 230–231], хотя сам он не знал восточных языков.

Критики говорили также о том, что Лев Николаевич легкомысленно относится к источникам. В книге «В поисках вымышленного царства» встречаем описание своеобразного метода: «возьму-ка заведомо правильное суждение, что Чингисхан был и его империя существовала, и заведомо сомнительное, что пресвитер Иоанн царствовал в “Трех Индиях”, и сопоставлю на авось. Вдруг от такого сочетания сама собой получится органическая концепция» [9. С. 8]. Но в связи с большой любовью Л.Н. Гумилёва к провокациям и юмору, сложно определить, насколько нешуточный характер имеет данное высказывание.

Представители школы СЕИ в качестве источников практически не используют нарративные документы, так как они субъективны по своей природе. Вместо этого, как и Гумилёв, они используют объективные данные естественнонаучных дисциплин: характеристика климатических зон, точные географические измерения, такие как, например, широта и долгота, уровень воды мирового океана, градусы температур. СЕИ стремится использовать как можно более объективные и надежные данные, чтобы приблизиться к естественнонаучному эталону научности. Возможно, здесь и кроется ответ, почему Э.С. Кульпину не требовалось владение языком оригинальных источников, ведь информация из них берется весьма специфическая, не требующая детального лингвистического разбора источников.

Можно сказать, что источники открытия далеко не все надежны в обоих случаях, возможно, что в теории Л.Н. Гумилева имеются искажения, но нельзя сказать, что это сделано им преднамеренно, скорее это происходило из-за достаточно вольного обращения с источниками.

Это пример применения только первого критерия М. Шермера. Таким же образом можно применить и все остальные. И только все вместе они могут, если и не дать окончательный ответ на проблему демаркации, то хотя бы пролить немного больше света на столь запутанный и неоднозначный вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сторожук А. Проблема построения критерия определения научности гипотезы // Всероссийская база полнотекстовых научных публикаций. 2006–2015. URL: http://www.portalus.ru/modules/philosophy/rus_show_archives.php?subaction=showfull&id=1107017840&archive=1129708655&start_from=&ucat=1& (дата обращения: 01.02.2016).
2. Катаева О.В. Проблема критериев научности социально-гуманитарных наук // Известия МГТУ «МАМИ». Социально-гуманитарные науки. М., 2015. № 1 (23). Т. 6. С. 74–77.
3. Баяндин А. В. К проблеме критериев научности // Всероссийская база полнотекстовых научных публикаций. 2006–2015. URL: http://www.portalus.ru/modules/philosophy/print.php?subaction=showfull&id=1107179908&archive=1208465572&start_from=&ucat=1& (дата обращения: 01.02.2016).
4. Balonely Detection. How to draw boundaries between science and pseudoscience. Part 1 / The work of Michael Shermer, 1992–2014. URL: http://www.michaelshermer.com/2001/11/baloney-detection/#more-17 (дата обращения: 01.02.2016).
5. Balonely Detection. How to draw boundaries between science and pseudoscience. Part 2 / The work of Michael Shermer, 1992–2014. URL: http://www.michaelshermer.com/2001/12/more-baloney-detection/#more-18 (дата обращения: 01.02.2016).
6. Бочаров А.В. Основные методы исторического исследования : учеб. пособие. Томск, 2006. 190 с.
7. Лакатос И. Наука и псевдонаука. Выступление в радиопрограмме Открытого университета 30 июня 1973 г. / Центр изучения древней философии и классической традиции. Новосибирск. URL: http://www.nsu.ru/classics/pythagoras/ Lacatos.pdf (дата обращения 13.02.2016).
8. Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990. 245 с.
9. Гумилёв Л.Н. В поисках вымышленного царства. СПб., 1994. 383 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2016 г.

THE PROBLEM OF DETERMINATION OF THE SCIENTIFIC CHARACTER OF INTERDISCIPLINARY APPROACHES IN HISTORY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 99–102.
DOI: 10.17223/15617793/408/14

Maslova Ekaterina K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Ekaterina_maslova@sibmail.com

Keywords: interdisciplinarity; criteria of scientific character; social-natural approaches to history; E.S. Kulpin; L.N. Gumilev.

The article discusses the question of the criteria of the scientific character applied to approaches which use research methods atypical for humanists. As examples of such approaches, this article considers two authors using interdisciplinary methods: L.N. Gumilev, whose views have been criticized by scientific criteria since his first publications, and E.S. Kulpin, who created a new direction of scientific research called “social-natural history” and opposed it to “traditional history”. The choice of these authors is caused by their similarity in conceptions and methodology – they focus on natural factors in history, their methodology bases on interdisciplinarity. At the same time the reaction of the academic community to their studies varies widely. Why is one of the theories in fact beyond the “scope of science” and the other theory is perceived quite tolerantly? The answer to the question is not found in the Russian and foreign science, although the historiography of the theory of L.N. Gumilev is presented in large volume. Also Michael Shermer’s criteria which can be applied to these two approaches are considered. They help to learn why the reaction of the academic community to the similar theories differs significantly. Michael Brant Shermer is an American science writer, historian of science,

founder of The Skeptics Society, and Editor-in-Chief of its journal *Skeptic.* The journal largely publishes investigations of pseudoscientific and supernatural claims. It studies the question of demarcation of science and pseudoscience at present. In November–December 2001, two issues of the journal *Scientific American* published Michael Shermer's article (in two parts), "Balonely Detection. How to draw boundaries between science and pseudoscience". In the article, he offers 10 questions to ask when encountering any claim. The first of these questions is applied to the theories of L.N. Gumilev and E.S. Kulpin. In the same way it is possible to apply the other questions, and only together they can if not to give the final answer to the demarcation problem yet to shed a little more light on such a confusing and ambiguous question.

REFERENCES

1. Storozhuk, A. (2006–2015) *Problema postroeniya kriteriya opredeleniya nauchnosti gipotezy* [The problem of constructing a criterion for determining the scientific character of a hypothesis]. [Online] Available from: http://www.portalus.ru/modules/philosophy/rus_show_archives.php?subaction=showfull&id=1107017840&archive=1129708655&start_from=&ucat=1&. (Accessed: 01st February 2016).
2. Kataeva, O.V. (2015) Problema kriteriev nauchnosti sotsial'no-gumanitarnykh nauk [The problem of criteria of the scientific character of social sciences and humanities]. *Izvestiya MGTU "MAMI". Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 1 (23):6. pp. 74–77.
3. Bayandin, A.V. (2006–2015) *K probleme kriteriev nauchnosti* [On the problem of criteria of the scientific character]. [Online] Available from: http://www.portalus.ru/modules/philosophy/print.php?subaction=showfull&id=1107179908&archive=1208465572&start_from=&ucat=1&. (Accessed: 01st February 2016).
4. Shermer, M. (2001) *Balonely Detection. How to draw boundaries between science and pseudoscience*. Part 1. [Online] Available from: http://www.michaelshermer.com/2001/11/baloney-detection/#more-17. (Accessed: 01st February 2016).
5. Shermer, M. (2001) *Balonely Detection. How to draw boundaries between science and pseudoscience*. Part 2. [Online] Available from: http://www.michaelshermer.com/2001/12/more-baloney-detection/#more-18. (Accessed: 01st February 2016).
6. Bocharov, A.V. (2006) *Osnovnye metody istoricheskogo issledovaniya* [Basic methods of historical research]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Lakatos, I. (1973) *Nauka i psevdonauka* [Science and pseudoscience]. Speech at the Open University radio program on June 30, 1973. Novosibirsk. [Online] Available from: http://www.nsu.ru/classics/pythagoras/ Lacatos.pdf. (Accessed 13th February 2016).
8. Kul'pin, E.S. (1990) *Chelovek i priroda v Kitae* [Man and nature in China]. Moscow: Nauka.
9. Gumilev, L.N. (1994) *V poiskakh vymyshlennogo tsarstva* [In search of an imaginary kingdom]. St. Petersburg: Nigde ne kupish'.

Received: 18 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 103–107. DOI: 10.17223/15617793/408/15

УДК 94(47) 071

А.В. Неверов

ПАВЕЛ I В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ: АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МЕМУАРНОГО КОМПЛЕКСА

Статья посвящена анализу воспоминаний отечественных авторов о жизни и деятельности российского императора Павла I. Особое внимание уделено выявлению отдельных групп воспоминаний в составе отечественного мемуарного комплекса. В результате исследования сделан вывод о том, что комплекс воспоминаний о Павле I обширен по составу, разнообразен по роду занятий их авторов, имеет солидные хронологические рамки. Содержащиеся в мемуарах сведения позволяют подробнее изучить личность и деятельность правителя.

Ключевые слова: Павел I; воспоминания; мемуарный комплекс; мемуаристы; классификация.

Личность и деятельность императора Павла I с давних пор привлекали внимание исследователей. Долгое ожидание вступления на престол, непродолжительность периода его пребывания на троне, отстранение от власти путем дворцового переворота – все это определило специфику «павловского» периода российской истории. В исторической литературе император Павел I рассматривается как противоречивая личность, причем эта противоречивость отразилась и на проводимой им внутренней и внешней политике. Поэтому важно обратить внимание на оценку деятельности императора современниками, которые или принимали участие в происходящих событиях, или наблюдали за ними [1. С. 66–67].

При всем многообразии исторических источников, содержащих сведения о российском императоре Павле I, в данной работе мы остановимся на воспоминаниях отечественных авторов, которые в совокупности представляют собой целый мемуарный комплекс, включающий не менее 27 выявленных на сегодняшний день опубликованных и неопубликованных документов. Именно мемуарные комплексы, объединяющие тексты многих авторов в единое целое по ряду признаков, к числу которых можно отнести род деятельности авторов, их принадлежность к определенной социальной среде и политическому течению, вызывают сегодня особый интерес исследователей [2. С. 43].

Специфику мемуаров, составляющих указанный комплекс, можно определить, во-первых, исходя из обозначения воспоминаний как цельного, подчиненного общему замыслу произведения, всегда написанного позже тех событий, о которых повествуется в тексте, и, во-вторых, исходя из названия воспоминаний, поскольку авторы, как правило, сами определяли и указывали читателю, какого рода произведение представляется их вниманию. Кроме того, воспоминания всегда пишутся с ориентиром на читателя и являются субъективными, поскольку их содержимое часто зависит от жизненных событий, личных взглядов и роли человека в описываемых событиях [3. С. 42].

Содержание обширного мемуарного комплекса, посвященного императору Павлу I, можно классифицировать по нескольким основаниям. При анализе мемуарных источников вопрос авторства является одним из важнейших, поскольку необходимо понимать, какие цели преследовал мемуарист и какой мотивацией он обладал. Характер мемуаров зависел от деятельности человека, его роли при Высочайшем дворе, степени близости к самому императору. Первоочередным фактором, определявшим содержание воспоминаний, являлся род занятий их авторов и степень осведомленности об описываемых событиях. По большей части информация, изложенная в мемуарах, соответствовала тому, что мог видеть и где мог участвовать мемуарист в силу своей профессии или рода занятий. Кроме того, на содержание воспоминаний влияли такие характеристики их авторов, как пол, возраст, происхождение, способность к литературной деятельности и др.

Одной из самых крупных групп в составе мемуарного комплекса являются воспоминания о Павле I придворных служащих. Находясь ближе всего к императору, общаясь с ним практически ежедневно, они лучше знали характер и привычки правителя. Так, фрейлина при Высочайшем дворе Д.Х. Ливен [4] в своих мемуарах особое внимание уделяла внешности и человеческим качествам Павла Петровича, оценивая их весьма положительно. Выпускник пажеского корпуса К.К. Бошняк и церемониймейстер императорского двора Ф.Г. Головкин оставили воспоминания о своем пребывании при императорском дворе, описав придворную атмосферу и сложившиеся при Павле I правила церемониала [5, 6]. Мемуары данной группы содержат определенное противоречие в оценках: современники чаще всего приветствовали отдельные начинания Павла Петровича, относясь в целом негативно к его царствованию. Нельзя не обратить внимание и на то, что лица, близко стоявшие к императору, непосредственно принимавшие участие в его преобразованиях, даже не сочувствуя Павлу, относились к нему много лояльнее тех, кто был достаточно далек от кормила власти [7. С. 110].

Другой группой авторов, оставившей многочисленные воспоминания о Павле I, стали мемуаристы из военной среды. Для самого императора военная сфера была приоритетной, а воспоминания офицеров интересны пестротой высказываний и штрихов к портрету правителя. Следует отметить, что от успешности прохождения службы зависели отношение мемуариста к монарху и в целом концепция его произведения. Например, генерал Н.А. Саблуков упоминает, что ему очень повезло, не будучи «гатчинцем», сделать при

Павле отличную карьеру, поэтому его описание монарха, в целом, положительное [8. С. 7–8]. Н.О. Котлубицкий, признавая непростой характер государя, утверждал, что благодаря своей честной службе ему удавалось сохранять благое отношение императора к себе. В своих воспоминаниях он описывал Павла I как правителя, всегда размышлявшего о судьбе страны и намеревавшегося стать для русского народа благодетелем [9. С. 510–511]. Полной противоположностью являются «Записки» А.В. Вельяминова-Зернова, утверждавшего, что «Россия стонала» при Павле I из-за его необдуманных действий и настроя на контрреформы [10. С. 112]. Объяснить позицию автора позволяют определенные обстоятельства его жизни. Офицер А.Н. Вельяминов-Зернов самостоятельно оставил военную службу, чтобы избежать ссылки либо другого наказания, что, вероятнее всего, и определило отношение мемуариста к императору.

Предположение о зависимости содержания воспоминаний от карьеры их автора можно применить и к мемуарам государственных деятелей. Например, в воспоминаниях И.В. Лопухина, который являлся единомышленником Павла I и близким для него человеком, запечатлен положительный образ правителя [11]. Попытка дать объективную оценку личности и деятельности Павла I прослеживается в мемуарах представителя известного княжеского рода Ф.Н. Голицына, назначенного монархом куратором Московского университета. В своих воспоминаниях он отмечал отменное образование Павла Петровича и знание им современных политических теорий. Кроме того, мемуарист подчеркивал, что император обладал отличным умом и памятью, но подозрительность «вредила его благим свойствам». По мнению Ф.Н. Голицына, виновницей подобной двойственности Павла являлась его мать Екатерина II, которая обращалась с наследником престола как с обычным подданным и не допускала его к участию в серьезных государственных делах [12. Стб. 1297].

Еще одной группой авторов мемуаров о Павле I стали российские дипломаты, являвшиеся непосредственными проводниками внешней политики императора. В этом ряду выделяются письма графа Н.П. Панина. Он был племянником известного государственного деятеля и воспитателя Павла Петровича – Н.И. Панина и другом детства Великого князя и будущего императора. Именно его Павел I заподозрил в сговоре с английским послом Ч. Витвортом по поводу переворота в пользу Александра Павловича. Н.П. Панин был недоволен своим положением при дворе и критиковал внешнюю политику Павла I, в первую очередь – союз с Наполеоном Бонапартом, считая его неприемлемым в силу своих личных представлений. Зная об интригах Н.П. Панина, Павел I неоднократно предупреждал его о негативных последствиях подобной деятельности, сказав буквально следующее: «Сударь, избранный ваш путь ведет или за дверь, или на плаху» [13. С. 572].

Другим основанием для выделения групп воспоминаний в составе мемуарного комплекса является время их создания. Из 27 мемуаров отечественных авторов 4 было написано в период правления Екатерины II, описывая соответственно Павла I еще в бытность цесаревичем; 10 воспоминаний – непосредственно в период правления монарха (1796–1801 гг.); большинство (13 воспоминаний) – спустя многие годы после гибели императора. Из числа последних выделяются воспоминания К.К. Бошняка под названием «Рассказы старого пажа о времени Павла I», которые были записаны не самим придворным служащим, а его сыном, и датированы 1 октября 1880 г. Удаленность по времени от описанных событий не дает возможность сохранить определенные детали, которые были бы интересны читателю, но в данном случае интерес представляют именно те аспекты придворной жизни, которые зафиксировались в памяти автора и были переданы им даже спустя несколько десятилетий. Например, бывший паж вспоминал о том, что «гордый император умел быть любезным, когда того хотел», и чаще всего пребывал в «особенно хорошем расположении духа», но обладал вспыльчивым характером, примером чего служит жестокое наказание придворного шута, косвенно назвавшего правителя деспотом [5. С. 212–213]. «Свирепость и раздражительность» Павла Петровича спустя годы отмечал и Ф.Н. Голицын [12. Стб. 1290]. А.М. Тургенев, напротив, по прошествии лет, вспоминал не характер императора, а его дела. Описывая казнокрадство, взяточничество и беззаконие, процветавшие в государстве в период правления Екатерины II, он называл первые годы царствования Павла «благотворительною лихорадкою», поскольку все подобные деяния, о которых становилось известно императору, жестоко наказывались [14. С. 211–212].

Различаются воспоминания и по направленности авторского текста. Ряд из них носит характер автобиографии, другие воспоминания биографичны. К числу мемуаров, посвященных именно Павлу Петровичу и событиям, с ним связанным, можно отнести воспоминания генерала Г. фон Танненберга, который описывал жизнь Павла I очень подробно, не упуская из виду многие нюансы, включая личностные характеристики императора [15]. Близки к таким мемуарам-биографиям воспоминания Ф.В. Ростопчина [16], Ф.Н. Голицына [12], М.А. Фонвизина [18], К.К. Бошняка [5], А.А. Башилова [19], Н.О. Котлубицкого [9].

Иной характер носят воспоминания, где центральное место занимает сам автор, а монарх фигурирует в них лишь в отдельных фрагментах. Такие воспоминания автобиографичны и написаны преимущественно о своей жизни и личной карьере. Тем не менее, классифицируя мемуары по направленности текста, не всегда точно можно провести грань между ними. Например, воспоминания Ф.Г. Головкина [6], И.В. Лопухина [11], П.М. Волконского [20], фрейлины императорского двора В.Н. Головиной [21] построены как описание событий жизни автора и тех обстоятельств, в которых эти события происходили. С автобиографиями указанные сочинения сближает изложение событий в соответствии с хронологией и биографией автора, а отличие заключается в преимущественном внимании к жизни других людей, в том числе и к жизни императора Павла.

Особое место в этом ряду занимают воспоминания П.И. Полетики. Отобранный в 1796 г. Павлом I из числа лучших кадетов в свою свиту, Полетика пробыл на военной службе до 1798 г., после чего вышел в отставку и поступил в Коллегию иностранных дел. Он не был обижен Павлом, но в своих воспоминаниях писал не о нем, а лишь о годах его царствования, характеризуя это период как «грозное время, продолжавшееся четыре с половиною года и окончившееся трагическим событием». Автор мемуаров как будто сознательно избегал личностных характеристик правителя, описав при этом всеобщую радость, охватившую жителей столицы при получении известия о смерти императора. П.И. Полетика объяснял это тем, что «положение дел в последние годы царствования Павла I было для всех состояний нестерпимо и могло, наконец, возбудить общий бунт, коего последствия исчислить не можно» [22. С. 322].

В этом отношении мемуары Полетики сходны с воспоминаниями участников заговора 1801 г., пытавшимися оправдать свои действия тем, что они были необходимы для скорейшего пресечения гибельного для России павловского правления. И, действительно, мемуары лиц, принимавших участие в совершении дворцового переворота, приведшего к смерти императора, составляют довольно весомую группу в составе мемуарного комплекса, посвященного Павлу I. Долгий запрет на публикацию сведений о подробностях событий 11 марта 1801 г. привел к тому, что лишь в начале XX в. широкая публика смогла познакомится с объединенными в тематические сборники воспоминаниями А.Ф. Ланжерона, П.И. Палена, Н.А. Саблукова, А.В. Вельяминова-Зернова, А. фон Коцебу и др. [23, 24], дававшими возможность не только выявить движущие механизмы заговора, но и определить мотивы действий его участников.

Таким образом, характеризуя мемуарный комплекс о Павле I, следует отметить разнообразие представленных в нем воспоминаний. Важным фактором, определявшим содержание мемуаров, являются род деятельности их авторов, а также степень осведомленности об описываемых событиях и личном отношении к ним. По большей части информация, изложенная в мемуарах, соответствовала тому, что мог видеть и где мог участвовать мемуарист в силу своей профессиональной деятельности. Военные описывают вахтпарады, подробности дворцового переворота, а фрейлины и пажи больше внимания уделяют происходившим при дворе событиям и личности самого императора, т.е. род занятий вполне соответствует ожидаемому основному содержанию воспоминаний. Спецификой мемуарного комплекса о Павле I является и то, что он создавался авторами в совершенно разных периодах времени. Различен в воспоминаниях и объект описания – либо в центре внимания был сам мемуарист, что делало произведения автобиографичными, либо император Павел I, и в таком случае воспоминания сближаются с биографией.

Бесспорно, мемуары о Павле I предстают перед исследователями в качестве субъективных источников информации, впрочем, от них и не стоит ожидать строго документального отображения действительности. Воспоминания скорее сохраняют не события, значимые для истории, а значимые для самого мемуариста, причем не так, как они происходили, а как они были им восприняты. Содержащиеся в мемуарах оценки личности и деятельности императора зависели от субъективных представлений их авторов об идеале государства, отношения к ним Павла I, степени близости к императору. При этом именно субъективность мемуаров дает возможность создать целостный образ правителя, дополнив его индивидуальными особенностями личности и чертами ушедшей в прошлое эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьева О.Б. «Трудно быть императором»: император Павел I в исторической памяти рубежа XIX–XX вв. // Вестник Самарского государственного университета. Сер. 4. История. 2012. № 8/1 (99). С. 66–70.
2. Павловская С.В. Мемуары историков XX в. и их отношение к советской системе власти // Преподавание истории в школе. 2012. № 5. С. 43–48.
3. Житомирская С.В. Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 29–51.
4. Из записок княгини Ливен // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1907. С. 171–201.
5. Бошняк К.К. Рассказы старого пажа о времени Павла I, записанные сыном пажа / Записал А.К. Бошняк // Русская старина. 1882. Т. 33, № 1. С. 212–216.
6. Головкин Ф.Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания. М. : Олма-Пресс, 2003. 480 с.
7. Сорокин Ю.А. Политические режимы Екатерины II и Павла I в отечественной исторической литературе XIX–XX вв. // Сибирские исторические исследования. 2014. № 3. С. 108–137.
8. Саблуков Н.А. Записки Н.А. Саблукова // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. 2-е изд., доп. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1908. С. 1–105.
9. Рассказы генерала Котлубицкаго о временах Павла I, изложенные А.И. Ханенко // Русский архив. 1912. Кн. 2, вып. 8. С. 509–538.
10. Вельяминов-Зернов А.Н. Записки А.Н. Вельяминова-Зернова. Убиение Павла I // Цареубийство 11 марта 1801 года: записки участников и современников. 2-е изд., доп. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1908. С. 107–134.
11. Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И.В. Лопухина, составленные им самим. Лондон, 1860. 221 с.
12. Голицын Ф.Н. Записки // Русский архив. 1874. Кн. 1, вып. 5. Стб. 1271–1336.
13. Граф Никита Петрович Панин. 1771–1837. [Переписка с А.Б. Куракиным] // Русская старина. 1874. Т. 10, № 7. С. 561–584.
14. Тургенев А.М. Записки Александра Михайловича Тургенева. 1772–1863 // Русская старина. 1889. Т. 62, № 4. С. 183–220.
15. Танненберг Г. фон. Жизнь Павла Первого, императора и самодержца Всероссийского. Писанная на немецком языке Российской службы офицером / пер. В. Кряжева. М. : Привилегированная типография Кряжева и Мея, 1805. 320 с.
16. Ростопчин Ф.В. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I // Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 8. С. 158–174.
17. Фонвизин М.А. Записки Михаила Александровича Фонвизина // Русская старина. 1884. Т. 42, № 4. С. 31–66.

18. Фонвизин М.А. Записки Михаила Александровича Фонвизина // Русская старина. 1884. Т. 42, № 5. С. 281–302.
19. Башилов А.А. Молодость Башилова. Записки о временах Екатерины II и Павла I // Заря. 1871. Декабрь. С. 193–223.
20. Волконский П.М. Рассказы князя П.М. Волконского, записанные с его слов А.В. Висковатовым в январе 1845 г. // Русская старина. 1876. Т. 16, № 5. С. 176–190.
21. Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына / сост., предисл., подгот. текста, ком. С.А. Никитина. М. : Три века истории, 2000. 480 с.
22. Полетика П.И. Мои воспоминания. Начаты 16 янв. 1843 г. [Примеч. П.И. Бартенева] // Русский архив. 1885. Кн. 3., вып. 11. С. 305–336.
23. Время Павла и его смерть. Записки современников и участников события 11 марта 1801 г. : в 2 ч. / сост. Г.М. Балицкий // Русская быль. 1908. Ч. 1. 160 с.
24. Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб. : Издание А.С. Суворина, 1907. 444 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 мая 2016 г.

PAUL I IN MEMOIRS OF CONTEMPORARIES: ANALYSIS OF THE RUSSIAN MEMOIR COMPLEX

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 103–107.
DOI: 10.17223/15617793/408/15

Neverov Anton V. Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: a.v.neverov610@mail.ru

Keywords: Paul I; memoirs; memorial complex; memoirists; classification.

The article is devoted to the Russian memoirs of Russian Emperor Paul I. Special attention is paid to identifying specific groups of memoirs in the Russian memorial complex dedicated to Paul I. The classification is based on the analysis of published and unpublished memoirs, which allows to learn more about the personality and state activities of Emperor Paul I. The circle of memoirs on this issue is quite large. Interest in the personality of the monarch and a large number of memoirs are due to the fact that Emperor Paul I is a rather contradictory and ambiguous person because of his unpredictability and tough character primarily for his contemporaries, which determined the memoir authors' attitude to him. The number of memoirists is also quite diverse, although all the authors belonged to the aristocracy of his time. Each of them portrayed the Emperor in his memoirs based on their personal subjective views about the ideals of government, personal attitude to the monarch's domestic and foreign policy, as well as the attitudes of Paul I. In this regard, the most interesting sources for study are memoirs of Russian authors that describe not only the reign of Paul I, but also the period of his childhood and his first steps in the political sphere. Russian memoirists contributed to the formation of the image of the Emperor in the historical literature, despite the specificity of this type of sources. Sometimes superficially examining many aspects of political activities, authors made affirmative conclusions that formed the stereotypes of the historical portrait of Paul I. The memoirists told about the most relevant events in their lives; however, in addition to the description of political activities and the personality of the Emperor, they mentioned some of the general observations about the court situation, gave fragments of their personal conversations with members of the Imperial family. Thus, the authors of memoirs often went beyond the object of description, which made their works even more valuable. A conclusion in the study is that the memoirs of Paul I in the memoir complex are extensive, diverse by the occupation of their authors, have a strong chronological framework. Information in the memoirs, assessment of the personality and work of the Emperor depended on subjective opinions of their authors in relation to Paul I, on their views about the ideal state and the degree of closeness to the Emperor, and allow to learn more about the personality and work of the Emperor. This subjectivity of memoirs allows to create a complete image of the ruler by expanding the characteristics of his personality and the character of the bygone era.

REFERENCES

1. Leont'eva, O.B. (2012) "Trudno byt' imperatorom": imperator Pavel I v istoricheskoy pamyati rubezha XIX–XX vv. ["It's hard to be an emperor": Emperor Paul I in the historical memory of the 19th–20th centuries]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istoriya – Vestnik of Samara State University. Ser. 4. History.* 8/1 (99). pp. 66–70.
2. Pavlovskaya, S.V. (2012) Memuary istorikov XX v. i ikh otnoshenie k sovetskoy sisteme vlasti [Memoirs of historians of the 20th century and their attitude to the Soviet system of government]. *Prepodavanie istorii v shkole.* 5. pp. 43–48.
3. Zhitomirskaya, S.V. (1977) Voprosy nauchnogo opisaniya rukopisnykh memuarnykh istochnikov [Questions of the scientific description of handwritten memoir sources]. In: *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1976 god* [Archeographic Yearbook 1976]. Moscow.
4. Anon. (1907) Iz zapisok knyagini Liven [From the notes of Princess Lieven]. In: *Tsareubiystvo 11 marta 1801 goda. Zapiski uchastnikov i sovremennikov* [Regicide of March 11, 1801. Notes of participants and contemporaries]. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
5. Boshnyak, K.K. (1882) Rasskazy starogo pazha o vremeni Pavla I, zapisannye synom pazha [Stories of an old a page of the time of Paul I recorded by the son of the page]. *Russkaya starina*. 33:1. pp. 212–216.
6. Golovkin, F.G. (2003) *Dvor i tsarstvovanie Pavla I. Portrety, vospominaniya* [The court and the reign of Paul I. Portraits, memories]. Moscow: Olma-Press.
7. Sorokin, Yu.A. (2014) Political Regimes of Catherine II and Paul I in Russian Historical Literature of the 19 and 20 Centuries. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 3. pp. 108–137. (In Russian).
8. Sablukov, N.A. (1908) Zapiski N.A. Sablukova [Notes by N.A. Sablukov]. In: *Tsareubiystvo 11 marta 1801 goda. Zapiski uchastnikov i sovremennikov* [Regicide of March 11, 1801. Notes of participants and contemporaries]. 2nd ed. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
9. Khanenko, A.I. (1912) Rasskazy generala Kotlubitskago o vremenakh Pavla I, izlozhennye A.I. Khanenko [General Kotlubitsky's stories about the times of Paul I recorded by A.I. Khanenko]. *Russkiy arkhiv*. 2:8. pp. 509–538.
10. Vel'yaminov-Zernov, A.N. (1908) Zapiski A.N. Vel'yaminova-Zernova. Ubienie Pavla I [Notes by A.N. Velyaminov-Zernov. Murder of Paul I]. In: *Tsareubiystvo 11 marta 1801 goda. Zapiski uchastnikov i sovremennikov* [Regicide of March 11, 1801. Notes of participants and contemporaries]. 2nd ed. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
11. Lopukhin, I.V. (1860) *Zapiski iz nekotorykh obstoyatel'stv zhizni i sluzhby deystvitel'nogo taynogo sovetnika i senatora I.V. Lopukhina, sostavlennye im samim* [Notes from some of the circumstances of life and service of privy councilor and senator IV Lopukhin composed by himself]. London: Truebner & C°.
12. Golitsyn, F.N. (1874) Zapiski [Notes]. *Russkiy arkhiv*. 1:5. Columns 1271–1336.
13. Russkaya starina. (1874) Graf Nikita Petrovich Panin. 1771–1837. [Perepiska s A.B. Kurakinym] [Count Nikita Petrovich Panin. 1771–1837. [Correspondence with A.B. Kurakin]]. *Russkaya starina*. 10:7. pp. 561–584.
14. Turgenev, A.M. (1889) Zapiski Aleksandra Mikhaylovicha Turgeneva. 1772–1863 [Notes by Alexander Mikhailovich Turgenev. 1772–1863]. *Russkaya starina*. 62:4. pp. 183–220.

15. Tannenberg, G. von. (1805) *Zhizn' Pavla Pervogo, imperatora i samoderzhtsa Vserossiyskogo. Pisannaya na nemetskom yazyke Rossiyskoy sluzhby ofitserom* [The life of Paul I, Emperor and Autocrat of All-Russia. Written in the German language by an officer of the Russian service]. Translated from German by V. Kryazhev. Moscow: Privilegirovannaya tipografiya Kryazheva i Meya.
16. Rostopchin, F.V. (1876) Posledniy den' zhizni imperatritsy Ekateriny II i pervyy den' tsarstvovaniya imperatora Pavla I [The last day of the life of Empress Catherine II and the first day of the reign of Emperor Paul I]. In: Bartenev, P.I. (ed.) *Arkhiv knyazya Vorontsova* [Archives of Prince Vorontsov]. Vol. 8. Moscow: Tip. A. I. Mamontova.
17. Fonvizin, M.A. (1884) Zapiski Mikhaila Aleksandrovicha Fonvizina [Notes by Mikhail Aleksandrovich Fonvizin]. *Russkaya starina.* 42:4. pp. 31–66.
18. Fonvizin, M.A. (1884) Zapiski Mikhaila Aleksandrovicha Fonvizina [Notes by Mikhail Aleksandrovich Fonvizin]. *Russkaya starina.* 42:5. pp. 281–302.
19. Bashilov, A.A. (1871) Molodost' Bashilova. Zapiski o vremenakh Ekateriny II i Pavla I [The youth of Bashilov. Notes about the time of Catherine II and Paul I]. *Zarya*. December. pp. 193–223.
20. Volkonskiy, P.M. (1876) Rasskazy knyazya P.M. Volkonskogo, zapisannye s ego slov A.V. Viskovatovym v yanvare 1845 g. [Stories by Prince P.M. Volkonskiy recorded from his words by A.V. Viskovatov in January 1845]. *Russkaya starina*. 16:5. pp. 176–190.
21. Nikitin, S.A. (ed.) (2000) *Memuary grafini Golovinoy. Zapiski knyazya Golitsyna* [Memoirs of Countess Golovina. Notes by Prince Golitsyn]. Moscow: Tri veka istorii.
22. Poletika, P.I. (1885) Moi vospominaniya. Nachaty 16 yanv. 1843 g. [My memories. Begun on January 16. 1843]. *Russkiy arkhiv*. 3:11. pp. 305–336.
23. Balitskiy, G.M. (ed.) (1908) Vremya Pavla i ego smert'. Zapiski sovremennikov i uchastnikov sobytiya 11 marta 1801 g.: v 2 ch. [The time of Paul and his death. Notes by contemporaries and participants of the event of March 11, 1801: in 2 parts]. *Russkaya byl'*. 1.
24. Anon. (1907) *Tsareubiystvo 11 marta 1801 goda. Zapiski uchastnikov i sovremennikov* [Regicide of March 11, 1801. Notes of participants and contemporaries]. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.

Received: 03 May 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 108–110. DOI: 10.17223/15617793/408/16

УДК 34(540)

Д.С. Никитин

ИНДИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС И ОППОЗИЦИЯ РАЗДЕЛУ БЕНГАЛИИ В ПАРЛАМЕНТЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1905–1911 гг.)

Рассматривается деятельность британской парламентской оппозиции разделу Бенгалии в 1905–1911 гг. Особое внимание уделено изучению совместной работы парламентариев-либералов и Индийского национального конгресса (ИНК) в этом направлении, деятельности Генри Коттона – британского члена ИНК, возглавившего парламентскую оппозицию разделу Бенгалии в 1906 г. Рассмотрены позиции ведущих деятелей оппозиции по бенгальскому вопросу. Показана роль парламентской оппозиции в укреплении политических связей между британскими либералами и ИНК.

Ключевые слова: раздел Бенгалии; Индийский национальный конгресс; Парламент Великобритании; Генри Коттон.

Раздел Бенгалии 1905–1911 гг. оказал огромное влияние на ход истории Индии и развитие индийского национально-освободительного движения. Последствия этого административного решения прямо или косвенно отразились на проведении реформ Морли-Минто, заключавшихся в расширении функций законодательных советов в Британской Индии, привели к усилению экстремистов в Индийском национальном конгрессе (ИНК), что стало причиной раскола ИНК в 1907 г., и формированию революционного течения в национально-освободительном движении, вызвали к жизни широкое народное движение свадеши (бойкот иностранных товаров) – предшественника ненасильственного сопротивления Махатмы Ганди, и, в конечном счете, углубили индусско-мусульманские противоречия, сыгравшие решающую роль в разделе провинции на индийскую и пакистанскую части в 1947 г.

Решение вице-короля Индии лорда Керзона о разделе Бенгалии вызвало споры и дискуссии не только в Индии, где в поддержку раздела, в противовес индусской интеллигенции, выступала значительная часть бенгальских мусульман, но и в британском парламенте. Против официальной позиции по данному вопросу выступали, прежде всего, либеральные деятели, особенно те из них, что прежде служили в Индии и были хорошо знакомы с местными реалиями. Важно отметить, что в целом точка зрения британских либералов по вопросу раздела Бенгалии совпадала с линией ИНК. Руководители Конгресса традиционно уделяли большое внимание парламентской борьбе и поддержке Либеральной партии, члены которой неоднократно принимали участие в работе ИНК; Конгресс сохранял тесные связи и с Индийским парламентским комитетом, который значительно укрепился в начале XX в.: к 1906 г. в его состав входило около двухсот человек [1. P. 297].

Таким образом, парламентская оппозиция разделу провинции, в некоторой степени, дала возможность Конгрессу выражать свою точку зрения непосредственно в законодательном органе метрополии. По этой причине в декабре 1905 г. сессия ИНК приняла резолюцию с требованием усилить парламентский контроль за положением дел в Индии [2. P. 29].

Оппозицию решению о разделе Бенгалии в парламенте возглавил Генри Коттон, который более тридцати лет занимал высокие посты в административном аппарате Бенгалии и Ассама. Коттон был тесно связан с индийским национальным движением; в 1904 г., когда впервые был анонсирован предстоящий раздел провинции, он был избран президентом ИНК. В президентском послании к делегатам ежегодной сессии Конгресса он возражал против раздела Бенгалии на том основании, что он вызовет раскол в обществе, «разрушит единство… и подорвет чувство солидарности среди жителей» [3. P. 811].

Соглашаясь с тем, что отделение Восточной Бенгалии и Ассама освободит вице-губернатора провинции от ряда обязанностей, он предлагал назначить ему в помощь исполнительный совет или же выделить из состава Бенгалии Бихар, который не был населен бенгальцами. Конгресс под его руководством, таким образом, принял резолюцию, выражавшую «решительный протест против предложений правительства Индии о раздел Бенгалии» [4. P. 412]. Однако попытка Коттона встретиться с вице-королем не увенчалась успехом – вопреки традиции, установленной его предшественниками, Керзон отказался принять его в качестве президента ИНК [5. P. 27].

В начале 1905 г. Коттон совершил ряд поездок по Бенгалии и Ассаму, посещая конференции и собрания, посвященные обсуждению предстоящего раздела. Предложение по отделению Бихара было, по его мнению, «конструктивной схемой» [6. P. 9], его разделяли, в числе прочих, и известные англо-индийские издания, такие как «Стейтсмен» и «Калькутта Ревью», однако правительство Индии не внесло изменений в первоначальную схему раздела.

Вспыхнувшие после раздела Бенгалии 16 октября 1905 г. волнения стали причиной обсуждения ситуации в Индии в Палате общин, членом которой в начале 1906 г. стал Генри Коттон; кроме того, большим индийским опытом среди парламентариев обладали Д. Смитон, Дж. Джардин, Ч. Дж. О'Доннелл, Дж. Рис и другие. Большинство из них указывало на поспешность принятого решения и на негативные последствия, к которым оно привело. Например, 26 февраля 1906 г. на заседании Палаты общин представитель либералов Герберт Робертс предложил внести изменения в систему управления Бенгалией из-за «широкого недовольства и волнений, вызванных недавней политикой правительства» [7. С. 811]. Робертс обратил внимание собравшихся на то, что впервые парламенту стало известно о предстоящем распоряжении вице-короля только в начале августа, и вопрос не был рассмотрен должным образом. В разделе Бенгалии, по мнению

Робертса, индийцы увидели «желание правительства подавить, свернуть и не допустить в будущем агитацию», воспринимая, таким образом, это решение как политическое, а не административное [7. С. 815].

Робертс довел до сведения парламентариев требования, выдвинутые Гопалом Кришной Гокхале, президентом сессии ИНК 1905 г.: увеличение числа выборных членов совета при вице-короле до двенадцати человек из двадцати пяти, увеличение числа выборных членов Законодательного совета, назначение трех индийский представителей в совет при государственном секретаре по делам Индии и создание консультативных советов во всех провинциях Британской Индии [2. P. 16].

Согласно Робертсу, требования Конгресса были весьма умеренными и, более того, подготовленными британской колониальной политикой в течение предыдущих лет, включая Королевскую прокламацию 1858 г. и Акт об индийских советах 1892 г. Наконец, ссылаясь на распространенное мнение, что расширение самоуправления приведет к потере Индии, он утверждал, что «продолжение нынешней политики приведет к такому же результату» [7. С. 818].

Предложение Робертса о том, что «разумные требования индийского народа о предоставлении большей доли в управлении собственными делами должны быть рассмотрены правительством» [Там же. С. 830] было поддержано рядом либеральных членов парламента, в частности, Генри Коттоном, Джоном Джардином, О'Доннеллом и др. Коттон в своем выступлении настаивал на том, что для раздела Бенгалии нет веских оснований, особенно после того, как развитие железных дорог существенно сократило время на переезды между населенными пунктами, которые значительно усложняли службу вице-губернатора в прошлые годы [Там же. С. 826]. Поддерживая точку зрения ИНК, нашедшую свое выражение в резолюциях сессий Конгресса 1904–1905 гг., он видел причину беспорядков, вспыхнувших по всей стране после раздела провинции, в политическом характере этого решения.

Экономическую нецелесообразность раздела Бенгалии подчеркивал в своих выступлениях Джон Рис. Он, в частности, обращал внимание парламента на то, что многие индийские и европейские организации, такие как Торговая палата Калькутты и Европейская ассоциация торговли, выступали против раздела, и высказывал мнение, что вследствие движения свадеши место британских товаров может занять продукция европейских конкурентов, маркированная штампами индийских производителей [8. С. 508]. Финансовая сторона вопроса оставалась предметом споров в Палате общин вплоть до воссоединения провинций: в июле 1911 г. Джеймс Кейр Харди, парламентарий-лейборист, заявлял, что «раздел был ошибкой, административной и финансовой» [9. С. 1728–1729].

Наконец, объектом критики либеральных парламентариев стали репрессивные меры правительства Индии в отношении участников массовых митингов и демонстраций против раздела Бенгалии. В мае 1907 г. в результате волнений в Пенджабе был депортирован в Бирму известный лидер конгрессистских экстремистов Лала Ладжпат Рай. Депортация была осуществлена без суда, что не только вызвало крайне негативную реакцию индийской общественности, но и бросало тень на справедливость британского правосудия. В мае 1907 г. в Палате общин В.Х. Разерфорд обратился к генеральному секретарю по делам Индии Джону Морли с вопросом: «Ввиду того, что арест и депортация Лалы Ладжпата Рая без суда стали причиной возмущения подданных его величества в Индии, предстанет ли он перед судом или будет освобожден, что поможет восстановить закон и порядок и уважение к британскому правосудию?» [10. С. 1633]. По воспоминаниям Рая, Морли был «крайне неудачлив» в объяснении причин произошедшего [11. P. iii], и Рай, вскоре получивший разрешение вернуться в Индию, отмечал важную роль, которую сыграли в его освобождении либеральные члены парламента [Ibid. P. ix].

Однако, несмотря на ряд локальных успехов, парламентская оппозиция разделу Бенгалии не смогла существенно повлиять на политику индийской администрации. Гораздо большие опасения у последней вызывало массовое движение свадеши, по отношению к которому в рядах либералов не было единства – поддерживая политические требования индийцев и Конгресса, многие из них не разделяли экономическую программу индийских националистов с их «сердечной поддержкой» движения [4. P. 486]. Тем не менее парламентские дебаты 1906–1911 гг. еще более укрепили политические связи между ИНК и британскими либералами и продемонстрировали усиливающуюся, несмотря на раскол в 1907 г., роль Конгресса в индийском национальном движении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cumpston M. Some Early Indian Nationalists and Their Allies in the British Parliament, 1851–1906 // The English Historical Review. 1961. Vol. 76, № 299. P. 279–297.
2. Report of the Proceedings of the Twenty-First Indian National Congress. London, 1906.
3. The Indian National Congress: Containing an account of its origin and growth, full text of all the Presidential Addresses, reprint of all the Congress Resolutions, extracts from all the Welcome Addresses, notable utterances on the movement, portraits of all the Congress Presidents. Madras, [1909].
4. Besant A. How India wrought for freedom. London, 1915.
5. The Indian People. 1905. Vol. 5, № 5.
6. Narain M. The partition of Bengal, or, the separation of Behar. 1906.
7. Hansard Parliamentary Debates. 4Th series. London, 1906. Vol. 159.
8. Hansard Parliamentary Debates. 4Th series. London, 1906. Vol. 160.
9. Hansard Parliamentary Debates. 5Th series. London, 1911. Vol. 28.
10. Hansard Parliamentary Debates. 4Th series. London, 1907. Vol. 174.
11. Rai L. The story of my deportation. Lahore, 1908.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 мая 2016 г.

THE INDIAN NATIONAL CONGRESS AND THE OPPOSITION TO THE PARTITION OF BENGAL IN THE BRITISH PARLIAMENT (1905–1911)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 108–110.
DOI: 10.17223/15617793/408/16

Nikitin Dmitry S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikitds33@gmail.com

Keywords: partition of Bengal; Indian National Congress; British Parliament; Henry Cotton.

The partition of Bengal had a great impact on the Indian history and the development of the Indian national liberation movement. Lord Curzon's decision of the partition became the reason of the discussions and controversies not only in India, but in the British Parliament too. Liberal politicians with the Indian experience were against the official position on the matter. Their point of view on the partition of Bengal was the same as that of the Indian National Congress. The Congress leadership traditionally paid great attention to the parliamentary struggle and to the support of the Liberal Party, because some of the party's members were active participants of the Congress' work. The Indian National Congress retained close connection with the Indian parliamentary committee too. Parliamentary opposition to the partition of Bengal was headed by Henry Cotton, who held high positions in the administration of Bengal and Assam for more than thirty years. Cotton had close relations with the Indian national movement. He was elected president of the Indian National Congress in 1904, and it was the start of his activities against the propositions about the partition of the province. In the early 1905, Cotton made several visits to Bengal and Assam. He attended conferences and meetings devoted to the upcoming partition. He proposed a "constructive scheme" of the partition, but the Government of India rejected his propositions. In the early 1906, Cotton became a member of Commons. Unrest in India, which arose after the proclamation of the partition of Bengal on 16 October 1905, caused discussions on the situation in India in the British Parliament. Some of the liberal members (Smeaton, Jardin, O'Donnell, Rees, Cotton) had an Indian experience and they indicated the hastiness of the decision made and its negative effect. John Rees showed the economic infeasibility of the Bengal partition. For example, he drew Parliament's attention to the fact that many Indian and European organizations (such as the Chamber of Commerce of Calcutta and the European Trade Association) opposed the partition. He also expressed an opinion that the result of the swadeshi movement will be the strengthening of the European competitors, who will be able to replace British goods in the Indian market. Finally, the object of liberal criticism in Parliament was the repressive policy of the Government of India against the participants of the protest movement. In spite of the local success, the parliamentary opposition to the partition of the Bengal had no noticeable impact on the policy of the Indian administration. But the parliamentary debates of 1906–1911 strengthened the political connection between the Indian National Congress and British liberals, and were the evidence of the important role of the Indian National Congress in the national movement.

REFERENCES

1. Cumpston, M. (1961) Some Early Indian Nationalists and Their Allies in the British Parliament, 1851–1906. *The English Historical Review*. 76:299. pp. 279–297.
2. Indian National Congress. (1906) *Report of the Proceedings of the Twenty-First Indian National Congress*. London.
3. Indian National Congress. (1909) *The Indian National Congress: Containing an account of its origin and growth, full text of all the Presidential Addresses, reprint of all the Congress Resolutions, extracts from all the Welcome Addresses, notable utterances on the movement, portraits of all the Congress Presidents*. Madras.
4. Besant, A. (1915) *How India wrought for freedom*. London,.
5. *The Indian People*. (1905) 5:5.
6. Narain, M. (1906) *The partition of Bengal, or, the separation of Behar*. Allahabad: India Press.
7. *Hansard Parliamentary Debates*. (1906) 4th series. 159.
8. *Hansard Parliamentary Debates*. (1906) 4th series. 160.
9. *Hansard Parliamentary Debates*. (1911) 5th series. 28.
10. *Hansard Parliamentary Debates*. (1907) 4th series. 174.
11. Rai, L. (1908) *The story of my deportation*. Lahore: Jaawantrai.

Received: 19 May 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 111–116. DOI: 10.17223/15617793/408/17

УДК 32-027.21

Д.М. Перцев

АНГЛОСАКСОНСКИЕ ПОЛИТИИ VI в.: ВОЖДЕСТВО ИЛИ ГОСУДАРСТВО?

В статье обосновывается, что англосаксонские политии VI в. (варварские королевства) представляли собой вождества сложного типа, а не государства. Доказательство строится на антропологической теории вождества (chiefdom) и археологическом материале, фиксирующих критерии, характерные для обществ сложного типа: 1) иерархия поселений, разделяющая общество на управителей и управляемых; 2) наличие в погребениях высококачественных товаров; 3) наличие постоянной власти вождя, контролирующего элементы редистрибуции и отправляющего общие религиозные практики; 4) монументальные общественно-культовые сооружения (террасы, храмы, бурги). На основании вышеперечисленных критериев делается вывод о существовании в Англии VI в. политий, являющихся не государствами, а вождествами сложного типа.

Ключевые слова: теория вождества; англосаксонские политии; раннее государство; политогенез.

К настоящему времени интерес исследователей к государствогенезу возрос благодаря политической антропологии [1. С. 17] – научной дисциплины, объединяющей достижения истории, археологии, этнографии, социологии и изучающей процессы формирования и динамики институтов власти и контроля в первобытных, традиционных и посттрадиционных социумах [2. С. 15]. Итогом стало накопление теоретического и практического материала, позволяющего взглянуть по-новому на политогенез англосаксонских (варварских) королевств Британии VI в. (Уэссекс, Суссекс, Эссекс, Кент, Восточная Англия, Нортумбрия, Мерсия) с точки зрения теории вождества (англ. chiefdom).

VI в., как традиционно считается, – это время образования варварских королевств, но термин *королевство* не отражает реальную стадию развития англосаксонских политий по ряду причин: 1) известно, что даже к X в. старший сын предводителя такой политии не обязательно считался приемником на троне. Вождем становился любой из сыновей либо его брат или племянник по причине того, что власть у англосаксов рассматривалась как прерогатива *рода*. В результате происходили распри внутри англосаксонских политий [3. С. 7]; 2) вождь, чьи действия приносили вред обществу, мог быть изгнан либо убит как, например, король Нортумбрии Эльхерд или властитель Уэссекса Сигеберт, лишенный власти советом знати в 757 г. [4. P. 23].

Цель статьи – обосновать, что англосаксонские политии VI в. являлись *вождествами сложного типа*, а не государствами. К сожалению, в отечественной науке исследования политогенеза с таких позиций не получили широкого освящения. В данном исследовании мы попытаемся исправить сложившееся положение.

Теория вождества – одно из авторитетнейших достижений западной антропологии 60–70-х гг. XX в. [Там же. P. 15]. Согласно Т. Ёрлу, одному из крупнейших специалистов в данной области, *chiefdom* обнаружено исследователями во многих частях земного шара [5. P. 279], и англосаксонские *королевства*, по нашему мнению, не являются исключением.

В целом общими критериями вождества считаются: 1) иерархия поселений, фиксирующая разделение социума на управителей и управляемых [6. С. 140]; 2) наличие в погребениях высококачественных товаров, отражающих социальную дифференциацию социума [6. С. 140]; 3) наличие постоянной власти вождя, контролирующего элементы редистрибуции [Там же. С. 141]; 4) монументальные общественно-культовые сооружения (*террасы, храмы, бурги*) и наличие общей идеологии [Там же. С. 142].

Начнем рассмотрение с первого критерия:

1. Иерархия поселений.

Согласно теории вождества предполагается, что четырехуровневая иерархия означает возникновение государства, трехуровневая говорит о наличии вождеств сложного типа, а двухуровневая – простых [Там же. С. 141].

Переход англосаксонского общества к более усложненной социополитической организации (*chiefdom*) к VI в. фиксируется на основе ранжирования поселений: 1) управленцы с особыми типами жилищ (*королевские усадьбы*) соответствующих статусу лидера; 2) управляемые (*общинники, рабы*), проживающие в менее престижных поселениях. Оценкой элитарности поселения могут служить: а) крупные размеры жилища; б) многочисленные дополнительные постройки (административные, судебные, культовые), в) ограждения; г) расположение на возвышенностях.

Деревни (VI в.).

Основной территориальной единицей англосаксонских племен являлись *region*, они же *provinciae*. Первой ступенью поселенческой субординации были деревни, состоящие из: 1) домов с утопленным полом (*для низшей прослойки общества*); 2) прямоугольных жилищ и длинных домов, плотно пристроенных друг к другу (*общинники*). К таким типам поселений относятся: 1) Саттон; 2) Кассингтон; 3) Эйнсшем; 4) Вест Стоу; 5) Макс; 6) Маккинг; 7) Лэдбридж [7. P. 134]. Функциональная структура деревень в общей иерархии – земледелие, сельское хозяйство.

Emporium (VI–VII вв.).

Второй уровень иерархии – это *emporia*, крупные ремесленные центры, осуществляющие торговую деятельность по воде на дальние расстояния (Ипсвич, Хэмвик, Йорк, Люнденвик, Саусхэмптон, Фишергейт) и управляемые англосаксонскими вождями [8. P. 243]. В эмпориях пространство разделялось на улицы, существовали *ремесленное производство и чеканка монет*, что позволило исследователям даже обозначить *emporia* как протогорода [9. P. 98]. Эмпории не занимались сельским хозяйством, сосредоточиваясь преимущественно не ремесленно-торговой функции.

Villa regalis (VI–VII вв.).

Это административные центры власти [10. P. 100] с группирующимися вокруг них более мелкими поселениями со рвом частоколом [11. С. 23]. Англосаксонский *chiefdom* представлен: 1) резиденцией вождя (лат. *villa regalis;* англ. *hillfort*), резко выделяющейся размерами среди остальных построек в поселении [12. P. 34]; 2) сооружением христианского культа (наличие общей идеологии, объясняющей существующий социальный порядок, в основе которого лежит учение церкви о троичности общества, угодной Богу: а) священники, б) воины, в) производители) [13. P. 200]. К V*illa regalis* в Британии относятся: 1) Саут Кэдбери; 2) Кадбури Касл; 3) Чеддер; 4) Коудерис Даун; 5) Айверинг; 6) Дун Хилл [14. С. 23].

Резиденции вождя строились по одному типу, представленному усадьбой VI в. Айверинг: 1) дом вождя на возвышенности [15. P. 15] с частоколом; 2) монументальное сооружение культа (христианская церковь); 3) пристройки к дому вождя для дружины; 4) центр поселения (*auditorium*) для судилища, собрания знати; 5) *защитное укрепление*, отделяющее дом предводителя от мелких поселений [16. P. 128].

Таким образом, англосаксонская иерархия поселений троична: 1) деревни – сельскохозяйственные производители; 2) эмпории – ремесленно-торговые центры; 3) усадьбы вождей, подчинивших себе вышеперечисленные единицы поселенческой иерархии [17. P. 128].

В целом из анализа англосаксонских поселений можно предположить, что *к VI в. социальная стратификация на основе поселений приобрела троякую форму:* 1) аристократия (*eorl*); 2) общинники – производители и ремесленники (*ceorl*); 3) неполноправные категории населения (*teow*).

2. Наличие в погребениях высококачественных товаров, в том числе заморских, фиксирующих социальную дифференциацию.

Это сложные, с точки зрения производства, изделия из редкого сырья, созданные ремесленниками, что свидетельствует о наличии в обществе квалифицированных специалистов, либо товары, транспортировка которых дорога. Сюда относятся: а) качественная керамика; б) орнаментированные ткани; в) изделия из стекла и металла; г) сокровища из кладов, фиксирующие наличие властных лиц (вождей), распоряжавшихся товарами престижа.

Скопления высококачественных предметов в погребениях фиксируются к концу VI в. [18. P. 15]. В это время военные вожди получали дорогие товары из-за рубежа, контролируя систему редистрибуции престижных артефактов благодаря протогородам – эмпориям [19. P. 289].

Анализ предметов роскоши из погребений дает информацию о социальной иерархии англосаксов [20. P. 11]. Так, ярчайшим памятником культуры с высококачественными изделиями, которых большинство англосаксов не имели, являлся курганный некрополь [21. P. 9] рубежа VI–VII вв. в *Саттон Ху*, включавший: 1) круглый щит и меч с *позолоченной* рукояткой, украшенной *гранатом*; 2) *золотую пряжку*; 3) *золотой* ремень; 4) скипетр (символ власти); 5) лиру, завернутую в *бобровую шкуру*; 6) *экзотическую* ткань с сирийским рисунком; 7) кошель с меровингскими монетами; 8) *серебряную* византийскую, египетскую посуду и церемониальный шлем вождя Рэдвальда (593–617) [22. P. 56].

Коллекция предметов роскоши из Саттон Ху является крупнейшим в Британии раннего англосаксонского периода (V–VIII вв.). Дорогое оружие – критерий высокого статуса человека, в то время как погребения, содержащие минимум инвентаря, могут интерпретироваться как захоронения рабов.

Следует отметить большое количество высококачественных товаров, в том числе импортированных из-за рубежа. Богатые артефакты, символизирующие высокое положение вождя, представлены: 1) серебряными и золотыми украшениями из захоронений Бэдфордшира [23. P. 18]; 2) бронзовыми кубками из восточного Средиземноморья [24. P. 24]; 3) изделиями из погребальной ладьи Снэпа (Суффолк) [25. P. 321].

В снэпском корабле найдены: 1) стеклянный кубок для питья; 2) золотое кольцо (*Snape gold ring*) с выгравированным *Bonus Eventus* [26. P. 39]. Возможно, кольцо изготовлено франкским ремесленником VI в. и привезено в Британию для местного вождя [Там же]. Обнаружены также богатые погребения предводителей вождеств в Тэплоу, Брумфилде, Каддесдоне, Эстхолле, Кенби [27. P. 42].

Находки из курганов в Саттон Ху и Снэпа являются начальным признаком социополитической эволюции англосаксов от горизонтальных структур власти (*предводитель, народное собрание, совет старейшин*) к более иерархиезированной форме политии, демонстрирующей усиливающуюся роль вождя. Однако важно заметить, что англосаксонский вождь воспринимался населением пока еще как военный защитник, а не полновластный правитель.

Инвентарь представлен и драгоценными женскими артефактами, такими как броши Баклэнда (Кент) [28. P. 44], вестготские, франкские (*tremissis*) и византийские монеты из Суффолка, Глойстершира и Стаффордшира, драгоценные броши Кодденхама, Хаскетона, дорогой текстиль из Кенингсхолла VI в. [Там же. P. 26], металлические изделия Бос Холла [Там же. P. 33] и Бидфорода (Уорвикшир), драгоценные камни Личлейда [Там же], стеклянные и золотые бусы Ярроу, Вермута и Винчестера, композитная брошь VII в. в виде диска 7 см в длину с золотой филигранью [29. P. 284]. Англосаксонская богато одетая и имеющая дорогие украшения женщина – еще один критерий престижа вождя в социуме.

Таким образом, к концу VI – началу VII в. знатных англосаксов хоронили в ладьях под *курганами* либо в отдельных погребениях с многочисленным инвентарем, включая оружие, заморские товары из золота, серебра и драгоценных камней. Подобные захоронения именуются «княжескими погребениями», а фокусирование внимания на погребениях верхушки общества – индикатор формирования более сложной, *иерархиезированной* организации, знавшей социальное ранжирование: 1) вождь; 2) общинники; 3) неполноправные категории населения.

3. Наличие постоянной власти вождя, концентрирующего в руках инструменты редистрибуции (англ. redistribution – перераспределение).

Политический предводитель вождества, чтобы укрепить власть, должен контролировать и перераспределять ресурсы в социально-экономической системе. Особенность редистрибутивной функции, увеличивающей политическое влияние вождя, в данном случае заключается: 1) в сборе прибавочного продукта с управляемого населения в пользу предводителя (*gafold, дань*) и контроле за торговлей на дальние расстояния (*emporia*), приносящим вождю и его приближенным товары роскоши; 2) раздаче предметов на традиционных празднествах (пирах), что увеличивало престиж, а соответственно, укрепляло власть щедрого вождя.

Англосаксонские предводители VI в. уже выделились из общества и отстранили от управления рядовых общинников [30. P. 10], а также контролировали перераспределение ресурсов благодаря кормлениям (gafold). Они состояли из подношений продуктов для вождя и его дружины за счет общинников. Однако подобные кормления станут обязательно-принудительными только к VIII в. Вождь пировал [31. С. 360] у местных предводителей, вершил суд, отправлял культовые практики, решал спорные вопросы и организовывал раздачу сакральных предметов удачи [32. С. 100]. Особенность англосаксонских вождей заключалась в том, что для потребления gafold им, вместе со свитой, приходилось много времени проводить в седле, объезжая и контролируя подвластные территории. Вторым способом получения дохода вождем была дань. Сбор подати с завоеванных народов – еще один источник редистрибуции англосаксонского вождя. Согласно Tribal Hidage (племенная поземельная подать), документу конца VI в., мерсийский вождь Вульфхер собирал ее с 35 родовых групп, обложенных данью в гайдах – участках земли одной семьи (приблизительно 120 акров). Таким образом, это были территории, зависимые от усадеб вождей. Народы, перечисленные в переписи, к VI–VII вв. представляли собой слабые политии, находящиеся в подчинении у более сильных предводителей, собиравших с побежденных прибавочный продукт. Однако его потребление в вождестве хоть и присутствует, но не имеет четко установленных сроков сбора и количества ввиду незначительного развития уровня производительных сил общества [33. С. 14].

Emporia (лат. *emporium*, англ. *wics*) – англосаксонские ремесленно-торговые единицы (*Ипсвич, Хэмвик, Йорк, Люнденвик, Саутгэмптон, Фишергейт*) [34. P. 169], возникшие в Британии в VI в. и осуществлявшие коммерческую деятельность по воде на дальние расстояния, предоставляя в распоряжение вождей товары престижа. К VIII в. вся североморская территория была охвачена единой сетью торгово-ремесленных отношений с эмпориями Северной Франции (Квентовик, Домбург), Скандинавии (Хедебю, Бирка, Данкирке) и Дорестадом (Нидерланды) [35. P. 2]. Таким образом, сформировался единый экономический регион от Фризии и Британии до Восточной Балтики [41. С. 25].

Осуществление контроля над emporia было выгодно англосаксонской элите, как и другим политиям Раннего Средневековья, включая Русь [36. С. 25]. Именно этот важнейший фактор – дальняя торговля – способствовал увеличению власти правителей вождеств и предоставлял в распоряжение политических лидеров редкие товары роскоши, увеличивая влияние [37. P. 160].

Для варварской знати такой инструмент перераспределения являлся возможностью поддерживать собственный авторитет [38. P. 43]. Этим объяснялось и отсутствие укреплений в англосаксонских emporia, так как безопасность контролировалась местным вождем. Контроль англосаксонских лидеров над протогородами – эмпориями был столь велик, что последние могли быть перенесены на другие места в связи с перемещением местного центра власти на новые территории [Там же].

Однако, следуя М. Моссу, следует понимать, что в предгосударственных обществах, каким являлось англосаксонское вождество VI – начала VII в., обладание предметами роскоши, получаемой благодаря контролю над эмпориями, поднимало статус лишь управленческой аристократии: 1) вождя; 2) дружины; 3) жрецов (христианские священники). Поэтому обмен и торговля в таком обществе стимулировали социальный, а не экономический разрыв между управителями и большинством производителей, отстраненных от принятия решений [39. С. 45].

4. Наличие монументальной архитектуры (общественно-культовые сооружения, каналы, террасы, крепости).

Монументальная архитектура свидетельствует о координации усилий множества людей, объединенных для строительства, в сложные коллективы, управляемые из одного организационного центра. В политически усложненных обществах большую роль играет монументальная скульптура, требующая высоких навыков обработки камня, а соответственно, профессиональных специалистов. В результате появления общественно-культовых сооружений социуму необходимы священники, жрецы, контролирующие канал связи с божественным и осуществляющие сакрализацию власти правителя.

Согласно теории вождества общество, находящееся на промежуточной между племенем и ранним государством стадии политогенеза, должно обладать наличием монументальных общественно-культовых строений. Англосаксонский археологический материал показывает, что Британия начиная с VI в. – времени христианизации острова миссией Августина, – полностью соответствует данному критерию, так как первыми монументальными строениями в Британии являлись культовые сооружения: 1) капелла Святого Мартина (597 г.) в Кентербери; 2) аббатство Святого Августина (598 г.), служившее усыпальницей вождей Кента [40. P. 28]. Сюда же относятся и хиллфорты (*hillfort*) – крепости на возвышенностях, окруженные валом и предназначенные для резиденций вождей (например, Кадбури Касл в Сомерсете) [40. P. 34].

Таким образом, можно утверждать, что британские chiefdom – это социополитические организации власти, для которых характерны: 1) иерархия поселений и их централизация, выражающая стратификацию общества (управители, управляемые [41. P. 29]); 2) расслоение элиты на управленческую (вождь), военную (дружина), жреческую (христианские священники); 3) контроль над редистрибуцией прибавочного продукта по вертикали (дань, торговля, война); 4) иерархическая система принятия решений, но отсутствие узаконенной монополии на насилие [42. P. 307]; 5) общая идеология (христианство латинского обряда) и дифференциация культуры («народная», «книжная») [43. С. 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Крадин Н.Н. Перспективы политической антропологии // Полис. 2011. № 6.
2. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М. : Наука, 1988.
3. Ерохин А.С., Шинаков Е.А. Компаративный анализ политогенеза раннесредневековой Англии и Древней Руси // Вестник БГУ. 2011. № 2.
4. Earle T. Chiefdoms: Power, Economy and Ideology. Cambridge University Press, 1991.
5. Earle T. Chiefdoms in archeological and ethnohistorical perspective // Annual Review Anthropology. 1987.
6. Березкин Ю.Е. Археология, этнография и политогенез // Ранние формы политических систем. СПб., 2012.
7. Hamerow H. The agrarian production and emporia in Middle Saxon England 650–850 // Post Roman Towns, Trade and Settlements in Europe and Byzantium. New York, 2007.
8. Naylor J. Access to International Trade in Middle Saxon England: A Case of Urban Over Emphasis? // Close Encounters: Sea and Riverborn Trade, Ports and Hinterlands, Ship Construction And Navigation in Antiquity, The Middle Ages and Modern Time. BAR International Series. 2004.
9. Ulmshnaider K. Settlement, Economy, and the Productive Site: Middle Anglo-Saxon Lincolnshire A.D. 650–780 // Medieval Archaeology. 2000. Vol. 44.
10. Alcock L. Economy, Society and Warfare Among the Britons and Saxons. University of Wales Press. 1987.
11. Квеннел М., Квеннел Ч.Г.Б. Повседневная жизнь Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов. СПб. : Евразия, 2002.
12. Alcock L. By South Cadbury is that Camelot: excavations at Cadbury Castle 1966–70 // New Aspects of Antiquity edited by Sir M. Wheeler. London : Thames and Hudson, 1972.
13. Haverfield F.J. Early British Christianity // English historical review. 1896. Vol. 11.
14. Вильсон Д.М. Англосаксы: покорители кельтской Британии. М. : Центрополиграф, 2004.
15. Spencer S.C. Rethinking Chiefdom // Chiefdoms in Americas. University Press of America. 1985.
16. Hammerow H. Anglo – Saxon Timber Building and its Social Context // The Oxford Handbook of Anglo-Saxon Archaeology. Oxford University Press, 2011.
17. Harke H. Early Anglo – Saxon Social Structure // The Anglo-Saxons From the Migration Period to the Eighth Century. Woodbridge, 1997.
18. Pocock M. Survey of the Anglo – Saxon Cruciform Brooches of Florid Type // Medieval Archeology. 1971. Vol. 15.
19. Hodges R. Dream Cities: Emporia and the End of the Dark Ages // Towns in Transition. Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages / ed. by N. Christie, S.T. London : Loseby, 1996.
20. Binford L. Mortuary Practices: Their Study and Their Potential // Memories of the Society American Archeology. 1971. Vol. 25.
21. Brooks S. Boat-Rivets in Graves in Pre-Viking Kent: Reassessing Anglo-Saxon Boat Burial Traditions in Kent // Medieval Archaeology. 2007. № 51.
22. Mitford B. The Sutton Hoo Ship Burial // Suffolk Institute of Archeology and Natural History. 1950. Vol. 25.
23. Kennet H.D. The Pottery and other Finds from Anglo-Saxon cemetery at Sandy, Bedfordshire // Medieval Archeology. 1970. Vol. 14.
24. Naylor J. Early Medieval Coins in Britain 500–675. Merovingians and Visigoths. England : Oxford University press, 1977.
25. Filmer-Sankey W. Snape // Medieval Archeology. An Encyclopedia. England: Garland Publishing. 2001.
26. Filmer-Sankey W. Snape Anglo-Saxon cemetery – the current state of knowledge // The Age of Sutton Hoo. London, 1992.
27. Newhman J. The Late Roman and Anglo-Saxon Settltment Pattern in the Sending Suffolk // The Age of Satton Hoo. London, 1992.
28. Naylor J., Geake H. Notes On Anglo-Saxon Burial from West Honey // Medieval Archeology. 2011. Vol. 55.
29. Tainter J.A. Social inference and mortuary practices: an experiment of numerical classification // World Archeology. 1975. № 7.
30. Stanton F.M. Anglo-Saxon England. Oxford University Press, 1943.
31. Гуревич А.Я. Пир // Словарь средневековой культуры. М., 2003.
32. Саллинз М. Экономика каменного века. М., 1999.
33. Грини Л.Е. Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ // Ранние формы политических систем. СПб., 2012.
34. Hodges R. Dark Age economics. The origins of towns and trade, AD 600–1000. London : Duckworth, 1982.
35. Adams C. Economic Collapse? A Historical and Archaeological Perspective on the Anglo-Saxon Emporium // Primary Source. 2001. Vol. II: Is. II.
36. Мельникова Е.А. Возникновение Древнерусского государства в европейском контексте // 1150 лет российской государственности и культуры / под. ред. акад. А.П. Деревянко. М. : Наука, 2012.
37. Webb M. The Flag follows Trade: An Essays of Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation // Ancient Civilizations and Trade. Albuquerque. 1975.
38. Wics: The Early Medieval Trading Centres of Northern Europe / D. Hill, and R. Cowie Sheffield, 2001.
39. Мосс М. Общества. Обмен, Личность. М., 1996.
40. Kirby D.P. The Earliest English Kings. London : Routledge, 2000.
41. Carneiro R.L. A Theory of the Origin of the State // Studies in Social Theory Menlo Park, CA: Institute for Humane Studies 1977. No 3.
42. Wright H. Recent Research on the Origin of the State // Journal of Anthropological Research. 1977.
43. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 апреля 2016 г.

ANGLO-SAXON POLITIES OF THE SIXTH CENTURY: CHIEFDOM OR STATE?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 111–116.
DOI: 10.17223/15617793/408/17

Pertsev Dmitry M. The Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: dima.percev.91@mail.ru

Keywords: politogenesis theory; state; social contract; early state; origin of theory of state; political anthropology; chiefdom.

The purpose of the article is to prove that the Anglo-Saxon polities of the sixth century (Wessex, Sussex, Essex, Kent, East Anglia, Northumbria, Mercia) were chiefdoms of a complex type, not early states. The proof is based on the anthropological theory of chiefdom developed in the 1960s–1970s and on archaeological material that reflects the criteria specific to complex society types: 1) the hierarchy of settlements which shows the division of society into rulers and the ruled; 2) the availability of high-quality goods in the burials; 3) the presence of a constant power of the leader who controls elements of redistribution and performs common religious practices; 4) monumental public and religious buildings (terraces, temples, boroughs). The analysis of the Anglo-Saxon settlement hierarchy of the sixth century showed the presence of a three-level (village, emporia, chief's manor) graduation of settlements, as well as a three-level ranking of the society: 1) the aristocracy *(eorl)*; 2) community members – producers and artisans *(ceorl)*; 3) unequal categories of the population *(teow).* The study of the archaeological material of the luxuries found in the burial mounds of Anglo-Saxon leaders of the turn of the seventh century revealed most of its accumulation in the graves of military leaders *(chiefs)*, which captures the rise and consolidation of their power over the rest of the polity, and the focus of attention on burials of the top of society is an indicator of a more complex organization. The study of the redistributive function of control over resources in the sixth century recorded three sources of redistribution of surplus product by the leader: *1) gafold; 2) tribute; 3) emporia.* The monumental public and religious buildings of the Anglo-Saxon polities are represented by the Chapel of St. Martin (597), St Augustine's Abbey (598) and hillforts – fortresses on hills surrounded by shafts and designed for leader's residences. Thus, one could argue that the Anglo-Saxon barbarian kingdoms of the sixth century are a complex chiefdom, but not an early state. The latter is a socio-political organization of power characterized by: 1) a written code of laws; 2) the existence of a special apparatus of judges that settles most of the legal issues 3) the appearance of officials to help stewards withdraw surplus product in a fixed time (which is not observed in the chiefdom).

REFERENCES

1. Kradin, N.N. (2011) Perspektivy politicheskoy antropologii [Prospects for political anthropology]. *Polis*. 6.
2. Kubbel', L.E. (1988) *Ocherki potestarno-politicheskoy etnografii* [Essays on Potestarian political ethnography]. Moscow: Nauka.
3. Erokhin, A.S. & Shinakov, E.A. (2011) Komparativnyy analiz politogeneza rannesrednevekovoy Anglii i Drevney Rusi [Comparative analysis of politogenesis of early medieval England and Ancient Russia]. *Vestnik BGU*. 2.
4. Earle, T. (ed.) (1991) *Chiefdoms: Power, Economy and Ideology*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Earle, T. (1987) Chiefdoms in archeological and ethnohistorical perspective. *Annual Review Anthropology*. 16. pp. 279–308. DOI: 10.1146/annurev.an.16.100187.001431
6. Berezkin, Yu.E. (2012) Arkheologiya, etnografiya i politogenez [Archaeology, Ethnography and politogenesis]. In: Popov, A.V. (ed.) *Rannie formy politicheskikh sistem* [Early forms of political systems]. St. Peterburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS.
7. Hamerow, H. (2007) The agrarian production and emporia in Middle Saxon England 650–850. In: Henning, J. (ed.) *Post Roman Towns, Trade and Settlements in Europe and Byzantium*. Berlin/*New York*: Walter de Gruyter.
8. Naylor, J. (2004) Access to International Trade in Middle Saxon England: A Case of Urban Over Emphasis? In: Pasquinucci, M. & Weski, T. (eds) *Close Encounters: Sea and Riverborn Trade, Ports and Hinterlands, Ship Construction And Navigation in Antiquity, The Middle Ages and Modern Time*. BAR International Series.
9. Ulmschnaider, K. (2000) Settlement, Economy, and the Productive Site: Middle Anglo-Saxon Lincolnshire A.D. 650–780. *Medieval Archaeology*. 44. pp. 53–79
10. Alcock, L. (1987) *Economy, Society and Warfare Among the Britons and Saxons*. Cardiff: University of Wales Press.
11. Quennell, M. & Quennell, Ch.G.B. (2002) *Povsednevnaya zhizn' Anglii vo vremena anglosaksov, vikingov i normannov* [Everyday life in England during the time of the Anglo-Saxons, Vikings and Normans]. Translated from English. St. Petersburg: Evraziya.
12. Alcock, L. (1972) By South Cadbury is that Camelot: excavations at Cadbury Castle 1966–70. In: Wheeler, M. (ed.) *New Aspects of Antiquity*. London: Thames and Hudson.
13. Haverfield, F.J. (1896) Early British Christianity. *English historical review.* 11. pp. 417–430.
14. Wilson, D.M. (2004) *Anglosaksy: pokoriteli kel'tskoy Britanii* [The Anglo-Saxons: conquerors of Celtic Britain]. Translated from English. Moscow: Tsentropoligraf.
15. Spencer, S.C. (1985) Rethinking Chiefdom. In: Drennan, R.D. & Uribe, C.A. (eds) *Chiefdoms in Americas*. Lanham: University Press of America.
16. Hammerow, H. (2011) Anglo – Saxon Timber Building and its Social Context. In: Hamerow, H., Hinton, D.A. & Crawford, S. *The Oxford Handbook of Anglo-Saxon Archaeology*. Oxford University Press.
17. Harke, H. (1997) Early Anglo – Saxon Social Structure. In: Hines, J. (ed.) *The Anglo-Saxons From the Migration Period to the Eighth Century*. Woodbridge: Boydell.
18. Pocock, M. (1971) Survey of the Anglo – Saxon Cruciform Brooches of Florid Type. *Medieval Archeology*. 15. pp. 13–36.
19. Hodges, R. (1996) Dream Cities: Emporia and the End of the Dark Ages. In: Christie, N. (ed.) *Towns in Transition. Urban Evolution in Late Antiquity and the Early Middle Ages*. London: Loseby.
20. Binford, L. (1971) Mortuary Practices: Their Study and Their Potential. *Memories of the Society American Archeology*. 25. pp. 6–29.
21. Brooks, S. (2007) Boat-Rivets in Graves in Pre-Viking Kent: Reassessing Anglo-Saxon Boat Burial Traditions in Kent. *Medieval Archaeology*. 51. pp. 1–18.
22. Mitford, B. (1950) The Sutton Hoo Ship Burial. *Suffolk Institute of Archeology and Natural History*. 25.
23. Kennet, H.D. (1970) The Pottery and other Finds from Anglo-Saxon cemetery at Sandy, Bedfordshire. *Medieval Archeology*. 14. pp. 17–33.
24. Naylor, J. (1977) *Early Medieval Coins in Britain 500–675. Merovingians and Visigoths*. England: Oxford University Press.
25. Filmer-Sankey, W. (2001) Snape. In: *Medieval Archeology. An Encyclopedia.* New York: Garland Publishing.
26. Filmer-Sankey, W. (1992) Snape Anglo-Saxon cemetery – the current state of knowledge. In: Carver, M.O.H. (ed.) *The Age of Sutton Hoo: The Seventh Century in North-Western Europe*. London: British Museum.
27. Newhman, J. (1992) The Late Roman and Anglo-Saxon Settltment Pattern in the Sending Suffolk. In: Carver, M.O.H. (ed.) *The Age of Sutton Hoo: The Seventh Century in North-Western Europe*. London: British Museum.
28. Naylor, J. & Geake, H. (2011) Notes On Anglo-Saxon Burial from West Honey. *Medieval Archeology*. 55.
29. Tainter, J.A. (1975) Social inference and mortuary practices: an experiment of numerical classification. *World Archeology*. 7.
30. Stanton, F.M. (1943) *Anglo-Saxon England*. Oxford University Press.
31. Gurevich, A.Ya. (2003) Pir [Feast]. In: Gurevich, A.Ya. (ed.) *Slovar' srednevekovoy kul'tury* [The dictionary of medieval culture]. Moscow: ROSSPEN.
32. Sallinz, M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics]. Translated from English by O. Artemova, Yu. Ogorodnova & L. Ogorodnov. Moscow: OGI.

33. Grini, L.E. (2012) Rannie gosudarstva i ikh analogi v politogeneze: tipologii i sopostavitel'nyy analiz [Early states and their counterparts in politogenesis: typology and comparative analysis]. In: Popov, A.V. (ed.) *Rannie formy politicheskikh sistem* [Early forms of political systems]. St. Peterburg: Museum of Anthropology and Ethnography RAS.
34. Hodges, R. (1982) *Dark Age economics. The origins of towns and trade, AD 600–1000*. London: Duckworth.
35. Adams, C. (2001) Economic Collapse? A Historical and Archaeological Perspective on the Anglo-Saxon Emporium. *Primary Source*. II:II.
36. Mel'nikova, E.A. (2012) Vozniknovenie Drevnerusskogo gosudarstva v evropeyskom kontekste [The emergence of the ancient Russian state in the European context]. In: Derevyanko, A.P. (ed.) *1150 let rossiyskoy gosudarstvennosti i kul'tury* [1150 years of Russian statehood and culture]. Moscow: Nauka.
37. Webb, M. (1975) The Flag follows Trade: An Essays of Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation. In: Sabloff, G.A. & and Lamberg-Karlovsky, C.C. (eds) *Ancient Civilizations and Trade*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
38. Hill, D. & Cowie, R. (2001) *Wics: The Early Medieval Trading Centres of Northern Europe*. Sheffield: Sheffield Academic Press.
39. Mauss, M. (1996) *Obshchestva. Obmen, Lichnost'* [Society. Exchange, Person]. Translated from French. Moscow: Vostochnaya literatura.
40. Kirby, D.P. (2000) *The Earliest English Kings*. London: Routledge.
41. Carneiro, R.L. (1977) A Theory of the Origin of the State. *Studies in Social Theory*. 3.
42. Wright, H. (1977) Recent Research on the Origin of the State. *Journal of Anthropological Research*. 6. pp. 379–397.
43. Gurevich, A.Ya. (1981) *Problemy srednevekovoy narodnoy kul'tury* [Problems of medieval folk culture]. Moscow: Iskusstvo.

Received: 19 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 117–124. DOI: 10.17223/15617793/408/18

УДК 94: 910.4 (571.1/.5)

В.В. Расколец

ЭКСПЕДИЦИИ Д.Ф. КОТЕЛЬНИКОВА И В.В. САПОЖНИКОВА В ОБСКУЮ ГУБУ (1919 г.)

На основании архивных материалов, публикаций в «Известиях Института исследования Сибири», «Известиях Русского географического общества», а также периодической печати рассматривается подготовка и деятельность экспедиции Д.Ф. Котельникова по обследованию Северного морского пути в Обско-Тазовском речном бассейне. Параллельно освещается работа экспедиции Института исследования Сибири во главе с В.В. Сапожниковым по обследованию прилегающей к Обско-Тазовскому речному бассейну местности в ботанико-географическом и метеорологическом отношениях.

Ключевые слова: история науки; Северный морской путь; Институт исследования Сибири; Обская губа; флора; астрономические и метеорологические наблюдения.

В «Морской доктрине Российской Федерации на период до 2020 года» в качестве одной из главных задач определено: «обеспечение национальных интересов Российской Федерации в отношении Северного морского пути» [1]. Учитывая экономическое и стратегическое значение этой важной водной артерии в плане доступа к ресурсам арктического северного шельфа, а также в качестве транспортного узла, интегрирующего внутрисубъектное развитие страны и обеспечивающего торговлю международного характера, интерес государства к этой проблеме вполне объясним.

Известно, что проблемой освоения Северного морского пути стали интересоваться намного раньше. В отечественной исторической литературе как дореволюционного, так и советского периодов о Северном морском пути имеется большое количество источников [2–6]. Стоит выделить 4-томную монографию М.И. Белова «История открытия и освоения Северного морского пути», в которой автор охватил период с древнейших времён до 1945 г. [7]. Помимо этого, стоит выделить труды, посвящённые организаторам экспедиций в Обскую губу, – Д.Ф. Котельникову и В.В. Сапожникову [8, 9]. Тем не менее в рамках данной проблематики некоторые сюжеты из истории исследования и освоения Северного морского пути нуждаются в дополнительном изучении. Цель данной работы состоит в реконструкции истории подготовки, хода и результатов гидрографической экспедиции Д.Ф. Котельникова и естественноисторической экспедиции под руководством директора Института исследования Сибири, профессора В.В. Сапожникова в Обскую губу в 1919 г.

В годы Гражданской войны правительство адмирала А.В. Колчака активно искало каналы снабжения, через которые иностранные державы могли бы оказать ему экономическую и военную помощь. Для таких целей мог быть использован водный путь, проходящий через Ледовитый океан до Новой Земли, а оттуда до проливов (Карские Ворота или Югорский Шар), затем до Карского моря и, наконец, Обской губы. Другой путь лежал из Америки через Берингов пролив и до устья Енисея.

Летом 1918 г. из Архангельска прибыла экспедиция, которая доставила ценный военный груз в Омск [8. С. 86]. Начальником этой экспедиции был подполковник Д.Ф. Котельников – опытный гидрограф, выпускник Военно-морской академии, имевший большой опыт плавания в северных широтах и проведение гидрографических работ [10].

По прибытии из экспедиции Д.Ф. Котельников представил доклад министру торговли и промышленности Временного Сибирского правительства «О мерах, обеспечивающих мореплавание и речное судоходство до бухты “Находка”». В качестве причин, препятствующих успешному плаванию по Обской губе, Д.Ф. Котельников прежде всего выделил отсутствие каких бы то ни было детальных исследований этой водной артерии, а уже затем отсутствия необходимого опыта у мореплавателей. Для того чтобы облегчить навигацию, он предложил поставить на мысах необходимые знаки с «малым ацетиленовым освещением», а также обставить вехами, число которых предполагалось увеличить с 50 до 200, некоторые мели и береговые рифы. В качестве более глубоководного речного рукава Д.Ф. Котельников выделил Обь-Надымский, который, впрочем, больше подходил для морских судов, более устойчивых к ветрам. Для решения вышеуказанных задач он предложил учредить дирекцию маяков и лоций Обской губы и низовьев Оби по образцу существующих в каждом море и в Финляндских шхерах [11]. В финансовом плане затраты на производство работ будущей дирекции оценивались Д.Ф. Котельниковым в 300 000 руб. – сумму, по его мнению, ничтожную, учитывая то, что уже в 1920 г., по его оценке, можно будет вызвать «оживлённое мореплавание, которое с избытком покроет все расходы, понесённые краем» [Там же].

В интервью «Сибирскому вестнику» Д.Ф. Котельников, отвечая на вопрос: «Возможно ли вывезти в будущую (ближайшую) навигацию какие-либо товары в значительном количестве?», выделил две главных задачи. Вначале необходимо было обеспечить плавание глубокосидящих океанских кораблей в навигационном отношении, а также найти подходящее место для перегрузки судов, защищённое от ветра и волны. Затем предполагалось более детально обследовать дельту р. Обь с целью отыскания более глубоководных и закрытых ветвей по фарватеру [Там же]. За эту экспедицию Верховный правитель А.В. Колчак присвоил Д.Ф. Котельникову звание полковника.

24 декабря 1918 г. Совет министров Временного Всероссийского правительства адмирала А.В. Колчака постановил: «1) Учредить с 1-го января 1919 года

дирекцию маяков и лоций Северного морского пути, определив район ведения дирекции от проливов Новой Земли до острова Диксон с включением Обской, Тазовской и Енисейского залива… 2) Учредить енисейский гидрографический отдел с подчинением его дирекции маяков и лоций Северного морского пути» [12. 12 янв.]. Таким образом, идея Д.Ф. Котельникова об учреждении дирекции маяков и лоций получила практическое воплощение. Это объясняет тот факт, что возглавить дирекцию было поручено именно ему.

На содержание отделения и дирекции маяков и лоций было ассигновано 71 040 руб. на 1918 г. и 619 136 руб. на 1919 г. Всего на проведение работ по организации и обслуживанию Северного морского пути в навигацию 1919 г. было выдано 1 300 000 руб. – в четыре с лишним раза больше, чем запрашивал в своём докладе Д.Ф. Котельников.

Изучение территорий вблизи Северного морского пути входило и в круг интересов Института исследования Сибири в Томске. Исходный посыл был заложен еще в речи министра народного просвещения В.В. Сапожникова на открытии съезда по организации этого института в январе 1919 г., в которой он обратил внимание на недостаточность изучения водных путей сообщения в Сибири, отсутствие достоверных сведений о морском транзите, что, по его словам, не гарантировало «беспрепятственный проход в Западную Европу» [13. Ч. 1. С. 13].

В резолюции, принятой на съезде секцией геодезии и геофизики, было записано: «Необходимо рекогносцировочно обследовать главные реки побережья Северного Ледовитого океана: Колыму, Индигирку, Яну, Оленек, Анабару, Хатангу, Пясину и пр. в связи с проблемой Северного морского пути» [Там же. Ч. 4. С. 23].

На необходимость изучения севера Сибири, наименее известной её части, говорилось и докладах, которые были зачитаны на зоологической, ботанической, историко-этнографической секциях съезда по организации Института исследования Сибири.

Однако главным, безусловно, был доклад «Северный морской путь, его исследования и открытие торгового мореплавания в 1919 году», сделанный Д.Ф. Котельниковым на одном из общих заседаний съезда. Он, говоря о необходимости усилить в этом направлении работы, отметил: «Временная обособленность Сибири от центральной России, наряду с другими мероприятиями государственного значения, выдвигает и вопрос о гидрографии, целесообразное решение которого не только даст картину прочного строительства возрождающегося государства Российского, но и восполнит дефекты, созданные неудовлетворительной постановкой этого вопроса в предшествующие времена. Богатая сырьём и бедная фабрикатами Сибирь крайне нуждается в путях вывоза и ввоза» [Там же. Ч. 1. С. 60].

Д.Ф. Котельников затронул эту проблему неспроста. Сибирский общественный деятель, предприниматель и путешественник-полярник С.В. Востротин еще в 1898 г. писал: «…в огромных расстояниях, которые должны проходить ввозимые в Сибирь и вывозимые оттуда предметы в значительной мере кроется причина отсталости Сибири и медленного развития её культурной и экономической жизни» [14. С. 5]. Следовательно, необходим был поиск кратчайших путей сообщения Сибири с другими государствами и территориями России.

В целом гидрографическая программа Морского министерства, изложенная Д.Ф. Котельниковым, была гораздо обширнее, чем та, которую он изложил осенью 1918 г. в докладе на имя министра торговли и промышленности Временного Сибирского Правительства. Она включала в себя систематическое гидрографическое исследование Северного морского пути с установкой вдоль него сети радиостанций, проведение метеорологических наблюдений и наблюдений над элементами земного магнетизма, гидрологические исследования, определение характера приливной и отливной волны, а также прикладных часов различных пунктов, постройку морских предостерегательных знаков, башен с туманными сигналами и радиопеленгаторных станций, введение обвехования и постановку в опасных местах морских светящихся буев.

Обширность подобной программы диктовалась условиями судоходства по р. Оби и Обской губе. Так, инженер путей сообщения А.М. Вихман писал в 1919 г.: «…река Обь отделена от Обской губы баром, наибольшая глубина на котором, по имеющимся данным, всего 8 футов. Обская губа в своей южной части мелка, имея глубину 10–12 футов. Благодаря этому, морские суда не могут заходить в устье реки, а вынуждены останавливаться далеко от него в Обской губе на рейд, подверженном сильному течению. Туда должны входить речные суда, подвергаясь серьёзному риску от бурь и волнения» [15. С. 7] (бар – песчаная подводная отмель в устье реки, образовавшаяся в результате осаждения речных и морских наносов. – *В.Р.*).

Помимо этого планировалось организовать подготовку кадров казённых лоцманов и учреждение лоцмейстеров в Обской, Тазовой и Енисейских губах, устройство спасательных станций на время действия навигации. Предполагалось продолжить исследования до устья р. Лены, включая дельту реки и её низовья, а также по направлению к Берингову проливу. По словам Д.Ф. Котельникова, всё это требовало «много времени и средств» [13. Ч. 1. С. 61].

После обсуждения доклада Д.Ф. Котельников подтвердил готовность принять в состав своей экспедиции учёных будущего Института исследования Сибири и выделить для них 3–4 каюты на одном из пароходов, а также предоставить «из-за границы много инструментов, приборов и других пособий» [Там же. С. 66].

Весной 1919 г. правительство А.В. Колчака постановило произвести «рекогносцировочное обследование р. Нижней Оби от устья Иртыша до впадения в губу» [16. С. 360]. Первоначально речь шла о взаимосвязанных работах трёх ведомств – министерств морского, путей сообщения и торговли и промышленности. Но вскоре для решения этой задачи был создан специальный межведомственный орган.

Согласно «Положению», утверждённому 25 апреля 1919 г. Советом министров и Верховным Правите-

лем, «для организации и регулирования экспорта из Сибири сырья и фабрикатов по Северному морскому пути, а также для проведения в жизнь дальнейших мероприятий по усовершенствованию этого пути», при Министерстве торговли и промышленности был учрежден «Комитет Северного морского пути».

В его состав вошли представители министерств: военного, морского, торговли и промышленности, путей сообщения, финансов, иностранных дел, земледелия, снабжения и продовольствия, а также Государственного контроля, Комитета по внешней торговле (по выборам) и Совета съездов торговли и промышленности и объединённых земских и городских учреждений. Во главе его был поставлен золотопромышленник, участник двух полярных экспедиций и общественный деятель С.В. Востротин [17].

Изучению и освоению Северного морского пути был посвящён ряд публикаций в сибирских газетах. Так, «Сибирская жизнь» в статье «На Север» подробно осветила отбытие с пристани одного из главных судов экспедиции парохода «Енисей». Здесь же приводились данные о количестве и составе участников экспедиции, её целях и задачах. «…отправившейся экспедиции, – писала газета, – предстоит большая работа, имеющая громадное значение для будущих торговых сношений с Северным морским путём. К августу в Обскую губу придут баржи с сырьём, которые снаряжает особый Комитет Северного морского пути. И это сырьё будет погружено на иностранные суда» [12. 18 июня].

Северная экспедиция 1919 г. работала в составе начальника экспедиции полковника Д.Ф. Котельникова и офицеров: полковника А.Г. Фарфарова, старшего лейтенанта Н.Н. Львова, лейтенанта В.Я. Гоппе. Помимо них были командиры и помощники командиров судов, а также доктор, фельдшер и машинистка. На борту «Марии» были также французский морской офицер капитан Гюлен с двумя спутниками и два чешских инженера.

В июле 1919 г. Д.Ф. Котельников телеграфировал Верховному Правителю: «Я и чины вверенной мне дирекции маяков и лоций Северного морского пути, осчастливленные Вашими милостивыми пожеланиями, приветствуем Вас, отважного исследователя Северного Ледовитого океана. Выполняя возложенную на нас задачу по практическому открытию Северного морского пути, мы поставим себе примером Вашу энергию и могущество, проявленные и в борьбе с океанскими льдами. Да хранит Вас Господь» [16. С. 360–361].

Обществом «Институт исследования Сибири» к Северной экспедиции были прикомандированы проф. В.В. Сапожников с ассистентом Е.В. Никитиной для обследования растительной тундры и ассистент С.И. Шубин для производства астрономических и магнитных наблюдений. Для этих целей Институтом было ассигновано 12 тыс. руб. [18. С. 374].

25 июня экспедиция Сапожникова отправилась из Томска по р. Оби через Нарым и Сургут до Самарово. Через 8 дней туда из Тобольска по р. Иртыш прибыла экспедиция Д.Ф. Котельникова. Далее объединённая экспедиция следовала по маршруту Самарово–Берёзов–Обдорск. Экспедиция располагала двумя пароходами – «Марией» и «Енисеем», и баржой «Пур», а также двумя моторными катерами и шлюпками. К моменту прибытия судов в бухту Находка, куда должны были приплыть корабли с ценным «военным грузом» из Архангельска, баржа «Пур» вместе с катерами и шлюпками оставалась в бухте как база. «Енисей» занимался преимущественно исследованием глубин и установкой знаков по берегам Обской губы и вех на баре и мелях, а «Мария», на которой находилась экспедиция В.В. Сапожникова, – ботаническими и географическими исследованиями в районах Обской и Тазовской губ.

Изначальной целью экспедиции Института исследования Сибири в Обскую и Тазовскую губы было изучение прилежащей к ней местности в ботанико-географическом и метеорологическом отношении, но в ходе экспедиции были также получены данные агрономического и зоологического характера. Подчёркивая новаторство экспедиции, В.В. Сапожников уже позже отмечал: «…такие места, как восточный берег Обской губы севернее устья Тазовской, ни разу не посещались ботаниками…» [19. С. 125].

Однако с самого начала возникли непредвиденные трудности. Изначально предполагалось обследование всей тундры, но для этого поездку, по словам В.В. Сапожникова, было «нужно подготовлять с зимы, когда инородцы являются на январскую ярмарку – в это время с ними и нужно условиться о поездке в тундру, иначе они откочуют и уведут с собой оленей» [12. 19 нояб.].

Однако из-за позднего открытия кредитов эта возможность была упущена. В итоге вместо самостоятельной поездки В.В. Сапожникову пришлось направиться на Север вместе с экспедицией Д.Ф. Котельникова, ограничившись изучением прибрежной полосы «южной части Ямала, прилегающей тундры версты на 4 в глубину, а также восточного побережья севернее Тазовской губы до 70 град[уса] с[еверной] ш[ироты]» [Там же. 25 окт.].

Тем не менее, благодаря продолжительным остановкам экспедиции в Самарове, Берёзове и Обдорске, появилась возможность «провести рекогносцировочные исследования видового состав лугов низовьев Оби и Иртыша», что входило в задачи уже второй самостоятельной экспедиции. Были также обследованы луга берега Иртыша близ Самарова, поймы Оби несколько южнее Берёзова, близ Петлярских юрт и близ р. Полуй в Обдорске. Что касается растительности тундры, то были обследованы окрестности Обдорска, мысы Ямсале, Каменный, Трёхбугорный и Котельникова, а также бухта Находка и бухта Поюто.

Всего экспедиция В.В. Сапожникова заняла 10 недель, из которых 5 недель она провела в составе гидрографической экспедиции Д.Ф. Котельникова [9. С. 89].

Что касается растительности по берегам р. Оби и Обской губы, то В.В. Сапожников выделил два типа лугов: злаковые и осоковые. Последние, как отметил он, начинают преобладать на более северных территориях.

В числе прочих В.В. Сапожников зафиксировал такие растения, как Phalaris arundinacea L. (пырей), Drepanocladus (мох), Poa pratensis L. (луговой мятлик), Carex aquatilis (осока), Phragin tes communis Tran (камыш), Anemone dichotoma L. (ветреница вильчатая) и многие другие.

Изучая растительность в ботаническом отношении, В.В. Сапожников имел в виду и ее оценку с точки зрения перспектив колонизационного освоения Обского Севера, возможностей заниматься здесь сельским хозяйством, в первую очередь животноводством. «Количество лугов в низовьях Оби громадно, – отмечал он, – население не выкашивает и 1/20 их части; скотоводство здесь может быть громадное, но новый скот замрёт вследствие непривычки к корму, нужно доставлять его туда постепенно из лесной области, поэтому сразу расширить скотоводство, несмотря на обилие лугов, невозможно» [12. 19 нояб.].

Земледелие, по его словам, кончалось вёрст на 50 южнее Самарова. Однако «на Шайтанском мысу, 63 градуса с[еверной] ш[ироты], уже прекрасно вызревает ячмень, овёс, пшеница около 1 сентября была зеленоватой, в виде опыта сеяли рожь. Ни разу не было случаев замерзания» [Там же].

Оставил В.В. Сапожников и описание тундры, начинающейся от Обдорска и севернее. По преимуществу, отмечал он, это волнистая тундра, «и в микрорельефе – кочковатая тундра» [20. С. 5], хотя местами встречается так называемая пятнистая тундра, образовывающаяся путём «выпучивания почвы под влиянием замерзания поверхностного и более глубокого слоя в почве».

Наконец, В.В. Сапожниковым на основе сходства состава лугов была выделена особая формация – арктические луга, – напоминающие, по его наблюдениям, луга Альп. Располагаются такие луга в долинах речек и коротких ущелий, а те, в свою очередь, имеют место быть возле прибрежной полосы губы, окаймлённой высоким аром у берега [21. Л. 9–10].

Ещё до экспедиции Е.Ф. Киселёвой В.В. Сапожников в общих чертах описал явление, известное как «мор» или «загар рыбы». По словам В.В. Сапожникова, «“загар” вверх по Иртышу простирается до устья реки Конды близ с. Филинского, а по Оби, кажется до Нарыма» [19. С. 137]. Причину этого В.В. Сапожников видел в недостатке кислорода в воде вследствие её продолжительного оледенения.

В.В. Сапожников затронул и вопрос о возможностях строительства порта в бухте «Находка». «Практические качества “Находки”, – писал он, – заключаются в том, что это чуть ли не единственная бухта, довольно глубокая, которая дает возможность стоять пароходам. Но в “Находке” мелкая вода начинается уже в саженях 15-ти от берега и лодка к берегу подойти не может. Берега же для построек чрезвычайно неблагоприятны, так как они на значительном расстоянии болотистого типа». В качестве наиболее подходящего места для постройки портовых сооружений он порекомендовал то место, где в 1919 г. находились склады рыбных промыслов. Вместе с тем В.В. Сапожников обратил внимание на отсутствие там подходящих строительных материалов – камня и дерева [12. 25 окт.]. Ещё хуже, по словам В.В. Сапожникова, была бухта «Возрождение»: «Бухта значительно меньше “Находки”, хуже защищена от ветров вследствие чрезвычайно низких берегов, и подход к берегу, вследствие мелководья, ещё труднее» [19. С. 173].

Как известно, первые посёлки на месте будущего порта появятся здесь только в 1930-е гг., а сам порт построят уже после окончания Великой Отечественной войны.

Интерес представляет описание В.В. Сапожниковым наблюдавшегося участниками экспедиции следующего природного явления: «В 11 вечера солнце подходило к горизонту, потом как бы сплющивались льды окрашивались в густой фиолетовый цвет, в 12½ ч. ночи опять распространялся солнечный свет и в часу ночи уже восходило настоящее солнце. Ехавшие на пароходе не знали, нужно ли было спать или вставать, так как был солнечный день» [12. 25 окт.]. Не менее интересным было и другое природное явление – так называемая референция.

В.В. Сапожников о нем писал: «Вот вы отчётливо видите берега с пригорками, гривами, полосами не растаявшего снега, он приподнимается над водой, растягивается и в ширину и в высоту, делаясь двух и трёх-этажным, но вот куски берега колеблются, приподнимаются над водой и улетают в пространство, оставляя пустое место, открытый горизонт» [Там же].

Астрономическими и метеорологическими наблюдениями в ходе экспедиции занимался еще один сотрудник Института исследования Сибири, С.И. Шубин, выехавший из Томска 25 июня на пароходе «Иван Корнилов». По пути до Самарова он выполнил в шести местах определения горизонтальной составляющей. В Самарове, в ожидании остальных кораблей экспедиции, С.А. Шубин задержался с 30 июня по 8 июля. Здесь он, наряду с магнитными измерениями, приобрел для перевозки в Обдорск амбар для установки вариационных приборов. На пути в Обдорск С.И. Шубин продолжил магнитные определения еще в пяти пунктах. Из этого пункта он вместе с экспедицией выехал 13 июля [22. Д. 41. Л. 3–4].

Во время пребывания в Обской губе С.И. Шубин определял элементы земного магнетизма, а также принимал участие в астрономических и метеорологических наблюдениях. В Томск С.И. Шубин вернулся только 15 сентября, выполняя по пути метеорологические наблюдения.

Что касается основной экспедиции, то её продвижение на север шло медленно, часто приходилось пробиваться через льды. Температура воздуха, несмотря на летнее время года, составляла порой всего 5 градусов, а комаров было столь много, что работать без сетки оказалось совершенно невозможно. Условия пребывания на пароходе оказались далеки от идеала – было очень тесно. «Поместившись в маленькой носовой каюте с плохим освещением иллюминатора, я размечтался о пароходе, который когда-нибудь построят следующие поколения специально для научных исследований Севера и других частей Сибири, пароходе, с помещением для научных исследований,

библиотекой, метеорологической станцией и т.п.», – писал В.В. Сапожников [19. С. 139].

Работа по постройке и установке знаков для ориентировки была очень трудной, «…особенно когда материалы нужно было выгружать на берег, стоя выше колена в ледяной воде, а потом тащить тяжёлые брёвна на плечах по болотистой тундре на какую-нибудь возвышенность, удалённую от берега на полверсты или на целую версту. И нужно отдать справедливость чрезвычайной трудоспособности и выносливости рабочей команды; несомненно, она была воодушевлена исключительной энергией Д.Ф. Котельникова, который был впереди всех и выше всех на строящемся знаке с тяжёлым молотом в руках» [12. 25 окт.].

Не обошлось и без жертв. 7 сентября в бухте «Находка» из-за сильного ветра перевернулась одна из шлюпок, перевозивших матросов и пленных австрийцев. В числе погибших оказался сын Б.П. Вейнберга Алексей – 19-летний юноша, подававший большие надежды.

Всего экспедицией Д.Ф. Котельникова было построено 11 знаков, 10 из которых были расположены на мысах вдоль Обской губы. На всех новых знаках, кроме знака на м. Львова, были поставлены фонари Далена. «Близ мыса Ямсала поставлено было 18 вех, у мели Опасной – 4 вехи (2 нордовых, одна остовая и одна зюдовая) около мыса Поюта – 5 вестовых, около мыса Каменного – 1 вестовая, около мыса Котельникова – 1 остовая и около мыса Таран – 1 остовая» [22. Д. 7. Л. 50]. Колебания глубин на баре было зафиксировано в пределах от 5 до 9 футов в условиях лета.

К сожалению, материалы экспедиции Д.Ф. Котельникова были утеряны, когда при отступлении белых, в районе Ачинска, партизанами был взорван вагон с находившейся в нём документацией. Сохранилась лишь незначительная часть собранной информации. В связи с этим Институтом исследования Сибири была создана специальная комиссия, членам которой удалось восстановить часть результатов, полученных экспедицией в Обскую губу в 1919 г. для исследования Северного морского пути [24. С. 39–40].

Остановимся на том, как была выполнена еще одна задача, стоявшая перед участниками экспедиции: организовать встречу с экспедицией под руководством Б.А. Вилькицкого, вышедшей из Архангельска 14 августа 1919 г. Ее целью была доставка в Сибирь ценного «военного груза»: офицеров, инженеров, механиков, агрономов и т.д.

В состав архангельской экспедиции входили пароходы: «Соломбала», «Пахтусон», «Колгуев», «Вайгач», по пути к ним присоединились пароходы «Кильдин» и «Полярный», «Соловей Будимирович», «Енисей», «Орлик» а также одно английское и одно шведское судно. Маршрут экспедиции проходил через: Канин Нос – Югорский Шар – о. Колгуев – о. Вайгач – Югорский Шар – Карское море – п-ов Ямал – о. Белый – Обская губа – бухта Находка – г. Берёзов – Кондинский монастырь – селение Самаровское – селение Ново-Никольское – Нарым – Томск [Там же. 24 окт.; 13 нояб.].

В пути экспедицию ждали трудности, связанные главным образом со льдами, рифами и мелями. Приближалась осень, и капитаны боялись возможных штормов. На первом этапе экспедиции приходилось пробиваться через льды, и все могло закончиться плачевно, если бы на выручку не прибыл ледокол «Иван Сусанин».

Порой судам приходилось двигаться в густом тумане, и чтобы не затеряться и не столкнуться, они подавали друг другу сигнальные свистки. Много раз пароходы шли на глубине совершенно для них неприемлемой, и только мастерство командного состава позволило избежать большой потери в судах [Там же. 24 окт.].

К 1 сентября экспедиция прибыла в бухту «Находка» и начала разгрузку, которая затянулась до 17 сентября. Дойдя до Обдорска, экспедиция получила указание двигаться в Омск, «так как, по полученным сведениям, Тобольск был очищен от большевиков» [Там же. 13 нояб.].

Все пароходы и баржи были приведены в боевую готовность. Однако вскоре было решено изменить курс и направиться в Томск, «так как путь по Иртышу был ещё не безопасен». В Томск экспедиция смогла прибыть только 19 октября.

Летом того же года по инициативе Средне-Сибирского отделения Института исследования Сибири была организована экспедиция в низовья Лены во главе с капитаном Ф.А. Матисеном. Ей предстояло выяснить возможности доставки товаров из США в устье Лены морским путем за одну летнюю навигацию [Там же. 27 нояб.].

В итоге удалось выяснить, что наиболее удобной для плавания представляется Быковская протока р. Лены. Судам, приходящим со стороны Берингова пролива, совершенно не нужно было заходить в саму реку, а выгоднее было ждать у бухты Тикси, так как навигация по Лене гораздо короче по времени, чем навигация по Северному Ледовитому океану. В качестве главных товаров на экспорт рассматривались ценная пушнина и мамонтовая кость. Однако, как отмечалось, не менее востребованными могут быть «соль, свинец и каменный уголь, залежи которого имеются по берегу бассейна Лены» [Там же].

Что касается Обь-Тазовской экспедиции Института исследования Сибири (1919 г.), то ей, несмотря на небольшое число участников, удалось решить ряд исследовательских задач. Была изучена растительность части тундры, прилегающей к Обь-Тазовской губе. Помимо обширной ботанической коллекции, включающей более 70 видов растений, в Томск было «привезено два образца почв тундры и несколько зоологических весьма ценных экспонатов» [24. С. 88]. В ходе экспедиции В.В. Сапожникову удалось уточнить данные, касающиеся островов Находка, Эснермансале и Ягодный, расположенных на южном конце Тазовской губы. Вывод его был неожиданным: «На самом деле островов этих не существует, а упомянутые выше названия нужно прилагать к мысам» [19. С. 168].

Подводя итоги экспедиции в своём докладе на совместном заседании Института исследования Сиби-

ри, Общества естествоиспытателей и врачей при Томском университете и Общества естествоиспытателей при Пермском университете, состоявшемся в середине ноября 1919 г., В.В. Сапожников, отметив большую заслугу экспедиции полковника Д.Ф. Котельникова, «построившей знаки для следования пароходов, благодаря чему теперь в устьях Оби можно плыть спокойно», обратил внимание на необходимость «более глубокого обследования материка», чем в дальнейшем и предлагалось заняться ученым Института исследования Сибири [12. 19 нояб.].

В ранее цитированной статье «О работах Северной экспедиции летом 1919 года», написанной им вскоре после возвращения с Севера и опубликованной на страницах «Сибирской жизни», В.В. Сапожников наметил план дальнейшего изучения Севера и Северного морского пути.

«В интересах промышленности Сибири и обмена товарами с иностранными рынками, – писал он, – необходимо продолжать изучение условий плавания и устроить лучшую обстановку пути». В первую очередь, как полагал В.В. Сапожников, предстояло «изучить движение льдов, как в Карском море с проливами, так и в Обской губе, и в связи с этим точнее определить продолжительность сезона плавания». «Весь путь от Архангельска до бухты Находка при всех благоприятных условиях, – полагал он, – может потребовать 7–8 дней; принимая во внимание, что море и губа обычно открыты не меньше 1½ месяца, можно рассчитывать на три или, по крайней мере, на два двойных рейса. Привлекая большое число судов, наших и заграничных, можно будет обеспечить обмен во всей полноте потребности».

Во-вторых, по мнению В.В. Сапожникова, этот путь с определением глубин в различных направлениях необходимо было изучить более детально, чтобы исключить случайности. Далее, считал он, предстояло построить «специальный порт в Обской губе на случай, когда морские пароходы придут после того, как прекратится навигация по рекам; а это возможно, так как нередко лёд на губе в море становится позднее, чем на Оби» [12. 25 сент.].

В связи с этим, отметил В.В. Сапожников, возникала необходимость построить постоянную станцию или даже две на берегу Обской губы, которые занимались бы как метеорологическими, так и гидрологическими наблюдениями.

Наряду с этим он предлагал оборудовать несколько радиостанций для «осведомлённости о состоянии пути на всём его протяжении», присоединив к этим станциям биологические лаборатории со специалистами по изучению фауны и флоры в интересах практики. Последнее, по его мнению, имело бы «особенный интерес для местной промышленности: рыболовства, пушного промысла и оленеводства». «Рыболовство же в Оби и Обской губе, – подчеркнул В.В. Сапожников, – при умелом ведении дела, может дать гораздо большие цифры, чем это имеется сейчас. …Ни о технике, ни об экономике этого промысла мы не знаем почти ничего» [12. 25 сент.].

На последнем заседании естественно-исторического отдела Института исследования Сибири, состоявшемся 27 декабря 1919 г., была запланирована экспедиция на р. Таз и Тазовскую губу «с участием ботаников, зоологов, почвоведа, геолога, топографа с помощниками (всего 16 человек, и, кроме того, 15 рабочих)» [24. С. 12]. Она состоялась летом 1920 г. Её целью являлось исследование Обской и Тазовской губ «с физико-географической стороны (в связи с выяснением условий мореплавания), с ботанической (в связи с вопросом о восстановлении оленьих пастбищ), с зоологической (в связи с выяснением возможности использования богатых рыбных богатств края), со статистико-экономической (в связи с тем же вопросом и условиями быта инородцев) и с этнографически-археологической (также в связи с инородческим вопросом)» [Там же. С. 266].

Таким образом, в сложный период Гражданской войны совместными усилиями гидрографической экспедиции Д.Ф. Котельникова и экспедиции Института исследования Сибири во главе с профессором В.В. Сапожниковым в Обскую губу удалось значительно продвинуться не только в исследовании Северного морского пути в отношении торгового мореплавания, но и добиться существенных результатов в изучении прилегающей к нему территории в естественноисторическом отношении. Наряду с изучением растительного и животного мира учеными института выяснялись возможности хозяйственного освоения Севера Западной Сибири, что было осуществлено уже в советский период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Развитие Северного морского пути. URL: http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=28072 (дата обращения: 31.11.2015).
2. Головнёв А.В. Европейские мореходы на Русском Севере: путешествия и геополитика XVI – XVII веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3 . С. 11–21.
3. Ляпустин С.Н. «О роли Б.А. Вилькицкого в исследовании Арктики и расширении борьбы с контрабандой биоресурсов на Дальнем Востоке страны» // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2012. № 4 (61). С. 111–117.
4. Колясов О.Г., Шайдуров В.Н. «М.В. Ломоносов и исследование Северного морского пути» // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2014. Т. 3, № 4 (04). С. 52–54.
5. Гончаров А.Е. «К вопросу о начале англо-русской торговли по Северному морскому пути во второй половине XIX века» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 2. С. 344–350.
6. Ташлыков С.Л. Деятельность гидрографической службы Российского императорского флота по освоению Арктики // Вестник Мурманского государственного университета. 2014. Т. 17, № 3. С. 588–597.
7. Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути : в 4 т. М. : Морской транспорт, 1956–1969.
8. Субботин Е.П., Ситников М.Г. Начальник Северного морского пути Д.Ф. Котельников в Перми // Пермский дом в истории и культуре края: материалы Четвертой науч.-практ. конф. / МУК ОМБ Центр. Город. библиотека им. А.С. Пушкина; сост. и ред. Т.И. Быстрых. Пермь, 2011. С. 86–96.
9. Меркулов С.А. Профессор Томского университета Василий Васильевич Сапожников (1861–1924). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 128 с.

10. Котельников Дмитрий Фёдорович (1876–?). URL: http://www.polarpost.ru/forum/viewtopic.php?f=8&t=5988&p=53808&hilit=%D0%94.%D0%A4.%D0%9A%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2#p53807 (дата обращения: 14.12.2015).
11. Сибирский вестник (орган Временного Сибирского правительства). 1918. 22 окт.
12. Сибирская жизнь (Томск). 1919.
13. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919.
14. Енисеец (Востротин) С.В. Северный морской путь. СПб., 1898. 40 с.
15. Вихман А.М. Морские сообщения Сибири. Красноярск, 1919. 40 с.
16. Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М., 2011. 538 с.
17. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-н/Д. : Феникс, 1998. URL: http://militera.lib.ru/bio/plotnikov/11.html (дата обращения: 04.12.15).
18. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х. гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.
19. Сапожников В.В., Никитина Е.В. Нижняя Объ и Обская губа в 1919 г. // Известия Русского географического общества. М. : Петроград, 1923. Т. 55. С. 125–180.
20. Сапожников В.В., Никитина Е.В. Поездка в низовье Оби и Обскую губу в 1919 г. (предварительное сообщение) // Известия Института исследования Сибири. № 2. Труды естественноисторического отдела. Томск, 1920. № 1. С. 1–7.
21. Сапожников В.В. Поездка в низовье Оби и Обскую губу в 1919 г. // Научная библиотека ТГУ. Отдел рукописей и книжных памятников. Л. 9–10.
22. Государственный архив Томской области. Ф. Р-26 (Институт исследования Сибири). Оп. 1.
23. Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 358 с.
24. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Грибовский М.В. и др. Отделы, Средне-сибирское отделение и комиссии Института исследования Сибири (1919–1921 гг.) // Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 5–41.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 апреля 2016 г.

EXPEDITIONS OF D. KOTELNIKOV AND V. SAPOZHNIKOV IN THE OB BAY (1919)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 117–124.
DOI: 10.17223/15617793/408/18

Raskolets Viktor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru

Keywords: history of science; Northern Sea Route; Siberian Research Institute; Ob Bay; flora; astronomical and meteorological observations.

The organization and research activities of Kotelnikov's Northern expedition to the gulf of Ob-Taz as well as those of the expedition of the Siberian Research Institute headed by Professor V. Sapozhnikov are reconstructed in the article on the basis of archive materials, documentary publications and periodicals. The Government of Kolchak was known to be activity seeking supply channels through which foreign powers might render them military and economic aid. To this end, the Committee of the Northern Sea Route was established in April 1919. The maim purpose of the committee was organization and regulation of export of Siberian raw materials and manufactured goods, import of foreign goods by the Northern Sea Route as well as looking out measures of improving the route. The Siberian Research Institute established in Tomsk in 1919 was also interested in the study of the region. The researchers of the Institute were granted an opportunity of organizing an expedition to the northern regions to do the botanical, geographical and magnetic survey of the region adjacent to the Ob Bay. During the Northern Expedition D. Kotelnikov managed to make land marking and erect navigation signs on both banks of the gulf of Ob-Taz from the bar of the Ob River to White Island as well as collect materials for sailing directions and sailing management in these regions. One of the aims of the expedition was to meet ships from Arkhangelsk delivering valuable "military cargo" such as officers, engineers, mechanics, agriculturists the Government of Kolchak was in need of. V. Sapozhnikov's expeditions succeeded in carrying out the study of meadow species composition in the lower reaches of the Ob and Irtysh region; exploring tundra vegetation as far as latitude N 70º; obtaining information concerning husbandry and agriculture development on the territory from Samarovo to Obdorsk; gathering a rich botanical collection, zoological and tundra soil samples. Besides they clarified the topographical data of the Taz Bay and made recommendations regarding the possibility of building a port in the Nakhodka Bay. One of the researchers of the Institute, S. Shubin, did magnetic research. It is emphasized that D. Kotelnikov's and V. Sapozhnikov's expeditions to the Ob Bay during the Civil War made a notable contribution to the study of Northern Siberia. Intensive research and economic development of the region continued in the soviet period.

REFERENCES

1. Morvesti.ru. (2011) *Razvitie Severnogo morskogo puti* [The development of the Northern Sea Route]. [Online] Available from: http://www.morvesti.ru/tems/detail.php?ID=28072. (Accessed: 31st November 2015).
2. Golovnev, A.V. (2015) European seafarers in the Russian North: voyages and geopolitics in the 16th and 17th centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanitarian and Social Sciences*. 3. pp. 11–21. (In Russian).
3. Lyapustin, S.N. (2012) O roli B.A. Vil'kitskogo v issledovanii Arktiki i rasshirenii bor'by s kontrabandoy bioresursov na Dal'nem Vostoke strany [The role of B.A. Vilkitsky in the Arctic research and the expansion of the fight against smuggling of bio-resources in the Far East of the country]. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke*. 4 (61). pp. 111–117.
4. Kolyasov, O.G. & Shaydurov, V.N. (2014) M.V. Lomonosov i issledovanie Severnogo morskogo puti [M.V. Lomonosov and the study of the Northern Sea Route]. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya v sovremennom mire*. 3:4(04). pp. 52–54.
5. Goncharov, A.E. (2012) concerning the issue of the beginning of English-Russian trade via Northern Sea Route at the end of XIX century. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 2. pp. 344–350. (In Russian).
6. Tashlykov, S.L. (2014) Hydrographic service of the Russian Imperial Navy and exploration of Arctic. *Vestnik Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Vestnik of Murmansk State Technical University*. 17:3. pp. 588–597. (In Russian).

7. Belov, M.I. (1956–1969) *Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti: v 4 t.* [History of the discovery and development of the Northern Sea Route: in 4 vols]. Moscow: Morskoy transport.
8. Subbotin, E.P. & Sitnikov, M.G. (2011) [Head of the Northern Sea Route D.F. Kotelnikov in Perm]. *Permskiy dom v istorii i kul'ture kraya* [Perm house in the history and culture of the region]. Proceeding of the IV conference. Perm. pp. 86–96. (In Russian).
9. Merkulov, S.A. (2012) *Professor Tomskogo universiteta Vasiliy Vasil'evich Sapozhnikov (1861–1924)* [Tomsk University Professor Vasily Sapozhnikov (1861–1924)]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Polarpost.ru. (2014) *Kotel'nikov Dmitriy Fedorovich (1876–?)*. [Online] Available from: http://www.polarpost.ru/forum/ viewtopic.php?f=8&t=5988&p=53808&hilit=%D0%94.%D0%A4.%D0%9A%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B8%D0% BA%D0%BE%D0%B2#p53807. (Accessed: 14th December 2015). (In Russian).
11. *Sibirskiy vestnik*. (1918) 22 October.
12. *Sibirskaya zhizn'*. (1919).
13. Veynberg, B.P. (ed.) (1919) *Trudy s"ezda po organizatsii Instituta issledovaniya Sibiri* [Proceedings of the Congress on the organization of the Siberia Research Institute]. Tomsk.
14. Eniseets (Vostrotin), S.V. (1898) *Severnyy morskoy put'* [The Northern Sea Route]. St. Petersburg.
15. Vikhman, A.M. (1919) *Morskie soobshcheniya Sibiri* [Marine routes of Siberia]. Krasnoyarsk: Eniseyskaya gub. el.-tip.
16. Kruchinin, A.S. (2011) *Admiral Kolchak: zhizn', podvig, pamyat'* [Admiral Kolchak: life, feat, memory]. Moscow: AST; Astrel'; Poligrafizdat.
17. Plotnikov, I.F. (1998) *Aleksandr Vasil'evich Kolchak. Zhizn' i deyatel'nost'* [Alexander Kolchak. The life and work]. Rostov-on-Don: Feniks. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/bio/plotnikov/11.html. (Accessed: 04th December 2015).
18. Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh. gg. – 1919 g.)* [Tomsk State University – the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s–1919)]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
19. Sapozhnikov, V.V. & Nikitina, E.V. (1923) Nizhnyaya Ob" i Obskaya guba v 1919 g. [The Lower Ob and the Ob Bay in 1919]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva.* 55. pp. 125–180.
20. Sapozhnikov, V.V. & Nikitina, E.V. (1920) Poezdka v nizov'e Obi i Obskuyu gubu v 1919 g. (predvaritel'noe soobshchenie) [A trip to the lower reaches of the Ob and the Ob Bay in 1919 (preliminary report)]. *Izvestiya Instituta issledovaniya Sibiri*. 2:1. pp. 1–7.
21. Sapozhnikov, V.V. (1919) *Poezdka v nizov'e Obi i Obskuyu gubu v 1919 g.* [A trip to the lower reaches of the Ob and the Ob Bay in 1919]. Research Library of Tomsk State University. Department of Manuscripts and Literary Monuments. Pages 9–10.
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26 (*Institut issledovaniya Sibiri* [Siberia Research Institute]). List 1.
23. Fominykh, S.F. (ed.) (2014) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1920 gg.)* [Journals of departmental meetings, the Central Siberian Branch and the Committee of the Siberia Research Institute (1919–1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Nekrylov, S.A. et al. (2014) Otdely, Sredne-sibirskoe otdelenie i komissii Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1921 gg.) [Departments, the Central Siberian Branch and the Committee of the Siberia Research Institute (1919–1920)]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1920 gg.)* [Journals of departmental meetings, the Central Siberian Branch and the Committee of the Siberia Research Institute (1919–1920)]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 19 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 125–133. DOI: 10.17223/15617793/408/19

УДК 902, 903-03

А.С. Савельева

ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СОСТАВА СПЛАВОВ НА МЕДНОЙ ОСНОВЕ С 1960-х ПО 2000-е гг.

Исследование выполнено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-06-02325 А.

Освещается период применения спектрального анализа бронз тагарской культуры 1960–1980-х гг. Рассматриваются факторы слабой преемственности исследований 2000-х гг. и эпохи спектральных методов. Дробность современных научных задач (изучение самостоятельных периодов металлургии и ареалов распространения памятников) следует расценивать как условие формирования корпуса аналитических источников по истории тагарского металла в объемах, сопоставимых с накопленными в музеях бронзами.

Ключевые слова: историография; тагарская культура; элементный состав бронз; спектральный анализ; рентгенофлюоресцентный анализ.

Статья представляет собой завершающую часть исследования историографии состава тагарских бронз, предпринятого автором и в предшествующей публикации охватывавшего период с 1860-х по 1950-е гг. [1].

Исследования тагарских бронз в 1960–1980-е гг.

В период 1960–1980-х гг. металлургия бронзы тагарской культуры выступала самостоятельным объектом исследования, а состав металла – одним из аспектов формирующегося знания о производственных традициях тагарских мастеров-металлургов.

Так, в «Очерках по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа» 1960 г. («Материалы и исследования по археологии СССР». № 90) в главе «Производство в тагарскую эпоху» археологом *Юрием Семеновичем Гришиным* рассмотрен ряд проблем тагарского металла: добыча руды, способы выплавки меди, химический состав бронзовых изделий, способы производства металлических вещей и их типология. Результаты анализа 23 изделий, произведенного в МГУ лаборантом З.Т. Поповой, позволили выявить примеси в составе минусинского металла [2]. На тот момент при кафедре оптики и спектроскопии физического факультета в учебной лаборатории имелось оборудование для эмиссионного спектрального анализа на кварцевых спектрографах ИСП-22, для обработки спектрограмм использовались микрофотометр МФ-2 и спектропроектор ПС-18 [3. С. 59]. К числу постоянных примесей к меди удалось отнести алюминий, никель, олово, свинец, цинк, кальций, кобальт, кремний, магний, висмут, сурьму и мышьяк. Непостоянными были заявлены хром, титан, серебро, ванадий и марганец [2. С. 143]. Анализ бляшки с изображением голов грифонов из Минусинского музея, произведенный в Московском институте стали им. Сталина в лаборатории металлургии редких металлов старшим лаборантом О.А. Филимоновой, показал 84,6% меди, 14,2% олова и 1,1% железа. Имевшиеся в распоряжении Ю.С. Гришина материалы послужили основой для выводов об основных компонентах тагарской бронзы: о зависимости концентраций олова от потребности в прочности орудия; о примесях цинка как следствии переплавки импортов; о легировании свинцом с целью снижения температуры плавления; о естественном происхождении примесей железа, связанных с медно-железными рудами среднего Енисея [2. С. 143–144].

В 1963 г. вышла публикация результатов работы *Ирины Васильевны Богдановой-Березовской*, сотрудника группы «мокрого» химического анализа Лаборатории археологической технологии Ленинградского отделения Института археологии (ЛО ИА) АН СССР с 1955 по 1974 г. [4. С. 28; 5. С. 282]. Химико-спектральная лаборатория ЛО ИА в начале своей работы во многом ориентировалась на сибирские материалы [6. С. 74]. До конца 1990-х гг. статья «Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины» оставалась практически единственной обширной публикацией результатов анализа тагарских бронз.

Впервые ставилась специальная задача – «дать химическую характеристику металлических предметов» из Минусинской котловины [7. С. 115]. Были проанализированы более семисот изделий афанасьевской, андроновской, карасукской и тагарской культур из Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова, Государственного Эрмитажа, Абаканского музея, Музея антропологии и этнографии АН СССР. В итоговой таблице результатов приведены данные по 262 тагарским вещам, распределенным на медные и три типа бронзовых [Там же. С. 136. Табл. 2, 4]: мышьяковистая, мышьяково-оловянистая и оловянистая бронзы. В каждом из типов выделены подгруппы с концентрацией свинца до 2% [Там же. С. 117–118]. По наблюдениям И.В. Богдановой-Березовской, «с развитием литейного дела и улучшением способа добычи оловянной руды олово вытесняет мышьяк» [Там же. С. 157]. Решение впервые поднимаемого вопроса о природе мышьяковистой бронзы было поставлено в зависимость от результатов изучения медных руд и шлаков Минусинской котловины [Там же. С. 118]. Предварительно мышьяк свыше 1% расценивался как введенный в сплав в виде мышьяковистой руды [Там же. С. 157].

Данные, полученные И.В. Богдановой-Березовской по тагарским зеркалам, вошли в состав приложения к книге Е.И. Лубо-Лесниченко «Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири» [8]. Характеризуя особенности металла зеркал, И.В. Богданова-Березовская констатировала, что большинство из них отлиты из мышьяково-оловя-нистой и оловянистой бронзы с сочетанием примесей, характерным для цветного металла Минусинской котловины и при практически полном отсутствии подгруппы бронз со свинцом [8. С. 132].

В том же сборнике 1963 г. вышла статья Д.В. Наумова «Производство и обработка древних медных и бронзовых изделий Минусинской котловины». *Дарвин Владимирович Наумов* – представитель группы спектрального химического анализа Лаборатории археологической технологии ЛО ИА АН СССР с 1955 по 1973 г. и один из разработчиков метода количественного спектрального анализа, внедрявшегося в те годы в Лаборатории [4. С. 28; 5. С. 281; 9]. Основываясь на данных элементного состава в сочетании с анализом технологии производства, Д.В. Наумов выделил три периода металлургии бронзы в тагарское время.

Первый период – «время появления первой бронзы с методами обработки, характерными для дотагарского времени» и с медно-мышьяковистыми орудиями труда [10. С. 169, 177]. Второй период характеризовался «получением различных бронзовых сплавов и накоплением методов обработки в поисках наилучших», когда совершался переход от маломышьяковистых бронз к оловянистым, происходило «ознакомление древнего металлурга» с мышьяком и сурьмой в форме руд, с оловом и свинцом в форме металла [Там же. С. 177, 189]. Третий период – «этап развитой бронзы», в рамках которого тагарские мастера освоили навыки «получения бронзовых сплавов определенного состава», установили наилучшие способы обработки металла [Там же. С. 177, 190]. Таким образом, Д.В. Наумовым предложена схема изменения рецептур тагарских сплавов, более сложная, чем простое предпочтение оловянистых бронз мышьяковистым.

В 1966 г. была опубликована статья А.И. Мартынова и И.В. Богдановой-Березовской «Изделия из бронзы и бронзолитейное производство северо-западного района тагарской культуры». Аналитиком выступил лаборант / старший лаборант (?) (1955–1967/1973 (?)) Лаборатории археологической технологии ЛО ИА АН СССР *Валентин Николаевич Сидоров*. Им произведен количественный спектральный анализ инвентаря из памятников Мариинской лесостепи. Всего были исследованы 154 изделия тагарского времени [11. Табл. V].

Авторами даны описания результатов обработки данных анализа изделий из могильников Ягуня, Кондрашка, Большепичугино. По мнению А.И. Мартынова и И.В. Богдановой-Березовской, большинство исследованных тагарских изделий из памятников лесостепи изготовлены из мышьяковисто-оловянистой и оловянистой бронзы при более высоких средних концентрациях олова, чем в минусинском металле. Для лесостепной бронзы характерны постоянные примеси свинца (до 3%), висмута (0,7%), серебра, кремния, магния, алюминия, кальция, железа, никеля; и непостоянные примеси сурьмы, марганца, золота, кобальта [11. С. 101]. Разница между минусинскими и ачинско-мариинскими бронзами обозначена авторами как «значительная» [Там же. С. 102]. Следует отметить, что в сравнениях авторами не были учтены результаты анализа бронз Минусинской котловины, опубликованные И.В. Богдановой-Березовской в 1963 г., а привлекались только данные из таблиц Ю.С. Гришина, которые являются сводкой результатов химических анализов, проведенных Д.А. Сабанеевым, Л.И. Каштановым и А.В. Королевым [2. Приложение V].

В монографии А.И. Мартынова 1979 г. «Лесостепная тагарская культура» бронзолитейному производству тагарцев северного ареала культуры уделено особое внимание. Опубликованные в 1966 г. данные по составу лесостепного металла автор сравнил с полученными И.В. Богдановой-Березовской в 1963 г. по Хакасско-Минусинской котловине. Так, по наблюдениям А.И. Мартынова, «бронза лесостепного района характеризуется постоянным наличием в металле свинца, никеля, железа и висмута», повышенным содержанием олова в 3–7%, наиболее частыми концентрациями свинца в пределах 0,2–0,5%, мышьяка – от 0,1 до 0,3%, никеля – до 0,1%, железа – от 0,01 до 0,05% [12. С. 107]. По мнению ученого, металл лесостепных тагарских изделий выплавлен из руд трех или более близких по качеству месторождений [Там же. С. 109].

В 1970 г. были опубликованы результаты анализа металла тагарских котлов из Маткечикского клада, обнаруженного в 1967 г. археологом *Яковом Ивановичем Сунчугашевым* [13, 14]. По четырем котлам в лаборатории спектрального анализа кафедры физики Абаканского пединститута были проанализированы семь образцов. Котлы оказались «изготовлены из мышьяковистой меди» при сходных показателях примесей, за исключением одного из котлов, в металле которого был выявлен цинк (0,8%) [13. С. 105]. Содержание мышьяка более одного процента расценивалось как признак искусственной добавки в медь. В монографии Я.И. Сунчугашева 1975 г. «Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине» обобщались итоги полевых работ археологической экспедиции Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, в результате которых были получены основные материалы по горнорудному делу в Хакасско-Минусинской котловине. При изучении медных слитков и медных шлаков из медеплавилен и отвалов применялся спектральный анализ. Большая часть работ выполнена в лаборатории спектрального анализа Тувинской комплексной экспедиции Красноярского геологического управления в 1967 и 1968 гг. [14. С. 20, 47, 124].

Я.И. Сунчугашевым впервые ряд месторождений был отнесен к разрабатывавшимся в тагарское время медным – рудники Темира, на реках Улень, Бутрахты,

Хараджуль, месторождения Юлия, Сырское, Базинское, Булан-Кульское и Майнское [14. С. 34–56]. Из отвалов и медеплавилен с месторождений Темира, Юлии, Базы и Узун-Жуля в общей сложности были получены результаты спектрального анализа 30 образцов шлаков и слитков [Там же. С. 124–127]. Прежде только И.В. Богдановой-Березовской публиковались данные состава слитков и шлаков [7. Табл. 4. С. 156]. Однако находки эти не были атрибутированы, о них известен лишь факт происхождения с территории Хакасско-Минусинской котловины (по сведениям Я.И. Сунчугашева, опубликованные И.В. Богдановой-Березовской образцы шлаков не имели паспортов, а слитки относились к числу случайных находок [14. С. 123–124]). Я.И. Сунчугашевым сделан вывод, полезный при интерпретации данных элементного состава тагарского металла: по его наблюдениям, тагарские мастера могли получать искусственно составленную мышьяковистую бронзу на медеплавильнях месторождений Темир, Юлия, Узун-Жуль, Булан-Куль и Улень, а мышьяковую медь – на Хараджульско-Бутрахтинском месторождении [Там же. С. 128].

Интерпретация результатов спектрального анализа тагарских оленных бляшек из памятников лесостепного ареала (из числа опубликованных в статье А.И. Мартынова и И.В. Богдановой-Березовской в 1966 г.) была предпринята археологом *Владимиром Васильевичем Бобровым*. Ученым выявлены мышьяковистый, мышьяковисто-оловянистый и оловянистый с повышенным содержанием свинца типы сплавов [15. С. 17; 16. С. 83]. Повышенные концентрации олова в сплавах этой категории тагарских изделий нашли объяснение в «особом отношении к изображениям оленей в виде бляшек, которым стремились придать значительную прочность». Повышенные содержания свинца в некоторых экземплярах, по мнению В.В. Боброва, имели целью придать эффектный серовато-серебристый цвет изделию, а присутствие в числе выявленных компонентов цинка понималось как признак не местного производства фигурки [16. С. 85].

В 1977 г. вышла статья археолога *Бориса Николаевича Пяткина* «Некоторые вопросы металлургии эпохи бронзы Южной Сибири». Несмотря на заявленные хронологические рамки, в ней приведены наблюдения о пестроте состава тагарских бронзовых сплавов, их одновременном сосуществовании и отличиях лишь в пропорциях на разных этапах культуры. Емкие выводы о сходном наборе компонентов ранних тагарских и карасукских рецептур, датировка первых высокооловянистых бронз V в. до н.э. [17. С. 32] во многом предвосхитили результаты исследований начала XXI в. Одним из наиболее принципиальных выводов следует считать заключение Б.Н. Пяткина о естественной природе мышьяка в тагарских бронзах [Там же. С. 31].

Кроме того, Б.Н. Пяткиным приведены сведения о ходе разведочных работ 1970 гг., в ходе которых были выявлены более 50 тагарских поселений, «на которых почти всегда имеются следы металлургического комплекса» [Там же. С. 24]. Судя по указаниям в статье, Б.Н. Пяткин опирался в своих построениях на аналитические данные, полученные в Лаборатории археологической технологии ЛО ИА СССР и опубликованные И.В. Богдановой-Березовской в 1963 г.

В 1981 г. вышла в свет монография *Надежды Федоровны Сергеевой* «Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири». В ней впервые с начала 1960-х гг. приводились результаты новых анализов металла тагарской культуры, рассматриваемой в контексте «бронзовых культур Минусинской котловины». Методом полного количественного спектрального анализа в сочетании с локальным спектральным анализом был изучен металл «датированных комплексных находок» из Абаканского и Минусинского краеведческих музеев, а также остатки медеплавильного производства, хранящиеся в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории [18. С. 38, 44]. Аналитические работы проводились в Институте геохимии им. А.П. Виноградова СО АН СССР (г. Иркутск).

По заключению Н.Ф. Сергеевой, в тагарском металле «преобладают оловянистые сплавы, наряду с ними существуют изделия из меди, мышьяковистого, сурьмянистого и цинковистого сплавов… В качестве сырья используются не только местные медные, но и оловянные руды» [Там же. С. 45]. Для тагарского металла с содержанием олова от 1,4 до 5,6% выявлена корреляция с присутствием цинка в пределах 0,001–0,14% [Там же. С. 41]. Олово рассматривалось как искусственная присадка при наличии в пределах 4–10%. Методологически группировка компонентов сплавов по рецептам основана на положении о том, что «основой всех типов бронз является сплав меди с мышьяком» [Там же. С. 42].

Н.Ф. Сергеева впервые выявила закономерности по металлу отдельных памятников. Так, при сравнении материалов из погребений Тагарского острова и у д. Быстрой сделан вывод об «использовании различных руд», в первом случае обогащенных никелем, во втором – золотом и цинком [18. С. 41]. Для металла погребений у шахты Бейская оказались характерны примеси кобальта, никеля, сурьмы, цинка, мышьяка [Там же]. Всего по трем этим памятникам в таблицах приведены результаты анализа 113 вещей, принадлежащих различным культурам, из них 38 предметов – тагарские [Там же. Табл. В. С. 82–89]. В тагарском металле выделены пять групп сплавов: мышьяковистые бронзы, «чистая медь», мышьяково-сурьмянистые бронзы, мышьяковисто-оловянистые и мышьяковисто-никелистые бронзы [Там же. С. 43, 44].

В сборнике 1983 г. «Древние горняки и металлурги Сибири» вышла статья сотрудника ЛО ИА АН СССР (с 1968 по 1982 г. – сотрудника Лаборатории археологической технологии) *Сергея Степановича Миняева* «Производство бронзовых изделий у сюнну» [19], где констатировалось наличие среднеенисейского очага горного дела и металлургии в пределах Саяно-Алтайской металлургической провинции [Там же. С. 75]. По его заключению, в IV–III вв. до н.э. на Среднем Енисее более 50% изделий изготовлены из оловянной бронзы, около 40% – «из нелегированной меди», менее 10% – из мышьяковой бронзы, менее 5% – из оловянно-

мышьяковых сплавов [19. Рис. 11]. Всего им были учтены данные анализа 161 предмета тагарской культуры, однако самих результатов в статье не приводится. По всей видимости, в распоряжении С.С. Миняева были результаты анализов не только бронз развитого этапа культуры, но и данные по составу бронз тесинского времени. На рубеже III–II вв. до н.э. исследователем фиксировалось изменение традиционных рецептов бронзовых сплавов, выразившееся в смене оловянных бронз мышьяковыми и оловянно-мышьяковыми / мышьяково-оловянными сплавами [Там же. С. 76]. В период II–I вв. до н.э. 70–80% среднеенисейских изделий тагарских форм изготовлены из мышьяковой бронзы. С.С. Миняевым анализировались данные по составу металла ворворок, поясных обойм, зеркал с кнопкой на четырех ножках или с петлей на обороте, миниатюрных ножей и чеканов – всего 71 предмет, однако самих результатов в статье не приводится [Там же. С. 76–77. Рис. 11].

Таким образом, в период 1960–1980-х гг. исследователи продолжили работы по изучению инвентаря и следов металлургии тагарской культуры. Ю.С. Гришин стал первым археологом, кто обобщил имевшиеся данные элементного состава тагарского металла (из публикаций Д.А. Сабанеева, Л.И. Каштанова и А.В. Королева) и выступил инициатором новых аналитических работ, продолжив традиции исследования состава тагарских бронз, заложенные в свое время В.В. Радловым и Г.П. Сосновским. Огромная по количественному охвату материала и по заявленным выводам работа была проделана химиками И.В. Богдановой-Березовской и Д.В. Наумовым. Впервые в составе тагарского металла массово выявлен мышьяк, выделены типы сплавов, сформулирована первая «относительная» периодизация металлургии бронзы в тагарское время. Впоследствии к опубликованным ими материалам неоднократно обращались археологи, дополняя химические характеристики абсолютной хронологией и наименованиями этапов культуры (Б.Н. Пяткин, С.В. Хаврин). Трехчастная периодизация, предложенная Д.В. Наумовым, судя по всему, была выработана им самостоятельно, без обращения к имевшимся к тому времени периодизациям тагарской культуры С.А. Теплоухова (1929) и С.В. Киселева (1949). И.В. Богдановой-Березовской впервые был поставлен ставший сегодня заурядным, но и столь же трудноразрешимым вопрос об искусственной или естественной природе мышьяка в тагарском металле (стоит отметить, что эта ее заслуга была признана еще Я.И. Сунчугашевым). А.И. Мартыновым и И.В. Богдановой-Березовской были предприняты первые исследования бронз из памятников северного лесостепного ареала культуры. Помимо аналитических и статистических задач впервые был поставлен вопрос сравнения геохимии минусинского и мариинского металлов. Стоит, однако, подчеркнуть, что использовать опубликованные в то время данные следует с учетом «Перечня несоответствий данных спектрального анализа в таблицах, составленных И.В. Богдановой-Березовской для соавтора А.И. Мартынова к статье “Изделия из бронзы и бронзолитейное производство Северо-Западного района тагарской культуры”, с данными спектрального анализа в учетных документах Лаборатории археологической технологии Ленинградского отделения Института Археологии АН СССР» от 16 декабря 1966 г., подписанного младшим научным сотрудником Д. Наумовым и старшим лаборантом В. Сидоровым [20]. Перечень включает 44 пункта и сводится к перечислению несоответствий в статье наименований вещей, шифров и результатов анализов по тем или иным элементам. Особо значимой стала работа Я.И. Сунчугашева по исследованию тагарского горного дела и металлургии меди. Одним из первых им был предпринят анализ элементного состава следов выплавки меди, составления слитков на медеплавильнях при месторождениях. Благодаря исследованиям С.С. Миняева с 1980-х гг. начал формироваться подход в рамках изучения бронз Минусинской котловины по комплексам, соответствующим этапам тагарской культуры. Всего за 1960–1980-е гг. был произведен анализ более 740 образцов тагарского бронзового инвентаря и следов металлургического производства. Основная доля аналитических работ была осуществлена специалистами Лаборатории археологической технологии ЛО ИА АН СССР.

Рассматриваемый историографический период совпал с масштабными работами новостроечных экспедиций в Южной Сибири [21. С. 323–326]. В.И. Матющенко для 1970–1980-х гг. отмечает также повышенное внимания к комплексным проблемам степных культур Сибири периода раннего железного века [Там же. С. 415]. Характерно, что 1960–1980-е гг. стали к тому же временем серьезных успехов элементного анализа в науках естественного профиля, что положительно сказывалось на возможностях исследований различных аспектов древних производств археологами.

Методические основы аналитических работ в 1960–1980-е гг.

Единственным методом анализа тагарского цветного металла в 1960–1980-е гг. был эмиссионный спектральный анализ и его модификации. Так, в ЛО ИА АН СССР применялись качественный дуговой, качественный искровой и количественный спектральные анализы, а также химический анализ. При дуговом анализе навеска пробы сжигалась на спектрографе ИСП-22. При искровом методе одним из электродов выступала зачищенная поверхность исследуемого предмета, а источником искрового разряда служил искровой генератор ИГ-2 [7. С. 116; 22]. Работу осложняло то, что основанный на сочетании дугового и искрового анализов метод не определял содержание компонентов свыше 10%, поэтому основа сплавов «определялась или по разнице, вычитанием из 100% суммы примесей, или мокрым химическим методом» [9. С. 114]. Метод количественного анализа в спектральной лаборатории ЛО ИА АН СССР отрабатывался под руководством заведующего кафедрой аналитической химии Ленинградского политехнического института Евгения Ивановича Денисова [Там же]. При нем навеска пробы в 0,02 г брикетировалась

с угольным порошком и сжигалась в дуге переменного тока на спектрографе ИСП-22 при силе тока в 7 ампер через девятиступенчатый платиновый ослабитель. Для количественной оценки составляющих сплава сжигались эталоны, приготовленные специально применительно к составу археологических бронз. По кривым «концентрация элемента – появление его линии на соответствующей ступени» определялся в процентах количественный состав сплава [7. С. 116]. Количественным спектральным анализом в бронзах производилось абсолютное и относительное определение меди, цинка, олова, свинца, сурьмы и мышьяка. Висмут, серебро, железо, никель, марганец, кобальт, фосфор определялись полуколичественным методом спектрального анализа [9. С. 121].

В начале 1980-х гг. Н.Ф. Сергеевой признавалось, что наиболее достоверным методом продолжал оставаться количественный спектральный анализ. Между тем, по ее мнению, «из-за малых навесок исследуемого материала использование общепринятых в физике методик количественного определения тех или иных элементов не представлялось возможным. Требовался такой способ, который позволял бы одновременно из одной навески определить любые концентрации присутствующих в бронзе элементов» [18. С. 10]. Для этой цели в Институте геохимии им. А.П. Виноградова СО АН СССР была разработана специальная методика, позволявшая определять редкие и рассеянные элементы. «В процессе исследования применялся угольный электрод с сужением для уменьшения теплоотвода», в который помещалась навеска пробы в 10–15 мг, засыпаемая угольным порошком, содержащим 0,05% хлористого палладия [Там же. С. 10–11]. Съемка спектров производилась на спектрографе СТЭ-1 в три экспозиции [Там же. С. 11]. Для анализа металла уникальных предметов использовался локальный спектральный анализ, когда одним из электродов дуги служил сам предмет, а вторым – графитовый стержень. После действия микроискры на поверхности предмета оставался кратер диаметром 0,2–0,3 мм глубиной в несколько микрон [Там же. С. 13]. По всей видимости, последнюю методику, наряду с упоминавшимся у И.В. Богдановой-Березовской качественным искровым спектральным анализом (технически представлявшим один и тот же аналитический процесс), можно расценивать как первый опыт неразрушающего анализа археологических бронз.

Для своего времени лаборатории, в которых производились аналитические исследования бронз, были оснащены самым современным оборудованием. Так, начало массового выпуска оригинальной модели кварцевого спектрографа средней дисперсии под шифром ИСП-22 (1946) вообще ознаменовал резкий перелом в спектральном приборостроении [23. С. 437].

Исследования тагарского металла в 2000-е гг.

Нам не известно ни одной публикации по рассматриваемой тематике, которая бы вышла в 1990-е гг. В 2006 г. Л.И. Авилова в отношении лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН отмечала: «Технически сложные анализы спектрального состава цветного металла не проводятся больше 10 лет вследствие морального и физического старения пришедшего в полную негодность основного аналитического оборудования (генератор, спектрограф); средств на его полную замену не имеется. Соответствующие научные темы разрабатываются на базе обширных архивов ранее проведенных анализов цветного металла» [24. С. 224].

По всей видимости, схожим образом обстояли дела во многих научных коллективах. Период 1990-х гг. в историографии отечественной археологии является самостоятельным объектом исследования, приведем лишь косвенное свидетельство кризисных процессов. В 1991 г. вышла статья-приложение Н.Ф. Сергеевой, посвященная результатам анализа металла Корсуковского клада, выполненного в лаборатории спектрального анализа Иркутского завода тяжелого машиностроения [25], что весьма напоминает практику обращений в различные химические и спектральные лаборатории производственных учреждений, общепринятую в 1950–1960-е гг., когда аналитические работы по исследованию археологического металла методом эмиссионной спектроскопии находились в стадии становления.

Исследования тагарских бронз возобновились спустя десятилетие. В 2000 г. вышла статья сотрудника лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа *Сергея Владимировича Хаврина* «Тагарские бронзы». Работа содержала результаты анализа бронз Ширинского района Хакасии, проведенного С.В. Хавриным в 1998–1999 гг. в лаборатории методом рентгенофлюоресцентного анализа поверхности. Таблицы данных были опубликованы позже – в 2007 г., в статье «Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии» [26]. Ножи, чеканы, втоки, кинжалы, топоры, шилья и наконечники стрел (всего более сотни вещей) происходили из раннетагарских и сарагашенских погребений могильников Катюшкино, Топаново и Жемчужный.

С.В. Хавриным выявлено, что на раннетагарском этапе основным типом являлся медный сплав с естественными примесями мышьяка и никеля, а на сарагашенском этапе – сплав меди с оловом и свинцом [26. С. 121; 27. С. 184, 187]. Трехкомпонентность сплавов объяснялась необходимостью улучшения литейных свойств металла уменьшенных копий [26. С. 121]. Таким образом, впервые в истории исследований состава тагарского металла в аналитические работы были массово вовлечены материалы, атрибутированные как раннетагарские.

Благодаря единообразию выделенные группы тагарского металла С.В. Хавриным использованы как эталонные. Подтверждением выводов о специфике раннетагарского металла стали данные по материалам могильников Тигир Тайджен, Пистах, Федоров улус, Хыстаглар, Большая Ерба I; о сарагашенских бронзах – по находкам из могильника Колок [27. С. 188–191]. Результаты анализа предметов из могильников Луговое, Бейка и кургана Станция Аскиз, датированных позднекарасукским (баиновским), раннетагарским

(подгорновским) и биджинским (предсарагашенским) этапами показали естественные примеси мышьяка, никеля, железа, сурьмы и серебра [28. С. 95]. Материалы могильника Федоров улус также подтверждали распространение изделий из меди и низкооловянистых бронз в раннетагарское время [29]. В отношении природы компонентов бронзы С.В. Хавриным подмечено, что мышьяк и геологически связанная с ним сурьма – характерная черта металла Минусинской котловины [26. С. 115; 27. С. 184; 28. С. 94]. По его мнению, медь не очищалась сознательно, «чтобы улучшить свойства меди» [30. С. 172]. К тому же этот тип сплава был «более дешев» [31. С. 211].

Всего С.В. Хавриным за 2000–2007 гг. опубликованы результаты не менее чем двух сотен анализов тагарского металла. Впервые им была произведена привязка рецептур к культурно-хронологическим комплексам тагарских памятников Хакасско-Минусинской котловины. Идеи о маркирующей роли олова в бронзовых сплавах, о поэтапном характере развития тагарской металлургии бронзы стали закономерным продолжением построений ученых-предшественников на новом витке исторического знания о хронологии и производственной базе тагарцев. Они хорошо вписываются в рамки заметной направленности историко-металлургических исследований начала XXI в. в сторону возрастающего интереса к бронзолитейному производству раннего железного века на территории Сибири (см., например, [32–34]).

Методические основы аналитических работ в 2000-е гг.

С.В. Хавриным (1998–1999 гг.) одним из первых к тагарским материалам был применен метод рентгенофлюоресценции (РФА). Первоначально использовался прибор Link-analitical [26. С. 115]. До настоящего времени используется установка ARTAX. На сегодня метод является наиболее популярным в археометаллургических исследованиях. Он основан на фотонном возбуждении внутренних электронных оболочек атомов и регистрации возникающей при этом рентгеновской флуоресценции. Для 2000-х гг. вообще характерны рост привлекательности РФА в науке, бурное развитие рентгеновской оптики, детекторов и источников возбуждения [35. С. 6]. На этом фоне стали доступней «электронно-зондовый микроанализ (EPMA), установки с протонным возбуждением (PIXE) и с полным внешним отражением (TXRF), энергодисперсионные рентгеновские анализаторы (ЭДРФА), РФА с использованием для возбуждения флюоресценции исследуемого образца синхротронного излучения (СИРФА), РФА с использованием капиллярной оптики (микро-РФА)» [Там же. С. 5]. В РФА практикуется два способа пробоподготовки – использование порошковых проб или прессовок, а также прямой неразрушающий анализ твердых образцов. Эксплуатируемый в Государственном Эрмитаже спектрометр ARTAX (фирма Брукер) относится к разряду мобильных микро-РФА устройств. Его измерительный блок можно помещать непосредственно перед объектом или над ним, что позволяет проводить измерение образцов сложной геометрии.

Таким образом, в 1960–1980-х гг. в русле процессов формирования историко-металлургического направления в советской археологии завершился переход от химических к спектральным методам анализа древнего металла. Выработались две стратегии публикации результатов – химиками-аналитиками и отдельными учеными-археологами. С течением времени первая модель была утрачена. Разные способы компоновки данных сочетались по типам инвентаря и сплавов, по памятникам, сосуществуя в рамках особой историографической традиции – рассматривать тагарскую культуру в контексте «бронзовых культур» [18. С. 38]. Показательной стала формулировка Д.В. Наумова – «эпоха тагарской бронзы», воспринимавшейся как один из этапов развития производств археологических общностей Минусинской котловины.

В начале 2000-х гг., при наличии огромного корпуса источников, состав тагарского металла, в том числе на фоне синхронных культур эпохи раннего железа и территориально близких культур Саяно-Алтая, исследовался трудами одного ученого: С.В. Хавриным были выявлены особенности состава цветного металла раннетагарского времени и сарагашенского этапа. В это десятилетие имел место переход от эмиссионных спектральных методов к неразрушающим рентгенофлюоресцентным.

В настоящее время уровень знаний о хронологически и территориально специфических проявлениях тагарской культуры создает предпосылки для продолжения исследований тагарского металла. Перспективным видится пополнение баз данных как в хронологическом срезе – по этапам культуры в соответствии с разработанными периодизационными схемами, так и в срезе пространственном – в рамках выделенных ландшафтно обусловленных вариантов. Первое направление имеет историографические традиции, второму предстоит их накапливать. Неравная степень изученности вопросов древней металлургии Минусинского, Ачинско-Мариинского регионов и района г. Красноярска в тагарское время, преобладание в числе проанализированных материалов из Минусинской котловины фиксируется как интуитивно, так и по представленному обзору некоторых аспектов истории исследования цветного металла тагарской культуры. Преодоление ее уже стало задачей проводимых исследований [36, 37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельева А.С. Цветной металл тагарской культуры: история исследований состава сплавов на медной основе: с 1860-х по 1950-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4 (36). С. 85–95.
2. Гришин Ю.С. Производство в тагарскую эпоху // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1960. № 90. С. 116–207.
3. Лебедева В.В., Левшин Л.В., Михайлин В.В. История и развитие направлений учебно-научной работы на кафедре оптики и спектроскопии. М. : МГУ, физический факультет, 2005. 63 с.

4. Шер Я.А. Лаборатория археологической технологии ЛО ИА при С.И. Руденко и после него // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Материалы конференции, посвящённой 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. СПб. : ИИМК РАН, 2007. С. 25–34.
5. Егорьков А.Н. Спектральный анализ археологического материала в ИИМК РАН // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. С. 280–291.
6. Черных Е.Н. Изучение истории древнейшей металлургии в СССР за 50 лет // КСИА. М. : Наука, 1969. Вып. 118. С. 69–83.
7. Богданова-Березовская И.В. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины // Новые методы в археологических исследованиях. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 115–159.
8. Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975. С. 131–149.
9. Наумов Д.В. Метод количественного спектрального анализа сплавов на медной основе применительно к исследованию археологических предметов // Советская археология. 1961. № 3. С. 113–121.
10. Наумов Д.В. Производство и обработка древних медных и бронзовых изделий Минусинской котловины // Новые методы в археологических исследованиях. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 159–191.
11. Мартынов А.И., Богданова-Березовская И.В. Изделия из бронзы и бронзолитейное производство северо-западного района тагарской культуры // Из истории Западной Сибири. 1966. Вып. I. С. 66–104.
12. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука СО, 1979. 208 с.
13. Носова Р.С., Сунчугашев Я.И. Результаты спектрального анализа медных котлов Маткечикского клада // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Абакан, 1970. Вып. XV. С. 101–106.
14. Сунчугашев Я.И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М., 1975. 174 с.
15. Бобров В.В. Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля (тагарская культура) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 29 с.
16. Бобров В.В. Технология изготовления бронзовых фигурок оленей // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1976. Вып. 7. С. 81–86.
17. Пяткин Б.Н. Некоторые вопросы металлургии эпохи бронзы Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. Вып. 9. С. 22–34.
18. Сергеева Н.Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск : Наука, 1981. 152 с.
19. Миняев С.С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 47–84.
20. Данные спектральных анализов. Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Ед. хр. № 86.
21. Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2009. 550 с.
22. Богданова-Березовская И.В., Наумов Д.В. О применении количественного спектрального анализа при исследовании археологами бронзовых изделий // Новые методы в археологических исследованиях. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 77–84.
23. Корицкий В.Г., Налимов В.В., Недлер В.В., Райский С.М., Русанов А.К., Филимонов Л.Н. Краткий очерк развития эмиссионного спектрального анализа в СССР // Успехи физических наук. 1957. Т. LXIII, вып. 2. С. 435–454.
24. Авилова Л.И. Работа Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН в 2001–2004 гг. // КСИА. 2006. Вып. 220. С. 213–224.
25. Сергеева Н.Ф. О химическом составе изделий Корсуковского клада // Советская археология. 1991. № 2. С. 206–207.
26. Хаврин С.В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб. : Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 115–123.
27. Хаврин С.В. Тагарские бронзы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 183–194.
28. Хаврин С.В. Металлические изделия эпохи поздней бронзы – раннего железа из Аскизского района Хакасии // Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб., 2001. С. 94–99.
29. Хаврин С.В. Металл эпохи поздней бронзы нижнетейской группы памятников (Торгажак – Арбан – Федоров улус) // Евразия сквозь века. К 60-летию со дня рождения Д.Г. Савинова. СПб., 2001. С. 117–125.
30. Хаврин С.В. Металл скифских памятников Тувы и кургана Аржан // Степи Евразии в Древности и Средневековье. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. Кн. II. С. 171–173.
31. Хаврин С.В. Металл некоторых памятников Тувы в контексте металлургии Саяно-Алтая скифского времени // Семенов Вл.А. Суглуг-Хем и Хайыракан – могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003. Приложение 1. С. 211–214.
32. Дураков И.А. Цветная металлообработка раннего железного века : автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 21 с.
33. Бобров В.В. К проблеме цветной металлообработки автохтонной и таежной культур раннего железа в бассейне Верхней Оби // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 157–160.
34. Терехин С.А. Техника и технология цветной металлообработки кулайской культуры (васюганский этап) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 81–83.
35. Ревенко А.Г., Ревенко В.А. Применение рентгеноспектрального метода анализа для исследования материалов культурного наследия (Обзор) // Методы и объекты химического анализа. 2007. Т. 2, № 1. С. 4–29.
36. Савельева А.С., Герман П.В. Бронзы из курганного могильника тагарской культуры Некрасово II (по материалам раскопок 1970 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. Томск. 2015. № 6 (38). С. 108–118.
37. Савельева А.С., Герман П.В., Боброва Л.Ю. Бронзы кургана Алчедат I в контексте металлургии тесинского этапа тагарской культуры в Мариинской лесостепи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. Вып. 1 (65). С. 43–52.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 мая 2016 г.

NON-FERROUS METAL OF THE TAGAR CULTURE: THE HISTORY OF THE STUDIES OF COPPER-BASED ALLOY COMPOSITION FROM 1960S TO 2000S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 125–133.
DOI: 10.17223/15617793/408/19

Savelieva Anna S. The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: antverpen@mail.ru

Keywords: historiography; the Tagar culture; elemental composition of bronze; spectral analysis; X-Ray analysis.

The paper focuses on the history of the studies of the chemical composition of bronze and copper products of the Tagar archaeological culture in the period from the 1960s to the 2000s. The main results of Yu.S. Grishin's, I.V. Bogdanova-Beresovskaya's, D.V. Naumov's, Ya.I. Sunchugashev's, S.S. Minyaev's, N.F. Sergeeva's and S.V. Khavrin's research have been summarized and analyzed. Their achievements (equally of archaeologists and chemists) let form the idea about bronze metallurgy of the Tagar archaeological culture mainly at the Minusinsk basin. On the basis of the results of the elemental analysis of the Tagar bronzes con-

ducted in the second half of the 20th century the typical geochemical admixtures of the Tagar metal and the main types of bronze alloys (arsenic, arsenic-tin and tin bronzes) became clear, the artificial or natural arsenic additions were discussed, and the special role of tin and lead metal additions was declared. During the 1960s, the first mass data were received about the composition of bronzes from the Yagunya and Kondrashka sites that were situated in the Mariinsk forest-steppe and belonged to the northern area of the Tagar culture. At the same time the first comparison of forest-steppe and Minusinsk basin bronze geochemical characteristics took place. An idea was formed about the copper-based alloys peculiarities from different chronological complexes dating by the Early Tagar period, when arsenic and low tin alloys predominated, the Saragash stage, with the prevalence of tin bronzes and extension of lead addition, and the Tesin stage, when arsenic and arsenic-tin bronzes predominated again. From the 1960s to the 2000s, all elemental analysis based on two methods – spectral-emission and X-ray fluorescence. The solution of many Tagar bronze metallurgy questions and other successes of archaeometallurgy were impossible without achievements of Russian natural sciences and instrumental industry in the 1960s–1980s. The correlation of all scientific branches was confirmed during the crisis of the 1990s. In the 2000s, there were convenient conditions for ancient materials and the Tagar bronze research, they were conditioned by the large number of archaeological sources about the Tagar metallurgy in museum funds, by the relative technical accessibility of the elemental analysis, and, at last, by the invariable scientific attention to the historical processes in the Southern Siberia at the Early Iron age.

REFERENCES

1. Savel'eva, A.S. (2015) Non-ferrous metal of the Tagar culture: the history of studies of the composition of copper-based alloys in the 1860s – 1950s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (36). pp. 85–95. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/36/15
2. Grishin, Yu.S. (1960) Proizvodstvo v tagarskuyu epokhu [Production in the Tagar era]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 90. pp. 116–207.
3. Lebedeva, V.V., Levshin, L.V. & Mikhaylin, V.V. (2005) *Istoriya i razvitie napravleniy uchebno-nauchnoy raboty na kafedre optiki i spektroskopii* [The history and development of the areas of teaching and research at the Department of Optics and Spectroscopy]. Moscow: Moscow State University, Faculty of Physics.
4. Sher, Ya.A. (2007) [Laboratory of Archaeological Technology of Leningrad Branch of the Institute of Archaeology with S.I. Rudenko and after him]. *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyakh* [Radiocarbon in archaeological and paleoecological studies]. Proceedings of the conference devoted to the 50th anniversary of the Radiocarbon Laboratory of IHMC RAS. St. Petersburg: IHMC RAS. pp. 25–34. (In Russian).
5. Egor'kov, A.N. (2013) Spektral'nyy analiz arkheologicheskogo materiala v IIMK RAN [Spectral analysis of archaeological material in the IHMC RAS]. In: Nosov, E.N. (ed.) *Akademicheskaya arkheologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.)* [Academic archeology on the Neva (from RAIMK to IHMC RAS, 1919-2014)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
6. Chernykh, E.N. (1969) Izuchenie istorii drevneyshey metallurgii v SSSR za 50 let [Studying the history of the ancient metallurgy in the USSR for 50 years]. *KSIA*. 118. pp. 69–83.
7. Bogdanova-Berezovskaya, I.V. (1963) Khimicheskiy sostav metallicheskikh predmetov iz Minusinskoy kotloviny [The chemical composition of metallic objects from the Minusinsk depression]. In: Rudenko, S.I. (ed.) *Novye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [New methods in archaeological research]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
8. Bogdanova-Berezovskaya, I.V. (1975) K voprosu o khimicheskom sostave zerkal Minusinskoy kotloviny [On the chemical composition of mirrors in the Minusinsk depression]. In: Lubo-Lesnichenko, E.I. *Privoznye zerkala Minusinskoy kotloviny. K voprosu o vneshnikh svyazyakh drevnego naseleniya Yuzhnoy Sibiri* [Imported mirror of the Minusinsk depression. On the issue of external relations of the ancient peoples of southern Siberia]. Moscow: Nauka.
9. Naumov, D.V. (1961) Metod kolichestvennogo spektral'nogo analiza splavov na mednoy osnove primenitel'no k issledovaniyu arkheologicheskikh predmetov [Method of quantitative spectral analysis of copper-based alloys in relation to the study of archaeological objects]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 113–121.
10. Naumov, D.V. (1963) Proizvodstvo i obrabotka drevnikh mednykh i bronzovykh izdeliy Minusinskoy kotloviny [Production and processing of ancient copper and bronze objects of the Minusinsk depression]. In: Rudenko, S.I. (ed.) *Novye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [New methods in archaeological research]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
11. Martynov, A.I. & Bogdanova-Berezovskaya, I.V. (1966) Izdeliya iz bronzy i bronzoliteynoe proizvodstvo severo-zapadnogo rayona tagarskoy kul'tury [Items made of bronze and bronze casting in the northwestern district of the Tagar culture]. *Iz istorii Zapadnoy Sibiri*. I. pp. 66–104.
12. Martynov, A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [The forest-steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Nauka.
13. Nosova, R.S. & Sunchugashev, Ya.I. (1970) Rezul'taty spektral'nogo analiza mednykh kotlov Matkechikskogo klada [The results of the spectral analysis of copper boilers of the Matkechik treasure]. *Uchenye zapiski Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. XV. pp. 101–106.
14. Sunchugashev, Ya.I. (1975) *Drevneyshie rudniki i pamyatniki ranney metallurgii v Khakassko-Minusinskoy kotlovine* [The most ancient monuments of the early mines and metallurgy in the Khakass-Minusinsk Basin]. Moscow: Nauka.
15. Bobrov, V.V. (1973) *Olen' v skifo-sibirskom iskusstve zverinogo stilya (tagarskaya kul'tura)* [Deer in the Scythian-Siberian animal style art (the Tagar culture)]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
16. Bobrov, V.V. (1976) Tekhnologiya izgotovleniya bronzovykh figurok oleney [Manufacturing techniques of bronze figurines of deer]. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. 7. pp. 81–86.
17. Pyatkin. B.N. (1977) Nekotorye voprosy metallurgii epokhi bronzy Yuzhnoy Sibiri [Some questions of metallurgy of the Bronze Age in South Siberia]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri. Izvestiya kafedry arkheologii*. 9. pp. 22–34.
18. Sergeeva, N.F. (1981) *Drevneyshaya metallurgiya medi yuga Vostochnoy Sibiri* [Ancient copper metallurgy of the south of Eastern Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
19. Minyaev, S.S. (1983) Proizvodstvo bronzovykh izdeliy u syunnu [Production of bronze objects of the Huns]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Drevnie gornyaki i metallurgi Sibiri* [Ancient miners and metallurgists of Siberia]. Barnaul: Altai State University.
20. Scientific Archive of the Museum "Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia" of Kemerovo State University. Unit 86. *Dannye spektral'nykh analizov* [Spectral analyses data].
21. Matyushchenko, V.I. (2009) *300 let istorii sibirskoy arkheologii* [300 years of history of Siberian archeology]. Omsk: Omsk State University.
22. Bogdanova-Berezovskaya, I.V. & Naumov, D.V. (1963) O primenenii kolichestvennogo spektral'nogo analiza pri issledovanii arkheologami bronzovykh izdeliy [On the application of quantitative spectral analysis in the study of bronze products by archaeologists]. In: Rudenko, S.I. (ed.) *Novye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [New methods in archaeological research]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
23. Koritskiy, V.G. et al. (1957) Kratkiy ocherk razvitiya emissionnogo spektral'nogo analiza v SSSR [A brief essay on the development of emission spectral analysis in the USSR]. *Uspekhi fizicheskikh nauk*. LXIII:2. pp. 435–454.

24. Avilova, L.I. (2006) Rabota Laboratorii estestvennonauchnykh metodov IA RAN v 2001–2004 gg. [Work of the Laboratory of Natural Science methods IA RAS in 2001–2004]. *KSIA*. 220. pp. 213–224.
25. Sergeeva, N.F. (1991) O khimicheskom sostave izdeliy Korsukovskogo klada [On the chemical composition of items from the Korsukovo treasure]. *Sovetskaya arkheologiya*. 2. pp. 206–207.
26. Khavrin, S.V. (2007) Tagarskie bronzy Shirinskogo rayona Khakasii [The Tagar bronze of the Shirinsky District of Khakassia]. In: Khavrin, S.V. (ed.) *Sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letiya A.V. Vinogradova* [Collection of scientific works in honor of the 60th anniversary of A.V. Vinogradov]. St. Petersburg: Kul't-Inform-Press.
27. Khavrin, S.V. (2000) Tagarskie bronzy [The Tagar bronze]. In: Nikitin, A. & Pankova, S. (eds) *Mirovozzrenie. Arkheologiya. Ritual. Kul'tura* [World. Archeology. Ritual. Culture]. St. Petersburg: Mir knigi.
28. Khavrin, S.V. (2001) Metallicheskie izdeliya epokhi pozdney bronzy – rannego zheleza iz Askizskogo rayona Khakasii [Metal products of the Late Bronze – early Iron Age of the Askizsky District]. In: Aleksandrov, S.V., Paul's, E.D. & Podol'skiy, M.L. (eds) *Drevnosti Askizskogo rayona Khakasii* [Antiquities of the Askizsky District of Khakassia]. St. Petersburg.
29. Khavrin, S.V. (2001) Metall epokhi pozdney bronzy nizhneteyskoy gruppy pamyatnikov (Torgazhak – Arban – Fedorov ulus) [Metal of the Late Bronze Age of monuments of Nizhneteyskaya group (Torgazhak – Arban – Fedorov ulus)]. In: Froyanov, I.Ya. & Astakhov, S.N. (eds) *Evraziya skvoz' veka. K 60-letiyu so dnya rozhdeniya D.G. Savinova* [Eurasia through the centuries. To the 60th anniversary of the birth of D.G. Savinov]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Faculty of Philology.
30. Khavrin, S.V. (2003) [Metal of the Scythian monuments of Tuva and Arzhan]. *Stepi Evrazii v Drevnosti i Srednevekov'e* [Eurasian steppes in athe Atiquity and the Middle Ages]. Proceedings of scientific-practical conference devoted to the 100th anniversary of the birth of M.P. Gryaznov. Vol. 2. St. Petersburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha. pp. 171–173. (In Russian).
31. Khavrin, S.V. (2003) Metall nekotorykh pamyatnikov Tuvy v kontekste metallurgii Sayano-Altaya skifskogo vremeni [Metal of some Tuva monuments in the context of the metallurgy of the Sayan Altai Scythian period]. In: Semenov, Vl.A. (ed.) *Suglug-Khem i Khayyrakan – mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-Tuvinskoy kotlovine* [Suglug-Khem and Khaiyrakan – mounds of the Scythian period in the Central Tuva Basin]. St. Petersburg Peterburgskoe Vostokovedenie.
32. Durakov, I.A. (2001) *Tsvetnaya metalloobrabotka rannego zheleznogo veka* [Non-ferrous metalworking of the Early Iron Age]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
33. Bobrov, V.V. (2002) K probleme tsvetnoy metalloobrabotki avtokhtonnoy i taezhnoy kul'tur rannego zheleza v basseyne Verkhney Obi [Non-ferrous metalworking in the autochthonous and taiga cultures in the early Iron Age in the Upper Ob basin]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Severnaya Evraziya v epokhu bronzy: prostranstvo, vremya, kul'tura* [Northern Eurasia during the Bronze Age: space, time, culture]. Barnaul: Altai State University.
34. Terekhin, S.A. (2009) Technique and technology of nonferrous metal-working in the Kulaj culture (Vasyugan stage). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 328. pp. 81–83. (In Russian).
35. Revenko, A.G. & Revenko, V.A. (2007) Primenenie rentgenospektral'nogo metoda analiza dlya issledovaniya materialov kul'turnogo naslediya (Obzor) [The use of the X-ray analysis method to study the materials of the cultural heritage (a review)]. *Metody i ob"ekty khimicheskogo analiza*. 2:1. pp. 4–29.
36. Savel'eva, A.S. & German, P.V. (2015) Bronzes from the Tagar burial mound Nekrasovo II (research based on the data of excavations in 1970). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal*. 6 (38). pp. 108–118. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/38/17
37. Savel'eva, A.S., German, P.V. & Bobrova, L.Yu. (2016) The Alchedat I Barrow's bronzes and the Tesin stage of the Tagar culture metallurgy in the Mariinsk forest-steppe. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 1 (65). pp. 43–52. (In Russian). DOI: http://dx.doi.org/10.1234/XXXX-XXXX-2016-1-39-48

Received: 15 May 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 134–137. DOI: 10.17223/15617793/408/20

УДК 93(573.55)

В.В. Синиченко, Р.А. Изаксон

МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Проанализированы политические взаимоотношения России и Монголии в годы Первой мировой войны, основанные на материалах Государственного архива Иркутской области. Исследованы архивные документы, ранее не освещавшиеся в печати. Авторы приходят к выводу о том, что в связи с сокращением дотаций в пользу Монголии, к началу Февральской революции 1917 г. Россия теряет столь значимую ранее сферу влияния в данном регионе, что позволило Китаю, напротив, укрепить свои позиции и возобновить экономически выгодные торговые отношения с Монголией.

Ключевые слова: Первая мировая война; Монголия; Россия; Китай; правительство; секретная телеграмма; Пекин.

Начавшаяся летом 1914 г. общеевропейская война, впоследствии ставшая Первой мировой войной, способствовала отвлечению внимания российского правительства от дальневосточного вектора внешней политики.

Ситуация же на Дальнем Востоке, после крушения в 1911–1912 гг. в результате Синьхайской революции маньчжурской династии в Китае и появлении Китайской республики, была напряженной. Окраины Цинской империи в результате политических волнений приобрели самостоятельность, в том числе и Внешняя Монголия. Россия поддержала автономное правительство в Северной (Внешней) Монголии, которое располагалось в Урге. Между Ургой и Петербургом были установлены дипломатические отношения. В 1913 г. Россия оказывала давление как на Монголию, так и на Китай с целью усиления своих экономических позиций в этих странах. Если монгольские власти в Урге охотно пошли на контакт с российским правительством и предоставили Петербургу право строительства как шосссейно-гравийных, так и железных дорог в Монголии, то Китай разрешил строительство дорог на своей территории только международному синдикату, в который входили ведущие страны мира [1. С. 160].

В августе 1914 г. Петербург ослабил свое давление на Пекин, так как позиция нейтралитета Китайской Республики для России была важнее экономических выгод в этой стране.

Кроме этого Петербург решил отказаться от планов полного отделения Монголии от Китая и пошел на сохранение в Монголии режима status-quo.

Согласно секретной телеграмме дипломатического агента в Монголии от 19 августа 1914 г. за № 272, монголы просили предоставить им оружие. Так как российская дипломатия в это время была нацелена на мирное разрешение конфликта, им было отказано в предоставлении оружия «до окончания войны» [2. Д. 165. Л. 30].

Что касается редакции статьи о железнодорожном сообщении Монголии и России, то, как свидетельствует секретная телеграмма министра иностранных дел на имя дипломатического агента в Монголии в Кяхту от 29 августа 1914 г. № 2565, российская сторона замораживала этот проект, но требовала от монгольского правительства, чтобы те не вели подобных переговоров с третьей стороной. За это российское правительство передавало монгольскому трехмиллионную ссуду в рублях [Там же. Д. 167. Л. 30].

В ответ на это китайский посланник сделал через своего секретаря следующее устное заявление: «Китайское Правительство осведомилось о заключении Императорским Правительством с Монголией железнодорожного соглашения. По мнению Китайского Правительства этот вопрос является политическим. Поэтому <…> Китайское Правительство отказывается признать его» [2. Д. 167. Л. 4].

В секретной телеграмме министра иностранных дел России на имя дипломатического агента в Монголии в Кяхту от 26 ноября 1914 г. за № 4184 давались инструкции российскому представителю на запланированных переговорах в Кяхте между Россией, Китаем и Монголией: «Можете сделать на конференции следующее заявление: Созданное Пекинской декларацией для Внешней Монголии положение автономной во внутреннем управлении страны дает Монгольскому Правительству право самостоятельного распоряжения в таких внутренних делах, как железнодорожное, почтовое и т.п, а следовательно, и право заключать по этим вопросам соглашение с соседним государствами. К этому принципиальному вопросу, решенному Пекинской декларацией, излишне возвращаться при происходящих ныне в Кяхте переговорах, имеющих целью развития; а также оформить вопросы, возникающие из принципиального признания автономии Внешней Монголии. Наш Представитель на Кяхтинской конференции не уполномочен поэтому обсуждать вопросы об ограничении автономного Монгольского Правительства в сфере его деятельности по таким делам внутреннего управления, как почтовое, железнодорожное и т.п.» [Там же. Л. 10].

Из секретной телеграммы министра иностранных дел на имя посланника в Пекин от 27 ноября 1914 г. за № 4216 очевидно, что китайский посланник сообщил российскому о содержании телеграммы Вай-цзяо-бу (Министерство иностранных дел Китая), где ему поручалась просить российскую сторону подтвердить письменно, что, во-первых, Китайское правительство имеет право заключить с Монгольским правительством железнодорожное соглашение, подобное российскому. Во-вторых, содержащееся в 5-й статье русско-монгольского железнодорожного соглашения обязательство Монгольского правительства о выдаче какой-либо концессии на железную дорогу должно разрешаться не только Россией, но и Китаем [Там же. Л. 12].

В ответ на это российская сторона ответила, что железнодорожное дело во Внешней Монголии относится к области, «в которой монгольское правительство самостоятельно» [2. Д. 167. Л. 12]. Отсюда вытекало, что Монгольское правительство имело право заключить с Китайским правительством железнодорожное соглашение, аналогичное русско-монгольскому, при условии, что оно не противоречит последнему. Однако, подчеркивали российские дипломаты, железные дороги могли строиться только на средства Монгольского правительства. Последняя уловка сводила на нет требования Китая на равноправное положение России и Китая в железнодорожном строительстве в Монголии.

Как впоследствии отмечалось в секретной телеграмме министра иностранных дел на имя дипломатического агента в Монголии от 22 октября 1915 г. за № 5470, позиция России в отношении монголо-китайских контактов базируется на том, чтобы они «носили чисто формальный характер» [Там же].

Несмотря на то что российским властям удалось удержать в 1914–1915 гг. российское влияние в Северной Монголии – в Урге, в Восточной Монголии – Барге, позиции были сданы в пользу Китая.

Так, секретная телеграмма министра иностранных дел на имя посланника в Пекине от 31 января 1915 г. за № 577 предлагала в обмен на ввод китайских войск в Баргу договориться о принципиальном обязательстве Китайского правительства компенсировать понесенные российскими золотопромышленниками в этом регионе убытки [Там же].

Кроме того, министр планировал добиться компенсации для тех российских предпринимателей, которые произвели разведку золотых месторождений, истратили на это большие суммы «и были в праве требовать, чтобы найденное ими золото было отдано им для разработки» [Там же. Л. 20].

Как видно из секретной телеграммы министра иностранных дел России на имя посланника в Пекине от 18 мая 1915 г. за № 2541, отстаивание российских экономических интересов в пограничной зоне являлось основной целью деятельности российских консулов в Монголии и Маньчжурии. Также связь с местными монгольскими и китайскими властями была необходима российским консулам не только в силу их официальной самостоятельности в хозяйственных делах вверенного им края, но и для установления деловых контактах в повседневной практике выполнения коммерческих договоров китайцев и россиян [Там же. Л. 24].

В секретной телеграмме министра иностранных дел на имя посланника в Пекине и дипломатического агента в Монголии от 29 июля 1915 г. за № 3876 говорилось о ноте китайских делегатов на конференции Монголии, России и Китая в Кяхте, согласно которой монголам даровалась полная амнистия. Это, по мнению российских дипломатов, могло толковаться в том смысле, что князьям Внутренней Монголии (территории, захваченной войсками Китайской республики в ходе Монгольско-китайской войны 1911–1913 гг.) должны быть возвращены все экономические права, которыми они ранее пользовались [2. Д. 167. Л. 25].

Секретная телеграмма дипломатического агента в Монголии от 29 октября 1915 г. за № 271 свидетельствует, что в случае несговорчивости китайских делегатов на предстоящей телеграфной конференции монгольские делегаты предполагали бы применить угрозу закрытия монгольской телеграфной линии, однако российская сторона не дала реализоваться этой идее, так как через телеграфную линию в Монголии и Китае российская сторона обменивалась сообщениями с союзниками по блоку «Антанта» [Там же. Д. 165. Л. 42].

Другая же секретная телеграмма министра иностранных дел России на имя дипломатического агента в Монголии от 20 октября 1915 г. за № 5436 гласила: «По соглашению от 17 сентября минувшего года выдаваемая нами монгольскому правительству ссуда должна поступать в монгольское казначейство, организуемое русским советником, и расходоваться по особым, одобренным нами сметам исключительно на культурные задачи. Чтобы настаивать перед монголами на неукоснительном соблюдении этого соглашения, мы должны также избегать его нарушений. Поэтому выдача взаймы денег из нашей трехмиллионной суммы нежелательна. Скорее можно говорить о выдаче отдельным монголам ссуд из Монгольского Банка под гарантию Императорского Правительства, если данная ссуда будет признана политически нужною. Как правило, мы, конечно, не можем проводить нашу политику в Монголии путем раздачи денег влиятельным монголам. Желающих получить от нас деньги найдется так много, что такой образ действий поглотил бы слишком большие суммы, ибо опыт показывает, что на возврат таких ссуд нельзя рассчитывать» [Там же. Д. 167. Л. 28].

Раскрывается этот вопрос в секретной телеграмме министра иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии от 28 октября 1915 г. за № 5558. В ней говорится: «Из лишних объяснений с Ермолаевым выяснилось, что Монголобанк относится сочувственно к выдаче денег надежным монголам, если на то имеется согласие Монгольского Правительства. Правление Монголобанка уже разрешил Ургинской Конторе выдать ссуды Министру Юстиции Монголии.

Если Вы считаете желательною ссуду Чай чжиламе (брату Хутухты – правителю Монголии), то не имеем препятствий, чтобы Вы рекомендовали его Монголобанку» [Там же. Л. 32].

Из содержания секретной телеграммы дипломатического агента в Монголии от 25 октября 1916 г. за № 268 следует, что брат Хутухты – Чончжи-лама нуждался в деньгах, и Миллер ходатайствовал о выдаче суммы для того, чтобы брат монгольского лидера не обратился к китайскому займу [Там же. Д. 165. Л. 41].

«Наш отказ, – писал дипломатический агент, – от кредитования надежных монголов заставит их обращаться к китайцам и даст монгольскому правительству предлог для разрешения открытия в Монголии китайских банков, в чем, по моим настояниям (правительство Монголии), пока отказывало в надежде на помощь Монгольского Банка» [Там же].

В секретной телеграмме министра иностранных дел на имя управляющего генерального консульства в Урге от 3 декабря 1914 г. за № 4309 говорилось, что основным инструментом российского влияния в Монголии в этот напряженный для России период времени становилась так называемая монгольская бригада, одной из целей организации которой являлось поддержание порядка в стране [2. Д. 107. Л. 15].

Как свидетельствует секретная телеграмма дипломатического агента в Монголии от 19 июля 1915 г. за № 122, новое соглашение о монгольской бригаде с 1 августа 1915 г. было подписано сроком на год.

Проект текста второй статьи: «Начальным сроком существование бригады и настоящего соглашения устанавливается 1 августа текущего 1915 г., причем к этому сроку в ряды бригады должны быть зачислены 200 цыриков, считая в том числе 25 сверхсрочных дарганаров из состава нынешней бригады. Эти 200 цыриков прослужат в рядах бригады до 1 октября текущего года. 1 сентября текущего года в ряды бригады должны быть зачислены 200 новобранцев по выбору Начальника русских инструкторов из призванного Правительством автономной Монголии контингента. Цырики эти должны прослужить в рядах бригады шесть месяцев, то есть до 1 марта 1916 г. 1 октября текущего года должны быть зачислены в ряды бригады 200 новобранцев, которые должны прослужить в рядах бригады до 1 апреля 1916 г. 1 марта и 1 апреля 1916 г. должны быть зачислены тем же порядком в ряды бригады по 200 новобранцев в каждый срок, которые должны прослужить в рядах бригады до 1 августа 1916 г. Следовательно, в течение времени с 1 августа 1915 г. по 1 августа 1916 г. Правительство Автономной Внешней Монголии обязывается поставить 800 новобранцев: по 200 человек к 1-му сентября, 1 октября 1915 г., к 1 марта и 1 апреля 1916 г.» [Там же. Д. 165. Л. 36].

Силовой, а не финансовый инструмент постепенно становился основным в политике распространения российского влияния в Монголии. Сокращение российских дотаций привело к тому, что в 1916 г. Автономное Правительство Монголии решило упразднить дорого обходившуюся канцелярию Совета председателя главных начальников, ограничить число монгольских чиновников. Было решено уменьшить жалование главным начальникам с 8 до 7 лан в сутки, а их товарищам с 7 до 6 лан (1 лан – это в то время от 1 руб. 45 коп. до 1 руб. 75 коп.) [2. Д. 165. Л. 39]. Главное управление духовных дел было упразднено. Таможенное ведомство (Гайли-ямынь) включено в Управление финансов в виде отделения по взиманию торговых и иных сборов.

Монголы сделали приготовления для беспрепятственного проезда в Ургу уже приехавшего в Кяхту со штатом из 36 лиц китайского комиссара во Внешней Монголии – Чен Лу. Начальник его канцелярии Фан Цигуань с авангардом из 10 китайцев ранее приехал в Ургу. Для китайского комиссара был отведен, согласно Кяхтинскому соглашению, вполне хороший и подходящий дом в Маймачене, заново отремонтированный Автономным Правительством [Там же. Л. 40].

В секретной телеграмме дипломатического агента в Монголии от 20 июля 1916 г. № 220 говорилось: «Предположительные изменения организации монгольской бригады не могут состояться, так как Монгольское Правительство, несмотря на мои настояния, не приступило к постройке в Урге ни казарм, ни помещений для наших инструкторов. Ссылаясь на необходимость экономии, монголы просят уменьшить число наших нижних чинов-инструкторов с 16 до 10.

Я не согласился с этим, указав на то, что экономия достигнута в виду наличия в бригаде с начала войны 3 офицеров вместо 6. Переговоры остановлены отъездом из Урги в отпуск Свин-Ноин-Хана, всячески уклонявшегося раньше от ведения таковых» [Там же. Л. 46].

Таким образом, накануне Февральской революции 1917 г. российские позиции в Монголии из-за сокращения финансирования российским правительством монгольского были ослаблены. Уменьшение обменного курса рубля в годы Первой мировой войны вызвали у российского сателлита – Монголии желание возобновить торговые отношения с прежним сюзереном – Китаем. Вместо «мягкой силы» накануне революционного периода российское влияние в Урге базировалось в основном на созданной кавалерийской бригаде, подчиненной российским инструкторам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синиченко В.В. Политическое влияние Японии в Китае накануне и в годы Первой мировой войны: позиция России // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 159–168.
2. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 11.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 мая 2016 г.

THE MONGOLIAN PROBLEM DURING THE FIRST WORLD WAR (BASED ON MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF IRKUTSK OBLAST)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 134–137.
DOI: 10.17223/15617793/408/20

Sinichenko Vladimir V. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: raysa@mail.ru
Izakson Raisa A. East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: raysa@mail.ru

Keywords: First World War; Mongolia; Russia; China; Government; secret message; Beijing.

The article analyses the political relations between Russia and Mongolia during the First World War. This study presents documents from the State Archive of Irkutsk Oblast that has not been covered earlier. It is evident that the weakening of Russian

influence over Mongolia is noticed because of funding cutbacks. Therefore, China firms its role in Mongolia in terms of dynamic economic collaboration. Previously China repeatedly maintained its position in this region not only in foreign affairs, but also in the field of internal management such as post, railway, etc. However, Russian subsidies over Mongolia paralyzed all the movements of Beijing. The authors pay attention to the dynamics of the processes of the foreign policy in this area. They cite historical documents that have been examined during the work; analyse the causes and circumstances that lead to the change of the sphere of influence in the region; identify the positive and negative aspects of all processes to adopt the previous historical practices in the modern period of the development of our state. So, this study presents the secret documents of correspondence between the government agencies of Russia and China, Mongolia and China, Mongolia and Russia, and gives solutions to questions raised earlier. Thus, the detailed study of archival documents led to a conclusion that the power, not the financial instrument gradually became the main policy in the spread of Russian influence in Mongolia: the reduction of Russian subsidies led to the fact that the Autonomous Government of Mongolia decided to abolish the expensive Office of the Chairman of the Board of Superiors in 1916, to limit the number of Mongolian officials. In addition, the decrease in the exchange rate during the First World War made the Russian satellite, Mongolia, wish to resume trade relations with the former suzerain, China. Instead of "soft power", on the eve of the revolutionary period Russian influence in Urga was based mainly on the established light horse brigade subordinate to Russian instructors. The study of the topic shows one more side of the foreign policy of the Russian state during the First World War that was previously incompetently disclosed in the media.

REFERENCES

1. Sinichenko, V.V. (2014) Politicheskoe vliyanie Yaponii v Kitae nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny: pozitsiya Rossii [The political influence of Japan in China before and during World War I: the position of Russia]. *Vestnik arkhivista – Herald of an archivist*. 3. pp. 159–168.
2. State Archive of Irkutsk Oblast. Fund 25. List 11. (In Russian).

Received: 20 May 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 138–144. DOI: 10.17223/15617793/408/21

УДК 394

А.В. Стручкова

СКИФО-ХУННСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В РИТУАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ И ПРЕДМЕТАХ БЫТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ ИЗ ДЕРЕВА У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

Сакрализация дерева у тюркоязычных народов Сибири берет свои истоки у предшествующей культуры ранних кочевников Саяно-Алтая и в целом Центральной Азии. В этнографии алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов выявляются «скифский» и «хуннский» компоненты разной сохранности. Особой чертой, характерной для ираноязычных племен скифской культуры, являются постройка мощных деревянных внутримогильных сооружений и сопогребение с покойным коня. Данная традиция была широко распространена в последующее время и сохранилась у многих тюркоязычных народов Сибири вплоть до начала XIX в.

Ключевые слова: скифские истоки; хуннские компоненты; погребения; предметы быта; домашняя утварь; звериный стиль; ритуальные сооружения.

В отечественной литературе бытует гипотеза о преемственности определенных элементов от предшествующих эпох в культуре древних тюрков [1. С. 135]. По определению Д.Г. Савинова, в формировании древнетюркского культурного комплекса большую роль сыграли «скифский» и «хуннский» пласты. Целый ряд предметов материальной культуры, зародившись в эпоху ранних кочевников, продолжал существовать без значительных изменений и позже, органически «вписавшись» в культуру эпохи Раннего Средневековья [2. С. 130].

С.Г. Кляшторный, опираясь на мифологию, выделил иранские и тохарские истоки в духовной культуре современных тюркоязычных народов Сибири [3. С. 214]. Этнограф В.Я. Бутанаев рассмотрел архаичный культ богини Умай в культуре хакасов [4. С. 99]. Данную проблематику продолжил в своих исследованиях В.Д. Черемисин, выделив древние иранские параллели в мифологии тюркоязычных народов Сибири. Следует отметить статью М.И. Боргоякова, в которой приводятся скифо-хакасские этнографические и фольклорные параллели [5].

Первым исследователем, выделившим предметы южного происхождения в материальной культуре якутов, был А.П. Окладников [6. С. 101–109]. В дальнейшем А.И. Гоголев выделил определенные компоненты в традиционной культуре якутов, характерные для культуры ранних кочевников. Дотюркский компонент в палеоэтнографии он обозначил как «скифо-хуннский»: «По современным представлениям в истоках этногенеза тюркоязычных народов Южной Сибири прослеживаются скифо-хуннские компоненты, состоящие из двух составных частей – скифо-сибирской и хуннской» [7. С. 18].

Данную проблему в своих исследованиях затронула Р.И. Бравина, выделив параллели в погребальных сооружениях якутов и хунну [8. С. 27].

Скифо-сибирская эпоха просуществовала в степной зоне Евразии на протяжении почти I тыс. до н.э. На смену ей приходит гунно-сарматская эпоха (конец III в. до н.э. – V в. н.э.), определяемая еще как хунно-сяньбийская [9].

Ритуальные сооружения из дерева были распространены у многих тюркоязычных народов Сибири и носили в себе глубокий сакральный смысл. П.К. Дашковский отмечает, что «архетип мирового дерева (модель мира) отражен в структуре погребального памятника номадов – кургане» [10. С. 44–47]. Символ Мирового дерева активно использовался во многих ритуалах хакасов, алтайцев, якутов. Все обрядовые действия народов Саяно-Алтая совершались возле священного дерева, а если такового не оказывалось, его заменяли аналогом – срубленной молодой березой [7. С. 18]. В отношении этих деревьев налагались определенные табу, с ними связывали свою жизнь и счастье, здоровье детей, благополучие скота [11].

Особое назначение дереву уделялось в погребально-поминальной обрядности. Внутримогильные конструкции, как и надмогильные, сооружали в основном из дерева, они известны еще со скифского времени на Алтае. Деревянные конструкции внутри погребений были распространены в Горном Алтае, Казахстане, Туве, Монголии. Особо выделяются такие погребения, как Пазырык, Берель, Аржан, Ак-Алаха (рис. 1, *4*), Верх-Кальджин, Олон-Курин-Гол [12. Т. 5. С. 446–453].

Характерной чертой для погребений ранних кочевников было наличие двойного сруба (рис. 1, *2*). Внешний отсек служил для заполнения погребения, срубы устанавливались на шести мощных столбах [13. С. 283]. Еще одной особенностью, отличавшей захоронения скифского времени, являлась традиция сопогребения взнузданных и украшенных коней, количество которых зависело от статуса погребенного (рис. 1, *1*) [14. С. 100–101].

Похожая традиция применения в погребении внутримогильных конструкций встречается у хунну (рис. 1, *5*). Якутские захоронения в деревянных гробах-колодах (рис. 1, *6*), помещенных в прямоугольный сруб с выделенным отсеком для наиболее ценных предметов сопроводительного инвентаря, точно повторяли устройства хуннских внутримогильных сооружений (рис. 1, *3*). Здесь прослеживаются параллель между захоронениями в колодах хунну и традиция возведения наземных захоронений у тюркоязычных народов Сибири [15. С. 45–46].

У алтайцев и хакасов также были распространены деревянные срубные сооружения. По предположению С.И. Вайнштейна, генезис данных конструкций берет начало со скифского времени Саяно-Алтая [16. С. 144].

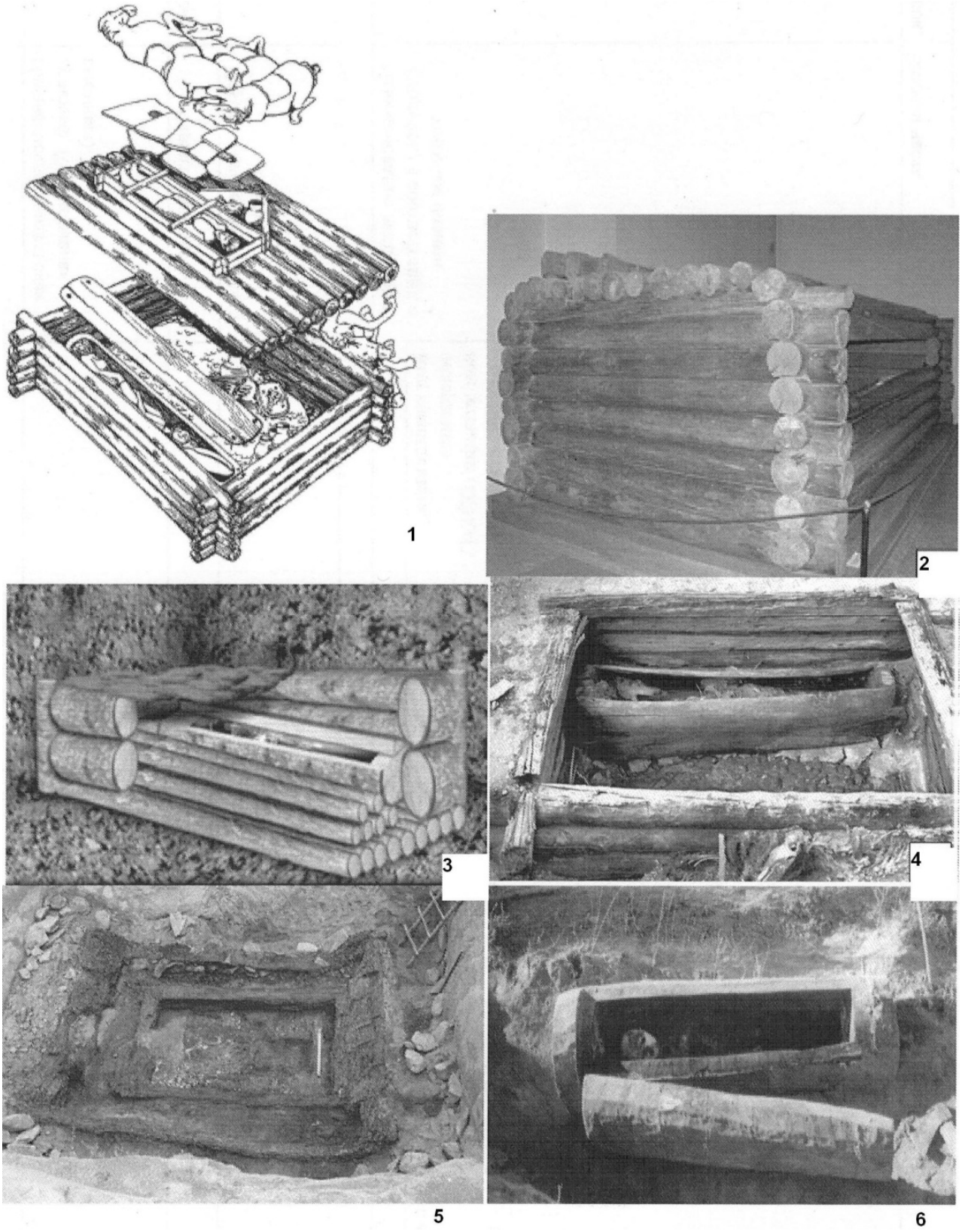

Рис. 1. Погребальные захоронения: *1* – реконструкция погребения в кургане 1 могильника Ак-Алаха – 3 (по Н.В. Полосьмак);
2 – погребальная камера воина в кургане 1 могильника Верх-Кальджин (по В.П. Мыльникову);
3 – реконструкция якутского захоронения в внутримогильном срубе;
4 – сруб погребения средней знати в кургане 3 могильника Ак-Алаха (по В.П. Мыльникову);
5 – захоронение хунну в пади Царам (Забайкалье), курган 7 (по С.С. Миняеву);
6 – якутское захоронение гроб-колода. Фото В.В. Попова

Сохранившиеся, в некоторых случаях видоизменившиеся, аналогии в погребальном обряде встречаются у хакасов – сагайцев из рода халар – гроб с телом шамана, выдолбленный из целого дерева, устанавливался на помосте, покоившемся на четырех столбах. Другая этническая группа хакасов – качинцы – также хоронили шаманов на помосте на четырех столбах, поставленном на вершине высокой горы [17. С. 192].

У тувинцев также был широко распространен обряд погребения умерших шаманов на деревянных помостах [18. С. 75]. Следует отметить, что на территории Якутии встречается аналогичный способ погребения на столбах. Т.М. Михайлов отмечает, что обычай сооружения воздушного захоронения возник в период формирования алтайской общности – не позднее I тыс. до н.э. [19. С. 185].

Ярким примером почитания лошади у якутов выступает отдельное, наземное захоронение. На фотографии, сделанной В.Ф. Яковлевым (рис. 2), изображено наземное (арангасное) захоронение священной лошади (якут. *ытык ат*) в местности Кубалах, Сунтарский улус. Рядом с погребением была возведена ритуальная коновязь, сооружаемая специально для обряда погребения. Коновязь – *сэргэ*, по воззрениям якутов, была необходима лошади в «мире мертвых». Здесь прослеживается параллель с ритуальной обрядностью ранних кочевников Саяно-Алтая. У племен скифского времени было принято обустраивать погребальные сооружения по типу жилищ живых людей и снабжать их вещами, необходимыми в «мире мертвых». Данная особенность была связана с верой ранних кочевников в загробную жизнь.

Рис. 2. Погребение священного коня. Фото В.Ф. Яковлева

Традиция возведения коновязи широко распространена у тюркоязычных народов Сибири и имеет древние истоки. Данный обычай напрямую связан с культом коня, бытовавшим у всех коневодческих народов Сибири. Хакасы устанавливали коновязи – *сарчын* перед юртой, она являлась символом – заменителем Мирового дерева [20. С. 11]. Специально для ритуального коня (хакас. *ызых*) хакасы возводили коновязный столб на скотоводческом празднике *тун пайрам. Ызых* должен был охранять домашний скот и способствовать его преумножению. У якутов на календарном празднике кумысопития *ысыах* проводятся обряды почитания священной лошади. А.И. Гоголев обычай сооружения *сэргэ* у якутов сравнивает с конским столбом в Ригведе, к которому привязывают коня, приносимого богу солнца для посвящения. Функционально оно отождествляется с мировым деревом [7. С. 20]. Следует привести предположительно более ранние аналогии коновязным столбам, «конноголовым жезлам», обнаруженным в Сейме, Ростовке, а также из Елунина – I и Усть-Муты. Возможно, данные жезлы олицетворяли синтез жертвенного коня и лошадиного столба (др.-инд. aśvatthá-, букв. «дерево коня») в значении «лошадиная стоянка» или «конь-дерево» [21. С. 99].

Вполне вероятной считается гипотеза о наличии у скифских племен деревянных балбалов-коновязей, которые не сохранились из-за плохой сохранности дерева [22. С. 58].

Предметы бытового назначения, обнаруженные в археологических материалах ранних кочевников, были максимально приспособлены для кочевого образа жизни. В материальной культуре тувинцев, алтайцев, хакасов, шорцев, тофаларов встречаются архаические виды материалов, из которых изготавливалась посуда (береста, дерево, кожа, различные органы диких и домашних животных и др.).

Г.В. Кубарев отмечает, что предметы быта – это еще одна категория предметов, свидетельствующая о преемственности и наличии местного компонента населения в формировании культуры древних тюрок Алтая. Более того, формы деревянной посуды и способы её изготовления сохраняются у многих тюркоязычных народов Саяно-Алтая до этнографической

современности [23. С. 69]. Это подтверждается и целым рядом соответствий алтайских и древнетюркских терминов, обозначающих различные деревянные сосуды [2. С. 197].

Интересен в этом плане якутский традиционный сосуд для кумысопития – *чорон*. Его изготавливали из корня березы путём выдалбливания. С.И. Вайнштейн сравнивает якутский чорон с сосудами сыынчюрекских племен Тувы в гуннское время. Похожая по форме, но вышедшая из употребления посуда была распространена в быту у тувинцев [17. С. 105].

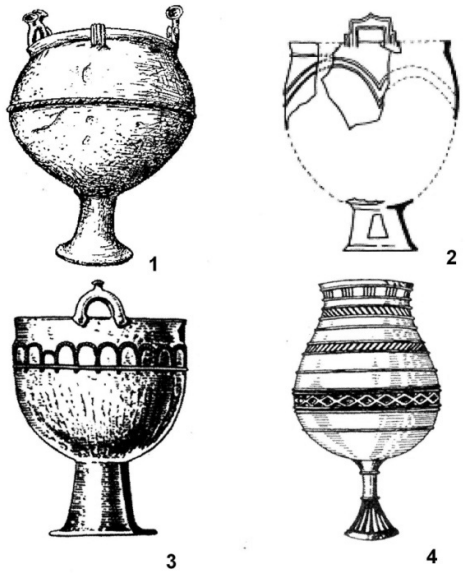

Рис. 3. Сопоставление сосудов кубкообразной формы:
1 – сарматский котел из окрестностей Старобельска; *2* – бронзовый котел хуннской культуры из Ноин-Улы, Забайкалье (по И.П. Засецкой); *3* – металлический сосуд савроматов и ранних сарматов (по А.И. Гоголеву); *4* – якутский чорон ритуального назначения (по М.М. Носову)

Происхождение чорона связывают с синтезом сосудов яйцевидной формы железного и бронзового веков с скифскими котлами [24. С. 101–109]. По Ф.Х. Арслановой, кубкообразная форма сосуда появляется в эпоху поздней бронзы и становится наиболее известной благодаря многочисленным котлам скифо-сарматского времени. Ту же форму котлообразного сосуда, по её мнению, сохраняет тесинская, таштыкская и кокэльская керамика. В середине I тыс. н.э. аналогичные сосуды были найдены в курганах «с усами» Восточного Казахстана [25. С. 124–129]. Изображения кубков, по-видимому металлических, характерны для некоторых алтайских, тувинских и особенно монгольских древнетюркских каменных изваяний [26. С. 133].

Железные гуннские котлы по кубкообразной форме, а также наличием арочного орнамента схожи с кумысными сосудами якутов [27. С. 53].

Домашняя утварь, изготовленная из дерева, являлась не только предметом бытового назначения, но и атрибутом культовых действий. В захоронениях скифского времени встречаются различные предметы из дерева неизвестного предназначения, что связано с плохой сохранностью материала.

Следы «звериного стиля» встречаются на деревянных предметах бытового назначения у многих тюркоязычных народов Сибири. С.В. Иванов отмечал присутствие следов «звериного стиля» в искусстве тувинцев, также данный стиль присутствовал у южных алтайцев, но его следы проступали слабо. Исследователь отметил, что северным алтайцам и хакасам «звериный стиль» не был известен. В археологических материалах Тувы и Алтая скифского времени были обнаружены ковши с полусферическим черпаком и резной ручкой в виде лошадиного копыта [28. С. 52]. Ковши служили емкостями для кумыса и олицетворяли символ возрождения [24. С. 197–199]. Ранние ковши были посвящены культу божественного коня [28. С. 58]. Следует отметить наличие в материальной культуре тувинцев и алтайцев деревянных крюков – вешалок с изображением лошадиных голов [29. С. 124].

Первые следы присутствия «звериного стиля» на территории Якутии связаны с находкой ажурной бронзовой пластины с изображениями, выполненными в зверином стиле [30. С. 288. Рис. 1]. Следующие находки на территории Средней Лены представлены археологическими материалами кулун-атахской культуры XIV в. Здесь встречаются одиночные предметы с изображенными на них головами лошадей [31. С. 189].

Следует отметить наличие у якутов кумысных ковшей *хамыйах* с ручкой в виде лошадиной головы [32. С. 44–45]. Некоторые якутские воронки *кенкелёйн* для взбивания кумыса изготавливались также в форме лошадиного копыта [Там же. С. 77–79].

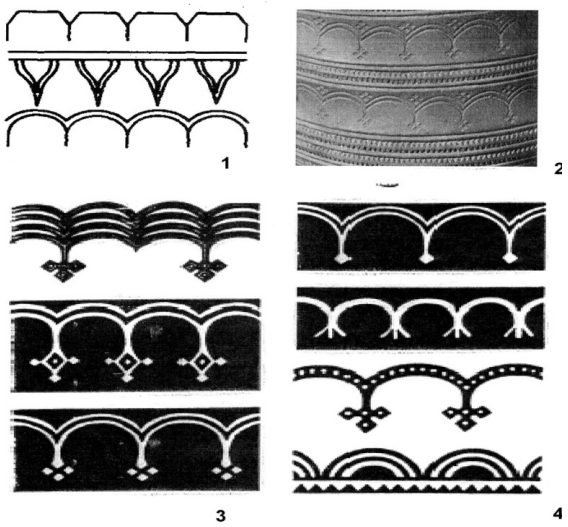

Рис. 4. Орнаментация кумысных чоронов:
1 – орнаменты на хунно-гуннских котлах, обнаруженных на территории Сибири и Саяно-Алтая (по И.П. Засецкой);
2 – арочный, или «небесный», орнамент на кумысной чороне;
3 – арочные орнаменты на якутских чоронах (по С.В. Иванову)

Таким образом, дерево являлось символом жизни и выступало в качестве незаменимого атрибута в ритуальных действиях ранних кочевников Саяно-Алтая. Данная особенность прослеживается в постройке внутримогильных и надмогильных сооружений, размещение в погребальном помещении нескольких отсеков для сопроводительного комплекса предметов. Характерной

чертой данных погребений выступало наличие жертвенного коня либо нескольких убитых лошадей. Следует отметить, что параллели в погребальной обрядности тюркоязычных народов Сибири свидетельствуют о преемственности ими культуры ранних кочевников в лице скифской и последующей хуннской культур.

Интересным компонентом, характерным для культуры ранних кочевников, выступает культ «мирового дерева», в качестве ритуального символа выступала вертикально установленная в самом погребении молодая береза. Здесь же следует указать обычай возведения коновязей у алтайцев, хакасов, якутов. Данная традиция является архаичной традицией, бытовавшей, предположительно, с скифо-сарматского времени. Коновязь носила не только бытовые функции, но и выступала в качестве сакрального элемента, употребляемого в культовых действиях номадов Саяно-Алтая. Первые свидетельства о наличии культовых коновязей у скифов встречаются в Ригведе.

Еще одной категорией предметов, свидетельствующих о преемственности и наличии скифо-хуннских компонентов в формировании культур тюркоязычных народов Сибири, выступают предметы быта. В формировании якутского *чорона* большую роль сыграли, предположительно, скифские и хуннские котлы. Арочная орнаментация самого сосуда для кумысопития по сюжету аналогична с орнаментацией кубкообразных сосудов хунну.

Распространенный на территории Евразии в I тыс. до н.э. «звериный стиль» также нашел отражение в предметах бытового назначения. Алтайцы, тувинцы, якуты деревянные предметы утвари нередко стилизовали в форме частей тела лошади. Данная особенность была связана с культом коня, распространенным в среде ираноязычных племен скифской эпохи.

Приведенные параллели свидетельствуют о большом влиянии на формирование культуры алтайцев, тувинцев, хакасов и якутов культуры ранних кочевников. Зачатки материальной культуры, сформировавшись в скифскую и хунно-сяньбийскую эпоху, продолжали развиваться в культурах современных тюркоязычных народов Сибири.

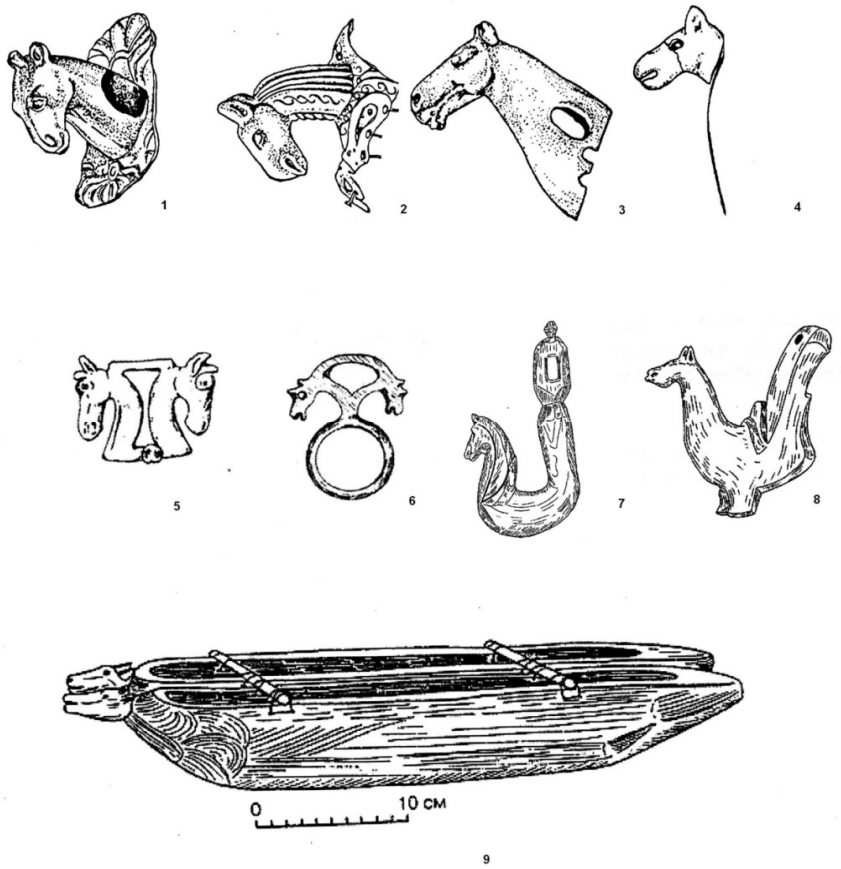

Рис. 5. Зооморфные изображения на предметах быта: *1* – конский налобник, золото, IV в. до н.э., Александропольский курган, Приднепровье (по Е.Ф. Корольковой); *2* – оковка с ручкой сосуда, золото, V–IV в. до н.э. 1-й Филипповский курган (тайник I) (по Е.Ф. Корольковой); *3* – навершие, кость, VI–V вв. до н.э., могильник у оз. Кызыл-Куль, курган 1, мог. 1, Минусинский край (по Е.Ф. Корольковой); *4* – накладка на сосуд, золото, IV в. до н.э. (по Е.Ф. Корольковой); *5* – материалы кулун-атахской культуры (по А.И. Гоголеву); *6* – алтайский деревянный крюк-вешалка в виде лошадиной головы (по В.А. Кореняко); *7* – тувинский деревянный крюк-вешалка в виде лошадиной головы (по В.А. Кореняко); *8* – тувинская модель парома *онгоча* с вырезанной лошадиной головой на носу (по В.А. Кореняко)

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. № 3; Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.

2. Савинов Д.Г. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. Алматы. М., Вып. 2. 1998.
3. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М. : Наука, 1964. 214 с.
4. Бутанаев В.Я. Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. 99 с.
5. Боргояков М.И. Скифо-тюркские (хакасские) этнографические и фольклорные параллели // Народы Азии и Африки. 1975. № 6.
6. Окладников А.П. Скифы и тайга (К изучению памятников скифского времени в Ленской тайге) // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. II.
7. Гоголев А.И. Якуты (Проблема этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993.
8. Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов как историко-этнографический источник (XVII–XIX вв.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1983.
9. Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи. Новосибирск, 2006.
10. Дашковский П.К. Космологическая модель пазырыкского кургана // Четвёртые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997.
11. Кенин-Лопсан Монгуш. Родина шаманства – Тува // Тувинский Форум. URL: www.overtone.ru/shamanizm/?content=item=96 (дата обращения: 30.03.2009).
12. Молодин В.И., Мыльников В.П. Верх-Кальджин 2 и проблемы деревообработки у носителей пазырыкской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (материалы VII Годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. Декабрь, 1999 г.). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. 5.
13. Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрок. Древнетюркские обиталища // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М., 2008.
14. Мыльников В.П. Опыт изучения погребальных сооружений из дерева в процессе раскопок археологических памятников // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2012. № 1 (49), январь – март.
15. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции XV–XIX вв. Новисибирск, 2005.
16. Вайнштейн И.С. Мир кочевников Центральной Азии. М., 1991.
17. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961.
18. Дьяконова В.П. Посуда народов Южной Сибири в собраниях МАЭ // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л. : Наука, 1988.
19. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (С древнейших времен до XVIII в.). Новосибирск : Наука, 1980. С. 185.
20. Ачитаева Е.А. Ландшафт как элемент «культурного пространства» в системе сакрализации пространства в традиционном обществе (на примере хакасского этноса) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 1.
21. Ковтун И.В. «Конноголовые жезлы» и культ конской головы в Северо-Западной Азии во II тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2012. № 4 (52).
22. Кубарев В.Д. «Конь счастья» в религиозно-мифологических представлениях ранних кочевников Горного Алтая // Рериховские чтения. К 50-летию института «Урусвати». Новосибирск, 1979.
23. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск, 2005.
24. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М., 1950. Ч. 1–2. С. 411.
25. Арсланова Ф.Х. Курганы «с усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975.
26. Тощакова Е.М. Кожаная и деревянная посуда и техника её изготовления у южных алтайцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л. : Наука, 1976. С. 197.
27. Чороон – история и современность / сост. Р.И. Бравина, Л.Е. Слепцова, С.Т. Попова. Якутск, 2014 .
28. Кисель В.А. Деревянные ковши с зооморфными ручками в погребальном наборе древних кочевников // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013.
29. Кореняко В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М., 2002. С. 124.
30. Окладников А.П. Новая скифская находка на Верхней Лене // СА. 1946. VIII. С. 288. Рис. 1.
31. Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии Позднего Средневековья XIV–XVIII вв. Иркутск, 1990. С. 189.
32. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. Якутск : Якутиздат, 1971.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 апреля 2016 г.

SCYTHIAN-HUNNISH COMPONENTS OF RITUAL STRUCTURES AND DOMESTIC ITEMS MADE OF WOOD OF THE TURKIC-SPEAKING PEOPLES OF SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 138–144.
DOI: 10.17223/15617793/408/21
Struchkova Anna V. North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: anna301990@gmail.com
Keywords: Scythian sources; Hunnish components; burial; household items; utensils; animal style; ritual structures.

Sacralization of the tree of the Turkic-speaking peoples of Siberia has its origin in the previous culture of the early Sayans and Altai nomads and of the whole Central Asia. Altaic, Tuvan, Khakas and Yakut ethnography has “Scythian” and “Hunnish” components with different degrees of preservation. The tree is a symbol of life, and serves as an indispensable attribute of ritual actions of early nomads of Sayans and Altai. This feature can be seen in the construction of gravestones and burial facilities, in the setting of burials with special compartments for accompanying equipment. A characteristic feature of burials was a person’s burial with a sacrificial horse or several killed horses. The Turkic-speaking peoples of Siberia have an archaic tradition of erecting hitching posts. This tradition is directly linked with the cult of the horse of all Siberian peoples who bred horses. The Khakas set hitching posts (*sarchyn*) in front of the house. This symbol was a substitute of the World Tree. They made a hitching post at the festival of cattle breeders especially for a ritual horse (*yzykh*). Yzykh had to guard the livestock and contribute to their increase. The Sakha people have a similar tradition. At the Ysyakh festival rites of honoring the sacred horse are made. Presented parallels in the ritual ceremonies of the Turkic-speaking peoples of Siberia show us the continuity of the culture of the early nomads, in the face of the Scythian and Hunnish culture. This tradition was widespread later, and preserved by many of the Turkic-speaking peoples of Siberia until the early 19th century. Household items was one of the categories of objects which testified to the continuity and presence of Scythian-Hunnish components in the formation of cultures of the Turkic-speaking peoples of Siberia. Presumably, the Scythian and Hunnish kettle played an important role in the formation of the Sakha choron. The arched ornamentation of the dish for drinking kumis was similar to the ornamentation of the Hunnish goblet-like bowl. The “animal style” spread across Eurasia in the 1st millennium BC is also reflected in the domestic items. Altaic, Tuvan, Sakha peoples often stylized wooden utensils in the form of parts of a horse body. This feature was associated with the cult of the horse common among the Iranian tribes of the Scythian period. These parallels suggest great influence of

the culture of the early nomads on the culture of Altaic, Tuvan, Khakas and Sakha peoples. The beginnings of material culture were formed in the Scythian and Hunnish-Xianbei era and developed in cultures of modern Turkic-speaking peoples of Siberia.

REFERENCES

1. Vaynshteyn, S.I. (1966) Nekotorye voprosy istorii drevnetyurkskoy kul'tury (v svyazi s arkheologicheskimi issledovaniyami v Tuve) [Some questions of the history of ancient Turkic Culture (in connection with archaeological research in Tuva)]. *Sovetskaya etnografiya*. 3.
2. Savinov, D.G. (1998) O "skifskom" i "khunnskom" plastakh v formirovanii drevnetyurkskogo kul'turnogo kompleksa [On the "Scythian" and "Hunnish" in the formation of layers of ancient Turkic cultural complex]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana*. 2.
3. Klyashtornyy, S.G. (1964) *Drevnetyurkskie runicheskie pamyatniki kak istochnik po istorii Sredney Azii* [Ancient Turkic runic monuments as a source on the history of Central Asia]. Moscow: Nauka.
4. Butanaev, V.Ya. (1984) Kul't bogini Umay u khakasov [The cult of the goddess Umai of the Khakass people]. In: Gemuev, I.N. (ed.) *Etnografiya narodov Sibiri* [Ethnography of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
5. Borgoyakov, M.I. (1975) Skifo-tyurkskie (khakasskie) etnograficheskie i fol'klornye paralleli [Scythian and Turkic (Khakass) ethnographic and folklore parallels]. *Narody Azii i Afriki*. 6.
6. Okladnikov, A.P. (1978) Skify i tayga (K izucheniyu pamyatnikov skifskogo vremeni v Lenskoy tayge) [Scythians and the taiga (to the study of the Scythian monuments in the Lena taiga)]. In: *Problemy arkheologii* [Problems of archeology]. Vol. 2. Leningrad: Leningrad State University.
7. Gogolev, A.I. (1993) *Yakuty (Problema etnogeneza i formirovaniya kul'tury)* [The Yakuts (the problem of ethnogenesis and formation of culture)]. Yakutsk: Yakutsk State University.
8. Bravina, R.I. (1983) *Pogrebal'nyy obryad yakutov kak istoriko-etnograficheskiy istochnik (XVII–XIX vv.)* [The funeral rite of the Yakuts as a historical and ethnographic source (17th–19th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Leningrad.
9. Khudyakov, Yu.S. (2006) *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri khunno-syan'biyskoy epokhi* [Archaeology of South Siberia of the Hunnish-Xianbei era]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
10. Dashkovskiy, P.K. (1997) [Cosmological model of the Pazyryk mound]. *Chetvertye istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova* [The fourth historical readings in memory of M.P. Gryaznov]. Proceedings of the conference. Omsk. 2–3 December 1997. Omsk: Omsk State University. (In Russian).
11. Kenin-Lopsan Mongush. (c. 2009) *Rodina shamanstva – Tuva* [Tuva: the homeland of shamanism]. [Online] Available from: www.overtone.ru/shamanizm/?content=item=96. (Accessed: 30 March 2009).
12. Molodin, V.I. & Myl'nikov, V.P. (1999) Verkh-Kal'dzhin 2 i problemy derevoobrabotki u nositeley pazyrykskoy kul'tury [Verkh-Kaldzhin 2 and problems of woodworking in the Pazyryk culture representatives]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. 5. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS.
13. Kyzlasov, I.L. (2008) Materialy k ranney istorii tyurok. Drevnetyurkskie obitalishcha [Materials on the early history of the Turks. Ancient Turk habitation]. In: Dybo, A.V. (ed.) *Prirodnoe okruzhenie i material'naya kul'tura pratyurkskikh narodov* [The natural environment and material culture of pra-Turk peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura.
14. Myl'nikov, V.P. (2012) Investigation of Wooden Burial Structures in the Process of Archaeological Excavations. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 1 (49). pp. 97–107. (In Russian).
15. Bravina, R.I. & Popov, V.V. (2008) *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' yakutov: pamyatniki i traditsii XV–XIX vv.* [Funeral and memorial rites of theYakuts: Monuments and traditions of the 15th–19th centuries]. Novisibirsk: Nauka.
16. Vaynshteyn, I.S. (1991) *Mir kochevnikov Tsentral'noy Azii* [The world of Central Asian nomads]. Moscow: Nauka.
17. Vaynshteyn, S.I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy* [Tozhu tuvans]. Moscow: Izd. vostochnoy literatury.
18. D'yakonova, V.P. (1988) Posuda narodov Yuzhnoy Sibiri v sobraniyakh MAE [Dishes of the peoples of Southern Siberia in the collections of the Museum of Anthropology and Ethnography]. In: Taksami, Ch.M. (ed.) *Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Sibiri* [Material and spiritual culture of the peoples of Siberia]. Leningrad: Nauka.
19. Mikhaylov, T.M. (1980) *Iz istorii buryatskogo shamanizma (S drevneyshikh vremen do XVIII v.)* [From the history of Buryat shamanism (From ancient times to the 18th century)]. Novosibirsk: Nauka.
20. Achitaeva, E.A. (2013) Landshaft kak element "kul'turnogo prostranstva" v sisteme sakralizatsii prostranstva v traditsionnom obshchestve (na primere khakasskogo etnosa) [Landscape as part of the "cultural space" in the space sacralisation system in a traditional society (the Khakass ethnos)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East.* 1.
21. Kovtun, I.V. (2012) "Horse-Headed" Staffs and the Cult of the Horse Head in Northwestern Asia in the 2nd Millennium BC. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 4 (52). pp. 95–105. (In Russian).
22. Kubarev, V.D. (1979) "Kon' schast'ya" v religiozno-mifologicheskikh predstavleniyakh rannikh kochevnikov Gornogo Altaya [The "Horse of Happiness" in the religious and mythological ideas of the early nomads of the Altai Mountains]. In: *Rerikhovskie chteniya. K 50-letiyu instituta "Urusvati"* [Roerich Readings. On the 50th anniversary of the Urusvati Institute]. Novosibirsk.
23. Kubarev, G.V. (2005) *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya. Po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov* [The culture of the ancient Turks of Altai. Based on materials from funerary monuments]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS.
24. Okladnikov, A.P. (1950) *Neolit i bronzovyy vek Pribaykal'ya* [The Neolithic and Bronze Age of the Baikal region]. Vols 1 & 2. Moscow: USSR AS.
25. Arslanova, F.Kh. (1975) Kurgany "s usami" Vostochnogo Kazakhstana [Mounds "with mustache" of East Kazakhstan]. In: Akishev, K.K. (ed.) *Drevnosti Kazakhstana* [Antiquities of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
26. Toshchakova, E.M. (1976) Kozhanaya i derevyannaya posuda i tekhnika ee izgotovleniya u yuzhnykh altaytsev [Leather and wooden utensils and techniques for its production of the southern Altai peoples]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Material'naya kul'tura narodov Sibiri i Severa* [The material culture of the peoples of Siberia and the North]. Leningrad: Nauka.
27. Bravina, R.I., Sleptsova, L.E. & Popova, S.T. (2014) *Choroon – istoriya i sovremennost'* [Choroon – history and the present]. Yakutsk: Choroon XXI vek.
28. Kisel', V.A. (2013) Derevyannye kovshi s zoomorfnymi ruchkami v pogrebal'nom nabore drevnikh kochevnikov [Wooden buckets with zoomorphic handles in the funeral set of ancient nomads]. In: Chistov, Yu.K. (ed.) *Radlovskiy sbornik: nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2012 g.* [Radlovsk collection: research and museum projects of the Museum of Anthropology and Ethnography in 2012]. St. Peterburg: RAS Museum of Anthropology and Ethnography.
29. Korenyako, V.A. (2002) *Iskusstvo narodov Tsentral'noy Azii i zverinyy stil'* [Art of the peoples of Central Asia and the animal style]. Moscow: Vostochnaya literatura.
30. Okladnikov, A.P. (1946) Novaya skifskaya nakhodka na Verkhney Lene [A new Scythian find on the Upper Lena]. *Sovetskaya arkheologiya*. VIII. p. 288.
31. Gogolev, A.I. (1990) *Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii Pozdnego Srednevekov'ya XIV–XVIII vv.* [Archaeological monuments of Yakutia of the late Middle Ages, the fourteenth to eighteenth centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
32. Konstantinov, I.V. (1971) *Material'naya kul'tura yakutov XVIII v.* [The material culture of the Yakuts of the 18th century]. Yakutsk: Yakutizdat.

Received: 18 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 145–152. DOI: 10.17223/15617793/408/22

УДК 322:07(571.12)

И.С. Томилов

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ НА СТРАНИЦАХ «ТОБОЛЬСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Целью исследования является анализ ведущего печатного органа Тобольской епархии – газеты «Тобольские епархиальные ведомости» – по содержанию опубликованных материалов, касающихся проведенной самодержавием в конце XIX – начале XX в. законодательной политики правительства в области управления, общественной жизни, образования и других сфер жизни населения. В ходе изучения данной темы планируется определить соответствующие нормативные акты и опубликованные на страницах газеты материалы, чтобы выявить отношение духовенства губернской провинции к самодержавию, правовые меры и отслеживание изменений законодательства в период трансформации общества.

Ключевые слова: «Тобольские епархиальные ведомости»; Тобольская губерния; общественный быт; Русская православная церковь; законодательство.

В период широких преобразований, модернизации производства и трансформационных процессов в обществе Русская православная церковь (РПЦ) продолжала строго придерживаться патриархальных, догматически устоявшихся канонов. Однако оставаться безучастной к происходившим эпохальным событиям, оставаться закрытой для мирской части населения она уже не могла. Новые реалии времени, технический прогресс и частичная смена парадигмы мировоззрения подталкивали священнослужителей к более активному участию в обыденной жизни своей паствы. Легче и эффективнее взаимодействовать с прихожанами при помощи разъяснения и обратной связи помогали средства массовой информации, возникшие во второй половине XIX–XX в. во многих территориальных епархиях и митрополиях. На протяжении почти 40 лет (1882–1919 гг.) «Тобольские епархиальные ведомости» (ТЕВ) являлись ведущим печатным органом Тобольской епархии. Издаваемая Братством Димитрия Солунского, газета являлась своего рода литературно-исторической летописью духовной жизни края. Издание состояло из двух отделов. В официальном помещались Высочайшие указы, подзаконные нормативно-правовые акты, епархиальные известия, а также должностные перемещения и вакансии для священнослужителей. В неофициальной части публиковались речи и поучения духовных лиц, перепечатки из других печатных изданий, обращения и воззвания священнослужителей других епархий России, статьи духовно-нравственного содержания, литературные изыскания и мнения читателей, протоколы заседания учредителей тобольского отдела «Всенародного русского союза», материалы рекламного характера.

Публикуемые материалы законотворческой деятельности правительства не были однородными. Часть из них касалась, прежде всего, экономического развития края. В этой связи стоит отметить анонс сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки, проходившей с разрешения министра земледелия и государственных имуществ в Кургане с 20 августа по 20 сентября 1895 г. и сыгравшей впоследствии значительную роль в экономике региона. Целью мероприятия стал показ современного состояния в Тобольской губернии полеводства, луговодства, скотоводства, лесоводства, огородничества и садоводства, а также кустарных промыслов. Такой широкий круг занятий населения предполагал освещение условий для развития сельского хозяйства, достижений и недостатков его развития, демонстрацию состояния производственных предприятий и кустарных промыслов губернии. На страницах издания были размещены как объявление о готовящейся выставке, так и заявление для желающих принять в ней участие, а также программа и правила проведения мероприятия. Понимая важность такого события, тобольское духовенство не осталось в стороне и приняло участие в выставке, выставив свои экспонаты, среди которых были иконы, предметы одежды и утвари, пчелиные ульи и продукты на основе меда, письменные работы учеников церковно-приходских школ и пр. «Епархиальные ведомости» подробно осветили как участие священнослужителей в Курганской выставке, так и полученные ими за это награды, в числе которых были серебряная медаль, похвальные листы и денежное пособие [1. С. 36–42; 2. С. 145–146]. Другими официальными наградами правительства в торгово-промышленных делах за экспонаты на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде по отделу № XIX «Народное образование» были удостоены: Тобольская епархия – дипломом 2-го разряда за коллективную выставку и Тобольский епархиальный училищный совет – дипломом 4-го разряда [3. С. 218]. По финансовой части газета информировала читателей об императорских указах и распоряжениях министра финансов относительно планируемых в следующем календарном году банковских операций в подведомственных Тобольской казенной палате казначействах, различных обменов облигаций, внутренних займов, процентов по закладным листам, выпуске билетов Государственного казначейства и др.

В официальной части газеты в рассматриваемый период регулярно размещались правительственные и ведомственные законодательные акты, касающиеся в первую очередь духовных дел и деятельности Святейшего Синода. К таким нормативным актам относятся: указ императора по поводу вреда секты штундистов[1]; постановления об учреждении Омского

епархиального управления и отдельной Омской епархии; отношение председателя Археографической комиссии Министерства народного просвещения на имя епископа Тобольского и Сибирского Агафангела по поводу недостаточной распространенности изданий комиссии в среде духовенства; производство сбора в пользу Российского общества Красного Креста; указ Николая II об установлении дат празднований тезоименитств членов императорской семьи; открытие Тобольской женской повивально-фельдшерской школы в соответствии с утвержденным министром внутренних дел уставом; различные разъяснения представителей Министерства народного просвещения по вопросам образования; указы о принятии мер к содержанию кладбищ в благоустроенном виде и учреждении при Тобольском духовном училище двух стипендий имени протоиерея Д. Серебренникова; повеление Государственного совета о дополнительном ассигновании денежных средств на устройство и содержание церковно-приходских школ; распоряжение министра внутренних дел по почтовой части от 30 июля 1897 г.; регулярные отношения губернатора по поводу усердного преподавания религиозных предметов в училищах Министерства просвещения; утвержденный императором законопроект Государственного совета и циркуляр Лесного департамента об отводе земельных участков и о безвозмездном выделении леса для сельских училищ и школ сибирских губерний на основании закона от 12 мая 1897 г. [4. С. 280–281]; циркуляры управляющего государственными имуществами Тобольской губернии о предоставлении лесных материалов; указ императора о назначении смотрителя Тобольского духовного училища А. Городкова редактором ТЕВ вместо перемещенного на должность смотрителя курганского духовного училища Н. Городкова; общее положение о крестьянах и многочисленные упоминания о постановлениях Сената относительно церковных дел и должностей, повинностей крестьян; повеления монарха, касающиеся награждения различными орденами лиц духовного и светского звания; высочайшее повеление устранить допускаемые духовенством неисправности при ведении метрических книг [5. С. 47–48; 6. С. 67–70; 7. С. 165–167; 8. С. 227–228; 9. С. 154–155; 10. С. 405–406; 11. С. 288; 12. С. 205–210; 13. С. 213–214; 14. С. 226; 15. С. 245–248; 16. С. 14–15; 17. С. 252–253; 18. С. 519–522; 19. С. 333–340; 20. С. 184–188].

Другой категорией публикуемых в этом отделе нормативно-правовых актов стали приказы о назначении на должность высших руководителей губернии. Например, на страницах средств массовой информации была размещена заметка о переводе, согласно приказу императора, с 12 апреля 1896 г. прокурора Варшавского окружного суда Л.М. Князева на пост губернатора Тобольской губернии (прибыл в Тобольск и фактически вступил в должность только 17 июня), а с 29 апреля – назначение тобольского вице-губернатора, барона К.П. Фредерикса нижегородским вице-губернатором (и.о. губернатора до июня 1896 г., оставался в Тобольске вплоть до прибытия нового начальника губернии Л.М. Князева и уехал в Нижний Новгород 19 июня; на посту тобольского вице-губернатора его сменил Н.В. Протасьев, прибывший в Тобольск 24 июня 1896 г.) [21. С. 112; 22. С. 219; 23. С. 134–135].

Кроме того, позднее опубликован приказ Л.М. Князева, в котором он передает управление губернией новому начальнику А.П. Лаппе-Старженецкому. Самого бывшего губернатора перевели на ту же должность в Вологодскую губернию приказом императора от 29 января 1901 г. Исполнять обязанности главы тобольской администрации до приезда в Тобольск А.П. Лаппы-Старженецкого назначен, на основании Общего губернского учреждения, вице-губернатор Н.В. Протасьев.

Гораздо реже «Тобольские епархиальные ведомости» размещали правовые материалы, касающиеся деятельности или структурных изменений государственных органов местной светской власти, как правило, наиболее крупных и важных ее подразделений. Так, открытие 1 ноября 1895 г. центрального органа администрации края – преобразованного (согласно постановлению от 1 июня 1895 г. для ведомств Министерства внутренних дел в сибирских губерниях) Тобольского губернского управления – не могло остаться без внимания Церкви и ее печатного издания [24. С. 383–387]. С такой же редкой периодичностью размещались и законы, касающиеся инородцев. Так, в 1897 г. вышло постановление, по которому переходящим в христианство инородцам предписывалось оставить «прежнюю оседлость среди бывших единоверцев их и водвориться в городах или селениях между христианами» [25. С. 289]. К единичным публикациям можно отнести также упоминания: Устава гражданского суда и Врачебного устава 1892 г., Пенсионного устава для духовенства 1902 г., уставов духовных консисторий и общественного призрения, Положения о взаимном страховании от огня строений духовного ведомства 1904 г., Устава о предупреждении и пресечении преступлений 1890 г., «Положения о приходских попечительствах при православных церквях» от 2 августа 1884 г., Уставов о гербовом сборе и службе, Общего и временного положений о крестьянах, Лесного устава 1893 г., «Положения о земских учреждениях» и Городового положения 1892 г. и т.д.

Нашло свое отражение на страницах православного СМИ отношение от 23 июля 1898 г. строительного комитета, созданного в г. Скерневицах Виленского края (ныне – город в Лодзинском воеводстве Польши) для постройки храма при расквартированном в городе 38-м Тобольском полке. Направленный на имя епископа Тобольского и Сибирского Антония документ информирует о желании солдат полка увековечить память Александра III при помощи сооружения военного храма. Авторы обращения сетуют на отсутствие в поселении храма, напоминают о традиционных двухсотлетних связях Тобольской епархии и полка, а также на основании разрешения императора от 1 июля 1897 г. по открытию сбора пожертвований для постройки призывают тобольского пастыря и его паству по возможности присоединиться к благотвори-

тельному делу. Епископ Антоний распорядился опубликовать поступившее обращение, выразил надежду на понимание со стороны прихожан и уверенность в тесной духовной связи между солдатами полка и жителями Тобольского края [26. С. 172–173].

В сфере образования можно отметить указ императора от 27 марта 1901 г., отправленный Синоду после ходатайства епископа Антония, об открытии в Кургане второго в Тобольской епархии духовного училища в 1901/02 учебном году [27]. Автор другой статьи приводит краткий обзор основных законодательных актов, касающихся организации церковных школ. Публицист упоминает о Правилах для церковно-приходских школ от 13 июня 1884 г., Правила для школ грамоты 1891 г., введении в 1896 г. в действие Положения об управлении школами, а также анализирует последнее вышедшее Положение о церковных школах ведомства православного исповедания 1902 г. В следующем номере был помещен сам текст новоутвержденных Правил [28. С. 164–166; 29. С. 89–100]. Еще многочисленной стали публикации законодательства в области здравоохранения. За десятилетие (1895–1905 гг.) в ТЕВ была размещена одна полноценная статья на эту тему. Главный врачебный инспектор направил губернаторам циркулярное отношение от 28 августа 1904 г., касающееся штата и перемещения медицинских работников, состав которого из ведения инспектора был передан губернатору на основании мнений Государственного совета [30. С. 22–24].

В одном из номеров газеты упоминается вышедший 10 мая 1904 г. Закон «О разъяснении узаконений, касающихся производства в рабочие дни» [31. С. 408–410]. Разъяснить суть нового акта было призвано православное духовенство на местах. Синод был обеспокоен тем, что «наш народ слишком много дней в году празднует и празднует он эти дни совсем не по-христиански». Кроме воскресных дней, государственных и церковных праздников народ в разных местах устанавливает торжества произвольно, ввиду чего число таких мероприятий неуклонно растет, а количество рабочих дней сокращается еще и по причине «неудержимого разгула» и злоупотреблений алкоголем. Издание нового закона, объявившего празднования добровольным делом, должно было помочь бороться с негативными тенденциями; его содержание и должны были донести священнослужители до своих прихожан [32. С. 269–273].

Наконец, после объявления законом 17 апреля 1905 г. свободы вероисповедания в ТЕВ вышла статья с кратким пояснением нового узаконения и усиления работы православной братии среди прихожан [33. С. 79–80]. Дополнила тему выбора конфессии внушительная статья «Хроника церковно-общественной жизни», в которой закон 17 апреля приравнивается по значению к манифесту 19 февраля 1861 г. [34. С. 260–268; 35. С. 291–300].

По мере обильно проводимых правительством в 1890-е гг. реформ и выхода соответствующих законов в тобольских «епархиальных ведомостях» по истечении определенного промежутка времени размещались относящиеся к этой категории материалы. Так, с распространением на основании утвержденных императором «Временных правил о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири» от 13 мая 1896 г. на территории Сибири положений судебной реформы 1864 г. во второй половине 1890-х гг. в ТЕВ появился ряд публикаций, посвященный этому событию [36. С. 416–425]. Читатели имели возможность узнать об открытии 2 июля 1896 г. Тобольского окружного суда, ознакомиться с речами губернатора Л.М. Князева и директора училищ, гласного городской думы П.И. Панова на открытии нового ведомства, а также с точкой зрения простого обывателя на процесс внедрения нового положения [37. С. 296–305].

Еще одно значимое событие нашло отражение на страницах православной газеты – Первая Всероссийская всеобщая перепись населения. Согласно циркуляру губернатора в 1896 г. в состав губернской и уездных комиссий для организации предстоящей переписи было включено 8 духовные лиц, а спустя некоторое время в ТЕВ опубликованы данные о численности населения крупнейших городов Сибири [38. С. 448; 39. С. 240].

В 1883 г. для надзора за сельским самоуправлением в Тобольской и Томской губерниях были введены чиновники по крестьянским делам и окружные по крестьянским делам присутствия. В 1893 г. эти учреждения получили расширенный пакет предметов, подлежащих их ведомству. Новый закон изъял из ведения казенных палат и земской полиции финансы сельских обществ, дела по обеспечению народного продовольствия, предоставляя чиновникам право попечения о хозяйственном благоустройстве крестьян по предметам ведомства сельских и волостных сходов, а также осуществления административно-полицейских и попечительских функций. Через 5 лет, в 1898 г., должность чиновника по крестьянским делам и подчиненные ему окружные присутствия были упразднены в связи с введением института крестьянских начальников [40].

15 декабря 1898 г. в Тобольской губернии был введен институт крестьянских начальников. Для Сибири в условиях отсутствия земских органов и подавляющего преимущества численности сельского населения такое событие трудно переоценить. Руководствуясь значительностью мероприятия, редакция газеты размещает не только церемонию введения новых должностей, но и приводит в полном варианте посвященный этому текст речи губернатора Л.М. Князева. Руководитель края всецело поддерживает осуществляемый курс правительства, направленный на реформирование крестьянских учреждений в сибирских губерниях. Он совершает небольшой экскурс в историю законодательства обозначенной темы, ставя целью показать последовательность распоряжений последних лет. Чиновник уверен, что закон 1883 г. предоставлял начальникам по крестьянским делам лишь право наблюдения за общественным управлением сельскими жителями и рассмотрение жалоб на действия должностных лиц. С этой точки зрения, вышедшие 13 июня 1893 г. «Временные постановления о

расширении предметов ведомства учреждений по крестьянским делам в Тобольской и Томской губерниях» функции этих органов существенно увеличились [41. С. 465–466]. Крестьянские начальники получили полномочия разбирать споры между селянами о пользовании земельными угодьями, исполнять обязанности по заведыванию капиталами сельских обществ и обеспечивать жителей продовольствием, заниматься устройством переселенцев. Со своей стороны, руководство крестьянского самоуправления было обязано управлять проживающими на их территории инородцами, выполнять некоторые полицейские функции по профилактике и пресечению преступлений, разбирать материальные споры, нанимать работников на сельскохозяйственные работы и т.д. Выступая перед крестьянскими начальниками, губернатор предостерегает от бездумных поступков в своей работе, ведь новое положение дает им в руки «весьма острое оружие, владеть которым нужно с крайней осторожностью, так как оружие это обоюдоострое, особливо в руках лиц, незнакомых с исторически сложившимся бытом сибирского крестьянина». Давая несколько советов, Л.М. Князев напоминает крестьянским начальникам о ст. 93 Положения, предусматривающей для них наказание в случае нарушения своих прямых должностных обязанностей. Выступавший следом вице-губернатор Н.В. Протасьев, опираясь на собственный опыт, подчеркнул гуманность и возвышенность либеральных реформ Александра II, итоги которых, тем не менее, не соответствовали ожиданиям общества. В условиях раскола общественной мысли на сторонников новых идейных безосновательных принципов без учета накопленного опыта и представителей интеллигенции, разочаровавшихся в реформах и отрицавших ее законодательную основу, вице-губернатор в преобразованиях Александра III увидел решение крестьянского вопроса [42. С. 11–19].

В продолжение темы крестьянских начальников позднее публикуется отношение Епископа Антония от 15 марта 1903 г. на имя губернатора. В послании Архипастырь сетует на то, что циркуляр губернатора от 9 января 1903 г. о необязательности несения сельскими обществами повинностей в пользу приходов и незаконности административных мер принуждения к этому не всеми крестьянскими начальниками понят правильно. Чиновники, по мнению епископа, решили самоустраниться от решения проблемы и без разъяснения сути губернаторского документа предоставить самим селянам решать этот вопрос. Поэтому прихожане, вследствие бездействия начальства, восприняли отсутствие повинностей в пользу церкви как законодательный акт, отменяющий несение налогов. При этом в нравственном и традиционном смысле никто не мешает крестьянам исправлять повинности на добровольной основе. Находя такое положение вещей наносящим существенный ущерб церковным интересам, Владыка просит на основании манифеста 26 февраля 1903 г. и циркуляра МВД от 29 ноября 1890 г. оставить в силе приговоры сельских обществ, составленные без принуждения, и объявить о них в ближайшее время крестьянским начальникам с предложением им самим разъяснить крестьянам, что отменяются только нелегитимно принятые под давлением решения. В то же время правильные приговоры, устанавливающие мирские сборы на устройство и поддержание церквей, согласно Общему положению о крестьянах, вполне законны и подлежат исполнению, а поддержка приходов в целом является обязательной повинностью крестьянских обществ [43].

В 1901 г. в честь 10-летнего юбилея начала строительства Транссибирской железнодорожной магистрали в ТЕВ вышла небольшая заметка, рассказывающая об императорском рескрипте от 17 марта 1891 г. Документ был дан 10 лет назад Александром III на имя наследника Николая Александровича и означал старт сооружения Сибирской железной дороги [44. С. 54–55]. Также размещен указ императора об установлении 19 февраля ежегодного торжественного молебна во всех православных церквях в честь дня освобождения крестьян от крепостной зависимости и для увековечения памяти Александра II [45. С. 75–76]. А в 1905 г. в «Школьном листке», приложении к ТЕВ, опубликованы утвержденные 12 марта министром земледелия и государственных имуществ Правила об отводе сельским начальным училищам земельных участков и о бесплатном отпуске им казенного леса на основании законов 12 мая 1897 г. и 19 апреля 1904 г. [46. С. 105–108].

6 (19) – 7 (20) апреля 1903 г. в Бессарабии, в губернском городе Кишинёве, при попустительстве местных властей произошел один из самых печально известных еврейских погромов в империи. Будучи одной из массовых насильственных акций, прокатившихся на волне антисемитизма во многих городах России в конце XIX – начале XX в., погром унес жизни почти 50 человек и вызвал большой общественный и отчасти международный резонанс. Николай II намеревался с помощью воздействия духовенства на свою паству снизить накал националистических выступлений, снять напряжение между евреями и праворадикальными кругами. Император направил указ Синоду, призывая священнослужителей повлиять на мирян. В свою очередь, после проработки распоряжения монарха Синод отправил указы по епархиям и митрополиям с просьбой успокоить, в случае необходимости, враждебный настрой народной толпы «против евреев путем нравственного воздействия со стороны пастырей церковных». В числе прочих циркуляр Синода от 17 июля 1903 г. и указ императора получил епископ Тобольский и Сибирский Антоний, распорядившийся 3 августа напечатать в «Тобольских епархиальных ведомостях» постановление Синода со ссылкой на Высочайший указ для «сведения местного духовенства и к руководству в потребных случаях» [47. С. 225–227].

Вызывает некоторое недоумение отсутствие на страницах газеты манифеста Николая II от 27 января (9 февраля) 1904 г. «Об открытии военных действий против Японии» [48. С. 78]. Традиционно солидарная с властью по вопросам патриотизма и защиты отчизны, Церковь, активно призывающая граждан в предшествующих военных конфликтах выступать за «веру, царя и Отечество», в этот раз решила не подни-

мать милитаристские темы на страницах своих печатных изданий, ограничившись в первые месяцы войны информацией только о пожертвованиях причтами денежных средств на военные нужды, а также краткими историко-географическими и религиозными сведениями о Японии и ее колонии Корее [49. № 7. С. 51–53]. Лишь спустя более 2 месяцев после объявления войны в «Школьном вестнике», приложении к ТЕВ, появляется короткая перепечатка из «Томских епархиальных ведомостей», объясняющая причины Русско-японской войны территориальным спором между двумя странами, внешнеполитической агрессивностью и несправедливыми претензиями «Страны восходящего солнца» [49. С. 62]. По мере развития боевых действий появляются заметки о проводимых литургиях о даровании победы и в честь солдат 9-го Сибирского пехотного полка, отправленного на Дальний Восток, учреждение попечительства по оказанию помощи семьям нижних воинских чинов, призванных на действительную службу, и пр.

В обязательном порядке на первых страницах официальной части ближайших номеров размещались сведения, касающиеся основных событий из жизни членов императорской семьи. К ним относились рождение новых князей и княгинь, брак или коронация царствующих особ, назначение нового наследника престола и смерть представителей Дома Романовых. 14 (26) мая 1896 г. состоялась коронация Николая Александровича и его супруги Александры Федоровны – последняя в истории Российской империи церемония восшествия на престол императора и его супруги. Верная трону и правящей династии, Тобольская епархия приняла активное участие в состоявшихся в губернии по этому случаю торжествах. В ТЕВ этого периода находим официально утвержденные на законодательной основе сведения расписании дней празднеств в коронационный период (6 (18) мая – 26 мая (7 июня) 1896 г.), наградах императора и Синода для тобольских священнослужителей ко дню коронования, праздничных чтениях членов Братства Димитрия Солунского, подробное описание самой церемонии 14 (26) мая в Санкт-Петербурге и сопутствующих ей торжеств в Кургане, Ялуторовске, Тюмени и Тобольске 14–17 (26–29) мая с отдельной заметкой об особых празднованиях по этому поводу тобольского духовного ведомства [11. С. 277–280, 287; 21. С. 196–198; 50. С. 147–148, 151–152; 51. С. 221–252].

28 июня (10 июля) 1899 г. в Тифлисской губернии скоропостижно скончался цесаревич, являвшийся с 1894 г. наследником престола, великий князь Георгий Александрович, 3-й сын Александра III и младший брат Николая II. Ввиду этого 7 (19) июля вышел Именной Высочайший указ, по которому новым наследником трона, до рождения сына у императора, назначен Михаил Александрович. Об этом газета написала 1 августа [53. С. 209]. 13 апреля 1900 г. в Киеве умерла великая княгиня Александра Петровна, правнучка Павла I и двоюродная бабушка Николая II. Манифест императора со скорбной новостью от 13 апреля был опубликован 16 мая [54. С. 91–92].

30 июля (12 августа) 1904 г. у Николая II родился долгожданный сын, великий князь Алексей Николаевич. Вышедший в тот же день манифест, опубликованный в ТЕВ только спустя месяц, возвещал подданным о счастливом событии и переходе титула наследника трона от Михаила Александровича к младенцу Алексею. Принятый через день, 31 июля (13 августа), Именной указ повелевал подданным ежегодно праздновать рождение цесаревича 30 июля (12 августа), а день тезоименитства (именин) – 5 (18) октября. Синод, после получения указа направил своим отделениям определения с предписанием обнародовать манифест во всех городах и селах, а также разместить указ от 31 июля в ведущих печатных изданиях России [52. С. 259–262].

Такое событие в общественной жизни, как появление Государственной думы, редакция и читатели издания не могли проигнорировать. Публикационная активность «Тобольских епархиальных ведомостей» относительно законодательства нового государственного органа Российской империи касалась в первую очередь узаконений об учреждении и регламентации деятельности Думы в 1905–1906 гг. Начиная с августа 1905 г. в ближайших номерах размещаются основные высочайшие указы императора. Так, 1 ноября 1905 г. появился манифест 17 октября, 16 ноября – «Правила о применении положения о выборах в Думу к губерниям Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской», 16 марта 1906 г. – манифест об устройстве Государственного совета и Государственной думы, 16 июля 1906 г. – указ Николая II о роспуске I Думы [55. С. 331–333; 56. С. 344–347; 57. С. 57–60; 58]. Следующим основополагающим актом, регулирующим деятельность российского парламента, стали манифест (Указ) о роспуске Думы и новое «Положение о выборах» от 3 июня 1907 г. Однако на протяжении лета 1907 г. и последующего времени этот документ так и не появился на станицах епархиального СМИ. Более того, о парламенте вообще не было сказано ни единого слова. Явление, как нам кажется, довольно странное, учитывая высокую активность издания на этой ниве в 1905–1906 гг. Вероятно, после противоречивой и нестабильной работы Думы I–II созывов духовенство епархии, как и тобольские избиратели, в массе своей потеряло интерес как к выборному законодательству и избирательным кампаниям, так и к институту парламентаризма в целом. С такой позиции священнослужители решили больше не испытывать судьбу и заниматься только духовными делами.

Собственно уровень охвата юридической силы документов, публикуемых на страницах издания, во многом становится ясным уже по названию нормативных актов. Так, открытие новых учебных заведений, циркуляры губернских властей и местных ведомств, приказы о назначении на должности и преобразования локальных органов управления, а также правила о применении судебных уставов и введении института крестьянских начальников в Сибири (частично – выборное законодательство) – все это имело региональное хождение, касающееся только Тобольской губернии или Сибири. Вместе с тем такие доку-

менты, как указы об императорских датах и событиях из жизни членов правящей династии, практически все законы об инородцах и режиме работ, многие вопросы конфессионального урегулирования, большинство выборных инструкций и парламентского избирательного права, являлись частью общероссийского законодательства, обязательного для выполнения на территории всей страны.

Формирование православной системно организованной печатной сети позволяло руководителям светской власти в лице местной администрации несколько сблизиться с представителями клерикальных кругов, что говорит о тесном сотрудничестве аппарата самодержавия с православным сообществом. Такой симбиоз строился на взаимовыгодном сосуществовании. Губернатор всячески содействовал развитию православия ценностей в регионе, способствовал его распространению на нехристиан. В свою очередь, священнослужители как носители идеи неограниченного самодержавия стремились заручиться поддержкой властей и продвигали через своих адептов принципы монархизма и народности, что непременно отражалось на страницах православных СМИ. Данная позиция в первую очередь, естественно, касалась публикации основополагающих и дополняющих нормативно-правовых документов, регулирующих все сферы жизни общественного быта населения губернии. Таким образом, правление края видело в духовенстве нерушимый столб, опору, на которую могло и было вынуждено опереться во время грандиозных свершений и нестабильной ситуации в стране. В отличие от других регионов в Сибири не сформировалась значительная прослойка дворянства – неизменной опоры российской монархии, что еще более придавало вес православному духовенству в Тобольской губернии как единственно реальной преданной имперскому правительству силе в отдаленной, остававшейся во многом патриархально-феодальной провинции России. Со своей стороны, епархиальное руководство шло в фарватере политики органов власти, поддерживало практически все начинания самодержавия и предпринимаемые меры его представителей на местах, не забывая связывать их с канонами РПЦ и христианского вероучения.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Штундизм – христианское движение протестантской направленности, получившее распространение в России в XIX в. в среде немецких колонистов, а также части населения южнорусских губерний. 4 июля 1894 г. положением Комитета министров Российской империи штундизм был объявлен «сектою особенно вредною в церковном и общественно-государственном отношениях», а последователям учения запрещалось собираться на общественные молитвенные собрания. Репрессии в отношении штундистов продолжались до высочайшего манифеста о веротерпимости 17 апреля 1905 г., когда инославные христиане получили право на свободу вероисповедания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тобольские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1895. № 3. 1 фев. Отдел офиц.
2. ТЕВ. 1896. № 7. 1 апр. Отдел неофиц.
3. ТЕВ. 1896. № 19. 1 окт. Отдел офиц.
4. Об отводе сельским начальным училищам земельных от казны участков и о безденежном отпуске сим училищам казенного леса [№ 14092] // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 3-е. СПб., 1900. Т. 17. С. 280–281.
5. ТЕВ. 1895. № 5. 1 марта. Отдел офиц.
6. ТЕВ. 1895. № 7–8. 1, 16 апр. Отдел офиц.
7. ТЕВ. 1895. № 17. 1 сен. Отдел офиц.
8. ТЕВ. 1895. № 20. 16 окт. Отдел офиц.
9. ТЕВ. 1895. № 23. 1 дек. Отдел офиц.
10. ТЕВ. 1895. № 23. 1 дек. Отдел неофиц.
11. ТЕВ. 1896. № 12. 16 июня. Отдел неофиц.
12. ТЕВ. 1897. № 15. 1 авг. Отдел офиц.
13. ТЕВ. 1897. № 16. 16 авг. Отдел офиц.
14. ТЕВ. 1897. № 17. 1 сен. Отдел офиц.
15. ТЕВ. 1899. № 18. 16 сен. Отдел офиц.
16. ТЕВ. 1901. № 3. 1 фев. Отдел офиц.
17. ТЕВ. 1901. № 16. 16 июня. Отдел офиц.
18. ТЕВ. 1901. № 22. 16 нояб. Отдел неофиц.
19. ТЕВ. 1902. № 19. 1 окт. Отдел официц.
20. ТЕВ. 1903. № 14. 16 июля. Отдел офиц.
21. ТЕВ. 1896. № 9. 1 мая. Отдел офиц.
22. ТЕВ. 1896. № 10. 16 мая. Отдел офиц.
23. ТЕВ. 1901. № 5. 1 марта. Отдел неофиц.
24. ТЕВ. 1895. № 22. 16 нояб. Отдел неофиц.
25. ТЕВ. 1897. № 13. 1 июля. Отдел неофиц.
26. ТЕВ. 1898. № 16. 16 авг. Отдел офиц.
27. ТЕВ. 1901 г. 16 апр. Прибавление к № 8.
28. ТЕВ. 1902. № 11. 1 июня. Отдел неофиц.
29. Школьный листок. Приложение к Тобольским епархиальным ведомостям. 1902. № 12.
30. ТЕВ. 1905. № 1. 1 янв. Отдел офиц.
31. О разъяснении узаконений, касающихся производства в рабочие дни [№ 24468] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1907. Т. 24. С. 408–410.
32. ТЕВ. 1904. № 18. 16 сен. Отдел офиц.
33. ТЕВ. 1905. № 9. 1 мая. Отдел неофиц.
34. ТЕВ. 1905. № 15. 1 авг. Отдел неофиц.
35. ТЕВ. 1905. № 16. 16 авг. Отдел неофиц.

36. Высочайше утвержденные временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири [№ 12932] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1899. Т. 16. С. 416–425.
37. ТЕВ. 1897. № 14. 16 июля. Отдел неофиц.
38. ТЕВ. 1896. № 19. 1 окт. Отдел неофиц.
39. ТЕВ. 1897. № 11. 1 июня. Отдел неофиц.
40. Никулин Н.В. Чиновники по крестьянским делам Западной Сибири (1883–1898) // Политика самодержавия в Сибири XIX – начала XX в. Иркутск, 1988.
41. Высочайше утвержденные временные постановления о расширении предметов ведомства учреждений по крестьянским делам в Тобольской и Томской губерниях [№ 9804] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1897. Т. 13. С. 465–466.
42. ТЕВ. 1899. № 1. 1 янв. Отдел офиц.
43. ТЕВ. 1903. 16 марта. Прибавление № 6.
44. Школьный листок. Приложение к ТЕВ. 1901. № 7.
45. ТЕВ. 1903. № 7. 1 апреля. Отдел офиц.
46. Школьный листок. Приложение к ТЕВ. 1905 г. № 14.
47. ТЕВ. 1903. № 17. 1 сентября. Отдел офиц.
48. Об открытии военных действий против Японии [№ 23936] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1907. Т. 24. С. 78.
49. Школьный листок. Приложение к Тобольским епархиальным ведомостям. 1904.
50. ТЕВ. 1896. № 11. 1 июня. Отдел офиц.
51. ТЕВ. 1896. № 11. 1 июня. Отдел неофиц.
52. ТЕВ. 1904. № 17. 1 сен. Отдел офиц.
53. ТЕВ. 1899. № 15–16. 1, 16 авг. Отдел офиц.
54. ТЕВ. 1900. № 10. 16 мая. Отдел офиц.
55. ТЕВ. 1905. № 21. 1 нояб.
56. ТЕВ. 1905. № 22. 16 нояб.
57. ТЕВ. 1906. № 6. 16 марта.
58. ТЕВ. 1906. 16 июля. Приложение к № 14.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 апреля 2016 г.

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE LEGISLATIVE POLICY OF AUTOCRACY IN *TOBOLSK DIOCESAN GAZETTE* IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 145–152.
DOI: 10.17223/15617793/408/22

Tomilov Igor S. Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of RAS (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

Keywords: Tobolsk Diocesan Gazette; Tobolsk Province; social life; Russian Orthodox Church; legislation.

The aim of the study is the analysis of the leading organ of the Tobolsk Diocese – *Tobolsk Diocesan Gazette* (*Tobol'skie eparkhial'nye vedomosti*). The content of published materials on the legislative policy of the government in the field of management, public life, education and other spheres of life in the late 19th – early 20th centuries. Emphasis is placed on the everyday moments of life that constituted the essence of the existence of urban and rural population. In the scientific literature this problem is not widespread, many questions concerning the interaction of the Russian Orthodox Church and the state authorities in the areas of legislation, including the publication of normative legal acts on the pages of the authorities of the Orthodox clergy have not been studied. The analysis of the topics is based on materials of a separate regional (diocesan) edition, which makes it undoubtedly relevant. This perspective allows to identify features typical for other media as well as specific characteristics of an edition of a distant region of Russia. The study is based on the principles of historical knowledge: historicism, comprehensiveness, objectivity and scientific validity. The systematic approach in this study is used when examining the structure of publishing legal materials in the edition as a single network in the framework of the studied subject. The complexity of the studied object, which does not allow to conduct the study only within historical science, determines the use of the interdisciplinary approach, developments in sociology, political science, demography, cultural studies and other disciplines. The local approach is used to identify the print edition in the imperial space, to determine its characteristics and specify it in all regional mass media. The structural-functional approach allows to identify the object of study as a separate phenomenon with its specific characteristics. The problem-chronological approach reflects the change in the components of the object in the historical dynamics under the influence of changing environmental conditions. The method of periodization (diachronic) is used to detect object changes in time in establishing the conditions and moments of its transformation. Processing the quantitative data also required the use of statistical methods. During the study of the topic it is planned to identify the related regulations and materials published in the newspaper to reveal the attitude of the clergy of Tobolsk Province to autocracy, to see legal measures and to track changes in the legislation in the period of the transformation of society and a major overhaul of patriarchal foundations.

REFERENCES

1. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1895) 3. 1 February. Official part. (In Russian).
2. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1986) 7. 1 April. Unofficial part. (In Russian).
3. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1986) 19. 1 October. Official part. (In Russian).
4. Russian Empire. (1900) Ob otvode sel'skim nachal'nym uchilishcham zemel'nykh ot kazny uchastkov i o bezdenezhnom otpuske sim uchilishcham kazennogo lesa [№ 14092] [On giving rural primary schools land and wood from the treasury [N 14092]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 17. St. Petersburg: Gos. tip.
5. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1895) 5. 1 March. Official part. (In Russian).
6. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1895) 7–8. 1, 16 April. Official part. (In Russian).
7. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1895) 17. 1 September. Official part. (In Russian).
8. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1895) 20. 16 October. Official part. (In Russian).
9. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1895) 23. 1 December. Official part. (In Russian).

10. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1895) 23. 1 December. Unofficial part. (In Russian).
11. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1986) 12. 16 June. Unofficial part. (In Russian).
12. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1897) 15. 1 August. Official part. (In Russian).
13. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1897) 16. 16 August. Official part. (In Russian).
14. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1897) 17. 1 September. Official part. (In Russian).
15. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1899) 18. 16 September. Official part. (In Russian).
16. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1901) 3. 1 February. Official part. (In Russian).
17. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1901) 16. 16 June. Official part. (In Russian).
18. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1901) 22. 16 November. Unofficial part. (In Russian).
19. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1902) 19. 1 October. Official part. (In Russian).
20. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1903) 14. 16 July. Official part. (In Russian).
21. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1986) 9. 1 May. Official part. (In Russian).
22. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1986) 10. 16 May. Official part. (In Russian).
23. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1901) 5. 1 March. Unofficial part. (In Russian).
24. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1895) 22. 16 November. Unofficial part. (In Russian).
25. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1897) 13. 1 July. Unofficial part. (In Russian).
26. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1898) 16. 16 August. Official part. (In Russian).
27. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1901) 16 April. Supplement to 8. (In Russian).
28. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1902) 11. 1 June. Unofficial part. (In Russian).
29. *Shkol'nyy listok*. *Supplement to Tobolsk Diocesan Gazette*. (1902) 12. (In Russian).
30. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1905) 1. 1 January. Official part. (In Russian).
31. Russian Empire. (1907) O raz"yasnenii uzakoneniy, kasayushchikhsya proizvodstva v rabochie dni [№ 24468] [On the interpretation of Statutes relating to the production on weekdays [N 24468]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 24. St. Petersburg: Gos. Tip.
32. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1904) 18. 16 September. Official part. (In Russian).
33. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1905) 9. 1 May. Unofficial part. (In Russian).
34. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1905) 15. 1 August. Unofficial part. (In Russian).
35. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1905) 16. 16 August. Unofficial part. (In Russian).
36. Russian Empire. (1899) Vysochayshe utverzhdennye vremennye pravila o primenenii sudebnykh ustavov k guberniyam i oblastyam Sibiri [№ 12932] [By Imperial consolidation temporary rules on the application of legal regulations to the provinces and regions of Siberia [N 12932]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 16. St. Petersburg: Gos. Tip.
37. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1897) 14. 16 July. Unofficial part. (In Russian).
38. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1986) 19. 1 October. Unofficial part. (In Russian).
39. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1897) 11. 1 June. Unofficial part. (In Russian).
40. Nikulin, N.V. (1988) Chinovniki po krest'yanskim delam Zapadnoy Sibiri (1883–1898) [Officials on Peasant Affairs in Western Siberia (1883–1898)]. In: Dameshek, L.M. & Khrolenok, S.F. (eds) *Politika samoderzhaviya v Sibiri XIX – nachala XX v.* [Policy of autocracy in Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Irkutsk: Irkutsk State University.
41. Russian Empire. (1897) Vysochayshe utverzhdennye vremennye postanovleniya o rasshirenii predmetov vedomstva uchrezhdeniy po krest'yanskim delam v Tobol'skoy i Tomskoy guberniyakh [№ 9804] [By Imperial consolidation temporary decrees to expand the objects of control of the Office on Peasant Affairs in Tobolsk and Tomsk provinces [N 9804]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 13. St. Petersburg: Gos. Tip.
42. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1899) 1. 1 January. Official part. (In Russian).
43. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1903) 16 March. Supplement to 6. (In Russian).
44. *Shkol'nyy listok*. *Supplement to Tobolsk Diocesan Gazette*. (1901) 7. (In Russian).
45. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1903) 7. 1 April. Official part. (In Russian).
46. *Shkol'nyy listok*. *Supplement to Tobolsk Diocesan Gazette*. (1905) 14. (In Russian).
47. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1903) 17. 1 September. Official part. (In Russian).
48. Russian Empire. (1907) Ob otkrytii voennykh deystviy protiv Yaponii [№ 23936] [On the start of hostilities against Japan [N 23936]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 24. St. Petersburg: Gos. Tip.
49. *Shkol'nyy listok*. *Supplement to Tobolsk Diocesan Gazette*. (1904). (In Russian).
50. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1986) 11. 1 June. Official part. (In Russian).
51. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1986) 11. 1 June. Unofficial part. (In Russian).
52. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1904) 17. 1 September. Official part. (In Russian).
53. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1899) 15–16. 1, 16 August. Official part. (In Russian).
54. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1900) 10. 16 May. Official part. (In Russian).
55. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1905) 21. 1 November. (In Russian).
56. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1905) 22. 16 November. (In Russian).
57. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1906) 6. 16 March. (In Russian).
58. *Tobolsk Diocesan Gazette*. (1906) 16 July. Supplement to 14. (In Russian).

Received: 27 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 153–161. DOI: 10.17223/15617793/408/23

УДК 94:378.4(571.16)“1926/1941”

С.Ф. Фоминых, А.О. Степнов, А.В. Литвинов

ДОМ УЧЁНЫХ В ЖИЗНИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА г. ТОМСКА (1926–1941 гг.)

Статья выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», № 14.B25.31.0009.

На основе архивных документов, периодической печати г. Томска, воспоминаний освещается история организации и деятельности Дома учёных (до 1934 г. клуб учёных) во второй половине 1920-х – начале 1940-х гг., анализируются научная, консультационная, научно-популяризаторская, культурно-просветительская формы его работы, а также организация досуга и отдыха научных работников города и их семей. Выясняются его место и роль в жизни научного сообщества.

Ключевые слова: Дом учёных; Томск; вузы; научное сообщество; культура.

Во второй половине 1920-х – начале 1940-х гг. особое место в культурной и научной жизни томского научного сообщества занимал Дом учёных, история которого пока не нашла освещения в научной литературе. Изучение истории его деятельности позволит определить особенности становления и развития научно-образовательного комплекса старейшего университетского центра Сибири в эпоху индустриализации, выявить предпосылки и условия, способствовавшие созданию единого томского научного сообщества во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Одной из характерных черт раннесоветской действительности, как в центре, так и на периферии, был приоритет общественного над частным, коллективного над индивидуальным. Эта тенденция наложила отпечаток и на взаимоотношения в кругу учёных страны на разных уровнях, от общесоюзного до регионального.

Одной из форм объединения учёных в рассматриваемый период была профсоюзная организация – секция научных работников (СНР) при Окружном союзе работников просвещения (Окрпрос). Временные и постоянно действующие комиссии СНР занимались решением проблем охраны труда, быта и отдыха учёных [1. Л. 30].

Важное место в структуре деятельности СНР занимала культурная работа с научными работниками (культкомиссия окрбюро СНР). Для лучшей её организации в 1926 г. членами СНР было инициировано создание клуба учёных г. Томска, или клуба научных работников (КНР). Именно так первоначально называлась организация, позднее получившая современное название – Томский Дом учёных (ТДУ).

В 1926 г. при окрбюро СНР была организована временная комиссия по организации клуба учёных. В её состав вошли председатель окрбюро СНР В.И. Шумилов, члены бюро И.А. Соколов, В.Т. Серебров, В.П. Макаров, а также В.С. Колосунин (преподаватель Сибирского технологического института – СТИ) и директор Центральной (Научной) библиотеки Томского государственного университета (ТГУ) В.Н. Наумова-Широких. 7 марта 1926 г. газета «Красное знамя» сообщила об открытии секцией научных работников клуба ученых. Его первое мероприятие, вечер для ученых и их семей, состоялось 13 марта того же года. В его правление были избраны 14 человек: В.И. Шумилов, В.В. Ревердатто, И.А. Соколов, В.С. Колосунин, А.М. Халецкая, В.Н. Наумова-Широких, Л.И. Омороков, А.В. Лаврский, В.Д. Кузнецов, Н.Н. Бакай, А.А. Опокин, Н.А. Попов, С.А. Цветков и М.А. Слободской [1. Л. 31]. Для выполнения текущей работы правлением клуба был избран президиум в составе 5 человек [Там же. Л. 32].

Долгое время нерешенным оставался вопрос о предоставлении собственного здания в пользование КНР. В момент организации клуба в связи с отсутствием вблизи университетского комплекса пригодного дома культкомиссией окрбюро СНР было принято решение «организовать клуб в здании библиотеки университета». По договору, заключенному с ТГУ на 3 года, в распоряжение секции передавались две комнаты в здании Центральной библиотеки ТГУ. На ремонт и оборудование для помещений клуба СНР было выделено около 1 600 руб. При клубе имелись буфет и буфетная комиссия, читальный зал с достаточным количеством газет и журналов (советских и зарубежных), а также с передвижным фондом всех изданий, выходивших на русском языке и получаемых Центральной библиотекой ТГУ в качестве ознакомительного экземпляра [Там же].

Уже в первый год существования (с марта по сентябрь 1926 г.) клубом учёных было проведено 6 концертов и семейных вечеров, организованы вечера для делегатов 2-го Всесибирского съезда врачей. В отчетной документации СНР при Окрпросе конца 1926 г. отмечается, что «посещаемость клуба достаточная» [Там же].

Отметим, что опыт организации Дома (клуба) учёных был позаимствован томскими учеными у других научных центров страны.

Еще 31 января 1920 г. по инициативе Петроградской комиссии по улучшению быта учёных (ПетроКУБУ) под председательством А.М. Горького (в ее состав входили академики С.Ф. Ольденбург, А.Е. Ферсман, В.М. Шимкевич и др.) начал свою работу первый в России клуб научной интеллигенции.

На протяжении 1920-х гг. Дома учёных появились в ряде других городов СССР. В 1922 г. Дом учёных был открыт в Москве, у истоков его создания стояли

академики С.А. Чаплыгин, Е.А. Чудаков, М.В. Кирпичев, И.И. Бардин, В.Н. Образцов, Н.Д. Зелинский, Б.Д. Греков, И.И. Минц и др., в 1923 г. – первый на Украине Дом учёных в Одессе, в 1925 г. – Казанский Дом учёных, в 1927 г. – Киевский Дом учёных.

В 1922 г. с ликвидацией ПетроКУБУ была проведена реорганизация Дома учёных в Петрограде – его передали СНР Петроградского губернского отдела профсоюза работников просвещения. Тогда же была свернута научная и клубная жизнь Дома. Ситуация изменилась только в 1931 г., когда Комиссией по содействию ученым при СНК СССР было разработано «Положение о Домах учёных», и теперь уже Ленинградский Дом учёных был вновь передан научной интеллигенции города [2. С. 922–924].

Особенно пристальное внимание научно-исследовательской и просветительской деятельности уделялось руководством Московского дома учёных (МДУ), при котором активно создавались научные кружки и секции. Ведущее место в научной работе МДУ занимала индустриально-техническая секция, инициатива создания которой принадлежала уже упомянутому академику С.А. Чаплыгину и профессору И.С. Дюрбауму [3].

Таким образом, именно в 1920-е гг. были намечены механизмы создания Домов учёных, которые в том или ином видоизменении были апробированы в Москве, Одессе, Казани, Киеве и Томске: организация создавалась в рамках деятельности профсоюзных организаций работников просвещения.

Начало деятельности клуба учёных при СНР г. Томска, чей устав «был небольшим видоизменением устава клуба Московского Дома учёных» [1. Л. 32], было связано в основном с его культурно-развлекательной деятельностью и, прежде всего, организацией семейных вечеров для научных работников города. Этим, в частности, занялся кружок по устройству вечеров сатиры и юмора при клубе учёных Томска, получивший шуточное название «Кенгуру» [4. С. 72] и работавший приблизительно с осени 1926 г. [Там же. С. 66]. Его неформальным «директором» считался профессор-физик В.Д. Кузнецов.

В программу вечеров входили театрализованные представления, в сатирической, шаржированной форме обыгрывающих те или иные события, мероприятия из жизни вузов города, а также отдельных учёных. Члены семей научных работников привлекались к представлениям. Из их числа был создан балет «Кенгуру». Музыкальное сопровождение вечеров обеспечивал хор при кружке под руководством профессора Л.И. Оморокова. В роли конферансье, кроме В.Д. Кузнецова и Л.И. Оморокова, выступал и член правления КНР профессор СТИ И.А. Соколов. Завершались вечера обыкновенно пением гимна «Кенгуру» (тоже шуточного), сочиненного профессором ТГУ Н.А. Поповым [4. С. 66].

Всё в этих вечерах было пронизано иронией и юмором, что объяснялось естественным желанием учёных города организовывать свой досуг в соответствии с собственными представлениями. Однако смеховая и досуговая культура научного сообщества г. Томска 1920-х гг. достаточно быстро вызвала недовольство партийных властей. Заинтересовалось этим и местное ОГПУ. Информатор Томского окротдела ОГПУ в своем сообщении, датируемом 20 декабря 1926 г., дал резко негативную оценку деятельности кружка и его конкретным участникам, характеризуя «Кенгуру» как «организацию внутренней иммиграции профессоров», а слова и реплики его членов как «антисоветские». Если верить автору сообщения, то суровый по советским меркам вердикт о «внутренней иммиграции» принадлежал члену правления клуба учёных профессору ТГУ В.В. Ревердатто. Приводилась и предполагаемая расшифровка шуточного названия кружка – «Кружок эмоционально недовольных граждан, устраивающих разумные увеселения» [4. С. 65–69].

Спустя две недели, в первом номере газеты «Красное знамя» за 1927 г., вышла статья под названием «Смердящее, или О том, как выращивают кенгуру в Сибирских Афинах», где в изобличающей форме описывались эпизоды из жизни «Кенгуру», известные из вышеупомянутого донесения осведомителя ОГПУ. Автор прошелся по высказанным на одном из вечеров предложениям создать при «Кенгуру» жен- и мужотделы, утвердить анкеты кружка, организовать курсы по ликвидации безграмотности и т.д. «Лучше выращивать то, что обладает слабым умом, что хорошо только подпрыгивает, – для этого и наших умственных способностей хватит» [5] – одна из кратких реплик, дававшая представление о едкой риторике анонимного автора, якобы переработавшего материал, доставленный в редакцию газеты отдельными членами СНР [6. Л. 83].

Откровенно оскорбительный тон статьи, конечно же, мог быть объяснен выбранным жанром – фельетоном. Однако это не оставило равнодушными ученых – членов кружка. 7 января члены окрбюро СНР и участники «Кенгуру», а также члены правления клуба устроили заседание СНР, посвященное фельетону «Смердящее» и деятельности кружка в целом. Сохранившаяся протокольная запись дает возможность реконструировать ход этого мероприятия.

В начале заседания по инициативе профессора А.В. Лаврского вопрос об авторстве был закрыт как «третьестепенный». Член окрбюро СНР профессор В.И. Шумилов отметил, что и ранее «некоторые научные работники заявляли ему протест против уклона и односторонности “Кенгуру” [6. Л. 83]. Вместе с тем основная критика и недовольство присутствовавших были направлены не на деятельность «Кенгуру», а в основном на то, что само обсуждение работы клубного кружка, учитывая также и то, что данный фельетон, по мнению некоторых участников заседания, бросал тень на всю профсоюзную организацию научных работников, а само обсуждение вышло за пределы секции научных работников на городской уровень. Звучали даже предложения об отставке правления клуба, организации третейского суда (И.А. Соколов, А.В. Лаврский), которые, впрочем, не были приняты.

Ученые решительно протестовали против клеветнического и оскорбительного тона фельетона, к тому же

задевавшего честь и достоинство членов семей научных работников, «всех, кто посещал вечера» [6. Л. 84].

Особенно критическим было выступление профессора В.Д. Кузнецова, который несмотря на внешнее спокойствие (свое выступление начал фразой «К статье отнесся равнодушно») высказал крайнее недовольство самим появлением подобной публикации в «Красном знамени». «Эта статья, – подчеркнул он, – пятно для Томска, который после нее не больше как глухая провинция, это пятно для местных руководителей общественности. В центре лелеют, заботятся об учёных как о передовой силе, несущей культуру в СССР. В статье “Смердящие” выразился взгляд на научных работников местных руководителей общественности. Можно было молчать, если бы статья была помещена в бульварной газете, но это официальный орган. Поэтому мы пассивны оставаться не можем… Я с презрением отнесусь к автору. В фельетоне говорится, что у меня малые способности, но я же имею научные труды, которые отмечаются премиями. Пускай это будет рецензия, но в ней больше злостной клеветы и сведений, не соответствующих действительности» [6. Л. 83 об.].

Данный случай представляет интерес с точки зрения изучения процесса формирования социального статуса ученого в советское время и взаимоотношений научной интеллигенции и власти.

Как нельзя лучше суть данного конфликта проявилась в словах В.Д. Кузнецова, сказанных на заседании СНР: «Томск без вузов захолустье. Здесь не дозрели до того, чтобы ценить нас. Одних, более удобных, презирают, других, менее податливых, едва ли терпят. Не гордятся нами. Мы слишком потеряли свои личности, слишком подавлены, здесь мы больше прислушиваемся к ним, а в центре наоборот: власть прислушивается». Ссылка на опыт научных сообществ городов европейской части СССР выглядит в данном ключе весьма примечательной. В.Д. Кузнецов, как уже было сказано, в начале 1927 г. недавно вернувшийся из Москвы и Ленинграда, отмечает: «В государственном театре сатиры [Москва] свободно критикуются недостатки; в санатории в Гаспре [Крым] устраивались подобные вечера, за что он получил одобрение. В наших семейных вечерах ничего своеобразного нет, наоборот “Кенгуру” оживляет работу и вносит определенный дух» [Там же].

Приблизительно ту же линию, но в более бескомпромиссной форме, профессор В.Д. Кузнецов избрал, когда взялся за составление открытого письма редактору газеты «Красное знамя» по поводу фельетона «Смердящее». В нем он обобщил общие настроения научных работников города, которые высказывались, в том числе, и на заседании СНР, состоявшемся 7 января 1927 г. Он отказался рассматривать статью как фельетон и обратил внимание на то, что семейные вечера по типу кабаре были выдуманы отнюдь не членами «Кенгуру», а были к тому времени востребованы учеными других городов. В.Д. Кузнецов, кроме Ленинграда и Москвы, назвал Воронеж и Гаспре. Данную публикацию он счел оскорблением всему городу, который «является культурным центром, но все же – глухой провинцией» [4. С. 72]. Что касается вопроса о «внутренней эмиграции», то поучительным для редакции газеты опытом, по мнению В.Д. Кузнецова, должен был быть период 1920–1921 гг., когда из-за нападок в прессе и со стороны партии «Томск потерял несколько десятков научных работников, главным образом профессоров» [Там же. С. 73].

Письмо на имя редактора «Красного знамени», датированное 12 января 1927 г., В.Д. Кузнецов завершает следующими словами: «Прошу вас напечатать это письмо полностью. Никакие сокращения и изменения для меня неприемлемы. Считаю необходимым Вас предупредить, что ни в какие дискуссии по поводу моего письма я вступать не намерен» [Там же. С. 74]. Редакция «Красного знамени», вопреки настойчивой просьбе томского ученого, открытое письмо так и не опубликовала.

По итогам заседания ученые единодушно постановили «признать, что настоящая статья оскорбляет научных работников». Ответом на уничижительную критику стало решение о написании «деловой статьи» о работе культкомиссии окрбюро СНР и клуба учёных, а работу последнего решили рассмотреть отдельно [6. Л. 84 об.]. Несмотря на то что сохранение кружка «Кенгуру» участники заседания посчитали желательным, есть основания полагать, что в его работу с учетом высказанной критики были внесены коррективы.

Таким образом, на примере с кружком «Кенгуру» можно убедиться в том, что ученые стремились не только отстоять свое личное достоинство, но и пытались внушить властям, что именно вузы и научная интеллигенция во многом определяют облик Томска как научно-образовательного центра, получившего еще в конце XIX в. название «Сибирские Афины».

С 1927 г. клуб учёных и культкомиссия СНР установили традицию каждый понедельник в 20 ч. 30 мин в помещении клуба проводить чтения докладов для научных работников и их семей. По рекомендации членов СНР на них могли присутствовать и посторонние лица [7]. Учитывая ограниченность имеющихся в распоряжении клуба площадей, для проведения докладов и лекций нередко использовались и помещения других организаций.

По инициативе КНР стали делаться доклады научных работников для членов профсоюза и рабочих организаций: в ленинском кабинете ТГУ, на заводах города, в клубе рабпроса, в красном уголке Сибкрайсторга, в воскресном университете г. Тайги [8], рабочих университетах Томска и Тайги, в обществе практических врачей [9], в клубе им. В.П. Милютина для общества слепых при окрсобесе, в клубе «Красный строитель» [10] и т.д. Еще в конце 1920-х гг. КНР начал проводить радиолекции [11].

Правление клуба в просветительских целях организовывало для всех желающих бесплатное посещение музеев ТГУ (этнолого-археологического, зоологического, анатомического, палеонтологического, патологоанатомического) с лекциями-беседами [12].

Стоит отметить и широкий тематический спектр лекций и докладов: от научно-популярных (лекции об

эволюции клетки профессора Мясоедова, о гипнозе профессора К.Н. Завадовского и т.д.) до лекций, посвященных вопросам искусства («Гармонический анализ марша из “Трёх апельсинов” С. Прокофьева» профессора Н.И. Костюковой, «Импрессионизм в живописи» В.М. Мизерова, «Некоторые недоумения в области музыкальной педагогики» профессора Н.А. Александрова, «Принципы устройства терменвокса: музыкальный радиоинструмент» профессора И.А. Соколова и т.д.).

Лекции для профсоюзных и рабочих организаций посвящались хозяйственным и производственным, общенаучным вопросам (например, происхождение и эволюция человека, Великая французская революция, философия Канта, диалектический материализм), а также актуальным антирелигиозным и политическим темам (антирелигиозная работа научных работников, капитализм и мировая революция).

В клубе учёных выступали и приезжие. Так, 9 мая 1928 г. доклад на тему «Современный Афганистан» сделал член московской СНР, профессор К.И. Соколов-Страхов [13]. Докладчик поделился со слушателями личными впечатлениями. В 1926–1927 гг. он являлся военным атташе при полномочном представительстве СССР в Афганистане.

Для презентации докладов использовались технические средства, такие как показ диапозитивов через проекционный аппарат. Лекции на музыкальные темы нередко сопровождались исполнением музыкальных композиций на терменвоксе (Ф.Н. Копылов), фортепиано (профессор ТТИ Л.Б. Степанов) и др.

Таким образом, клубом научных работников и СНР реализовывалась социально-просветителькая функция, что позволяло, во-первых, обеспечивать обмен знаниями и опытом внутри самого научного сообщества города, между учеными разных специальностей, а во-вторых, проводить мероприятия по ликбезу (столь знакового для 1920-х гг. в СССР) среди городского населения, членов рабочих и профсоюзных организаций.

Своё значение сохраняла досугово-развлекательная составляющая, связанная с организацией отдыха для научных работников города.

При КНР продолжали организовываться вечера самодеятельности, посвященные революционным праздникам, а также литературно-художественные вечера для научных работников и их семей. В программу семейных вечеров входили киносеансы, выступления мужского дубль-квартета при КНР, концерты музыкальных коллективов.

В распоряжении КНР имелась летняя усадьба, где в период отпусков для учёных и их семей устраивались спортивные игры (теннис, стрельба, волейбол) [14].

Помещение клуба учёных, конечно, использовалось и для организационных целей: выборы правления клуба, собрания для организации жилищного союза, общие собрания членов СНР.

Процесс идеологического воспитания также входил в сферу полномочий КНР. При клубе функционировал марксистский кружок научных работников, в рамках которого регулярно читались тематические доклады.

Однако отсутствие обширного здания в пользовании клуба научных работников значительно затрудняло деятельность членов КНР и снижало общий потенциал данной организации как центра притяжения для научного сообщества города.

С момента образования КНР и до 1932 г. со стороны членов СНР неоднократно делались попытки добиться у властных органов выделения собственного здания под Дом учёных. 8 сентября 1927 г. на заседании окрбюро СНР была создана комиссия в составе профессоров В.Д. Кузнецова и Шумилова для «принятия всевозможных мер к организации “Дома учёных”». Для этого решено было просить у окрисполкома дом Тихонова по Тимирязевскому проспекту или бывший дом Богашева на улице Белинского [6. Л. 17]. 16 сентября того же года в кратком очерке в газете «Красное знамя», посвященном мероприятиям в честь 10-й годовщины Великой Октябрьской революции, отмечалось: «Имеющийся сейчас небольшой клуб (всего 2 комнаты) не дает возможности развернуть работу. Научные работники хотят открыть обширный Дом учёных, в котором они смогли бы развернуть большую культурную работу» [15]. Эти планы так и не были реализованы, а разговор о предоставлении здания возобновился спустя полтора года, в январе 1929 г., когда было заявлено о решении выделить для организации Дома учёных бывший дом профессора Н.Н. Топоркова по Тимирязевскому проспекту. В доме хотели организовать зал для заседаний, библиотеку, клуб, читальню, а также, наряду с Домом учёных, разместить Общество сибирских инженеров [16]. Данная инициатива вновь не увенчалась успехом

В декабре 1932 г. Томский горсовет переехал на Ленинский проспект, 40, оставив здание по адресу ул. Советская, д. 1 (после объединения ул. Советской с ул. Спасской адрес здания был изменен на ул. Советская, 45, который оно носит и по сей день) [17]. Это здание представляет собой бывшую резиденцию Томского губернатора, построенную в 1891 г. по проекту архитекторов В.В. Хабарова и П.П. Нарановича в стиле позднего ренессанса. В 1917 г. жители города именовали его Домом свободы. После окончания Гражданской войны в нем размещались президиум Томского губисполкома, окружной исполнительный комитет, а также горсовет. С началом 1933 г. здание бывшего горсовета было передано клубу учёных [18] (это название он сохранял в печати в 1933 г.). Но уже в следующем 1934 г. клуб получает свое современное название – Томский Дом учёных.

Строго говоря, именно с 1933 г. следует начинать историю ТДУ. Однако нельзя не учитывать то, что по функциям, роду деятельности, формам управления, охвату научных сил города клуб учёных в 1926–1932 гг. являлся полноценным Домом учёных как стандартизированной формы организации научного сообщества и аналогичным Домам в Москве, Ленинграде, Казани и др. Как уже было сказано, свой устав Клуб учёных заимствовал у МДУ. Разумнее считать, что период с 1926 по 1932 г. был ранним этапом развития ТДУ. С 1933 г., с приобретением собственного здания, ученым города удалось реализовать давние

планы и, наконец, расширить сферу деятельности, и в полной мере выполнять функции стандартного общесоветского «Положения о Домах учёных» 1931 г.

Согласно этому положению Дом учёных являлся «учреждением, централизующим культурно-политическую и научную работу среди научных работников и их семей» [19. Л. 47]. Причем смысловую нагрузку в равной степени несли обе части определения, как культурная, так и политическая. Дом учёных обязан был заниматься «коммунистическим воспитанием научных работников, повышением уровня марксистко-ленинского образования». Важным направлением являлась «пропаганда лучших образцов педагогической, исследовательской и общественной работы вузов», организация «деловой связи с промышленностью, транспортом, РККА, с[ельским] х[озяйством], школами для популяризации научных знаний в массах и конкретной помощи производствам», поддержание «культработы по вузам», «обслуживание культурными мероприятиями научных работников и их семей» [Там же. Л. 49].

Вполне очевидна и идеологическая составляющая Дома учёных, на которую в первую очередь обращали внимание партийные структуры при оценке его работы.

4 октября 1934 г. в Доме учёных состоялось первое занятие на курсах марксизма-ленинизма [20] (которые, видимо, были преемственны по отношению к марксистскому кружку КНР). В 1935–1936 гг. курсы посещали научные работники почти всех вузов (151 чел.) и втузов (120 чел.) города. Учебный план, за основу которого были взяты программы социально-экономических вузов, включал в себя такие дисциплины, как диалектический и исторический материализм, диалектика природы, политэкономия. Однако по результатам обследования курсов марксизма-ленинизма при ТДУ Томским горкомом ВКП(б) было признано, что первый учебный год фактически был сорван. Сказалось отсутствие методического совета при курсах, бессистемность в содержании программ, неудовлетворительная работа преподавательского состава и др. [21. Л. 7–8]. В январе 1933 г. в здании клуба учёных была вместо читальни открыта библиотека, занимавшаяся выдачей и обменом книг [22].

В апреле 1935 г. Крайисполком и Томский горсовет выделили 40 тыс. руб. на ремонт и переоборудование ТДУ. В оранжерее Ботанического сада ТГУ была приобретена коллекция цветов для украшения интерьеров, с Сибирским физико-техническим институтом был заключен договор на радиофикацию Дома учёных, установление мощной радиолы в центральном зале для обслуживания репродукторов в других кабинетах [23]. В Доме учёных имелся буфет, а в одном из залов позднее была оборудована бильярдная, которые пользовались большой популярностью среди учёных.

Дочь профессора В.М. Кудрявцевой, доцент физического факультета ТГУ Н.В. Кудрявцева, вспоминала о Доме учёных тех лет: «Центром неформальных контактов томской ученой братии, преимущественно мужского пола, был Дом учёных. Притягивала бильярдная и буфетное пиво. Как-то вечерком, возвращаясь уже по темноте из Дома учёных вдоль Герцена, [П.С.] Тартаковский и [М.И.] Усанович отвлеклись от научной беседы, узрев важно выхаживающих перед ними двух котов – большого серого и черного поменьше. Поехидничали насчет возможной учености своих спутников. Пофантазировали – не на чердаке ли Дома учёных имеют места котиные сборища. Дошагали до Черепичной [ныне ул. Кузнецова]. Коты повернули направо, профессора за ними. “Да это же наш Чортик и большанинский Иван Иванович!” Вот так номер! Выходит и впрямь коты повадились вслед за хозяевами в Дом учёных! А вот мамину новую шубу увели из Дома учёных, надо полагать, не коты» [24. С. 124].

Эти воспоминания отчасти указывают на царившую временами атмосферу в Доме учёных. Знаменитые бильярдная и буфет ТДУ неоднократно будут упоминаться в отчетах и статьях как образ отхода членов и правления организации от изначальных идеалов.

Со второй половины 1930-х гг. Дом учёных стал крупнейшим в Томске центром притяжения научных работников и членов их семей.

Ранее, в номере за 12 января 1935 г., в «Красном знамени» был опубликован подробный очерк под названием «Так живет и работает Дом учёных», в котором журналист Я. Егерман описал работу основных кружков при ТДУ. Говоря об учёных, членах физкультурного кружка, организованного профессором В.Ф. Галаховым, он пишет: «С той же методической тщательностью, с какой они читают свои лекции студентам, с тем же настойчивым упорством, с каким они экспериментируют в своих научных лабораториях, пионеры физкультдвижения среди учёных прыгают, бегают, сдают нормы на значки ГТО» [25]. Среди его активных членов были В.Д. Кузнецов, занявший первое место в беге на тысячу метров, член-корреспондент АН СССР, профессор-геолог М.А. Усов.

Театральными постановками (спектакли, сценические миниатюры) при Доме учёных занимались члены драматического кружка. Музыкальный кружок под руководством доцента А.М. Хлопкова не только организовывал лекции уже упомянутого профессора И.И. Котюкова на музыкальные тематики, но и участвовали в оперных постановках при Доме учёных («Русалка» А.С. Даргомыжского, «Евгений Онегин» П.И. Чайковского, «Борис Годунов» М.П. Мусоргского), давал концерты в Доме Красной армии, в клубе им. И.В. Сталина, на ст. Томск-2 для рабочей общественности, обеспечивал музыкальное сопровождение различных мероприятий.

При Доме учёных проводились так называемые политвечера, посвященные историческим лицам и событиям: памяти В.И. Ленина, Парижской коммуне, Дню Красной армии, годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции и др. [Там же]. Одним из важных направлений в деятельности ТДУ стало и участие в политических кампаниях [26. Л. 1].

Крупные ученые города продолжали выступать с публичными лекциями в переполненных аудиториях. Для того чтобы послушать выступления профессоров М.А. Усова («О внутреннем движении земли») и

С.В. Мясоедова («О проблеме смерти и бессмертия в биологии») люди стояли в фойе, коридорах и даже улице перед Домом учёных. С публичными лекциями также выступали профессора А.Г. Савиных, В.Д. Кузнецов, Г.В. Трапезников, П.С. Таратаковский, В.Н. Кессених и др. Расширилась практика чтения лекций для организаций города (фабрики, заводы, части Красной армии), выпускались радиолекции [25].

Усилились связи ТДУ с промышленностью и сельским хозяйством края. Всего за 1934 г. в разные районы Кузбасса были высланы 8 бригад от ТДУ, выпущено 12 популярных брошюр, связанных с посевной кампанией [25].

Так, в ноябре 1935 г. научные работники Томска отправились в г. Кемерово для того, чтобы принять участие в торжествах, посвященных 18-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а также с целью укрепления «тесной связи для успешного проведения колоссальной стройки в Кемерово». Делегация Томского Дома учёных в составе 18 научных сотрудников ТИИ (И.Ф. Пономарев – руководитель, И.В. Геблер, Г.В. Хонин, А.Н. Добровидов и др.) посетила коксовый завод, Азотстрой, углеперегонный завод, Кемеровскую ГРЭС. 7 ноября в Деловом клубе член делегации И.А. Соколов прочел лекцию на тему «В недрах атома», которая вызвала большой интерес у инженерно-технического персонала Кемеровских заводов. По результатам поездки было принято решение составить план «поездок в Кемерово научных работников для прочтения там отдельных лекций и даже курсов» [27].

Установление связей с промышленными предприятиями г. Кемерово значительно расширило сферу деятельности ТДУ, который, объединяя усилия крупнейшего научно-исследовательского комплекса Сибири, способствовал решению важнейшей государственной задачи индустриализации – проблемы «Урал – Кузбасс» и созданию мощной сырьевой базы на востоке СССР.

В том же месяце в ходе расширенного заседания, посвященного очередной годовщине революции, правление Дома учёных приняло решение шефствовать над Красной армией и с этой целью «проводить в частях Красной армии научные лекции для поднятия общего культурного уровня бойцов», «специальные лекции для отдельных частей, экскурсии с показом лабораторий», «заняться проработкой ряда научно-исследовательских вопросов по заданиям Красной Армии». В тот же день при ТДУ был создан сектор обороны, в состав которого включили начальника и комиссара дивизии [28].

При Томском Доме учёных по-прежнему устраивались семейные вечера, давались концерты. На время отпусков правление приобретало путевки для научных работников. Так, в 1936 г. для отдыха на центральных и сибирских курортах ученым Томска было предоставлено 20 путевок. Это позволило старейшему томскому профессору, заслуженному деятелю науки и техники РСФСР Н.И. Карташову, перенесшего тяжелую болезнь, отправиться в Государственный институт физических методов лечения им. Сеченова в г. Севастополе, а после этого и за границу. Благодаря ТДУ отдых в разных районах СССР в тот год был обеспечен для профессоров Ф.Э. Молина, М.К. Коровина, М.А. Усова, А.П. Азбукина и др. [29].

Однако с 1937 г. работа ТДУ снова стала подвергаться критике в местной прессе. На этот раз акцент делался на дисбалансе в соотношении досуговой и профессиональной форм деятельности клуба.

11 мая 1937 г. в «Красном знамени» была перепечатана из «Советской Сибири» статья А. Петрова «Порочный стиль Томского горкома». Критикуя последний, автор писал: «В Томске есть Дом учёных. В протоколах партийных организаций можно найти много хороших постановлений о необходимости улучшения работы этого учреждения. А воз, как говорят, и ныне там. Беда заключается в том, что сами руководители Дома учёных не знают, чем следует заниматься, как поставить работу. Многие ученые доказывают, что Дом учёных, главным образом, должен организовывать досуг научного работника… В томском горкоме знают, что среди некоторой группы молодых учёных имеются факты бытовой распущенности» [30].

Реплика журналиста получила свое развернутое продолжение в сентябре того же года, когда на страницах газеты «Красное знамя» появилась статья Ю. Лагина, посвященная Дому учёных. «Зайдите в Дом учёных вечером. Зеленой скукой веет от этого учреждения» – такими словами автор описывает свои впечатления о «вечернем Доме учёных», а само состояние клуба (в употреблении временами все еще встречалось старое название организации) называет «безобразным» [31].

Но гораздо более угрожающими оказались обвинения в адрес директоров ТДУ, бывшего и действующего, соответственно Н.Д. Чеснокова и В.С. Колосунина, а также заведующего «финансовым хозяйством» организации научного работника ТМИ Сереброва. Их он обвинял в неправомерных тратах, «развале работы самодеятельных кружков», пренебрежении должностными полномочиями. «Дом учёных, – резюмирует автор, – не оправдывает своего высокого назначения» [Там же].

Спустя месяц критику в газете продолжил С. Ходор: «Статья о Доме учёных, опубликованная в газете “Красное знамя”, громко прозвучала в это затхлой атмосфере. Правление засуетилось, люди начали поговаривать о перестройке работы, сделали робкую попытку провести собрание научных работников. Но должно было явиться более 400 человек, а пришло только 60. Положение не изменилось» [32].

Далее журналист нарисовал довольно мрачную картину, наблюдаемую им во время посещения Дома учёных: это щелкающие в «пустоте и полумраке» бильярдные шары, несколько человек, «поочередно склоняющихся» над столом, обтянутым зеленым сукном, заведующая библиотеки, одиноко перебирающая книги в «темном и пустом» помещении, «грязь, беспорядок», а также вечера, «сопровождающиеся дебоширством, руганью, пьянством» [Там же].

Статьи с подобными нападками на работу появлялись в газете в 1938 г. [33], 1939 г. [34] и в 1940 г. (на этот раз по поводу столовой Дома учёных) [35].

Сегодня трудно судить о том, насколько объективны выдвинутые в прессе претензии, однако стоит отметить, что и в официальных документах имели место критические оценки деятельности Дома учёных.

Так, в отчете комиссии, организованной отделом агитации и пропаганды Томского горкома ВКП (б) для проверки работы Дома учёных в 1940 г., которую возглавил профессор Томского медицинского института К.Н. Черепнин, отмечалось: «Несмотря на проделанную работу, нужно сказать, что работа Дома учёных, в общем, не отвечает поставленным перед ним задачам. Дом учёных не привлек к работе массы научных работников, многие кружки, имеющие политическое значение, военно-оборонное, физкультурное, лекционное, – не работали. Дом учёных мало откликается на общественно-политические кампании. Отмечается слабое культурное обслуживание научных работников» [Там же].

Причины этого комиссия усмотрела в «слабой и неустойчивой материальной базе Дома учёных», в «отсутствии ответственности некоторых членов» организации, а также в «пренебрежительном отношении городских организаций к Дому учёных», «отсутствии систематической поддержки среди руководства вузов» [Там же. Л. 6 об.].

С целью устранения недостатков в работе ТДУ предлагалось пополнить руководство Дома учёных активными членами, урегулировать бюджет организации, улучшить работу столовой и буфета, закрепить киноаппарат за Домом учёных [Там же. Л. 6 об. – 7 об.].

В целом необходимо отметить, что, несмотря на критику и выявленные недостатки в работе, к концу 1930-х гг. Томский Дом учёных оставался единственной в Сибири организацией подобного рода с более чем десятилетним опытом организационной, просветительской, культурно-массовой и научной деятельности, с уже сложившимися традициями. К тому времени в его составе было 432 научно-педагогических работников из всех вузов г. Томска. Правление ТДУ, состоявшее из 13 человек (в 1940 г. его возглавлял А.Д. Белоусов), занималось организацией научных конференций, посвященных М.В. Ломоносову, Ч. Дарвину, а также конференции по изучению производительных сил Сибири, городского собрания научных работников в 1939 г. и др. Дому учёных принадлежала инициатива учреждения в Томске вечернего университета марксизма-ленинизма [Там же. Л. 6]. Обширная культурно-массовая работа с научными работниками и населением в целом велась 6 секторами правления ТДУ: политмассовым, военно-оборонным, физкультурным, лекционным, художественной самодеятельности и детским [Там же. Л. 1 об.].

Члены ТДУ живо откликались на все события, происходившие в стране и городе, триумфального и трагического характера, в определенные моменты объединяя научное сообщество города, как это произошло, например, в июле 1939 г., когда в Доме учёных состоялось траурное собрание, связанное с преждевременной кончиной его активного деятеля, томского ученого, академика М.А. Усова [36].

В 1940 г. при Доме учёных продолжалась осуществляться организационная работа по помощи Кузбассу, начатая еще в середине 1930-х гг. Она связана была с консультированием, экспертизами, сбором, исследовательских материалов, выездом межвузовских бригад на предприятия, проведением совещаний и конференций [26. Л. 2]. Для помощи промышленным и хозяйственным организациям Сибири в первой половине марта 1940 г. городским бюро секции научных работников (после ликвидации СНР оно влилось в состав ТДУ) Дома учёных было решено создать консультационное бюро, в задачу которого входила «дача бесплатных устных и письменных консультаций по разным отраслям народного хозяйства и по отдельным теоретическим вопросам» для предприятий, колхозов, промартелей, стахановцев, краеведов Новосибирской области (куда входил тогда и Томск) и Алтайского края. При консультационном бюро были организованы горно-геологическая, биологическая и сельского хозяйства, энергетическая, химико-технологическая, физико-техническая и механическая секции. В нее вошли крупнейшие представители научного сообщества г. Томска, представители всех вузов города [37]. Руководил бюро доцент ТИИ А.И. Белецкий [38].

В течение первого месяца работы в бюро поступило 35 запросов из Томска, Сталинска, Кемерово, Анжерки, Новосибирска, обращения дипломников томских вузов «с целью наиболее углубленной проработки своих дипломных проектов». Профессор ТГУ И.К. Баженов в связи с этим писал: «Поступившие запросы, их содержание, актуальность подчеркивают настоятельную необходимость более широкого развертывания работы консультационного бюро» [Там же].

Кратко остановимся на вопросе финансирования работы Дома учёных. Его доходная часть складывалась из отчислений месткомов вузов и обкомов союза, за счет членских взносов и выручки от собственной деятельности (буфет, столовая, бильярдная) [9; 26. Л. 2 об.]. В распоряжении Дома учёных имелось несколько деревянных жилых домов. Однако вузы не всегда добросовестно относились к финансовым обязательствам перед Домом учёных. Например, за 1940 г. бюджет Дома учёных по плану должен был составлять 75 300 руб. и складываться из отчислений вузов города. Однако фактически от вузов в тот год поступило всего 26 800 руб. Нерегулярно производились и членские взносы – в 1940 г. из 96 новых членов взносы внесли только 62 человека. При этом значительный доход приносила бильярдная, выручка от которой в 1940 г. составила 6 885 руб. [26. Л. 8–9].

С началом Великой Отечественной войны деятельность Томского Дома учёных фактически была свернута и возродилась лишь в 1944 г. Однако опыт научного сообщества г. Томска в 1920–1930-е гг., проявившийся в создании и деятельности Дома учёных, консультационного бюро при нём, оказался бесценным в период войны, когда по инициативе учёных был организован Томский комитет учёных. Последний объединил на основе общенациональной патриотической идеи учёных города в единое научное сообщество и на протяжении 1941–1945 гг., по сути, координировал деятельность учёных всех томских и эвакуированных вузов.

Таким образом, история Томского Дома учёных в 1926–1941 гг. представляет собой опыт, прежде всего, культурной и гражданской самоорганизации научного сообщества. Его широкая сфера деятельности (просветительская, развлекательная, политическая) охватывала все вузы города, а чрезмерная самостоятельность временами провоцировала оппозицию городских и партийных органов. Если в годы нэпа клуб учёных СНР был по большей части чисто культурным явлением города, то в эпоху индустриализации Дом учёных г. Томска стал базой для поддержки развивающейся промышленности всего региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-405. Оп. 1. Д. 50.
2. Первый в России Дом учёных / А.Д. Наздрачев, В.А. Петрицкий // Вестник Российской академии наук. 1995. Т. 65, № 10. С. 922–930.
3. Историческая справка // Российская академия наук. Центральный Дом учёных. URL: http://www.cdu-art.ru/dom_ist.shtml (дата обращения: 2.04.2016).
4. Из истории земли Томской: Народ и власть. 1925–1929 / В.И. Марков, Б.П. Тренин. Томск, 2000. 384 с.
5. Красное знамя. Орган Томского горкома ВКП (б) и городского Совета депутатов трудящихся. Томск. 1927. 1 янв.
6. ГАТО. Ф. 405. Оп. 1. Д. 435.
7. Красное знамя. 1927. 1 марта.
8. Красное знамя. 1929. 24 февр.
9. Красное знамя. 1929. 11 марта.
10. Красное знамя. 1929. 24 марта.
11. Красное знамя. 1929. 31 марта.
12. Красное знамя. 1929. 1 мая.
13. Красное знамя. 1928. 8 мая.
14. Красное знамя. 1929. 14 июля.
15. Красное знамя. 1927. 16 сент.
16. Красное знамя. 1929. 9 янв.
17. Красное знамя 1931. 15 дек.
18. Красное знамя. 1933. 5 янв.
19. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 80. Оп. 1. Д. 936.
20. Красное знамя. 1934. 3 окт.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 607.
22. Красное знамя. 1933. 9 янв.
23. Красное знамя. 1935. 9 апр.
24. Физики о физике и физиках : сб. ст. / под ред. И.Н. Анохиной. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. 220 с.
25. Красное знамя. 1935. 12 янв.
26. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 982.
27. Красное знамя. 1935. 21 нояб.
28. Красное знамя. 1935. 16 нояб.
29. Красное знамя. 1936. 8 июля.
30. Красное знамя. 1937. 11 мая.
31. Красное знамя. 1937. 30 сент.
32. Красное знамя. 1937. 18 окт.
33. Красное знамя. 1938. 18 дек.
34. Красное знамя. 1939 . 11 июля.
35. Красное знамя. 1940. 28 дек.
36. Красное знамя. 1939 . 28 июля.
37. Красное знамя. 1940. 14 марта.
38. Красное знамя. 1940. 24 апр.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 апреля 2016 г.

THE HOUSE OF SCIENTISTS IN THE LIFE OF THE ACADEMIC COMMUNITY OF TOMSK (1926–1941)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 153–161.
DOI: 10.17223/15617793/408/23

Fominykh Sergey F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru
Stepnov Aleksey O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru
Litvinov Alexander V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: litvinov1977@tambo.ru

Keywords: House of scientists; Tomsk; universities; scientific society; culture.

On the basis of archival documents, periodicals and memories the history of the Tomsk Scientist Club (The House of Scientists since 1934) in the second half of the 1920s – the beginning of the 1940s is described, its scientific, consulting and popularization functions, cultural and educational forms of activity, as well as leisure and entertainment of scientific workers are analyzed. The circumstances of the organization of the Scientist Club under the Section of Scientific Workers of the District Union of Educators are considered. It is noted that the Tomsk Scientist Club was one of the first in the country, along with such kind of institutions of scientific intellectuals in St. Petersburg (Leningrad), Moscow, Kazan and other Russian scientific centers. At first, its activities were mainly cultural and entertaining in the form of family relaxing evenings with satirical interludes (“Kangaroo”), prompting criticism from the local authorities and accusation in political apathy and “inner emigration”. At the same time scientific popularization work in the form of organization of lectures and presentations was conducted. In early 1933, the Club had its own building (Tomsk Governor’s house before 1917), formerly occupied by the City Council, and it received its present name – the House of Scientists. All this helped to strengthen its financial base and expand areas of activities. The House of Scientists was headed by a board elected at the meetings of members, whose number exceeded 400 people. The House of Scientists had 7 sections and several clubs, including children ones. Along with the organization of public lectures, film shows, radio lectures, concerts, literary evenings, the Tomsk House of Scientists

established business contacts with the industrial enterprises of the West Siberian region, primarily Kuzbass, in 1935. In 1940, a consulting bureau which was engaged in oral and written consulting of industrial enterprises of the region, as well as of graduate students and researchers was organized at the House of Scientists. The budget of the House of Scientists consisted of funds for its maintenance allocated by universities, trade unions and also of membership fees and its own income. However, the work of the House of Scientists was often criticized by the municipal party bodies and the media. The conclusion is that the House of Scientists played an important role in the life of the academic community of Tomsk. The article stresses that the experience of the consulting bureau at the House of Scientists was used in the organization of the Tomsk Committee at the beginning of the Great Patriotic War of 1941–1945.

REFERENCES

1. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-405. List 1. File 50. (In Russian).
2. Nazdrachev, A.D. & Petritskiy, V.A. (1995) Pervyy v Rossii Dom uchenykh [Russia's first House of Scientists]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 65:10. pp. 922–930.
3. Russian Academy of Sciences. Central House of Scientists. (n.d.) *Istoricheskaya spravka* [Background]. [Online] Available from: http://www.cdu-art.ru/dom_ist.shtml. (Accessed: 2nd April 2016).
4. Markov, V.I. & Trenin, B.P. (2000) *Iz istorii zemli Tomskoy: Narod i vlast'. 1925–1929* [From the history of the land of Tomsk: People and Power. 1925–1929]. Tomsk.
5. Krasnoe znamya. (1927) *Krasnoe znamya. Organ Tomskogo gorkoma VKP (b) i gorodskogo Soveta deputatov trudyashchikhsya* [Krasnoe znamya. The body of the Tomsk city committee of the CPSU (b) and the City Council of People's Deputies]. Tomsk. 1 January.
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 405. List 1. File 435. (In Russian).
7. *Krasnoe znamya*. (1927) 1 March.
8. *Krasnoe znamya*. (1929) 24 February.
9. *Krasnoe znamya*. (1929) 11 March.
10. *Krasnoe znamya*. (1929) 24 March.
11. *Krasnoe znamya*. (1929) 31 March.
12. *Krasnoe znamya*. (1929) 1 May.
13. *Krasnoe znamya*. (1928) 8 May.
14. *Krasnoe znamya*. (1929) 14 July.
15. *Krasnoe znamya*. (1927) 16 September.
16. *Krasnoe znamya*. (1929) 9 January.
17. *Krasnoe znamya*. (1931) 15 December.
18. *Krasnoe znamya*. (1933) 5 January.
19. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 1. File 936. (In Russian).
20. *Krasnoe znamya*. (1934) 3 October.
21. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 1. File 607. (In Russian).
22. *Krasnoe znamya*. (1933) 9 January.
23. *Krasnoe znamya*. (1935) 9 April.
24. Anokhina, I.N. (ed.) (1998) *Fiziki o fizike i fizikakh* [Physicists of physics and physicists]. Tomsk: Izd-vo NTL.
25. *Krasnoe znamya*. (1935) 12 January.
26. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 1. File 982. (In Russian).
27. *Krasnoe znamya*. (1935) 21 November.
28. *Krasnoe znamya*. (1935) 16 November.
29. *Krasnoe znamya*. (1936) 8 July.
30. *Krasnoe znamya*. (1937) 11 May.
31. *Krasnoe znamya*. (1937) 30 September.
32. *Krasnoe znamya*. (1937) 18 October.
33. *Krasnoe znamya*. (1938) 18 December.
34. *Krasnoe znamya*. (1939) 11 July.
35. *Krasnoe znamya*. (1940) 28 December.
36. *Krasnoe znamya*. (1939) 28 July.
37. *Krasnoe znamya*. (1940) 14 March.
38. *Krasnoe znamya*. (1940) 24 April.

Received: 13 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 162–167. DOI: 10.17223/15617793/408/24

УДК 94(410).086

Е.В. Хахалкина

ВЫБИРАЯ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРМИЕЙ И НАТО: ИНИЦИАТИВЫ БРИТАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В СФЕРЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В 1952–1954 гг.

Показана эволюция подходов правительства У. Черчилля в отношении подписанного в 1952 г. Договора о Европейской армии. Автор анализирует британские инициативы для содействия ратификации этого договора, акцентируя внимание на развернувшихся внутри кабинета дискуссиях между премьер-министром У. Черчиллем и главой Форин-офис А. Иденом. Сделаны выводы о том, что при всем сложном отношении Лондона к наднациональной модели интеграции в целом и ее военно-политическому аспекту, британское правительство все же было заинтересовано в ратификации договора Европейского оборонительного сообщества.

Ключевые слова: Великобритания; Европейское оборонительное сообщество; Европейская армия; У. Черчилль; А. Иден; Ж. Монне; наднациональная интеграция.

В 1951 г. к власти в Великобритании вернулся У. Черчилль. Одним из важных вопросов внешнеполитических вопросов для его кабинета стала выработка курса в отношении военно-политической интеграции в Европе. Учитывая продолжающиеся попытки пересмотра современной системы безопасности в Европе, в том числе посредством укрепления оборонной системы Европейского союза и создания Европейской армии, обращение к первой попытке ее создания представляется актуальным и важным для понимания истоков нынешних противоречий в военной сфере ЕС.

Новую страницу в области европейской интеграции, как известно, открыли французские наднациональные инициативы. В 1950 г. Франция предложила два проекта – создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) и Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), или Европейской армии. Переговоры шести стран – Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Люксембурга и Нидерландов – в 1951 г. завершились подписанием договора о создании ЕОУС. Переговоры по другому проекту – «плану Плевена» – продолжили те же государства.

Великобритания, выразив публичную поддержку французским проектам, отказалась принимать в них полноценное участие. Среди причин, как известно, факторы психологического, экономического и политического порядка. Британия как островное государство, не пережившее в годы Второй мировой войны опыт оккупации, с неприятием и скепсисом относилась к самому принципу наднациональности. С экономической точки зрения страна была не заинтересована в передаче суверенитета над соответствующими отраслями британской промышленности. С политической точки зрения Лондон поддержал оба проекта, направленных на решение германского вопроса и преодоления франко-германской вражды, но не считал для себя возможным брать дополнительные обязательства на континенте.

Последовательный отказ британских правительств от участия в ЕОУС и ЕОС на определенном этапе привел к закреплению в западной историографии [1, 2] точки зрения о том, что в Лондоне отвергали возможность не только полноценного, но и частичного участия в создаваемых структурах. Британские инициативы начала 1950-х гг., призванные способствовать ратификации договора ЕОС в Париже и предполагающие дополнительные обязательства в обороне континента, долгое время оставались засекреченными, и только начатое по истечении срока давности открытие ряда документов позволило историкам начать более тщательное изучение британской политики по вопросам участия в наднациональном формате интеграции. Поэтому пристальное внимание к этим сюжетам исследователи стали проявлять в 1990-е и особенно в 2000-е гг., когда появились качественно новые работы [3–5]. Отечественные же историки только в постсоветский период стали работать со ставшими доступными документами и уделять большее внимание деятельности послевоенных британских кабинетов [6–8].

Как известно, переговоры по созданию Европейской армии проходили сложно. В конце декабря 1951 г. шесть стран – участников будущего оборонительного сообщества встретились в Париже для обсуждения спорных вопросов. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден предполагал, что существующие трудности будут преодолены, и при таком развитии событий Британии следует определиться с конкретной формой своей ассоциации с ЕОС.

17–18 декабря 1951 г. в Париже прошли консультации главы Форин-офис с членами французского правительства по вопросам участия Британии в Европейской армии. По итогам встречи было издано коммюнике, в котором провозглашалось, что «правительство Его Величества ассоциируется настолько тесно, насколько возможно, с Европейским оборонительным сообществом на всех стадиях его политического и военного развития» [9. P. 1].

При этом создание Европейской армии в Лондоне считали несвоевременной затеей, хотя понимали опасения Франции по поводу воссоздания германской национальной армии в случае ее включения в НАТО. 29 декабря 1951 г. министр иностранных дел Великобритании подготовил меморандум об ассоциации Соединенного Королевства и ЕОС, в котором намечалось, что взаимодействие с оборонительным сообществом будет строиться на «приемлемой основе» и путем постоянных консультаций. Британия выражала готовность поддерживать свои вооруженные силы на континенте столько, сколько «потребуется в рамках

ЕОС и для соблюдения своих особых обязательств в Германии» [9. P. 2].

В феврале 1952 г. меморандум Идена стал предметом обсуждений в кабинете министров. Примечательно, что если вопрос о том, будет ли ратифицирован договор ЕОУС, вызывал сомнения у британских политиков, то в отношении ЕОС такие сомнения отсутствовали, и глава Форин-офис выражал уверенность, что ратификация договора завершится в течение года [10. P. 96].

Между тем одним из спорных вопросов в связи с учреждением Европейской армии было согласование полномочий НАТО и ЕОС. Иден считал возможным предложить посреднические услуги странам Шестерки для разрешения этой дилеммы и организовать встречу семи стран. К другим вопросам относилась подготовка Декларации поддержки ЕОС со стороны правительств Великобритании и США, на чем стала настаивать французская сторона.

Британские чиновники подготовили проект такой декларации, имевший целью поддержать создание Европейской армии и убедить Париж в реальной, а не мнимой заинтересованности Лондона в успехе французского проекта [Ibid. P. 90]. Сложившийся образ Британии, традиционно дистанцирующейся от полноценного участия в делах на континенте, на этот раз сработал против нее: убедить европейских коллег и США в желании Лондона поддержать французский проект было непросто.

Правительство Черчилля не отвергало полностью участие в интеграционных группировках, стремясь учесть любое развитие событий на континенте. После встречи трех министров иностранных дел 17–19 февраля 1952 г. Форин-офис начал подготовку проекта Трёхстороннего соглашения о военных гарантиях ЕОС для согласования с правительствами Франции и США.

К концу марта А. Иден подготовил такой проект о британских военных гарантиях. Ключевая идея плана состояла в том, чтобы Соединенное Королевство и США показали заинтересованность в оформлении Европейской армии посредством предоставления обязательств по сохранению военных сил в Европе и защиты ЕОС со стороны НАТО в случае военной угрозы странам-участникам сообщества. А. Иден, согласовавший накануне на встрече в Лиссабоне с французским премьер-министром Р. Шуманом проект Соглашения о британских военных гарантиях ЕОС, отметил, что находится под сильным давлением Франции. Париж настаивал на вхождении Британии в состав оборонительного сообщества. А. Иден рассматривал такой вариант участия Лондона в проекте как неприемлемый, в то же время считая важным как можно скорее заверить европейских соседей в своей поддержке в условиях падения интереса в некоторых странах к подписанному договору. Процесс ратификации уже состоялся в странах Бенилюкса, но затянулся в ФРГ и Италии.

Важным пунктом переговоров между Британией и Францией по ЕОС был поднятый французской стороной вопрос о совмещении сроков действия ЕОС и НАТО. Вопрос имел большую значимость. Как отмечал А. Иден, «Брюссельский пакт и договор ЕОС подписаны на 50 лет, в то время как Североатлантический договор мог быть денонсирован через 20 лет после создания, то есть в 1969 г.». При таком развитии событий, которое в Лондоне не исключали в связи с «изоляционистским мышлением» американской администрации, на Британию лег бы груз значительных военных обязательств в отношении Европы без всякой поддержки США [11. P. 3].

С этой точки зрения Лондон был заинтересован в реализации французской инициативы по продлению срока действия НАТО и максимальном участии Вашингтона в европейской интеграции.

26 мая 1952 г. был подписан Договор об отношениях между Тремя державами и Федеративной Республикой Германия (Боннский договор), по которому с Западной Германии снимался оккупационный статус и она восстанавливала государственный суверенитет во внутренних и внешних делах. Боннский договор был связан с Парижским договором о создании ЕОС и вступал в силу только в случае вступления в силу последнего.

На следующий день 27 мая 1952 г. в Париже страны Шестерки подписали Договор о создании ЕОС. Согласно ст. 38 в течение шести месяцев после вступления в силу договора государства-участники должны были разработать контуры Европейской политической власти (European Political Authority) федеративного или конфедеративного типа для управления ЕОС [12. P. 178]. В процессе разработки эта структура получила название Европейского политического сообщества (ЕПС), создание которого было, таким образом, увязано с созданием Европейской армии.

Британское правительство продолжало внимательно отслеживать процесс ратификации Договора о ЕОС в национальных парламентах стран-участниц. В декабре 1952 г. министр иностранных дел докладывал, что в конце месяца нижняя палата ФРГ бундестаг должна одобрить договор и он перейдет на рассмотрение верхней палаты. Перспективы же ратификации во Франции оценивались как неопределенные в связи «со слабостью правительства К. Пино и опасением, что продолжающаяся война в Индокитае окажет негативное влияние на силу французских и германских элементов Европейской армии». У. Черчилль отмечал, что «его не сильно расстроит провал ЕОС», и подверг сомнению саму идею создания Европейской армии. По его мнению, вряд ли солдат такой интернациональной армии будет сражаться за «международный институт с таким же пылом, как за свой дом и за свою страну» [13. P. 133–134].

В Форин-офис считали, что в действительности именно ЕОС представляет собой «самый легкий и приемлемый способ обеспечить вклад Западной Германии в оборону Запада», и именно по этой причине Великобритания поддерживала проект с самого начала. Однако непосредственно британский вклад в оборону Европы мыслился только на основе НАТО, более того, «правительство должно было воздерживаться от любого действия, которое могло ослабить интерес США к НАТО» [14. P. 2].

Тревогу А. Идена вызывало намерение французских парламентариев внести поправки в текст уже подписанного документа. По мнению министра иностранных дел, внесение изменений, во-первых, затормозит или вовсе приведет к провалу ратификации и, во-вторых, может потребовать внесения поправок и в Боннские соглашения. Такой вариант развития событий в Форин-офис рассматривали как нежелательный. Дополнительным препятствием на пути ратификации была идея учреждения ЕПС, увязанная с договором ЕОС. Идеолог европейского федералистского движения Ж. Монне видел ЕПС как некую политическую конструкцию, которая «по своей сути предполагала политическую ответственность, разработку конституции и одновременно начало комплексного процесса федерализации». 10 марта текст о ЕПС был предан шести правительствам на рассмотрение [15. С. 485–486].

В Лондоне создавалось стойкое впечатление, что Париж намеренно задерживает ратификацию под разными предлогами. Для французских парламентариев вопрос о создании Европейской армии в процессе обсуждения трансформировался в вопрос о том, не превзойдут ли французских солдат по численности германские части в составе ЕОС [16. P. 103].

В политических кругах Франции также набирала силу идея о пересмотре договора ЕОС таким образом, чтобы обеспечить полноценное участие Соединенного Королевства в сообществе. Британия считала эту идею оторванной от реальности и совершенно неприемлемой с точки зрения национальных интересов. В то же время в британском МИДе понимали, что альтернативный проект – включение ФРГ в НАТО в случае провала ЕОС – кроме положительных имеет негативные черты. Среди них неуверенность в стабильности и сознательности политической элиты ФРГ, получающей возможность перевооружения, непредсказуемая реакция советского руководства и претензии Западной Германии на бывшие германские территории за линией Одер-Нейсе. Реализовать последние, подчеркивал Иден, может оказаться легче именно в рамках НАТО, чем ЕОС, и главное – Британия рассматривала ЕОС и другие организации Шестерки как «лучшее средство прекращения франко-германской вражды». Последний фактор имел прямую отсылку к Цюрихской речи У. Черчилля 1946 г. и играл важную роль в отношении самого премьер-министра к континентальной интеграции. Вступление же Западной Германии в НАТО, считал министр иностранных дел, вряд ли будет способствовать нормализации франко-германских отношений и, возможно, даже произведёт обратный эффект [14. P. 5–7].

Эти размышления были уравновешены соображениями другого порядка, на которые в Форин-офис считали необходимым обратить внимание Парижа в случае провала договора Европейской армии. Так, вступление ФРГ в НАТО позволило бы Франции сохранить свою национальную армию и избежать доминирования Западной Германии в более широком, чем ЕОС, военно-политическом блоке, что соответствовало французским интересам.

9 февраля 1953 г. У. Черчилль отправил письмо президенту Д. Эйзенхауэру, в котором отмечал, что Британия надеется на ратификацию договора ЕОС во Франции и ФРГ и имеет некоторые идеи по более тесному сотрудничеству с континентом в политической сфере [17. P. 22–23]. В тот же день А. Иден на заседании кабинета озвучил эти соображения премьер-министра. В связи с тем что французы по-прежнему настаивали на сохранении британских войск на континенте в прежнем численном составе, глава Форин-офис подтвердил данное в рамках НАТО обязательство Лондона не выводить вооруженные силы без предварительной консультации с другими участниками пакта. Аналогичные гарантии А. Иден был готов предоставить Парижу, «если это поможет Франции ратифицировать договор», и выступить с предложением к другим странам НАТО увеличить срок действия договора на 30 лет с тем, чтобы совместить период действия пакта с Договором о создании ЕОС, на чем также настаивала французская сторона [18. P. 102]. Члены кабинета поддержали эти инициативы [19. P. 108].

Ж. Монне впоследствии вспоминал, что в январе 1953 г. договор был передан на рассмотрение Национального собрания, но ратификация была отложена: сторонники и инициаторы договора Европейской армии Р. Плевен, Р. Шуман и другие политики медлили, в то время как противники ЕОС получили большинство в парламенте и вошли в правительство [15. С. 488].

В Лондоне уже начали ощущать усталость от неопределенности договора ЕОС. Члены кабинета считали, что Британия уже дала максимально возможные гарантии своего участия в сообществе и что Лондон не должен идти на дальнейшие уступки Парижу. Тем более, как указывал Иден, большое значение для ратификации договора во Франции должна была иметь окончательная ратификация в Бонне. В декабре 1952 г. проект прошел одобрение нижней палаты – Бундестага, обсуждение во второй палате – Бундесрате – должно было состояться после Пасхи. В Британии не сомневались, что ратификация договора в ФРГ состоится [20. P. 168]. 19 марта Бундесрат действительно ратифицировал договор.

Однако ратификация в Бонне почти не сказалась на ратификации договора во Франции. Серьёзная оппозиция договору в парламенте сохранялась.

Смерть И. Сталина 5 марта 1953 г. внесла существенные коррективы в международную обстановку в Европе, сначала вызвав сумятицу в зависимых от СССР странах и на Западе, сменившуюся надеждами на ослабление градуса конфронтации.

Однако дипломатическая переписка и обмен мнениями, последовавшие после смены руководства в СССР, показывали, что в реальности стороны не спешили с урегулированием спорных вопросов. В новом советском руководстве сначала наблюдалось стремление к разрешению германского вопроса путем проведения общегерманских выборов и объединения Германии, но довольно скоро такие идеи, высказанные министром иностранных дел В.М. Молотовым, были оставлены [21. С. 163–164]. Советские лидеры продолжили исходить из прежних негативных уста-

новок в оценке НАТО, ЕОС и Боннских соглашений. Особое неприятие у советского руководства вызывал процесс создания Европейской армии в связи с тем, что ратификация договора должна была привести к вступлению в силу Боннского договора и военному усилению ФРГ [22. С. 461–462].

В начале марта 1954 г. президент США отправил в Лондон телеграмму, раскрывающую позицию США в отношении ЕОС. Приняв во внимание изложенные американской администрацией аргументы, министр иностранных дел А. Иден считал необходимым предпринять следующие шаги. Во-первых, британское правительство должно было «выразить готовность поддерживать в ближайшие несколько лет свою прежнюю боеспособность на континенте и дать гарантии, что не будем выводить свои силы, пока существует угроза безопасности Западной Европе и ЕОС». Во-вторых, следовало заверить французское правительство, что Британия готова отдать одну вооруженную дивизию под командование Верховного командующего ЕОС на неопределенное время. Второе предложение в военном отношении рассматривалось в Форин-офис как «неудобное», но решающее в процессе ратификации договора ЕОС.

В ходе обсуждения в кабинете этих инициатив было принято решение, что Лондон должен заверить французское правительство в поддержании прежнего уровня британских сил «в течение ближайших нескольких лет», но не давать никаких обязательств по численности вооруженных сил. Особенно удачной британским чиновникам казалась формулировка «ближайшее несколько лет» из-за своего широкого толкования. Канцлер казначейства Р. Батлер обратил внимание на то, что как только ЕОС вступит в силу, ФРГ будет нести ответственность за свой оборонный бюджет и Британия должна будет поддерживать силы на континенте за собственный счет. Эти расходы оценивались в 80 млн ф.ст., и чтобы их выполнять, следовало найти возможность экономии в других статьях оборонного бюджета [23. P. 133–134].

В конце июля А. Иден информировал кабинет, что французское правительство выразило готовность обсудить с Лондоном другие формы германского перевооружения, если Национальная ассамблея не одобрит договор [24. P. 3]. Уже на тот момент времени судьба ЕОС стала ясна.

27 августа А. Иден докладывал членам кабинета, что в ближайшие дни Национальная ассамблея Франции, скорее всего, отвергнет договор ЕОС. При этом никаких публичных заявлений об альтернативном плане ремилитаризации ФРГ Париж не сделал и делать, очевидно, не планировал. В Лондоне считали, что единственной реальной альтернативой оставалось вхождение Боннской республики в НАТО. В этой связи министр иностранных дел предлагал сразу же после провала проекта связаться с администрацией США и начать процесс включения ФРГ в Североатлантический альянс. У. Черчилль поддержал инициативу Идена, добавив, что реакция США должна носить благожелательный характер [25. P. 3–4]. 30 августа 1954 г. Национальное собрание отказалось от ратификации договора о Европейской армии.

Глава Форин-офис А. Иден в сложившихся условиях предлагал в самые кратчайшие сроки начать переговоры с К. Аденауэром по вступлению ФРГ в НАТО на основе Боннских соглашений 1952 г. Однако ситуацию осложнял тот факт, что Боннские соглашения из-за отказа Франции ратифицировать договор о Европейской армии не вступили в силу, поэтому глава Форин-офис предлагал провести встречу государств ЕОС с участием США и Британии [26. P. 2].

Такая встреча, состоявшаяся в Лондоне в сентябре 1954 г., дала британскому руководству хороший шанс выступить в качестве посредника в отношениях между ФРГ, США и Францией. На конференции были предприняты шаги к включению Западной Германии в НАТО. Последовательно Боннская республика в 1955 г. стала сначала участником Западного союза, созданного в 1948 г., а затем вошла в состав Североатлантического альянса.

Таким образом, обсуждения в кабинете министров и инициативы, выдвинутые Форин-офис для оформления «ассоциации» с ЕОС, показывают, что британская дипломатия в период правления консервативного правительства У. Черчилля прилагала все необходимые усилия для содействия ратификации французского договора. Однако Париж, выдвинувший план Европейской армии и вскоре охладевший к нему, тянул время и отклонял британские проекты как недостаточные, частично пытаясь возложить вину за провал ратификации на Лондон. В реальности, как показывают документы, Великобритания стремилась к развитию военного измерения европейской интеграции, и на определенном этапе в Лондоне воспринимали создание Европейской армии как эффективное и оптимальное дополнение к Североатлантическому альянсу, однако такой взгляд расходился с представлениями о ЕОС и НАТО в Вашингтоне и Париже. В конечном итоге попытки Лондона совместить разные подходы в британских проектах потерпели провал, что во многом объяснялось внутриполитической ситуацией в самой Франции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sked A., Cook C. Post-war Britain: A Political History. N.Y., 1979.
2. Harbutt F.J. The Iron Curtain: Churchill, America and the origins of the Cold War. N.Y., 1986.
3. Building Post-War Europe: National Decision-Makers and European Institutions, 1948–1963 / ed. by A. Deighton. Basingstoke, 1995.
4. European Integration and Disintegration. East and West / ed. by R. Bideleux and R. Taylor. L., N.Y., 1996.
5. Heywood S. Churchill. L., N.Y., 2003.
6. Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива : сб. ст. / отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М., 2003.
7. Быстрова Н.Е. СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2005.
8. Волков М.Н., Лекаренко О.Г. Американская крепость Европа: политика США по укреплению оборонного потенциала стран Западной Европы (1947–1955 гг.). Томск, 2009.

9. The National Archives of the United Kingdom. Cabinet papers (CAB). CAB 129-48. 29 December 1951. C. (51) 62. Association of the United Kingdom with the European Defence Community.
10. CAB 128-24. 18 February 1952. C.C. (52). 18th Conclusions. European Defence Community.
11. CAB 129-50. 28 March 1952. C. (52) 92. European Defence Community. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs.
12. European Defense Community Treaty. Wash., 1952. URL: http://aei.pitt.edu/5201/1/5201.pdf
13. CAB 128-25. 4 December 1952. C.C. (52). 102nd Conclusions. European Defence Community.
14. CAB 129-57. 10 December 1952. C. (52) 434. European Defence Community and Alternative Plans.
15. Монне Ж. Реальность и политика / пер. с франц. М., 2001.
16. Milward A.S. The Rise and Fall of a National Strategy. 1945–1963. L., Frank Cass., 2002. 512 p.
17. The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953–1955. Ed. by P. Boyle. Chapel Hill, 1990.
18. CAB 128-26. 24 February 1953. C.C. (53). 14th Conclusions. European Defence Community.
19. CAB 128-26. 26 February 1953. C.C. (53). 15th Conclusions. European Defence Community.
20. CAB 128-26. 26 March 1953. C.C. (53). 23rd Conclusions. European Defence Community.
21. Филитов А.М. Каким путем пойдет Германия? Советские планы по германскому вопросу в 1953 году // Россия XXI век. 2008. № 2. С. 158–177.
22. Егорова Н.И. Европейская безопасность, 1954–1955 гг.: поиски новых подходов // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 455–487.
23. CAB 128-27. 10 March 1954. C.C. (54). 17th Conclusions. European Defence Community.
24. CAB 128-27. 27 July 1954. C.C. (54). 54th Conclusions. European Defence Community.
25. CAB 128-27. 27 August 1954. C.C. (54). 57th Conclusions. European Defence Community.
26. CAB 128-27. 1 September 1954. C.C. (54). 58th Conclusions. European Defence.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 марта 2016 г.

BETWEEN THE EUROPEAN ARMY AND THE NATO: INITIATIVES OF BRITISH DIPLOMACY IN THE SPHERE OF MILITARY-POLITICAL INTEGRATION IN 1952–1954

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 162–167.
DOI: 10.17223/15617793/408/24

Khakhalkina Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Keywords: Great Britain; European Defence Community; European Army; Winston Churchill; Anthony Eden; J. Monnet; Supranational European integration.

After the Second World War in the circumstances of arising confrontation between the two superpowers and the beginning of the Cold War, European countries took a course on military-political integration. One of the leaders of this process in Europe was France which, following the creation of the European Coal and Steel Community (ECSC), proposed to create the European Army or European Defence Community (EDC). In 1952, six countries – France, Germany, Italy, Belgium, Netherlands and Luxembourg – signed the treaty establishing EDC. United Kingdom, as in the case of the ECSC, did not sign the treaty, but did not reject the possibility of partial participation in the new community. Problems with the ratification of the treaty led to debate within the UK and in other countries – especially in France – on the prospects of the British participation in the European Army. The article shows the evolution of the approaches of the British government of Winston Churchill to the European Defence Community, or European Army established in 1952. Britain was not a signatory of the treaty, but monitored closely the ongoing processes in the continent. The process of ratification of the treaty was difficult. France was concerned about US plans to integrate West Germany into NATO. This situation gave Britain, on the one hand, the opportunity to mediate and bring closer the positions of Paris and Washington on the German question, on the other hand, forced to take on additional military commitments. The author of the article analyzes the British initiatives to promote the ratification of the EDC treaty and focuses on intergovernmental discussions that accompanied the elaboration of such initiatives. The debates within the cabinet showed that the country's leadership did not discard the idea of British involvement in the European Army, even though the position of Prime Minister W. Churchill and Head of the Foreign Office A. Eden on this issue differed. Cabinet Papers allowed the author to make a conclusion that despite a comprehensive position of London on the supranational model of integration in general and its military-political aspect in particular, the British government was still interested in the ratification of the EDC treaty. Therefore, British diplomacy sought various forms of strengthening European defence and the solution of the German problem, including putting forward the idea of combining EDC and NATO and extra military guarantees on their part. In the future, these initiatives, despite the failure of the ratification of the EDC treaty in Paris, will be the basis for new projects to strengthen the role of Great Britain in European affairs and international detente.

REFERENCES

1. Sked, A. & Cook, C. (1979) *Post-war Britain: A Political History*. N.Y.: Harmondsworth.
2. Harbutt, F.J. (1986) *The Iron Curtain: Churchill, America and the origins of the Cold War*. N.Y.: Columbia University Press.
3. Deighton, A. (ed.) (1995) *Building Post-War Europe: National Decision-Makers and European Institutions, 1948–1963*. Basingstoke: Macmillan.
4. Bideleux, R. & Taylor, R. (eds) (1996) *European Integration and Disintegration. East and West*. London, N.Y.: Routledge.
5. Heywood, S. (2003) *Churchill*. London, N.Y.: Routledge.
6. Egorova, N.I. & Chubar'yan, A.O. (eds) (2003) *Kholodnaya voyna. 1945–1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva* [Cold War. 1945–1963. A Historical Retrospective]. Moscow: Olma-Press.
7. Bystrova, N.E. (2005) *SSSR i formirovanie voenno-blokovogo protivostoyaniya v Evrope (1945–1955 gg.)* [The USSR and the formation of a military-bloc confrontation in Europe (1945–1955)]. Moscow: IRI RAN.
8. Volkov, M.N. & Lekarenko, O.G. (2009) *Amerikanskaya krepost' Evropa: politika SShA po ukrepleniyu oboronnogo potentsiala stran Zapadnoy Evropy (1947–1955 gg.)* [The American fortress Europe: US policy to strengthen the defense capabilities of countries in Western Europe (1947–1955)]. Tomsk: Tomsk State University, 2009.
9. The National Archives of the United Kingdom. Cabinet papers (CAB). CAB 129-48. 29 December 1951. C. (51) 62. *Association of the United Kingdom with the European Defence Community.*
10. CAB 128-24. 18 February 1952. C.C. (52). *18th Conclusions. European Defence Community*.
11. CAB 129-50. 28 March 1952. C. (52) 92. *European Defence Community. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs.*

12. *European Defense Community Treaty*. Washington. [Online] Available from: http://aei.pitt.edu/5201/1/5201.pdf.
13. CAB 128-25. 4 December 1952. C.C. (52). *102nd Conclusions. European Defence Community*.
14. CAB 129-57. 10 December 1952. C. (52) 434. *European Defence Community and Alternative Plans.*
15. Monnet, J. (2001) *Real'nost' i politika* [Reality and politics]. Translated from French by V. Bozhovich. Moscow: Moskovskaya shkola politich-eskikh issledovaniy.
16. Milward, A.S. (2002) *The Rise and Fall of a National Strategy. 1945–1963*. London: Frank Cass.
17. Boyle, P. (ed.) (1990) *The Churchill-Eisenhower Correspondence, 1953–1955*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
18. CAB 128-26. 24 February 1953. C.C. (53). *14th Conclusions. European Defence Community.*
19. CAB 128-26. 26 February 1953. C.C. (53). *15th Conclusions. European Defence Community.*
20. CAB 128-26. 26 March 1953. C.C. (53). *23rd Conclusions. European Defence Community.*
21. Filitov, A.M. (2008) Kakim putem poydet Germaniya? Sovetskie plany po germanskomu voprosu v 1953 godu [Which way will Germany go? Soviet plans for the German question in 1953]. *Rossiya XXI vek.* 2. pp. 158–177.
22. Egorova, N.I. (2003) Evropeyskaya bezopasnost', 1954–1955 gg.: poiski novykh podkhodov [European Security, 1954–1955: The search for new approaches]. In: Egorova, N.I. & Chubar'yan, A.O. (eds) *Kholodnaya voyna. 1945–1963 gg. Istoricheskaya retrospektiva* [Cold War. 1945–1963. A Historical Retrospective]. Moscow: Olma-Press.
23. CAB 128-27. 10 March 1954. C.C. (54). *17th Conclusions. European Defence Community.*
24. CAB 128-27. 27 July 1954. C.C. (54). *54th Conclusions. European Defence Community.*
25. CAB 128-27. 27 August 1954. C.C. (54). *57th Conclusions. European Defence Community.*
26. CAB 128-27. 1 September 1954. C.C. (54). *58th Conclusions. European Defence.*

Received: 28 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 168–171. DOI: 10.17223/15617793/408/25

УДК 94:63(571.16)

Г.В. Шипилина

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ТОМСКО-НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ В 1920-е гг. И ЕЕ ИТОГИ

Публикация осуществлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 13-11-70008.

Рассматриваются вопросы школьного образования, повышения грамотности крестьянского населения Томско-Нарымского Приобья в 1920-х гг. Опора на свежие, ранее не используемые источники позволила осветить формирование школьной сети в сельской местности Томской губернии / Томского округа, выявить причины, препятствовавшие полному охвату детей школьного возраста и вовлечению их в систему обучения. Приведены данные о работе по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, показан рост удельного веса грамотных по Томскому уезду / Томскому округу в целом и по отдельным районам в частности.

Ключевые слова: томское крестьянство; школьная сеть; начальное образование; ликвидация неграмотности.

Проблема школьного образования и ликвидации неграмотности сельского населения Сибири издавна привлекала внимание исследователей [1–3]. Но, как правило, в имеющихся работах излагаются общесибирские материалы, что требует, на взгляд автора, конкретизации темы, обращения к вопросу о борьбе с неграмотностью, об организации школьного обучения в сельских местностях Томско-Нарымского Приобья (в границах современной Томской области).

Нужно сказать, что движение по повышению грамотности сельского населения, открытию сельских школ и библиотек было начато на томской земле еще во второй половине XIX – первых десятилетиях XX в. Эта работа получила новый импульс после революции 1917 г., когда в составе Совнаркома был создан Народный комиссариат просвещения, на местах образованы его подразделения, в частности Томский губернский (с 1925 г. – окружной) отдел народного образования. В декабре 1919 г. был издан декрет Совнаркома РСФСР «О ликвидации безграмотности среди населения Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», в котором впервые на общегосударственном уровне было высказано требование: «Все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию» [4. С. 50]. Во исполнение этого декрета на местах, в том числе и в Томской губернии, были созданы чрезвычайные комиссии по ликвидации неграмотности, а в 1923–1924 гг. – Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность». Одновременно проводилась работа по расширению сети начальных школ для детей, стали открываться первые школы крестьянской молодежи, в которых учащиеся получали не только начальное образование, но и основы агрономических знаний.

В силу скудости местных бюджетов ответственность за строительство и содержание образовательных и культурно-просветительных учреждений стала перекладываться на сельские общества. Путем самообложения или заключения договоров крестьяне обязывались участвовать в строительстве, ремонте и оборудовании школьных зданий, в содержании школ, т.е. в обеспечении дровами, керосином, а также и по возможности – учебниками и письменными принадлежностями для учащихся.

Известно, что в 1922–1923 гг. только 54 школы из 640 сельских учебных заведений Томской губернии содержались за счет государственного бюджета, а 586 школ (91,5%) – за счет самообложения сельского населения [5. С. 106]. Так, в школах северной части Томского уезда, в Нарымском крае все расходы на приобретение учебных пособий составляли 4 тыс. руб., тогда как из бюджета было отпущено только 870 руб. [6. Л. 31]. В с. Ягодном Ново-Кусковского района приступили к постройке новой начальной школы за счет государственных средств, а завершили работы путем трудовой повинности крестьян [7. 2 окт.].

Однако, обеспечивая финансово-материальную составляющую образования, сельские общества порой, сталкивались с проблемами, которые не могли разрешить без участия государственных структур; они касались прежде всего нехватки или удаленности школьных мест. В Зырянском районе многие деревни, а особенно хутора, находились в значительном удалении от школ. Так, дер. Кощинская Горка, в которой проживали с родителями четверо детей от 8 до 11 лет, находилась в 2 км от ближайшей школы, а пос. Митюшкино, где было 17 детей, уже в 16 км [8. Л. 6]. В Ново-Кусковском районе, в выселках Марковский, Шараховский, Никольский, Кауровский, в каждом из которых числилось по 4 человека от 8 до 11 лет, расстояние до ближайшей школы составляло 4 км, а дер. Малая Семеновка (12 детей школьного возраста) располагалась в 60 км от ближайшей школы [Там же. Л. 13].

Местные власти пытались организовать подвозку школьников, особенно зимой, но только если расстояния до школы было небольшим. По данным на 1926 г., в 54 школах Томского округа была организована подвозка детей, а для учащихся из более отдаленных селений в школах устраивались ночлежки и общежития. Правда, таких пристанищ на весь округ насчитывалось немного: 15 ночлежек и 14 общежитий [9. Л. 163].

Часть детей школьного возраста из семей бедняков и батраков не могли учиться из-за отсутствия одежды

и обуви и по необходимости помогать родителям по хозяйству. Например, в отчете о состоянии школьного образования в Вороновском районе Томского округа указывалось следующее: в декабре 1928 г. в школах числилось 2 039 учащихся, в мае 1929 г. – 997, а в июне – 567 человек [8. Л. 13]. Чтобы остановить отток учащихся, была организована материальная помощь детям крестьянской бедноты, однако в очень ограниченном размере. Так, в 1926 г. во всем Томском округе только 26 ребятам помогли одеждой и обувью и в 52 школах организовали горячее питание [9. Л. 163].

Еще сложнее обстояли дела с созданием школ крестьянской молодежи. Вот что о них писали в газете «Красное знамя»: «В тяжелых условиях находятся ученики Вороновской школы крестьянской молодежи... Им самим приходится готовить пищу, всегда с горем доставать хлеб, необходимые продукты. Они не имеют даже необходимой одежды. В жилищном отношении дело обстоит еще хуже. Девочки живут в старом, грязном амбаре, без окошек, к тому же в нем сырость и вонь…» [7. 2 окт.].

Острейшей проблемой была нехватка педагогических кадров даже в населенных пунктах, находившихся недалеко от Томска. Например, в одной из деревень Александровской волости Томского уезда население заключило с уездным отделом народного образования договор о строительстве и содержании школы. Но полностью построенное и оборудованное школьное здание простояло всю осень и зиму впустую, потому что отдел образования не направил в эту школу учителя. Точно так же в Петропавловской волости сельские общества обязались содержать 11 школ, но функционировало только 6 школ на 250 учеников, а 5 школ не действовали из-за отсутствия педагогов [6. Л. 180]. В подгородных деревнях – Иглаково, Рогоженка, Успенка, Чернильщиково и Михайловка – школы стояли пустыми, так как уездный отдел народного образования не обеспечил их учителями [9. Л. 162].

Потребность в школьных преподавателях была очень большой, для работы в сельской местности привлекались не только учителя, но и те, кто был грамотен, в том числе недавние выпускники начальных школ. Известно, что в 1926 г. в Томском округе (включая г. Томск) насчитывалось 1 578 школьных учителей; высшее или специальное педагогическое образование имели 38% школьных работников, общее среднее образование – 27% и низшее образование – 23% [9. Л. 163].

Удручающим оставалось материальное положение сельского учительства. В первые годы после революции немало сельских учителей находилось на содержании крестьянских обществ, которые платили за работу продуктами. В начале 1920-х гг. в Томском уезде с дореволюционного времени сохранялось деление школьных педагогов на две группы: учителей средней и учителей начальной школ. Заработная плата сельских педагогов, если они ее получали, зависела от того, к какой из двух групп они относились: в первой группе получали ежемесячно по 10 руб. 15 коп., во второй – по 9 руб. 50 коп. (для сравнения: среднемесячная заработная плата в промышленности Томского уезда в 1924–1925 гг. составляла 33 руб. 97 коп.). Кроме того, из годового жалования удерживалось по 6 руб. за 10 пудов ржи, которую учителя получали натурой [10. Л. 23]. При таких условиях у учителей не было особой мотивации работать в деревне, и если они работали, то надолго не задерживались.

Несмотря на все недостатки, сложная ситуация в томском школьном образовании стала постепенно исправляться. В последующие годы улучшение экономического положения в стране, а также поэтапная и последовательная деятельность представителей Всероссийского добровольного общества «Долой неграмотность», местных органов власти и отделов народного образования показали успехи в борьбе с неграмотностью: повысилось число школ и обучающихся в них. Из таблицы видно, что в декабре 1925 г. в 11 районах Томско-Нарымского Приобья действовало 207 начальных школ, в которых учились 9 856 детей, или 53,7% всех детей школьного возраста (8–11 лет).

Школьная сеть районов Томского округа в декабре 1925 г. [8. Л. 1–24]

Район	Количество начальных школ	Численность детей 8–11 лет	Количество школьников	
			абс.	% к общему числу детей
Богородский	24	2 680	1 170	43,6
Вороновский	20	2 264	1 193	52,7
Зачулымский	14	1 995	671	33,6
Зырянский	21	2 314	1 276	55,1
Коларовский	36	2 050	1 008	49,2
Колпашевский	5	848	579	68,3
Кривошеинский	27	1 504	1 236	82,2
Молчановский	11	1 024	538	52,5
Ново-Кусковский	24	1 668	1 062	63,7
Парабельский	6	749	350	46,7
Томско-Северный	19	1 269	773	60,9
Всего	207	18 365	9 856	53,7

Ближе к концу 1920-х гг. в Томском округе насчитывалось 553 школы I ступени (начальные школы), в которых обучались 31 022 ученика (88% всех детей школьного возраста), и 10 школ II ступени (неполные средние школы) с 570 учащимися, а также 5 школ крестьянской молодежи (450 учащихся) [9. Л. 153, 162].

Кроме этого, на повышение грамотности сельского населения повлияли создание и деятельность пунктов

ликвидации неграмотности – ликпунктов. В 1924–1925 гг. в Томском уезде действовало 209 ликпунктов, в 1926–1927 г. в Томском округе имелся 221 ликпункт [11. Л. 65]. Результативность их работы хорошо видна по материалам демографических переписей: в 1920 г. в сельской местности Томского уезда насчитывалось 65 570 грамотных (19,5% всего сельского населения), к 1926 г. доля грамотных среди сельского населения Томского округа возросла до 28% [9. Л. 162; 12. С. 25]. А по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. (данные на начало 1930-х гг. отсутствуют), доля грамотных (старше 9 лет) составляла в Асиновском районе 88,8%, в Зырянском районе – 85,3, в Кожевниковском районе – 82,8, в сельской местности Нарымского округа – 89,5% [13. Л. 44–45].

На возрастание грамотности населения оказали влияние и рост числа сельских библиотек, а также формирование читательских интересов крестьян. В 1921 г. в Томском уезде действовала 21 изба-читальня, 36 библиотек, а в 1925–1926 гг. в Томском округе уже насчитывалось 99 изб-читален [11. Л. 65]. Известно, к примеру, что жители Зырянского района в 1927 г. выписывали следующие газеты: «Сельская правда» (79 экз.), «Крестьянская газета» (41 экз.), «Юный ленинец» (37 экз.), «Красное знамя» (30 экз.), «Правда» и «Молодая деревня» (по 9 экз.). Важно отметить, что половину всей подписки оформили зырянские крестьяне, а остальные – различные организации [14. 15 фев.].

В заключение следует отметить, что в продолжение 1920-х гг. в Томском уезде на уровне государства и местных органов власти прилагались усилия для продвижения грамотности среди сельского населения: открывались ликпункты, школы, избы-читальни. Но в реализации мер по ликвидации неграмотности среди крестьянства были недостатки. Прежде всего, имело место скудное финансирование образовательного процесса. В селах не хватало учебных заведений, педагогических кадров, учебников и школьного инвентаря. Не были охвачены школьной сетью отдаленные территории, и в итоге все еще значительная часть сельского населения оставалась безграмотной.

Однако при всех этих недостатках крестьянами Томско-Нарымского Приобья был сделан заметный шаг вперед по пути овладения грамотой и приобщения к культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельников А. Народное образование // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск : Зап.-Сиб. отд-е ОГИЗ, 1932. Т. 3. Стб. 645–664.
2. Михайлов С. Ликвидация неграмотности и малограмотности // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск : Зап.-Сиб. отд-е ОГИЗ, 1932. Т. 3. Стб. 145–151.
3. Пыстина Л.И. Ликвидация неграмотности (ликбез) // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 2 : К–Р. С. 278–280.
4. Декрет о ликвидации безграмотности среди населения Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, 26 декабря 1919 г. // Декреты Советской власти. М. : Изд-во полит. лит., 1974. Т. 7 : 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. С. 50–51.
5. Культурное строительство в Сибири (1917–1941 гг.) : сб. док. / сост. И.И. Кванская и др.; редкол.: В.Л. Соскин (гл. ред.) и др. Новосибирск : Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1979. 365 с.
6. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1243.
7. Красное знамя (Томск). 1928.
8. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 226.
9. ГАТО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 32.
10. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1245.
11. ГАТО. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 31.
12. Народное хозяйство Томской губернии: отчет губэкономсовещения Совнаркому и СТО за 1922 г. Томск, 1923. 1044 с.
13. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 311.
14. Красное знамя (Томск). 1927.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 марта 2016 г.

ORGANIZATION OF EFFORTS TO ERADICATE ILLITERACY AMONG PEASANTRY OF THE TOMSK AND NARYM OB TERRITORY IN THE 1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 168–171.
DOI: 10.17223/15617793/408/25

Shipilina Galina V. Tomsk Agricultural Institute, Branch of Novosibirsk State Agrarian University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shipg@mail.ru

Keywords: Tomsk peasantry; school network; elementary education; illiteracy eradication.

The movement of eradication of illiteracy among Siberian peasantry started at the turn of the 20th centuries, and got a new impulse after the Revolution of 1917. In December 1919, a special decree “On Eradication of Illiteracy among the Population of the Russian Soviet Federative Socialist Republic” was published. At the local level, including Tomsk Province, extraordinary commissions for illiteracy eradication, as well as “Doloy negramotnost’” [Down with illiteracy] All-Russian volunteer society, were founded. United efforts of state public education authorities, public organizations and peasant communities resulted in the opening of new elementary schools and schools for young peasants. They provided not only elementary education, but basic agronomy knowledge, too. The initial school network of the Tomsk and Narym territory of the Ob region was not big enough. Many children of school age did not attend schools because of their remote location and lack of places in them. Moreover, many would leave schools before the end of an academic year because of a difficult financial situation. Schools also faced the problem of lack of pedagogical staff. Rural teachers received small benefits from rural communities or earned a small salary. As a consequence, they would not stay in a village for a long time; and many schools were closed. For example, in Petropavlovskaya District there were only 6 schools for 250 pupils, lack of teachers left 5 other schools closed. In villages located in the suburbs of towns, such as Iglakovo, Rogozhenka, Uspenka,

Chernilshchikovo and Mikhailovka, schools were empty as the local Department of Public Education had not provided teachers for them. Literate people with no pedagogical education and even recent elementary school leavers were involved in teaching at schools. According to the data of 1926, in Tomsk District (including Tomsk) 38 % of school staff had special pedagogical education, 27 % had general secondary education and 23 % had elementary education. In spite of all the difficulties of illiteracy eradication, the number of schools and pupils was gradually growing. By the end of the 1920s, in rural areas of Tomsk District there were more than 500 elementary schools which covered 88 % of school age children (from 8 to 11 y.o.). Creation of subdivisions for illiteracy eradication and their work helped increase literacy among peasantry. In the middle of the 1920s, more than 200 such subdivisions operated in Tomsk region. The result of their work can be seen in the opening of new reading houses and libraries in Tomsk villages, as well as in subscription to newspapers and magazines. If in 1921 Tomsk Province had 21 reading houses and 36 libraries, in 1925–1926 it had 99 reading houses. All of this was the evidence proving that peasants of the Tomsk and Narym Ob territory made a considerable step on the way to literacy and cultural engagement.

REFERENCES

1. Mel'nikov, A. (1932) Narodnoe obrazovanie [Public Education]. In: Azadovskiy, M.K. (ed.) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 3. Novosibirsk: Zap.-Sib. otd-e OGIZ.
2. Mikhaylov, S. (1932) Likvidatsiya negramotnosti i malogramotnosti [Eradication of illiteracy and semi-literacy]. In: Azadovskiy, M.K. (ed.) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 3. Novosibirsk: Zap.-Sib. otd-e OGIZ.
3. Pystina, L.I (2009). Likvidatsiya negramotnosti (likbez) [The eradication of illiteracy (literacy campaign)]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Izdatel'skiy dom "Istoricheskoe nasledie Sibiri".
4. USSR. (1974) Dekret o likvidatsii bezgramotnosti sredi naseleniya Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki, 26 dekabrya 1919 g. [Decree on the eradication of illiteracy among the population of the Russian Socialist Federative Soviet Republic, December 26, 1919]. In: *Dekrety Sovetskoy vlasti* [The decrees of the Soviet power]. Vol. 7. Moscow: Izd-vo polit. lit.
5. Kvanskaya, I.I. et al. (eds) (1979) *Kul'turnoe stroitel'stvo v Sibiri (1917–1941 gg.)* [Cultural construction in Siberia (1917–1941)]. Novosibirsk: Zap.-Sib. knizh. izd-vo.
6. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 1243. (In Russian).
7. *Krasnoe znamya*. (1928).
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-214. List 1. File 226. (In Russian).
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-195. List 1. File 32. (In Russian).
10. Documentation Center of Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 1245. (In Russian).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-195. List 1. File 31. (In Russian).
12. Tipo-litografiya 6-go lineynogo otdela Sibopsa. (1923) *Narodnoe khozyaystvo Tomskoy gubernii: otchet gubekonomsoveshchaniya Sovnarkomu i STO za 1922 g.* [The national economy of Tomsk Province: report of the Provincial Meeting on Economy to the People's Commissars and the SRT in 1922]. Tomsk: Tipo-litografiya 6-go lineynogo otdela Sibopsa.
13. Russian State Archives of Economics. Fund 1562. List 336. File 311. (In Russian).
14. *Krasnoe znamya*. (1927).

Received: 17 March 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 172–177. DOI: 10.17223/15617793/408/26

УДК 94(9)

М.В. Шушарина

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ АВСТРАЛИИ

Рассматриваются этапы формирования законодательных основ научно-технологической политики Австралии. Дается характеристика основных законодательных актов. Проанализированы сфера их влияния и значение для области исследований, разработок и промышленности страны. Автор приходит к выводу, что основные интересы деловых кругов страны сосредоточены в традиционных отраслях экономики.

Ключевые слова: CSIRO; Малколм Фрейзер; Роберт Хоук; Пол Китинг; Джон Говард; промышленные исследования и разработки; НИОКР; промышленность Австралии; законодательная система Австралии.

Австралия – страна с одной из самых устойчивых экономик в мире. В последние несколько десятилетий ее уровень ВВП неизменно растет, даже в годы экономических кризисов. Согласно данным Всемирного банка в 2014 г. объем ВВП Австралии составил US$ 1,455 трлн. Страна по этому показателю занимает 12-е место в мире [1]. За последние несколько десятков лет инфляция в стране имеет низкий уровень (порядка 1–1,5% в год), а рост ВВП составляет в среднем около 3%.

Основными источниками дохода Австралии являются полезные ископаемые, сельскохозяйственная продукция и натуральное сырье, а также услуги и сервисы, в том числе образовательные. На образовательных услугах Австралия заработала в 2014 г. A$ 17,037 млрд [2] (1 австралийский доллар (A$) равен 0,77 долл. США) [3], когда общее количество студентов, получающих высшее образование в 39 университетах Австралии, насчитывало порядка 1,314 млн чел. [4], из которых иностранцы составили 453,5 тыс. чел. из 193 стран [5]. Учитывая эти показатели, можно утверждать, что страна, обладающая таким потенциалом, не может не стремиться к достижениям в сфере науки и технологий.

Необходимость изучения австралийского опыта научно-технологического развития очевидна. Серьезное внимание этому уделяют научные сотрудники Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения Российской академии наук. Чрезвычайно интересны и информативны работы д-ра экон. наук В.Я. Архипова, специалиста в области внешнеэкономической политики Австралии. В частности, актуальна его статья об экспорте образовательных услуг Австралии [6]. В его работах освещены экономические аспекты жизни страны. Привлекают внимание работы ст. науч. сотр. Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, канд. эконом. наук О.В. Мосоловой. За последние несколько лет она опубликовала несколько статей, одна из которых посвящена международной образовательной деятельности Австралии [7], другая – научно-технической политике правительства Австралии [8]. Данные работы являются частью комплексного изучения О.В. Мосоловой внешнеэкономической политики страны.

Изучая опыт научно-технологического и инновационного развития Австралии, необходимо проанализировать, как формировались законодательные основы политики страны в этой области. Становление законодательной системы, на которую опирается современная научно-технологическая база Австралии, берет свое начало в 1949 г., когда был реорганизован Государственный совет по науке и производству, основанный в 1916 г., в Государственное объединение научных и промышленных исследований (Commonwealth Scientific and Industrial Research Organisation / CSIRO). Объединение является ведущим государственным органом, реализующим программные задачи правительства страны в области научно-технологического развития [9]. Деятельность CSIRO регламентирована Законом о научных и промышленных исследованиях от 1949 г. (Science and Industry Research Act 1949) [10]. Закон определяет функции и полномочия как самой организации, так и министра по науке и совета директоров CSIRO.

Согласно законодательству CSIRO проводит научные исследования с целью содействия развитию австралийской промышленности, продвижения интересов Австралийского союза в мировом сообществе и т.д. Кроме того, CSIRO осуществляет международные научные связи, подготовку научных сотрудников, публикации результатов научных исследований, трансфер технологий, оказывает услуги и сервисы в научной сфере.

Становление современной законодательной системы в области науки и технологий в Австралии можно условно разделить на два периода. Первый – это конец 1970-х – 1980-е гг., когда было введено действующее законодательство в области научных исследований и разработок. Во второй период, 1990–2000-е гг., были приняты законы, на которые опирается руководство страны, осуществляя свою деятельность в сфере коммерциализации научных разработок в Австралии. Большинство парламентариев Австралии в конце 1970-х гг. было убеждено в том, что исследования и разработки (НИОКР) – это важнейший элемент развития технологической базы промышленности. Развитие новых технологий, как в стране, так и за ее пределами, должно было позволить австралийской промышленности стать конкурентоспособной и эффективно использовать ресурсы. Основным инструментом развития промышленных НИОКР стало их финансовое стимулирование.

Либеральное правительство премьер-министра Малколма Фрейзера (1975–1983 гг.) инициировало

принятие Закона о стимулировании промышленных исследований и разработок в 1976 г. (Industrial Research and Development Incentives Act 1976 No. 85) [11], который утратил силу в 2010 г.

Целью закона являлась реализация нового направления политики Австралии в сфере промышленных исследований и разработок посредством предоставления правительственных грантов, чем возможно было сделать австралийскую обрабатывающую промышленность более конкурентоспособной (именно на это были направлены правительственные меры). Эти действия были обусловлены тем, что в конце 1970-х – начале 1980-х гг. встал вопрос о нерентабельности австралийской промышленности, так как экономика страны базировалась на продаже сырья, полезных ископаемых и сельскохозяйственной продукции. Принимая данный закон, правительство ставило перед собой две основные цели: во-первых, стимулировать развитие эффективного, конкурентоспособного и экспортоориентированного производства; во-вторых, способствовать созданию промышленной структуры, требующей минимального уровня государственной поддержки.

Закон предусматривал начальное финансирование разработок и предоставление грантов на начальной стадии проектов, а также финансирование инициатив, осуществляемых в так называемых общественных интересах, тем самым поощряя промышленные исследования и разработки. Право собственности на результаты осуществления проектов в этих случаях принадлежало федеральному правительству. В результате принятия закона государственное финансирование промышленных НИОКР возросло с A$14 млн в 1977–1978 гг. до A$54 млн в 1980–1981 гг., что продемонстрировало более чем четырехкратный рост финансирования исследований и разработок в промышленности [12].

Важно, что закон предоставлял возможность получения грантов в сфере программного обеспечения, но только при условии, что эти НИОКР будут относиться к новой продукции и усовершенствованию процессов, связанных с обрабатывающей или горнодобывающей промышленностью, а также строительством и строительными работами [Там же]. Закон предусматривал возможность для предприятий обращаться за услугами в области НИОКР к университетам и колледжам, которые были утверждены в отдельном списке научно-исследовательских организаций [13].

Вопросы принятия правительством новых мер в отношении политики в области науки, техники и инновационного развития широко рассматривались на парламентских слушаниях в австралийском сенате. В 1981 г. Дэвид Томсон, министр науки и технологий, во время правления премьер-министра Малколма Фрейзера, выступил в австралийском сенате, представляя программу правительства, касающуюся поправок к законопроекту о стимулировании промышленных исследований и разработок. Основной целью программы было устранение неэффективности рынка. На этом основании правительство приняло решение о том, что в будущем промышленные исследования и разработки должны поддерживаться только там, где это влечет за собой значительную степень риска или в то время, когда предприятие не может получить достаточно прибыли посредством промышленных НИОКР.

Барри Джонс, представитель лейбористской партии, сменивший в 1983 г. Томсона на посту министра науки, а также являвшийся представителем консультационного совета CSIRO, согласился с Томсоном в части высказывания о нерезультативности национальных инвестиций в краткосрочные проекты. Развитие с начала 1980-х гг. торговой дипломатии во внешнеполитическом курсе Австралии и стремление к экономической интеграции привели к расширению международного сотрудничества страны с зарубежными государствами [14]. Эти изменения обусловили необходимость в срочной реструктуризации производства в целях модернизации и развития научно-технологического потенциала.

С приходом к власти в 1983 г. лейбористского правительства премьер-министра Роберта Хоука произошли политические преобразования, которые дали вектор развития стране, в направлении которого она движется и сегодня. Джон Баттон, министр промышленности кабинета Хоука, инициировал серьезные изменения законодательства в области промышленной политики, снижения таможенных тарифов и других форм протекционизма, которые были основным тормозом научно-технологического развития Австралии. Новый подход к промышленной политике базировался на реализации ряда отраслевых планов по реорганизации основных отраслей промышленности, которые сталкивались с международными конкурентами на рынке (тяжелое машиностроение, текстильная, швейная и обувная промышленность, сталелитейная и судостроительная отрасль и некоторые другие) [15].

В течение тридцати лет, до принятых законодательных мер в 1986–1987 гг., австралийские международные торговые показатели находились на достаточно низком уровне. В первую очередь это касалось производственного сектора. Тогда как в 1950-х гг. Австралия занимала восьмое место в мире по объему экспорта, в 1986 г. она опустилась на 23-е место. Причина этого положения заключалась, по мнению парламентариев, в политических просчетах. Правительство делало основную ставку на добычу и экспорт природных ресурсов, в результате чего обрабатывающая промышленность к описываемому периоду времени не получила должного развития [16]. Сложившаяся ситуация вызвала серьезную борьбу мнений в парламенте вплоть до критики политического курса. В результате был принят ряд важных инициатив в этой области. Услуги в области исследований и разработок, предоставляемые промышленной отрасли, стали доступны на коммерческой основе в качестве консультаций.

В Бюро предоставления научных сервисов Государственного объединения научных и промышленных исследований был сформирован центр по предостав-

лению информационных, библиотечных ресурсов и периодической печати, организованы новый центр научных коммуникаций и коммерческая группа. Был создан Совет трансфера технологий, в организации которого приняли участие Союз австралийской промышленности, Ассоциация промышленной металлообработки и Министерство науки и технологий. Совет трансфера технологий в течение трех лет осуществлял экспериментальную программу модернизации металлургической промышленности, во многом опираясь на ресурсы и экспертизу научно-исследовательских учреждений.

В 1986 г. были приняты два основополагающих закона для развития промышленных исследований и разработок в Австралии. Во-первых, это Поправки к Закону о взимании подоходного налога (в области исследований и разработок) (Income Tax Assessment Amendment (Research and Development) Act 1986), утративший свою силу в декабре 2015 г.) [18]. Во-вторых, это Закон о промышленных исследованиях и разработках (Industry Research and Development Act 1986) [19].

Этот закон является основным в сфере НИОКР на сегодняшний день. Оба закона являлись частью общего пакета, который можно рассматривать как попытку создания общей структуры для финансовой поддержки научно-технологической базы страны. Эти законы были поддержаны рядом других инициатив, в том числе успешным развитием в начале 1980-х гг. управленческих и инвестиционных компаний в высокотехнологических и венчурных областях, которые получили финансирование самостоятельно.

Закон о взимании подоходного налога в области НИОКР предусматривал утвержденную правительством финансовую помощь компаниям, чьи расходы на исследования и разработки составляли от A$50 тыс. и выше. Компании, которые потратили от A$20 тыс. и выше, получали, согласно закону, поэтапные налоговые концессии. Если же предприятие имело расход на НИОКР ниже этой суммы, то они получали большое преимущество от 150% налогообложения [20]. Закон о промышленных исследованиях и разработках от 1986 г. спустя 30 лет является одним из основополагающих законодательных актов, регулирующих научно-технологическую политику Австралии. Целью закона является содействие со стороны правительства развитию, повышению эффективности и международной конкурентоспособности австралийской промышленности, поощрение исследований и разработок, а также инновационной деятельности. Был учрежден порядок деятельности, связанной с венчурным капиталовложением [19].

Законодательство определяло научно-исследовательскую и экспериментальную деятельность как систематические исследования, которые ведутся в Австралии или за ее пределами. Речь идет об исследованиях, которые сопряжены с инновациями и техническими рисками и осуществляются с целью приобретения новых знаний, которые могут иметь как непосредственно практическое применение, так и создавать новые или улучшенные материалы и технологии, процессы или услуги. Закон позволял предприятию (или фирме) заключить контракт на получение услуг в области НИОКР с любой организацией из установленного списка учреждений. Список включал в себя CSIRO, большое количество правительственных ведомств, учебных заведений, зарубежных учреждений, музеев и некоторые другие организации, осуществляющие исследовательскую деятельность.

Если в ходе научно-исследовательской деятельности, финансируемой государством, появлялся патент, то он входил в допустимые расходы в соответствии с законом. Однако патенты, получаемые на конечной (коммерческой) стадии разработки, уже не могли относиться к статьям расходов по данному законодательству [20].

В 1987 г. правительством Роберта Хоука были введены Регулирующие поправки к Закону о правительственных премиях и субсидиях (Bounty and Subsidy Legislation Amendment Act 1987 No. 54) [21]. По этому действующему закону правительственные премии в промышленной сфере были введены законодательно парламентом, и этот процесс подлежит парламентскому контролю. Закон предполагает выплату премии сразу после принятия положительного решения парламентом. Это решение было связано с тем, что ранее финансирование проектов имело задержку сроком до полугода после принятия решения парламентом, что порой губительно сказывалось на внедрении в производство инновационной продукции. Закон предусматривал предоставление правительственных премий для отдельных отраслей австралийской промышленности с целью повышения конкуренции на внутреннем рынке и как следствие – развитие экспорта. Так, с 1987 г. вводилась система правительственных премий в отношении компьютерного оборудования и программного обеспечения в промышленности, в судостроении, для производства металлообрабатывающих станков и робототехники, а также в области сельскохозяйственной техники и комбайнов.

Правительством были приняты меры по введению государственных премий с целью снижения стоимости материалов для сырьевых отраслей. Был разработан план развития автомобильной промышленности, который с течением времени должен был позволить производить экспортоориентированные автомобили (но это направление, к сожалению, не оправдало себя). Также был определен диапазон премий правительства в области аппаратного и программного обеспечения, металлообработки и робототехники, а также разработана стратегия развития отрасли связи и тяжелого машиностроения [17]. Правительство Хоука предоставило финансовые выплаты производителям сельскохозяйственной техники. Предусматривалось инвестирование правительством A$39 млн в год в такие отрасли сельского хозяйства, как производство риса и сахара, выращивание и обработка пшеницы.

В рамках законодательных инициатив предусматривались снижение тарифов, повышение доходов от экспорта, которые в Австралии в 1980-ее гг. были основаны на первичном производстве, экспорте железной руды, угля и других сырьевых и минеральных

ресурсов. В законе о правительственных премиях и субсидиях подчеркивалась роль правительственных премий как один из ключевых инструментов промышленной политики правительства Австралии. Посредством премий правительство предприняло еще один шаг ограждения австралийской промышленности от конкуренции со стороны импорта. Действия правительства заложили основу рентабельности австралийского производства и восстановления занятости населения. Будущее компаний зависело теперь от инвестиций в исследования и новые технологии [16].

Вторым этапом развития законодательной базы в сфере исследований и разработок является период 1990–2000-х гг., время политических преобразований премьер-министров лейбориста Пола Китинга (1991–1996 гг.) и либерала Джона Говарда (1996–2007 гг.). В сфере научно-технологического развития этот период выделяется законодательными мерами в области коммерциализации научных разработок. К основным законодательным актам этого периода можно отнести действующий Закон о патентах (Patents Act 1990 No. 83) [22], действующий Закон о товарных знаках (Trade Marks Act 1995 No. 119) [23] и действующий Закон о конструкциях (Designs Act 2003 No. 147) [24].

Правительство Австралии видело суть патентной системы в стимулировании предпринимателей к разработке и коммерциализации новых технологий. Закон о патентах появился в результате представления Консультативного комитета промышленной собственности, которое явилось основанием для изменения политики в этой области. Наиболее значительные изменения в законодательстве связаны с укреплением местной инновационной деятельности и использованием международной патентной системы на развивающихся экспортных рынках, что должно было повысить международную конкурентоспособность Австралии. Например, теперь при патентовании изобретение должно было пройти проверку на новизну не только в Австралии, как это было до принятия закона, но и в любой другой стране мира. Патенты на мелкие изобретения должны были проходить проверку только в Австралии, так как вероятность их использования за рубежом невелика.

Другие изменения в патентной системе были направлены на повышение эффективности административных мер, в том числе процедуры экспертизы и защиты патентования в судебном порядке [25]. Закон о товарных знаках был направлен на упорядочение процесса регистрации товарных знаков. Согласно новому законопроекту регистрация осуществлялась посредством ввода так называемых мультиклассовых приложений. Эти приложения значительно упростили процесс регистрации и устранили необходимость создавать отдельные классы товаров и услуг, на которые нужна отдельная регистрация [25]. Коммерциализация научных разработок в Австралии регламентирована Программой в соответствии с законом о промышленных исследованиях и разработках (Commercialisation Australia Program Direction No. 1 of 2009) [26]. Программа предусматривает правительственную поддержку исследователям и фирмам в виде консультаций, финансирования и привлечения частного капитала. Правительством выделяется до A$ 50 тыс. на финансирование услуг экспертов, до A$ 2 млн на коммерциализацию проекта на ранней стадии. Заявки на осуществление коммерциализации рассматриваются по разным критериям, оцениваются инновационная значимость и технические характеристики [Там же].

Со стороны государства австралийские университеты получают значительную финансовую и административную поддержку на исследования и разработки. По данным бюро статистики Австралии, в 2014 г. страна занимала 15-е место в мире по уровню государственных инвестиций в сектор НИОКР, который составил 2,12% от ВВП страны. Относительно низкий уровень наукоемкой промышленности в Австралии (непосредственно на предприятиях работают около 4% докторов наук страны) объясняется тем, что австралийская экономика базируется на экспорте природных ресурсов. Экспорт товаров и услуг, зависящих от исследований и разработок, занимает небольшой удельный вес в современной экономике Австралии по сравнению с другими странами ОЭСР [27]. Все меры правительства в сфере научно-технологического развития направлены прежде всего на развитие промышленного сектора, т.е. в Австралии нет четкого разграничения между научно-технологической и промышленной политикой. Это связано с тем, что уровень промышленного производства страны ниже, чем в других развитых странах с высоким уровнем экономики. Исследования и разработки в Австралии в большинстве своем сосредоточены в сфере традиционных отраслей промышленности и производства, а не в сфере наукоемкой промышленности и высоких технологий.

Ориентация на продажу сырья и сельскохозяйственной продукции, отсутствие стремления бизнеса к достижению успеха в инновационном развитии – основные проблемы, которые беспокоят правительство Австралии на протяжении последних десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. GDP ranking // URL: http://data.worldbank.org/data-catalog/GDP-ranking-table (дата обращения: 28.03.2016).
2. COMPOSITION OF TRADE AUSTRALIA 2014 (p. 39). URL: http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-cy-2014.pdf (дата обращения: 28.03.2016).
3. Курс австралийский доллар (AUD) к доллару (USD). URL: http://www.calc.ru/kurs-AUD-USD.html (дата обращения: 28.03.2016).
4. Enrolment Count by Citizenship Category. URL: http://highereducationstatistics.education.gov.au (дата обращения: 28.03.2016).
5. International students numbers 2014. URL: https://internationaleducation.gov.au/research/Research-Snapshots/Documents/International%20Student%20Numbers%202014.pdf (дата обращения: 28.03.2016).
6. Архипов В.Я. Международная торговля образовательными услугами и австралийский опыт // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 3. С. 19–22.

7. Мосолова О.В. Система образования и подготовки кадров в Австралии // Тезисы и доклады XXXIV межинститутской научной конференции «Южнотихоокеанский регион в прошлом, настоящем и будущем: история, экономика, политика, культура» 21 ноября 2013 г. М. : 2013.
8. Мосолова О.В. Научно-техническая политика правительства Австралии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М. : ИВ РАН, 2014. Вып. XXV. С. 98–106.
9. History and achievements. URL: http://www.csiro.au/en/About/History-achievements (дата обращения: 28.03.2016).
10. Science and Industry Research Act 1949. URL: https://www.legislation.gov.au/Details/C2012C00352 (дата обращения: 28.03.2016).
11. Industrial research and development incentives act 1976 No. 85, 1976 // URL: https://www.legislation.gov.au/Details/C2004A01516 (дата обращения: 28.03.2016).
12. Industrial research and development incentives amendment bill 1981, Second Reading, House Hansard. URL: http://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/search/display/display.w3p;adv=yes;db=CHAMBER;id=chamber%2Fhansardr%2F1981-04-08%2F0058; orderBy=date-eLast;page=1;query=Industry%20Research%20and%20Development%20Act%201986;rec=10;resCount=Default (дата обращения: 28.03.2016).
13. Report of Standing Committee on Science and the Environment-Government Response, Senate Hansard. URL: http://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/search/display/display.w3p;adv=yes;db=CHAMBER;id=chamber%2Fhansards%2F1981-06-11%2F0051; orderBy=date-eLast;page=1;query=Industry%20Research%20and%20Development%20Act%201986;rec=11;resCount=Default (дата обращения 28.03.2016).
14. Архипов В.Я. Австралия в мировой экономике // Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: Вост. лит., 2005. С. 8.
15. Australian Manufacturing: A Brief History of Industry Policy and Trade Liberalisation. URL: http://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp9900/2000RP07 (дата обращения: 28.03.2016).
16. BOUNTIES BILL 1986, Second Reading, Senate Hansard. URL: http://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/search/display/ display.w3p;adv=yes;db=CHAMBER;id=chamber%2Fhansardr%2F1986-05-26%2F0067; orderBy=date-eLast;page=23;query=Industry%20Research%20and%20Development%20Act%201986;rec=5;resCount=Default (дата обращения: 28.03.2016).
17. BOUNTIES BILL 1986, Second Reading, House Hansard. URL: http://parlinfo.aph.gov.au/ parlInfo/search/display/display.w3p;adv=yes;db=CHAMBER;id=chamber%2Fhansardr%2F1986-05-26%2F0067;orderBy=date-eLast;page=23;query=Industry%20Research%20and%20Development%20Act%201986;rec=5;resCount=Default (дата обращения: 28.03.2016).
18. Income Tax Assessment Amendment (Research and Development) Act 1986. URL: https://www.legislation.gov.au/Series/C2004A03331 (дата обращения: 28.03.2016).
19. Industry Research and Development Act 1986. URL: https://www.legislation.gov.au/Details/C2007C00639 (дата обращения: 28.03.2016).
20. Industry research and development bill 1986, Senate Hansard. URL: http://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/search/display/display.w3p;adv=yes;db=CHAMBER;id=chamber%2Fhansards%2F1986-06-03%2F0140; orderBy=date-eLast;page=25;query=Industry%20Research%20and%20Development%20Act%201986;rec=1;resCount=Default (дата обращения: 28.03.2016).
21. Bounty and subsidy legislation amendment ACT 1987. URL: https://www.legislation.gov.au/Details/C2004A03463 (дата обращения: 28.03.2016).
22. Patents Act 1990. URL: https://www.legislation.gov.au/Details/C2015C00484 (дата обращения: 28.03.2016).
23. Trade Marks Act 1995. URL: https://www.legislation.gov.au/Details/C2015C00365 (дата обращения: 28.03.2016).
24. Designs Act 2003. URL: https://www.legislation.gov.au/Details/C2015C00043 (дата обращения: 28.03.2016).
25. Patents bill 1990, Second Reading, Senate Hansard. URL: http://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/search/display/display.w3p;db=CHAMBER;id=chamber%2Fhansards%2F1990-05-29%2F0015;orderBy=date-eLast;page=1;query=Patents%20Act%201990%20Decade%3A"1990s";rec=11;resCount=Default (дата обращения: 28.03.2016).
26. Industry Research and Development Act 1986, Commercialisation Australia Program Direction No. 1 of 2009. URL: https://www.legislation.gov.au/Details/F2009L04728 (дата обращения: 28.03.2016).
27. Aaustralia's position in the world of science, technology & innovation Alan G. Pettigrew. URL: http://www.chiefscientist.gov.au/wp-content/uploads/OPS2-OECD-for-web-FINAL.pdf (дата обращения: 28.03.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 19 апреля 2016 г.

THE HISTORY OF THE LEGAL FOUNDATIONS OF MODERN SCIENCE AND TECHNOLOGY POLICY IN AUSTRALIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 172–177.
DOI: 10.17223/15617793/408/26
Shusharina Marina V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: marina.metel@gmail.com
Keywords: CSIRO; Malcolm Fraser; Bob Hawke; Paul Keating; John Howard; industrial research and development; R&D; Australian industry; Australian legislative system.

Australian legal system which deals with modern scientific and technological base began in 1949. At that time, the Advisory Council of Science and Industry was restructured into the Commonwealth Scientific and Industrial Research Organisation (CSIRO). CSIRO activities are regulated by the Science and Industry Research Act 1949. The Industrial Research and Development Incentives Act 1976 No. 85 was adopted by the liberal government of Prime Minister Malcolm Fraser (1975–1983). The main purposes of the law are, firstly, to encourage the development of an efficient, competitive and export-oriented production; secondly, to establish a branch structure which requires a minimum level of state support. John Button, Industry Minister of the Hawke cabinet, initiated major changes in the field of industrial policy legislation, reduction of customs tariffs and other forms of protectionism. Protectionism at that time was a major drag on the scientific and technological development of Australia. In 1986, two fundamental laws for industrial research and development in Australia were passed. Firstly, it was the Income Tax Assessment Amendment (Research and Development) Act 1986. Secondly, it was the Industry Research and Development Act 1986. This act is the main one in the R&D field today. The purpose of the act is the help of the government to improve the efficiency and international competitiveness of Australian industry, the promotion of research and development as well as innovation. The order of activities related to venture capital investment has been established. The 1990s–2000s is the second stage of development of the legislative framework in the field of R&D. This is a time of political change of Prime Ministers Paul Keating (1991–1996) and John Howard (1996–2007). The scientific and technological development of this period is characterized by legislative measures in the area of commercialization of scientific developments. The main legislative acts of this period include the Patents Act 1990 No. 83, the Trade Marks Act 1995 No. 119, the Designs Act 2003 No. 147. R&D in Australia is mainly concentrated in traditional industries and production, but not in the high technology industry and high technologies. Economy focuses on the sale of resources and agricultural products. Business does not seek to achieve success in the innovative development. These are the main issues that concern the Government of Australia over the past decades.

REFERENCES

1. World Bank. (2016) *GDP ranking*. [Online] Available from: http://data.worldbank.org/data-catalog/GDP-ranking-table. (Accessed: 28th March 2016).
2. Australian Government. (2014) *COMPOSITION OF TRADE AUSTRALIA 2014*. p. 39. [Online] Available from: http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/cot-cy-2014.pdf. (Accessed: 28th March 2016).
3. Calc.ru. (2016) *Kurs avstraliyskiy dollar (AUD) k dollaru (USD)* [The Australian dollar (AUD) to the US dollar (USD)]. [Online] Available from: http://www.calc.ru/kurs-AUD-USD.html. (Accessed: 28th March 2016).
4. Australian Government. (2016) *Enrolment Count by Citizenship Category*. [Online] Available from: http://highereducationstatistics. education.gov.au. (Accessed: 28th March 2016).
5. Australian Government. (2014) *International students numbers 2014*. [Online] Available from: https://internationaleducation.gov.au/research/ Research-Snapshots/Documents/International%20Student%20Numbers%202014.pdf. (Accessed: 28th March 2016).
6. Arkhipov, V.Ya. (2007) Mezhdunarodnaya torgovlya obrazovatel'nymi uslugami i avstraliyskiy opyt [International trade in educational services and the Australian experience]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*. 3. pp. 19–22.
7. Mosolova, O.V. (2013) [The system of education and training in Australia]. *Yuzhnotikhookeanskiy region v proshlom, nastoyashchem i budushchem: istoriya, ekonomika, politika, kul'tura* [South Pacific region in the past, present and future: the history, economy, politics, culture]. Theses and reports of inter-institutional XXXIV scientific conference. 21 November 2013. Moscow. (In Russian).
8. Mosolova, O.V. (2014) Nauchno-tekhnicheskaya politika pravitel'stva Avstralii [Scientific and technical policy of the Government of Australia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 25. pp. 98–106.
9. Csiro.au. (2016) *History and achievements*. [Online] Available from: http://www.csiro.au/en/About/History-achievements. (Accessed: 28th March 2016).
10. Australian Government. (2016) *Science and Industry Research Act 1949*. [Online] Available from: https://www.legislation.gov.au/Details/ C2012C00352. (Accessed: 28th March 2016).
11. Australian Government. (2016) *Industrial research and development incentives act 1976 No. 85, 1976*. [Online] Available from: https://www.legislation.gov.au/Details/C2004A01516. (Accessed: 28th March 2016).
12. Parliament of Australia. (2016) *Industrial research and development incentives amendment bill 1981, Second Reading, House Hansard*. [Online] Available from: http://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/search/display/display.w3p;adv=yes;db=CHAMBER;id=chamber%2Fhansardr%2F1981-04-08%2F0058;orderBy=date-eLast;page=1;query=Industry%20Research%20and%20Development%20Act%201986;rec=10;resCount=Default. (Accessed: 28th March 2016).
13. Parliament of Australia. (2016) *Report of Standing Committee on Science and the Environment-Government Response, Senate Hansard*. [Online] Available from: http://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/search/display/display.w3p;adv=yes;db=CHAMBER;id=chamber%2Fhansards%2F1981-06-11%2F0051;orderBy=date-eLast;page=1;query=Industry%20Research%20and%20Development%20Act%201986;rec=11;resCount=Default. (Accessed 28th March 2016).
14. Arkhipov, V.Ya. (2005) *Avstraliya v mirovoy ekonomike* [Australia in the global economy]. Moscow: Vostochnaya literatura.
15. Australian Government. (2016) *Australian Manufacturing: A Brief History of Industry Policy and Trade Liberalisation*. [Online] Available from: http://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp9900/2000RP07. (Accessed: 28th March 2016).
16. Australian Government. (2016) *BOUNTIES BILL 1986, Second Reading, Senate Hansard*. [Online] Available from: http://parlinfo.aph.gov.au/ parlInfo/search/display/display.w3p;adv=yes;db=CHAMBER;id=chamber%2Fhansardr%2F1986-05-26%2F0067;orderBy=date-eLast;page=23;query=Industry%20Research%20and%20Development%20Act%201986;rec=5;resCount=Default. (Accessed: 28th March 2016).
17. Australian Government. (2016) *BOUNTIES BILL 1986, Second Reading, House Hansard*. [Online] Available from: http://parlinfo.aph.gov.au/ parlInfo/search/display/display.w3p;adv=yes;db=CHAMBER;id=chamber%2Fhansardr%2F1986-05-26%2F0067;orderBy=date-eLast;page=23;query=Industry%20Research%20and%20Development%20Act%201986;rec=5;resCount=Default. (Accessed: 28th March 2016).
18. Australian Government. (2016) *Income Tax Assessment Amendment (Research and Development) Act 1986*. [Online] Available from: https://www.legislation.gov.au/Series/C2004A03331. (Accessed: 28th March 2016).
19. Australian Government. (2016) *Industry Research and Development Act 1986*. [Online] Available from: https://www.legislation.gov.au/ Details/C2007C00639. (Accessed: 28th March 2016).
20. Parliament of Australia. (2016) *Industry research and development bill 1986, Senate Hansard*. [Online] Available from: http://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/search/display/display.w3p;adv=yes;db=CHAMBER;id=chamber%2Fhansards%2F1986-06-03%2F0140;orderBy=date-eLast;page=25;query=Industry%20Research%20and%20Development%20Act%201986;rec=1;resCount=Default. (Accessed: 28th March 2016).
21. Australian Government. (2016) *Bounty and subsidy legislation amendment ACT 1987*. [Online] Available from: https://www.legislation.gov.au/Details/C2004A03463. (Accessed: 28th March 2016).
22. Australian Government. (2016) *Patents Act 1990*. [Online] Available from: https://www.legislation.gov.au/Details/C2015C00484. (Accessed: 28th March 2016).
23. Australian Government. (2016) *Trade Marks Act 1995*. [Online] Available from: https://www.legislation.gov.au/Details/C2015C00365. (Accessed: 28th March 2016).
24. Australian Government. (2016) *Designs Act 2003*. [Online] Available from: https://www.legislation.gov.au/Details/C2015C00043. (Accessed: 28th March 2016).
25. Parliament of Australia. (2016) *Patents bill 1990, Second Reading, Senate Hansard*. [Online] Available from: http://parlinfo.aph.gov.au/ parlInfo/search/display/display.w3p;db=CHAMBER;id=chamber%2Fhansards%2F1990-05-29%2F0015;orderBy=date-eLast;page=1;query=Patents%20Act%201990%20Decade%3A"1990s";rec=11;resCount=Default. (Accessed: 28th March 2016).
26. Australian Government. (2016) *Industry Research and Development Act 1986, Commercialisation Australia Program Direction No. 1 of 2009*. [Online] Available from: https://www.legislation.gov.au/Details/F2009L04728. (Accessed: 28th March 2016).
27. Pettigrew, A.G. (2012) Australia's position in the world of science, technology & innovation. *Australia's Chief Scientist*. 2. [Online] Available from: http://www.chiefscientist.gov.au/wp-content/uploads/OPS2-OECD-for-web-FINAL.pdf. (Accessed: 28th March 2016).

Received: 19 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 178–187. DOI: 10.17223/15617793/408/27

УДК 94(57): 325

А.И. Щербинин, Н.Г. Щербинина

ВОЛЯ И ДОЛЯ: СИБИРСКИЙ ФРОНТИР КАК ПОИСКИ РАЯ

Рассматриваются нравственно-политические истоки сибирского фронтира как явления, уникального по своим масштабам и темпам освоения этой огромной территории. Дихотомия концептов «воля» и «доля» раскрывает ментальные начала массовых волн переселения – казачьей и крестьянской, а прочтение Сибири как рая или ада служит ценностным основанием для продолжающейся дискуссии о значении данного края для России.

Ключевые слова: Сибирь; фронтир; пассионарность; концепты «воля» и «доля», политика.

В процессе освоения Сибири поиски рая приобретали для наших предков нравственно-политический аспект, и это моральное состояние изумляло и до сих пор изумляет исследователей. В таком случае мы не можем сбрасывать со счетов общую пассионарность народов и правительств России, благодаря которой со времен деда царя Ивана Грозного до императрицы Екатерины общая территория страны увеличилась практически в 20 раз. К.И. Арсеньев, основатель русской статистики, экономист и географ дает следующую динамическую характеристику данного процесса. В 1462 г., в начале правления Великого князя Ивана Васильевича, Россия обладала площадью в 18 200 кв. миль. В 1553 г. при вступлении на престол его внука Ивана Васильевича (Грозного) площадь составляла уже 37 200 кв. миль, а на момент его смерти – 144 000 кв. миль. Первый царь в династии Романовых Михаил Федорович получил царство площадью в 148 000 кв. миль, а оставил сыну, царю Алексею Михайловичу, 258 000 кв. миль. После смерти внука первого Романова, императора Петра I, в 1725 г., – уже 280 000 кв. миль. Его дочь Елизавета получает от своих предшественников 325 000 кв. миль. А Екатерина II оставила потомкам 336 000 кв. миль российской территории [1. С. 6–7].

И все же в череде этих приращений сибирский фронтир занимает уникальное место и по размерам площади, и по скорости ее покорения. Сто лет назад русский историк Н. Костомаров писал о первых покорителях Сибири: «Их удальство, предприимчивость и необыкновенная устойчивость в перенесении всевозможных трудностей и лишений представляется в наше время почти невероятной» [2. С. 472].

А Фернан Бродель, публикуя в начале третьего тома своей «Материальной цивилизации» карту продвижения России (чьи казаки и промышленники за сто с небольшим лет, с 1550 до 1660 г., прошли по топям Западной Сибири, непроходимым горам Центральной Сибири, пока, наконец, не уперлись в Китай(!)), соглашается со своим оппонентом Валлерстайном, что Сибирь создавалась военной силой, а экономика была вторичной [3. С. 17].

С формальной точки зрения Бродель прав, но если внимательно посмотреть на принадлежность этих воинских образований, их незначительное даже по тем временам количество, то потребуется что-что другое, чем просто расстановка приоритетов в отношениях политики и экономики. И этим другим является *вольность*.

Согласно С. Аверинцеву, в противовес западному мировоззрению, где бытие делится на три части (*сверхъестественное* / божественное и *противоестественное* / адское, между которыми лежит живущее по своим законам, «хотя и под властью Бога», *естественное* / земное), русская духовность делит мир не на три, а на два – Рай и Ад. Власть самодержавная «это нечто, находящееся либо выше человеческого мира, либо ниже его, но, во всяком случае, в него как бы не входящее» [4. С. 354–355].

Определение Аверинцевым русского мировоззрения как дуального дает возможность не только определить отношение к власти как божественной или антихристовой, но и позволяет выдвинуть на основе данного понимания гипотезу о том, что отсутствие естественной и земной зоны с неизбежностью заставляло русских людей искать рай на земле (или, во всяком случае, бежать от земного ада). Этому мы находим подтверждение у Н. Костомарова о духовных и социальных изменениях, предшествующих рассматриваемому нами периоду. Он писал, что в характере русского человека сложилась черта, когда в условиях недовольства властью он не оказывал сопротивления, а «бежал, искал нового отечества», что было «причиной громадной колонизации русского племени» [2. С. 463–464].

Не случайно в один из самых жестоких периодов в русской истории, в царствование Ивана Грозного, возникает духовный идеал, воплотившийся в мощном пассионарном стремлении к *воле* и мировоззренческой модели *земного рая* – иного общественного строя, недоступного царской власти с ее карательными функциями и возрастающими налогами, свободного от кабальной зависимости от других эксплуататоров – бояр и монастырей.

Филолог В. Колесов, анализируя средневековые тексты, показывает существенное отличие концепта «свобода» и связанного с ним концепта «воля»: «В отличие от “свободы”, всегда реальной, “воля” – понятие нравственное» [5. С. 124]. А поскольку «воля» и «власть» в русском языке этимологически связаны, получается интересный конструкт. Выражая свою волю, русский человек тем самым показывал, что он уходит из-под государственной воли (власти). Все это наиболее ярко выразилось в феномене казачества и его роли в освоении Сибири. Этот казацкий идеал включал в себя, по Костомарову, полную личную свободу, основанную на неограниченном налогами и сборами землевладении, выборное управление и об-

щественный суд, полное равенство всех членов общины и т.п. [2. С. 465].

Здесь мы сталкиваемся с еще одним парадоксом. Граница в эпоху советского и, в значительной мере, современного, постсоветского модерна в моменты наивысшей напряженности «…постепенно приобретает значение рубежа Добра и Зла… Там, где границ не было, они возникают, а те границы, которые существовали, например, государственные, приобретают значение Главной Границы и Последнего Рубежа» [6. С. 78]. В рамках же нашей гипотезы для казачества, которое селилось в основном по рубежам Московского царства, Зло отечественное, государственное, и Зло от внешних врагов, зарубежное, неразрывно переплетались с Добром, которое несли *вольная* служба царю или поиски лучшей судьбы через покорение новых враждебных земель. Вольное служение уже само по себе, безусловно, предполагало высшую награду – рай небесный. Так, Семен Ремезов, составивший первую «Историю Сибирскую» по рассказам очевидцев, ранним легендам о Ермаке, писал о том, что в великой битве открываются и Рай, и Адская бездна. Павшего в бою христианина, сражавшегося за свое знамя, веру христианскую, святые церкви, за самодержца, за свой род, ангел прямо с коня забирает в рай, а бусурманина демоны тащат «с коня да в ад к своему сатане» [7. С. 571].

Образ новой территории, по-райски изобильной землями и реками, пушниной, драгоценными металлами, манил первых покорителей Сибири. Это находит отражение и в сказках русскоязычного населения, и в универсальных грезах (имеющих истоки в легенде о «Царстве пресвитера Иоанна» и ее русской версии – «Сказании об Индийском царстве»), которые вели к поиску раю на земле средневековых европейцев. Подобно поискам родственной христианской веры в мифическом иоанновом царстве в Индии или других местах, сибирские «землеискатели», как называет их Костомаров, интересовались не только ценным мехом – фактически «мягкой валютой» для государства, но и еще более богатыми краями. Рождались слухи «о существовании большого озера Ламы (Байкала), края богатого, где есть серебряная и золотая руда», и о многочисленном и богатом народе бурятском, которого русские называли «братским» (в 1631 г. построен Братский острог), а земли по реке Лене называли «Братской землею» и узнавали о ней от тунгусов, которые представляли ее какой-то богатой, обетованной землею. От тунгусов доходили до них слухи и о мугальской (монгольской) земле, о Китае и о множестве серебра в тех странах (см.: [8. С. 312–314]).

Возвращаясь к упомянутой Броделем скорости продвижения русских казаков в освоении новых земель, отметим, что миссия томского казака Ивана Петлина весной – летом 1618 г. достигла Монголии и Китая, и не просто установила торговые и дипломатические отношения Московского государства с Китаем, но, что важно, с большим перерывом после Марко Поло вновь показала европейцам путь в Китай через Евразию. Отчет Петлина «Роспись Китайскому государству и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам» [9] открывал широкие возможности сухопутного движения товаров по Сибири, Монголии и Китаю. В этом отчете мы встречаем перечень богатств вновь открытых стран. Это просо, пшеница, рожь, ячмень, овес (и иные семена, название которых не было известно казакам), но хороший белый хлеб они отмечают особо. Фрукты и овощи также включены в отчет – яблоки, дыни, арбузы, тыквы, вишни, лимоны, огурцы, лук, чеснок и т.п. Из драгоценностей – собственное китайское серебро и алмазы, поставляемые в Китай из соседнего «Железного царства», находящегося недалеко от Бухары, по рассказам, богатого.

Неудивительно, что схема византийской утопии в образе царства Иоанна как рая земного характеризуется не только материальными богатствами и чудесами. Для поселенцев открывались новые возможности по воплощению идеального общественно-политического устройства. У Ремезова оно включает и требования к публичной речи, и следование законам в отношениях народов Сибири, соединенных мирным союзом, и даже философию как основу правды и любви между племенами. Но одновременно это и консервативное мироустройство (земной рай, остерегающийся грехопадения), требующее новых вещей не вносить, пришлых людей не принимать и, что самое главное – формирующее свою региональную идентичность «да нашему сибирству во веки пребывати» [7. С. 571]. Итак, «сибирство» – это воплощенное в территорию и новый жизненный уклад той самой воли, которая вела казаков и беглых крестьян на поиски земного рая. Такой уклад не только угоден царю, получившему новые территории (и дань с них), но и Богу. Ремезов посвящает этому значительную часть своей «Истории»: о молебне «сибирян» и небесном благословлении «сибирян», а также о небесных знамениях, связавших новый край «пресветло православным союзом духовным». Сибирь сравнивается с орлиным гнездом с птенцами, которое подобно орлу покрыл своими крылами всесвятой и животворящий дух [Там же. С. 569–570].

Реальное же значение огромного края для российской власти было чрезвычайно ограничено собственными ресурсами той самой власти. В свое время польский политолог Артур Боднар вывел интересную формулу пространственной зависимости властных ресурсов: «Сила социального воздействия является в определенных ситуациях обратно пропорциональной квадрату расстояния (например, от центра)» [10. S. 89]. Еще двести лет назад Константин Арсеньев, сообразуясь с критериями целесообразности управления, предложил разделить Российскую империю (которая включала тогда и Закавказье, и Царство Польское, и Финляндию) на 10 «пространств»: Северное (от Финляндии до Северного Урала), Алаунское (исторически Ижорская земля, а впоследствии Ингерманландия), Балтийское (от Финляндии до Литвы и Польши), Низменное (Белоруссия и Литва), Карпатское, Степное (от Азовского до Каспийского морей), Окское (центр Европейской России), Волжское (от Саратова до Ярославля), Уральское (богатства недр делают его политически значи-

мым) и, наконец, Сибирское. Отличительной особенностью Сибирского пространства он называл «грядущие перспективы».

Арсеньев в теории, как и наши руководители (в прошлом и настоящем) на практике, явно тяготился огромной Сибирью. Это видно из его оценок жизненно важных для государства ресурсов. Прежде всего, климат. Он, по мнению автора, при всем удивительном разнообразии весьма неблагоприятен. Особенно скептической был настроен против переоценки ресурсов Арктики, критикуя поиски арктического морского пути в период правления от Петра I до Екатерины II: «Только дикие народы, обитающие по берегам… занимаются рыбной ловлей и промыслами морских животных». Аналогично неперспективными виделись ему и сибирские реки: известные своей величиной, они приносят мало пользы, так как текут с юга на север, где две третьих года свирепствует зимняя стужа, реки покрыты льдом. «Притом же они протекают по землям, в коих обитают народы дикие, бедные, не имеющие понятия о гражданских связях, не избытков для мены… Столь невыгодная система вод много содействует тому, что Сибирь остается доселе малонаселенной и малозначащей землею в политическом отношении» [1. С. 18].

Обратим внимание на излишний скепсис, во-первых, в отношении главных транспортных артерий того периода – до строительства Сибирской железной дороги оставался почти век. Во-вторых, Арсеньев обнаружил слабое знание истории освоения Сибири, где, прежде всего, малые реки сыграли главную роль в быстром продвижении казаков по непроходимым землям. Что касается рыночной незначимости северных и сибирских аборигенов, то протоистория сибирского фронтира начинается в период Новгородской республики: в 1193 г., а в XVI в. (в Сибири!) поморами основан первый заполярный порт-фактория Мангазея, который в XVII в. становится первым заполярным городом.

К числу возражений Арсеньеву можно отнести такое рыночно-коммуникационное явление, как ярмарка. Попробуем соединить наши предыдущие контраргументы с данным институтом, по праву относимым Ф. Броделем к характерным признакам капитализма. Для Сибири система малых рек была той уникальной транспортной сетью, где в качестве торговых узлов в поселениях были регулярно проводимые малые ярмарки, на которых «дикие народы» вполне успешно реализовали свой продукт – пушнину, имеющий для страны важнейшее стратегическое значение. Меха, являющиеся устойчивым товаром в большей степени обмена, чем покупки, свозились купцами на ярмарку более высокого уровня – губернский город (Тобольск, Томск, Иркутск) и продавались оптовикам. «Великие сибирские ярмарки – Тобольская, Омская, Томская, Красноярская, Енисейская, Иркутская, Кяхтинская – были связаны одна с другой», – писал Бродель [3. С. 471]. Здесь уже главный местный товар – пушнина – не только поставлялся в государственную казну, но и встречался с товарами из Европейской России, а еще более – с конкурирующими товарами из Китая, Бухары, Монголии и других сопредельных стран, до которых Сибирь была ближе, чем Европейская Россия [11], или, как ее называл Арсеньев, «настоящая Россия». Для русского же купца поездка по всем этим ярмаркам могла занять до четырех с половиной лет [3. С. 471]. Такие сроки торгового цикла показывают не только расстояния, но и устойчивые торгово-экономические отношения.

Не входящую в «настоящую Россию» Сибирь Арсеньев предлагал считать наравне с Закавказьем колонией, а вместе с Финляндией и Царством Польским – такими «странами», которые обеспечивают внешнюю безопасность, не затрудняя внутреннего управления [1. С. 22–22]. «В самом деле, – полагал Арсеньев, – Сибирь есть истинная колония земледельческая, рудокопная и коммерческая; рассматриваемая таким образом, она имеет преимущества других государств европейских, не отделяясь от метрополии ни океанами, ни посторонними владениями. Если признаем Сибирь колонией, то Россия будет представлять весьма счастливо расположенное государство, имеющее все выгоды для народной промышленности и для благоденствия» [Там же. С. 9].

На столетия растянулось подобное понимание Сибири. Изначально в Сибири видели источник ценных мехов, что было важно для внешней торговли Москвы, впоследствии оттуда пошли медь и серебро Алтая как стратегический для чеканки монеты ресурс, затем серебро и золото Нерчинских рудников. Сюда же мы отнесем транзит товаров из Китая. К примеру, томский воевода боярин Андрей Ромодановский привез неизвестную доселе траву – чай – первому русскому царю – основателю новой династии Михаилу Романову. Но политический аспект все же доминировал. Уже в самом конце XVI в. в новый край были сосланы первые политические противники режима. Впоследствии ссылка в Сибирь станет узаконенным уголовным наказанием. И это был новый, хотя и вторичный к первоначальному освоению, фронтир, когда очередная волна несогласных с режимом или противостоящих ему пополняла и культурный фонд, и генофонд сибиряков. Бродель справедливо отмечал, что такой приток новых колонистов по своим объемам (2 тыс. человек в год) для развития экономики был ничтожен. Нередко в отношении иностранцев-ссыльных делались послабления. Так, по представлению сибирского генерал-губернатора, им даровалось право отлучаться от места ссылки для торговых и промысловых дел, разумеется, в пределах Сибири [12. С. 71].

В отличие от Северной Америки Сибирь не знала рабов как важнейший трудовой ресурс. Бесспорно, каторга могла бы «уравнять» шансы Сибири и Америки, но объемы вовлечения в трудовой цикл были незначительны. Не пребывало в рабском положении и местное население. Оно, по российским законам, обладало целым перечнем льгот, включая личную свободу, и, что не характерно для крепостного строя России той эпохи, владело «землей как собственностью» [Там же. С. 74]. Льготами обладали и казаки, включая казачье самоуправление, традиционное для данного сословия.

Таким образом, положение сибиряков, за исключением каторжников, не было адским. Хотя, очевидно, до райской жизни было далеко. Наряду с объективными условиями, как суровый климат, огромные расстояния, удаленность от цивилизации, был еще один фактор. Правительство, обладая достаточной информацией о возможностях новой территории, само видело в Сибири скорее ад, чем пропагандировало райскую жизнь для будущих колонистов. Это проявлялось и в представлении несибиряков. Термин «Сибирь» в менталитете подданных царской России обладал устойчивой отрицательной коннотацией. Словом «сибирка» называли арестантскую, тюрьму предварительного заключения. «Сибирить» означало вести тяжелую жизнь и т.д. (Словарь живого великорусского языка В.И. Даля). Да и карта Российской империи создавала «общее впечатление о России как стране преимущественно азиатской», где $^{3}/_{4}$ поверхности лежит в Азии. Между тем в этой части империи проживала всего $^{1}/_{7}$ населения [13. С. 181].

Отказавшись от проекции Гаусса, выдающийся ученый Д.И. Менделеев в 1906 г. предложил свою версию карты России, которая фактически, хотя об этом у Менделеева нет в работе, отображала интересующую нас схему восточного фронтира. От основания – Новгородско-Московской Руси – карта ведет вверх и на восток: Урал, Западная и Восточная Сибирь, юг Азиатской России, Дальний Восток и Чукотка. Он прогнозировал, что «в будущем Азиатской России суждено играть немалую роль в мире» и что «Россия… назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравновешивания между передовым, но кичливым и непоследовательным индивидуализмом и азиатской покорной, даже отсталой и приниженной, но все же твердой государственно-социальной сплоченностью» [Там же. С. 181–182].

Обеспокоен Менделеев был и известной нелогичностью соотношения европейского центра России и ее восточных земель. Работа «О центре России» также увидела свет в 1906 г. Автор манифестировал наличие фактически трех центров – административного, поверхности и центра населенности: «Для государства, конечно, очень важна поверхность, занятая страною, но суть государственного дела все же заключается в населении, на этой поверхности живущем» [14. С. 163]. С первым центром все было понятно, это Санкт-Петербург, а ранее Москва. Менделеев пропускает данную аксиоматику. Между тем все же стоит обратить внимание на проблему политического центра и связать ее с сущностью власти. Апелляция к центру важна для нас постольку, поскольку источник властных решений гражданами воспринимается как адресат для «обратной связи». Когда человек или группа людей не могут решить свои проблемы сами, они апеллируют к институту, с которым в данный момент идентифицированы их предельные (внеобыденные) ожидания. Уже Аристотель, разрабатывая теорию совершенных политических отношений, заметил, что «идеальное политическое пространство заключается в его максимальном “наполнении” подданными, способными прокормить себя и своих властителей при соблюдении того условия, что это пространство должно перекрываться сетью властных решений и возвратных апелляций подвластных к центру. Если данными условиями пренебречь, то политическое пространство с неизбежностью подвергается разрушению» [15. С. 147]. Для разных эпох и стран политическое пространство обустраивалось поразному. Например, схема первых русских поселений – острогов – в Сибири во многом напоминала политическое пространство Древней Руси. «Пример феодальной Руси показывает, как быстро скреплялось культурно-хозяйственное пространство политическим компонентом. А поскольку почти вся история России – это прирастание территории, то нам следует обратить самое пристальное внимание на первоначальный механизм оформления государственного пространства Руси в X–XI вв. Б.А. Рыбаков в этой связи исследовал значение «погостов», определяя их количество в северо-восточной Руси к XII в. от 500 до 2 000. Его сравнение этих политико-хозяйственных институтов с «узлами огромной сети, накинутой князьями X–XI вв. на славянские и финно-угорские земли Севера!, превосходно по проникновению в суть явления. Действительно, каждый погост – это “микроскопическое полусамостоятельное государство” – был узлом государственной сети, связанным с соседним погостом и со столицей» [Там же. С. 148]. В процессе дальнейшей внутриполитической экспансии государственного центра эти связи становились прочнее, а политическое пространство – монолитнее.

Что касается второго и третьего центров, выделенных Менделеевым, то они прямо или косвенно относились к динамике народно-хозяйственного развития. Путем изучения статистики переписей США за 1880, 1890 и 1900 гг., а также определения центров поверхностей отдельных штатов Менделеев показал, что за двадцать лет центр населенности «дрейфовал» от исторически значимого восточного побережья Атлантики к городам на Великих озерах – Сент-Луису и Чикаго. И это закономерное перемещение к новым промышленным узлам Северной Америки.

Показав, что «по мере увеличения народонаселения и особенно вследствие увеличения равномерности расселения центр населенности должен приближаться к центру поверхности земли, способной к расселению, что и не должно упускать из вида, так как главный интерес заключается в передвижении центра населенности в разные эпохи жизни страны» [14. С. 166], ученый просчитал центр поверхности и центр населенности Российской империи. Полагая, что в ближайшее время центр поверхности не изменится, т.е. Россия не приобретет и не потеряет территории (что оказалось совсем не так – после революции 1917 г. ушли Финляндия, Польша, Прибалтика), он сделал прогноз относительно ближайшей перспективы смещения центра населенности. «Центр же населенности, – писал Менделеев, – при полном сохранении всей территории, должен в России изменяться и – можно даже утверждать с уверенностью – будет двигаться в сторону благодатного юга и обильного зем-

лей востока, как того требуют вся прошлая история нашей страны и ее современное и будущее благополучие. Из данных, рассмотренных выше, и из общеизвестных сведений несомненно, что наш юг и восток могут включить еще очень много народа даже при современном очень невысоком уровне нашей хозяйственной деятельности, а потому центр нашей населенности неизбежно должен двигаться как с севера на юг, так и от запада к востоку. Все, что задерживает или будет задерживать это передвижение, – только вредно, какими бы «добрыми желаниями» оно ни было проникнуто. Мое личное мнение сводится к тому, что промышленное развитие, начальное образование и благоустроенная "свобода" сильно ускорят и помогут ходу указанной исторической необходимости» [14. С. 167].

Физически центр поверхности России должен был размещаться между Обью и Енисеем в районе Туруханска. Понимая, что при народно-хозяйственной деятельности того времени это невозможно, Менделеев сделал оговорку, что надо развивать разведку недр и промышленность в целом как наиболее перспективное направление государственной политики. При этом он «вычитает» из своих выкладок районы тундры и северных лесов как непригодные для сельскохозяйственной деятельности. Теперь конкретной картографической привязкой центра уже поверхности, благоприятной для расселения, должен стать район «около границы Тобольской и Томской губерний, немного севернее Омска. Можно полагать, что в направлении примерно к этому месту – с уклоном на юг – будет в ближайшие десятилетия перемещаться современный центр населенности» [Там же. С. 177–178].

Завершая анализ взглядов Менделеева, отметим политико-нравственную составляющую его изысканий. Обращаясь к недавно возникшему в России институту парламентаризма – Государственной думе, он обрисовал альтернативы Российской империи: «Будем ждать, что хоть в Государственной думе найдется благоразумное большинство, понимающее всю сложность теперешнего нашего состояния и необходимость установить прочные пути как для промышленности, так и для расселения, чего без экономической "свободы" сделать нельзя и чего политические "свободы" сами по себе одни сделать не могут» [Там же. С. 167].

Таким образом, пространства Сибири, наряду с развитием образования для всего населения, и национальная промышленность, по мнению выдающегося ученого, становились ресурсами настоящей свободы для россиян, «благоустроенной свободы», как он ее называл. Альтернативой же было стремление к политическому переустройству: перемене власти, акцентированию внимания на политических свободах и т.д., вплоть до раздражавшей Менделеева пустой траты бюджетных средств на образцовых «балагуров» и «забастовщиков» вместо подготовки ученых и инженерных кадров.

Ближайшее время показало, что победила вторая точка зрения, а именно иллюзия возможности решить социально-экономические проблемы истории путем перескакивания сразу через целые этапы и того, что «власть» – это эффективный инструмент «против законов исторической необходимости». «Существование разных темпов в различных сферах общественной жизни подтверждается типологией П. Ласлета, выделяющего четыре типа изменений в зависимости от их темпов: 1) быстрые, в т. ч. политические перемены, смена мод, взглядов; 2) средние – экономические, коммуникационные, технические, демографические, институциональные и пр.; 3) медленные – конституционные, в религиозных и нерелигиозных убеждениях; 4) очень медленные – нормативные, в производственных отношениях, в социальной структуре» [15. С. 145].

Следует отметить существенное для данной проблематики прочтение темпоральных изменений: «институциональные структуры в политическом мире (для нашей проблемы это, прежде всего, государство) действуют преимущественно в ритмах линейного времени, а "культурные", то есть те, жизнь которых более детерминирована архаическими пластами культуры, чем целеполаганием, – чаще в ритмах времени циклического» [Там же]. Это было типично для России с ее хозяйственным укладом и менталитетом. Конечно, ускорение темпов развития должно проистекать в экономической сфере для того, чтобы стать «локомотивом» остальных процессов.

Методологически важные для планирования народно-хозяйственного развития и политически значимые для управления страной расчеты Менделеева, о которых речь шла выше, пришлись не только на период Первой русской революции 1905–1907 гг., но и на время между двумя наиболее значимыми социально-экономическими событиями по обустройству Сибири. Первое – строительство Транссибирской железной дороги, или, как ее официально называли, – Великого сибирского пути. Второе – Столыпинская аграрная реформа.

Начнем с уникального даже по нынешним меркам проекта строительства железной дороги, которая должна была связать политические и экономические центры – Петербург и Москву – с Владивостоком. До настоящего времени самая протяженная в мире железная дорога – более 9 000 км – не просто была построена, а построена менее, чем за десять лет. В справочных изданиях, да и специальных работах нередко называют круглую цифру 10. Тем не менее на 19 мая 1891 г., когда наследник царского престола Великий князь Николай заложил основание Уссурийской железной дороги, проект Великого сибирского пути был еще в планах его отца – императора Александра III. С.Ю. Витте писал в своих мемуарах о событиях 1892 г., когда он, уже, будучи министром финансов, ознакомился с теневой стороной проблемы: «Император Александр III мне как бы жаловался на то, что вот, несмотря на все его усилия в течение 10 лет, он все время встречает со стороны министров, в комитете министров и в Государственном Совете затруднения в быстром исполнении этой мысли» [16. С. 392]. Для Сибири и для России в целом стало большой удачей, что сам Витте, в прошлом служивший на железных дорогах Юга и Запада России, а затем и в ранге министра, понимал и значение такой дороги, и спе-

цифику вопроса, и вопросы финансирования. Но самым важным стал политический шаг, когда в качестве председателя создаваемого особого комитета Сибирской железной дороги – органа, обладающего значительными полномочиями для решения этой комплексной проблемы без проволочек – а это не только технические и финансовые, но и законодательные вопросы, был поставлен наследник престола Великий князь Николай. Итак, начала воплощаться императорская идея, двигателем ее стал бывший служащий железных дорог, а к этому моменту – министр финансов, наконец, подпись цесаревича Николая придавала решениям комитета уже форму закона. Наследник престола Николай «очень увлекся этим назначением, принял его близко к сердцу; когда сделался Императором, то сохранил за собою звание председателя сибирского комитета и все время интересовался этим делом. Конечно, благодаря этому я и мог так быстро подвинуть дело сибирской дороги, так что этот великий сибирский путь был в течение нескольких лет совершенно устроен, и Петербург или, иначе говоря, Париж соединился с Владивостоком прямым железнодорожным путем», – писал Витте [16. С. 395].

К геополитической стороне вопроса мы еще вернемся, сейчас же – о главной теме статьи. Великий сибирский путь был напрямую связан с главным сибирским фронтиром – крестьянским.

Александр III получил в наследство не только трон, обагренный кровью отца, убитого террористами, но и нерешенную проблему фактического освобожденных крестьян. На 1861 г., когда Александром II был подписан исторический документ об освобождении крепостных крестьян, таковых от общей численности населения России было 36%. Если учесть, что крестьяне получили право на землю за выкуп, что эта земля отходила не им лично, а сельской общине и, наконец, тот факт, что процесс освобождения растянулся на полвека, то решение проблем новых сельскохозяйственных земель, в том числе и сибирская альтернатива, были своевременными. Витте писал об этом в связи с решением о строительстве железной дороги: «Теперь уже не составляет вопроса: есть ли переселение крестьян из Европейской России в Сибирь благо или нет? <…> Еще 18 лет тому назад это считалось вредом, и правительство принимало все меры в административном порядке для того, чтобы крестьяне были пригвождены к своей земле… Император Александр III, конечно, утвердил журнал Сибирского комитета, в котором была выражена идея о полезности переселения для общегосударственных интересов и идея о вреде искусственного затруднения этого переселения» [Там же. С. 401–402]. Добавим для сравнения: величайший технический проект строительства Транссиба был воплощен за 10 лет, а ликвидация рабства в России растянулась на 50 лет, что свидетельствует о фактической неспособности российской власти эффективно решать крупные социальные проекты ненасильственными методами.

В связи с исследованием роли Транссиба возникает желание сравнить два фронтира – американский и сибирский. Начнем с того, что у США и России была общая модель расширения территории. Как пишет американский историк и политолог Дэниел Бурстин, у стран Старого Света, таких как Англия, Франция, Германия и Италия, это был процесс объединения; «национальная история Соединенных Штатов – это *история разрастания*. Соединенные Штаты с самого начала росли, добавляя новые районы из внутренних территорий с необозначенными границами» [17. С. 534]. Историей разрастания был и процесс освоения новых территорий Россией (вплоть до Аляски, Алеутских островов и фортов в Калифорнии с 1648 по 1867 г.). Следует заметить, что обе величайшие державы, Россия и США, практически одновременно стали решать проблему отмены рабства. Наконец, устойчивое железнодорожное снабжение не только давало шанс на современное решение проблемы связи США с Европой через Северную Азию с помощью железных дорог, но и делало возможным выгодные коммерческие сделки при строительстве дороги и транзите товаров, привлечение инженеров, оборудования из страны, которое в 1860-х гг. решило проблему связи восточного и западного побережий, переселения на Запад, освоения и последующего развития новых земель.

Американцы по-разному относились к политике царского правительства в Сибири. Для некоторых Сибирь была большой тюрьмой, с чем просто невозможно спорить, но в субъективном плане этому в немалой степени способствовали публикации Джорджа Кеннана, впоследствии объединенные автором в книгу «Сибирь и ссылка». Вышел ли Кеннан во время своей многомесячной поездки по Сибири на тему ссылки (не заметить ссыльных в Сибири было просто невозможно) и реализовал возможность «продать сенсацию», был ли это социальный заказ – сегодня трудно судить. Но значение книги, выступлений автора с ее презентациями, в арестантской одежде и кандалах, сыграли, пожалуй, для Сибири такую же отрицательную имиджевую роль (подробнее см.: [18. С. 320–388]), какую для России в целом – книга маркиза де Кюстина.

Существовали и сторонники России, оправдывавшие ее деятельность в Северной Азии и считавшие, что «русские были такими же экспансионистами, как англичане, французы, немцы, американцы, и, также как последние, хотя, вероятно и с использованием восточных методов, выполняли естественную и в конечном итоге прогрессивную программу *территориального расширения*» [Там же. С. 315]. Эта цитата из статьи «Экспансия России в XIX столетии» (1901) профессора Гарвардского университета Арчибальда Кулиджа подчеркивает правильность наших сравнений России и США в плане территориального роста. Утвердившись во мнении о цивилизаторском характере русского фронтира в Сибири, сторонники данной точки зрения нередко сравнивали Ермака с Кортесом, «Кортес славян» [18. С. 315, 332]. «Сибирское Эльдорадо», «сибирский Клондайк» – это уже типично американское видение рая. Американские путешественники, по совместительству сотрудничавшие с газетами, задавали тон. Например, для Дж. Ральфа Сибирь –

это «земля обетованная», где благодаря Транссибу найдут свою мечту тысячи крестьян-колонистов [18. С. 323]. Профессор Эдвин Гросвенор, как пишет В.И. Журавлева, не просто противополагал Сибирь Европейской России, но и считал, что из Сибири вставало солнце политического обновления Российской империи [Там же. С. 333]. Конгрессмен Э. Хилл, проехавший во время кругосветного путешествия в 1901 г. по Транссибу до Европы, также «противопоставлял Европейскую Россию и Сибирь, где вместо преступников и ссыльных он увидел территорию, на 97% населенную крестьянами-колонистами, жившими лучше и свободнее, чем русские к западу от Урала и чем жители в некоторых европейских странах» [Там же. С. 334–335].

Надо заметить, что к этому времени, а именно в 1900 г., вышел указ императора Николая II, которым отменялось такое наказание, как ссылка в Сибирь, а в ноябре 1901 г. был запущен в эксплуатацию Великий сибирский путь, связавший Европу и Тихий океан, но сыгравший роль станового хребта для заселения Сибири, сконцентрировавший вокруг себя промышленные предприятия на востоке России, тем самым обеспечивший переход к промышленному капитализму в тех землях, которые не знали феодальной зависимости и которым ближе был американский образ хозяйствования, естественно, с поправками на традиционную культуру и рутинный характер политического управления. По поводу сопоставления двух фронтиров XIX в., американского и сибирского, американский дипломат (как указывает В.И. Журавлева, ссылаясь на его статью) Т. Биль (в журнале Cosmopolitan. 1897–1898. Vol. 24) писал, что «при сравнении американских фронтирсменов и русских он нередко отдавал предпочтение последним» [Там же. С. 332]. Бесспорно, и аналогии с США, и образы «американской Сибири» должны критически корректироваться. Во-первых, это климат. В Сибири он значительно отличается от климата на западе Соединенных Штатов. Об этом справедливо писал А.Д. Агеев: на Тихоокеанском Северо-Западе «природа была почти как на Атлантическом Северо-Востоке», русские же из всей Сибири выбирали преимущественно лесостепи, привычные для Европейской России [19. С. 40–44]. Во-вторых, политическая система и способы управления. Если в США для политического обустройства нового штата требовалось максимум 62 года (Нью-Мексико) и новая территория обретала равноправие со старыми штатами, при этом отражая в собственной конституции территориальную и политико-культурную уникальность не только в отношении штатов-соседей, но и федеральной власти [17. С. 535–536], то в России доминировала унитарность центра. Оговоримся, что царское правительство в вопросах своеобразия не было столь нетерпимым, это касалось и таких составных частей империи, как Царство Польское и Финляндия, Прибалтика (в вопросе отмены крепостного права), а также политических традиций Средней Азии и Кавказа. Вспомним и высказывания Арсеньева относительно свобод для различных сословий в Сибири. Но в целом система самодержавного управления являлась тормозом развития новых социально-политических отношений.

Незавершенность реформы по освобождению крепостных крестьян тормозила развитие хозяйственных и социально-политических отношений, что осознавали и в правительстве. Это лежало тяжелым бременем на плечах самого массового сословия – крестьянства. Российские окраины и, прежде всего, Сибирь стали пространством, где искали «лучшую долю» крестьяне в ходе так называемой Столыпинской аграрной реформы.

В русском языке слово «доля» означает определенную часть чего-то и одновременно является синонимом судьбы. В отличие от «воли», о которой речь шла в начале статьи в связи с казаческим фронтиром, доля не зависит от желания и поступков человека, она дана свыше. Русские пословицы уделяют большое внимание этой составной части национального менталитета. Например, в известном словаре Владимира Даля есть такое сопоставление доли и воли: «Не в воле счастье, а в доле» [20. С. 1152]. И оно отличается от казацкой пословицы «Казака доля – сабля и воля». Но если казак свою долю саблей добывает, то и крестьянину нет запрета на поиск лучшей доли. Нередко эти поиски связаны с переменой места, обретением своего «земного рая». Крестьянский сибирский фронтир, зародившийся в XVII в. как вольные переселения за Урал в поисках лучшей доли, сначала был нерегулируемым правительством. Крестьяне селились под защитой казачьих крепостей, осваивали пашенные земли и сенокосные луга. Впрочем, достаточно быстро им находился хозяин, как правило, это было государство, которое приписывало эти земли к казенным заводам. Постепенно крестьяне проникали и в Восточную Сибирь, и на Дальний Восток. Уже отмечалась роль Транссиба в колонизации Сибири, но самое массовое переселение в условиях железнодорожной связи с этим краем было предпринято премьер-министром Петром Столыпиным. В 2016 г. началу столыпинского проекта исполнятся 110 лет. Остановимся на итогах, сформулированных В.П. Зиновьевым и Н.А. Фёдоровой, – с 1906 по 1914 г. в Сибирь переселилось более 3 млн человек, и это был самый крупный, самый обустроенный фронтир, цивилизовавший не только будущих сибиряков, но и саму Сибирь. Сразу отметим, что это было добровольное переселение. Крестьянам давали возможность посмотреть и выбрать местность, в которой им предстоит жить. Итак, понимание лучшей доли начиналось с поездки в Сибирь представителей добровольных переселенцев – так называемых ходоков. Всего за указанный период за казенный счет в Сибирь съездило свыше 730 тыс. ходоков.

Далее заметим, что цивилизация начиналась для семьи переселенца уже со специального вагона, его сразу назвали «столыпинским». Если раньше это был товарный вагон на одну семью со скарбом, инвентарем и скотом, то «с 1908 г. в вагонах предусматривалось водяное отопление, санузлы, места для приготовления пищи» [21]. Степень подготовленности правительства к реализации кампании подтверждается и

высочайшим уровнем рекламно-информационного сопровождения по всему пути следования переселенцев и на новом поселении. На местах была проведена комплексная работа по обустройству территории. Организованы «землеотводные, гидротехнические и дорожные партии, лесные и с.-х. склады, агрономические и ветеринарные отделы, школы и больницы» (для убедительности приведем следующие цифры: 633 больницы, 163 амбулатории, 2 пастеровские станции и даже 12 лечебных заведений минеральных вод). В корне изменилась логистика: для новых сибиряков проложили свыше 12 тыс. км грунтовых дорог и 857 км водоотводных каналов, соорудили 13 771 колодец и 161 водохранилище. Были построены жилые бараки вдоль линий ж/д, столовые, стационарные фельдшерские пункты [21]. И все это не временные сооружения «под проект», они способствовали дальнейшему обустройству Сибири. Добавим сюда школы, предусмотренные правительством, и новые церковные храмы, возводимые силами губернских епархий, – это картина, типичная для сотен новых населенных пунктов, которые возникали на местах переселений. Лучшая доля и цивилизованный подход со стороны организаторов, включая выгодные кредиты под новый инвентарь, постройку жилья и т.п. (получили свыше 850 тыс. человек), принцип организации, отличный от прежнего уклада, не замедлили сказаться. К началу Первой мировой войны Сибирь стала выходить на первое место по продаже зерна, сливочного масла и других сельскохозяйственных товаров.

Для сравнения: в СССР в период «ликвидации кулачества как класса» семье спецпереселенца разрешалось взять с собой вещей и продуктов столько, сколько войдет на подводу, а личных вещей – сколько можно одеть на себя. Если столыпинскому переселенцу были обеспечены максимально возможные удобства, включая и выбор места для проживания, то семью спецпереселенца могли оставить в тайге, болотистой местности, предоставив для выживания от Советского государства мешок муки, топор, пилу и лопату, чтобы построить землянку и обеспечить себя топливом на зиму. Статистика насильственной депортации в Сибирь еще нуждается в обстоятельном изучении. До сих пор историки расходятся в цифрах, сколько миллионов человек было принудительно отправлено в Сибирь; в контексте нашей статьи существеннее показать, что это был умышленно организованный ад, и уже на втором месте стоит принцип внеэкономического принуждения, целью которого была «эффективность» социалистического строительства.

Политическая ссылка в Сибирь, возобновленная Советами в 1921 г., депортация репрессированных народов в 40-е гг., роль ГУЛАГа в экономике Сибири в целом – бесспорно, отдельные темы. Даже специальные исследования не всегда раскрывают потенциал Сибири и возможность новых фронтиров. В 2007 г. в России вышел перевод книги американских авторов Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди «The Siberian Curse. How Communist Planners Left Russia Out in the Cold», деликатно озаглавленный переводчиками «Сибирское бремя», хотя оригинал звучит как «Проклятие Сибири» [22].

И все же система ГУЛАГа как главная экономическая сила развития Сибири, дотационность и бесперспективность сибирской экономики, а главное – холод как основная черта сибирской жизни напоминают старые идеи Джорджа Кеннана, которые исследователи сочли достаточными для характеристики фронтира. «Скорее холод, чем величина территории, определяют сущность распространенных сегодня представлений о России… *Россия* ассоциируется в воображении иностранного обывателя с Сибирью, вечной мерзлотой и водкой, согревающей тело и поднимающей дух в долгую зимнюю ночь» [22. С. 40]. Дальше идет пассаж, которой можно назвать по его расхожести «генерал Зима», с примерами из кампаний 1812 и 1941–1943 гг. Холод вместе с территорией – это два стратегических актива России.

В отношении будущего Сибири авторы недвусмысленны: «Сибирь очень нужна России, но россиян не надо заставлять или убеждать жить в Сибири… важно не препятствовать тем, кто может или желал бы уехать» [Там же. С. 226]. Ф. Хилл и К. Гэдди осознают стоимость рефронтира, понимают, что это не по силам правительству России. На этот счет, по их убеждению, можно использовать программы международной помощи, а вместо переселяемых сибиряков разумно использовать силы мигрантов, к примеру, из Средней Азии или новые технологии с их обслуживанием вахтовым методом. От территории-концессии проект отделяет сохранение суверенитета России в Сибири и на Дальнем Востоке и компенсация в виде придания Сибири статуса всемирного наследия ООН и особо охраняемой территории. «Пора прекратить создавать мифы о Сибири. Россиянам стоит начать думать о бескрайних зауральских пространствах как о *российском пространстве*, а не как о *России*. В мыслях о России и ее экономической географии ключевая позиция сердца Родины должна быть возвращена историческому центру вокруг Москвы… Сибирь следует начать вновь рассматривать как “ресурсный рубеж”» [Там же. С. 224].

Таким образом, 400 лет сибирского фронтира американские авторы предлагают отмотать назад, как фильм с не очень удачным сюжетом и бесславным концом. Вернуться во времена Ивана Грозного, но не в режиссуре Сергея Эйзенштейна, а его голливудском ремейке. Что касается мифов о Сибири, то они возникли раньше, чем началось ее освоение. Они эволюционировали от сказаний об Александре Македонском и более поздних византийских и русских легенд. Миф – это не поверхностно понимаемая ложная картина, а универсальная интерпретационная схема. Она действует вне рационального поля, поэтому концепты «Родина» и «сердце Родины» как раз относятся к базовым мифоконструктам.

Эволюционировало и само содержание мифов о Сибири: от образа великой пустыни за Уралом до земли, населенной неведомыми существами, и, наконец, до образов земного рая или ада. Не всегда этот образ соответствовал реалиям, но если воспользовать-

ся концептом «Родина», то это Сибирь в результате добровольной и принудительной селекции создала особый тип россиян. «Сибиряки – народ сборный, но отборный», – писал в своих мемуарах советский руководитель Егор Лигачев [23. С. 35].

Действительно, с точки зрения статистики Сибирь удивляет своими парадоксами. Составляя (вместе с Дальним Востоком) почти 74% российской территории, она является родиной всего для 26 млн человек.

С другой стороны, это практически пятая часть населения страны. На данный момент в России сложилась противоречивая ситуация с точки зрения понимания места Сибири в государственной политике. С одной стороны, вызванный санкциями политический и экономический дрейф к Азии (газопровод «Сила Сибири», евразийские союзы), укрепление экономического и военного влияния в Арктике [24]. С другой стороны, на всю Сибирь не хватает ресурсов, как, например, на поддержку и развитие территорий Дальнего Востока с отдельной «строкой бюджета», созданием министерства развития Дальнего Востока и рядом комплексных программ, включая военные и космические. Поэтому в ближайшее время трудно ожидать очередного внутрироссийского фронтира в «подающую надежды» Сибирь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев К. Начертание статистики Российского государства. СПб. : Б. и., 1818. Ч. 1: О состоянии народа.
2. Костомаров Н. Ермак Тимофеевич // Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Б. и., 1915. Т. I: Господство дома Св. Владимира. С. 461–473.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М. : Прогресс, 1992. Т. 3: Время мира.
4. Аверинцев С. Византия и Русь: Два типа духовности // Другой Рим: Избранные статьи. СПб. : Амфора; ТИД Амфора, 2005. С. 315–365.
5. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб. : Филол. фак-т СПб. гос. ун-та, 2000.
6. Паперный В. Культура Два. 2-е изд., испр., доп. М. : Новое литературное обозрение, 2006.
7. Ремезов С.У. История сибирская. Летопись Сибирская краткая Кунгурская // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. вторая. М. : Худож. лит., 1989. С. 550–582.
8. Костомаров Н. Сибирские землеискатели XVII века // Костомаров Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М. : Б. и., 1915. Т. II: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. С. 311–319.
9. Роспись Китайского государства и Монгольских земель, составленная томским казаком И. Петлиным. URL: http://www.predistoria.org/index.php?name=News&file=article&sid=526, свободный.
10. Bodnar A. Czas i przestrzen w polityce // Mechanizmy polityczne zycia spolecznego. Ciaglosc i zmiana w zyciu politicznym / pod red. T. Kementewicza. Warszawa, 1988.
11. Щеглова Т.К. Ярмарки Западной Сибири и степных областей во второй половине XIX века. Из истории российско-азиатской торговли. Барнаул, 2002.
12. Арсеньев К. Начертание статистики Российского государства. Ч. 2: О состоянии правительства. СПб. : Б. и., 1819.
13. Менделеев Д.И. О карте России // К познанию России. М. : Айрис-пресс, 2002. С. 180–203.
14. Менделеев Д.И. О центре России // К познанию России. М. : Айрис-пресс, 2002. С. 159–179.
15. Щербинин А.И. Политический мир во времени и пространстве // Полис. Политические исследования. 1994. № 6. С. 142–149.
16. Витте С.Ю., граф. Воспоминания. Берлин : Слово, 1923.
17. Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М. : Прогресс ; Литера, 1993.
18. Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. М. : РГГУ, 2012. Гл. 5.
19. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад : движение фронтиров. Иркутск : Иркут. ун-т, 2002.
20. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Прогресс-Универс, 1994. Т. 1.
21. Зиновьев В.П., Фёдорова Н.А. Переселение в Сибирь и на Кавказ // Фонд изучения наследия П.А. Столыпина. URL: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=106, свободный.
22. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007.
23. Лигачёв Е.К. Предостережение. М. : Правда, 1999.
24. Щербинин А.И., Данилова Е.А. Россия: символический опыт и инновационные возможности в геополитической борьбе за Арктику // ПОЛИТЭКС – ПОЛИТическая ЭКСпертиза. 2014. Т. 10, № 4. С. 101–109.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 апреля 2016 г.

WILL AND FATE: SIBERIAN FRONTIER AS A SEARCH FOR PARADISE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 178–187.
DOI: 10.17223/15617793/408/27

Shcherbinin Alexey I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru
Shcherbinina Nina G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Keywords: Siberia; frontier; passionarity; concepts ‘will’ and ‘fate’; politics.

Siberia occupies about two-thirds of the territory of the Russian Federation. In the present article the authors consider the moral and political bases of the Siberian frontier as a phenomenon of development of this vast territory that is unique in its scale and speed. There are stereotypes of the Western society, and sometimes of the Russians themselves, about the “dark Siberia”: emptiness, cold, night, bears, hard labor, when the Siberian world just shrinks to the abbreviation GULAG. No doubt, the extreme climatic conditions of the region as well as the horrors of Siberian camps should not be ignored. At the same time, it should be recalled that, paradoxically, this land, in particular because of its vastness and remoteness from Moscow and Saint-Petersburg, has been considered for centuries as a place of refuge and asylum, as the promised land, where new social practices can take place, as a land of freedom in isolation from an authoritarian and predatory “center”. The authors consider the dichotomic concepts ‘will’ and ‘fate’ as mental background of massive waves of migration to Siberia – Cossack and peasant ones respectively. Human diversity has created a kind of a “spiritual reservoir” for a potential transformation in Siberia today, as before, for the missionaries of various denominations as a result of a variety of religious interactions and ideas. Finally, through history this region can be considered as a kind of Eden where different and even opposing styles and models of life coexist – the traditional economy of the Siberian peoples and the oil and gas industry. Protective space for somebody, territory of utopias

implementation for others, Siberia has also been and continues to be a place of economic migration. For the Russian internal space as well as for the external one, natural resources of Siberia make a real Eldorado of it. In the process of development the content of the myths about Siberia has been changing: from the image of a great desert out of the Urals to the images of terrestrial paradise or hell. It is not always that this image corresponds to reality, but if we use the concept 'Homeland', it is Siberia that as a result of voluntary and forced selection has created a special type of Russians. The very perception of Siberia as 'paradise' or 'hell' is a value basis for the ongoing discussion about the importance of this land for Russia.

REFERENCES

1. Arsen'ev, K. (1818) *Nachertanie statistiki Rossiyskogo gosudarstva* [Writing of statistics of the Russian State]. Vol. 1. St. Petersburg.
2. Kostomarov, N. (1915) Ermak Timofeevich. In: Kostomarov, N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley* [Russian history in the lives of its principal figures]. Vol. 1. Moscow.
3. Braudel, F. (1992) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material civilization, economy and capitalism, 15th–18th centuries]. Vol. 3. Moscow: Progress.
4. Averintsev, S. (2005) Vizantiya i Rus': Dva tipa dukhovnosti [Byzantium and Russia: Two types of spirituality]. In: Averintsev, S. *Drugoy Rim: Izbrannye stat'i* [Other Rome: Selected Articles]. St. Petersburg: Amfora.
5. Kolesov, V.V. (2000) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Rus: Heritage in the word. World of man]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg. State University.
6. Papernyy, V. (2006) *Kul'tura Dva* [Culture Two]. 2nd ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Remezov, S.U. (1989) Istoriya sibirskaya. Letopis' Sibirskaya kratkaya Kungurskaya [The history of Siberia. Brief Siberian Kungur annals]. In: Dmitriev, L.A. & Likhachev, D.S. (eds) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XVII vek* [Monuments of literature of ancient Russia. 17th century]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit.
8. Kostomarov, N. (1915) Sibirskie zemleiskateli XVII veka [Siberian land-seekers of the 17th century]. In: Kostomarov, N.I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley* [Russian history in the lives of its principal figures]. Vol. 2. Moscow.
9. Petlin, I. (1619) *Rospis' Kitayskogo gosudarstva i Mongol'skikh zemel', sostavlennaya tomskim kazakom I. Petlinym* [Story of the Chinese state and Mongolian lands compiled by Tomsk Cossack I. Petlin]. [Online] Available from: http://www.predistoria.org/ index.php?name=News&file=article&sid=526.
10. Vodnar, A. (1988) Szas i przestrzen w polityce [Time and space policy]. In: Kementewicz, T. (ed.) *Mechanizmy polityczne zycia spolecznego. Ciaglosc i zmiana w zyciu politicznym* [Political mechanisms of social life. Continuity and change in political life]. Warsaw.
11. Shcheglova, T.K. (2002) *Yarmarki Zapadnoy Sibiri i stepnykh oblastey vo vtoroy polovine XIX veka. Iz istorii rossiysko-aziatskoy torgovli* [Fairs of Western Siberia and the steppe regions in the second half of the 19th century. From the history of Russian-Asian trade]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
12. Arsen'ev, K. (1819) *Nachertanie statistiki Rossiyskogo gosudarstva* [Writing of statistics of the Russian State]. Vol. 2. St. Petersburg.
13. Mendeleev, D.I. (2002) O karte Rossii [About the map of Russia]. In: Kostyashkin, N.A. & Goncharova, E.M. (eds) *K poznaniyu Rossii* [To the knowledge of Russia]. Moscow: Ayris-press.
14. Mendeleev, D.I. (2002) O tsentre Rossii [About the center of Russia]. In: Kostyashkin, N.A. & Goncharova, E.M. (eds) *K poznaniyu Rossii* [To the knowledge of Russia]. Moscow: Ayris-press.
15. Shcherbinin, A.I. (1994) Politicheskiy mir vo vremeni i prostranstve [The political world in time and space]. *Polis*. 6. pp. 142–149.
16. Count Vitte, S.Yu. (1923) *Vospominaniya* [Memories]. Berlin: Slovo.
17. Burstin, D. (1993) *Amerikantsy: natsional'nyy opyt* [Americans: national experience]. Moscow: Progress; Litera.
18. Zhuravleva, V.I. (2012) *Ponimanie Rossii v SShA: obrazy i mify* [Understanding of Russia in the United States: Images and myths]. Moscow: RSUH.
19. Ageev, A.D. (2002) *Sibir' i amerikanskiy Zapad: dvizhenie frontirov* [Siberia and the American West: the movement of the frontiers]. Irkutsk: Irkutsk State University.
20. Dahl, V.I. (1994) *Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language]. Vol. 1. Moscow: Progress-Univers.
21. Zinov'ev, V.P. & Fedorova, N.A. (n.d.) *Pereselenie v Sibir' i na Kavkaz* [Resettlement in Siberia and the Caucasus]. [Online] Available from: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=106.
22. Hill, F. & Gaddy, C. (2007) *Sibirskoe bremya. Proschety sovetskogo planirovaniya i budushchee Rossii* [Siberian burden. The miscalculations of the Soviet planning and the future of Russia]. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyy forum po mezhdunarodnym otnosheniyam.
23. Ligachev, E.K. (1999) *Predosterezhenie* [Warning]. Moscow: Pravda.
24. Shcherbinin, A.I. & Danilova, E.A. (2014) Rossiya: simvolicheskiy opyt i innovatsionnye vozmozhnosti v geopoliticheskoy bor'be za Arktiku [Russia: a symbolic experience and innovative capabilities in the geopolitical struggle for the Arctic]. *POLITEKS – POLITicheskaya EKSpertiza – Political Expertise: POLITEX*. 10:4. pp. 101–109.

Received: 19 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 188–194. DOI: 10.17223/15617793/408/28

ПРАВО

УДК 347.4

Д.И. Верховец

О ПОНЯТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ КРЕДИТОРА ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВУ

Исследуется проблема понятия защиты прав кредиторов по обязательству. В результате внесения изменений в Гражданском кодексе РФ появилась общая норма, устанавливающая некоторые способы защиты прав кредиторов в обязательстве, в связи с чем возникла необходимость в анализе понятия защиты обязательственных прав. Рассматриваются существующие в науке подходы к данному понятию, обосновываются особенности защиты прав кредиторов в обязательстве, формулируется определение данного понятия.

Ключевые слова: защита гражданских прав; обязательство; кредитор; защита прав кредитора; способы защиты.

Правовые отношения – динамичный элемент механизма правового регулирования, особенно в рамках гражданско-правового оборота, где его участники действуют свободно, своей волей и в своем интересе осуществляют принадлежащие им права и исполняют обязанности. Вследствие установления такой свободы в действиях субъектов, ими могут допускаться различного рода нарушения, неисполнение обязанностей, учинение иных препятствий для реализации другой стороной ее прав. Для обеспечения надлежащего исполнения участниками правоотношений своих обязанностей и восстановления нарушенных прав устанавливаются различные механизмы защиты прав.

Несмотря на то что понятие «защита права» не конкретизировано законодателем в виде какой-либо дефинитивной нормы, на уровне цивилистической доктрины оно неоднократно становилось объектом исследований. Вместе с тем говорить о единодушии в рядах правоведов и выработке единого подхода к пониманию защиты права пока не приходится. Правовая дискуссия относительно данного вопроса осложняется еще и тем, что проблема защиты права имеет комплексный (межотраслевой) характер, поскольку отношения, складывающиеся в области защиты принадлежащих участникам имущественного оборота благ, регулируются различными отраслями российского права [1. С. 90]. По этой причине научные изыскания могут проводиться как посредством анализа только частноправовых или только публично-правовых аспектов защиты права, так и посредством исследования комплексного (межотраслевого) характера [Там же]. Результаты таких исследований имеют бесспорно важное значение. При этом мы солидарны с утверждением о том, что наибольшую значимость имеют автономные исследования (в нашем случае гражданско-правовое) проблематики защиты права.

В цивилистическом ключе изучения обозначенной выше темы развернулась дискуссия о том, как соотносятся между собой понятия «защита» и «охрана». В рамках данной научной дискуссии решается, помимо всего прочего, вопрос и том, насколько содержательно широки указанные понятия: идет ли речь только о восстановлении нарушенных прав или необходимо говорить и о более широком круге правоотношений, в том числе связанных с оспариванием гражданских прав и угрозой их нарушения.

Так, О.С. Иоффе не дает самостоятельного определения такой категории, как «защита», вместо этого активно использует термин «охрана гражданских прав», указывая, что эта категория более объемная, чем одна только сфера борьбы с гражданскими правонарушениями, хотя и не тождественна всем видам и способам законодательного регулирования имущественных и личных неимущественных отношений [2. С. 4]. При рассмотрении конкретных способов защиты, предусмотренных в законе, О.С. Иоффе делает вывод о том, что далеко не все из них применяются в связи с совершенным правонарушением, некоторые (например, признание права, прекращение или изменение правоотношения) могут использоваться лишь в предвидении правонарушения в будущем, т.е. при угрозе его наступления [Там же. С. 38].

Таким образом, по мнению О.С. Иоффе, защита и охрана есть тождественные понятия, которые не сводятся только лишь к мерам, направленным на устранение последствий совершенных правонарушений, а включают также большое количество иных норм, регулирующих отношения участников гражданского оборота.

А.П. Сергеев рассматривает понятие охраны в двух смыслах. В широком смысле слова охрана представляет собой совокупность различного рода мер (не только юридических), направленных на создание благоприятных условий для осуществления участниками гражданского оборота своих субъективных прав. Правовая охрана в узком смысле слова есть защита и включает в себя меры, направленные на восстановление или признание прав в случае их нарушения или оспаривания [3. С. 540]. Иначе говоря, только применительно к правовой охране в узком смысловом значении существует необходимость в оперировании понятием защита.

Вместе с тем далеко не все ученые солидарны с отождествлением искомых понятий. Так, по мнению В.А. Тархова, охрана каждого права существует постоянно и имеет целью обеспечить его осуществление, не допустить его нарушения, в то время как необходимость прибегнуть к защите прав возникает лишь при их нарушении, оспаривании либо угрозе нарушения [4. С. 259–261].

Аналогичную точку зрения выдвигает Ю.А. Тарасенко, отмечая, что целью охраны выступает обес-

печение существования или надлежащего осуществления самого субъективного гражданского права, недопущение его нарушения, а о необходимости защиты гражданских прав следует говорить лишь при нарушении, оспаривании или угрозе нарушении прав [5. С. 18].

Сходного мнения придерживается и Н.С. Малеин, указывая, что охрана прав и интересов осуществляется через правовое регулирование (т.е. постоянно), а защита прав необходима лишь при нарушении, поэтому защита права – это система юридических норм, направленных на предупреждение правонарушений и устранение их последствий [6. С. 25, 192].

А.И. Базилевич разграничивает категории охраны и защиты прав следующим образом: охрана прав представляет собой мероприятия, связанные с предупреждением нарушения прав, а защита состоит в восстановлении нарушенных прав или тех прав, которые находятся под угрозой нарушения [7. С. 34].

Не трудно заметить, что в вышеизложенных подходах отграничение защиты от охраны гражданских прав производится по цели, времени, способам функционирования, что, несомненно, имеет важное значение. На наш взгляд, эти подходы позволяют более четко определить содержание понятия «защита гражданских прав», когда таковая применяется не только при нарушении субъективных прав, но и при их оспаривании либо угрозе их нарушения. Столь широкая трактовка смыслового наполнения термина «защита гражданских прав» обеспечивается прежде всего содержанием норм позитивного права.

Статья 12 ГК РФ устанавливает перечень способов, которыми может осуществляться защита гражданских прав. Один из таких способов – признание права. К данному способу защиты прибегает лицо, право которого оспаривается, однако самого факта нарушения нет. Так, в соответствии с п. 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», лицо, считающее себя собственником находящегося в его владении недвижимого имущества, право на которое зарегистрировано за иным субъектом, вправе обратиться в суд с иском о признании права собственности. Согласно п. 25 указанного Постановления, в силу п. 3 ст. 222 ГК РФ право собственности на самовольную постройку может быть признано судом за лицом, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, где осуществлена постройка. В соответствии с абз. 3 п. 26 Постановления, если иное не установлено законом, иск о признании права собственности на самовольную постройку подлежит удовлетворению при установлении судом того, что единственными признаками самовольной постройки являются отсутствие разрешения на строительство и / или отсутствие акта ввода объекта в эксплуатацию, к получению которых лицо, создавшее самовольную постройку, предпринимало меры. В этом случае суд должен также установить, не нарушает ли сохранение самовольной постройки права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает ли угрозу жизни и здоровью граждан [8]. Приведенные примеры подтверждают, что обращение в суд с иском о признании права необходимо, если право оспаривается, однако факт оспаривания не является нарушением права, которое служит основанием для использования иных способов защиты.

Также законом предусмотрена возможность предъявления требований о пресечении действий, создающих угрозу нарушения прав (абз. 3 ст. 12 ГК РФ). В данном случае нарушение прав еще не произошло, однако имеются некоторые обстоятельства, свидетельствующие о том, что такое нарушение может произойти в будущем, поэтому для того чтобы предотвратить наступление неблагоприятных последствий, управомоченное лицо вправе такими превентивными мерами обеспечить защиту своего права. В соответствии с п. 1 ст. 1065 ГК РФ, опасность причинения вреда в будущем может явиться основанием к иску о запрещении деятельности, создающей такую опасность. Указанная норма применяется и при наличии лишь угрозы нарушения права. Однако, что следует понимать под угрозой нарушения права? Решение данного вопроса представляется необходимым, поскольку расширение границ понятия угрозы нарушения права приведет к расширению содержания категории «защита гражданских прав», что может повлечь преждевременное и необоснованное обращение субъекта в суд с соответствующими требованиями о пресечении действий, создающих, по его мнению, «угрозу» нарушения права.

С.С. Бондаренко под угрозой нарушения права понимает возможность нарушения права, т.е. наличие в объективной реальности некоторых, но еще не всех, необходимых условий (предпосылок) для нарушения права. При этом в состав угрозы входят три элемента: субъективное право, противоправные действия и допустимость возникновения дополнительных условий, при которых противоправные действия могут привести к нарушению права [9. С. 6]. Таким образом, категория угрозы нарушения прав является оценочной, в каждом конкретном случае необходимо определять, достаточно ли имеющихся условий для признания того, что нарушение права может произойти, есть ли вероятность того, что появятся новые условия, которые приведут непосредственно к правонарушению. Несмотря на сложность оценки условий каждой ситуации, представляется верным и справедливым применение защиты гражданских прав в случае возникновения лишь угрозы нарушения права.

Таким образом, защита гражданских прав представляет собой совокупность мер, направленных на восстановление и признание нарушенных или оспариваемых прав, а также на предотвращение нарушения права при наличии угрозы его нарушения.

Выбор той или иной защитной меры субъективного гражданского права зависит от конкретных обстоятельств. Вместе с тем возможность такого выбора обеспечена конкретным правомочием на защиту (пра-

вом на защиту), которым наделен обладатель защищаемого субъективного права. Является ли правомочие на защиту автономным субъективным правом (т.е. отличным от того субъективного права, в отношении которого реализуется защитный механизм) или такое правомочие, наряду с другими правомочиями, входит в содержание защищаемого субъективного права? При ответе на данный вопрос будем исходить из двух аксиоматичных утверждений: во-первых, субъективное право представляет собой гарантируемые законом вид и меру возможного или дозволенного поведения лица [10. С. 392]; во-вторых, субъективное право – право субъекта правоотношения, т.е. вне связи с правоотношением субъективное право не может существовать.

Представим ситуацию, при которой неисполнение должником лежащей на него обязанности повлекло возникновение убытков. В данном случае факт правонарушения породил возникновение нового правоотношения, носящего охранительный характер, в котором управомоченное лицо вправе требовать возмещения убытков (реализуя тем самым право на защиту), а другое лицо обязано претерпеть неблагоприятные последствия, вызванные его неправомерными действиями. В данном случае самостоятельного субъективного права до момента правонарушения не существовало, но при его возникновении появилось конкретное правоотношение, в котором данное субъективное право обеспечено обязанностью другого субъекта. В таком случае можно было бы сказать о самостоятельности субъективного права на защиту.

Рассмотрим другой пример. Между сторонами был заключен договор купли-продажи, срок исполнения обязанности продавца по передачи вещи наступил, однако продавец уклоняется от исполнения этой обязанности. Покупатель в рамках существующего обязательства по передаче продавцом проданной вещи вправе требовать таковой передачи, поэтому покупатель понуждает продавца к исполнению его обязанности в натуре, т.е. требует передачи проданного товара, тем самым реализуя свое право на защиту путем использования такого способа защиты, как присуждение к исполнению обязанности в натуре, закрепленного в ст. 12, п. 1 ст. 308.3 ГК РФ. В данном случае как такового нового правоотношения при реализации субъектом права на защиту не возникает, данное право реализуется в существующем правоотношении, поэтому некорректно говорить о том, что право на защиту представляет собой самостоятельное субъективное право, оно является лишь правомочием каждого определенного субъективного права, от которого зависит круг тех возможностей, которыми располагает субъект для защиты своего права.

Точку зрения о том, что право на защиту представляет собой одно из правомочий конкретного субъективного права, выдвинул В.П. Грибанов. По его мнению, содержание категории «право на защиту» включает в себя три группы возможностей, принадлежащих управомоченному субъекту: возможность использовать дозволенные законом средства собственного принудительного воздействия на правонарушителя, осуществляя действия фактического порядка (самозащита гражданских прав); возможность применения непосредственно самим управомоченным лицом юридических мер оперативного воздействия на правонарушителя; возможность управомоченного лица обратиться к компетентным государственным или общественным органам с требованием понуждения обязанного лица к определенному поведению. [11. С. 107]. Также В.П. Грибанов подтверждает, что указанные возможности неразрывно связаны с характером самого защищаемого субъективного права. Именно сущностью защищаемого субъективного права определяется, какие именно возможности, в каких сочетаниях принадлежат субъекту в рамках его правомочия на защиту этого права. Например, отказ от просроченного исполнения характерен для обязательственных прав, но не свойствен праву собственности. В связи с этим В.П. Грибанов еще раз убеждается в том, что право на защиту нужно рассматривать лишь через призму правомочий субъективного права ввиду неразрывной связи конкретного содержания права на защиту с защищаемым материальным правом [Там же. С. 108].

Позиции других авторов, считающих право на защиту самостоятельным субъективным правом, также заслуживают внимания. Так, например, И.В. Аксюк говорит о том, что без факта правонарушения в составе субъективного права не может быть правомочия защиты в качестве потенциальной «возможности» в случае нарушения права предъявлять требование о защите нарушенного гражданского права. Субъективное право на защиту всегда конкретно и самостоятельно [12. С. 20–21]. Однако в данном случае остается неясным, каким образом осуществляется связь нарушенного субъективного права и защищающего права, ведь именно нарушенное субъективное право определяет характер применяемых мер для его защиты. В случае же самостоятельности субъективного права на защиту теряется его связь с тем правом, которое собственно и было нарушено.

Таким образом, право на защиту в субъективном смысле представляет собой правомочие в составе каждого конкретного субъективного права, возможность применить предусмотренные законом меры, направленные на восстановление или признание нарушенных прав, предотвращение нарушения права при наличии угрозы нарушения права, а также на компенсацию всех потерь, вызванных нарушением, угрозой нарушения или оспариванием прав.

Осуществляя конкретные действия в целях защиты своего права, участник гражданского оборота тем самым реализует принадлежащие ему правомочия: использует конкретные инструменты, предусмотренные законом на случай нарушения его прав, оспаривания, угрозы нарушения, т.е. применяет закрепленные в законе способы защиты, в результате чего происходит собственно защита его прав.

О.А. Красавчиков под защитой гражданских прав понимал действия государственных или общественных органов по предупреждению нарушения или восстановлению нарушенных прав, охраняемых за-

коном интересов граждан и социалистических организаций [13. С. 95]. С данным толкованием следует не согласиться в части определения защиты через действия государственных и иных органов, в то время как субъект правоотношения может самостоятельно применить ряд мер, закрепленных гражданским законодательством, например в рамках самозащиты права.

По мнению Т.А. Фадеевой, защита права – это совокупность мер правоохранительного характера, направленных на применение в отношении правонарушителя принудительного воздействия с целью признания или восстановления оспариваемого либо нарушенного права [14. С. 191]. Трактовка защиты права через совокупность мер правоохранительного характера представляется верной, поскольку, как уже было сказано выше, закон предусматривает конкретные способы защиты прав, под которыми в науке понимаются меры, прямо предусмотренные законом в целях пресечения оспаривания либо нарушения субъективных гражданских прав и / или устранение последствий такого нарушения [15. С. 235].

В связи с этим под защитой гражданских прав следует понимать комплекс мер, предусмотренных законом, которые может применить субъект (самостоятельно или при помощи государственных органов) в случае нарушения, оспаривания или угрозы нарушения его прав в целях их восстановления, признания, предотвращения наступления правонарушения, компенсации понесенных потерь.

С 1 июня 2015 г. вступила в силу норма ст. 308.3 ГК РФ, устанавливающая защиту прав кредитора по обязательству. Конечно, было бы неправильно говорить о том, что именно с принятием данной нормы в гражданском праве России появился подинститут обязательственно-правовой защиты, так как он существовал и ранее, однако в Гражданском кодексе не имелось некой общей, «отправной» нормы для данного подинститута гражданского права.

Целью введения ст. 308.3 ГК РФ было определение способов защиты, применяемых в обязательстве, и их соотношение с иными способами защиты нарушенных субъективных гражданских прав. Концепция развития гражданского законодательства указывала на два таковых способа защиты (требование принудительного исполнения обязательства; возврата исполненного при досрочном прекращении обязательства), а также отмечала некоторое их соотношение с виндикацией [16]. Итоговая версия нормы представляет собой следующее: «1. В случае неисполнения должником обязательства кредитор вправе требовать по суду исполнения обязательства в натуре, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, иными законами или договором либо не вытекает из существа обязательства. Суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму (п. 1 ст. 330) на случай неисполнения указанного судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1). 2. Защита кредитором своих прав в соответствии с п. 1 настоящей статьи не освобождает должника от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства (глава 25)» [17].

В качестве основополагающего способа защиты в обязательстве нормой данной статьи установлено требование об исполнении обязательства в натуре, что представляется верным и справедливым, так как соответствует первостепенному принципу исполнения обязательств – реальное исполнение обязательства, в соответствии с которым должник должен исполнить именно то действие, которое составляет содержание обязательства.

Помимо этого, в статье указывается на то, что должник не освобождается от ответственности, даже если кредитор обратится к этому способу защиты, т.е. кредитор вправе применить несколько способов защиты.

Безусловно, норма ст. 308.3 ГК РФ не перечисляет все возможные механизмы защиты прав, возникающих из обязательств, она устанавливает лишь некий ориентир для кредитора.

При анализе нормы данной статьи может возникнуть вопрос: почему она затрагивает лишь защиту прав кредитора по обязательству и не говорит о возможности защиты прав должника? Для ответа на этот вопрос следует разобраться в том, что понимается под обязательством, кто является кредитором, а кто должником.

Обязательство представляет собой оформляющее акт товарообмена относительное гражданское правоотношение, в котором один участник (должник) обязан совершить в пользу другого участника (кредитора) определенное действие имущественного характера либо воздержаться от такого действия, а кредитор вправе требовать от должника исполнения его обязанности [18. С. 16]. Кредитором является управомоченное лицо, а должником – лицо обязанное. Содержание субъективного права кредитора раскрывается через некоторую совокупность субъективных правомочий (возможностей). Напротив, содержание субъективной обязанности должника составляет некоторая совокупность обязываний (долженствований). Каждому обязыванию должника соответствует конкретное правомочие кредитора, что в конечном итоге выражается общей формулой – субъективной обязанности должника корреспондирует субъективное право кредитора. Это означает, что обязанное лицо в обязательстве по определению не может иметь права, в том числе право на защиту.

Изложенное позволяет сформулировать определение понятия «защита прав кредитора по обязательству»: под защитой прав кредитора по обязательству следует понимать комплекс мер, предусмотренных законом, которые может применить кредитор по обязательству (самостоятельно или при помощи государственных органов) в случае нарушения, оспаривания или угрозы нарушения его прав должником в целях их восстановления, признания, предотвращения наступления правонарушения, компенсации понесенных потерь. Нормы, применяемые кредитором по обязательству в целях восстановления или признания

нарушенных или оспариваемых прав, возникших из обязательства, а также в целях предотвращения нарушения при наличии угрозы нарушения права, формируют субинститут защиты прав кредитора по обязательству, являющимся составным элементом института защиты гражданских прав.

Особенности защиты прав из обязательства предопределены спецификой обязательственно-правовых отношений.

В соответствии с положениями доктрины гражданского права и нормами Гражданского кодекса РФ (ст. 307 ГК), обязательством является возникающее из договоров, иных сделок, вследствие причинения вреда, вследствие неосновательного обогащения, а также из иных оснований, указанных в Гражданском кодексе, относительное гражданско-правовое отношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

Особенности обязательственно-правовых отношений проявляются в следующем.

Во-первых, это отношения относительные, т.е. праву кредитора противостоит обязанность конкретного должника, в то время как в абсолютных правоотношениях (например, в отношениях собственности) управомоченному лицу противостоит неопределенный круг обязанных лиц, что исключает необходимость конкретизации такого круга обязанных лиц. Соответственно, если в обязательстве право кредитора может нарушить конкретное лицо, которое заранее было известно кредитору, то в правоотношении собственности нарушитель субъективного права проявляется исключительно на стадии нарушения (собственник не способен в силу неопределенности субъектного состава обязанных лиц определить конкретного потенциального нарушителя; им может стать любой субъект гражданского оборота).

Во-вторых, кредитор вправе требовать от должника исполнения определенных действий (бездействия), т.е. кредитор заинтересован в том, чтобы конкретное действие (воздержание от его осуществления) исполнил должник, тем самым кредитор удовлетворит свою потребность, ради которой он и вступал в обязательство с должником. В абсолютных правоотношениях управомоченная сторона заинтересована в большей мере в своих действиях по отношению к конкретному объекту, а обязанности со стороны всех иных субъектов носят пассивный характер.

Поскольку кредитор в обязательстве заинтересован в действиях должника, отсюда вытекает третья особенность, состоящая в том, что важнейшими принципами исполнения обязательств являются принцип надлежащего и реального исполнения. Согласно ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями. Требование надлежащего и реального исполнения предопределяет особенность защиты прав кредитора: при неисполнении или ненадлежащем исполнении он вправе требовать исполнения обязательства в натуре. Как уже было отмечено выше, указание на этот способ защиты в ст. 308.3 ГК РФ призвано сориентировать кредиторов именно на применение данной меры как первостепенного способа защиты. Данное положение находит свое отражение также в положениях гражданского права ряда зарубежных государств.

Например, доктрина гражданского права Германии предусматривает, что существует два типа правпритязаний: первичное, первоначальное право (der Primäranspruch), характеризующее право кредитора требовать исполнения обязательства, возникающее при заключении договора, и вторичное, второстепенное право (der Sekundäranspruch), которое возникает при наличии некоторых препятствий в исполнении, при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обязательства [19. S. 102]. Это право включает право требовать возмещения убытков (der Schadensersatz), которое тоже бывает нескольких видов, среди них требование возмещения убытков вместо исполнения обязательства (т.е. требование об исполнении обязательства не может быть предъявлено – der Schadensersatz statt der Leistung) и наряду с исполнением (der Schadensersatz neben der Leistung), при котором кредитор вправе требовать и исполнения, и возмещения убытков [Ibid. S. 129, 144].

Многообразие обязательственно-правовых отношений предопределяет и разнообразие способов защиты, которые могут применяться их участниками. Например, согласно п. 1 ст. 330 ГК РФ, стороны договора могут предусмотреть уплату неустойки на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обязательства. Таким образом, такой способ защиты, как взыскание неустойки, возможен лишь в обязательственных правоотношениях, причем неустойка может быть установлена законом, а также договором, что позволит эффективнее защитить права кредитора.

Прекращение или изменение правоотношения как способ защиты гражданских прав приобретает особую значимость в таких динамичных правоотношениях, коими являются обязательства. Учитывая особую связанность сторон обязательства, закон предусматривает конкретные средства, с помощью которых можно реализовать данный способ защиты, а также устанавливает ограничения в целях недопущения злоупотребления правом. Так, провозглашая в качестве основополагающего принципа недопустимость одностороннего отказа от исполнения обязательства (ст. 310 ГК РФ), Гражданский кодекс конкретизирует случаи, при которых это всё же возможно, а также допускает возможность установления оснований для такого отказа в договорах, заключаемых сторонами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, что вносит некую ясность в отношения сторон.

Регламентация ответственности сторон обязательства, в том числе с учетом последних изменений

гражданского законодательства, отражает особенности обязательственных отношений и способствует их гармоничной реализации.

В целом нормы субинститута защиты прав кредитора по обязательству в гражданском праве России отражают специфику обязательств, нацелены на надлежащее их исполнение, а также на реальное осуществление прав и обязанностей. Это, в свою очередь, не исключает ряд внутренних противоречий указанного субинститута, трудностей толкования отдельных его норм. В частности, к таковым проблемам можно отнести: многообразие способов защиты при отсутствии четких критериев для выбора необходимого в конкретной ситуации способа; появление новых правовых инструментов, которые могут выполнять функции защиты прав кредитора, однако неясна их правовая природа и правила применения (например, п. 1 ст. 308.3 ГК РФ – «денежная сумма на случай неисполнения судебного акта», ст. 406.1 ГК РФ). Эти и другие проблемы следует решить посредством проведения соответствующих исследований, а также анализа правоприменительной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Груздев В.В. Методология исследования гражданско-правовой защиты // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 3 (44). С. 89–97.
2. Иоффе О.С. Гражданско-правовая охрана интересов личности / под ред. Б.Б. Черепахина. М. : Юрид. лит., 1969. 256 с.
3. Сергеев А.П. Гражданское право : учеб. : в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М. : РГ-Пресс, 2010. Т. 1. 1008 с.
4. Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1997. 331 с.
5. Тарасенко Ю.А. Кредиторы: защита их имущественных прав : учеб.-практ. пособие. М. : Юркнига, 2004. 224 с.
6. Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. М. : Юрид. лит., 1981. 216 с.
7. Базилевич А.И. Формы защиты субъективных гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2001. 205 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС Гарант.
9. Бондаренко С.С. Защита гражданских прав при возникновении угрозы их нарушения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2011. 20 с.
10. Малько А.В. Теория государства и права : учеб. / А.В. Малько, Н.И. Матузов. М. : Юристъ, 2004. 512 с.
11. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 411 с.
12. Аксюк И.В. Содержание защиты гражданских прав // Адвокат. 2013. № 10. С. 19–26.
13. Советское гражданское право : учеб. в 2 т. / под ред. О.А. Красавчикова. М. : Высш. шк., 1985. Т. 1. 544 с.
14. Советское гражданское право : учеб. / под ред. В.Т. Смирнова. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1982. Ч. 1. 414 с.
15. Рожкова М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М. : Волтерс Клувер, 2006. 416 с.
16. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // КонсультантПлюс.
17. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ст. 308.3 // СПС. КонсультантПлюс.
18. Гражданское право : в 4 т. Т. 3: Обязательственное право : учеб. для студ. вузов / отв. ред. Е.А. Суханов. М. : ВолтерсКлувер, 2005. 800 с.
19. Zerres T. Bürgerliches Recht. Berlin : Springer, 2010. 464 s.

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 апреля 2016 г.

ON THE CONCEPT OF PROTECTION OF THE CREDITOR'S RIGHTS IN OBLIGATIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 188–194.
DOI: 10.17223/15617793/408/28

Verkhovets Daria I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: darya.verhovets@gmail.com

Keywords: protection of civil rights; obligation; creditor; protection of creditor's rights; remedies.

The present article deals with some problems relating to the concept of protection of the creditor's rights in obligations. This concept was very often the subject of research. However, there is no unified approach to the concept of the right protection among lawyers. Legal discussion on this question is complicated by the complex, inter-branch nature of the problem of the right protection since different branches of law regulate this relationship. The present article deals with the civil aspect of the protection of civil rights. A new general norm of the amended Civil Code of the Russian Federation sets up some remedies for creditors' rights in the obligation (Article 308.3). The inclusion of the above article was aimed at the determination of legal remedies in obligations and their correlation with other remedies. However, the final version of this norm sets up some legal remedies in obligations and does not go into the problems of correlation with the remedies used in property law or in other branches of law. The changes resulted in the analysis of the concept of civil rights protection and, especially, of the concept of protection of the rights under obligation. The author examines the existing scientific approaches to the concept above, determines the relations between the concepts "protection of civil rights" and "preservation of civil rights" and analyzes the sense of norms in positive law. The present article also deals with the problem of qualification of the right to protection. There are two main approaches to this question: some lawyers consider this right to be an independent subjective one, other lawyers regard it as a part of a particular subjective right. The author gives examples and draws conclusions. Having considered the general concept of protection of rights, she analyzes the characteristics of obligations, the creditor's legal status in obligations. These features predetermine some special qualities of protection of rights under obligation. The author also formulates this concept. The article describes some legal remedies used in obligations, for example, a specific performance. Article 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation sets up this legal remedy as a fundamental one. It corresponds to the basic principle of the law of obligation (the principle of due and effective performance) and European legal tendencies (the present article gives an example of legal regulation of obligation remedies in Germany). In conclusion, the author points out the problems to be solved by lawyers in the course of their theoretical and practical activities.

REFERENCES

1. Gruzdev, V.V. (2015) Metodologiya issledovaniya grazhdansko-pravovoy zashchity [Research methodology of civil and legal protection]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" – Herald of Omsk University. Series "Law"*. 3 (44). pp. 89–97.
2. Ioffe, O.S. (1969) *Grazhdansko-pravovaya okhrana interesov lichnosti* [Civil and legal protection of interests of the person]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
3. Sergeev, A.P. (2010) *Grazhdanskoe pravo: ucheb.: v 3 t.* [Civil law: textbook: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: RG-Press.
4. Tarkhov, V.A. (1997) *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'. Kurs lektsiy* [Civil law. General part. Lectures]. Cheboksary: Chuvash. knizhnoe izdatel'stvo.
5. Tarasenko, Yu.A. (2004) *Kreditory: zashchita ikh imushchestvennykh prav* [Creditors: protection of their property rights]. Moscow: Yurkniga.
6. Malein, N.S. (1981) *Grazhdanskiy zakon i prava lichnosti v SSSR* [Civil law and individual rights in the USSR]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
7. Bazilevich, A.I. (2001) *Formy zashchity sub"ektivnykh grazhdanskikh prav* [Forms of protection of subjective civil rights]. Law Cand. Diss. Ulyanovsk.
8. SPS Garant. (2010) Resolution of the Plenum of the Supreme Court number 10 of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of 29.04.2010 N 22 "On some issues arising in judicial practice in the resolution of disputes relating to the protection of property rights and other proprietary rights". (In Russian).
9. Bondarenko, S.S. (2011) *Zashchita grazhdanskikh prav pri vozniknovenii ugrozy ikh narusheniya* [Protection of civil rights in the event of the threat of their infringement]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
10. Mal'ko, A.V. (2004) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yurist".
11. Gribanov, V.P. (2000) *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [The implementation and protection of civil rights]. Moscow: Statut.
12. Aksyuk, I.V. (2013) Soderzhanie zashchity grazhdanskikh prav [Content of the protection of civil rights]. *Advokat*. 10. pp. 19–26.
13. Krasavchikov, O.A. (ed.) (1985) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo: ucheb. v 2 t.* [The Soviet civil law: textbook: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Vysshaya shkola.
14. Smirnov, V.T. (ed.) (1982) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [The Soviet civil law]. Vol. 1. Leningrad: Leningrad State University.
15. Rozhkova, M.A. (2006) *Sredstva i sposoby pravovoy zashchity storon kommercheskogo spora* [Means and methods of legal protection of commercial dispute]. Moscow: Volters Kluver.
16. Konsul'tantPlyus. (2009) *Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii: odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009* [he concept of development of the civil legislation of the Russian Federation: approved by the decision of the Presidential Council for Codification and Enhancement of Civil Legislation of 07.10.2009]. Moscow: AO Konsul'tantPlyus.
17. Konsul'tantPlyus. (n.d.) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. St. 308.3* [The Civil Code of the Russian Federation. Art. 308.3]. Moscow: AO Konsul'tantPlyus.
18. Sukhanov, E.A. (ed.) (2005) *Grazhdanskoe pravo: v 4 t.* [The Civil Law: in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: VoltersKluver.
19. Zerres, T. (2010) *Bürgerliches Recht* [Civil Law]. Berlin: Springer.

Received: 29 April 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 195–201. DOI: 10.17223/15617793/408/29

УДК 343.126

А.О. Зайцев

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ И БЕСПРИСТРАСТНОСТИ СУДА ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ЛИЦА ПОД СТРАЖУ (МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА)

Проводится оценка роли суда при принятии решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. На основе анализа судебной практики и позиций ЕСПЧ рассматривается вопрос об активности суда при инициировании данного вопроса, а также о критериях его объективности и беспристрастности.

Ключевые слова: заключение под стражу; активность суда; объективность; беспристрастность; отвод судьи; международно-правовые стандарты; Европейский суд по правам человека.

Содержание уголовно-процессуальной деятельности суда и сторон по решению вопроса о заключении под стражу имеет различия в зависимости от стадии процесса. Одним из главных различий считается способ инициирования вопроса об этой мере пресечения, субъекте, который ставит вопрос о мере пресечения в виде заключения под стражу. Так, в стадии предварительного расследования это делает сторона обвинения, и порядок, в котором она это делает, скрупулезно регламентируется УПК РФ.

Полагаем, регулятивное значение международно-правовых стандартов возрастает в судебных стадиях ввиду специфики метода правового регулирования порядка применения мер пресечения, который использовал здесь законодатель. За исключением ст. 255 УПК РФ, непосредственно регулирующей порядок продления срока заключения под стражу, в Кодексе нет уголовно-процессуальных норм, прямо регулирующих принятие решений о заключении под стражу в судебных стадиях. Законодатель использует отсылочные нормы, ориентируя суды на правовую конструкцию, предусмотренную ст. 108–109 УПК РФ.

Презюмируется общая правовая основа для принятия решений о заключении под стражу во всех стадиях уголовного процесса. Не последнюю роль в этом должны играть и международно-правовые стандарты. Однако, как оказалось, не так просто выдержать эти правовые стандарты в судебных стадиях при избрании меры пресечения, продлении срока содержания под стражей, отмене меры пресечения, изменении этой меры пресечения по уголовному делу.

Нельзя не указать на принципиальность позиции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), согласно которой порядок лишения свободы, установленный законом, должен оцениваться с точки зрения того, насколько закон полон и совершенен. Нельзя говорить о законном порядке лишения (ограничения) свободы, если сам закон исчерпывающим образом не регламентирует эту процедуру [1. С. 68–69].

Заметим, что в научной литературе высказывались мнения о принципиальном различии между процедурами заключения под стражу в стадии предварительного расследования и стадии судебного разбирательства; якобы процедуры решения вопроса о мере пресечения в ходе судебного разбирательства вовсе не существует, что ведет к искажению основных гарантий прав личности, регламентированных гл. 13 УПК РФ [2. С. 117]. Правовую неопределенность в этом вопросе усматривают в использовании правых норм, содержащихся в ст. 108, 109 УПК РФ, по аналогии, что якобы ведет к искажению уголовно-процессуального закона.

Надо признать, что в уголовном процессе России применительно к судебным стадиям процедуру принятия решения о заключении под стражу закон исчерпывающим образом не регламентировал.

Нехватка определенности в правовой основе этого института нашла проявление в некоторых стандартах, сложившихся на первоначальном этапе применения УПК РФ, определявших порядок продления срока заключения под стражу обвиняемого по делам, принимаемым судом к производству.

Ввиду отсутствия прямого регулирования суды исходили из того, что содержание обвиняемого под стражей по окончании предварительного следствия автоматически продлевается на предусмотренный ст. 255 УПК РФ шестимесячный срок уже самим фактом поступления уголовного дела в суд. Такое ограничительное толкование, сложившееся в судебной практике, стало на время правовым стандартом принятия решений о заключении под стражу [3], который вступил в явный диссонанс с новыми стандартами, вытекающими из общего смысла нашего закона, подкрепленного международно-правовыми стандартами.

Принципиальный качественный сдвиг в совершенствовании правовых стандартов принятия решений о заключении под стражу обвиняемого в судебных стадиях произошел в середине 2000-х гг. Это не в последнюю очередь связано с внедрением в отечественное уголовно-процессуальное законодательство международных принципов и норм, в том числе решений ЕСПЧ.

Международно-правовые стандарты усваивались отечественной судебной практикой и становились основой формирования соответствующих правовых стандартов главным образом благодаря решениям Конституционного Суда РФ [4]. Затем они нашли подтверждение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ [5] и становились, таким образом, «родными» для национальных судов.

Как отметил Комитет министров Совета Европы, «...можно только приветствовать усилия Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации, направленные на совершенствование судебной

практики в этой сфере и наглядно демонстрирующие возрастающее внимание к этим серьезным проблемам внутри российского судейского сообщества. Несмотря на это, необходимо предпринимать еще более настойчивые попытки с целью эффективного изменения повседневной практики органов власти» [6].

Таким образом, в окончательном виде сформировался следующий правовой стандарт, определяющий современную судебную практику по данному вопросу:

1) недопустимо содержать обвиняемого под стражей без соответствующего судебного решения после направления прокурором или вышестоящим судом уголовного дела на рассмотрение в суд;

2) при поступлении в суд уголовного дела, по которому обвиняемый содержится под стражей, судья обязан проверить, не истек ли установленный ранее вынесенным судебным решением срок его содержания под стражей и не имеются ли основания для изменения меры пресечения;

3) решение о мере пресечения во всех случаях должно быть принято по результатам судебного заседания с участием сторон и по результатам исследованных представленных сторонами обвинения и защиты доказательств; при этом следует руководствоваться общими положениями, закрепленными в ст. 108, 109 УПК РФ.

По справедливому мнению специалистов, данные положения стали отражением международно-правовых стандартов в указанной сфере, а именно норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод и позиций Европейского суда [7. С. 7].

Следует отметить, что порядок принятия решения о мере пресечения в виде заключения под стражу должен быть единым во всех стадиях уголовного судопроизводства и содержать общие гарантии законности и прав личности. Иное понимание противоречило бы основам правового регулирования, которые должны быть едиными для всех стадий уголовного судопроизводства.

Очевидно, что потребность в принятии любого решения, связанного с заключением и содержанием под стражей подсудимого (осужденного), может возникнуть на любой судебной стадии. И надо исходить из того, что общий смысл нашего права, в чем не дает усомниться Конституционный Суд РФ [8], состоит в том, что соблюдение общих требований, предусмотренных ст. 108, 109 УПК РФ, важно при решении вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу во всех стадиях уголовного процесса. Согласно позиции Конституционного Суда РФ «...по смыслу ст. 22, 46 (ч. 1), 48, 118, 120, 123 Конституции РФ, в уголовном судопроизводстве суд как орган правосудия призван обеспечивать справедливую процедуру принятия решения о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения, исходя из одинаковой природы и значения судебных гарантий для защиты прав и законных интересов личности при принятии решений, связанных с ограничением свободы и личной неприкосновенности, вне зависимости от того, на каком этапе уголовного судопроизводства эти решения принимаются» [Там же]. При этом «…судебные гарантии свободы и личной неприкосновенности не могут сокращаться или приостанавливаться и в период после окончания предварительного расследования и передачи уголовного дела в суд. Иное не соответствовало бы самой сути правосудия, обеспечивающего непосредственное действие прав и свобод» [8].

Впрочем, несмотря на все старания Конституционного Суда РФ, нормативные положения УПК РФ не всегда способны обеспечить единообразие судебной процедуры и соблюдение гарантий правосудия. Поэтому вполне исчерпанной проблему нормативного регулирования порядка принятия решений о заключении под стражу в судебных стадиях считать нельзя. Надо признать, что эта позиция близка к международно-правовым стандартам принятия решения о заключении под стражу, выработанным в том числе с участием ЕСПЧ, о которых речь пойдет ниже.

Остановимся на некоторых ключевых элементах механизма правового регулирования отношений, возникающих при принятии судами решений об избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в судебных стадиях, которые зафиксированы в международно-правовых стандартах.

Вначале следует сказать об общем положении суда в этом механизме и правовой модели его деятельности. Поскольку речь идет о судебных стадиях, т.е. о ведении уголовного дела самим судом, следует еще раз подчеркнуть актуальность принципов справедливого судебного разбирательства, сформированных на основе Конвенции о защите прав человека и основных свобод прецедентами ЕСПЧ. В их числе на первом месте стоит принципиальное положение о независимости суда, которое, как уже отмечалось, является частью нашей правовой системы и официальной правовой доктрины. С независимостью суда в процессуальном смысле ЕСПЧ связывает беспристрастность. Независимость и беспристрастность суда – это ценности, которые не требуют особого комментария. Это основа устройства правосудия. Их надо иметь в виду в ходе последующих рассуждений. Со стандартом о независимости / беспристрастности суда связаны две темы, требующие правовой регламентации, или стандартизации. Первая касается тезиса об «активности суда», и здесь есть два момента: во-первых, проявление судом инициативы в принятии решения о заключении под стражу и, во-вторых, его активность в доказывании, т.е. поиске, обоснования своего решения во время судебного заседания, предметом которого является разрешение данного вопроса. Вторая тема, вытекающая и взаимосвязанная как с независимостью / беспристрастностью суда, так и с правильно понятой активностью суда, связана с критериями отвода судьи и недопустимостью рассмотрения и разрешения одним и тем же судьей вопросов, определяющих производство по делу. Итак, активность без пристрастности – вот идеальная модель поведения суда.

Остановимся на методологической проблеме относительно степени активности суда в производстве по делу вообще и в доказывании в частности. Наша правовая доктрина традиционно допускает активность суда в разрешении любого рода правовых вопросов, включая

вопрос о формировании фактических оснований для принятия процессуального решения. Таково концептуальное понимание баланса интересов в уголовном процессе. Поэтому традиционно положительным является ответ на вопрос об активности суда в процедуре принятия решения о заключении под стражу [9. С. 83–87].

При этом общепризнано, что до вступления приговора в законную силу суд должен руководствоваться принципом презумпции невиновности. Второе руководящее начало состоит в состязательности и запрете на выполнение функции обвинения. Однако, с другой стороны, на суде лежит ответственность за принятие окончательного решения по делу, и он должен обеспечить надлежащие условия для достижения цели уголовного процесса. Суд обязан защитить права и свободы не только обвиняемого, но и других участников процесса. Указанные нормативно-правовые детерминанты обусловливают определенную модель активности суда при выработке решений относительно меры пресечения в виде заключения под стражу в рамках той или иной судебной стадии. Публично-правовой мотив традиционно перевешивает соображения, вытекающие из учения о «формальной состязательности» и пассивности суда.

Таким образом, современная доктрина признает правомерным ввиду обеспечения публичных интересов, интересов участников судопроизводства проявление инициативы судом, в производстве которого находится уголовное дело, по постановке и решению вопросов о мере пресечения в виде заключения под стражу, если у суда имеются достаточные основания для этого решения.

Наряду с этой доминирующей позицией, нашедшей подкрепление в праве и правоприменительной практике, высказывается мнение о том, что суд уполномочен применять заключение под стражу по собственной инициативе только в случае, когда обвиняемый, не содержащийся под стражей, скрылся от суда и объявлен в розыск [10. С. 21], когда обвиняемый уклоняется от явки в суд, угрожает в судебном заседании расправой другим участникам процесса, иным способом препятствует, оставаясь на свободе, осуществлению правосудия [11. С. 52]. Представитель данной позиции, К.В. Попов, например, пишет, что суд не должен избирать заключение под стражу при наличии против этого возражений участников со стороны обвинения [12. С. 143].

Однако мнение сторонников состязательности не является доминирующим. Поддержку официальной власти получила позиция сторонников активного участия суда в принятии решения о заключении под стражу. Конституционный Суд РФ сформулировал позицию, согласно которой решение вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу по инициативе суда «не означает, что суд принимает на себя функции стороны обвинения, поскольку правовые и фактические основания для избрания меры пресечения связаны не с поддержкой, а тем более признанием обоснованным выдвинутого в отношении лица обвинения в совершении преступления, а с необходимостью обеспечения условий дальнейшего производства по уголовному делу» [8].

Следовательно, Конституционный Суд РФ подтвердил правомерность принятия судом решения о мере пресечения по своей инициативе и не усмотрел в этом выполнение судом обвинительной функции, что прямо вытекает из необходимости обеспечить решение задач уголовного судопроизводства и соблюдение прав и законных интересов участников процесса, а также достижение целей правосудия. Сформировался правовой стандарт, в соответствии с которым суд, в производстве которого находится уголовное дело, вправе сам возбудить производство по решению вопроса о заключении под стражу. Таков один из собственно отечественных стандартов, который не находит прямого подтверждения в международно-правовых стандартах деятельности органов правосудия.

В окончательном виде о правовом стандарте, сложившемся по данному вопросу, можно сказать следующее. Если вопрос об избрании в отношении подсудимого в качестве меры пресечения заключения под стражу возникает в стадии судебного разбирательства, то решение об этом суд принимает по ходатайству того или иного участника либо по своей инициативе после выслушивания доводов подсудимого, выяснения позиции стороны обвинения, других заинтересованных в исходе дела лиц. Но суд не связан позицией ни с одной из сторон и принимает решение по своему убеждению относительно необходимости заключения (содержания) под стражей в данных обстоятельствах.

Ввиду той ответственности, которую берет на себя суд в подобных ситуациях, необходимо, чтобы не было никаких сомнений в его непредвзятости, объективности и беспристрастности. Европейский суд проводит различие между субъективным подходом, отражающим личные убеждения данного судьи по конкретному делу, и объективным подходом, который определяет, имелись ли достаточные гарантии, чтобы исключить какие-либо сомнения по этому поводу [13].

Объективность и беспристрастность как основные требования к правосудию побуждают законодателя устанавливать целый ряд норм, предусматривающих недопустимость участия в рассмотрении уголовного дела лиц, чье решение, позиция или мнение в силу заинтересованного отношения к уголовному делу могут повлечь его неправильное разрешение. Обратимся к одной из наиболее острых проблем, связанных с проведением принципов законности, независимости суда, а равно и иных руководящих начал процедуры принятия решений о заключении под стражу в судебных стадиях. Речь идет об институте отвода судьи, прямо или косвенно заинтересованного в определенном разрешении вопроса. Этот институт является гарантией беспристрастности судьи, а также правомерности его решения о заключении под стражу, принимаемого в судебных стадиях.

Любое обстоятельство, которое ставит под сомнение беспристрастность судьи, должно повлечь устранение его от участия в производстве по уголовному делу. Статья 61 УПК РФ определяет общий для большинства отводимых участников процесса перечень обстоятельств, исключающих участие в уголовном

судопроизводстве конкретных лиц. Закон запрещает участвовать в производстве по уголовному делу судье, прокурору, следователю и дознавателю, если имеются обстоятельства, дающие основание полагать, что они лично, прямо или косвенно, заинтересованы в исходе данного уголовного дела. В других статьях Кодекса эти обстоятельства конкретизируются в отношении каждого из участников с учетом особенностей их процессуального положения. Применительно к судьям закон не допускает повторного участия судьи в рассмотрении одного и того же уголовного дела в судах различных инстанций (ст. 63 УПК РФ).

Основание для отвода возникает в тех случаях, когда судья ранее высказал позицию в промежуточном решении, в том числе вынесенном в досудебном производстве по вопросам, являющимся предметом судебного разбирательства: относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности выводов о виновности в его совершении обвиняемого и др. (ст. 299 УПК РФ).

В интересах правосудия особенно важно, чтобы судья в ходе судебного разбирательства воздерживался от высказывания любых оценок и выводов по существу рассматриваемого дела вплоть до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, исключив любые проявления предвзятости и необъективности. Если же судья обязан изложить свое мнение в промежуточном судебном решении, ему следует самоустраниться от дальнейшего рассмотрения этого дела.

Следует подчеркнуть, что само по себе участие судьи, рассматривающего уголовное дело в досудебном производстве (без учета принимавшихся им решений и исследованных вопросов), по мнению Европейского суда, не создает еще оснований для признания судьи небеспристрастным [14]. В то же время Европейский суд в некоторых делах приходил к иному выводу в зависимости от специфики конкретных действий судьи на предшествующих этапах судопроизводства и от содержания и мотивировки принятых им решений.

Так, согласно правовым позициям Европейского суда, выраженным в постановлении от 3 февраля 2011 г. по делу «Игорь Кабанов против Российской Федерации», суд, чтобы соответствовать требованиям беспристрастности, помимо субъективной беспристрастности должен быть и объективно беспристрастен, т.е. обеспечивать достаточные гарантии, исключающие всякое законное сомнение в этом отношении. В рамках критерия объективности требуется определить, имеются ли удостоверяемые факты, которые могут вызвать сомнения в беспристрастности судей. При этом даже видимость может иметь значение. От этого зависит доверие, которое суд в демократическом обществе должен вызывать у людей, и в первую очередь у сторон судебного разбирательства [15]. Указанная позиция нашла свое отражение и в решении ЕСПЧ по делу «Хаусхильдт против Дании», в котором Европейский суд усмотрел нарушение права на беспристрастный суд, поскольку председательствовавший в судебном разбирательстве не просто ранее девять раз выносил судебное решение о продлении срока содержания под стражей, но ссылался при этом на то, что имеется «очень высокая степень вероятности» виновности заявителя. Суд счел, что различие между степенью убежденности судьи в виновности, необходимой для вынесения обвинительного приговора и для вынесения решения о продлении срока содержания под стражей, в этой ситуации было слишком тонким и что опасения заявителя поэтому были объективно оправданны [16].

Напротив, по делу «Де Кюббер (De Cubber) против Бельгии» Европейский суд признал нарушение требований беспристрастности судьи при рассмотрении уголовного дела по существу, поскольку судья действовал до судебного рассмотрения им дела в качестве следственного судьи по тому же делу [17]. Л. Лукайдес, анализируя такую практику и критикуя стремление Европейского суда концентрироваться лишь на «внешних проявлениях», а также настаивая на необходимости учитывать в каждом случае реалии ситуации, признает, что «в большинстве дел, в которых Европейский суд установил, что конкретный судья или суд не соответствуют тому, что называется объективной проверкой… имелся действительный факт, представлявший собой на основании соответствующих обстоятельств таких дел реальную опасность отсутствия беспристрастности» [18. С. 8–20].

Из правовых позиций Конституционного Суда РФ, изложенных в постановлении от 2 июля 1998 г. № 20-П, а также определениях от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О, от 17 июня 2008 г. № 733-О-П, от 2 июля 2009 г. № 1009-О-О, от 17 декабря 2009 г. № 1636-О-О и др., вытекает запрет повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела с разрешением вопросов, по которым принимались решения при предыдущем рассмотрении того же дела.

В постановлениях от 2 июля 1998 г. № 20-П и от 23 марта 1999 г. № 5-П Конституционный Суд РФ, исходя из конституционной природы права каждого на рассмотрение его дела справедливым и беспристрастным судом, подчеркнул, что сделанные судьей в процессуальном решении до завершения рассмотрения уголовного дела выводы относительно наличия или отсутствия события преступления, виновности лица в его совершении, достоверности и достаточности собранных доказательств, по иным вопросам, которые могут стать предметом дальнейшего судебного разбирательства, могли бы определенным образом связывать судью при принятии по этим вопросам соответствующих итоговых решений.

Развивая приведенную правовую позицию в определении от 1 ноября 2007 г. № 799-О-О, Конституционный Суд РФ указал, что судья, ранее высказавший в ходе производства по уголовному делу свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участия в дальнейшем производстве по делу в составе суда иной инстанции независимо от того, было ли отменено судебное решение, вынесенное с его участием.

Итак, судья, ранее выразивший свое мнение по предмету рассмотрения, не должен принимать участие в производстве по делу, чтобы не ставить под сомнение закон-

ность и обоснованность принимаемого решения. Участие судьи в рассмотрении дела, если оно связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу, является недопустимым. В иных случаях основания для отвода судей в связи с их предыдущим участием в рассмотрении этого же дела отсутствуют. Не исключается участие судьи в вынесении промежуточных судебных решений по иным вопросам, если они не связаны с предрешением вопросов, подлежащих рассмотрению в предстоящем судебном разбирательстве уголовного дела по существу, либо повторным разрешением вопросов судьей, выразившим ранее по ним свою позицию.

Из анализа судебной практики вытекает вывод о том, что отводы, заявленные со ссылкой на предыдущее участие судьи в рассмотрении вопросов о применении меры принуждения, производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права участников процесса, ОРМ, разрешении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, оставляются без удовлетворения, поскольку если судья в порядке досудебного производства принимал в соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК РФ решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо о продлении его срока, о производстве обыска и (или) выемки в жилище, контроля и записи телефонных и иных переговоров и других правоограничительных действий, то это обстоятельство не является препятствием для его участия в рассмотрении данного дела в судебном заседании суда любой инстанции, поскольку отсутствует общий предмет рассмотрения. Указанная позиция нашла свое отражение в решении ЕСЧП по делу «Белевицкий против Российской Федерации». Суд признал, что не имело место нарушение требования беспристрастности в ситуации, когда судья, рассматривавший дело в отношении заявителя, ранее принимал решение о продлении срока его содержания под стражей, которое было мотивировано, в частности, тяжестью предъявленного заявителю обвинения [19].

Судебная практика по данному вопросу свидетельствует также о том, что в тех случаях, когда судья ранее высказал позицию в промежуточном решении, в том числе в досудебном производстве, по вопросам, являющимися предметом судебного разбирательства (ст. 299 УПК РФ): относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности выводов о виновности в его совершении обвиняемого и др., он не может в дальнейшем участвовать в судебном производстве и подлежит отводу. Так, отменяя приговор Краснослободского районного суда Республики Мордовия в отношении Т., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Республики Мордовия [20] указала, что согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформулированной в том числе в определении от 1 ноября 2007 г. № 799-0-0, участие судьи в рассмотрении дела, если оно связано с оценкой ранее уже исследовавшихся с его участием обстоятельств по делу, является недопустимым, ибо высказанная судьей в процессуальном решении позиция относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности выводов о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности доказательств ограничивала бы его свободу и независимость при дальнейшем производстве по уголовному делу и постановлении приговора или иного итогового решения. В ходе судебного разбирательства эти требования уголовно-процессуального закона не соблюдены. Приговор был постановлен судьей, который ранее в отношении осужденного, принимая решение о продлении срока содержания под стражей и в обоснование своего вывода о необходимости продления меры пресечения в виде заключения под стражу, не только сослался на совершение обвиняемым общественно опасных действий, но и фактически установил в описательно-мотивировочной части постановления обстоятельства инкриминируемых осужденному преступлений, указав, что он из корыстных побуждений похитил лошадь, принадлежащую М. Такой вывод суда находится в явном противоречии с положениями ст. 14 УПК РФ, согласно которым виновность обвиняемого может быть доказана лишь в установленном законом порядке и вступившим в законную силу приговором суда. Данные обстоятельства ограничивали судью в принятии решения по данному уголовному делу и давали повод усомниться в его беспристрастности, что в силу ч. 2 ст. 61 УПК РФ исключало его участие в рассмотрении данного уголовного дела.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия обвинительный приговор Ельниковского районного суда в отношении Т. был отменен, дело направлено на новое судебное разбирательство в ином составе суда в связи с нарушением уголовно-процессуального закона: председательствующая в судебном разбирательстве ранее участвовала в рассмотрении ходатайства следователя об избрании Т. меры пресечения в виде заключения под стражу, при этом в постановлении судьи содержались выводы по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора в совещательной комнате, которые предусмотрены п. 1, 2 и 3 ч. 1 ст. 299 УПК РФ. В частности, постановлением было установлено, что «преступление совершено против жизни человека путем нанесения потерпевшему множества ударов... при этом Т. находился в состоянии алкогольного опьянения... а его поведение во время и после совершения преступления позволяет прийти к выводу о том, что Т. представляет реальную угрозу для общества». При таких обстоятельствах, по мнению суда вышестоящей инстанции, судья была обязана устраниться от участия в производстве по уголовному делу [21].

Апелляционным определением Нижегородского областного суда от 23.11.2015 г. отменен приговор Володарского районного суда Нижегородской области от 25.08.2015 г. в отношении Барскова В.П., уголовное дело направлено на новое судебное разбирательство. Согласно определению единственным основанием для отмены приговора суда послужило то, что председательствующий судья по делу в отношении Барскова, рассматривая вопросы, связанные с продлением срока содержания под стражей Барскову, в постановлении от 05.05.2015 г. констатировал его виновность в совершении инкриминируемого ему деяния, указав, что «Барсков совершил инкриминируемое ему деяние в состоянии алкогольного опьяне-

ния», т.е. выразил свое мнение по вопросам, являющимся предметом судебного разбирательства по уголовному делу при рассмотрении его по существу, до удаления в совещательную комнату для вынесения итогового решения по делу [22].

Есть достаточно обоснованная, с нашей точки зрения, позиция, согласно которой должна быть исключена возможность решения вопроса о мере пресечения в виде заключения под стражу не только тем судом (судьей), по инициативе которого поставлен данный вопрос, но и судом (судьей), который будет в дальнейшем рассматривать уголовное дело. Данные полномочия следует передать другим судьям как в рамках досудебного производства, так и в судебных стадиях уголовного процесса [23. С. 13]. Это может быть как специально отведенный для этого судья в каждом из судов, так и обсуждаемый ныне в науке «следственный судья» [24. С. 9–21]. Однако на данный момент суды руководствуются вышеуказанными сформировавшимися правовыми стандартами, имеющими в своей основе международно-правовую составляющую в виде решений ЕСПЧ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под общ. ред. В.А. Туманова, Л.М. Энтина. М. : Норма, 2002. 336 с.
2. Васяев А.А. Разрешение вопроса о заключении подсудимого под стражу (продление срока содержания его под стражей) в ходе судебного разбирательства // Современное право. 2009. № 3. С. 116–119.
3. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 июля 2005 г. № 66-о05-56 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.04.2016).
4. Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2004 г. № 132-О «По жалобе гражданина Горского Анатолия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 ч. 2 ст. 231 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 9 июня.
5. Постановление Пленума Верховного Суда России от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.04.2016).
6. Меморандум Комитета министров Совета Европы от 12 февраля 2007 г. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 29.04.2016).
7. Колоколов Н.А. Судебные практики станут законом! // Уголовное судопроизводство. 2006. № 4. С. 2–11.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан // Российская газета. 2005. 1 апр.
9. Дикарев И.С. Избрание меры пресечения по инициативе суда // Уголовное право. 2008. № 4. С. 83–87.
10. Попков А.Ю. Применение меры пресечение в виде заключения обвиняемого под стражу при окончании предварительного расследования и на стадии подготовки к судебному заседанию : автореф. дис. …канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. С. 21.
11. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М. : ТК Велби; Проспект, 2006. 192 с.
12. Попов К.В. Проблемы участия суда в применении мер пресечения : дис. …канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 280 с.
13. Постановление ЕСПЧ от 01.10.1882 г. по делу «Пьерсак (Piersack) против Бельгии» // Европейский суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 418–419.
14. Постановление ЕСПЧ от 25.07.2002 г. по делу «Пероте Пеллон (Perote Pellon) против Испании» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 26.02.2016).
15. Постановление ЕСПЧ от 03.02.2011 по делу «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации», жалоба № 8921/05 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2011. № 9.
16. Hauschildt v. Denmark, 24 May 1989 // European Court of Human Rights. Electronic data. Strasbourg, 2010. URL: http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=Hauschildt&sessionid=52370703&skin=hudoc-en
17. De Cubber v. Belgium, 26 October 1984 // European Court of Human Rights. Electronic data. Strasbourg, 2010. URL: http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=De%20%7C%20Cubber&sessionid=52371202&skin=hudoc-en
18. Лукайдес С. Справедливое судебное разбирательство (комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод) // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 8–20.
19. Постановление ЕСПЧ от 01.03.2007 по делу «Белевицкий (Belevitskiy) против Российской Федерации», жалоба № 72967/01 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2007. № 8. С. 47, 69–91.
20. Архив Краснослободского районного суда Республики Мордовия. 2007.
21. Архив Ельниковского районного суда Республики Мордовия. 2015.
22. Архив Володарского районного суда Нижегородской области. 2015.
23. Золотых В. Заключение под стражу по решению суда. Обобщение практики применения ст. 108 УПК РФ // Российская юстиция. 2002. № 11. С. 10–13.
24. Боруленков Ю.П. Следственный судья как «слабое звено» уголовно-процессуального познания // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 3 (20). С. 9–21.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 июня 2016 г.

ON THE OBJECTIVITY AND IMPARTIALITY OF THE COURT IN USING DETENTION (INTERNATIONAL STANDARDS AND RUSSIAN PRACTICE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 195–201.
DOI: 10.17223/15617793/408/29

Zaytsev Alexander O. Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (Moscow, Russian Federation). E-mail: zaytsev.aleksander@bk.ru

Keywords: detention; court's activity; objectivity; impartiality of court; removal of judge; international legal standard; European Court of Human Rights.

The court and parties have different role in deciding the issue of detention. The degree of participation varies at different stages of criminal proceedings. The main difference is in the initiation of the use of this preventive measure. The article characterizes the standard, based on international legal standards, that defines modern court practice in this area. The components of this standard are: inadmissibility of the defendant's detention without a judicial decision; judge's duty to check whether the set term expires and

whether there are grounds for changing the preventive measure; decision about the preventive measure should be made as a result of a court hearing involving the parties and the study of evidence the prosecution and the defense presented. It is noted that the mechanism of legal regulation of relations of using detention ensures effective application of this standard. The author examines several elements of this mechanism. Firstly, the general position of the court and the legal model of its activities. Impartiality and independence of the court are fundamental principles of this element. The article analyzes the thesis of the court's activity, the court's initiative in deciding on detention and its activity in the proving. It is noted that the court has the right to initiate legal proceedings to use detention. This thesis is one of the actual national standards. It is not directly fixed in international legal standards. Secondly, the author focuses on the institution of removal of judge. Any circumstance that questions the impartiality of the judge is a ground for the removal of judge in criminal proceedings. Art. 61 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation establishes common grounds for removal of participants in criminal proceedings. The judge should abstain from making any estimates and conclusions on the criminal case. The participation of judges in a case is not valid, if it is associated with the assessment of circumstances of a case they have previously studied. The position of the ECHR and the existing judicial practice confirm this position. Thus, objectivity and impartiality of the court are of particular importance, and are a guarantee against unwarranted restrictions of rights and freedoms of the accused.

REFERENCES

1. Tumanov, V.A. & Entin, L.M. (eds) (2002) *Kommentariy k Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i praktike ee primeneniya* [Commentary on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the practice of its application]. Moscow: Norma.
2. Vasyaev, A.A. (2009) Razreshenie voprosa o zaklyuchenii podsudimogo pod strazhu (prodlenie sroka soderzhaniya ego pod strazhey) v khode sudebnogo razbiratel'stva [Resolution of the question of the defendant's detention in custody (the extension of his detention) during the trial]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. 3. pp. 116–119.
3. Konsul'tantPlyus. (2016) *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 5 iyulya 2005 g. № 66-o05-56* [The appeal of the Supreme Court of the Russian Federation of July 5, 2005 N 66-o05-56]. Moscow: AO Konsul'tantPlyus.
4. Rossiyskaya gazeta. (2004) Resolution of the Constitutional Court of 8 April 2004 N 132-O "On the complaint of the citizen Anatoly Gorsky on the violation of his constitutional rights by Clause 6 Pt. 2 Art. 231 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation". *Rossiyskaya gazeta*. 9 June. (In Russian).
5. Konsul'tantPlyus. (2016) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossii ot 5 marta 2004 g. № 1 "O primenenii sudami norm Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Resolution of the Plenum of the Russian Supreme Court on March 5, 2004 N 1 "On the application of the rules by the courts of the Russian Federation Code of Criminal Procedure"]. Moscow: AO Konsul'tantPlyus.
6. Konsul'tantPlyus. (2016) *Memorandum Komiteta ministrov Soveta Evropy ot 12 fevralya 2007 g.* [Memorandum of the Council of Europe Committee of Ministers on February 12, 2007]. Moscow: AO Konsul'tantPlyus.
7. Kolokolov, N.A. (2006) Sudebnye praktiki stanut zakonom! [Judicial practice become law!]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo – Criminal Judicial Proceeding*. 4. pp. 2–11.
8. Rossiyskaya gazeta. (2005) Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 22, 2005 N 4-P "On the case on the constitutionality of certain provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the procedure and terms of use of detention as a preventive measure in the stages of criminal proceedings following the end of the preliminary investigation of the criminal case and the direction of the case to court, in response to complaints from a number of citizens. *Rossiyskaya gazeta*. 1 April. (In Russian).
9. Dikarev, I.S. (2008) Izbranie mery presecheniya po initsiative suda [The selection of a preventive measure by a court initiative]. *Ugolovnoe pravo*. 4. pp. 83–87.
10. Popkov, A.Yu. (2009) *Primenenie mery presechenie v vide zaklyucheniya obvinyaemogo pod strazhu pri okonchanii predvaritel'nogo rassledovaniya i na stadii podgotovki k sudebnomu zasedaniyu* [The use of a preventive measure in the form of custody at the end of the preliminary investigation and in preparation for the trial]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.
11. Mikhaylovskaya, I.B. (2006) *Nastol'naya kniga sud'i po dokazyvaniyu v ugolovnom protsesse* [A handbook of judge on proof in a criminal trial]. Moscow: TK Velbi; Prospekt.
12. Popov, K.V. (2004) *Problemy uchastiya suda v primenenii mer presecheniya* [Problems of court involvement in the application of preventive measures]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
13. ECHR. (2000) Postanovlenie ESPCh ot 01.10.1882 g. po delu "P'ersak (Piersack) protiv Bel'gii" [The ECHR judgment of 10.01.1882 on the case Piersack v Belgium]. In: Tumanov, V.A. et al. (eds) *Evropeyskiy sud po pravam cheloveka. Izbrannye resheniya: v 2 t.* [European Court of Human Rights. Selected solutions: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Norma.
14. Konsul'tantPlyus. (2016) *Postanovlenie ESPCh ot 25.07.2002 g. po delu "Perote Pellon (Perote Pellon) protiv Ispanii"* [The ECHR judgment of 25.07.2002 on the case Perote Pellon v. Spain]. Moscow: AO Konsul'tantPlyus.
15. Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka. (2011) Postanovlenie ESPCh ot 03.02.2011 po delu "Igor' Kabanov (Igor Kabanov) protiv Rossiyskoy Federatsii", zhaloba № 8921/05 [The ECHR Decision of 03.02.2011 on the case Igor Kabanov v. the Russian Federation, complaint N 8921/05]. *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka*. 9.
16. European Court of Human Rights. (2010) *Hauschildt v. Denmark, 24 May 1989*. [Online] Available from: http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=Hauschildt&sessionid=52370703&skin=hudoc-en.
17. European Court of Human Rights. (2010) *De Cubber v. Belgium, 26 October 1984*. [Online] Available from: http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/view.asp?item=1&portal=hbkm&action=html&highlight=De%20%7C%20Cubber&sessionid=52371202&skin=hudoc-en.
18. Lukaydes, S. (2004) Spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo (kommentariy k p. 1 st. 6 Evropeyskoy konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod) [Fair Trial (commentary to Para. 1 Art. 6 of the European Convention on Human Rights)]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2. pp. 8–20.
19. Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka. (2007) Postanovlenie ESPCh ot 01.03.2007 po delu "Belevitskiy (Belevitskiy) protiv Rossiyskoy Federatsii", zhaloba № 72967/01 [The ECHR judgment of 01.03.2007 on the case Belevitskiy against the Russian Federation, complaint N 72967/01]. *Byulleten' Evropeyskogo suda po pravam cheloveka*. 8. pp. 47, 69–91.
20. Archive of the Krasnoslobodsky District Court of the Republic of Mordovia. (2007). (In Russian).
21. Archive of the Yelnikovsky District Court of the Republic of Mordovia. (2015). (In Russian).
22. Archive of the Volodarsky District Court of Nizhny Novgorod Oblast. (2015). (In Russian).
23. Zolotykh, V. (2002) Zaklyuchenie pod strazhu po resheniyu suda. Obobshchenie praktiki primeneniya st. 108 UPK RF [Detention by court order. The generalization of the practice of Art. 108 Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 11. pp. 10–13.
24. Borulenkov, Yu.P. (2015) Investigating judge as a "weak link" of criminal procedural proving. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal – Criminalist's Library Scientific Journal***.** 3 (20). pp. 9–21. (In Russian).

Received: 21 June 2016

Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 202–206. DOI: 10.17223/15617793/408/30

УДК 343.4

Т.Г. Терещенко

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ТЕЛЕСНОГО ПОВРЕЖДЕНИЯ, ПОВЛЕКШЕГО ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ СМЕРТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО И ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

Рассматриваются проблемные вопросы отграничения смежных составов преступлений при квалификации общественно опасных деяний, связанных с посягательством на жизнь и здоровье граждан. Автор посредством изучения нормативной правовой базы, следственной и судебной практики показывает основные спорные моменты, возникающие в процессе квалификации умышленного причинения тяжких телесных повреждений и убийств. Предлагается эвристический алгоритм квалификации и отграничения от смежных составов, который может быть использован в практической деятельности сотрудниками правооохранительных органов.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Республики Беларусь; вред здоровью; тяжкое телесное повреждение; отграничение составов преступлений.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) в ч. 3 ст. 147 [1] выделил в особо квалифицирующий признак умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, предусмотренное частями первой или второй, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. На практике вопрос о квалификации содеянного по ч. 3 ст. 147 УК и об отграничении данного преступления от смежных составов решается далеко не однозначно. Такие проблемы возникают, как правило, из-за ненадлежащего установления конкретных признаков, характеризующих как субъективную сторону, так и объективную сторону данного преступления, чему и будет посвящена наша статья.

Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения по своим объективным признакам схоже с убийством и причинением смерти по неосторожности. Анализируя приведенные в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2006 г. № 1 «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения» (далее – Постановление 2006 г.) [2] и Постановлении Пленума Верховного Суда от 17 декабря 2002 г. № 9 «О судебной практике по делам об убийстве» (далее – Постановление 2002 г.) [3] рекомендации, можно отметить, что в основном отграничение от указанных составов проводится по субъективной стороне. Поскольку, устанавливая умысел виновного, следует исходить из намерения последнего лишить человека жизни или причинить вред его здоровью (п. 3 и п. 18 Постановлений 2002 г. и 2006 г. соответственно).

Однако установить содержание и направленность умысла можно только путем тщательного анализа действий преступника и всей ситуации произошедшего, поэтому справедливо обращает внимание Постановление 2002 г. в п. 3 на необходимость определять, в частности, способ и орудия совершения преступления, характер и локализацию ранений, причины прекращения преступных действий, взаимоотношение виновного и потерпевшего накануне преступления и т.п. Особенно это звучит актуально тогда, когда нет иных свидетелей и очевидцев произошедшего, а конфликт имел место один на один между виновным и потерпевшим. Остановимся на некоторых из обстоятельств, которые позволяют детализировать умысел виновного лица.

В первую очередь это характер применяемого орудия наряду со способом его применения. Анализируя данное обстоятельство, следует исходить из того, что, как правило, желание причинить смерть проявляется в использовании предметов, веществ и средств, которые сами по себе при ненадлежащем их применении уже угрожают жизни человека. Например, подливание в еду сильнодействующей кислоты; обливание тела человека легковоспламеняющимися жидкостями с последующим поджиганием потерпевшего и т.п. В отличие, например, от использования палки, доски и пр. и нанесением ими ударов по ногам, рукам, что может свидетельствовать о намерении виновного причинить исключительно вред здоровью потерпевшего. С другой стороны, следует принимать во внимание и интенсивность использования орудия для причинения вреда здоровью вкупе с местом их локализации на теле человека. Так, значительное нанесение количества ударов той же палкой по голове, корпусу тела, в жизненно важные органы указывает на стремление лишить потерпевшего жизни, а не причинить вред его здоровью. Схематично алгоритм определения умысла виновного лица, учитывая вышеназванные обстоятельства, можно представить следующим образом (рис. 1).

Анализ судебной практики показал, что чаще всего имеют место ошибки при квалификации содеянного в случае нанесения ударов в жизненно важные органы (например, однократного) и значительного количества ударов по корпусу тела, в том числе и жизненно важные органы. В этом плане будут примечательными следующие примеры из судебной практики.

Так, обвиняемая В. в ходе возникшей ссоры со своим сожителем, будучи в состоянии алкогольного опьянения, нанесла ему один удар кухонным ножом в область грудной клетки, причинив при этом опасные для жизни повреждения: ранения грудной артерии слева, перикарда, левой доли печени [4]. Органами предварительного следствия действия В. квалифицировались по ч. 1 ст. 14, ч. 1 ст. 139 УК. Однако суд обоснованно не согласился с такой уголовно-

правовой оценкой содеянного, поскольку нанесение только однократного удара ножом в область грудной клетки, не целясь при этом в жизненно важный орган, слабой физически женщиной не приведет к наступлению смерти лица. Нанесение же иных ударов со стороны В. не было, так как она не желала причинить смерть последнему, в связи с чем не предпринимала каких-либо других действий (дополнительных усилий) для наступления такого последствия.

Таким образом, умысел виновной был направлен только на причинение вреда здоровью, что не было учтено следственными органами при оценке произошедшего. Кроме того, поведение виновного после причинения вреда здоровью, хотя и находится за рамками состава преступления, может при определенных обстоятельствах свидетельствовать об отсутствии умысла на причинение смерти. Так, В. вызвала скорую помощь, попыталась сама остановить кровотечение. Однако при определенной ситуации это может быть лишь проявлением деятельного раскаяния виновного, которое не нивелирует содеянное в целом, если характер насильственных действий свидетельствует об умысле на причинение смерти. Но даже если не установлено, что последний желал смерти потерпевшего, то не следует забывать, что при сознательном допущении смертельного исхода либо безразличном к нему отношении содеянное есть не что иное как убийство с косвенным умыслом. Приведем следующий пример.

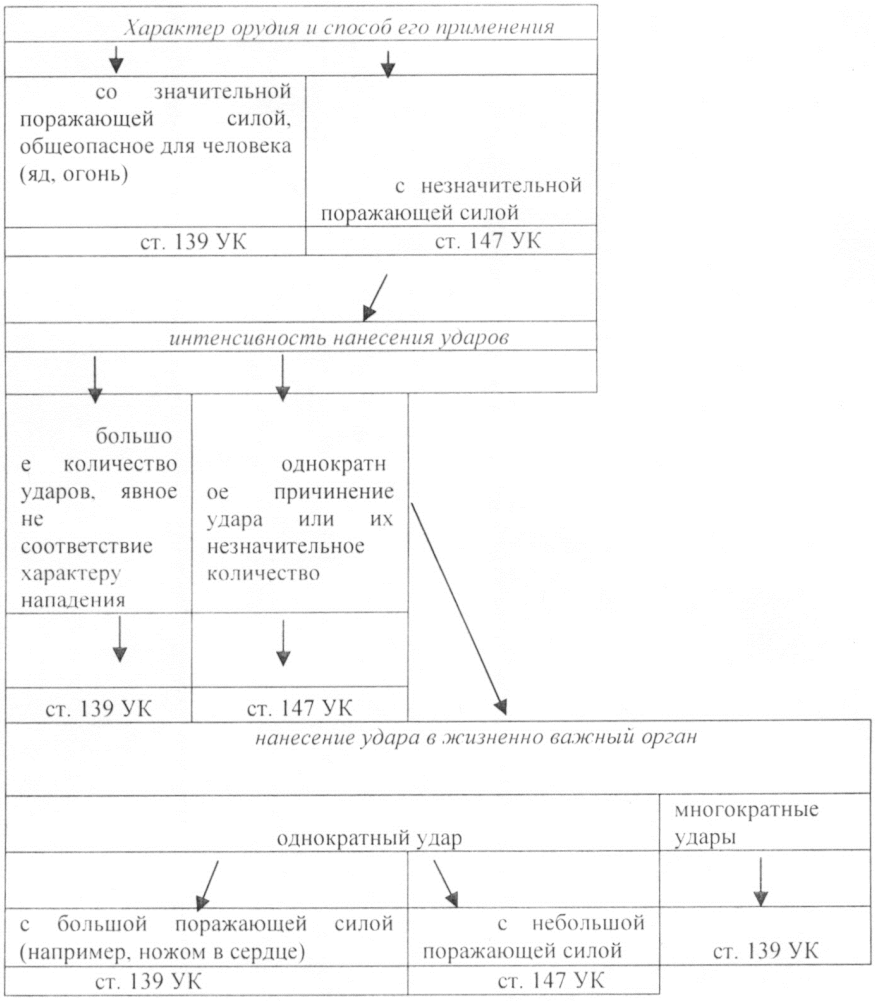

Рис. 1. Эвристический алгоритм квалификации и отграничения от смежных составов

Так, обвиняемый З., будучи в состоянии алкогольного опьянения, в ходе ссоры со своей матерью, умышленно избил ее, причинив не менее 13 ударов по голове и не менее 7 ударов по конечностям, в результате чего потерпевшая скончалась спустя 3–4 часа после произошедшего от закрытой черепно-мозговой травмы, сопровождающейся многочисленными кровоизлияниями в вещество головного мозга [5]. Действия виновного органами предварительного следствия и судом были квалифицированы по ч. 3 ст. 147 УК. В приговоре суд указал: «…обвиняемый З. во время совершения преступления действовал с косвенным умыслом, то есть сознавал общественную опасность своих действий, предвидел их общественно опасные последствия, не желал, но относился к ним безразлично. В действиях З. содержатся признаки истязания, о чем свидетельствует множественное количество нанесенных ударов…». Между тем нанесение множества ударов (13!) кулаком физически развитого мужчины в область головы пожилого человека

с причинением опасных для жизни повреждений, ставших причиной смерти, не только может, но и свидетельствует об умысле на лишение жизни с косвенным умыслом. Этого суд не учел (возможность лишения жизни и с косвенным умыслом) и применил более мягкий уголовный закон. Из этого следует, что еще один фактор, который должен учитываться при оценке содеянного, – это физическое состояние потерпевшего, его пол и возраст. Наглядно показано в нашем примере, что насилие, не представляющее опасности для взрослого здорового человека, может оказаться смертельным для малолетнего, престарелого (пожилого в нашем случае) или больного человека, что не может не осознаваться вменяемым субъектом преступления, исходя из его общего интеллектуального развития.

Причем и от вида умысла, с которым действует виновный, возникают отдельные проблемы при квалификации содеянного. Предлагаем следующие рекомендации по квалификации. В том случае, если виновный действует с прямым конкретизированным видом умысла, то при причинении тяжкого телесного повреждения его действия квалифицируются по соответствующей части ст. 147 УК. В том случае, если он стремится причинить смерть потерпевшему, – ст. 139 УК (соответствующая ее часть), при покушении на причинение смерти лицу – ч. 1 ст. 14, ст. 139 УК (причиненный фактически вред здоровью поглощается и отдельной квалификации не требует).

При неконкретизированном умысле ответственность наступает за фактически причиненное последствие из числа охватывавшихся умыслом виновного, на что прямо указывается в Постановлении 2006 г. (п. 4). Тем не менее квалификация действий по фактически наступившим последствиям, если виновный сознавал общественную опасность своего действия или бездействия, предвидел возможность причинения потерпевшему телесных повреждений любой тяжести и желал этого либо не желал, но сознательно допускал или относился к последствиям своего деяния безразлично, представляется не совсем верной и нуждается в конкретизации. Вопрос о квалификации исследуемого преступления в зависимости от вида умысла (прямой или косвенный) и его «подвидов» (конкретизированный, неконкретизированный, альтернативный) решается по-разному. Кроме того, ситуация может разниться и в случае наступления или ненаступления общественно опасных последствий. Рассмотрим это на примере прямого неконкретизированного умысла.

Так, виновный желает причинить тяжкое телесное повреждение вне зависимости от конкретного признака такового вреда здоровью (опасность для жизни или обезображение лица и т.д.), но в результате вред может не наступить (или причиняется телесное повреждение меньшей степени тяжести), или же причиняется более тяжкое последствие (смерть человека). В первой ситуации полагаем правильным квалифицировать действия по ч. 1 ст. 14 УК и ч. 1 ст. 147 УК. Дополнительной квалификации за фактически причиненный вред здоровью не требуется, поскольку он поглощается умыслом на более тяжкие последствия. В то же время в литературе имеются точки зрения о квалификации в таком случае «с учетом необходимости уголовно-правовой оценки направленности умысла на причинение наиболее тяжкого последствия» [6. С. 48]. То есть если имеется все-таки вероятность наступления смерти, хотя бы и незначительная, то и квалифицировать следует с учетом таковой. Согласимся в этом аспекте с Н.А. Бабием, что «принятие этого положения неверно и будет означать полное отрицание правового значения прямого неконкретизированного умысла, ибо желание менее тяжкого последствия игнорируется вовсе» [7. С. 41–46]. В таком случае безразличное отношение виновного к последствиям своего общественно опасного деяния выражается в том, что последний не предпринимает дополнительных усилий для достижения именно более тяжких последствий (не причиняет смерть потерпевшему). Поэтому более логичным представляется квалификация, предложенная нами выше.

Во второй рассматриваемой выше ситуации – ответственность должна наступать по совокупности преступлений – за покушение на преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 147 УК, и фактически причиненную смерть по неосторожности, что тем самым наиболее полно отразит умысел виновного.

В теории уголовного права выделяют и так называемый общий умысел, который употребляется при характеристике субъективного отношения к последствиям, причиняемым одним из двух равноопасных действий [8. С. 189]. При наличии общего умысла на причинение тяжких телесных повреждений лицо совершает определенное действие, направленное на достижение данного последствия, например уродует лицо своей жертве (но шрам впоследствии оказывается изгладимым), и, полагая достижение результата, тем не менее, ломает потерпевшему ребра, что приводит к пневмотораксу и фактически – к наступлению тяжкого телесного повреждения. Ответственность в таком случае наступает за оконченное преступление, несмотря на то, какими действиями было причинено тяжкое телесное повреждение, а ошибка в виде последствия не изменяет и не отменяет общего умысла на причинение телесных повреждений определенной степени тяжести.

Изучение материалов уголовных дел показало, что чаще всего возникают спорные ситуации при отграничении умышленного причинения тяжкого телесного повреждения и причинение смерти по неосторожности в случае последующего падения от примененного насилия на плоскость (пол, асфальт) или последующим соударении с какими-либо выступающими предметами (угол стены, спинка кровати и т.п.), от чего наступает смерть. Алгоритмы отграничения указанных смежных составов приводим ниже.

В том случае, если имеется прямой умысел по отношению к причинению тяжкого телесного повреждения, а смерть причиняется от падения, то содеянное квалифицируется по ч. 1 ст. 14, ст. 147 УК, ст. 144 УК.

Если по отношению к смерти у лица имеется косвенный умысел, а смерть наступает в результате па-

дения, то содеянное подлежит квалификации по ст. 147 УК, ст. 144 УК. При условии не наступления уголовно-наказуемого вреда здоровью возможно и привлечение к административной ответственности по соответствующей статье за причинение телесных повреждений.

Если причиняется смерть по неосторожности в результате умышленного причинения тяжкого телесного повреждения и произошло падение в ходе причинения вреда здоровью, то содеянное подлежит квалификации по ч. 3 ст. 147 УК, вред от падения не учитывается.

В том случае, если приименное фактически к потерпевшему лицу насилие является по степени тяжести причиненного вреда здоровью тяжким, а смерть наступает в результате падения и сопряжено с получением несовместимого с жизнью телесным повреждением, то содеянное квалифицируется по ст. 147 УК, ст. 144 УК; если же насилие по степени вреда здоровью является менее тяжким телесным повреждением, а смерть наступает также от падения и соударения с поверхностью, то квалифицируется по ст. 149 УК, ст. 144 УК.

Во всех указанных случаях только заключение судебно-медицинской экспертизы должно устанавливать степень тяжести примененного насилия, и какое конкретно из повреждений стало причиной смерти (от удара или падения), что должно быть положено в основу правильной квалификации содеянного. Это один из нюансов. Второй момент – нетяжкое насилие не может само по себе повлечь причинение смерти. Смерть может наступить, но в результате иных объективных причин, например, того же падения на пол и получения несовместимого с жизнью ранения. Именно на этом акцентирует внимание Постановление 2006 г. в п. 20, разъясняя правила квалификации в случае причинения тяжкого и нетяжкого насилия, от которого по неосторожности наступила смерть потерпевшего (по совокупности преступлений, например, ст. 147 УК и ст. 144 УК). Примечательным в этом плане будет уголовное дело в отношении К. [9].

Так, последнему инкриминировалось причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего. Будучи допрошенным в ходе следствия, К. показал, что потерпевший Г. находился в состоянии сильного алкогольного опьянения. К. же вел его домой по проселочной дороге, при этом подталкивал рукой в область туловища, отчего Г., потеряв равновесие, два раза падал на землю и ударялся об нее головой, в результате чего и получил телесные повреждения. Факт умышленного причинения телесных повреждений К. отрицал. Спустя несколько дней Г. от полученных телесных повреждений в виде «кровоизлияния под мягкую и твердую оболочки над правым полушарием головного мозга, кровоизлияния в кожно-мышечный лоскут головы теменной и левой височной области» скончался. И только в ходе повторной судебно-медицинской экспертизы было установлено, что «…телесные повреждения образовались не менее чем от двух травматических контактов с твердым тупым предметом (предметами) с ограниченной поверхностью, что могло быть кулаком руки (молотком), незадолго до поступления в стационар, которые состоят в прямой причинной связи с наступившей смертью и имеют признаки тяжких телесных повреждений… и не могли образоваться в результате падения с высоты собственного роста и последующим соударением с поверхностью земли (пола)». Таким образом, установленные обстоятельства получения телесных повреждений (механизм их образования) опровергали доводы виновного лица о получении тяжких телесных повреждений по неосторожности самим потерпевшим, что не позволило избежать уголовной ответственности К. за совершенное особо тяжкое преступление.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что применение разработанного нами эвристического алгоритма позволит отграничивать смежные составы (умышленное убийство, причинение смерти по неосторожности и умышленное причинение тяжкого телесного повреждения) преступлений друг от друга, но и поможет давать правильную уголовно-правовую оценку содеянному, что напрямую связано с реализацией принципа неотвратимости уголовной ответственности. Кроме того, квалификация причинения тяжких телесных повреждений при неконкретизированном умысле, приводимая в абз. 2 п. 4 Постановления 2006 г., в зависимости от вида умысла и его особенностей проводится различно, что не позволяет во всех случаях формулировать единое законодательное решение – «по фактически наступившим последствиям».

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июля 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года: текст по состоянию на 04 апреля 2015 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. 2016.
2. О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения : Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2006 г. № 1 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. 2016.
3. О судебной практике по делам об убийстве : Постановление Пленума Верховного Суда от 17 декабря 2002 г. № 9 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. 2016.
4. Архив суда Заводского р-на г. Минска за 2013 г. Дело № 13-1222.
5. Архив суда Белыничского района за 2010 г. Дело № 10-0057.
6. Яни П. Сложные вопросы субъективной стороны преступления // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 47–48.
7. Бабий Н.А. Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения: постановление принято – вопросы остались // Юстиция Беларуси. 2006. № 6. С. 41–46.
8. Бабий Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. 592 с.
9. Архив суда Минского р-на за 2007 г. Дело № 07-1675.

Статья представлена научной редакцией «Право» 29 апреля 2016 г.

CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF INTENDED INFLICTION OF GRIEVOUS BODILY HARM THAT ENTAILED DEATH OF THE VICTIM BY NEGLIGENCE, AND DELIMITATION OF ADJACENT CRIMES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 408, 202–206.
DOI: 10.17223/15617793/408/30

Tsiareshchanka Tatsiana G. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus).
E-mail: tati2034@yandex.ru

Keywords: Criminal Code of the Republic of Belarus; injury; grievous bodily harm; delimitation of crimes.

The article investigates the problem of the criminal law understanding and assessment of intentional infliction of grievous bodily harm that entailed death of the victim, and delimitation of the composition of other related socially dangerous acts. Qualification of crimes as a process of establishing and legal confirmation of the identity between the signs of a committed crime and signs of a particular crime, as well as the distinction between the crimes, is a debatable question in the theory and practice of criminal law. Of particular relevance is qualification of socially dangerous acts (including violent attacks on human life and health) that takes into account practical recommendations developed by the Supreme Court of the Republic of Belarus contained in the relevant plenary sessions and practice of criminal justice subjects due to misinterpretation and implementation of certain provisions of the law as a whole. Lack of knowledge of the provisions of criminal law, of the ability to apply this knowledge in practice, competent crime qualification is impossible. Without competent crime qualification one can not ensure the implementation of the principles of justice, the inevitability of criminal responsibility and punishment, individualization of punishment and humanism in the fight against crime. Thus, knowledge of criminal law and the ability to apply correct legal standards contributes to the rule of law in the activities of law enforcement officers and other law enforcement agencies (the Investigative Committee, the Prosecutor's Office). Given the special features and criminological characteristics of violent crimes (a high degree of public danger, destruction of social relations), correct application of the criminal law rules in crime qualification is reasonably necessary. Through the study of legal literature and case law, the author shows the main mistakes made by the investigating authorities, and offers recommendations for correct qualification of crimes. In the course of the criminal law assessment of criminal acts law enforcement authorities need to address the issues of criminal law distinction between them. This is due to the fact that violent crimes (murder, intentional infliction of grievous bodily harm, causing death by negligence) have adjacent signs related to the object, objective and subjective sides. A certain role in the delimitation of crimes belongs to the subjective side, as well as to some other signs that characterize the objective side of these crimes, which is described in the article.

REFERENCES

1. Konsul'tant Plyus: Belarus'. (2016) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus': prinyat Palatoy predstaviteley 2 iyulya 1999 g.: odobren Sovetom Respubliki 24 iyunya 1999 goda: tekst po sostoyaniyu na 04 aprelya 2015 g.* [The Criminal Code of the Republic of Belarus adopted by the House of Representatives on July 2, 1999: approved by the Council of the Republic on 24 June 1999: Text as of April 4, 2015]. Minsk: YurSpektr.
2. Konsul'tant Plyus: Belarus'. (2016) *O sudebnoy praktike po delam ob umyshlennom prichinenii tyazhkogo telesnogo povrezhdeniya: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Respubliki Belarus' ot 29 marta 2006 g. № 1* [On judicial practice in cases of intentionally causing grievous bodily harm: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus of March 29, 2006 N 1]. Minsk: YurSpektr.
3. Konsul'tant Plyus: Belarus'. (2016) *O sudebnoy praktike po delam ob ubiystve: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda ot 17 dekabrya 2002 g. № 9* [On judicial practice in cases of murder: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of 17 December 2002 N 9]. Minsk: YurSpektr.
4. Archive of the Court of Zavodskoy District of Minsk (2013) *Case N 13-1222*.
5. Archive of the Court of Belynichi District (2010). *Case N 10-0057*.
6. Yani, P. (2002) Slozhnye voprosy sub"ektivnoy storony prestupleniya [Complex issues of the subjective side of the crime]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 12. pp. 47–48.
7. Babiy, N.A. (2006) Umyshlennoe prichinenie tyazhkogo telesnogo povrezhdeniya: postanovlenie prinyato – voprosy ostalis' [Deliberate infliction of grievous bodily harm: decision taken – questions remain]. *Yustitsiya Belarusi*. 6. pp. 41–46.
8. Babiy, N.A. (2010) *Ugolovnoe pravo Respubliki Belarus'. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Republic of Belarus. General Part]. Minsk: GIUST BGU.
9. Archive of the Court of Minsk District (2007) *Case N 07-1675*.

Received: 29 April 2016

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНОП Агния Федоровна – канд. ист. наук, доцент кафедры европейских языков Томского государственного университета. E-mail: anop.agniya@mail.ru

АРТЕЕВ Сергей Павлович – преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. E-mail: artsp7@yandex.ru

БАШКУЕВ Всеволод Юрьевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Улан-Удэ). E-mail: seva91@yahoo.com

БЕЛИКОВА Ольга Борисовна – канд. ист. наук, зав. проблемной лабораторией истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. E-mail: bob@mail.tsu.ru

ВЕРХОВЕЦ Дарья Игоревна – аспирант кафедры гражданского права Томского государственного университета. E-mail: darya.verhovets@gmail.com

ВОРОНИНА Людмила Петровна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск); аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: Voroninalp@sibmail.com

ГАШКОВА Ольга Сергеевна – аспирант кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail olga-gashkova@rambler.ru

ГРИК Николай Антонович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: grik_na@mail.ru

ДОЛГАНИНА Анна Алексеевна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: plotnikowa.anna@gmail.com

ЗАЙЦЕВ Александр Олегович – аспирант кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (г. Москва). E-mail: zaytsev.aleksander@bk.ru

ИЗАКСОН Раиса Андреевна – преподаватель кафедры общеправовой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск). E-mail: raysa@mail.ru

КАЗАКОВА Ольга Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета. E-mail: kazakovaoa@tpu.ru

КАРПОВ Виктор Петрович – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: 7654321.58@mail.ru

КОМГОРТ Марина Валерьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета. E-mail: 7654321.58@mail.ru

КОЧНЕВ Антон Владимирович – ассистент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: a.kochnev.usu@gmail.com

КРОТТ Иван Иванович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. E-mail: ivkrott@mail.ru

КУРГАН Марина Геннадьевна – магистрант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: marina_sunrise@mail.ru

ЛИТВИНОВ Александр Валерьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: litvinov1977@tambo.ru

МАНАНКОВ Анатолий Васильевич – д-р геол.-минерал. наук, профессор кафедры динамической геологии Томского государственного университета; профессор кафедры охраны труда и окружающей среды Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: mav.39@mail.ru

МАСЛОВА Екатерина Константиновна – аспирант кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: Ekaterina_maslova@sibmail.com

НЕВЕРОВ Антон Владимирович – аспирант кафедры истории России Сургутского государственного университета. E-mail: a.v.neverov610@mail.ru

НИКИТИН Дмитрий Сергеевич – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, библиограф Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: nikitds33@gmail.com

ПЕРЦЕВ Дмитрий Михайлович – аспирант кафедры всеобщей истории, археологии и антропологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: dima.percev.91@mail.ru

РАСКОЛЕЦ Виктор Владимирович – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: predator-101@mail.ru

САВЕЛЬЕВА Анна Сергеевна – мл. науч. сотр. лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово). E-mail: antverpen@mail.ru

СИНИЧЕНКО Владимир Викторович – д-р ист. наук, начальник кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск). E-mail: raysa@mail.ru

СТЕПНОВ Алексей Олегович – магистрант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: ASAOM@yandex.ru

СТРУЧКОВА Анна Васильевна – аспирант кафедры всемирной истории и этнологии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. E-mail: anna301990@gmail.com

ТЕРЕЩЕНКО Татьяна Георгиевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск, Белоруссия). E-mail: tati2034@yandex.ru

ТОМИЛОВ Игорь Сергеевич – лаборант лаборатории истории освоения Сибири Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: igor.tomilov.85@mail.ru

ФОМИНЫХ Сергей Фёдорович – д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

ШИПИЛИНА Галина Вячеславовна – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных и правовых дисциплин Томского сельскохозяйственного института – филиала Новосибирского государственного аграрного университета. E-mail: shipg@mail.ru

ЩЕРБИНИН Алексей Игнатьевич – д-р полит. наук, зав. кафедрой политологии Томского государственного университета. E-mail: sapfir.19@mail.ru

ЩЕРБИНИНА Нина Гарьевна – д-р полит. наук, профессор кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: sapfir.19@mail.ru

ШУШАРИНА Марина Вячеславовна – аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: marina.metel@gmail.com

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2016 г. был выпущен 401 номер. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2016 № 408 Июль

Председатель научно-редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО

Печатная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакционного совета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 июля 2016 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 24,4. Тираж 250 экз. Заказ № 1989.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректор – Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28